

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

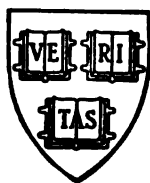
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav
3078.36.
15 (I,1)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

БИБЛИОТЕКА
ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
О
РОССИИ.

БИБЛИОТЕКА
ПОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
О
РОССІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ М. КАЛИСТРАТОВА,
ТРУДАМИ В. СЕМЕНОВА.

І. Барбаро.
А. Контарини.

А. Кампензе.
И. Іосій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ III. ОТДѢЛЕНІА СОБСТВЕННОЙ
Е. И. В. КАНЦЕЛЯРИИ.
1836.

3078.36.15 (I,1)

✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены бы-
ли въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.**

С. Петербургъ, Сентября 24 дня 1836 года.

Ценсоръ А. Кемловъ.

3078.36.15

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

*Просвѣщенное и лестное вниманіе, ко-
имъ Ваше Высокопревосходительство удо-
стоили предпріятіе мое при самомъ нача-
лѣ его и мысль, что Библіотека Ино-
странныхъ Писателей о Россіи, по цѣлѣ
своей и содержанію, имѣетъ уже нѣкото-
рое право на Ваше покровительство, вну-
шили мнѣ смѣлость писать, при выходѣ
въ свѣтъ I-го тома оной, украсить его
именемъ Вашимъ, съ полной увѣренно-
сти, что это имя, съ коимъ неразлучно
помятіе о всемъ истинно высокомъ и по-
лезномъ, будетъ лучшимъ ходатаемъ за
мое изданіе въ глазахъ читателей и луч-
шею порукою той пользы, которую оно*

**можетъ принести Ответственному Про-
свѣщенію.**

**Смѣю надѣяться, что Ваше Высоко-
превосходительство, по испытанной бла-
госклонности Вашей, не отверзнете это-
го слабого знака усердія моего, тѣмъ бо-
лье, что предметъ моего изданія есть
Россія, близкая Вамъ и по чувствамъ Ва-
шимъ, и по тому высокому званію, въ ко-
торое Вы облечены довѣренностію ВСЕ-
МИЛОСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ.**

**Да послужитъ же это приношеніе за-
ловою искренней моей преданности и то-
го глубокаго уваженія, которое я не пре-
стану никогда питать къ Вамъ, какъ къ**

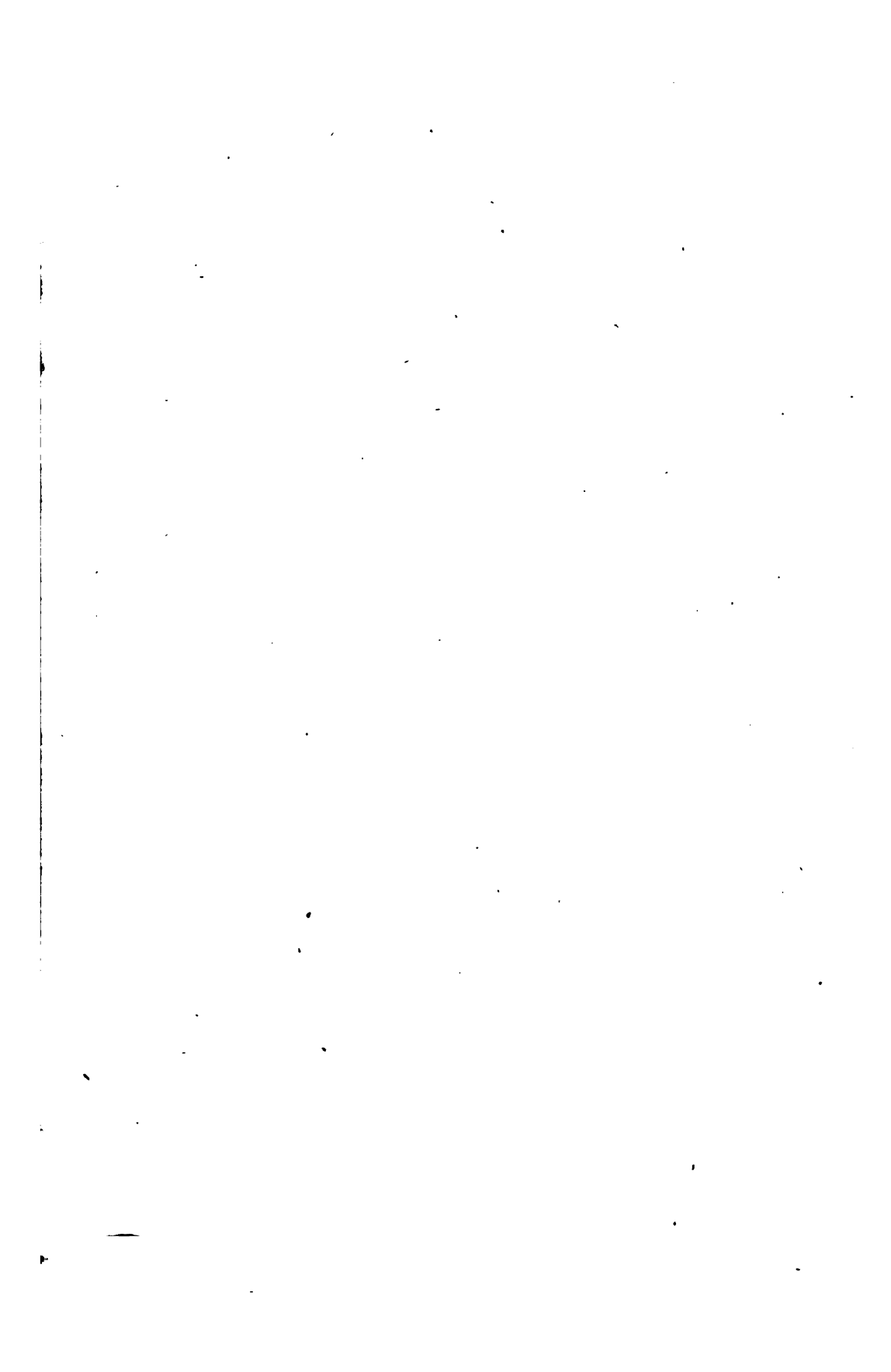
**истинному ревнителю благодѣтельно.
Просвѣщенія въ Отечество наше.**

**Съ глубочайшимъ почитаніемъ и безпре-
дѣльною преданностію гостъ имѣю быть,**

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

покорнѣйшій слуга

Михайла Калистратовъ.

ВЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Говорить здѣсь что либо о пользѣ изданія Библіотеки Иностраннхъ Писателей о Россіи почитаю я неумѣстнымъ и излишнимъ. Лестное одобреніе, съ которымъ программа этого изданія была принята Литтераторами и Ученными нашими и благосклонные отзывы, коими многіе изъ нихъ почтили наше предпріятіе, служатъ яснымъ и неоспоримымъ доказательствомъ тому, что мысль Г. Калистратова соединить въ одномъ твореніи всѣ извѣстныя сказанія чужеземцевъ о древнемъ отечествѣ нашемъ возбудила дѣятельное и благосклонное участіе во всѣхъ ревнителяхъ Просвѣщенія. Но тѣмъ свѣтлѣе и полезнѣе основная идея какого либо предпріятія, тѣмъ совершеннѣе должно быть исполненіе его и тѣмъ труднѣе для Издателя удовлетворить требованія и ожида-

особенныхъ вариантахъ показана разница между изданіями. Это измѣненіе въ планѣ творенія, увеличивъ значительно объёмъ его (первый томъ вмѣсто обещанныхъ 26 листовъ заключаетъ въ себѣ 40), поставило редакцію въ необходимость замедлить выпускъ своего изданія, въ той увѣренности, что существенное улучшеніе книги будетъ для нее достаточнымъ оправданіемъ въ глазахъ тѣхъ изъ читателей, которые предпочитаютъ полноту труда скорости исполненія. Къ первому тому предполагалось сверхъ того приложить вѣрный снимокъ съ карты Ницигани, составленной въ 1367 году и никогда еще не изданной (*). Къ сожалѣнію по обстоятельствамъ, вовсе независѣвшимъ отъ редакціи, гравированіе этой драгоценной карты задержалось и она будетъ выпущена уже со вторымъ томомъ.

Въ заключеніе остается мнѣ только упомянуть здѣсь объ именахъ тѣхъ особъ, которыя дѣятельнымъ участіемъ своимъ и благоразумными совѣтами облегчили мнѣ

(*) Подлинникъ этой любопытной карты хранится въ Парижѣ; копія же съ нее прислана была въ 1820 году Эрцгерцогиней Марією-Луизою въ даръ покойному Канцлеру Графу Н. П. Румянцову и нынѣ находится въ его Музее.

тягость исторических изысканій, трудных по существу своему и почти вовсе для меня новыхъ. Въ просвѣщѣнномъ содѣйствіи Ихъ Превосходительствъ **Ө. П. Аделунга, Д. И. Языкова и Х. Д. Френа, Гг. П. И. Кеппена, А. В. Терещенко** и многихъ другихъ нашелъ я новыя доказательства той благородной любви къ наукамъ, которая всегда одушевляла ученыхъ нашихъ. Радшіе, съ коимъ всѣ они, наперерывъ одинъ передъ другимъ, раскрывали передо мною сокровищницы своихъ знаній, никогда не изгладится изъ памяти и сердца моего, и если трудъ мой можетъ имѣть хотя нѣкоторый успѣхъ въ кругу читателей образованныхъ, то этимъ успѣхомъ преимущественно буду я обязанъ ихъ благородному содѣйствію, ихъ просвѣщеннымъ и полезнымъ совѣтамъ.

В. Семеновъ.

I.

ГОСАФАТЬ ВАРВАРО.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

Т А Н У

ГОДАФАТА ВАРВАРО,

ВЕНЕЦІАНСКАГО ДВОРЯНИНА.

Переводъ съ Италіанскаго

В. С.

**DI MESSER JOSAFÀ BARBARO,
GENTIL'HUOMO VENETIANO,
IL VIAGGIO DELLA TANA.**

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІИ

О Т Ъ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Фамилія Барбаре хотя и не принадле-
житъ къ числу вѣнцѣйскихъ Венеціанскихъ
фамилій (а); но не смотря на то занимаетъ
важное мѣсто въ Политической и Литтера-
турной Исторіи этой республики. Ея обя-

(а) Знатѣйшихъ фамилій въ Венеціи считалось прежде 12,
отъ имени двѣнадцати Трибуновъ, утвердившихъ независимость
республики въ бывшихъ въ 694 году избирателяхъ перваго До-
жа. Вотъ они: *Контарини, Моросини, Вадзаро, Тіеполо, Ми-
хели, Санудо, Градениго, Маммо, Фаріери, Дандоло, Пролани*
и *Бароцци*. Къ этимъ двѣнадцати фамиліямъ, называемымъ
обыкновенно двѣнадцатымъ Апостолами, присоединены въ 800
году еще 4 фамиліи, извѣстныя подъ именемъ четырехъ Еван-
гелистовъ, а именно: *Фустиніана, Жорджо, Фредини* и
Балбо. Въ послѣдствіи къ нимъ прибавлено еще 8 фамилій,
какъ то: *Кампини, Дельфини* и т. д.; такъ что главнѣйшая
Аристократія Венеціанской Республики, до паденія ея, состояла
изъ 24 знатѣйшихъ семействъ. Все, что не принадлежало къ
этимъ 24-мъ семействамъ, считалось уже дворянствомъ второсте-
пеннымъ и не могло имѣть претензій на избраніе въ достоин-
ство Дожа.

зана Венеція многими искусными Дипломатами и храбрыми военачальниками; ей одолжена Западная Церковь нѣсколькими мудрыми и просвѣщенными Прелатами; наконецъ ей обязана словесность Италіи четвертими знаменитными учеными, а именно: *Франческо*мъ Барбаро, жившимъ въ началѣ XV столѣтія и извѣстнымъ многими Филологическими изысканіями, преимущественно же превосходнымъ переводомъ нѣкоторыхъ жизнеописаній Плутарха; *Ермолао*мъ Барбаро, славнымъ въ ученое міръ переводомъ Аристотеля и драгоценными комментаріями на сочиненія Плинія старшаго; *Данило*мъ Барбаро, издавшимъ превосходные комментаріи на Витрувія и подарившимъ сверхъ того изящныя искусства особеннымъ, доселѣ еще уважаемымъ разсужденіемъ о перспективѣ, и наконецъ *Иосафато*мъ Барбаро, Авторомъ предлагаемаго здѣсь путешествія.

Иосафатъ Барбаро родился по всему вѣроятію въ началѣ XV столѣтія. Въ 1436 году, по собственному его показанію, принималъ онъ путешествіе въ Тану (б), гдѣ

(б) Барбаро отправился въ Тану въ зрѣломъ по коммерческомъ дѣлѣ, а не въ званіи посла Венеціанской Республики, какъ утверждаетъ Форстеръ; ибо Венеція не имѣла никакой нужды посылать особенныхъ пословъ въ разныя Генуэзскія колоніи. Къ тому же самъ Барбаро не только нигдѣ не говоритъ,

и пробыть 46 лѣтъ; въ 1469 году находив-
ся Проведникромъ Венеціанской Республи-
ки въ Скутари, въ Албаніи, а съ 1471-го
по 1479 годъ былъ посломъ Венеціанскимъ
при Дворѣ Персидскаго Государя Узунъ-
Гассана. Онъ умеръ въ глубокой старости
и похороненъ въ церкви Св. Франческо дел-
ла Винья. О времени кончины его свидѣ-
тельствомъ слѣдующая надгробная над-
пись, приведенная въ Giornale de'Letterati d'Ita-
lia T. XVIII p. 406.

Sepultura M. D. Josaphat
Barbaro de Confinio
sante
Marie Formoxe et eius
heredum

MOCCCLXXXVIII.

**Заслуги Исааката Барбаро на поприщѣ
науки весьма значительны. Путешествіе
его въ Тану и Персію впервые познако-
миле ученую Европу съ странами, лежащи-
ми между морями Каспійскимъ и Чернымъ.
Въ этомъ путешествіи, какъ справедливо
замѣчаетъ Бекманъ (в), наблюдательный**

чтобы какія либо политическіе виды заставляли его въ теченіе
16 лѣтъ пробыть въ Танѣ; но напротивъ того во многихъ мѣ-
стахъ (при описаніи клада въ горахъ Контеббе, приближенія
Хана и рыболовныхъ тоней) ясно намѣкаетъ, что торговые
обороты были единственною причиною долговременнаго отсут-
ствія его изъ отечества.

(в) Litteratur der älteren Reisebeschreibungen, von Johann
Beckmann. Göttingen 1807. p. 169.

История легко отыщется драгоценными и еще никемъ неоткрытыми частями чистѣйшаго самороднаго золота и множество любопытныхъ свѣденій, могущихъ служить важными пособиями для Географіи и Исторіи среднихъ вѣковъ (г).

Путешествіе Барбаро было издано въ первый разъ въ Венеціи извѣстными Анто-ніемъ Мануціо въ 1543 году (д), а потомъ уже перепечатано знаменитымъ Рамузіо въ 1606 году (е). Текстъ, помѣщенный нами

(г) Извѣстный ориенталистъ Гаммеръ въ своей сравнитель-ной картѣ береговъ Чернаго моря, напечатанной въ 65-мъ томѣ Вавскаго литературныхъ этюдовъ, весьма часто, хотя и не всегда съ пользою, руководствовался показаніями Барбаро.

(д) Этотъ сборникъ былъ весьма редокъ. Вотъ его загла-віе: *Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India et in Costantinopoli: con la descrittione particolare di Città, Luoghi, Siti, Costumi, et della Porta del gran Turco: et di tutte le Imperie, state et modo di governo suo, et della ultima Impresa contro Portoghesi.* Aldus. Vinegia. MDXLIII. Ученый Манукели въ сочиненіи своемъ, подъ названіемъ: *Scrittori d'Italia* (р. 270), упоминая еще о другомъ Мануціевомъ сборникѣ, напечатанномъ якобы въ 1545 году и въ которомъ помѣщено путешествіе Барбаро. По видимому это должна быть ошибка, ибо изданіе 1545 года нигдѣ не находится.

(е) Вотъ заглавіе Рамузіева сборника: *Delle navigationi et viaggi, raccolte da M. Gio. Battista Ramusio, et illustrati con molti vaghi Discorsi da lui dichiarati.* 2-й томъ стараго сборника занимательнѣе для насъ двухъ прочихъ; ибо въ немъ помѣщены путешествія Марко Поло, Барбаро, Контарини и сказанія А. Кампензе, П. Юлиа, Герберштейна, Гвальдио и Мухомедоваго; однимъ словомъ почти все то, что до половины XVI столѣтія писано было о нашемъ отечествѣ. Сборникъ этотъ также очень

ниже: 1440, записаны въ сборникъ Мануиола; различіе же между нимъ и изданіемъ 1543 года находится въ особенныхъ запискахъ.

Наконецъ, касаясь образовъ путешествіи Барбаро, сталъ важнее по содержанию своему и по тѣмъ драгоценнымъ свидѣніямъ, которыя Авторъ сообщаетъ о Космографии среднихъ вѣковъ, не было доселѣ переведено ни на одинъ изъ новѣйшихъ языковъ, тѣмъ болѣе, что Итальянскій подлинникъ весьма рѣдокъ. Латинскій переводъ, сдѣланный Геудернъ сынъ Герольцбургонъ и надѣятельный въ *Patii renaissance historia* (p. 441), къ сожалѣнію весьма повѣренъ и отсюда не можетъ служить авторитетомъ въ важныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Форстеръ (ж), Бекманъ (з) и Цурла (и) въ сочиненіяхъ своихъ помѣстили краткія выписки изъ путешествія Барбаро; но эти выписки, при

радонъ; но я имѣю случай; по особенной благосклонности Ея Высочайшескаго Высочайшаго А. Н. Олсина, пользоваться имъ, равно какъ и сборникомъ А. Мануиола, изъ Императорской Публичной Библиотеки.

(ж) *Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden*, von Johann Reinhold Forster. Frankfurt an der Oder. 1784. p. 203.

(з) *Litteratur der älteren Reisebeschreibungen*. p. 165.

(и) *Di Marco Polo e degli altri viaggiatori Veneziani più illustri*. Dissertazioni del P. Ab. D. Placido Zurlo. Venezia. MDCCCXIX. vol. II. p. 209.

всей ихъ точности, не могуъ имѣть удовольствіе любознательности респектабельнаго и осторожнаго изыскателя.

Наложивъ здѣсь въ немногихъ словахъ все то, что я могъ собрать достовернаго о жизни и твореніяхъ Иосафата Барбаре, во излишнимъ почитаю, для лучшаго уравнинія читателей, присовокупить къ сему еще краткое историческое свидѣніе о городѣ Танѣ, (нынѣшнемъ Азовѣ); заимствованное мною изъ извѣстнаго сочиненія Байера, переведеннаго на Русскій языкъ Таубертомъ⁽ⁱ⁾.

Городъ Танансъ или Тана (такъ называютъ его Италіянцы), занимавшій столь важное мѣсто въ Исторіи торговли древнихъ и среднихъ вѣковъ, получилъ наименованіе свое отъ рѣки Танаиса (Дона) и былъ построенъ при устьѣ сей рѣки Греками, еще за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. Шарденъ сомнѣвается, чтобы нынѣшній Азовъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ существовалъ древній Танансъ, и полагаетъ между ними около 12 миль разстоянія. Хотя не во всемъ можно согласиться съ ученымъ путешественни-

(i) Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, от созданія сего города до возвращенія оного подъ Россійскую Державу. Переведено съ нѣмецкаго языка чрезъ I. К. Тауберта, Академіи Наукъ Адъюнкта. С. П. 6. 1738.

известно, однако довольно приблизительно, что назван Азозъ лежить вѣроятно даже отъ моря, чѣмъ Греческій городъ; ибо Барбаре на путешественникъ своего (Глава III) довольно ясно говоритъ, что древній Танаисъ находился вѣдь стѣна той Тамы, восторку еяъ описывается. Довольно полагать, что Танаисъ былъ переведенъ на новое мѣсто или послѣ разрушенія его Ноломеномъ, или послѣ нашествія Тимурлана въ 1395 году. Впрочемъ не надлежитъ никакому сомнѣнью, что названный Азозъ есть тотъ самый городъ, о которомъ упоминаетъ Барбаре.

По свидѣтельству Страбона древній Танаисъ былъ общинъ торговымъ пунктомъ народовъ Европы и Азии: Въ ста стадіяхъ отъ него находились островъ Алопенія, или такъ называемый Лисій островъ, гдѣ проживали для торговыхъ дѣлъ тѣ изъ пестителей Танаиса, которыхъ не позволялось селиться въ Греческомъ городѣ.

Въ началѣ 3-го вѣка до Р. X. Танаисъ со многими городами Тавриды подпалъ подъ власть Босфорскихъ Тирановъ; въ 115 году былъ завоеванъ знаменитѣйшъ Митридатомъ и приобщенъ имъ къ числу городовъ Царства Боспорскаго; а въ 14-мъ году достался въ руки Понтійскаго Царя Полемона, получившаго это Царство во владѣніе отъ Императора Августа. Сепротимѣіе, сказан-

ное жителю Тананса. Иностранцу, пошед-
ло отъ Басудара разорить этотъ городъ, но
потомъ, удостоверившись въ важности его
въ политическомъ и коммерческомъ от-
ношеніи, онъ началъ приобретать разру-
шенныя имъ стѣны, и такима образомъ Та-
нансъ, возманивъ изъ себя, снѣжа, содѣ-
лаемъ предвѣстіемъ торговли между Ба-
ромъ и Азією.

При Императорѣ Діоклитіанѣ Танансъ,
вмѣстѣ съ прочими городами Царства Воссер-
скаго находился подъ властію Сориатовъ,
отъ которыхъ въ IV столѣтіи по Р. Х. пе-
решелъ въ руки Гунновъ, а въ VII вѣкѣ
содѣлаемъ достояніемъ Хазаровъ. — Въ
концѣ X столѣтія онъ, по всему вѣроятію,
подпалъ подъ скипетръ Великаго Владими-
ра, столь счастливаго въ войнахъ противу
Печенеговъ и Хазаровъ, и отданъ имъ былъ,
вмѣстѣ съ Тмутараканью (нынѣшнимъ Тем-
рюкомъ), въ удѣлъ сыну его Мстиславу.
Въ XII столѣтіи Танансъ являлся уже подъ
властію Румановъ или Половцовъ, отъ ко-
торыхъ, какъ должно предполагать, получили
онъ нынѣшнее названіе свое Азова, на имен-
но Князя изъ Алуна или Алуца, убитаго, по
свидѣтельству Стриковского, въ 1103 году,
а въ XIII столѣтіи мы видимъ уже его въ
рукахъ Гемудавъ, содѣлавшихъ сей го-
родъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ для

торгонам своей съ Двостепенно Индіанъ. При
открытіи племени Татарскихъ, названнаго
иныхъ съ XIII. вѣка, все истинноста
честъ Кирова, Тамара. Безъ сомнѣнія пер-
же началась война събсе являющую власть
оныхъ дѣиыхъ завоевателей. По крайней
мѣрѣ до сихъ еще существовала Ассирій-
ская война XV вѣка съ племенъ Хама Тохта-
иша.

Въ 1593 году Азовъ былъ до основанія
разрушенъ иноплеменныиъ Тамерланомъ, а
въ 1441 году завоеванъ Турками, которые
дали ему названіе Адава. Съ этой поры
древнее имя Таганса совершенно исчезаетъ
въспѣтъ съ торговлею и богатствомъ сего го-
рода, содѣлавшагося добычею побѣдителей. —
Съ началомъ XVI столѣтія Азовъ началъ
подвергаться частымъ нападеніямъ Нога-
комъ, обитавшихъ по берегамъ Дона, а въ
1637 году народъ этотъ, въ союзѣ съ За-
морожцани учинилъ стремительный набѣгъ
на берега Азовскаго моря, отнялъ Азовъ у
Турокъ и, не смотря на всѣ усилія Порты,
владелъ имъ до 1642 года. Въ 1696 году
небѣдоносное воинство Великаго Петра
возвратило городъ сей, древнее достояніе
Князей Русскихъ, подъ державу Россій-
скую; но несчастный Прутскій миръ при-
нудилъ Императора въ 1712 году уступить
его опять Туркамъ. Наконецъ въ 1736 го-

ду онъ былъ исключительно зависялъ Россіею и съ той поры призналъ надъ собою власть этой могущественной Державы. Въ продолженіе 20 столѣтій Азовъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ между Европою и Азією. Но смотря на неоднократное разореніе его, не смотря на частые переходы отъ однихъ властителей къ другимъ, онъ все еще не преставае сохрaнять могущества и богатства своего, но съ одной стороны завоеваніе его Турками, а съ другой открытіе Португальцами новаго пути въ Индію, мало по малу уничтожили политическую славу и торговую значительность этого древняго и некогда столь цвѣтущаго города.

Азовъ составляетъ нынѣ посадъ Екатеринославской Губерніи. Онъ находится надъ 47° 6' Сѣверной широты и 39° 23' Восточной долготы.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Земля наша (по точному исчисленію Геометровъ) въ отношеніи къ цѣлой вселенной есть только малая точка въ обширномъ кругѣ; обитаемое же пространство ея еще менѣе потому, что значительная часть всей земли покрыта водою, или неудобна для жительства по причинѣ слишкомъ холодной и слишкомъ жаркой температуры. Со всѣмъ тѣмъ ничтожество человѣка такъ велико, что мало найдется людей, которые бы осмотрѣли значительную часть земнаго шара и, если не ошибаюсь, не найдется ни одного, кто бы объѣхалъ все его пространство.

Ч. I. I. Барбаро.

Въ настоящее время болѣе другихъ знакомятся съ планетою нашею мореплаватели и купцы. Въ обоихъ этихъ ремеслахъ издавна славятся отцы и сограждане мои Венеціане¹⁾; и можно сказать безпристрастно, что они стяжали въ семъ отношеніи первенство предъ всѣми прочими народами; ибо съ тѣхъ поръ какъ Римская Имперія, прежняя повелительница міра, утратила свое могущество, и племена, населяющія землю, такъ сказать разрознѣлись между собою различіемъ языка, нравовъ и вѣроисповѣданій, — значительнѣйшая часть меньшаго обитаемаго пространства земнаго шара осталась бы совершенно неизвѣстною, если бы Венеціанскіе купцы и мореплаватели, по мѣрѣ силъ своихъ, не потѣнились открыть ее предъ очами міра.

Въ числѣ путешественниковъ, посвятившихъ себя на обозрѣніе странъ неизвѣстныхъ, я безъ хвастовства смѣю поставить имя свое; ибо всю юность мою и большую часть преклонныхъ дней провелъ въ мѣстахъ отдаленныхъ, между варварскими племенами, посреди людей, совершенно незнакомыхъ съ нашими просвѣщеніемъ и съ нашими обычаями. Тамъ то видѣлъ я и испыталъ многое, что для непривычнаго слуха и для людей, никогда не выѣзжавшихъ за черту Венеціи, можетъ по-

казаться сущюю басню. Это опасеніе было главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что я доселѣ не заботился объ изложеніи на бумагу наблюденій моихъ и даже воздерживался отъ самыхъ разсказовъ.

Нынѣ же вынужденъ будучи просьбами особы, имѣющей полное право мнѣ приказывать, и извѣстившись что много, по видимому неутроитнаго, заключается въ твореніяхъ Плинія ²), Солина ³), Помпонія Мелы ⁴) и Геродота ⁵), а между новѣйшими въ повѣствованіяхъ Марко Поло ⁶) и Николо Конте ⁷) и современныхъ путешественниковъ: Піетро Квирино ⁸), Алонзіа да Мосто ⁹) и Амвросія Контарини ¹⁰), я рѣшился описать все видѣнное мною во славу Господа, избавившаго меня отъ безчисленныхъ опасностей, въ удовольствіе тому, кто понудилъ меня къ этому труду, въ наставленіе потомкамъ нашимъ и особенно тѣмъ, которые посѣтятъ страны, мною осмотрѣнныя, въ утѣшеніе любителей новизны и въ пользу нашего отечества, если оно со временемъ вздумаетъ посылать кого либо въ описанныя мною земли. Разсказъ свой намѣренъ я раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ первая будетъ посвящена описанію путешествія моего въ Тану (Азовскую землю ¹¹), а вторая поѣздкѣ въ Пер-

сію (*); но ни въ той, ни въ другой части не упоминаю я ни разу о трудностяхъ, неудовольствіяхъ и опасностяхъ, мною претерпѣнныхъ.

(*) Эта вторая часть, какъ не относящаяся до Россіи, не войдетъ въ составъ нашей Библіотеки. (Прим. Редакт.)

**ПУТЕШЕСТВІЕ
ГОСАДАТА ВАРВАРО
ВЪ ТАЛУ.**

Г Л А В А I.

О рѣкѣ Эрдиш¹⁾), иначе называемой Волгою, о границахъ Татаріи; о рѣкахъ Элисъ²⁾ и Дунай; о провинціи Аланіи и причинахъ, по которымъ она называется симъ именемъ; о надгробныхъ памятникахъ Татаръ³⁾; о горѣ Контеббе и городѣ Дербентѣ; о кладѣ, скрытой въ означенной горѣ и о томъ, какъ Авторъ, провѣдавъ о семъ, отправился съ нѣкоторыми купцами и рабочими людьми для отысканія его и какія вещи нашелъ онъ тамъ.

Въ 1436 году предпринялъ я путешествіе Отъѣздъ въ свое въ Талу, на которое посвятивъ шестнад- Талу.
цать лѣтъ моей жизни, обозрѣвъ въ теченіе

Границы
Татарин.

этого времени всѣ земли, къ ней прилежащія. Татарская степь граничитъ съ Востока рѣкою Эрдилю (Erdil), иначе называемымъ Волгою, съ Запада Польшею, съ Сѣвера Россіею, а съ Южной стороны, обращенной къ большому морю (mare maggiore¹⁵) Аланіею¹⁶), Куманіею¹⁷) и Хазаріею¹⁸). Всѣ эти области находятся на берегу Забакскаго моря¹⁹) или Меотійскихъ болотъ.

Аланія.

Опредѣливъ такимъ образомъ границы Татаринъ, я, для лучшаго уразумѣнія читателей моихъ, начну путешествіе свое съ описанія Чернаго моря и твердой земли, къ нему прилежащей, до рѣки, именуемой Элисъ (Elise), отстоящей отъ Кафы на сорокъ миль. Переправившись чрезъ сію рѣку, достигъ я Монкастро²⁰), гдѣ течетъ знаменитая рѣка Дунай, а оттуда уже пустился въ дальнѣйшій путь свой, котораго не считаю нужнымъ описывать, ибо эти мѣста довольно всѣмъ извѣстны. — Аланія заимствовала имя свое отъ народа Аланскаго, называвшаго себя на своемъ языкѣ Асъ. Народъ сей, исповѣдовавшій Христіанскую вѣру, былъ истребленъ и выгнанъ изъ жилищъ своихъ Татарами. Страна ихъ покрыта горами, рѣками и долинами, и въ ней встрѣчается весьма много искусственныхъ земляныхъ насыпей, — безъ сомнѣнія надгробныхъ памятниковъ. На вершинѣ каждой изъ таковыхъ

насыпей положенъ огромный, насквозь просверленный камень, въ отверстіе коего вставленъ крестъ, также сдѣланный изъ камня. Этого рода кургановъ, какъ я уже сказалъ, — здѣсь безчисленное множество, и утверждаютъ, что въ одномъ изъ нихъ зарытъ богатый кладъ. Въ бытность Г. Пьетро Ландо Консуломъ въ Танъ, прибылъ туда изъ Каира нѣкій человекъ, по имени Гульбединъ и сказывалъ, что будучи еще въ Каирѣ, слышалъ онъ отъ одной Татарской женщины о сокровищѣ, зарытомъ Аланами въ курганъ, именуемомъ Контеббе, и даже получилъ отъ нее наставленіе, какимъ образомъ отыскать это сокровище. По прибытіи своемъ въ Тану, Гульбединъ принялся разрывать курганъ и продолжалъ безуспѣшно эту работу до самой кончины своей, изъ чего заключили, что у него не достало умѣнья для отысканія означеннаго клада.

Въ 1437 году, въ бытность мою въ Танъ, Условіе, семеро насъ купцевъ собрались накануне дня заключеннаго между Авто- Св. Екатерины въ домѣ Венеціанскаго гражда- ромъ и дру- нина Бартоломео Россо, а именно: Франческо гими купца- ми для оты- Корнаро, братъ Якова Корнаро (состоящаго сканія клада), Катеринъ Контарини, торгова- ній въ послѣдствіи въ Константинополь, Джіовани Барбариге, сынъ Андрея Кандійскаго, Джіовани да Валле, умершій послѣ хоанномъ

фусты²²⁾ въ Гардскомъ озерѣ²³⁾ (прежде же сего ѣздилъ онъ съ нѣкоторыми Венеціанами въ городъ Дербентъ, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ построилъ фусту по приглашенію тамошняго Государя, и къ общему удивленію грабилъ съ нею всѣ суда, идущія изъ Страны²⁴⁾), Монсей Бояъ, сынъ Александра Джидикскаго, Бартоломео Россо и я, вмѣстѣ съ Св. Екатериною, которую полагаю осьмою участницею въ нашихъ договорахъ и условіяхъ. И такъ, собравшись, какъ я уже выше сказалъ, въ ночь Св. Екатерины въ домъ Бартоломео Россо въ Танѣ и разсуждая о упомянутомъ кладѣ (трое изъ насъ уже прежде были въ тѣхъ странахъ); мы рѣшились наконецъ употребить всѣ возможные старанія для отысканія сего сокровища и, заключивъ между собою письменное условіе (коего подлинникъ написанъ былъ рукою Катерина Контарини, а копія и доселѣ еще хранится у меня), наняли, для приведенія въ дѣйствіе предпріятія нашего, 120 рабочихъ людей, изъ которыхъ каждому назначили не менѣе трехъ дукатовъ жалованья въ мѣсяцъ. Черезъ восемь дней спустя послѣ сего, всѣ мы семеро, съ 120 нашими спутниками, запасшись одеждою, жизненными припасами и орудіями, которыя положили на сани (Zepà), по примѣру Русскихъ, отправились изъ Таны по льду чрезъ рѣку

Тамансь²⁴⁾ и на другой день прибыли къ Прибытію мѣсту нашего назначенія, находящемуся на берегу рѣки, въ 60 миляхъ отъ Таны. Курганъ, къ которому стремились желанія наши, имѣетъ около 50 шаговъ въ вышину и вершина его образуетъ площадку, посреди которой находится другой небольшой холмъ съ кругловатою маковкою, въ видѣ шапки. Холмъ сей, имѣющій не болѣе 12 шаговъ въ вышину, окруженъ дорожкой, по которой два человека могутъ свободно идти рядомъ; основаніе же его кругло и какъ будто сдѣлано по циркулю, а поперечникъ составляетъ около 8 шаговъ.

Розысканія свои начали мы съ подошвы ^{Первый розысканія и безуспѣшность оныхъ.} большого кургана, служащаго основаніемъ меньшему, надѣясь такимъ образомъ прорыть просторный ходъ до самой вершины сего послѣдняго и вдоль всей горы. Сначала представилась намъ грунтъ земли столь твердый и оледенѣлый, что нельзя было разбить его ни заступами, ни топорами; но потомъ, послѣ нѣкоторыхъ усилій, достигли мы мягкаго слоя, — и весь этотъ день работали довольно успѣшно; прибывъ же на слѣдующее утро, нашли, что земля снова замерзла и сдѣлалась еще тверже прежняго, отъ чего и принуждены были, отложивъ предпріятіе свое до весны, возвратиться назадъ въ Тану.

Вторич-
ная поездка
къ горѣ Кон-
теббе.

Въ исходѣ Марта мѣсяца опять отправи-
лись мы къ кургану на баркахъ и судахъ, съ
150 работниками, и принявшись немедленно
за дѣло, въ теченіе 22 дней прорыли отвер-
стіе въ 60 шаговъ, длины, 8 ширины и 10 вы-
шины. Теперь приступаю я къ описанію чу-
десъ, почти невѣроятныхъ. Найдя всѣ призна-
ки, о которыхъ намъ говорили и убѣдившись
изъ сего еще болѣе въ истинѣ слышаннаго
нами, мы, въ полной надеждѣ отыскать обѣ-
щанное сокровище, удвоили старанія свои
такъ, что сами хозяева трудились усерд-
нѣе рабочихъ и таскали собственными рука-
ми носилки, которыя я мастеръ былъ дѣ-
лать. — Сначала къ общему удивленію наше-
му нашли мы слой чернозема, происходящій
вѣроятно отъ растущей по кургану травы;
потомъ слой угля, естественное слѣдствіе ис-
требленія ивовыхъ лѣсовъ, которыхъ по бли-
зости находилось великое множество; потомъ
слой золы, въ четверть толщиною, что мож-
но приписать сожженію камыша, неподалеку
отъ кургана растущаго; потомъ слой прося-
ной шелухи, также на цѣлую четверть, что
легко объяснить большимъ употребленіемъ въ
сей странѣ просянаго хлѣба, коего шелуху
кидали на курганъ. (любопытно впрочемъ
знать, сколько употреблено было проса для
наполненія одною шелухою пространства во

всю окружность холма и въ цѣлую четверть толщиною); и наконецъ слой рыбьей чешуи, изъ чего можно заключить, что въ Тананси водилось всегда множество рыбы и что чешую ея выбрасывали на это мѣсто. Предоставляю читателямъ своимъ вѣрить или не вѣрить рассказу моему; но я съ своей стороны полагаю, что тотъ, кто новелъ воздвигнуть этотъ памятникъ, называвшійся Индиабу, наполнивъ его всѣми упомянутыми вещами, вѣроятно по тогдашнему обычаю страны сей,— и конечно заблаговременно трудился надъ нимъ, дабы запасти различные слои, изъ которыхъ онъ составленъ.

Прорывъ вышеупомянутый ходъ и не на-Достопримечательная вещь, найдены въ курганѣ.
ходя обѣщаннаго сокровища, мы рѣшились сдѣлать еще въ главной горѣ два новыя отверстія въ 4 шага длинны и вышины, и приступивъ немедленно къ дѣлу, дорылись до новаго слоя бѣлаго и столь твердаго, что легко могли вырубить въ немъ ступени, по которымъ удобнѣе бы было таскать носилки. Углубившись на 5 шаговъ въ гору, нашли мы наконецъ нѣсколько каменныхъ сосудовъ, изъ коихъ иные наполнены были пепломъ, угольемъ и рыбьими костями, а другіе совершенно пусты, а также 5 или 6 четоковъ, величиною съ померанецъ, изъ жженой глянцовой глины, весьма похожихъ на тѣ, которыя пригото-

ляются въ Мархіи для неводоѣ. Сверхъ сего нашли мы еще въ курганѣ половинку ручки серебрянаго сосуда, въ видѣ змѣи. Съ наступленіемъ Свѣтлой недѣли подулъ такой сильный восточный вѣтеръ, что въ порывахъ своихъ подымалъ земляныя глыбы, дернъ и каменья, и кидая ихъ въ лице рабочихъ, — многихъ переранилъ до крови. Это заставило насъ въ самый Понедѣльникъ Пасхи отказаться отъ предпріятія нашего и отправиться въ обратный путь. Мѣсто, надъ которымъ мы трудились, прежде извѣстно было подѣ именемъ Гутьбединовыхъ ямъ; послѣ же насъ сдѣланныя нами углубленія, получили названіе Франкскихъ ямъ, которое и доселѣ имъ сохранилось; ибо въ теченіи нѣсколькихъ дней мы совершили трудъ, на который по первому взгляду потребно не менѣе тысячи человѣкъ. Больше о упомянутомъ сокровищѣ, если оно когда либо тутъ находилось, мы ничего не слыхали; но, по разсказамъ, кладъ сей былъ тутъ зарытъ Аланскимъ Государемъ Индіабу, который услышавъ о приближеніи Татарскаго Хава, повелѣлъ приготовить себѣ по обычаю надгробный памятникъ и, закопавъ въ немъ тайно сокровища свои, набросалъ на нихъ всѣ вышеописанныя мною вещи въ видѣ кургана.

Г Л А В А П.

О Магометанской вѣрѣ, происхожденіи ея и при-
ятіи ея Татарами; о томъ, какъ Наурусъ,
военачальникъ Татарскаго Хана Улу-Махмета,
отложившись отъ Государя своего, пошелъ
противъ него войною; о передовыхъ отрядахъ
Татаръ и о ихъ обыкновеніи подносить Госу-
дарямъ дары.

Магометанская вѣра распространилась ме-
жду Татарами такимъ же образомъ, какъ и Принятіе
Татарами
Магометан-
ской вѣры.
въ другихъ Государствахъ²⁵⁾. За 110 лѣтъ
предъ симъ только нѣкоторая часть ихъ слѣ-
довала закону Магометову; прочіе же могли
свободно исповѣдывать всякую другую вѣру.
Отъ сего весьма многіе поклонялись деревян-
нымъ и писаннымъ идоламъ, которыхъ вози-
ли съ собою на повозкахъ. Къ повсемѣстно-
му же принятію Исламизма Татары вынужде-
ны были во времена Едигея²⁶⁾ (Hedighi), воен-
начальника Татарскаго Государя²⁷⁾ Сиди-
Хаметъ-Хана (Sidihamet Can). Этотъ Едигей
былъ отецъ Науруса, о которомъ я теперь
повѣствовать намѣренъ. Съ 1438 года царство-
валъ въ степяхъ Татарскихъ въ продолженіи
нѣсколькихъ лѣтъ Государь, но имени Улу-
Махметъ Ханъ²⁸⁾ (Uluhamet Can), т. е. Вели-
кій Махметъ. Онъ жителствовалъ съ ордою

Ссора Нау-
руса съ Улу-
Махметъ-
Ханомъ.

своею ²⁹⁾ или народомъ, на равнинахъ, при-
мыкающихъ къ Россіи и имѣлъ военачальни-
комъ нѣкоего Науруса, сына того самаго
Едигея, который принудилъ Татаръ къ при-
нятію Магометанской вѣры. Поссорившись
какъ то съ Государемъ своимъ, Наурусъ по-
кинулъ его, пригласивъ желающихъ слѣдовать
за собою и отправился съ ними къ рѣкѣ Эр-
дилю, гдѣ жительствоваъ Кеци-Махметъ (Ceci-
mahemet), т. е. Махметъ малый, изъ рода
Татарскихъ Хановъ. Соединивъ вмѣстѣ силы
свои, Наурусъ и Кеци-Махметъ рѣшились
итти войною противъ Улу-Махмета и высту-
пивъ изъ жилищъ своихъ, потянулись мимо
Цитрахана ³⁰⁾, чрезъ Тюменскія равнины ³¹⁾,
около границъ Черкесіи ³²⁾, къ берегамъ
Танаиса и Забакскаго моря, которое, равно
какъ и самый Танаисъ, было въ это время
покрыто льдомъ. Ведя за собою многочислен-
ныя полчища и множество скота, они выну-
ждены были раздѣлить ихъ на отряды, шед-
шіе въ значительномъ разстояніи одинъ отъ
другаго, такъ, чтобы передніе не могли ис-
требить всего корма и всѣхъ жизненныхъ
припасовъ, назначенныхъ для прочихъ отря-
довъ. Одно крыло направлено было къ мѣсту,
именуемому Паластра, а другое къ Танаису,
въ мѣстѣ, именуемомъ Бозагацъ (Bosagaz). Раз-
стояніе между ними составляло около 120 миль.

и на этомъ то пространствѣ двигались эти полчища, изъ коихъ многія были вовсе неспособны къ походу.

О приближеніи Татаръ мы слышали еще за четыре мѣсяца до ихъ прихода; за мѣсяцъ же до прибытія самаго Хана, начали показываться около Таны небольшія толпы молодыхъ людей (по 3 и 4 человѣка) верхами и съ заводными лошадьми. Тѣ, которые приходили въ самую Тану, немедленно были представляемы Консулу, который принималъ ихъ очень ласково; но на всѣ распросы о цѣли ихъ прибытія, они отвѣчали только, что будучи молоды, — идутъ куда глаза глядятъ. Больше отъ нихъ ничего нельзя было вывѣдать. Впрочемъ они оставались въ городѣ не болѣе одного или двухъ часонъ, и потомъ удалялись опять въ степь. Всякій день этого рода случаевъ возобновлялись, съ тою только разницею, что иногда толпы были числомъ болѣе, а иногда менѣе. По приближеніи же Хана на пять или на шесть дней пути къ Танѣ, толпы сіи начали усиливаться такъ, что въ каждой изъ нихъ было отъ 25 до 50 человѣкъ, и не иначе какъ съ оружіемъ; а напоследокъ они стали уже появляться цѣлыми сотнями.

Наконецъ прибылъ самъ Ханъ и остано- Передовые отряды Татаръ и полки ихъ въ Танѣ.
вился на выстрѣлъ отъ Таны, въ одной Древ- Дары, поднесенные Хану.
ней мечети. Консулъ немедленно рѣшился от-

править дары къ нему, къ матери его и къ военачальнику Наурусу. — Дары сіи⁵³), называвшіеся новеною (новеппа), по обычаю страны состояли изъ девяти различныхъ вещей, какъ то: шелковыхъ тканей, багряницы и проч. — Будучи намазченъ Консуломъ для поднесенія ихъ, я отиравился немедленно къ жилищу Хана съ хлѣбомъ, медовымъ виномъ⁵⁴), бузою (напитокъ въ родѣ пива⁵⁵) и другими венцами, числомъ до девяти. — По прибытіи въ мечеть, мы нашли Государя, сидящаго на ковръ виѣсть съ Наурусомъ. Первому изъ нихъ было 22 года, а послѣднему 25 лѣтъ. Поднеся дары, я примолвилъ, что страна наша со всѣми ея жителями находится во власти Хана. На сіе онъ отвѣтствовалъ мнѣ весьма благосклонно и потомъ поглядѣвъ пристально на насъ, засмѣялся и захопалъ въ ладоши, говоря: что это за земля, гдѣ у трехъ чело-вѣкъ всего только три глаза? И дѣйствительно трое изъ числа насъ были кривы; а именно: Переводчикъ нашъ Буранъ Каменьщикъ (Тайариѣга), одинъ молодой Грекъ, служившій въ свитѣ Консула⁵⁶) и тотъ, кто подносилъ Хану медовое вино. Откланявшись, мы возвратились домой.

Г Л А В А III.

Образъ продовольствія Татарскихъ отрядовъ ; множество скота , при нихъ находящагося ; шествіе Татарскаго войска ; птицы , называемыя драхвами.

Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ и невѣроятнымъ: какимъ образомъ упомянутые мною Татарскіе отряды (числомъ отъ четырехъ до десяти, двадцати и даже тридцати человекъ) отлучаются на десять, пятнадцать, и двадцать дней пути отъ орды своей, — и чѣмъ въ теченіи этого времени продовольствуются они въ степяхъ. Въ отвѣтъ на сіе скажу только, что каждый Татаринъ, отдѣляющійся отъ своей орды, имѣетъ при себѣ мѣшокъ изъ козлиной кожи, наполненный пшеничною мукою, замѣшанною на меду, на подобіе тѣста, и деревянную чашку. Сверхъ того они стрѣляютъ по пути дичь, которой въ степяхъ водится множество и которую Татары мастера убивать изъ своихъ луковъ. Тѣсто, выше мною описанное, размѣшиваютъ они съ небольшимъ количествомъ воды и такимъ образомъ готовятъ себѣ похлебку, которою и питаются въ пути. На вопросъ, сдѣ-

Образъ продовольствія Татарскихъ отрядовъ.

ландый мною одному изъ нихъ, чѣмъ кормятся они во время странствованія своего, отвѣчалъ онъ: «развѣ кто либо умираетъ съ голоду?» что другими словами значить: «я довольствуюсь только тѣмъ, что необходимо для поддержанія моей жизни, а до прочаго мнѣ нѣтъ дѣла.» Кромѣ вышепомннутыхъ яствъ Татары питаются еще въ степяхъ кореньями, травами и всѣмъ, что только можно употребить въ пищу. Самое необходимое вещество для нихъ есть соль, ибо отъ недостатка оной зараждаются между ними болѣзни, какъ то: опухоль и гниеніе во рту и кровавый поносъ, отъ котораго они нерѣдко и умираютъ.

Стада и табуны Татаръ.

Но возвратимся къ тому, на чемъ остановилось повѣствованіе наше. Вслѣдъ за отъѣздомъ Хана потянулся весь народъ его съ своими стадами. Сначала появились табуны лошадей, числомъ до 60, 100, 200 и болѣе; за симъ стада верблюдовъ и быковъ, а наконецъ и мелкій скотъ. Это продолжалось ровно шесть дней, и, въ теченіи этого времени, все пространство степи, какое только можно было окинуть глазомъ, было усыяно людьми и животными, безпрестанно двигавшимися взадъ и впередъ. Не надобно забывать, что тутъ тянулось одно только крыло орды; изъ сего можно заключить, какова была середина ея. Мы цѣлый день стояли на городскихъ

стѣнахъ (ибо ворота были заперты), такъ что къ вечеру утомляясь до безсилія отъ продолжительной стражи. Діаметръ пространства, занятаго этою многочисленною толпою людей и скота, на подобіе паганей³⁷⁾, составлялъ 120 миль. Паганей есть слово Греческое, которое я въ первый разъ слышалъ въ Морей, когда былъ на охотѣ съ однимъ изъ тамошнихъ владѣльцевъ. Онъ привелъ съ собою до ста человѣкъ поселанъ, разставилъ ихъ въ десяти шагахъ другъ отъ друга и далъ имъ въ руки по дубинѣ; подвигаясь впередъ, они съ громкими криками ударили этими дубинами въ землю и тѣмъ выгоняли дичь изъ чащи. Охотники, иные верхомъ, другіе пѣшіе, ожидали съ птицами и собаками своими въ назначенныхъ мѣстахъ, и при появленіи дичи, немедленно спускали на нее собакъ и птицъ. Этотъ родъ охоты называется паганеєю.

Пространство, занятое Татарскимъ войскомъ.

Въ подобномъ порядкѣ, какъ я уже выше сказалъ, шли Татары. Дичь, которую они ловили по пути, состояла большею частію изъ куропатокъ и такъ называемыхъ драхвъ. Птица эта имѣетъ короткій хвостъ, какъ у Драховъ курицы, голову держитъ прямо какъ итѣухъ, величиною съ павлина и походитъ даже на него цвѣтомъ перьевъ, за исключеніемъ одного хвоста. Такъ какъ Тана окружена холмами и рвомъ, имѣющимъ до 10 миль въ окру-

жности (тамъ, гдѣ была нѣкогда древняя Та-на), то эти холмы и долины, ими образуемыя, содѣлались убѣжищемъ всякаго рода птицъ, которыхъ слѣтлось туда такое множество, что вокругъ стѣнъ и во рву куронатки и драхвы разгуливали цѣлыми стадами, какъ бы на дворѣ самыхъ домовитыхъ хозяевъ. Мальчишки безъ труда подбирали ихъ съ земли и продавали по аспру (т. е. по осьмимъ нашимъ богатинь³⁸) пару.

Г Л А В А IV.

О томъ, какими образомъ одинъ Францисканскій монахъ ловилъ драхвъ; о числѣ народа, составлявшаго Татарское воинство; о повозкахъ Татаръ и о томъ; какъ они строили дома свои.

Способъ ловить птицъ.

Въ это время жилъ въ Танѣ Францисканскій монахъ, по имени Теринъ. Съ помощію сѣтей, въ которыхъ изъ двухъ маленькихъ петель, дѣлалъ онъ одну большую, и которыя прикрѣплялъ къ колу, вбитому въ землю позади стѣнъ, ловилъ онъ по 10, 20 и 30 птицъ разомъ и продажею ихъ выручилъ себя такъ много денегъ, что могъ купить на оныя Черкесскаго мальчика, которому далъ имя

Ретпце (куропатка) и сидеть монахомъ. Ночью, если окна въ домахъ были отперты, птицы, привлеченныя свѣтомъ огня, влетали даже въ самыя комнаты. Дикихъ звѣрей, какъ то оленей и другихъ, сбѣжалось также безчисленное множество; но они боялись подходить слишкомъ близко къ городу.

Чтобы объяснить сколь велико было число Татаръ, тнувшихся на всемъ протяженіи обширной степи, достаточно рассказать слѣдующее: Прибывъ уже весною, по вскрытіи рѣки, къ мѣсту, именуемому Бозагацъ, въ 40 миляхъ отъ Таны, гдѣ у меня была дѣля, узнавъ я отъ рыбаковъ, что въ теченіи зимы они изловили и насолали множество рыбы и икры, но Татарскіе отряды, проходя мимо, забрали всю эту рыбу, (какъ соленую такъ и свѣжую и даже такую, которую не ѣдятъ у насъ) и пожрали ее всю, не исключая и самыхъ головъ, а также истребили соль, которой заготовлено было большое количество, такъ, что по отбытіи ихъ, не осталось ея ни одного зерна. Они также разломали суда и унесли съ собою доски, вѣроятно для починки своихъ повозокъ, и даже разрушили три бывшія тамъ соленныя мельницы, дабы воспользоваться небольшимъ количествомъ связывавшаго ихъ желѣза. Впрочемъ не со мною однимъ было поступлено такимъ образомъ. Еще

Число Татарскаго войска.

болѣе меня пострадалъ Джіовани да Валле, имѣвшій также свою тою. Услышавъ о приближеніи Татаръ, онъ велѣлъ для предосторожности вырыть большую яму, спустить въ нее 30 бочекъ икры и потомъ, засыпавъ сверху землею, ожечь надъ этимъ пространствомъ побольше дровъ, дабы чрезъ то скрыть самую яму. Не смотря на всѣ эти предосторожности, они отыскали ее и похитили все, въ ней находившееся.

Повозки и
дома Та-
таръ.

Татары имѣютъ въ обозѣ своемъ безчисленное множество повозокъ о двухъ колесахъ, которыя по строенію своему гораздо выше нашихъ³⁾; ихъ обиваютъ собачьими шкурами, войлоками и сукномъ, смотря по состоянію хозяевъ. На нѣкоторыхъ изъ такихъ повозокъ нагружены Татарскіе дома, которые строятся слѣдующимъ образомъ. Взявъ деревянный кругъ, въ полтора шага діаметромъ, ставятъ надъ нимъ нѣсколько полукруговъ, связывая ихъ между собою въ самой срединѣ. Потомъ на эти палатки набрасываютъ собачьи шкуры, которыя прикрываютъ войлоками или сукномъ, также смотря по состоянію cadaго. Избравъ для себя мѣсто жительства, они снимаютъ эти дома съ повозокъ, ставятъ на землю и поселяются въ нихъ⁴⁾.

Г Л А В А V.

О томъ, какъ Эдельмугъ, родственникъ Татарскаго Хана, получивъ дозволеніе прибыть въ Тану, остановился въ домъ Г. Иосаата Барбаро и подружился съ нимъ; о томъ какъ Иосаата отправился вмѣстѣ съ Эдельмугомъ къ Хану и что сдѣлалось съ ними на пути; о церемоніалѣ, наблюдаемомъ Татарами при представленіи Хану.

Черезъ два дня по отбытіи Хана, пришли ко мнѣ нѣкоторые изъ Танскихъ жителей съ извѣстіемъ, что за стѣною ожидаетъ меня какой то Татаринъ, имѣющій нужду переговорить со мною. Я отправился къ назначенному мѣсту, и Татаринъ объявилъ мнѣ, что неподалеку отсюда находился нѣкто Эдельмугъ, родственникъ Хана, который крайне желаетъ прибыть въ городъ, если на то послѣдуетъ согласіе мое и сдѣлаться моимъ кунакомъ (со пасо), т. е. гостемъ. Испросивъ предварительно позволеніе Консула, я отправился вторично къ городскимъ воротамъ, которыя были заперты и привелъ новаго знакома моего съ тремя его товарищами прямо къ себѣ въ домъ, гдѣ въ продолженіи двухъ дней угощалъ его какъ можно лучше; въ особенности же подчивалъ

Прибытіе
въ Т а н у
Эдельмуга и
проч.

виномъ , которое ему очень нравилось. Передъ отъѣздомъ своимъ объявилъ онъ мнѣ , что желаетъ , дабы я послѣдовалъ за нимъ , — увѣряя , что мнѣ опасаться нечего , ибо онъ , сдѣлавшись братомъ моимъ , вездѣ будетъ неразлученъ со мною. Я сообщилъ предложеніе его моимъ товарищамъ — купцамъ , которые крайне оному удивились , и мы долго разсуждали между собою : идти ли мнѣ или нѣтъ ? Наконецъ я рѣшился , и взявъ съ собою двухъ пѣшихъ туземныхъ Татаръ , отправился верхомъ вмѣстѣ съ моимъ гостемъ. Мы выѣхали изъ города въ три часа по полудни ; но товарищъ мой былъ уже такъ пьянъ отъ большаго количества выпитаго имъ вина , что у него все время текла носомъ кровь. Не смотря на всѣ мои убѣжденія воздержаться отъ излишняго употребленія напитковъ , онъ отвѣчалъ съ ужимкою обезьяны : « не иѣшай мнѣ пить ! гдѣ опять я найду столько вина ! » Когда мы спустились на рѣку Танансъ , чтобы перетѣхать чрезъ нее по льду , то я изъ предосторожности выбралъ дорогу поснѣжнѣе ; Татаринъ же , отуманенный виномъ и не замѣчая , куда везетъ его лошадь , поѣхалъ прямо тамъ , гдѣ вовсе не было снѣгу. Лошадь , которая , по обычаю Татаръ , не была подкована , ступая по гладкому льду , безпрестанно скользила и попеременно то па-

Позадка
Автора въ
орду.

дала, то вскакивала, возбуждаемая плетью Татарина, употребляемою имъ вместо шнуръ. Это продолжалось около 20 минутъ, пока мы не достигли другаго рукава рѣки, который перешли также съ большимъ трудомъ и усиліями. Прибывъ на противоположный берегъ и чувствуя себя утомленными, мы пристали къ одному отряду Татаръ, въ томъ мѣстѣ расположенномъ, и вынуждены были провести съ ними всю ночь, не безъ непріятностей, какъ и ожидать надлежало. На слѣдующее утро пустились мы далѣе, но уже не съ тою отважностію, какъ наканунѣ. Перебравшись еще чрезъ рукавъ рѣки, мы вышли на равнину, по которой тянулись Татары и которая была усыяна ими какъ муравьями, и по двухдневномъ странствованіи приблизились къ тому мѣсту, гдѣ находился самъ Ханъ. На пути всѣ, встрѣчавшіеся съ нами, оказывали моему товарищу всякаго рода почести, угощая его всѣмъ, что только было у нихъ, какъ то: мясомъ, тѣстомъ, молокомъ и другими подобными яствами, такъ что во все это время мы ни въ чемъ не имѣли недостатка.

На слѣдующій день изъявилъ я желаніе по-смотреть искусство Татаръ въ верховой ѣздѣ и порядокъ, наблюдаемый въ ихъ движеніяхъ, и действительно нашелъ столько необыкновеннаго и чудеснаго, что еслибъ захотѣлъ

разсказать все видѣнное мною, то конечно написалъ бы цѣлую книгу.

Церемони-
аль пред-
ставленія Хану.

Наконецъ прибыли мы къ мѣсту, гдѣ жительствоваъ Ханъ и нашли его въ шатрѣ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ множествомъ народа. Тѣ, которые ожидали аудіенціи у Хана, стояли на козлахъ въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго; оружіе же ихъ лежало поодаль, на разстояніи пущеннаго изъ праща камня. Когда Ханъ обращался къ кому либо изъ нихъ съ вопросомъ, то давалъ знакъ рукою. По знаку сему проситель вставалъ и подойдя къ нему, (не ближе однако есьми шаговъ) снова падалъ на козла, спрашивая: что угодно было приказать ему? Этотъ порядокъ наблюдался во все время аудіенціи⁽¹⁾.

Г Л А В А VI.

О томъ, каковыя образы Татары судятся между собою; объ опасностяхъ, коимъ подвергаются Татарскіе наѣзники и о томъ, какъ сорокъ пять человекъ, напавъ на сто Черкесскихъ всадниковъ, спрятавшихся въ дѣсу для набѣга, большую часть ихъ истребили и взяли въ плѣнъ.

Каковыя образы Татары судятся между собою.

Спорныя дѣла рѣшаются у Татаръ весьма скоро и слѣдующимъ образомъ. Когда два ка-
кія либо лица поссорятся между собою, те

размѣнявшись нѣсколькими словами, безъ всякихъ впрочемъ ругательствъ ⁴²⁾ (подобныхъ тѣмъ, которые употребляются у насъ), обѣ враждующія стороны, или даже всѣ, замѣшанные въ дѣло, встаютъ съ мѣстъ своихъ, отправляются куда имъ заблагоразсудится и, обратившись къ первому встрѣтившемуся человѣку, какого бы онъ званія ни былъ, говорятъ ему: «Государь! мы поссорились; разсуди насъ!» Тотъ немедленно останавливается, выслушиваетъ обѣ стороны и потомъ произноситъ приговоръ по своему разумѣнію, безъ всякихъ бумагъ. Противу этого рѣшенія нѣтъ уже никакихъ отговорокъ. Если при семъ случатся постороннія лица, то произнесшій приговоръ говоритъ имъ: «будьте свидѣтелями!» Подобнаго рода разбирательства безпрестанно случаются въ станѣ. Даже и во время похода, тяжбы, между Татарами возникающія, рѣшаются первымъ встрѣтившимся имъ человѣкомъ.

Однажды, въ бытность мою въ ордѣ, увидѣлъ я опрокинутую деревянную чашку и, поднявъ ее, нашелъ разваренное пшено. Обратившись къ находившемуся тутъ Татарину, я спросилъ у него: чтобы сіе значило, и получилъ въ отвѣтъ: «пшено сіе оставлено Гибуть-Персами, т. е. язычниками.» На вопросъ мой, какимъ образомъ попали сюда язычни-

ки, отвѣчалъ онъ мнѣ: «О! о! ихъ много между нами; но они скрываются.»

Теперь приступлю я къ исчисленію народа, составлявшаго орду, и поскольку въ точности исполнить сего невозможно, то по крайней мѣрѣ объясню приблизительно выводы мои. Я полагаю и даже твердо увѣренъ, что когда все она соберется вмѣстѣ, то составитъ около 300,000 душъ. Это предположеніе основываю я на томъ, что часть ея, какъ выше уже было сказано, находилась прежде во власти Улу-Махмета.

Отчаянная
храбрость
Татаръ.

Войны Татарскіе такъ неустрашны и храбры, что многіе изъ нихъ заслужили въ отличіе имя Талу-богатырей, что въ переводѣ значитъ: иступленные храбрецы. Это названіе присвоиваетъ имъ народъ точно такъ какъ у насъ названіе мудраго или красиваго (на пр. такой то Петръ мудрый, или такой то Павелъ красивый). Получившіе оное пользуются большими преимуществами и всѣ поступки ихъ, хотя въ сущности безразсудны, превозносятся похвалами какъ слѣдствіе личной храбрости и совершеннаго знанія дѣла. Во время сраженія многіе изъ нихъ, не ставя ни во что жизнь и презирая явными опасностями, бросаются впередъ, подвергаются безъ нужды непріятельскимъ ударамъ и примѣромъ своимъ внушаютъ мужество самымъ даже роб-

кимъ своимъ товарищамъ. Прозваніе, данное имъ, по мнѣнію моему весьма прилично, ибо отчаянная храбрость не что иное какъ безуміе. Не безумецъ ли тотъ, спрашиваю я, кто одинъ идетъ противу четырехъ? Не безумецъ ли тотъ, кто съ однимъ ножомъ бросается на толпу враговъ, вооруженныхъ мечами? Кстати расскажу здѣсь случай, встрѣтившійся со мною въ бытность мою еще въ Танѣ. Нѣсколько Татаръ пришли однажды въ городъ съ извѣстіемъ, что въ трехъ миляхъ отъ Таны, въ лѣсу, спряталось сто Черкесскихъ всадниковъ, въ намѣреніи учинить, по своему обыкновенію, набѣгъ на городъ. Въ это время находился я на площади, въ лавкѣ продавца стрѣлъ, гдѣ также былъ одинъ Татарскій купецъ, привезшій цитварное сѣмя. Услышавъ о появленіи Черкесовъ, онъ вскочилъ съ своего мѣста и вскричалъ. «Почему бы намъ не навестъ на нихъ! Сколько ихъ всѣхъ числомъ?» Сто, отвѣчалъ я. «Насъ здѣсь пятеро», возразилъ онъ: «сколько будетъ насъ?» Сорокъ человекъ, отвѣчалъ я. «Черкесы», примолвилъ онъ «бабы, а не мужчины! пойдемъ на нихъ!» Услышавъ такое предложеніе, я немедленно отправился въ Франческо да Валле и сѣмъ рассказалъ ему объ ономъ. Онъ спросилъ: достанетъ ли у меня духу на такое предпріятіе, и получивъ утвердитель-

Сорокъ
пять че-
ловѣкъ на-
падаютъ на
сто Черке-
совъ и раз-
биваютъ
ихъ.

ный отвѣтъ, рѣшился ѣхать со мною. Мы съѣли на коней и приказавъ нѣкоторымъ изъ людей нашихъ прибыть къ намъ водою, въ полдень напали на Черкесовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отдыхали въ тѣни, а нѣкоторые спали. Къ несчастію за нѣсколько мгновеній до нападенія, трубачъ нашъ протрубилъ, отъ чего многіе успѣли ускакать, а сорокъ человекъ легли на мѣстѣ или попались въ плѣнь. Всего же занимательнѣе было то, что, по совѣту нѣкоторыхъ отчаянныхъ храбрецовъ, Татаринъ, предложившій намъ учинить нападеніе, не довольствуясь удачнымъ окончаніемъ онаго, одинъ поскакалъ въ погоню за бѣжавшими. Напрасно кричали мы ему: воротись! воротись! онъ ничего не слушалъ и уже черезъ часъ прибылъ обратно въ большемъ горѣ, жалуясь на то, что не могъ догнать ихъ. Не было ли это явнымъ безуміемъ со стороны его? Весьма легко четверо изъ бѣжавшихъ могли вернуться назадъ и изрубить его въ куски. Когда же мы стали представлять ему опасность, которой онъ подвергся, то на всѣ убѣжденія наши онъ отвѣчалъ однимъ смѣхомъ. Не излишнимъ почитаю замѣтить здѣсь, что еще за долго до прибытія главнаго Татарскаго стана, передовые отряды онаго, о которыхъ я уже выше сего говорилъ, шли осмѣю отдѣленіями, развѣдывая по сторонамъ: не предостантъ ли какой либо опасности.

Г Л А В А VII.

О Татарской охотѣ и о множествахъ находящагося при нихъ скота, какъ то: лошадей, быковъ, и двугорбыхъ верблюдовъ и проч.

Лишь только Ханъ избересть мѣсто для Татарскій ^{станъ.} жительства своего, немедленно приступаютъ къ устроению базара, наблюдая притомъ, чтобы улицы были сколь можно шире. Не смотря однако на таковое распоряженіе, они зимую, по причинѣ множества скота, нестерпимо грязны, а лѣтомъ наполнены ужасною пылью. По устроении базара, тотъ же часъ начинаютъ дѣлать печи, въ которыхъ Татары варятъ и жарятъ мясо и приготавливаютъ лакомства свои изъ молока, масла и творогу. Сверхъ того у нихъ всегда бываетъ въ запасъ дичь, — преимущественно оленья. При ордѣ во всякое время неотлучно находятся сукновалы, кузнецы, оружейники и всякаго рода мастеровые. Многие, можетъ быть, заключать изъ сего, что Татары живутъ какъ Цыганы; въ опроверженіе подобнаго заключенія скажу, что станъ ихъ представляетъ видъ обширнѣйшаго и красивѣйшаго города, съ тою только разницею, что не огороженъ стѣнами. —

Однажды, въ бытность мою въ Тань, гдѣ надъ городскими воротами возвышается прекрасная башня, спросилъ я у одного стоявшаго подлѣ меня Татарскаго купца, который со вниманіемъ разглядывалъ эту башню: нравится ли она тебѣ?». Посмотрѣвъ на меня пристально, онъ съ усмѣшкою отвѣчалъ: «эко диво! башни строить тотъ, кто труситъ.» По моему отвѣту его былъ совершенно справедливъ. Упомянувъ о купцахъ, я долгомъ поставлю объяснить здѣсь, что ихъ всегда очень много при ордѣ; иные нарочно съ разныхъ сторонъ пріѣзжаютъ въ оную съ товарами; другіе же бываютъ только проѣздомъ.

Татарская
охота.

Татары весьма искусны въ стрѣляннѣ изъ лука и любятъ охотиться съ соколами на хвелеоноу, которыя у насъ не употребляются въ пищу, на оленей и на другихъ большихъ звѣрей. Соколовъ они носятъ на одной рукѣ, имѣя въ другой сошку, которую подставляютъ подъ руку, когда устанутъ. Это нисколько не удивительно, ибо ихъ соколы вдвое больше нашихъ орловъ⁴³). Иногда надъ станомъ тянутся цѣлыя вереницы гусей, и Татары пускаютъ въ нихъ особенныя кривыя стрѣлы, толщиною въ палецъ. Стрѣлы сіи, не бывъ опушены перьями, летятъ очень высоко и потомъ перевернувшись въ воздухѣ, падаютъ въ прямомъ направленіи внизъ, раздробляя

все, встречающееся имъ на пути, какъ то: ланы, шен и проч. Не рѣдко стада эти бывають такъ многочисленны, что затемняютъ горизонтъ. Тогда Татары поднимають громкій крикъ, отъ котораго гуси въ испугѣ падаютъ на землю. Говоря о птицахъ, не извѣстными почитаю разсказать здѣсь случившееся со мною весьма занимательное происшествіе. Проѣзжая однажды (въ бытность мою въ ордѣ) по берегу одной маленькой рѣчки, встрѣтилъ я Татарина, по виду знатнаго, бесѣдовавшаго съ домашними своими. Увидя меня, онъ подзвалъ къ себѣ, просилъ сойти съ лошади и сталъ расспрашивать, куда и зачѣмъ я ѣду. Объяснивъ ему причину моего странствованія, я какъ то обернулся и увидѣлъ вблизи отъ насъ четыре или пять кустовъ растенія, называемаго у насъ ренейникомъ (gaga), на которыхъ сидѣли нѣсколько щегловъ. Татаринъ приказалъ бывшему тутъ слугѣ своему поймать одного щегла, что сей немедленно исполнилъ, сдѣлавъ изъ двухъ конскихъ волосъ петлю, которую набросилъ на ренейникъ. Потомъ Татаринъ велѣлъ тому же самому слугѣ приготовить пойманнаго щегленка, и тотъ, обжигавъ его, воткнувъ на маленькую лучинку, обжарилъ на огнѣ и подавъ своему господину. Сей послѣдній, взявъ птичку въ руки и посмотрѣвъ на меня, примолвилъ: «мы

теперь не въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы я могъ достойно угостить тебя; но подѣлимся тѣмъ, что у меня есть, и чѣмъ наградила меня Господь Богъ. За симъ онъ разорвалъ птичку на три части, изъ которыхъ одну подаль мнѣ, другую оставилъ себѣ, а третью, самую меньшую, отдалъ тому, кто поймалъ щегленка.

С к о т ѣ.

Что сказать о безчисленномъ множествѣ скота, находящагося при ордѣ? — Многіе, можетъ быть, не повѣрятъ разсказу моему; но совѣмъ тѣмъ я не могу умолчать о томъ, что самъ видѣлъ. Начну съ лошадей. Люди, торгующіе оными, покупаютъ ихъ во множествѣ у Татаръ и потомъ отвозятъ на продажу въ другія страны. Передъ отъездомъ своимъ изъ орды, отправился оттуда въ Персію цѣлый караванъ, въ коемъ было до 4,000 лошадей. Это нисколько не удивительно, ибо въ случаѣ, если бы кто захотѣлъ въ одинъ день купить ихъ тысячу или двѣ, то безъ всякаго труда нащелъ бы то, что ему надобно. Лошади у Татаръ пасутся въ табунахъ, какъ скотъ. Стоить только войти въ табунъ и сказать хозяину: мнѣ требуется сто коней, и немедленно онъ отберетъ ихъ, сколько нужно, съ помощію палки съ петлею (арканъ), которую носить при себѣ. Навыкъ ихъ въ этомъ дѣлѣ столь удивителенъ, что покупатель смѣло можетъ указать на ту или другую

лошадей; продавец немедленно набрасываетъ ей на шею петлю и выводитъ изъ табуна⁽⁴⁾). Мнѣ въ странствіи моемъ случалось встрѣчать купцевъ, которые вели съ собою такое множество коней, что вся степь была ими усыяна. Лошади Татарскія — не отличной породы, малорослы, имѣють отвислое брюхо и непривычны къ овсу. Когда гонять ихъ въ Персію, то лучшею похвалою служить имъ то, коль онѣ ѣдятъ овесъ; ибо безъ того не могутъ вынести всѣхъ трудностей пути. Другой родъ скота составляютъ быки рослые и весьма красивые. Ихъ такъ много, что они снабжаютъ большую часть нашихъ Италіанскихъ бойнъ. Для сего гонять ихъ обыкновенно чрезъ Польшу и Валахію въ Трансильванію, а потомъ чрезъ Германію прямо въ Италію. Татары въ случаѣ нужды употребляютъ быковъ для перевозки тяжестей. Третій родъ домашняго скота составляютъ большіе, двугорбые, косматые верблюды. Ихъ отправляютъ въ Персію, гдѣ они платятся по 25 дукатовъ за штуку; ибо восточные верблюды имѣють только по одному горбу и весьма малорослы; за то они и стоятъ не болѣе 10 дукатовъ. Наконецъ четвертый родъ скота, составляютъ бараны необыкновенной величины, съ высокими ногами, длинною шерстью и толстымъ хвостомъ (курдюкомъ), вѣсящимъ до 12 фунтовъ. Мнѣ не-

рѣдко случалось видѣть, какъ этого рода бараны праскоюйно тащатъ за собою колесо, привязанное для потѣхи къ ихъ хвосту. Жиръ, добываемый изъ нихъ, служить приправою ко всемъ Татарскимъ кушаньямъ; ибо употребляется ими вмѣсто масла и имѣетъ то достоинство, что не застываетъ во рту⁴⁵).

Г Л А В А VIII.

О порядкѣ, наблюдаемомъ Татарами при посылѣ хлѣба; о плодородіи ихъ почвы; о томъ, какъ Кеци-Махметъ, овергнувъ Улу-Махмета, содѣлался самъ Ханомъ Татарской орды и о томъ, какинъ необыкновеннымъ образомъ Татарское войско переправилось чрезъ Танаисъ.

Посылъ хлѣба.

Если кто не имѣлъ случая видѣть подобно мнѣ вблизи весь бытъ Татарскій, то врядъ ли съумѣетъ удовлетворительно отвѣчать на вопросъ: чѣмъ кормится этотъ народъ въ безпрерывныхъ переходахъ своихъ съ мѣста на мѣсто, и откуда беретъ хлѣбъ, необходимый для его продовольствія? Какъ очевидецъ, я могу въ точности объяснить здѣсь это обстоятельство читателямъ моимъ. Въ исходѣ Февраля мѣсяца по всей ордѣ громогласно возищаются желающимъ дѣлать посылъ, дабы они заблаговременно приготовили все, для того

нужное; ибо въ такой то день Марта предположено отправиться къ такому то мѣсту, для посѣва избранному. Въ слѣдствіе сего объявленія, всѣ желающіе немедленно дѣлають приготовленія свои; насылають семянный хлѣбъ на повозки и отправляются съ рабочимъ скотомъ, женами и дѣтьми, или только съ частью своихъ семействъ, къ назначенному мѣсту, которое обыкновенно бываетъ не далѣе двухъ дней пути отъ пункта, гдѣ находилась орда во время возвыщенія приказа о посѣвѣ. Тутъ остаются они до тѣхъ поръ, пока вспашутъ землю, посѣютъ хлѣбъ и окончатъ полевые работы, и потомъ уже возвращаются назадъ въ орду. Между тѣмъ Ханъ, подобно матери семейства, отпустившей дѣтей своихъ порѣзвиться и безпрестанно издали наблюдающей за ними, все кружится около засѣянаго поля, останавливаясь то тамъ, то сямъ, — и никогда не удаляясь отъ онаго далѣе четырехъ дней пути. Когда же хлѣбъ созрѣетъ, то всѣ желающіе, какъ сѣятели, такъ равно и покупатели, отправляются туда для жатвы, съ повозками, волами, верблюдами и со всѣмъ нужнымъ, какъ бы на собственную мызу. Почва Плодородіе
почвы. земли у нихъ весьма плодородна. Пшеница очень крупна зерномъ и не рѣдко родится самъ — пятьдесятъ, а просо самъ — сто. Иногда жатва бываетъ такъ обильна, что не

знають, куда дѣваться съ хлѣбомъ, и часть его по необходимости оставляють на мѣстѣ.

Здѣсь къ случаю не излишнимъ почитаю сообщить читателямъ моимъ весьма любопытное происшествіе. Одинъ изъ сыновей Улу-Махмета (спокойно царствовавшій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ), страшась двоюроднаго брата своего, обитавшаго за Эрдишемъ, запретилъ въ продолженіе одиннадцати лѣтъ дѣлать посѣвъ, полагая, что при существовавшихъ тогда смутныхъ обстоятельствахъ, часть народа его, употребляемая ежегодно на полевныя работы, будетъ непрерывно подвержена большимъ опасностямъ. Во все время этого запрещенія, орда питалась единственно молокомъ, мясомъ и другими подобными вещами. Муку же и просо привозили на рынокъ весьма рѣдко и продавали по непомерно дорогой цѣнѣ. На вопросъ мой: какъ можно было такъ долго существовать безъ хлѣба?

Татары отвѣчали со смѣхомъ: «а мясо то на что?» — Не смотря однако на всѣ эти предосторожности, сынъ Улу-Махмета былъ изгнанъ родственникомъ своимъ; самъ же Ханъ, услышавъ, что Кеци-Махметъ приближается къ его предѣламъ, и чувствуя себя не въ силахъ бороться съ столь опаснымъ соперникомъ, бѣжалъ изъ орды съ дѣтьми своими и

Кеци-Махметъ изгнать Улу-Махмета.

со всем своим семействомъ. Кеци-Махметъ, сдѣлавшись такимъ образомъ поводителемъ всей орды, возвратился въ Іюнь мѣсяцъ къ рѣкѣ Танаису и переправился чрезъ нее со всемъ своимъ народомъ, скотомъ, повозками и имуществомъ. Замѣчательно и удивленія достойно, что эта переправа, продолжавшаяся двое сутокъ, совершена была въ болѣе по-рядкѣ и столь же спокойно, какъ бы на су-хомъ пути. Нѣсколько человѣкъ посланы бы-ли, по распоряженію начальниковъ, впередъ, для приготовленія деревянныхъ плотовъ изъ лѣса, растущаго въ болѣе количествѣ по бере-гамъ Танаиса. Сверхъ сего заготовлено было также множество фашичника изъ хвороста и тростинна. Фашичникъ этотъ подвѣзали подъ плоты и повозки, къ которымъ припрягли нужное число лошадей; нѣмъ пустили этихъ лошадей вѣшать по рѣкѣ, подъ управленіемъ нѣ-сколькихъ человѣкъ (вовсе нагихъ), и такимъ образомъ перевезли повозки и плоты съ одно-го берега на другой.

Переправа
Татаръ
чрезъ Тана-
исъ.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ этой перепра-вы, отправился я водою къ одной тонѣ и повстрѣчалъ на пути столько плотовъ и фа-шинъ, что во многихъ мѣстахъ рѣка была запружена ими. Еще большее количество о-ныхъ разбросано было по берегамъ Танаиса. Прибывъ къ тонѣ мы нашли, что Татары по-

ступили съ нею еще хуже, чѣмъ въ первый приходъ свой, о которомъ выше сего было упомянуто.

Г Л А В А IX.

О томъ, какъ родственникъ Хана, Эдельмутъ, пришелъ къ Автору сына своего; о томъ, какъ Авторъ освободилъ въ Венеціи двухъ Татаръ, томившихся въ неволѣ и о томъ, какъ одинъ изъ сихъ Татаръ еще гораздо прежде сего былъ спасенъ Авторомъ во время пожара въ Танѣ.

Эдельмутъ
приводитъ
къ Автору
своего сына.

Возвращаясь къ старымъ друзьямъ своимъ, не излишнимъ почитаю упомянуть, что родственникъ Хана, Эдельмутъ, прибывъ вмѣстѣ съ ордою къ берегамъ Танаиса, для переправы (какъ выше сего было сказано), зашелъ въ Тану и привелъ съ собою одного изъ своихъ сыновей. Обнявъ меня съ радостію, онъ примолвилъ: «я привелъ къ тебѣ сына моего и желаю, чтобы онъ сдѣлался твоимъ сыномъ.» Потомъ снявъ у него съ плечъ плащъ, надѣлъ на меня и сверхъ того подарилъ мнѣ восемь Русскихъ плащниковъ⁴⁶), говоря, что это часть добычи, пріобрѣтенной имъ въ Россіи. Пробывъ въ домѣ моемъ два дня, онъ отправился въ дальнѣйшій путь свой, получивъ отъ меня при прощаніи подарки, соответствовавшіе его дарамъ.

Многіе, разсчитываясь съ знакомыми своими и не надѣясь уже никогда болѣе съ ними видѣться, забываютъ нерѣдко взаимную пріязнь, говоря: «мы разлучаемся навѣки,» и изъ сльдствіе того поступаютъ при разставаніи не такъ, какъ бы слѣдовало. Опытъ доказалъ мнѣ ошибочность подобныхъ сужденій; да и пословица говорить не даромъ, что гора съ горой не сходится, а человекъ сходится съ человекомъ. На возвратномъ пути моемъ изъ Персіи съ посланникомъ Гассанъ-Бей (А-зымбей), располагая я пробраться въ Венецію чрезъ Татарію и Польшу; но въ послѣдствіи перемѣнилъ свое намѣреніе. Съ нами было нѣсколько Татарскихъ купцовъ, которые, на вопросъ мой объ Эдельмутѣ, отвѣчали, что онъ давно уже умеръ и оставилъ по себѣ сына, именемъ Ахмета (Нагметъ), находившагося въ великой милости у Хана. Это имя, равно какъ и рассказы купцовъ о чертахъ лица Ахмета, удостовѣрили меня въ мысли, что это былъ тотъ самый сынъ Эдельмута, который приходилъ ко мнѣ съ отцомъ своимъ. Если бы мы поѣхали чрезъ Татарію, то навѣрно попались бы къ нему въ руки, — и нѣтъ сомнѣнія, что онъ принялъ бы меня наилучшимъ образомъ, помня гостепріимство, оказанное мною его отцу и ему самому. Между тѣмъ, кто бы могъ подумать, что чрезъ тридцать пять лѣтъ

Татаринъ встрѣтится съ Итальянцемъ въ столь отдаленной странѣ?

Авторъ о-
свобождаетъ
въ Венеціи
двухъ Та-
тара.

Кстати расскажу здѣсь одинъ случай, ко-
торый хотя и не относится къ этой эпохѣ,
но имѣетъ некоторую связь съ тѣмъ, что я
выше сего объяснить старался. Въ 1455 году
запедъ случайно въ одинъ винный магазинъ
въ Ріальто, въ Венеціи, замѣтилъ я въ углу,
между бочками, двухъ скованныхъ людей и
при свѣтѣ огня немедленно узналъ по лицамъ
ихъ, что это были Татары. На вопросъ мой,
кто они таковы, получилъ я въ отвѣтъ: «мы
находились невольниками у Кателанъ, бѣжали
отъ нихъ на лодкѣ и попались въ морѣ хозяи-
ну этого магазина.» Я тотъ же часъ отпра-
вился въ судъ съ жалобою на такое при-
тѣсненіе. Судьи, выслушавъ меня, немедленно
отрядили нѣсколькихъ чиновниковъ для приве-
денія къ нимъ означенныхъ Татаръ,—и тутъ же,
въ присутствіи хозяина магазина, сняли съ нихъ
оковы, а его предали суду. Возвратясь домой
съ освобожденными мною плѣнниками, я при-
нялся спрашивать ихъ, откуда они родомъ,
и къ удивленію узналъ, что одинъ изъ нихъ
былъ жителемъ Таны и принадлежить къ чи-
слу служителей знакома моего Коцадагута
(Cozadaguth), Ханскаго повѣреннаго⁴⁷⁾ и сбор-
щика податей съ товаровъ, привозимыхъ въ
Тану. Разглядѣвъ его внимательно, припом-

нилъ я, что онъ нѣсколько разъ бывалъ у меня въ домѣ; на вопросъ же мой, какъ его зовутъ, получилъ въ отвѣтъ: «Хебехци» (Chebeshzi), что на нашемъ языкѣ значитъ сѣтель или землепашецъ. Тутъ снова обратился я къ нему съ вопросомъ: «знаешь ли ты меня?» — «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ. Но лишь только я напомнилъ ему Тану и Юсуфа (такъ звали меня тамъ), онъ бросился немедленно къ моимъ ногамъ и обнимая ихъ вскричалъ: «Ты два раза спасъ мнѣ жизнь! Сегодня;—нбо неволю почиталъ я второю смертію,—и еще въ другой разъ въ Танѣ, во время пожара, когда ты велѣлъ сдѣлать въ стѣнѣ проломъ, чрезъ который спаслись многіе, въ томъ числѣ и я и господинъ мой.» Дѣйствительно это была правда. Когда пламя обхватило городъ, я приказалъ немедленно сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, противъ одной пустыри, на которой стеклось множество народа, и чрезъ этотъ проломъ вынесъ изъ пламени до сорока человѣкъ, въ томъ числѣ Коцадагута и служителя его. Продержавъ Татарскихъ плѣнниковъ въ домѣ своемъ около двухъ мѣсяцевъ отправилъ я ихъ потомъ обратно въ отечество, на первыхъ оудахъ, отлившихъ въ Тану. Все вышеприведенное мною не служить ли явнымъ доказательствомъ тому, что никто, разставаясь съ знакомымъ человѣкомъ, не долженъ предпола-

Авторъ спасаетъ сорокъ человѣкъ во время пожара въ Танѣ.

гать, будто видеть его въ послѣдній разъ, и забывать прежнюю связь свою; ибо не рѣдко сильнѣйшій будетъ имѣть нужду въ слабѣйшемъ.

Но возвратимся къ Танѣ и описанію путешествія моего на сѣверъ и востокъ отъ оной, по берегамъ Забакскаго и Чернаго морей, до страны, называемой Мингреліею (Lazia Mingrelia), а въ древности извѣстной подъ именемъ Колхиды⁴⁸).

Г Л А В А X.

О землѣ, именуемой Кремухъ (Сретисх⁴⁹); о ея Государѣ и жителяхъ; о ихъ нравахъ и обычаяхъ; о разныхъ другихъ сосѣдственныхъ владѣніяхъ; о Мингрелии и ея Государѣ; объ отличительныхъ свойствахъ сей страны; о словѣ *Тетари* и его значеніи; объ островѣ Каа⁵⁰).

Кремухъ. Отправившись изъ Таны по берегу Забакскаго моря, прибылъ я послѣ трехдневнаго пути въ страну называемую Кремухъ. Ею управляетъ Государь, по имени Биберди (Biberdi), т. е. Богомъ данный (Deodato) сынъ Кертибелъ (Chertibiei) т. е. истиннаго влѣстителя. Владѣнія его состоятъ изъ нѣсколькихъ селеній, могущихъ въ случаѣ нужды выставить до 2000 всадниковъ, и изобилуютъ лѣсами и плодород-

ными равнинами, орошаемыми множеством
рѣкъ. Знатнѣйшіе жители страны живутъ инд-
ицизмомъ и преимущественно грабежомъ
каравановъ, отъ времени до времени здѣсь
проходящихъ. Они имѣютъ прекрасныхъ ло-
шадей, отличаются мужествомъ и лукавствомъ,
и лица ихъ весьма сходны съ Итальянцами. Зем-
ля ихъ изобилуетъ хлебомъ, скотомъ и медомъ;
но за то въ ней вовсе нѣтъ вина. За Крему-
хомъ обитаютъ разные народы, въ недале-
номъ разстояніи одинъ отъ другаго⁵¹), какъ то:
Кипички (Chirpiche) Татакозды (Tatacosia), Се-
байцы (Sobai), Кевертейцы (Cheverthei) и Асы
или Аламы, о коихъ мы упомянули прежде.
Земли ихъ простираются на 12 дней пути
вплоть до самой Мингрелии, страны, грани-
чащей съ Кайтаками (Kaitaschi⁵²), народамъ,
занимающимъ все пространство между Мин-
грелиею и Каспійскимъ моремъ; частью же
съ Грузіею (Zuglandia), Чернымъ моремъ, хреб-
томъ горъ, тянувшихся по Черкассин, и рѣкою
Фазисомъ⁵³), выходящимъ въ Черное море.
Мингрельскій Государь называется Бендіаномъ
(Bendian) и владѣетъ двумя большими крѣпо-
стями на Черномъ морѣ: Вати (Vathi) и Се-
вастополемъ (Sevastopol⁵⁴), и нѣсколькими дру-
гими меньшими укрѣпленными мѣстами. Стра-
на сія вообще камениста и безплодна и не
производитъ ничего кромѣ проса; даже солъ

Народы, со-
предѣльные
съ Крему-
хомъ.

Мингрелии

Характеръ
Мингрель-
цовъ.

привозить туда изъ Клеры. Вся промышленность жителей состоитъ въ дѣланіи небольшого количества тканей, грубыхъ и нечистыхъ; за то они вообще славутъ народомъ самымъ нечуждымъ. Доказательствомъ сего можетъ служить слѣдующій случай: Прогуливаясь однажды съ знакомымъ мнѣ Генуэзцемъ, Анцолиномъ Скварчіафайко, по улицамъ Ватти (куда я прибылъ на Турецкомъ суднѣ въ проѣздѣ изъ Константинополя въ Тану), увидѣли мы молодую женщину, стоявшую на порогѣ дома. Товарищъ мой немедленно подошелъ къ ней съ вопросомъ: *Суріана замрени кохенъ*, т. е. дома ли козянь? и получилъ въ отвѣтъ: *аркилимиси*, т. е. будетъ сей часъ. Въ ожиданіи его прихода, Анцолино, взявъ Мингрелку за лице, открылъ ей ротъ, говоря мнѣ: посмотри какіе прекрасные зубы, и потомъ, не довольствуясь этимъ, обнажилъ ей грудь и приподымая титъки, приглашалъ меня разглядѣть ихъ. Женщина ни мало не смутилась обращеніемъ Анцолино и даже не тронулась съ мѣста. Послѣ сего мы вошли въ домъ ея, — и Генуэзецъ, преспокойно разоѣвшися, подошелъ къ себѣ и давая знать, что у него въ нижнемъ платьѣ блохи, приказалъ искиать ихъ. Она подошла безъ всякаго принужденія и принялась исполнять волю моего товарища съ особеннымъ добродушіемъ и на-

внешностию. Въ это время вошелъ въ комнату мужъ и, потраивая кошелекомъ вскричалъ: *Матроне матари силе*, т. е. хозяйнѣ, есть ли у тебя деньги? Анцодино одѣлалъ видъ, будто ничего при себѣ не имѣетъ и далъ ему нѣсколько аспровъ, для покупки лавишъ либо лакомствъ. Пробывъ тутъ нѣкоторое время, мы пошли далѣе, и во всякомъ домѣ Генуэзецъ мой по обычаю страны дѣлалъ все, что приходило ему на умъ; но никто не оскорблялся его поступками. Не явное ли это доказательство грубаго невѣжества этого народа? Отъ того то у Генуэзцевъ, премышляющихъ въ сихъ странахъ, вошло въ обыкновеніе называть Мингрелами тѣхъ, кого они почитаютъ пошлыми дураками.

Объяснивъ выше сего, что *матары* на Тетари. Мингрельскомъ языкѣ значить деньги, я долгомъ почитаю присовокупить, что слово это собственно означаетъ только бѣлый цвѣтъ и первоначально присвоено было серебряной монетѣ, которая, какъ извѣстно, бѣлаго цвѣта. Греки также имѣютъ монету, называемую *аспронъ*, т. е. бѣлою, Турки — *ангіа*, также бѣлый, Джагатаи — *женъ*, бѣлый; Италіанцы имѣли прежде *біанки*; а у Испанцевъ они сохранились и по сію пору. Изъ сего явствуеть, что различные народы не рѣдко да-

иоть какой либо вещи одно и тоже названіе, только каждый на своемъ языкѣ.

Островъ
Кафа.

Но обратимся опять къ путешествію нашему. Перейдемъ черезъ рѣку, омывающую Аланію и о которой я выше сего упомянулъ; представляется правый берегъ Забаскаго моря до острова Кафы, соединяющагося съ материкомъ узкимъ перешейкомъ, называемымъ Цунамъ (Zuchan⁵⁵) подобно тому, какъ Морея соединена съ Греціею Эсимильскимъ перешейкомъ. Здѣсь на пути встрѣчается множество соляныхъ озеръ, въ конхъ соль застываетъ сама собою. На самомъ же островѣ прежде всего представляется взору Куманія, получившая названіе свое отъ Кумаловъ, а потомъ самая Кафа, (прежде бывшая Хазарія). Не мѣшаетъ замѣтить, что и до сихъ еще поръ аршинъ, употребляемый въ Танъ и другихъ соедѣственныхъ странахъ, сохранилъ названіе Хазарскаго аршина⁵⁶).

Г Л А В А ХІ.

О Государь, именуемъ Улубеиъ (Ulubî) и о странѣ, подвластной ему; о покореніи Кафы и о томъ, какими образомъ она досталась въ руки Менгли-Гирея (Mengligeri), потомъ перешла къ Султану и наконецъ опять подпала подъ власть Менгли-Гирея; о стрельбѣ въ цѣль изъ лука; о плененіи и освобожденіи Муртазы-Хана (Mordassa-Can).

Равнины острова Кафы принадлежать Улубей и Татарамъ и управляются особеннымъ Государемъ, по имени Улубеиъ, сыномъ Ази-Гирея (Azicharei⁵⁷). Онъ довольно населены и могутъ, въ случаѣ нужды, выставить до 4000 всадниковъ. Татары владѣютъ на островѣ двумя, не слишкомъ впрочемъ важными, укрѣпленіями, а именно: Сольгати (Solgathi), который природные жители называютъ Крымомъ (Chirmio⁵⁸), т. е. крѣпостію, и Керкиарде (Cherchiarde), что на Татарскомъ языкѣ значить сорокъ мѣстъ⁵⁹). По берегу Забакскаго моря первый встрѣчающійся городъ есть Керчь (Cherz), извѣстный у насъ подъ именемъ Босфора Кимерійскаго, а потомъ Кафа, Сольдадія (Soldadia), Грузин (Gruzui), Сарсона (Sarsona) и

Ч. I. I. Барбаро. 5

Покореніе
Кафы.

Менгли-Ги-
рей при-
званъ въ
Кафу.

Каламита (Calamita⁶⁰). О всѣхъ этихъ горо-
дахъ, подвластныхъ нынѣ Султану, не стану
я распространяться болѣе; ибо они и безъ
того уже довольно извѣстны, а расскажу толь-
ко въ нѣсколькихъ словахъ покореніе Кафы,
о коемъ я слышалъ отъ одного Генуэзца, по
имени Антонио да Гуаско, бывшаго очевид-
цемъ этого событія, и бѣжавшаго моремъ
сначала въ Грузію, а потомъ въ Персію, гдѣ
онъ самъ рассказывалъ мнѣ то, что я теперь
сообщить намѣренъ. Въ это время царствовалъ
въ Крыму Татарскій Государь, по имени Эми-
нахъ-Бей (Eminachbi⁶¹). Жители Кафы обязаны
были, по обычаю страны, платить ему ежегод-
но извѣстную дань, и по поводу сего воз-
никли между ними какія то несогласія, такъ,
что бывший тогда въ Кафѣ Консуль, ро-
домъ Генуэзецъ, рѣшился отправить посла
къ Татарскому Хану съ просьбою о присылкѣ
кого либо изъ родственниковъ Эминахъ-Бей,
для сверженія его съ престола. Съ этимъ на-
мѣреніемъ отправленъ былъ нарочный корабль
въ Тану, съ особеннымъ посломъ, который
немедленно поѣхалъ къ Хану въ орду и оты-
скавъ тамъ одного родственника Эминахъ-Бей,
по имени Менгли-Гирей, уговорилъ его вхаты
вмѣстѣ въ Кафу чрезъ Тану. Эминахъ-бей,
провѣдавъ о семъ, началъ изыскивать всѣ сред-
ства къ примиренію своему съ жителями Кафы,

предлагая имъ главнымъ условіемъ мира, чтобы они немедленно отпразднели Менгли-Гирея назадъ; но Кафинцы не согласились на это условіе и, въ слѣдствіе того, Эминахъ-бей, не утѣренный въ собственныхъ силахъ своихъ, отправилъ посла къ Султану, прося его прислать къ нему на помощь Оттоманскій флотъ, который бы дѣйствовалъ съ моря, тогда какъ самъ Эминахъ-бей будетъ дѣйствовать съ сухаго пути, и обѣщаясь въ награду за то уступить Султану Кафу. Султанъ, давно домогавшійся владѣнія сими городомъ, немедленно отправилъ къ Кафѣ флотъ оной, который безъ большихъ усилій овладѣлъ ею и, захвативъ Менгли-Гирея, отослалъ его къ Султану, гдѣ онъ находился плѣнникомъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вскорѣ однако Эминахъ-бей, недовольный сосѣдствомъ Турокъ и жалѣя о одѣланной имъ Султану уступкѣ, запретилъ вывозъ въ Кафу всякаго рода жизненныхъ припасовъ, отъ чего городъ пришелъ въ крайне затруднительное положеніе, какъ бы во время осады. Султану данъ былъ совѣтъ отправить Менгли-Гирея обратно въ Кафу и держать его тамъ подъ почетною стражею, въ надеждѣ чрезъ таковую мѣру возстановить изобиліе въ городѣ; ибо жители крайне привязаны были къ Менгли-Гирею. Находя совѣтъ сей благоразумнымъ, Султанъ исполнилъ ис-

Султанъ
овладѣваетъ
Кафою.

полнить его, и лишь только узнали о возвращеніи Менгли-Гирей, немедленно всѣ рынки наполнились прикасами; ибо Государь сей былъ любимъ не только жителями города, но и окрестной страны. Между тѣмъ его держали подъ почетною стражею, позволяя впрочемъ свободно ходить по всему городу.

Стрѣльба въ
цѣль изъ
лука.

Въ таковомъ положеніи находились дѣла, когда назначена была однажды въ Каѣ стрѣльба въ цѣль изъ лука. Здѣсь не мѣшаетъ объяснить, какимъ образомъ этого рода забавы устроены у тамошнихъ народовъ. На бревно, вставленное обоими концами въ два другія бревна, врытыя въ землю, на подобіе шпильницы, привѣшиваютъ обыкновенно на снуркѣ серебряный сосудъ. Стрѣлы тѣхъ, которые намѣрены состязаться для полученія награды, вооружены желѣзнымъ остріемъ, въ видѣ шолумѣсяца. Съ лукомъ въ рукахъ всадники пускаютъ коней своихъ, сначала прямо подъ шпильцу, а потомъ, отъѣхавъ отъ нее на нѣкоторое разстояніе, круто поворачиваютъ вправо и, обернувшись назадъ, пускаютъ стрѣлы свои въ назначенную цѣль. Тотъ, кому удастся сбить сосудъ, получаетъ его въ награду своего искусства.

Пользуясь этимъ случаемъ, Менгли-Гирей подговорилъ сто Татарскихъ всадниковъ, дабы они скрылись въ небольшой лодчинѣ, непода-

леку отъ города находившейся; самъ же объявилъ, что первый намѣренъ начать стрѣльбу, и пустивъ по обычаю вскачь коня своего, вскорѣ совсѣмъ скрылся изъ виду. Лишь только слухъ о его побѣгѣ распространился въ народъ, большая часть жителей острова немедленно присоединилась къ нему, и съ помощью ихъ онъ вскорѣ овладѣлъ городомъ Сольгати; въ шести миляхъ отъ Кафы находящемся, а потомъ, когда силы его значительно возросли, приступилъ къ городу Керкиарде, взялъ его и, умертавивъ Эминахъ-бей, объявилъ себя повелителемъ всей страны.

Менгли-Гирей умеръ
и является
Эминахъ-бей.

На слѣдующій годъ вознамѣрился онъ идти войною на Цитраханъ, страну, въ 16 дняхъ пути отъ Кафы находящуюся и подвластную Муртазъ-Хану, кочевавшему въ то время съ ордою своею на рѣкѣ Эрдилъ. Прибывъ къ сей рѣкѣ, онъ напалъ на Муртазу-Хана, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ со множествомъ народа, изъ коего большую часть отправилъ въ Кафу, а самъ остался съ войскомъ своимъ зимовать у означенной рѣки. Между тѣмъ другой Татарскій Государь, жительствовавшій отсюда въ разстояніи нѣсколькихъ дней пути, узнавъ о положеніи стана Менгли-Гиреева, дождался той поры, какъ рѣка покрылась льдомъ, и напавъ внезапно на Менгли-Гирея, разбилъ его, освободилъ Муртазу-Хана, томившагося въ

Плѣненіе
Муртазы-Хана.

Освобо-
ждение Мур-
тазы - Хана.
Онъ идетъ
войною про-
тивъ Мен-
гли-Гирей.

пѣну — и принудилъ Менгли-Гирей возвра-
титься съ большимъ урономъ въ Кафу. На слѣ-
дующую весну Муртаза-Ханъ учинилъ въ свою
очередь опустошительный набѣгъ на младшія
Менгли-Гирей, но вынужденъ былъ возвра-
титься назадъ, не успѣвъ покорить ихъ вла-
сти своей. Говорятъ, что онъ опять наби-
раетъ войско въ намѣреніи итти новою вой-
ною противу Менгли-Гирей⁶⁹), — и этотъ
слухъ, самъ по себѣ справедливый, подаѣ по-
водъ къ странной выдумкѣ. Тѣ, которымъ
неизвѣстны причины этой войны и различіе
между Ханомъ большой орды (Gıral Cap) и
Муртазою-Ханомъ, услышавъ о новомъ опод-
ченіи сего послѣдняго противу Кафы, заклю-
чили, что самъ Ханъ большой орды, по предва-
рительному соглашенію съ Султаномъ, идетъ
чрезъ Кафу, Монкастро и Валахію въ Вен-
грію, гдѣ соединить силы свои съ силами Ту-
рокъ. Заключение сіе совершенно ложно, хотя
и сообщено въ письмахъ изъ Константино-
поля.

Г Л А В А XII.

О Готеѣмъ и Аланѣмъ; о Готескомъ нарѣчїи; о Готеаланахъ (Gothalani) и о причинахъ, по которымъ они названы симъ именемъ; о городѣ Цитрахани и огромныхъ липахъ, растущихъ въ окружныхъ лѣсахъ; о городѣ Рязани (Risani) и плодородїи окрестной страны; о городѣ Коломнѣ (Colona); о рѣкѣ Москвѣ (Moscho) и городѣ того же имени; о мѣстоположеніи и богатствѣ сего города.

Прямо позади острова Кафы, на берегу Готеѣмъ
Аланїа. Чернаго моря, лежитъ сначала Готеѣмъ⁶³⁾, а потомъ Аланїа, простирающаяся вплоть до самаго Монкастро. Готѣмъ говорятъ языкомъ Нѣмецкимъ, въ чемъ я самъ удосто-
вѣрился, имѣвъ при себѣ служителя Нѣмца, который свободно объяснялся съ ними на природномъ языкѣ своемъ, и они также хорошо понимали другъ друга, какъ у насъ житель Форли⁶⁴⁾ понимаетъ Флорентинца⁶⁵⁾. Отъ со-
сѣдства Готеѣмъ съ Аланами, какъ я полагаю, произошло названїе Готеалановъ. Аланы были первоначальными обитателями страны. При-
шли Готѣмъ, покорили ихъ и, смѣшавъ имя

Готеоланы. свое съ ихъ именемъ, назвали себя Готеаланами, т. е. народомъ, составленнымъ изъ двухъ различныхъ племенъ. Всѣ они, равно какъ и Черкессы (Circassi), исповѣдуютъ Греческую вѣру ⁶⁶).

Упомянувъ выше сего о Тюмени и Цитрахани, мы не излишнимъ почитаемъ сообщить читателямъ нашимъ тѣ подробности объ этихъ странахъ, которые кажутся намъ заслуживающими вниманіе. На востокъ отъ Тюмени, въ разстояніи семи дней пути, течетъ рѣка Эрдиъ, на которой стоитъ городъ Цитраханъ. Теперь онъ почти совершенно раззоренъ, но прежде славился своею обширностію и богатствомъ. До разрушенія его Тамерланомъ, пріяныя моремъ и шелкъ, отправляемые нынѣ чрезъ Сирію, доставлялись въ Тану чрезъ Цитраханъ, и потомъ уже на шести или семи Венеціанскихъ галерахъ перевозились въ Италію; ибо въ то время ни Венеціане, ни другіе приморскіе жители не производили еще въ Сиріи никакой торговли ⁶⁷). Эрдиъ есть одна изъ самыхъ величайшихъ и широкихъ рѣкъ. Она впадаетъ, въ 25 миляхъ отъ Цитрахани, въ Бакинское море (mare di Baku ⁶⁸) и изобилуетъ всякаго рода рыбою, преимущественно Харіусами (schenoli) и муреною (morgone). По берегу моря встрѣчается весьма много солончаковъ.

Вверхъ по Эрдаю легко можно въ трое сутокъ доплыть до Москвы, столицы Россіи⁶⁹⁾. Отъ того-то Московитяне каждый годъ отправляютъ суда свои въ Цитраханъ за солью. Путь сей весьма удобенъ; ибо рѣка Москва впадаетъ въ Оку (Осса), а сія послѣдняя въ Эрдишъ. На Эрдишѣ находится множество острововъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до 30 миль въ окружности. Они покрыты лѣсами, въ коихъ растутъ столь огромной величины липы, что изъ одного кряжа можно выдолбить лодку, на которой помѣстятся 8 или 10 лошадей и столько же людей. Перѣѣхавъ чрезъ Эрдишъ, по направленію къ западу, на разстояніи пятнадцати дней пути, встрѣчаются по берегу рѣки безчисленныя племена Татаръ. Они простираются до самыхъ предѣловъ Россіи, на границѣ коей находится городъ Рязань, подвластный одному изъ родственниковъ Іоанна, Великаго Князя Россійскаго (Giovanni, Duca di Russia⁷⁰⁾). Жители Рязанской земли все до одного Христіане и исповѣдуютъ вѣру Греческую. Страна ихъ, изобилующая хлѣбомъ, скотомъ, медомъ и другими сельскими продуктами, вообще лѣсаста и довольно населена. Въ Рязани приготовляютъ особенный напитокъ, въ родъ нашего пива, именуемый бузою (buzza). Нѣсколько далѣе встрѣчается городъ Коломна, укрѣпленный по

Огромныя
липы.

Рязань.

Коломна

добно Рязани деревянными стѣнами ¹¹⁾. Въ
 обоихъ этихъ городахъ всё строеніе деревян-
 ные, по недостатку каменнаго матеріала. За
 Коломною, въ разстояніи трехъ дней пути;
 течетъ значительная рѣка Москва ¹²⁾, на ко-
 торой стоитъ городъ того же имени, гдѣ
 имѣетъ жительство вышепомянутый Іоаннъ,
 Великій Князь Россійскій. На этой рѣкѣ, про-
 текающей внутри самаго города, построено
 нѣсколько мостовъ. Замокъ расположенъ на
 холмѣ и со всѣхъ сторонъ окруженъ рощами.
 Изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ такъ здѣсь велико,
 что говядину продаютъ не на вѣсъ, а по гла-
 зомѣру. За одинъ маркъ (marchetto) вы мо-
 жете получить четыре фунта мяса; семьде-
 сять курицъ стоятъ червонецъ, а гусь не бо-
 лѣе трехъ марокъ. Стужа здѣсь такъ силь-
 на, что самые даже рѣки замерзаютъ отъ
 оной. Зимой привозятъ въ Москву такое мно-
 жество быковъ, свиней и другихъ живот-
 ныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и заморо-
 женныхъ, что за одинъ разъ можно купить
 до двухъ сотъ штукъ; но рѣзать ихъ не
 лзя, не разогрѣвъ прежде въ печи; ибо они
 тверды какъ камень. За то плодовъ здѣсь ни-
 какихъ нѣтъ, кромѣ небольшого количества
 яблочковъ, орѣховъ и лѣсныхъ орѣшковъ ¹³⁾.

Жители, для поѣздокъ своихъ, въ осо-
 бенности продолжительныхъ, избираютъ пре-

имущественно зимнее время, когда дорога от морозовъ сдѣлается ровною и не представляетъ въ пути никакихъ неудобствъ, кромѣ одной только стужи. Поклажу свою перевозятъ они весьма легко на саняхъ, которые служатъ у нихъ вмѣсто повозокъ и называются возами (*travoli over vosi*). Лѣтомъ же никто не отваживается въ дальнѣйшій путь по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми. Вина Москвитяне не пьютъ; но дѣлаютъ особеннаго рода напитокъ изъ меда или изъ пшеницы, подмѣшивая туда хмѣль, который, приводя напитокъ въ броженіе, придаетъ ему такую крѣпость, что имъ можно напиться до пьяна какъ виномъ.

Не смѣю умолчать здѣсь о постановленіи, сдѣланномъ нынѣшнимъ Великимъ Княземъ. Видя, что подданные его предаются пьянству и пренебрегаютъ полезными занятіями, онъ издалъ указъ, воспрещающій кому бы то ни было варить медъ и пиво и употреблять хмѣль. Этимъ способомъ ему удалось исправить народъ свой⁴).

Г Л А В А XIII.

О городъ Казани (Cassan); о Моксахъ (Moxii), ихъ религии и образъ жизни; о Новгородъ, о крѣпостяхъ Трокахъ (Trochi) и Слонимъ (Lopin); о городахъ Варшавъ (Varsonich); Мезерицъ (Mersaga) и Франкфуртъ; о Царь Грузинскомъ; о плодородіи подвластной ему страны и о нравахъ и обычаяхъ ея жителей; о городъ Тиѣлисъ (Zifilis).

Казань.

За двадцать пять лѣтъ предъ симъ Рускіе платили ежегодную дань Татарскому Хану, а нынѣ сами завоевали городъ Казань (слово это на нашемъ языкѣ значитъ котель), лежащій на лѣвомъ берегу рѣки Эрдия, по направленію къ Бакинскому морю, въ разстояніи пяти дней пути отъ Москвы⁷⁰). Городъ сей производитъ значительную торговлю, снабжая Россію, Польшу, Персію и Фландрію мѣхами, которые самъ получаетъ съ Сѣвера отъ Джагатаевъ (Zagatai) и Моксовъ⁷⁵). Страна Джагатаевъ населена Татарами, которые, равно какъ и Моксы, преданы идолопоклонству.

Имѣвъ случай узнать нѣкоторыя подробности

Моксы. о Моксахъ, я сообщу оныя читателямъ

монимъ. Въ известное время года они выводятъ въ поле лошадей и привязываютъ ей всѣ четыре ноги и голову къ кольямъ, вбитымъ въ землю. Потомъ одинъ изъ нихъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, ставъ въ известномъ разстояніи, пускаетъ ей въ грудь стрѣлы до тѣхъ поръ, пока она падетъ мертвою. Послѣ сего ее обдираютъ и съѣзъ мясо, съ некоторыми особенными обрядами, шкуру набиваютъ соломой; при чемъ весьма ясно зашиваютъ ее, а вмѣсто ногъ вставляютъ прямыя палки, дабы чучело могло стоять какъ живая лошадь. По совершеніи этихъ церемоній, всѣ отправляются къ какому либо дереву, у котораго обрубаютъ нѣсколько вѣтвей и, прикрѣпивъ доску на вершинѣ, ставятъ на нее самое чучело; потомъ поклоняются ему, принося въ даръ соболей, горностаевъ, кунницъ, бѣлокъ, волковъ или другіе какіе либо мѣха, которые прикрѣпляютъ къ дереву, какъ мы прикрѣпляемъ свѣчи, такъ, что оно почти все ими унизано.

Большая часть народа питается мясомъ (преимущественно дичью) и рыбою, которую они ловятъ въ рѣкахъ. Объяснивъ здѣсь вкратцѣ все, известное мнѣ о Моксахъ, скажу еще нѣсколько словъ о Джагатайскихъ Татарахъ. Они также язычники и поклоняются идоламъ, которыхъ возятъ съ со-

бою на повозкахъ. Нѣкоторые даже воздаютъ Божескіе почести первому животному, которое встрѣтитъ по выходѣ своемъ изъ дома.

Новгородъ. Великій Князь Россійскій покорилъ также Новгородъ (Novogradia), что на нашемъ языкѣ значитъ девять городковъ (поше castelli), обширнѣйшій городъ, лежащій на сѣверъ отъ Москвы, въ разстояніи осьми дней пути¹⁶). Верховная власть въ Новгородѣ находилась прежде въ рукахъ народа, но законы были весьма недостаточны и многіе изъ жителей вдавались въ ересь. Теперь православіе понемногу укореняется и въ управленіи замѣтенъ также нѣкоторый порядокъ и правосудіе.

Отъ Москвы до границъ Польши считается 22 дня пути. Первый встрѣчающійся на Троки. семь прѣстранствъ городъ есть крѣпость Троки, до которой дорога тянется чрезъ лѣса и горы, представляя видъ совершенной пустыни. Лишь только по временамъ встрѣчаются слѣды огня, разведеннаго путниками для ночлега, да изрѣдка мелькаютъ небольшія деревеньки. Далѣе Слоинитъ. до Слоинна, крѣпости, въ разстояніи 9 дней пути отъ Трокъ находящейся, дорога также идетъ чрезъ лѣса и горы. Впрочемъ страна сія уже болѣе населена. Вслѣдъ за симъ въѣзжаешь въ землю Литовскую, гдѣ первый встрѣтившійся Варшава. городъ есть Варшава¹⁷). Она управляется

нѣсколькими вельможами, подвластными Королю Польскому Казимиру. Вся эта страна очень плодородна и усыяна множествомъ крѣпостей и селеній, не слишкомъ впрочемъ значительныхъ. Отъ Трокъ до Польши считается не болѣе 6 дней пути и дорога лежитъ по мѣстамъ плодороднымъ и красивымъ. Потомъ слѣдуетъ Мезерицъ, довольно хорошій городъ Мезерицъ. и имъ оканчиваются Польскія владѣнія, о коихъ я не стану распространяться по неимѣнію достаточныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній. Скажу только, что Король Польскій и все его семейство исповѣдуютъ вѣру Христіаннѣйшую и что старшій сынъ его владѣетъ нынѣ Богемскимъ престоломъ. — По выѣздѣ изъ Польши, чрезъ четыре дни пути, прибыли мы во Франкфуртъ, городъ, принадлежащій Маркису Бранденбургскому (Marchese di Brandiburg) и потомъ въѣхали въ Германію, которой описывать не стану, ибо страна сія многимъ уже известна. Теперь остается только упомянуть о Грузіи, Государствѣ, лежащемъ совершенно въ противной сторонѣ, подлѣ Мингреліи и управляемой нынѣ Царемъ, по имени Багратомъ (Rap- Грузія стато¹⁴): Это — прекрасная страна, изобилующая скотомъ, хлѣбомъ, виноградомъ и всякаго рода плодами. Жители вообще рослы и красивы, но слѣдуютъ самымъ глупымъ и страннымъ обычаямъ. Они брѣютъ головы, оставляя только кру-

гомъ небольшой рядъ волосъ , подобно нашимъ Аббатамъ ; усы отпускають на четверть ниже самой бороды ; на головѣ носятъ разноцвѣтныя шапки, собранныя на верхушкѣ въ видѣ гребня и одѣваются въ длинные и весьма узкіе кафтаны, съ большими разрѣзами назадъ, дабы удобнѣе можно было ѣздить верхомъ. Впрочемъ этотъ нарядъ порицать трудно, потому что онъ доселѣ еще сохранился во Франціи. Сапоги ихъ сдѣланы такимъ образомъ, что когда они стоятъ на ногахъ, то носокъ и каблукъ касаются пола, а середина подошвы отдѣляется отъ него на такое разстояніе, что можно свободно просунуть кулакъ, не причинивъ ногѣ ни малѣйшей боли. Эта обувь дѣлаетъ ихъ походку нѣсколько вялою; впрочемъ не одни они, но и Персіане также носятъ этого рода сапоги. Въ столѣ, (какъ я имѣлъ случай видѣть у одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ) соблюдаютъ они особенный порядокъ. Посреди четвероугольнаго стола, въ полдоктя шириною, съ выдолбленнымъ вокругъ жолобомъ, наложено было вареное пшено безъ соли и масла, служащее имъ вмѣсто похлебки. На другомъ, такомъ же столѣ находилась вареная и нѣсколько поджареная кабарина, но столь сырая, что изъ нея капала кровь, когда ее разрѣзывали. Они ѣли все это съ большою охотою; тогда какъ я

не могъ рѣшиться отвѣдать этихъ блюдъ и долженъ былъ притворяться, будто также лакомлюсь ими. Вина было весьма много, — и оно безпрестанно ходило вокругъ стола; другихъ же яствъ, кромѣ описанныхъ мною, намъ не подавали.

Грузія покрыта высокими горами и обширными лѣсами. Въ числѣ городовъ замѣчательнѣе всѣхъ Тифлисъ, чрезъ который протекаетъ рѣка Тигрисъ ⁷⁹). Онъ довольно хорошо выстроенъ, но мало населенъ. Еще заслуживаетъ вниманіе крѣпость Гори, прилежащая къ Черному морю ⁸⁰). Вотъ все, что я могъ повѣдать занимательнаго о путешествіи моемъ въ Тану и окрестныя страны.

К о н е ц ъ.

DI MESSER JOSAFÀ BARBARO GENTIL'HUOMO VENETIANO,

IL VIAGGIO DELLA TANA.

ESSORDIO.

La terra (secondo quello, che con evidentissime dimostrazioni provano li Geometri) in comparatione del firmamento è tanto picciola, quanto un punto fatto nel mezo della circonferentia d'un circolo: dellaquale, per esser una buona parte, secondo l'opinione d'alcuni, over coperta da acque, over' intemperata per troppo freddo, è caldo, quella parte che s'habita, è anchora molto minore: Nondimeno tanta è la picciolezza de gli huomini, che pochi si trovano, che n'habbiano veduto qualche buona particella: et niuno, se non m'inganno, è, ilquale l'habbia veduta tutta. Et quelli, che n'hanno veduto pur qualche particella al tempo nostro, per la maggior parte sono mercanti, ovvero huomini dati alla marinarezza: ne' quali due esercitii dal principio suo per insino ad di presente, tanto i miei padri, et signori Venetiani sono stati eccellenti, che credo con verità poter dire, che in questa cosa soprastiano à gli altri. Imperò che dopo, che l'Imperio Romano non signoreggia per tutto, come una volta fece: et che la diversità de' linguaggi, costumi, et religione hanno come à dir passato, et rinchiuso questo mondo inferiore: grandissima parte di questa poca, laqual è habitabile, saria incognita, se la mercantia, et marinarezza per quanto è stato il poter de' Venetiani non l'havesse aperta. Fra liquali, s'alcuno è al di d'hoggi che s'habbia affaticato di vederne qualche parte, credo poter dir con verità d'esser io uno di quelli. conciosia che quasi tutt' il tempo della gioventù mia, et buona parte della vecchiezza habbia consumata in luoghi lontani, in genti barbare, fra huomini alieni in tutto dalla civiltà, et costumi nostri: tra liquali ho prevato, et veduto molte cose,

che per non esser usitate di quà, a quelli che l'udiranno, i quali per modo di dire, non furono mai fuori di Venetia, forse parranno bugie. Et questa è stata principalmente la cagione, per laquale non m'ho mai troppo curato nè di scriver quello che ho veduto, nè etiamdio di parlarne molto. Ma, essendo al presente astretto da preghiere di chi mi può comandare: et havendo inteso, che molto più cose di queste, che paiono incredibili, si truovano scritte in Plinio, in Solino, in Pomponio Mella, in Strabone, in Herodoto, et in altri moderni, com'è Marco Polo, Nicolo Conte nostri Venetiani, et in altri novissimi, com'è Pietro Quirini, Alvise da Mosto, et Ambrosio Contarini: non ho potuto far di meno, che anchora io non scriva quello, che ho veduto, prima ad honor del signor Iddio, ilquale m'ha scampato da infiniti pericoli: poi a contente di colui, che m'ha astretto, et a utile in qualche parte di quelli, che verranno dopo noi, specialmente se haveranno d'andar peregrinando, dove io sono stato: a consolatione di chi si diletterà di legger cose nuove: et etiamdio per giovamento della nostra terra, se per l'avvenire havrà di bisogno di mandar qualche uno in quei paesi. Onde io dividerò il parlar mio in due parti. Nella prima narverò il viaggio mio dalla Tana: nella seconda quello di Persia, non mettendo però nè nell' uno, nè nell' altro a sua gran giunta le fatiche, li pericoli, et i disagi, i quali mi sono accorsi.

CAPITOLO I.

Del fiume Erdil altrimenti detto la Volga: i confini della Tartaria: de' fiumi Elice, et Danubio: d' Alania provincia, et perche sia così detta: costume de' Tartari circa le lor sepolture: del monte Contebbe: di Derbent città: come l'auttore intendendo che nel monte predetto era nascosto un thesoro, andò con alcuni mercanti, et gran numero d'huomini a cavar in detto monte, et le cose maravigliose, che si trovarono.

Del 1436 cominciai andar al viaggio della Tana dove a parte a parte sono stato per spatio d'anni 16 et ho circondato quelle

parti così per mare, come per terra con diligenza, et quasi curiosità. La pianura di Tartaria a uno che fuore in mezzo di quella, ha dalla parte di Levante il fiume d'Erdil, altramente detto la Volga: dalla parte di Ponente, et Maestro, la Polonia: dalla parte di Tramontana, la Russia: dalla parte d'Ostro, laqual guarda verso il mar maggiore, l'Alania, Cumania, Gazaria: i quali luoghi tutti confinano su'l mar delle Zabache, ch'è la palude Meotide, et conseguentemente è posta tra li sopradetti confini. Et acciò che io sia meglio inteso, io anderò discorrendo in parte del mar maggiore per rivieta, et in parte infra terra, fin ad un fiume domandato Eliche, ilqual è appresso Capha circa 40 miglia, passato ilqual fiume, si v'ha verso Moncastro, dove si trueva il Danubio fiume nominatissimo. Et di qui avanti non dirò cosa alcuna per esser luoghi assai più domestici. La Alania è derivata da' popoli detti Alani, liquali nella lor lingua si chiamano Aa. Questi erano Christiani, et fusson scacciati, et distrutti da' Tartari: la regione è per monti, rive, et piani: dove si truovano molti monticelli fatti a mano, liquali sono in segno di sepolture, et ciascuno di loro ha un sasso in cima grande con certo buso, nelquale mettono una croce d'un pezzo, fatta d'un' altro sasso: et di questi monticelli ce ne sono innumerabili, in uno de' quali intendevamo esser' ascoso grande thesoro: conciosia che nel tempo, che M. Pietro Lando era Console alla Tana, venne uno dal Cairo, nominato Gulbedin, et disse, come essendo al Cairo, havea inteso da una femina Tartara, che in uno di questi monticelli chiamate Contebbe, era stato nascosto per questi Alani un gran thesoro: laqual femina etiandio gli haveva dati certi segnali così del monte come del terreno: Questo Gulbedin si misse a cavare in questo monticello, facendo alcuni possi hora in un luogo, et hora in un'altro: et così preseverò, per auni due, et poi morì. Onde fu concluso, che per impotentia esso non haveva potuto trovar quel thesoro. Per laqual cosa del 1437 trovandoci la notte di S. Caterina nella Tana, sette di noi mercanti in casa di Bartolomeo Rosso cittadin di Venetia, cioè Francesco Cornaro, che fu fratello di Jacomo Cornaro dal banco, Cateris Contarini, ilqual dopo usò in Constantinopoli, Giovanni Barbarigo fu d'Andrea di Candia, Giovanni da Valle, ilqual morì patron d'una fusta nel lago di Garda, ma prima insieme con al-

cuni altri Venetiani, nel 1428 andò in Derbent città sopra il mar Caspio, et fece una fusta, con consentimento di quel signore, et invitato da lui, depredò di quei navilii, iquali venivano da Strava. che fu quasi cosa mirabile, laqual lascierò per adesso: Moisè Bon, d'Alessandro dalla Giudecca, Bartolomeo Rosso, et io, con Santa Caterina, laqual metto per l'ottava nelle nostre stipulationi, et patti. Trovandoci dico nella Tana noi sette mercanti in casa di detto Bartolomeo Rosso nella notte di S. Caterina, tre de' quali erano stati avanti di noi in quelle parti: et ragionando insieme di questo thesoro: finalmente ci accordammo, et facemmo una scrittura (laqual fu di mano di Caterin Contarini: la copia dellaquale per insino al presente ho apresso di me) d'andar a cavare in questo monte, et trovammo 120 huomini da menare con noi a questo essercitio, ciascuno de'quali davamo tre ducati il mese per il mēno, et circa 8 giorni dopo, noi sette insieme con li 120 condotti partimmo dalla Tana, con la robba, vittuarie, et instrumenti, i quali portammo su quei Zenà che s'usano in Rossia: et andammo su'l ghiaccio per la fiumara della Tana, et il dì seguente giugnemmo li: perch' è su'l fiume, et è circa sessanta miglia lontano dalla Tana. Questo monticello è alto da cinquanta passa, et di sopra è piano, nelquale ha un'altro monticello simile ad una beretta tonda con una piega a torno, sì che due huomini sariano andati un'appresso l'atro su per quel margine. Et questo secondo monticello era alto 12 passa, et di sotto era di forma circolare, come se fusse stato fatto a compasso, et occupava in diametro 8 passa. Principiammo a tagliare, et cavare su'l piano di questo monticello maggiore, ilqual è principio del monticello minore, con intentione, d'entrar dentro da basso fino in cima, et di fare una strada larga, et d'andar di longo. Nel principio del romper il terreno, quell'era sì duro, et agghiacciato: che ne con zappe, ne con manare lo potevano rompere: pur entrati che fummo un poco sotto, trovammo il terreno tenero, et fu lavorato per quel giorno assai bene. La mattina seguente ritornando a l'opera trovammo il terreno agghiacciato, et più duro, che prima, in modo, che ne fu forza per all'ora abbandonar l'impresa et ritornar alla Tana, con proposito però, et fermo deliberatione di ritornar a tempo nuovo. Circa l'uscita di Marzo ritornammo con barche, et navilii con

bucemini da 450 et demmo principio a cavare: et in 22 giorni facemmo una tagliata di circa passi 60, larga passi 8, et alta da passa 10. Udirete qui gran maraviglia, et cose per, modo di dire, incredibili. Trovammo quello n'era stato predetto, che trovassimo: per il che ne facevamo piu certi di quello che n'era stato detto, in modo, cher per la speranza di ritrovare questo thesoro, noi iquali pagavamo portavamo meglio la sivera di quel che facevano gli altri: et io era il maestro di far le sivera. La maraviglia grande o'havessimo, fu che prima di sopra il terreno era negro per l'herbe, dopo erano li carboni per tutto: et questo è possibile, conciosia c'havendo appresso boschi di salci: potevano far fuoco su tutt'il monte. Dopo v'erano cenere per una spanna: et questo anchora è possibile, conciosia c'havendo vicine il canneto, et potendo far fuoco di canne, potevano haver cenere: Dopo v'erano scorse di miglio per un'altra spanna: et (perche a questo si potria dire: che mangiavano paniccio fatto di miglio, et haveano serbati li scorni da mettere in quel luogo) vorrei sapere quanto miglio bisognava c'havessero a voler compire tanta larghezza, quanta era quella del monticello, di scorni di miglio alta una spanna. Dopo v'erano squame di pesci, cioè di raine, et altri simili, per un'altra spanna: et (perche si potria dire che in quel fiume si truovano raine et pesci assai, delle squame de' quali poteva coprire il monte)¹ io lascio considerare a quelli, che leggeranno, quanto questa cosa sia ò possibile, ò verisimile: certo è ch'è vera. Onde considero, che colui, ilqual fece fare questa sepoltura, che si chiamava Indiabu, volendo far queste tante cerimonie, lequali forse s'usavano a quei tempi: bisognò che si pensasse molto avanti, et che facesse ricogliere, et riponere tutte queste cose. Havendo fatta questa tagliata, et non trovando il thesoro: deliberammo di fare due fosse intra il monticello massiccio, lequali fussero 4 passa per largo, et per alto: et facendo questo, trovammo un terreno bianco, et duro intanto, che facemmo scalini in esso, su per i quali portavamo le sivera. Andando sotto circa cinque passa, trovammo in quel basso alcuni vasi di pietra in alcuni de'quali era cenere, et in alcuni carboni: alcuni erano vacui, et alcuni pieni d'ossi di pesce de la schena. Trovammo etiam da 5 ò 6 pater nostri grandi come naranzi, i quali erano di terra cotta invetriata, simili a quelli che si fanno nella Marca, i quali si mettono alle tratte. Trovam-

me anchora un mezzo manico d'un ramino d'argente, picciolino: t'haven di sopra a modo d'una testa di biscia. Venuta la settimana santa, cominciò a soffiare un vento da Levante con tanta furia: che levava il terreno, et le zoppe ch'erano state cavate, et quelle pietre, et gittavale nel volto delli operarii con effusione di sangue. Per la qual cosa noi deliberammo di levarci, et di non far piu altra esperienza, et questo fu il lunedì di Pasqua. Il luogo per avanti si chiamava le cave di Gulbedin: et, dopo, che noi cavammo, è stato chiamato per sino a questo giorno, la cava de' Franchi: imperò ch'è tanto grande il lavoro, che facemmo in pochi giorni, che si potria credere, che non fusse stato in quel poco tempo da manco d'un migliaio d'huomini. Non havemmo altra certezza di quel thesoro, ma (per quanto intendemmo) se thesoro era lì, la cagione che'l fece metter lì sotto, fu perche il detto Indiabu signore di questi Alani, intese, che l'Imperatore de' Tartari gli veniva incontro, et deliberando di sepolirlo (acciocche niuno se n'accorgesse) finse di far la sua sepoltura, secondo il loro costume, et secretamente fece mettere in quel luogo prima quello che a lui pareva, et poi fece fare quel monticello.

CAPITOLO II.

Le fede de' Macomettani onde havesse l'origine: come i Tartari furono astretti alla fede Macomettana: come Naurus Capitano d'Ulumahemet Imperator de' Tartari venuto in divisione andò contra esso Imperatore: il modo di mandar' avanti le scotte: et costume di presentar li signori.

La fede di Macometto principiò ne' Tartari ordinariamente: ma sono anni circa 110 vero è, che per avanti pur alcuni di loro erano Macomettani: ma ogn'uno era in libertà di tener quella fede, che gli piaceva: onde alcuni adoravano statue di legno, et di pezze, et queste portavano sopra li carri. Il stringer della fe-

de Macomettana fu nel tempo di Medighi capitano della gente dell' Imperator Tartaro chiamato Sidahameth Can. Questo Medighi fu padre di Naurus, delquale ne parleremo al presente. Signorreggiava nelle campagne della Tartaria, del 1458 un' Imperatore nominato Ulumahemet Can, cioè gran Macometto Imperatore: et haveva signoreggiato più anni. Trovandosi costui nelle campagne, che sono verso la Russia co'l suo lordo, cioè, popolo, haveva per capitano questo Naurus, ilquale fu figliuolo di Medighi, delquale fu astretta la Tartaria alla fede Macomettana. Accadde certa divisione tra esso Naurus, et il suo Imperatore: onde si partì dall' Imperatore con le genti che lo volesero seguitare, et andò verso il fiume d' Erdil: dov' era uno Cheximhameth, ch' è di Macometto picciolo, ilqual' era di sangue di questi Imperatori. Et comunicato così il consiglio, come le forse: deliberarono ambedue d' andar contra questo Ulumahemet: et fecero la via appresso Citrachan, et vennero per le campagne di Tumen, et venendo intorno appresso la Cistania, aviossi alla via del fiume della Tana, et al collo del mare delle Zabache: ilquale insieme co'l fiume della Tana era agghinciate. Et, per essor popolo asti, et animali innumerevoli: fu bisogno, che andassero lunghi, acciò che quelli, ch' andavano avanti, non mangiassero lo strame, et altri rinfrescamenti di quelli, che venivano dietro. Onde un capo di queste genti, et animali sollevò un luogo chiamato Palmira, et l'altro capo toccò il fiume della Tana nel luogo chiamato Bosagaz, che viene a dire legno berettin. La distantia da uno di questi luoghi all' altro è di miglia 120, et tra questa distantia camminava detto popolo, quantunque tutto non fusse atto al cammino. Quattro mesi avanti, che venissero verso la Tana, noi l' intendemmo: ma un mese avanti, che venisse questo signore, cominciarono a venir verso la Tana alcune scolte, lequali erano di giovani, tre o quattro a cavallo con un cavallo a mano per uno: quelli di loro che venivano nella Tana, erano chiamati avanti il Consolo, et gli erano fatte carezze, et offerte. Domandati dove andavano, et quelle ch' andavano facendo: dicevano, ch' erano giovani, ch' andavano a solazzo. Altro non se gli poteva trar di bocca, et stavano al più una, o due hore, et poi andavano via: et ogni giorno era questo medesimo, salvo che sempre che n'era

qualch' uno piu per numero: ma, come il signore fu appressato alla Tana per cinque, e sei giornate, cominciarono a venire da 25 in 50 con le sue arme ben' in ordine, et avvicinandosi anchor piu, a centinaia. Venne poi il signore, et alloggiò appresso alla Tana per un trar d' arco, dentro una moschea antica. Incontinentemente il Consolo deliberò di mandargli presenti: et mandò una novenna a lui, una alla madre, et una a Naurus capitano dell' esercito. Novenna si chiama un presente di nove cose diverse, come saria dir panno di seta, scarlatta, et altre cose, insino al numero di nove: et cosi è costume di presentare a' signori di quel luogo. Volse ch'io fussi quello ch'andasse co' presenti: et gli fu portato pane, vino di mele, bosa, ch'è cervosa, et altre cose per insino a nove. Entrati nella moschea trovammo il signore disteso su un tapeto appoggiato a Naurus Capitano. Egli era da 22 et Naurus da 25 anni. Presentati che gli ebbe: gli raccomandai la terra insieme co'l popolo, ilquale dissi ch'era in sua libertà. Risposemi con humanissime parole: dopo guardando verso di noi incominciò a ridere, et a sbatter le mani l'una nell'altra, et dire, guarda che terra è questa dove tre huomini non hanno piu di tre occhi. Et questo era vero, conciosia, che Buran Tala pietra nostro turcimano haveva un'occhio solo, un giovane Greco bastoniero del Consolo, uno solo, et colui, che portava il vino di mele, similmente un solo. Tolta licenza da lui, tornammo alla terra.

CAPITOLO III.

Il modo che tengono le scolte nel vivere: della grand'abbondanza della vettovaglie, che conducono in campo: in qual maniera cammina l'esercito de' Tartari: degli uccelli chiamati gallinaccie.

Se fusse in questo luogo alcuno, ilquale paresse manco che ragionevole, che dette scolte andassero a quattro, a dieci, a venti, et trenta per quelle pianure, stando lontani da' suoi popoli le belle dieci, sedici, et venti giornate: et domandasse di che pos-

sono vivere. Io gli rispondo, che ciascuno di questi, ilqual si parte dal suo popolo, porta un'utricello di pelle di capretto pieno di farina di miglio macinata, et impastata con un poco di mele, et hanno qualche scodella di legno: et qualche volte pigliano qualche salvaticina, ch'assai ne sono per quelle campagne, et essi le sanno ben pigliare: massimamente con gli archi: tolgono di questa farina, et con un poco d'acqua fanno certa potione, et con quella si passano. Et quando a qualche uno ho domandato quel che mangiano in campagna: all'incontro essi mi rispondono: et che si muore per non mangiare? quasi che dica, habbia pur tanto che si passi la vita leggiermente non mi cura d'altro. Scorrono con herbe, et radici, et con quel che possono, purché non gli manchi il sale. Se non hanno sale la bocca se gli vessica, et marcisce in tanto, che da quel male alcuni se ne muoiono: viengli etiandio fusse di ventre. Ma ritorniamo là dove lasciammo il parlar nostro. Partito che fu questo signore, incominciò a venire il popolo con gli animali, et furono prima mandre di cavalli, a sessanta, cento, dugento, et piu per mandra. Poi furono mandre di cameli, et buoi. Et dietro a queste, mandre d'animali minuti. Et durò questa cosa da giorni sei, che tutt'il giorno quanto potevamo guardare con gli occhi da ogni canto, la campagna era piena di gente, et d'animali, ch'andavano, et venivano. Et questa era similmente nelle teste: onde si può considerar quanto maggior sia state il numero di mezo. Noi stavamo su le mura (conciosia che tenevamo serrate le porte) et la sera eravamo stanchi, di guardare: imperò che per la moltitudine di questi popoli, et bestiame, il diametro della pianura che occupavano, era al modo d'una paganea di miglia 120. Questa parole è greca, laqual io già essendo nella Morea in caccia con un signorotto, o'havea menato seco cento villani: primamente intesi: ciascuno di loro haveva una massa in mano, et stavano lontani l'uno dall'altro da dieci passa: et andavano dando di questa massa in terra: et gridando per far saltar fuori le salvaticine: et li cacciatori, chi a cavallo et chi a piedi con uccelli, et cani si mettevano alle poste, dove a lor pareva: et quando era il tempo gettavano i loro uccelli, o lasciavano i cani: et l'andare a questo modo chiamavano una paganea. In questa maniera,

com'ho detto, camminava questo infinite popolo de' Tartari, et fra gli altri animali, che questo popolo così andando cacciava, erano pernici, et alcuni altri ucelli, che noi chiamiamo gallinaccie: i quali hanno la coda corta a modo di galline, et stanno con la testa dritta, come galli, et sono grandi quasi come pavoni, i quali simigliano etiamdio nel colore, non intendendo della coda. Onde (per esser la Tana fra monticelli di terreno, et fosse assai, per spatio di dieci miglia intorno, dove già fu la Tana antica) maggior numero del consueto si venne ascondere fra detti monticelli, et valli non frequentate. Una cosa è, che a torno le mura della Tana, et dentro a' fossi erano tante pernici, et gallinaccie: che pareva che tutti detti luoghi fossero cortivi di qualche buoni massari. Li putti della terra ne pigliavano qualch'una, et davanle due per un aspro, che vien l'uno otto baggatini nostri.

CAPITOLO IV.

In che modo un frate di San Francesco pigliava grandissima quantità di gallinaccie: del gran numero di gente, ch' era nell' essercito de' Tartari: della maniera de' carri, et delle case di quelle genti, come si fabbrichino.

Ritrovandosi a quel tempo nella Tana un frate Therino dell'ordine di S. Francesco, con un risaglio, facendo di due cerchi piccioli un grande, et ficcando un palo alquanto storto in terra fuor delle mura: ne pigliava dieci, et venti al tratto: et vendendole, trovò tanti denari: che di quelli comprò un garson Circasso, alquale pose nome Pernice, et fecelo frate. La notte anelhora nella terza si lasciavano le finestre aperte con qualche lume dentro, et alcuna volta ne venivano per sino in casa. Di cervi, et altre salvatissime si può considerare quanto era il numero: ma queste non venivano appresso alla Tana. Dalla pianura ch'occupava questa gente si potria far una descrizione del

numero di grosso quantel ch'erano: che a un luogo detto Bosagaz, dov'era una mia peschiera (dopo andato giù il ghiaccio) andando con una barca (ilqual luogo era lontano dalla Tana circa 40 miglia) ritrovai li pescatori, liquali dissero haver pescato l'invernata, et haver salate di molte morone, et caviari, et ch'alcuni di questo popolo erano stati li, et havevano tolto tutti li pesci salati, et non salati, (de' quali alcuni erano, che tra noi non si mangiano) per insino alle teste, et tutti li caviari, et tutto il sale, ilqual è grosso come quello di Giovis: in modo, che per maraviglia non s'haveva potuto ritrovare un grano di sale. Delle botti etiam haveano tolte le doghe, forse per acconciar li suoi carri. Oltre di questo tre macinette ch'erano li da macinar sale; c'haveano un ferretto in mezzo, ruppero per torre quel poco di ferro. Quello che fu fatto a me, fu fatto da per tutto ad ogn'uno in tanto che a Giovanni da Valle (ilqual anchora haveva una peschiera, et intendendo la venuta di questo signore: haveva fatto fare una gran fossa, et messo da circa trenta carratelli di caviaro in essa, et l'havea coperta di terreno, sopra ilquale poi, acciò che non se n'avedessero, haveva fatto arder legne) trovarono le scosagne, et non gli lasciarono cosa alcuna. In questo popolo sono innumerabili carri da due ruote più alte delle nostre, liquali sono affielciati di stuore di canne, et parte coperti con feltre, parte con panni, quando sono di persone da conto: alcuni de'quali carri hanno le sue case suso, lequali essi fanno in questo modo: Pigliano un cerchio di legno, il diametro delquale sia un passo, et mezzo, et sopra questo drizzan'altri semicirculi, i quali nel mezzo s'intersecano: tra questi poi mettono le loro stuore di canna, lequali cuoprono, o di feltro, o di panni, secondo la lor conditione. Et quando vogliono alloggiare, mettono queste case giù de'carri, et in esse albergano.

CAPITOLO V.

Come un'Edelmugh cognato del signore havuta licenza entrò nella città, et alloggiò in casa di M. Josaphà Barbaro et fatta amicitia tra loro, esso M. Josaphà andò con lui al signore, et quello, che g'intravenne fra via: il modo ch'osserva quella gente quando vò al signore per haver udienza.

Due giorni dopo partito questo signore, vennero a me alcuni de quei della Tana, et mi dissero, ch'io andassi alle mura, dov'era un Tartaro, ilquale mi volea parlare: Andai, et mi fu detto da colui, come lì da presso si ritrovava un'Edelmugh cognato del signore, il quale volentieri (piacendo così a me) entraria nella terra, et si faria mio conaco, cioè hospite. Domandai licenza al Consolo, et ottenuta, che l'ebbi, andai alla porta, et tolsi dentro con tre de'suoi: imperò che anchora si tenevano chiuse le porte? lo menai a casa, et fecigli honore assai, specialmente di vino, che molto gli piaceva: et in poche parole stette due giorni con me. Costui volendo partire, mi disse volere, ch'io andassi con lui, et ch'era fatto mio fartello, et che là dou'egli era, io potevo ben'andar sicuro: Dissi pur qual cosa a'mercanti, de'quali niuno era che non si maravigliasse. Deliberai d'andar con lui, et tolsi due Tartari con me, di quelli della terra, a piedi, et io montai a cavallo. Uscimmo della terra a tre hore di giorno: egli era imbrocio marcissimo: imperò c'havea bevuto tanto, che gettava sangue pe'l naso. Et quando io gli diceva, che non bevessse tanto, faceva certi gesti da simia, dicendo: lasciami bere, dove ne troverò io piu? Dismontati adunque su nel ghiaccio per passare il fiume Tanais, io mi sforzava d'andar dov'era la neve: ma esso, ilqual'era vinto dal vino, andando dove il cavallo lo menava, capitò in luogo senza neve, dove il cavallo non poteva stare in piedi: imperò che i lor cavalli non hanno ferri: onde cascò, et esso gli dava con la scoriata (perche non portano sproini) et il cavallo hora levava, et hora cascava: et durò questa cosa forse per un terzo d'hora. Finalmente passeto il fiume, an-

dammo all'altro ramo, et passammo anchor quello con gran fatica, per quell'istessa ragione. Et essendo lui stanco, si pose a certo popolo, che già s'era messo ad alloggiare, et lì albergammo per quella notte, forniti d'ogni disagio, come si può pensare. La mattina seguente cominciammo a cavalcare: ma non con quella gagliardessa, c'havemo fatto il giorno avanti: et passato c'havemmo un'altro ramo di questo fiume, camminando sempre alla via, ch'andava il popolo, ilquale era per tutto come formiche: cavalcato c'havemmo anchora due giornate ci approssimammo al luogo, dov'era il signore: et quivi gli fu fatto da ogn'uno molto honore, et datogli di quel che v'era, come carne, paniccio, et latte, et altre cose simili, in modo, che non ci mancava cosa alcuna. Il giorno seguente desiderando di vedere come cavalcava questo popolo, et che ordine teneva nelle sue cose: viddi tante, et tanto mirabil cose, che reputo, che volendo scrivere di passo in passo quello ch'io potria, farei un gran volume. Giugnemmo dov'era l'alloggiamento di questo signore: ilquale trovai sotto un padiglione, et d'ogn'intorno genti innumerabili: dellequali quelli, che volevano audientia, erano in ginocchioni tutti separati l'uno dall'altro, et mettevano l'arme sue lontane dal signore un tratto di pietra: a qualch'uno de'quali il signore parlava, et domandando quel ch'esso voleva, tuttavia gli faceva atto con la mano, che si levasse. Levavasi, et veniva più avanti, lontano però da lui per otto passa, et di nuovo s'inginocchiava, et domandava quello che a lui piaceva: et così si faceva per insino, che si dava audientia.

CAPITOLO VI.

In che modo si fiaccia ragione nel campo: gli huomini da fatti come s'espongono a pericoli, come quaranta cinque Tartari andarono ad assalir cento cavalli de' Circassi, ch'erano nascosi in un bosco per far correrie, et molti di quelli ammazzarono, et gran parte ne presero.

La ragione si fa per tutt' il campo alla sproveduta, et fassi a questo modo: Quando un'ha da fare con un'altro di qualche

differenza, altercandosi con esso di parole, non però al modo, che fanno questi di quà: ma con poca ingiuria, si levano ambidui, et se piu fussero, tutti: et vanno a una via, dove meglio gli pare, et al primo che truovano, ilquale sia di qualche conditione, dicono: Signore fanne ragione, perche siamo differenti: et egli subito si ferma, et ode quello, che dicono, et poi delibera quello gli pare, senz'altra scrittura, et di quello che ha deliberato niuno parla. Concorrono a queste cose molte persone, allequali fatta la deliberatione, esso dice: Voi sarete testimonii. Di simili giudicii tutt' il campo continuamente è pieno: et se qualche differenza gli occorresse in via, osservano quest' istesso, togliendo per giudice quello, che scontrano, facendolo giudicare. Vididi un giorno, essendo in questo lordò, una scodellà di legno roversciata in terra, et andai là, et levandola trovai che sotto v'era paniccio cotto. Mi voltai verso un Tartaro, et gli domandai, che cosa è questa? mi rispose, esser mesca per Hibuthpera, cioè per gli Idolatri. Domandai, et come sonxi idolatri in questo popolo? rispose, o, o, ne sono assai, ma sono occulti. Principerò dal numero del popolo, et dirò d'aviso, imperò che numerarli non era possibile, esplicando nondimeno manco di quello, oh' io stimo. Credo, et fermamente tengo, che fussero animi trecentomila in tutt'il lordò, quando è congiunto in un pezzo. Questo dico, perche parte del lordò havea Ulumahemeth, com'habbiamo detto di sopra. Gli huomini da fatti sono valentissimi, et animosissimi in tanto, ch'alcun di loro per eccellentia è chiamato Talubagater, che vuol dire, matto valente: ilqual nome gli accresce tra'l vulgo, come appresso di noi savio, over il bello: onde si dice Pietro tale il savio, et Paulo tale il bello. Hanno questi tali una preminentia, che tutte le cose, che fanno, anchora che in qualche parte siano fuori di ragione, si dicono esser fatte bene, che derivando da prodezza, a tutti par che facciano il suo mestiero: et di questi molti ve ne sono (se sono in fatti d'arme) che non stimano la vita, non temono pericolo, si cacciano avanti, et s'espongono ad ogni rischio senza ragione alcuna, di modo, che li timidi pigliano animo, et diventano valentissimi. A me par questo lor cognome esserli molto proprio: perche non veggio, che possa esser' alcuno valent'huomo,

se non è pazzo. Non è, per la fede vostra, pazzia, ch'uno voglia combattere contra quattro? non è pazzia ch'uno con un coltello sia disposto di combattere contra più, i quali habbiano spade? Diedò a questo proposito quello, ch'una volta m'intravenne essendo alla Tana. Stando io un giorno in piazza, vennero alcuni Tartari nella terra, et dissero, che in un boschetto lontano circa tre miglia, erano ascosti da cento cavalli di Circassi, i quali haveano deliberato di fare una correria per insino alla terra, secondo il lor costume. Io sedeva a caso nella bottega d'un maestro di frecce, nella quale era anche un Tartaro mercantè, ch'era venuto lì con semenzina. Costui, inteso, c'hebbe questo, si levò, et disse: perche non andiamo noi a pigliarli? quanti cavalli sono? gli risposi, cento. Hor ben (diss' egli) noi siamo cinque, voi quanti cavalli sarete? Risposi, quaranta. Et egli. I Circassi non sono huomini, ma femine: andiamo a pigliarli. Udito che io hebbi questo, andai a ritrovar Francesco da Valle, et gli dissi quello, che costui m'haveva detto, tuttavia ridendo. Mi domandò se mi bastava l'animo d'andare, gli risposi di sì. Onde ci mettemmo a cavallo, et per acqua ordinammo, ch'alcuni nostri huomini venissero: et su'l mezo giorno assaltammo questi Circassi, li quali stavano all'ombra, alcuni de'quali dormivano. Volse la mala ventura, che un poco avanti che noi giugnessimo lì, il trombetta nostro sonò. Per la qual cosa molti hebbero tempo di scappare: nondimeno fra morti, et presi n'havemmo circa quaranta: ma il bello fu, al proposito de'matti valenti, che questo Tartaro, il quale voleva, che gli andassimo a pigliare, non rimase alla preda, ma solo si mise a correr dietro a quelli, che fuggivano. Et gridandogli noi, mahe torna, mahe torna: ritornò circa un'ora dopo, et giunto si lamentava, et diceva, ohime, che non n'ho potuto pigliare alcuno, dolendosi molto forte. Considerate, che pazzia era quella di costui, che se quattro di loro se gli fossero rivoltati l'haveriano sminuzato: et di più, riprendendole noi, se ne faceva beffe. Le scoltie, delle quali ho fatto mentione di sopra, che vennero avanti il campo alla Tana, così andavano avanti questo campo in otto parti diverse, per saper quello, che da ogni lato gli avesse potuto nuocere, lontan molte giornate secondo il bisogno del campo.

CAPITOLO VII.

Delle uccellagioni, et cacciagioni de' Tartari: della gran moltitudine d' animali, ch'appressò di loro si truovano, massime cavalli, buoi, cameli da due gobbe, et altri.

Alloggiato, ch' è il signore, subito mettono giù li bazzari, et lasciano le strade larghe: s' è di verno, tanti sono i piedi degli animali, che fanno grandissimo fango: s' egli è di state, fanno grandissima polvere. Fanno di subito (messo c'hanno giù li bazzari) li lor fornelli, et arrotono, et lessano la carne, et fanno i lor saporì di latte, di buttiro, et di cacio. Hanno sempre qualche salvaticine, et massimamente cervi, Sono in quell' esercito artigiani di drappi, fabri, maestri d' arme, et d' altre cose, et mestieri, che gli bisogna. Et s' alcuno mi dicesse, come, vanno costoro come zingani? Rispondo di nò: conciosia, ch' eccetto il non esser circondati di mura, tali alloggiamenti paiono grossissime et bellissime città. Ritrovandomi, a questo proposito, un giorno alla Tana, sopra la porta della quale era una torre assai bella, et essendo appresso di me un Tartaro, mercante, il quale guardava la torre, gli domandai: Ti pare una bella cosa questa? Et egli guardandomi, et sorridendo, disse: poi, c'ha paura, fa torre: et in questo mi pare che dicano il vero. Ma perche ho detto de' mercanti, tornando al fatto nostro di quest' esercito, dico, che sempre in esso si ritrovano mercanti, che vi portano robbe per diverse vie, et ancora di quelli, che passano pe' l' lordo con intentione d' andare in altro luogo. Questi Tartari sono buoni strozzieri. Hanno girifalchi assai: uccellano a camelioni, che da noi non s' usano: vanno a cervi, et ad altri animali grossi: portano li detti girifalchi in una mano, su' l' pugno, et nell' altra hanno una crozzola, et quando sono stanchi, mettono la crozzola sotto la mano: imperò che sono due tanto piu grossi, che non è un' aquila. Alle volte passa qualche stormo d' oche sopra quest' esercito, et quelli del campo tirano alcune frecce grosse un dito, storte, et senza penne: le quali, come sono andate in aria tant' alto quanto la forza del braccio ha potuto, si

voltano, et vanno in traverso scavanzando dove giungono, et tolo, et gambe, et ali. Tal volta pare, che di queste oche ne sia piene l'aere: lequali per il gridar del popolo si stronigano, et cascano giù. Dirò (poi che siamo in parlar d' uccelli) una cosa, la quale mi par notabile. Cavalcando per questo lordò, sopra una riva d' un fiumicello, ritrovai uno, il quale mostrava esser huomo di conto, che stava a parlare co' suoi famigli. Costui mi chiamò, et fecemi dismontare avanti di se: domandandomi quello, ch' io andava facendo. Et rispondendogli io al bisogno: mi voltai, et viddi appresso di lui, quattro over cinque di quell' herbe, che noi chiamiamo garzi: sopra le quali eran' alcuni cardellini, et comandò a uno de' famigli, che ne pigliasse uno: il quale tolse due sete di cavallo, et fece un laccio, et lo messe su i garzi, et ne prese uno, et portello al suo signore. Dissi egli, vè cuocilo, et il famiglio presto lo pelò, et fece un spedo di legno, et arrostitolo glielo portò davanti. Costui lo tolse in mano, et guardandomi, disse: Non sono in luogo, ch' io ti possa far honore, et cortesia, qual tu meriti; ma faremo charità di quello, ch'io ho, et di quello m'ha dato il nostro signore Iddio. Et rappe questo cardellino in tre parti: delle quali una ne diede a me, una mangiò esso, et l'altra, ch'era molto poca la diede a colui, il quale l'havea preso. Che diremo noi della grande, et innumerabile moltitudine d'animali, i quali sono in questo lordò? sarò io creduto? sia però quel che si voglia, c'ho deliberato di dirla, et principiando da' cavalli, dico, che sono alcuni del popolo mercanti di cavalli, i quali gli cavano dal lordò, et gli menan' in diversi luoghi: et una caravana, la qual venne in Persia, prima ch' io mi partissi di lì, già ne condusse 4000. Et non vi maravigliate, perche se voleste in un giorno in questo lordò comprar mille, over due mila cavalli gli trovereste: perche sono in mandre, come le pecore: et andando nella mandra, si dice al venditore, che si vuol cento cavalli di questi: et esso ha una massa con un laccio in capo, et è tan'atto a quest' essercitio, che colui che compra gli ha detto pigliami questo, pigliami quello: gli ha messo il laccio in capo, et l'ha tirato fuori de gli altri, et messo in disparte. Et in questo modo ne piglia quanti, et quali egli vuole. M'è avvenuto scontrare in viaggio de' mercanti, i

quali menano questi cavalli in tanto numero: che cuoprono le campagne, et par cosa mirabile. Il paese non produce cavalli troppo da conto, sono piccioli, hanno la pancia grande, non mangiano biada, et quando che gli conducono in Persia, la maggior laude, che gli possano dare, è che mangiano biada. imperò che, se non ne mangiano, non possono portar la fatica al bisogno. La seconda sorte d'animali, c'hanno, sono buoi bellissimi, et grandi, in tanto numero, che satisfanno etiandio alle beccarie d'Italia, et vengono alla via di Polonia, et di lì per la Valacchia in Transilvania, et poi in Alemagna, dalla qual s'indritzano in Italia. Portano in quel paese li buoi, soma, et basti, quando se n'ha di bisogno. La terza sorte d'animali, c'hanno, sono camelli da due gobbe per uno, grandi, et pelosi, i quali si conducono in Persia, et si vendono ducati 25 l'uno: imperò che quelli di Levante hanno una gobba sola, et sono piccioli, et si vendono ducati dieci l'uno. La quarta sorte d'animali sono castroni grossissimi, et alti in gambe, con un pelo longo, i quali hanno code, che pesano 12 libbre l'una: et tal n'ho veduto, che si strascina una ruota dietro, tenendo la coda sopra, quando per picciore qualch'uno gliela lega: de'grassi di queste code condisciono tutte le lor vivande, et l'usano in luogo di butiro: ma non s'agghiaccia in bocca.

CAPITOLO VIII.

Il modo, ch'usa l'essercito de' Tartari circa il seminar le biade, et della fertilità di quei terreni: come Chozmahemeth discacciato Ulumahemeth si fece Imperator di quel popolo: in che mirabil modo l'essercito passa il fiume della Tana.

Non so chi sapessa dir quello, che di presente dirò, salva, chi l'avesse veduto: imperò che potresti domandare, tanto popole di che vive? se cammina ogni giorno: dov' è la biada, che mangiano? dove la truovano? Et io che l'ho veduto, risponda,

che fanno in questo modo. Circa la Luna di febbrajo fanno far grida per tutt' il lordò, che ciascuno, che vuol seminare si metta in ordine delle cose, che gli fa di bisogno, conciosia ch'alla Luna di Marzo s'abbia da seminar nel tal luogo, et che a tal dì della tal luna si metteranno a cammino. Fatto questo: quelli c'hanno voglia di seminare, ò far seminare, s'apparecchiano, et accordansi insieme, et caricano le semenze su carri, et menano gli animali, che gli fanno bisogno, insieme con le moglie, et figliuoli, ò parte d'essi, et vanno al luogo deputato, ch'è per la maggior parte due giornate lontano dal luogo, dove nel tempo della grida si ritraeva il lordò, et quivi arano, seminano, et stanno per fino c'hanno fornito di far quello che vogliono: poi se ne ritornano nel lordò. L'Imperatore co'l lordò fa come suol far la madre, quando manda li figliuoli a spasso: la qual sempre tiene loro gli occhi addosso: imperò che va circondando questi seminati, hora in quà, et hora in là, non s'allontanando da essi piu di quattro giornate, per insino che le biade sono mature. Quando sono mature, non va co'l lordò li: ma solamente vanno quelli, c'hanno seminato, et quelli, che vogliono comprare i frumenti, con carri, buoi, et cameli, et quello di c'hanno di bisogno, come etiandio fanno alle lor ville. I terreni sono fertili: rendono di frumento cinquanta per uno, il quale è grande com'il padrone: di miglio cento per uno: et alle volte hanno tanta ricolta, che la lasciano in campagna. Dirò in questo luogo a proposito questo: si ritrovò un figliuolo d'Vlumahemet, il quale havendo signoreggiato alquanti anni, et dubitando d'un suo fratel cugino, il qual' era di là dal fiume d'Erdil, per non si privar di parte del popolo, la qual' haveria convenuto stare su le seminagioni con suo estremo pericolo: undici anni continui non volse, che si seminasse: et in quel tempo tutti viassero di carne, et di latte, et d'altre cose: quantunque nel bazzaro fusse qualche poco di farina, et di paniccio, ma cari. Et domandando io loro, come facevano: se nò ridevano, dicendo, c'haveano carne: et nondimeno fu discacciato da quel suo cugino: perciò che il detto Vlumahemeth sentendo esser arrivato Chezinahumeth ne'suoi confini, non gli parendo di poter resistere: lasciò il lordò et fuggì co'figliuoli, et altri suoi: et Chezinahamet si fece Imperatore di tutto quel popolo, et ritornò

verso il fiume della Tana nel mese di Giugno: et passò circa due giornate sopra di quella con tutt'il numero del popolo, di carri, d'animali, ch'egli haveva. Cosa mirabile da credere, ma piu mirabile da vedere: imperò che tutti passano senza strepito alcuno, con tanta sicurtà, quanta s'andassero per terra. Il modo, che servano in questo passare è, che quei c'hanno il potere, mandano de'loro avanti, et fanno far zattere di legnami secchi, de'quali appresso li fiumi ne sono boschi assai. Ranno etiamdio far fasci di canne, et di pavera, et mettono detti fasci sotto le zattere, et sotto li carri, et a questo modo passano, tirando li cavalli, che nuotano, dette zattere, et carri: i quali cavalli sono aiutati da alcuni huomini nudi. Io circa un mese dopo navigando pe'l fiume verso certe peschiere, mi scontrai in tante zattere, et fascine, che venivano a seconda, (le quali erano state lasciate da costoro) ch'appena potevamo passare: et viddi oltre di questo per le rive di quei luoghi tant'altre zattere, et fascine: che mi facevano stupire. Giunti che fussimo alle peschiere, trovammo, che in quei luoghi havevano fatto peggio, che a quelli de'quali ho scritto di sopra.

CAPITOLO IX.

Come Edelmug cognato dell Imperatore menò un suo figliuolo à M. Iosaphà, et dettegli quello in figliuolo: come esso M. Iosapha liberò in Venetia due Tartari, ch'erano schiavi, uno de' quali per longhissimo tempo avanti haveva anco liberato dal fuoco ritrovandosi all' hora nella Tana.

In quel tempo (per non mi dimenticar degli amici) Edelmug cognato dell'Imperatore, ritornato per passar' il fiume (com'habbiamo detto di sopra) venne alla Tana, et menommi un suo figliuolo, et subito m'abbracciò, et disse: Io t'ho portato questo figliuolo, et voglio, che sia tuo: et incontiente trase di dosso a detto figliuolo uno subbo ch'egli havea, et messelo indosso a me, et mi portò a donar otto teste di nation Rossiana,

dicendomi: Questa è la parte della preda, ch'io ho havuta in Romania. Stette due giorni meco, et hebbe da me all'incontro presenti convenienti. Sono alcuni, i quali partendosi da altri con opinion di non ritornar mai più in quelle parti, facilmente si dimenticano delle amicitie, dicendo, che mai più non si vederanno insieme: et di qui viene, che molte fiate non usano li modi, che doveriano usare: i quali certamente per quell' esperienza ch'io ho, non fanno bene, conciosia che si soglia dire, che monte con monte non si ritrova: ma si ben huomo con huomo. Accadetemi nel mio ritornar di Persia insieme con l'ambasciator d'Assambai, voler passare per Tartaria, et per Polonia, per venire a Venetia, quantunque poi io non facessi questo cammino. All'ora havevamo in compagnia nostra molti Tartari mercanti. Domandai quel che fusse di questo Edelmulg: et mi fu detto ch'era morto, et ch'avea lasciato un figliuolo, il qual si nominava Hagmeth, et dettemi contrasegni dell' effigie in modo, che si pe'l nome, come per l'effigie conobbi esser quello, che il padre m'havea dato per figliuolo, et come diceano quei Tartari, costui era grande appresso l'Imperatore: sì che, se passavamo oltes, senza dubbio capitavamo nelle sue mani: et rendomi certo, che da lui havrei havuta ottima compagnia, perche io l'havea fatta al padre, et a lui. Et che havria mai stimato, che trentacinque anni dopo, in tanta distantia di paesi, si fussero ritrovati un Tartaro, et un Venetiano? Aggiugnerò questa cosa (quantunque non fusse in quel tempo) perche fa a proposito di quello ch'io ho detto. Del 1455, essendo in un magazzino di mercanti da vino in Rialto, et scorrendo per quello, viddi dietro alcune botte da un capo due huomini in ferri, i quali alla ciera conobbi, ch'erano Tartari, io domandai loro, che fussero, mi risposero essere stati schiavi di Catelani, et esser fuggiti con una barchetta, et che in mare erano stati presi da quel mercante. All'ora io subito andai a' Signori di Notte, et feci querela di questa cosa: onde presto presto mandarono alcuni officiali, i quali gli condussero all'ufficio, et in presenza del detto mercante gli liberarono, et condannarono il mercante. Tohi li detti Tartari, et menaimeli a casa: et domandati chi fussero, et di che paese: uno di loro mi disse, ch'era della Tana, et ch'era stato famiglia di

Cozadahuth, il quale io conobbi già, perchè era contramarchiar dell'Imperatore, il qual faceva scuoter da lui il datio delle robbe, che si conducevano alla Tana. Guardandolo nella faccia mi parve raffigurarlo. perciò ch'era stato assai volte in casa mia. Bontadai che nome esso aveva: dissemi Chebechni, che in nostra lingua vuol dire semoliero, o burattatore. Lo guardai, et dimigli: mi conosci tu? et egli, no. Ma tantosto che mentovai la Tana, et Iusuph (che così mi chiamavano là in quelle parti) si gittò a'miei piedi, et volsemeli baciare, dicendo: Tu m'hai due volte scampato la vita: questa n'è una, imperò ch'essendo schiavo, io mi teneva per morto: l'altra, quando si bruciò la Tana, che facesti quel buso nelle mura, pe'l quale uscirono fuori tante persone, nel cui numero fu mio padrone, et io. Et è vero: perchè, quando fu il detto fuoco alla Tana, io feci un buso nelle mura all'incontro di certo terreno vacuo, dove si vedeano molte brigate insieme, pe'l quale furono tratte fuori da 40 persone, et fra essi fu costui, et Cozadahuth. Tensili ambidui in casa circa due mesi: et al partir delle navi della Tana, io gl'invi ai a casa loro. Si che niuno mai debbe, partendosi da altri con opinione di non ritornar mai più in quelle parti, dimenticarsi delle amicizie, come che se mai più non s'havessero da vedere insieme: possono accadere mille cose, ch'haveranno a rivedersi: et forse quello che più può havrà ad haver bisogno di colui, che manco puote. Ritornando alle cose della Tana, scorrerò per Ponente, et Maestro, andando alla riva del mare delle Zabache, all'uscir fuori a man man- ta, et poi qualche parte su'l mar maggiore per insin'alla provincia nominata Mengrelia, prima detta Colcho, poi Lania Mengrelia.

CAPITOLO X.

Della regione Cremuch, et del signore di quella: del vivere, et costume di quelle genti: di diversi altri paesi: della provincia Mengrelia: del signor di quella, et della natura di quel paese, et degli huomini Tetari, che cosa significa: dell'Isola di Capha.

Partendomi adunque dalla Tana, circa la riva del detto mare, fra terra tre giornate si truova una regione chiamata Cre-

nomi: il signor della quale ha nome Bibendi, che vuol dire Didda. Costui fu figliuolo di Chentibari, che significa vero signore. Ha molti casali sotto di se, i quali fanno al bisogno duemila cavalli: vi sono campagne belle, boschi molti, et buoni, et fiumi assai. Li principali di questa regione vivono d'andar rubando per le campagne, et specialmente le caravane, che passano da luogo a luogo. Hanno buoni cavalli: essi sono valenti huomini della persona, et d'astuto ingegno: et somigliano nel volto a gl'Italiani: biade in quella regione sono assai, et similmente carne, et mele, ma non v'è del vino. Dietro a questi sono paesi di diverse lingue, non però molto lontani l'uno dall'altro, cioè le Chippiche, Tatacosia, Sobai, Cheverthei, As, cioè Alani: de' quali habbiamo parlato di sopra. *) Et questi vanno scorrendo per insino alla Mongrelia, per spatio di 12 giornate. Questa Mongrelia confina con Caitacchi, che sono circa il monte Caspio, et parte con la Zersania, et co'l mar maggiore, et con quella montagna, che passa nella Circassia, et da un lato ha un fiume chiamato Phaso, che la circonda, et viene nel mar maggiore. Il signor di questa provincia ha nome Bendian. Ha due castelli an' detto mare: uno chiamato Vathi, et l'altro Sevastopoli: et oltre d'essi altri più castellucci, et brichi: il paese è tutto sassoso sterile **) Non ha biade d'altra sorte, che paniccio: il sale li vien condotto da Caphà. Fanno qualche poche tele, et molto cottive, che son'alcune di canapo, et altre d'ortica. E gente battiale: il segno di ciò è, ch'essendo a Vathi, dove, partito da Constantinopoli con una Palandiera di Turobi per andar' alla Tama, capitai insieme con un'Ansolin Squarciafien Genovese. Era una giovane, la quale stava in piedi sopra una porta, alla quale questo Genovese disse: Surina patroni cocon, che vuol dire: Madonna è il padrone in casa? (intendendo per questo il marito) essa rispose, archilimisi, che vuol dire: ei verrà. Et egli la pigliò nella labbra, et mostrandola a me, diceva: Guarda bei denti, c'ha costei, et mi mostrava anche il seno, et le toccava le

*) In queste parti nasce il calamo aromatico, et reupontico.

**) Ha bossi in gran copia, da' quali procede, che il mele, che vi si produce, è molto amaro.

mammelle: et ella non si turbava, ne si moveva punto. Entrammo poi in casa, et ci mettemmo a sedere: et questo Anzolino, mostrando d'haver pulici nelle mutande, le fece d'atto ch'andasse a cercate, et ella se ne venne con grande amorevolezza, et cercò intorno intorno con somma fede, et castità. In questo meso venne il marito, et costui cacciò mano alla borsa, et disse: Patroni tetari sicha, che vuol dire, padrone, hai tu denari? Et facendo egli atto di non n'haver addosso, gli diede alcuni aspri, de'quali esso dovesse comprare qualche rinfrescamento, et così andò. Dopo stati un penso, andammo per la terra a solazzo, et questo Genovese faceva in ogni luogo quello, che li piaceva, secondo li costumi di quel paese, senza che niuno gli dicesse peggio di suo nome. Onde si vede, che sono ben gente bestiale. Per questa ragione i Genovesi, che praticano in quel paese, hanno fra loro un costume di dire: Tu sei mengrello, quando vogliono dire a qualch'un tu sei pazzo. Ma, poiche io ho detto, che tetari significa denari, non voglio lasciar di dire, che propriamente tetari vuol dir bianco, et per questo colore intendendo i denari d'argento, i quali sono bianchi. I Greci ancora chiamano aspri, che vuol dir bianco: i Turchi akcia, che vuol dir bianco: Zagatai tengh, che vuol dir bianco: et a Venetia altre volte si facevano, et si fanno ancora al presente denari, che si chiamano bianchi: in Spagna ancora sono monete, c'hanno nome bianche. Si che noi vedemo, che diverse nationi s'accordano a chiamar' una istessa cosa con un nome, che ciascuna le pone nel suo proprio linguaggio, nondimeno tutte riguardano la medesima ragione, et significato. Ritornando da capo alla Tana passo il fiume, dov'era l'Alania, com'ho detto di sopra, et vò discorrendo pel mare delle Zabacche: a man destra, andando in fuori per insino all'Isola di Caphà, *) dove si truova uno stretto di terreno, chiamato Zuchala, che congiugne l'Isola con terra ferma, come fa quello della Morea, detto d'Esimilla. Quivi truovano saline grandissime, le quali si congelano da lor posta. Scorrendo la detta Isola, prima su'l mar della Zabacche è la Cumania, gente nominata da Cumani: poi il capo dell'Isola, dov'è Caphà, era Gazaria. Et per

*) Caphà già fu detta Taurica-Chersonesus.

insino a questo giorno il pice, co'l quale si misura, cioè il braccio, alla Tana, et per tutte quelle parti, è chiamato il pice di Gazaria.

CAPITOLO XI.

Del signore detto Ulubi, et i luoghi da lui signoreggiati: della perdita di Caphà, et in qual modo pervenne nelle mani di Mengligeri, poi d'Ottomano, et con che arte di nuovo in detto Mengligeri: il modo, ch'osservano in trarre al pallio: della presa, et liberatione di Mordassa Can.

La campagna di quest' Isola di Caphà è signoreggiata per Tartari, i quali hanno un signore chiamato Ulubi, che fu figliuolo d'Asicharci. E buon numero di popolo, et fariano a un bisogno da tre in quattro mila cavalli. Hanno due luoghi murati, ma non forti, uno detto Solgathi, ilqual' essi chiamano Chirnia, che vuol dire fortessa, et l'altro Cherchiarde, che nel lor idioma, significa quaranta luoghi. In quest' Isola è prima alla bocca del mar delle Zabacche un luogo detto Chera, il quale da noi si chiama Bosphoro cimerio. Dopo è Caphà, Soldadia, Grusui, Cimbalo, Sarsona, et Calamita, tutte al presente signoreggiate dal Turco, delle quali non dirò altre, per esser luoghi assai noti: solo voglio narrare la perdita di Caphà,*) secondo ch'io ho inteso da un' Antonio da Guasco Genovese, il quale si ritrovò presente, et fuggì per mare in Zetrania, et di lì se ne venne in Persia, nel tempo, ch'io mi vi ritrovava: accio che s'intenda in che modo questo luogo è capitato nelle mani de' Turchi. Ritrovavasi in quel tempo esser signore di quel luogo, cioè nella campagna, un Tartaro nominato Eminachbi: il quale havea ogn'anno da quelli di Caphà certo tributo, cosa in quei luoghi consueta. Accadettero fra lui, et questi di Caphà certe differenze, per le quali il Consolo di Caphà, che in quel tempo era Genovese, deliberò di mandare all' Imperator Tartaro,

*) La perdita di Caphà per li Genovesi fu del 1475.

et di chiamare uno del sangue di questo Eminachbi, co'l favore del quale voleva cacciare Eminachbi di signoria. Havendo adunque mandato un suo navilio alla Tana insieme con un'ambasciatore. Questo ambasciatore andò nel lordò, dove era l'Imperatore de' Tartari; et ritrovato c'hebbe uno del sangue di questo Eminachbi, nominato Mengligeri, con promessa lo condusse a Caphà per la via della Tana. Eminachbi intendendo questo, ricercò di pacificarsi con quelli di Caphà con patto, che mandassero in dietro il detto Mengligeri. Et non volendo quelli di Caphà simil patto: Eminachbi dubitando del fatto suo, mandò un' ambasciatore all' Ottomano, promettendogli, se mandava la sua armata lì, la qual oppugnasse da mare, ch'egli oppugneria da terra, et gli daria Caphà, la quale voleva che fusse sua. L'Ottomano, il qual era desideroso d'haver tale stato, mandò l'armata, et in breve hebbe la terra: nella quale fu preso Mengligeri, et mandato all' Ottomano, stette in prigione molti anni. Non molto dopo Eminachbi, per la mala compagnia c'havea da Turchi, cominciò a esser mal contento d'haver data la terra all' Ottomano, et non lasciava entrar nella terra alcuna sorte di vettovaglie: onde, cominciò esser gran penuria di biade, et di carne in modo, che la terra era poco meno, ch'assedata. Fugli ricordato, che, se mandava Mengligeri a Caphà, tenendolo dentro della terra con qualche guardia cortese: la terra haveria abbondanza: perciò che Mengligeri era molto amato dal popolo di fuori. L'Ottomano giudicando, che'l ricordo fusse buono, lo mandò: et tanto tosto che si seppe ch'era giunto: venne nella terra grande abbondanza, perche era amato ancora da quelli di dentro. Essendo tanto castri in guardia cortese, si che poteva andare per tutto dentro della terra: un giorno fu tratto un pallio con l'arco. Il modo di trar'al pallio in quel luogo è questo. Attaccano a un legno messo in traverso sopra due legni drizzati in piedi, a sombianza d'una forca con qualche spago sottile, una tazza d'argento: et quelli, c'hanno a trar per avere il pallio hanno le lor frecce co'l ferro di mena lusa tagliente, et corrono a cavallo con l'arco per sotto questa forca, et quando c'hanno passato un pezzo in là, correndo tuttavia il cavallo alla dritta, si voltano in dietro, et traggono allo spago, et quello che getta giù la tazza, ha vinto il pallio. Mengligeri adunque, tolta

questa occasione del trar del pallio, fece che cento cavalli de' Tartari, co' quali esso havea intelligenza, s'ascondemero in certa valluccella, ch'era fuori della terra poco lontano: et sapendo volere anch'egli trar'al pallio, prese il corso, et fuggì dentro de'suoi. Incontinentemente che questa cosa fu intesa, la maggior parte dell'Isola lo seguì, et con essi bene in punto se n'andò a Solgathi terra lontana da Capha sei miglia, et la prese. Crescendo poi il popolo a sua ubbidienza: andò a Charchiarde, et quella similmente prese: et ammassato Eminachbi, si fece signore di quei luoghi. L'anno seguente deliberò d'andar verso di Citracan luogo lontano da Capha 16 giornate, signoreggiato da un Mordassa can, il quale in quel tempo era co'l lordò sopra del fiume Erdil: et fece giornata con lui, et prese, et tolse il popolo, buona parte del quale mandò all' Isola di Capha, et egli rimase a invernar sopra il detto fiume. Ritrovavasi in quel tempo esser alloggiato qualche giornata lontano un'altro signor Tartaro: il quale inteso, che costui invernava in quel luogo, essendo il fiume agghiacciato: deliberò d'assaltarle all'improvista, et lo ruppe, et recuperò Mordassa, il qual era tenuto prigione. Mengligeri essendo rotto, ritornò a Capha nell'ordin. Nella primavera seguente Mordassa co'l suo lordò venne a trovarlo fino a Capha, et fece alcune correrie, et dannò dentro dell' Isola. Ma non potendo haver le terre a sua ubbidienza, tornò indietro: nondimeno mai fu detto ch'egli di nuove faceva essercito con intentione di ritornare all' Isola, et discacciare Mengligeri: et questo è vero in se, ma cagione d'una bugia: imperò che coloro che non intendono donde procedano le guerre, c'hanno tra loro questi signori, et non sanno che differenza sia tra il gran Can, et Mordassa can: intendendo che Mordassa can fa nuovo essercito con intention di ritornar all' Isola, si danno ad intendere, et dicono, che il gran can viene per la via di Capha a posta dell' Ottomano, con proposito d'andar per la via di Moncastro nella Valachia, et Ungaria, et dove vorrà l'Ottomano. La qual cosa è falsa, quantunque s'abbia per lettere da Constantinopoli.

CAPITOLO XII.

Della Gothia, et Alania: della favella de' Gothi: de' popoli Gothalani, et onde sia derivato questo nome: della terra detta Citracan: della grandezza de' talponi, che nascono in quei boschi: d'una terra detta Risan, et della fertilità di quel paese: di Colonia città: del fiume Mosco, et Mosco città, et del sito, et abbondantia di quella.

Dritto dell' Isola di Capha d'intorno, ch'è su'l mar maggiore, si truova la Gothia, et poi l'Alania: la qual v'è per l'Isola verso Moncastro, com' habbiamo detto di sopra. Gothi parlano in Tedesco. So questo, perche havendo un famiglia Todesco con me, parlavano insieme, et intendevansi assai ragionevolmente, così come s'intenderia un Furlano con un Fiorentino. Da questa vicinà de' Gothi con Alani credo, che sia derivato il nome di Gothalani. Alani erano prima in quel luogo, sopravvennero Gothi, et conquistarono quei paesi, et fecero una mistura del nome loro co'l nome degli Alani, et si chiamarono Gothalani sì come quelle genti erano mescolate con queste. Tutti questi fanno alla Greca, et similmente i Circassi. Et perche habbiamo fatto mentione di Tumen, et di Citracan, non volendo pretermettere ne anche di questi luoghi le cose, che sono degne di memoria: dicemo, che da Tumen andando per Greco, et Levante, sette giornate lontano si truova il fiume Erdil, sopra il qual fiume è Citracan, la quale al presente è una terricciola quasi distrutta, pe'l passato fu grande, et di gran fama: imperò che prima che fusse distrutta dal Tamberlano: le spetie, et le sete, che al presente vanno in Soria, andavano in Citracan, et da quel luogo alla Tana. Ilve si mandava solamente da Venetia sei et settè galee grosse per il levar di dette spetie, et sete. Et in quel tempo ne Venetiani; ne altra natione citramarina facea mercantia in Soria^{*)}. L'Erdil è fiume grossissimo et

^{*)} Le mercantie venivano per tal via fino al tempo d'Augusto Imperatore, come si ha in Strabone.

larghissimo, il qual mette capo nel mar di Rachu, lontano da Citracan circa miglia 25, et così esso fiume come il mare hanno pesci innumerabili, ma in caso mar si truovan schenali et morose assai, il qual fa anche sale assai. Per il fiume a contrario d'acqua si può navigare infino appresso il Moscho terra di Rossia a tre giornate: et egualmente quelli del Moscho vanno con lor navilli in Citracan à terre il sale, et vi è la via facile, perche il Moscho fiume v'è in quella, che è nominato Occa, che discende nel fiume Ertil. Trovansi in questo fiume Isole assai, et boschi: delle quali Isole ve n'è alcuna, che volge trenta miglia. I boschi fanno talpotti, che d'un pezzo cavato ne fanno barche, che portano otto et dieci cavalli, et altrettanti huomini. Passando questo fiume, et andando per ponente maestro, alla via del Moscho, presso però delle rive, quindici giornate continue si truovan popoli di Tartaria innumerabili. Ma accostando verso maestro s'arriva a' confini della Russia, dove si truova una terricciola chiamata Risan, la quale è d'un cognato di Giovanni Duca di Russia. Tutti sono christiani, et fanno alla greca: il paese è fertile di biade, carne, et mele, et altre buone cose. Fassi etiamdio bessa, che vuol dir cervosa: truovansi boschi, et casali assai. Andando un pocq piu oltre si truova una città chiamata Còlona. Et l'una et l'altra di queste due sono fortificate di legname, del quale medesimamente sono fatte tutte le case: imperocche in quei luoghi non si truova gran fatto pietre. Tre giornate lontano si ritronova il detto Moscho fiume notabile: sopra il quale è una città nominata Moscho, dove habita il detto Giovanni Duca di Russia. Il fiume passa per mezzo la terra, et ha alcuni ponti. Il castello è sopra certa collina, et d'ogn'intorno è circondato da boschi. La fertilità delle biade, et della carne, che è in questo luogo, si può comprender da questo, che non vendono carne à peso, ma ne danno tanta ad occhio, che certo se ne ha quattro libre al marchetto. Le galline s'hanno settanta al ducato. L'ocche tre marchetti l'una. E tanto gran freddo, che etiamdio lì il fiume s'agghiaccia. Il verno sono portati porci, buoi, et altri animali scorticati, et messi in piedi duri come sassi, in tanto numero, che chi ne volesse 200 al giorno, li potria comprare. Tagliar non si possono, perche sono duri come marmi, se non si portano in stufa. Frutti, da qualche pochi

porri, et noci, et nocelle salvatiche in fuora, non si truovano. Quando vogliano andare da luogo à luogo, specialmente s'il cammino è per esser lungo, camminano il verno, perche tutto è agghiacciato, et hanno buon camminar, salvo che da freddo. Portan' all'ora sopra li sani (i quali satisfanno à loro, come à noi li sarrà, et dal canto di qua si chiamano travoli, over vasi) quello che vogliano con grandissima facilità. La state, per esser fanghi grandissimi, et moscioni assaissimi, i quali procedono dalli boschi molli et grandi, che vi sono, la maggior parte de' quali è inhabitabile, non ardiscono andar troppo lontano. Non hanno vino, ma alcuni fanno vino di mele, alcuni di cervosa di miglio: nell' uno et l'altro dei quali mettono fiori di bruscaudoli, i quali danno un stoffo che stornisce et imbria, come il vino. Non è da preterire con silenzio la provisione che fece il detto Duca, vedendo essi essere grandissimi imbriaichi, et per imbrischenna restar di lavorare, et di far molte altre cose, che gli aviano state utili: fece un bando, che non si potesse far ne cervosa, ne vin di mele, ne usar fiori di bruscaudoli in alcuna cosa: et con questo modo gli ha fatti mettere al ben vivere.

CAPITOLO XIII.

Duna terra chiamata Cassan, de' Moxii popoli, et della religion et viver loro, di Novogradia città. di Trocht et Lonin castelli, d'una terra detta Varsonich. di Mersaga et Brandinburg città. del Re di Zarsavia; della fertilità, costumi et habiti di quel paese, d'una terra detta Ziflis.

Posseno hora esser 25 anni, pagavano i Russiani per il passato tributo all' Imperator Tartaro. di presente hanno soggiogata una terra chiamata Cassan, che in nostra lingua vuol dire caldiera: la quale è su'l fiume Erdil, andando verso il mar di Sacha à man sinistra, lontana dal Mosco cinque giornate. Questa terra è mercantessa: della quale si tirage la maggior parte delle pellette

sia, che vanno al Mosco, in Polonia, in Russia, et in Biandra. le qual pelletterie però vengono da parte di tramontana et grece, dalle regioni di Zagatai, et di Moxia: i quali paesi di tramontana sono possedati da Tartari, che per il più sono idolatri, così come anchora sono i Moxii. Ho qualche pratica delle cose de' Moxii, et per tanto dirò della lor fede et conditione quello che io intendo. Certo tempo dell'anno sogliono torre un cavallo, il quale essi mettono nella campagna, à cui ligano tutti quattro i piedi à quattro pali, et similmente la testa à un palo fitti in terra. fatto questo viene uno co'l suo arco et frecce, et mettesi lontano in intervallo conveniente, et tiragli alla via del cuore tanto, che lo ammazza, poi lo scortica, et fanno della pelle un utra. della carne fanno tra loro certe cerimonie, et poi la mangiano. poi empiono questa pelle tutta di paglia, et la cucelono sì fattamente, che pare intiera, et per ciascuna delle gambe mettono un legno dritto, acciò che possa stare in piedi come vivo. finalmente vanna ad un arbore grande, et gli tagliano quei rami, che à lor pare, et di sopra fanno un solaro, su'l quale mettono questo cavallo in piedi, et così lo adorano offerendogli zebelini, armelini, dorsi, vari, volpi, et altre pelletterie, le quali appiccano à quest'arbore, sì come noi offeriamo candele, in modo che questi arbori sono pieni di simili pelletterie. Buona parte del popolo vive di carne, et per lo più di carne salvatica, et di pesci, che prendono in quei fiumi, che sono nel loro paese. Abbiamo detto dei Moxii. dei Tartari non habbiamo altro da dire, se non che quelli di loro che sono idolatri, adorano statue, le quali portano sopra dei lor carri, quantunque si trovano alcuni, i quali hanno per costume di adorar quello animale ogni giorno, che uscendo di casa primamente scontrano. Il Duca ha soggiogata anche Novogradia, che vuol dire in nostra lingua nove castelli, la quale è terra grandissima, lontana dal Mosco, alla via di maestro, giornate otto. governavasi prima à popolo, et erano huomini senza alcuna ragione. havevano tra loro molti heretici. al presente scorre via così pieno nella fede catholica, conciosia che alcuni credano, alcuni non: ma vivono con ragione, et ci si fa giustizia. Partendo da Mosco verso Polonia, vi sono giornate 22 insino all'entrar nella Polonia. Il primo luogo che si truova, è un castello chiamato

Ч. I. I. Бѣлѣго.

Trochi, al quale non si può andare, partendo da Moscho, se non per boschi, et per colline: imperocchè è quasi inogo deserto. vero è che caminando à luoghi, à luoghi, ove sono stati alloggiamenti per avanti, si truova esservi statò fatto fuoco: et ivi li viandanti possono riposare, et far fuoco se vogliono. alcune fiato, ma molto poche: si truova fuor di mano qualche villetta. Partendo da Trochi, si trovano similmente boschi, et colline, ma insieme etiandio alcuni casali. et lontano da Trochi nove giornate si truova un castello chiamato Lonin. Si entra poi nel paese di Lituania, dove si vede una terra chiamata Varsonich, la quale è d'alcuni Signori sottoposti però à Casimir Re di Polonia. Il paese è abbondante, et ha castelli, et casali assai, ma non da gran conto. da Trochi in Polonia sono giornate sette, et è buono et bel paese. Trovasi poi Mersaga assai buona città, et ivi finisce la Polonia: dei castelli et terre della quale, per non ne haver io notizia, non dirò altro, se non che il Re con li figliuoli et tutta la casa sua è christianissimo, et che il suo figliuol maggiore di presente è Re di Boemia. Usciti della Polonia à quattro giornate troviamo Frankfort, città del Marchese di Brandinburg, et entriamo nell' Alemagna: della qual non dirò altro per esser luogo domestico et inteso da molti. Resta hora che diciamo qualche cosa della Zorzania, la quale è all'incontro dei luoghi sopradetti, et confina con la Mengrelia. Il Re di questa provincia si chiama Pancratio: hà bel paese, et fertile di pane, di vino, di carne, di biade, et d'altri frutti assai. fassi gran parte di vini su gli arbori, come in Trabisonda. gli huomini sono belli, et grandi, ma hanno sozzissimi abiti, et costumi vilissimi. vanno tosi, et rasi il capo, salvo che intorno lassano un poco di capelli à similitudine di questi nostri Abbati, che hanno buona entrata. portano mustacchi, ai quali si lasciano crescer li peli sotto la barba à lunghezza di una quarta d'un braccio. in capo portano una berrettuzza di diversi colori, in cima della quale è una cresta. in dosso portano giubbe assai lunghe, ma strette et fesse di dietro infino alle natiche: imperocchè altramente non potriano montare à cavallo nella qual cosa non li biasimo, perche vedo, che anchora i Francesi l'usano. In piedi et gambe portano stivali, i quali hanno la suola fatta in modo, che quando stanno in piedi, la punta et il

calcagno toccano in terra, ma in mese sono tanto alti da terra, che si potrà cacciare il pugno per sotto la pianta senza farsi male: et di qui viene, che quando caminano à piedi, caminano con fatica. gli biamaria in questa parte, se non fusse che io so, che anchora li Persiani l'usano. Circa il mangiare, secondo che io ho veduto à casa di uno delli principali, servano questo modo: hanno certe tavole quadre circa mezzo braccio con un'orlo cavato intorno. in mezo di queste mettono una quantità di paniccio cotto senza sale, et senza altro grasso: et questo si usa in luogo di minestra. in un'altra simil tavola mettono carne di cinghiaro brustolata, et tanto poco arrostita: che, quando la tagliavano, sanguinava. essi mangiavano di buona voglia, io non ne poteva gustare, et però me ne andava fingendo di mangiar con quel paniccio. del vino ne era abbondantia, et andava intorno alla polita. altra sorte di vivande non havemmo. Vi sono in questa provincia montagne grandi et boschi assai. ha una terra chiamata Tiflis, d'avanti la quale passa il fiume Tygris: la quale è buona terra, ma male habitata. ha etiandio un castello nominato Gori. confina con il mar maggiore. Et questo è quanto io ho à narrare circa il viaggio mio della Tana, et di quei paesi, insieme con le cose degne di memoria di quelle parti.

ВАРИАНТЫ.

Въ изданіи 1543 года, о коемъ мы упомянули въ нашемъ предисловіи, путешествіе Барбаро напечатано подъ заглавіемъ: *Qui cominciavano le cose vedute et udite per me Josphat Barbaro, cittadino di Vinetia: in due Viaggi che io ho fatti; uno alla Tana; et uno in Persia.* Значительной разницы между этимъ изданіемъ и изданіемъ Рамузіо, которыми мы руководствовались въ трудъ нашъ, при тщательномъ сличеніи я не замѣтилъ. Все различіе состоитъ въ перестановкѣ словъ и въ правописаніи. Тѣ же мѣста, въ которыхъ хотя нѣсколько измѣненъ смыслъ рѣчи, или что либо прибавлено, равно какъ различіе въ названіи городовъ, рѣкъ, странъ и лицъ, отмѣчены мною здѣсь съ самою строгою точностію. Рамузіо раздѣлялъ путешествіе Барбаро на 13 главъ, чего въ изданіи 1543 года не встрѣчается.

Въ нашемъ изданіи сказано:

Въ изданіи 1543 года:

Странъ. 68. стр. 8: in Solino, in Pomponio Mella, in Strabone, in Herodoto, et in altri moderni, com'è Marco Polo, Nicolo Conte nostri Venetiani et in altri novissimi, com'è Pietro Quirini etc.

in Solino, in Pomponio Mela, in Strabone, in Herodoto, in Diodoro (), in Dionisio Halicarnaseo (**), et in altri moderni: come era Marco Polo, Nicolo Conte nostri Vinetiani, et Giovanni da Vandavilla (***), et in altri novissimi: come è Pietro Quirini etc.*

*) Діодоръ Сицилійскій жилъ во время Юлія Цесаря и Августа и, подъ названіемъ Исторической Библіотеки, оставилъ 40 книгъ весьма любопытнаго Историческаго сочиненія, изъ коихъ до насъ дошли только 15.

**) Діонисій Галикарнаскій, Авторъ Римскихъ древностей, жилъ также во времена Августа. Изъ сочиненія его, состоявшаго въ 20 книгахъ, дошли до насъ только первыя 11.

***) Иоаннъ Мандевилл, Англійскій путешественникъ, отправился въ 1322 или 1332 году въ Палестину, служилъ въ войскѣ Египетскаго Султана и Императора Китайскаго и

<i>Cmp.</i> 69, <i>cm.</i> 5: il fiume d'Edil, altramente detto la Volga: dalla parte etc.	il fiume di Ledil *): dalla parte etc.
<i>Cmp.</i> 69, <i>cm.</i> 7: su'l mar delle Zabache, ch'è la palude Meotide, et conseguentemente etc.	sul mar delle Tabacche; et conseguentemente etc.
<i>Cmp.</i> 70, <i>cm.</i> 5: d'Alessandro dalla Giudecca	d'Alessandro dalla Zudecca
<i>Cmp.</i> 70, <i>cm.</i> 10: et facemmo una scrittura (la qual fu di mano etc.	et facemmo una scrittura, con giuramento, (la qual fu di mano etc.
<i>Cmp.</i> 70, <i>cm.</i> 25: et occupava in diametro 8 passa.	et occupava per diametro passa LXXX.
<i>Cmp.</i> 72, <i>cm.</i> 5 <i>смыс.</i> : La fede di Macometto principiò ne' Tartari ordinariamente: ma sono anni circa 110 vero è, che per avanti etc.	La fede di Macometto principiò nei Tartari ordinariamente hora sono anni 110. vero è che per avanti etc.
<i>Cmp.</i> 55, <i>cm.</i> 5: Ulumahomet Can.	Ulumahumeth Can.
<i>Cmp.</i> 73, <i>cm.</i> 19: Citrachan	Giterchan
<i>Cmp.</i> 74, <i>cm.</i> 21: un giovane greco	uno Zuan Greco
<i>Cmp.</i> 75, <i>cm.</i> 7 <i>смыс.</i> : et stavano lontani l'uno dall' altro da dieci passa.	et stavano in fila lontani l'un dall' altro, da passa 100.
<i>Cmp.</i> 75, <i>cm.</i> 2 <i>смыс.</i> : o lasciavano i cani: et l'andare a questo modo chiamavano una paganea. In questa maniera, com' ho detto, camminava questo infinito popolo de' Tartari, et fra gli altri animali etc.	o lasciavano i cani. Fra gli altri animali etc.
<i>Cmp.</i> 78, <i>cm.</i> 16: un frato Therino	uno frate Thermo
<i>Cmp.</i> 76, <i>cm.</i> 6 <i>смыс.</i> : Pernice	Pernice
<i>Cmp.</i> 77, <i>cm.</i> 15: Giovanni da Valle	Zuan da Valle,

по тридцатитрехлѣтнемъ отсутствіи, возвратился въ отечество. Путешествіе его вышло въ одно время на языкахъ: Латинскомъ, Французскомъ и Англійскомъ. Самое лучшее изданіе, на древнемъ Британскомъ нарѣчій, выдано въ Лондонѣ въ 1727 году.

*) Разница между изданіемъ Рамузіо и 1543 года въ названіи рѣки Эдилла повторяется въ продолженіи всего сочиненія, но мы замѣтили ее только въ семъ мѣстѣ. Это самое будетъ наблюдаемо нами и на счетъ другихъ собственныхъ именъ.

- Cmp. 78, cm. 6:* et si faria mie et fariasi mio cognato
conaco
- Cmp. 78, cm. 8 cussy:* per pas- per passar il fiume,
sare il fiume Tanais,
- Cmp. 80, cm. 16:* Hibuthperes Hibuch Peres
- Cmp. 80, cm. 26:* Talubagater Talubagator
- Cmp. 80, cm. 4 cussy:* et s'es- et togliono sbaragli senza ra-
pongono ad ogni rischio sen- gione,
za ragione alcuna,
- Cmp. 81, cm. 16:* Francesco da Misser Francesco
Valle
- Cmp. 82, cm. 2 cussy:* et senza senza penne: le quali (come so-
penne: le quali, come sono no andate poco avanti) si vol-
andate in aria tant' alto tano,
quanto la forza del braccio ha potuto, si voltano,
- Cmp. 83, cm. 10:* quattro over quattro over cinque garzi
cinque di quell' herbe, che poi chiamamo garzi,
- Cmp. 84, cm. 9:* et vengono al- et quelli vengono alla via di
la via di Polonia, et di li Polonia: e poi alcuni si drizza-
per la Valacchia in Transil- no per la Blacchia in Transyl-
vania, vauia,
- Cmp. 85, cm. 21:* I terreni so- I terreni sono fertili, rendono di
no fertili: rendono di fru- formento staia cinquanta per
mento cinquanta per uno, il uno, il quale staio è grande co-
quale è grande com' il pa- me il padovano:
drone:
- Cmp. 85, cm. 4 cussy:* perciò finalmente Ulumahumeth (del
che il detto Ulumahumeth sen- quale havemo parlato di sopra)
tendo esser arrivato Chesi- arrivato che fu circo li confini
mahumeth ne' suoi confini suoi che Zimahumeth
- Cmp. 87, cm. 10:* Assambei Assambech
- Cmp. 87, cm. 13:* Domandai Addimandai di questo Edelmulgh;
quel che fusse di questo Edel- et dette mi contrasegni etc.
mulg: et mi fu detto ch'era
morto, et c'havea lasciato un
figliuolo, il qual si nominava
Hagmeth, et dette mi con-
trasegni etc.
- Cmp. 87, cm. 3 cussy:* Tolsi li sciolsi detti Tartari
detti Tartari
- Cmp. 88, cm. 1:* Cazadahuth, Cazadahuch,
- Cmp. 88, cm. 5:* che in nostra che in latipo
lingua
- Cmp. 88, cm. 27:* Mengrelia pri- Mengleria.
ma detta Colcho, poi Lazia
Mengrelia.
- Cmp. 88, cm. 1 cussy:* Chremuch Chremuch

- Cmp. 89, cm. 8: Chertibei* Chertibei
Cmp. 89, cm. 8: et somigliano hanno volti non strani.
al volto agl'italiani:
- Cmp. 89, cm. 12: le Chippiche,* le Elipehe Tatarcosia, Sobai
Tatacosia, Sobai, Cheverthei, Chenerthei,
Cmp. 89, cm. 16: la Zorzanìa la Giorgiantia
Cmp. 89, cm. 20: Sevastopoli Savastopoli
Cmp. 89, cm. 23: Fanno qual- Fanno qualche poche tele triste
che poche tele, et molto cat- et dolenti
tive, che son' alcune di cana-
po, et altre d'ortica.
- Cmp. 89, cm. 26: Palandiera di* paramderia de Turchi
Turchi
- Cmp. 89, cm. 27: Anzolin Squar-* Azolin Squarciafigo
ciafico
- Cmp. 89, cm. 29: Surina patro-* Surina patrojn cocon?
ni cocon,
- Cmp. 90, cm. 30: mostrando* (mostrando d'haver vermenezza
d'haver pullici nelle mutan- nelle mutande) le fece di,atto
de, le fece d'atto ch'andasse che la venisse a cercare, et lei
a cercare, et ella se ne ven- sene venne con charità, et cercò
ne con grande amorevolezza, intorno intorno con somma fe-
et cercò intorno intorno con de et castità
somma fede, et castità.
- Cmp. 90, cm. 6: Patroni teta-* patron tetarnica
ri sicha
- Cmp. 90, cm. 16: Ma, poiche io* Non lascerò questa cosa (dapoì
ho detto, che tetari significa che ho detto che tartari vuol
denari, non voglio lasciar di dir danari) tetarti propriamente
dire, che propriamente teta- vuol dir bianco,
ri vuol dir bianco,
- Cmp. 90, cm. 20: akcia* akcia
- Cmp. 90, cm. 24: Si che noi* Si che vedemo quante nation
vedemo, che diverse nationi tutte nel suo linguaggio si af-
s'accordano a chiamar' una frontano a chiamar una cosa in
istessa cosa con un nome, quello istesso nome.
che ciascun le pone nel suo
proprio linguaggio, nondime-
no tutte riguardano la me-
desima ragione, et signifi-
cato.
- Cmp. 90, cm. 5 cussy: dove si* dove ritrovo un stretto di terre-
truova uno stretto di terre- no che continua la isola con
no chiamato Zuchala, che terra ferma. come fa quello del-
congiugne l'isola con terra la Morea chiamato Zuchala.
ferma, come fa quello della
Messa, detto d'Estmilla.
- Cmp. 81, cm. 8: Solgathi, il* Sorgathi, il qual essi chiamano
qual' essi chiamano Chirmia, Incremin';

- Cmp. 91, cm. 12:* Soldadia, Grasu, Cimbalo, Saldia, Grasu, Cymbalo,
- Cmp. 92, cm. 5:* et ritrovato c'hebbe uno del sangue di questo Eminachbi, nominato Menglieri, con promessa lo condusse a Capha per la via della Tana. Eminachbi intendendo questo, ricercò di pacificarsi con quelli di Capha con patto, che mandassero in dietro il detto Menglieri. Et non volendo quelli di Capha simil patto et ritrovato che hebbe uno del sangue di questo Eminachbi nominato Menglieri, con promessa lo condusse a Capha, con patto che mandassero in dietro detto Menglieri, non volendo quelli di Capha simil patto.
- Cmp. 92, cm. 18:* et non lasciava entrar nella terra alcuna sorte di vettovaglie ne molte dapei Eminachbi non lasciava entrar nella terra alcuna sorte di vittuarie
- Cmp. 93, cm. 6:* Solgathi terra lontana di Capha sei miglia, et la prese. Crescendo poi il popolo a sua ubbidienza: andò a Cherschierde, et quella similmente prese: et ammazzato Eminachbi, etc. Surgathi, terra lontana da Capha miglia sei: et quella prese et ammazzato Eminachbi etc.
- Cmp. 93, cm. 3 cussy:* con proposito d'andar per la via di Moncastro nella Valacchia et Ungaria, et dove vorrà l'ottomano. con proposito di andar per la via di Moncastro in la Blacchia Ongaria, et ove era l'ottomano.
- Cmp. 94, cm. 1:* Dritto dell' Isola di Capha d'intorno, ch'è sul mar maggiore, si troua la Gothia Dietro dell' Isola di Capha d'intorno che è sul mar maggiore, si troua la Gothia,
- Cmp. 94, cm. 7:* Gothalani Gotitalani
- Cmp. 94, cm. 18:* Tamberlano Tamerlano
- Cmp. 95, cm. 1:* mar di Bachu mare di bachi
- Cmp. 95, cm. 2:* hanno pesci innumerabili, main esso mar pigliano pesci innumerabili. Fa si truovan schenali et morene assai, il qual fa anche sale assai. Per il fiume a contrario d'acqua si puo navigare infino appresso Moscho terra di Rossia a tre giornate: et ogn' anno quelli del Moscho vanno con lor navilii in Citracan a torre il sale, et vi è la via facile, per il mar sale assai, per il detto fiume a contrario d'acqua si puo navigar per sino appresso Musco, terra de Rossia a tre giornate; et ogni anno vanno con i suoi navilii quelli del Musco in Githerecan per sale.

che il Moscho fiume va in quello, che è nominato Ocça che discende nel fiume Erdil.	
<i>Cmp. 95, cm. 13:</i> ponente maestro	greco et levanto
<i>Cmp. 96, cm. 17:</i> Giovanni Duca di Rossia	Zuane Duca di Rossia
<i>Cmp. 95, cm. 24:</i> Tre giornate lontano si ritruova il detto Moscho fiume notabile: sopra il quale è una città nominata Moscho, dove habita il detto Giovanni Duca di Rossia. Il fiume passa per mezzo la terra, et ha alcuni ponti.	Tre giornate lontano si ritruova la detta terra di Musco ove habita detto Zuane Duca di Rossia: alla qual terra li passa per mezzo il nobilissimo fiume Musco, che ha sopra alcuni ponti; et credo che da questo fiume la terra pigli anch'essa questo nome Musco
<i>Cmp. 95, cm. 4 crusy:</i> scorticati	scorticati la invernata
<i>Cmp. 96, cm. 3 crusy:</i> mar di Bachu	mar di Bachri
<i>Cmp. 97, cm. 1:</i> che vanno al Mosco, in Polonia, in Persia et in Fiandra.	che vanno à Musco, in Polonia, in Prusia et in Fiandra.
<i>Cmp. 97, cm. 19:</i> dossi, vari, volpi et altre pellettarie	dossi, vari, et volpi
<i>Cmp. 97, cm. 23:</i> che prendono in quei fiumi, che sono nel loro paese	che prendono in quei fiumi
<i>Cmp. 97, cm. 9 crusy:</i> Novogradia	Novgroth
<i>Cmp. 98, cm. 9:</i> Lonin	Loniri
<i>Cmp. 98, cm. 23:</i> Zorzania	Giorgiania
<i>Cmp. 99, cm. 13:</i> et però me ne andava fingendo di mangiar con quel paniceio	et però me ne andava intrattenendo con quel panico
<i>Cmp. 99, cm. 16:</i> Tiflis	Zifilis

ИРИМЪЧАШІЯ.

1.) Главнѣйшею причиною начала и быстрыхъ успѣховъ *Венеціанской торговли* было самое Географическое положеніе этой республики. Первые жители Венеціи, — бласцы, принужденные для огражденія независимости своей отъ дикихъ племенъ, наводнившихъ въ 5-мъ столѣтіи Италію, искать убѣжища на безплодныхъ островахъ, составляющихъ нынѣ Венецію, нашли, что небольшія сокровища, принесенныя ими въ новое ихъ отечество, не могутъ на долго обезпечить ихъ существованія, и что къ поддержанію этого существованія единственными средствами остались имъ: трудолюбіе и промышленность. Земледѣліе не могло служить для нихъ источникомъ благосостоянія, ибо земля, доставшаяся имъ въ удѣлъ, была вовсе безплодна. Соль и рыбная ловля составляли все ихъ богатство, и даже прѣсную воду привозили они отъ своихъ соседей. Посему то самая необходимость вынудила Венеціанъ искать въ другихъ странахъ того, что было имъ нужно въ жизни. Вотъ первоначальная причина основанія Венеціанской торговли. Въ послѣдствіи то же самое Географическое положеніе, поставившее Венецію такъ сказать на перепутьи между востокомъ и западомъ Европы, было причиною быстрыхъ успѣховъ ея торговли. Прочія Государства, нѣмъ по грубому своему неважному, а другія по низменности нравовъ, въ началѣ не могли, или не хотѣли обратить дѣятельнаго вниманія на торговлю, требующую и предприимчивости и извѣстной уже умственной образованности. Одна только Генуя вступила въ состязаніе съ Венеціею и долго оспаривала у нее владычество надъ морями. Сначала, какъ мы выше сказали, Венеціане вели торгъ лишь съ ближайшими соседями своими; но мало по малу кругъ дѣятельности ихъ распространился, а съ умноженіемъ богатства Республики увеличались и внутреннія силы ея. Правительство

Венеція обращало всегда преимущественное вниманіе на ея торговлю, какъ на главнѣйшій, или, лучше сказать, единственный источникъ ея могущества. Оружіе и договоры доставлял ей въ Малой Азіи и даже въ Африкѣ владѣніе различными портами, служившими складочными мѣстами для обширныхъ ея оборотовъ. Она имѣла конторы почти во всѣхъ приморскихъ городахъ Европы и, не смотря на соперничество Генуи и на происки Римскаго двора, завидовавшаго ея могуществу, слава Венеціанскій развивалась на всѣхъ моряхъ, свидѣтельствуя о богатствѣ и силѣ Республики. Таково было положеніе Венеціи въ XV столѣтіи, когда съ одной стороны завоеваніе Турками Константинополя, а съ другой открытія Колумба и Васко де Гамы нанесли губительный ударъ Венеціанской торговлѣ и вырвали у гордой Царицы морей твердый скиптръ ея могущества. Съ этой эпохи Венеція уже перестаетъ быть первенствующею торговою державою и мало по малу клонится къ своему упадку. Желаящіе почерпнуть подробности свѣденія о семъ предметѣ могутъ найти оныя въ Венеціанской Исторіи Дарю (Livio XIX) и въ превосходномъ твореніи Геерена, подъ названіемъ: *Geschichte des Europ. Staatensystems und seiner Colonien*.

2.) *Кайй Плиній старшій*, знаменитѣйшій изъ древнихъ Естествоиспытателей, родился въ Комѣ въ 23-мъ году по Р. Х. Вся жизнь его посвящена была изученію природы, и онъ даже содѣлался жертвою ненасытнаго своего любознанія; ибо въ 79 году, во время изверженія Везувія, желая рассмотреть въблизи это любопытное явленіе, былъ задушенъ дымомъ, распространившимся въ окрестностяхъ волкана (см. Plin. II. Epist. 6, 16). Плиній оставилъ намъ 37 книгъ Естественной Исторіи (*Historia naturalis sive Historia mundi*), въ которыхъ заключается краткая Географія извѣстнаго тогда свѣта.

3.) *Кайй Юлій Салинъ* Многовѣдецъ (Polihistor), Римскій писатель, оставилъ намъ небольшое сочиненіе о Географіи, въ которомъ почти всѣ свѣденія свои выписалъ изъ Плинія. Отъ того многіе называютъ его обезьяною Плинія. Обстоятельства жизни Салина, равно какъ и мѣсто его рожденія—неизвѣстны.

4.) *Политий Мела*, родомъ изъ Испаніи и, по мнѣнію некоторыхъ ученыхъ, сынъ Сенеки, жилъ въ царствованіе Императора Клавдія, въ половинѣ I вѣка до Р. Х. Онъ оставилъ весьма хорошее сочиненіе о Географіи, подъ названіемъ: *De situ orbis*.

5.) *Геродотъ*, древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ Греческихъ Историковъ и прозванный потому Отцемъ Исторіи, родился въ Галикарнассѣ, въ 4-мъ году 73-й Олимпиады (въ 484 году до Р. Х.). Онъ написалъ историческое сочиненіе въ 9 книгахъ, посвященъ имени 9 Музъ, которое и доселѣ служитъ лучшимъ источникомъ для Исторіи древняго міра.

6.) *Марко Поло*, Венеціанецъ, знаменитѣйшій путешественникъ среднихъ вѣковъ, первый познакомилъ Европу съ Азійскими Государствами того времени; ибо жилъ въ продолженіи 17-ти лѣтъ (съ 1275 — 92) при дворѣ Монгольскаго Государя Кублай-Хана, сына Ченгисъ-Ханова, и былъ посылаемъ отъ него съ порученіями въ отдаленнѣйшія области его владѣній. Путешествіе Марко Поло въ первый разъ вышло въ 1296 году; но неизвѣстно, на какомъ языкѣ написалъ онъ его. Англійскій Издатель Г. Марсденъ полагаетъ, что подлинникъ писанъ былъ на древнемъ Венеціанскомъ нарѣчій; Рамузіо же утверждаетъ, что на Латинскомъ. Отъ того то и помѣстилъ онъ въ началѣ 2-й части своего сборника (*Delle navigationi et viaggi*) переводъ, сдѣланный съ Латинскаго изданія какимъ то Генуэзцомъ. Главнѣйшій предметъ описаній Марко Поло есть Государство Монгольское. Впрочемъ онъ сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія о Китаѣ, Японіи, Тибетѣ, Восточной Индіи, Индійскомъ Архипелагѣ, Абиссиніи, Зангвебарѣ, Мадагаскарѣ и другихъ земляхъ. Замѣчательно, что Васко де Гама руководствовался сочиненіемъ Марко Поло при открытіи новаго пути въ Индію, и что сочиненіе это переведено на всѣ почти Европейскіе языки. Желающіе почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о Марко Поло могутъ найти оныя у Форстера въ его *Gesch. der Entdeck. und Seefahrth. im Nord.* p. 151; въ сочиненіи Цурмы, подъ заглавіемъ: *Di Marco Polo e di altri*

Viaggistori Italiani, T. I. p. 43. и у Марко Поло: *Travels of Marco Polo*, p. I — LXXX).

7.) *Николо Конти*, Венеціанецъ, совершилъ въ 1424 году путешествіе по Малой Азіи, Персіи, Восточной Индіи и Египту. Описаніе этого путешествія было сдано въ 1449 году, на Латинскомъ языкѣ, Секретаремъ Папы Евгенія IV Поджіемъ; но вышло въ первый разъ въ свѣтъ въ Португальскомъ переводѣ въ 1500 году. Рамузіо помѣстилъ его въ 1-й части своего Сборника, стр. 338 — 45. (см. Zurlo. Di M. P. et di altri Viag. Venez. T. 2. p. 187).

8.) *Пьетро Квирино*, Венеціанецъ, предпринималъ въ 1431 году путешествіе по торговымъ дорогамъ изъ Кандіи во Фландрію; но былъ занесенъ бурей на Сѣверъ и, послѣ долгихъ бѣдствій, присталъ къ берегамъ Норвежскимъ. Описаніе путешествія Квирино находится во 2-мъ томѣ Рамузіева Сборника (стр. 199), подъ заглавіемъ: *Viaggio del Magnifico Piero Quirino, Gentiluomo Veneziano, nel quale partito di Candia con Malvagio per ponente l'anno 1431, incorre in uno horribile et spaventoso naufragio, del quale alla fina con diversi accidenti campato, arriva nella Norvegia et Suetia Regni Settentrionali*. (См. Forster: *Geschich. der Entdeck. und Seefahr. im. Nord.* p. 250 и Zurlo: *Di M. P. ed altri Viag. Ven. T. II.* p. 265).

9.) *Алвизіи да Мосто* (Alvise ovvero Luigi da Cà da Mosto), Венеціанецъ, совершилъ отъ 1454 до 1463 путешествіе по западному берегу Африки, въ которомъ доходилъ до 11° 30' Сѣвер. широты. Ему обязаны мы открытіемъ острововъ Зеленаго мыса, рѣки Камамансы, Краснаго мыса и Рио-гранде и первыми точными свѣдѣніями о Нигриціи и о рѣкахъ Сенегала и Гамбіи. Сверхъ своего путешествія Ка да Мосто описалъ путешествіе Недро де Снятры, доходившаго до 6° Сѣв. шир. Оба эти описанія вышли въ первый разъ въ свѣтъ въ 1507 году, въ Венеціи, на Итальянскомъ языкѣ и перепечатаны во 2-мъ томѣ Рамузіева Сборника (стр. 96 — 115). Желающіе почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о Ка да Мосто могутъ найти оныя у Цурлы: *Di M. P. ed altri Viag. Venez. T. II.* p. 101.

10.) *Андрей Контарини* былъ отправленъ Венеціанскою Республикою посломъ къ Персидскому Государю Узунъ-Гассану въ 1475 году. Путешествіе его издано въ первый разъ въ 1487 году. Мы не станемъ здѣсь подробно распространяться о немъ; ибо вслѣдъ за путешествіемъ Барбаро оно будетъ напечатано въ первомъ Томѣ Библіотеки Иностр. Пис. о Россіи.

11.) См. Предупрежденіе къ I. Барбаро.

12.) *Эрды* (въ изданіи 1543 года *Erdei*), *Атель*, *Итиль*, *Эдиль*. Такъ называлось у Татаръ и у Турекъ Волга, известная въ древности подъ именемъ Ра. Слово *Итиль*, по свидѣтельству некоторыхъ Филологовъ, значитъ на одномъ изъ Финскихъ наречій *рыбу* или *воду*.

13.) *Элисъ* — одно изъ названій нынѣшняго Дняпра, древняго Бориссена или Данаприса. А *Контарини* именуютъ эту реку *Аерессою* (см. А. Конт. Г. I. при описаніи Кіева).

14.) Земляныя насыпи или курганы (отъ Татарскаго слова *Кюрь-Хане*, круглая гора) имѣли въ древнія времена различное назначеніе. Иногда онѣ служили алтарями для отправленія богослуженій; иногда памятниками о битвахъ; иногда воздвигались для обозрѣнія окрестностей, на случай непріятельскаго вторженія; всего же чаще служили надгробными памятниками людямъ знаменитымъ. О курганахъ должно выйти въ непродолжительномъ времени любопытное сочиненіе Г. Кепшена, которое намъ удалось пробжать въ рукописи. Въ немъ желающіе могутъ почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о семъ предметѣ.

15.) *Маре maggiore*. Такъ въ средніе вѣка Генуэзцы и Венеціане называли Черное море, — известное въ древности подъ именемъ Понта Аксенскаго (негостепріимнаго) и Еаксинскаго (гостепріимнаго). Въ средіе вѣка его также называли Русскимъ моремъ.

16.) *Аланиа*, страна Алановъ, одного изъ Варварскихъ народовъ, опустошившихъ Римскую Имперію. Некоторые писавшіе
Ч. I. I. Барбаро.

тели относятъ ихъ къ поколѣнію Сарматовъ, а другіе къ Ски-
тамъ. Плиній называетъ Алавъ Славенскимъ или Сарматскимъ
народомъ, а Діонисій Харскій и Амміанъ Марцеллинъ при-
нимаютъ имя ихъ въ собирательномъ смыслѣ и разумеютъ подъ
именемъ: Невровъ, Будиповъ, Гелоновъ, Агаенрсовъ, Азовъ,
Меланхленовъ, Лорсовъ и Сираховъ. По свидѣтельству по-
слѣдняго, Алавы были весьма сходны съ Гуннами. Сестренце-
вичъ почитаетъ ихъ племенемъ Сарматскимъ и производитъ имя
ихъ отъ горы Алашъ (въ древности Имаусъ, нынѣ Алтайскій
хребетъ). Алавы появились въ первый разъ въ Европѣ въ III
вѣкѣ по Р. Х. и заняли сначала пространство между Чернымъ
и Каспійскимъ моремъ, гдѣ Рейнгеръ находитъ еще ихъ
остатки; потомъ распространились до Днѣпра и наконецъ пе-
решли къ Дунаю. Послѣ тщетныхъ усилій ворваться въ Рим-
скую Имперію съ Востока, устремились они на западъ въ Гер-
манію, которую опустошили вслѣдъ за Гуннами; въ началѣ V
столѣтія они проникли въ Пиренейскій полуостровъ, а въ кон-
цѣ сего столѣтія появились въ полчищахъ Атталы. Въ Северо-
западной части Кавказа встрѣчается также народъ, именуемый
Аланами (нынѣ Осетины) и который Г. Клапротъ почитаетъ
остатками древнихъ Алашъ. I Барбаро того же мнѣнія; ибо
говоря о народахъ, сопредѣльныхъ съ Мингрелією, упоми-
наетъ между прочимъ о племени Ашъ или Аланахъ. Народъ
сей былъ вытѣсненъ изъ Тавриды Готами, но о долговремен-
номъ пребываніи его въ южномъ краѣ нынѣшней Россіи еще
по сію пору напоминаетъ намъ городъ Азовъ (по мнѣнію
многихъ Историковъ древній Астартъ), построенный, какъ по-
лагаютъ, Аланами. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что сло-
во Алавъ на Лезгинскомъ языкѣ означаетъ собраніе народа,
или орду. (См. Карам. Ист. Госуд. Рос. Т. I. Г. 1 в пр. 23;
I. Barbaro, Cap. 10 и 12; Siestren. Rech. sur l'orig. des Sarm.
etc. T. I. Ch. 2, 9 и 15 и T. III, Ch. 30; Klapproth Reise in den
Kauk. 1. B. p. 66 — 70 и Энцикл. Слов. Т. I стр. 404).

17.) *Куманія*, страна Кумановъ или Комановъ, известныхъ
въ Русской Исторіи подъ именемъ Половцевъ, а земля ихъ
подъ именемъ земли Половецкой (по Татарски Дештъ-Кипъ

чака). По мнѣнію Карамзина народъ сей получилъ названіе свое отъ рѣки Кумы; Сестреницынъ же, основываясь на показаніи Анны Коминенъ, даетъ ему Азіатское происхожденіе и почитаетъ Кумановъ соплеменниками Гунновъ. Имя ихъ въ первый разъ является въ Русской Исторіи въ 966 году по Р. Х. Сначала Куманы изрѣдочно жили на обширныхъ равнинахъ между Дономъ и Волгою, но потомъ распространились въ южной части нынѣшней Россіи, т. е. до Северному берегу Черваго моря, — и завладѣли частію Крымскаго полуострова. Съ нашествіемъ Татаръ имя Половцевъ совершенно исчезаетъ; но страна, въ которой они жили, долго еще сохранила у западныхъ писателей названіе Куманія, чему доказательствомъ служить самое описаніе Барбаро. Гаммеръ въ своей сравнительной картѣ поставляетъ Куманію на лѣвомъ берегу Азовскаго моря, надъ Чернымъ моремъ; на картѣ Пиджигана она находится почти тамъ же; а Барбаро въ 1-й главѣ въ точности не опредѣляетъ положенія этой страны; за то въ 10-й говоритъ опредѣлительно, что она лежитъ въ сѣверовосточной части Таврическаго полуострова: «Scorrendo la detta Isola (Caphà) prima sul mar delle Zabacche è la Cumania gente nominata da Cumanì, poi il Capo dell'Isola, dov'è Caphà, era Gazaria.» (См. Кар. И. Г. Р. Т. II. прим. 106; Siestr. Hist. de la Cher. Taur. Livre XIV, p. 306 — 8; Стр. Изв. Визант. Ист. Ч. IV. стр. 151 — 64; Лербергъ Изсл. къ Рус. Ист. стр. 52; Klaproth. Reise in den Kauk. 1. B. p. 32 — 57 и 266; Wiener Jahrb. der Lit. B. 65 и Язык. Путеш. къ Татар. пр. 10).

18.) *Хазарія*, земля Хазаровъ или Жозаровъ, соплеменныхъ, по мнѣнію Карамзина и другихъ Историковъ, съ Турками. Въ первый разъ имя ихъ является въ Исторіи въ 4-мъ столѣтіи по Р. Х. Они жили на западномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ находилась столица ихъ Государей (Хагановъ), называвшаяся Атель. (Сестреницынъ и Карамзинъ полагаютъ, что это нынѣшняя Астрахань). Завоевавъ пространство между Волгою и Дономъ, близъ коего въ IX столѣтіи выстроены были ими городъ Саркель (въ нашихъ лѣтописяхъ Бѣлая Вѣжа), Хазары долго были страшны для своихъ соседей; въ сою-

въ съ Греческимъ Императоромъ громилъ Персію; завоевали Тавриду, получившую отъ нихъ имени названіе Хазаринъ; — по потомъ мало по малу пали подъ ударами Русскихъ, Грековъ и Половцевъ. Положеніе Хазаринъ опредѣляетъ Барбаро въ 10 главѣ своего путешествія; ибо говорить: «il Capo dell' Isola, dove è Carhà, sta Gazaria.» На картѣ Пиццигани она также поставлена въ Крыму. (См. Кар. Н. Г. Р. Т. I. гл. 2 и пр. 83 и 87; Siestr. Orig. des Sarm. T. I. Ch. 24 и Hist. de la Chers. Taur. р. 277 — 289; Лерберга Извѣст. къ Рус. Истор. стр. 301 — 350. Стрит. Извѣст. Визан. Ист. Ч. IV. стр. 411 — 430).

19.) *Забакское* или *Азовское* море (въ изданіи 1543 года mar delle Tabacche), известное Географамъ подъ многоразличными наименованіями. Скны называли его Темериндою; Славяне Сурожскимъ моремъ; древніе то Меотическимъ болотомъ (Palus Maeotis) то Сарматскимъ (Palus Sarmatiae), то Скнскими прудами (Scythiae paludes), то Матерію Чернаго моря (Ponti Euxini mater); у Турокъ оно известно подъ именемъ Синяго (баръ аль азракъ) и Азовскаго моря, а у Татаръ подъ именемъ Гинялаго моря или Сиваша (Чабакъ дешеси). Взято отъ этого послѣдняго слова, испорченнаго въ Италіанскомъ произношеніи, произошло названіе Забакскаго моря.

20.) *Монкастро* — нѣмъ Аккерманъ, уездный городъ въ Бессарабіи. Волохи называютъ его Четатъ Альба, а Русскіе Быградомъ. Барбаро ошибочно ставитъ Монкастро на берегу Дуная; ибо онъ находится близъ устья Днѣстра, у впаденія сей рѣки въ Черное море (см. Forster. Gesch. der Entd. u. Seef. im Nord. р. 209).

21.) *Фустю* называется небольшое гребное судно, употребляемое преимущественно корсарами.

22.) *Гардское озеро* находится въ Сѣверной Италіи, въ нынѣшнемъ Ломбардо-Венеціанскомъ Королевствѣ.

23.) *Страва*, испорченное названіе Астрабада, главнаго города небольшой Персидской провинціи того же имени, при-

лежащий къ Каспійскому морю. Известный нѣтъ Ориенталистъ Г. Фрошъ въ сочиненіи своемъ: *De Numorum Bulharicorum*, на стр. 57-й, говоритъ: «*Hæc est Strava, Strana, Estrana (nam variis modis corrupta occurrit apud Centurionem, Barbarum, Schildderbergum, Iovium) quam et Sprengel (cujus Gesch. der wicht. Geogr. Entdeck. edit 2 p. 140, 251, 256, 368, 370 adeunda est) et Beckmann (Lit. der aelt. Reisbesch. T. I. p. 189) explicari, quænam urbs sit, posse negarunt, quamquam a Reiskie ad Abulfed. Geogr. in Büschings Magaz. T. V p. 353 not. jam discere potuissent.*» Городъ Астрабадъ или Эстербадъ находится въ 10 миляхъ отъ Каспійскаго моря, подъ 36° 50' Сѣв. шир. и 54° 35' вост. долг. отъ Гринвича, и поспроситъ, какъ полагають, въ концѣ перваго столѣтія Эгипры Арабскими Полководцемъ Эзедомъ-Ибнъ-Маглубомъ (Энцикл. Слово. Т. III. стр. 351). Не должно впрочемъ смѣшивать Стравы съ Астарою, о которой упоминаеть Олеарій (Намеч. изд. 1656 года стр. 704) и которая составляеть теперь самый южный пунктъ владѣній Русскихъ за Кавказомъ. Она находится въ Талыпинскомъ Ханствѣ, на западномъ берегу Каспійскаго моря, подъ 38° 25' Сѣв. шир.

24.) *Танаисомъ* назывался у древнихъ Донъ, известный у Турокъ подъ названіемъ Тенъ или Тинъ. Алб. Кампензе уверяеть въ VII Главѣ сочиненія своего о Московіи, что Донъ на Русскомъ языкѣ означать Святой, тогда какъ слово это — Осетинское и, равно какъ Итель, значить рѣку. Замѣчательно, что слогъ Донъ (по увѣренію — Филологовъ Сарматскій) встрѣчается также въ имени Дунай, Днепра и Двины и свидѣтельствуеть еще и понынѣ о существованіи этого, некогда могущественнаго народа. Впрочемъ не льзя сомнѣваться, чтобы названіе всѣхъ значительныхъ рѣкъ на какомъ либо языкѣ не означало воду или протокъ (см. Klapr. Reise i. d. Kauk. B. I. p. 67).

25.) *Магометанская вѣра* начала распространяться между Татарами при Ханѣ Бургазъ или Берказъ (у Абулгазиз Бурта), братѣ Батыевомъ; окончательно же вселъ ее Ханъ Узбекъ (Асбекъ, Осбекъ), царствовавшій съ 1313 по 1336 годъ. Абулгазизъ говоритъ, что подданные сего Государя, въ знакѣ

благодарности своей, приняли въ честь ему имя Узбековъ. Въ Исторіи Монголовъ, переведенной съ Персидскаго Г. Григорьевымъ, принятіе Мусульманской вѣры приписываютъ Верке-Хану или Беркю (см. Абулгз. Родосл. Ист. о Тат. Т. II. ч. 7, стр. 85 и 91; Ист. Монгол. пер. съ Перс. ст. 40; Рычковъ Ор. Казан. Ист. стр. 34 и Дызовъ Ист. Сибир. Т. I. стр. 38).

26.) *Эдигей* или *Едигей* (у Абулгз. *Иджи-Мамгитъ*), Князь Татарскій; извѣстенъ въ Исторіи какъ основатель независимаго Царства Крымскаго. Онъ былъ сынъ одного знатнаго сановника Тамерлана, по имени Кутлукъ-Кабы, изъ поколѣнія Акъ. Сестра же его была въ замужствѣ за однимъ изъ сыновей Тамерлана, отъ котораго и произвела на свѣтъ Тимуръ-Кутлука, бывшаго въ послѣдствіи Ханомъ Кипчацкой орды. Эдигей, называемый у Карамзина товарищемъ Тамерлана, вступилъ сначала, по свидѣтельству Абулгзиза, въ службу къ Хану Тохтамышу; когда же сей послѣдній изгнанъ былъ изъ орды Ханомъ Урусомъ (въ нашихъ лѣтописяхъ Наурусомъ), то Эдигей, вмѣстѣ съ нимъ, удалился къ Тамерлану, и потомъ, по вторичномъ овладѣніи Тохтамышемъ Золотою ордою, опять возвратился въ оную (1376). Племянникъ Эдигея, Темиръ-Кутлукъ, достигнувъ совершеннолѣтія, прибылъ жить въ Кипчацкую землю и принялъ дядю своего подъ особенное покровительство. Это не понравилось Тохтамышу, который подозревая, что Темиръ-Кутлукъ вмѣстѣ съ Эдигеемъ замышляютъ свергнуть его съ престола, началъ изыскивать средства къ тайному умерщвленію своего соперника. Юный Князь, свѣдавъ о такомъ намѣреніи, бѣжалъ къ Тамерлану, куда скорѣе послѣдовалъ за нимъ и Эдигей. Когда же Тамерланъ пошелъ въ Кипчацкую орду, для наказанія неблагодарнаго Тохтамыша, то и Темиръ-Кутлукъ вмѣстѣ съ своимъ дядею отправился въ этотъ походъ. По возвращеніи Темиръ-Кутлука, Эдигей остался при немъ въ большой милости, которую сохранилъ ему и Ханъ Булатъ (Пуладъ), возведенный имъ на престолъ послѣ Шади-бека, преемника Тимуръ-Кутлука. Съ племянникомъ своимъ ходилъ онъ въ 1399 году войною противу Литовскаго

Кизил Витовта, а отец Булата назначенъ былъ въ 1408 году съ ратью на Москву. По воцареніи же въ Кипчакской орды Зелени Султана (Джалалудина); сына Тохтамышева, Эдигей, какъ старинный врагъ мамлюковъ сего Хаана, долженъ былъ удалиться въ улусы Черноморскихъ Татаръ, съ помощію коихъ и основать независимое Царство Крымское (1411 — 12), столь страшное въ послѣдствіи для Россіи и Польши. Шильдбергеръ въ своемъ путешествіи также упоминаетъ объ Эдигей и повѣствуетъ; что онъ находился вмѣстѣ съ нимъ въ войска Татарскаго Царевича Зегры (въ Ист. Монг. Чегре); котораго Эдигей намѣревался возвести на престолъ Кипчакскій. По извѣстіямъ же Зегры внукомъ Темиръ-Кузлукъ Махметомъ, Эдигей бѣжалъ въ Дештъ-Кипчакъ, т. е. въ Куманию. (См. Абулг. ч. VII гл. 3; Кар. Ист. Г. Р. Т. V. стр. 169, 195, 204 и 234; Ист. Монг. стр. 42; Siestr. Hist. de la Chers. Taur. p. 448 и Forster Gesch. der Estd. u. Seef. p. 193). Лыжовъ, а за нимъ и Рычковъ, упоминаютъ еще о другомъ Эдигей, Царѣ Золотой орды, прішедшемъ яко бы изъ за Янка въ 1434 году и изгнавшимъ Улу-Махмета; но объ немъ не сказано ни у Карамзина, ни у Абулгазіи, ни у Автора Исторіи Монголовъ. (См. Лыз. Ист. Сибир. Ч. I. стр. 50 и Рыч. Оп. Каз. Ист. стр. 58). Вотъ вкратцѣ жизнь Эдигей, одного изъ знаменитѣйшихъ Героевъ Монгольской Исторіи. Читатель усмотритъ изъ оной, что Барбаро ошибочно приписываетъ ему распространіе Магометискаго закона между Татарамъ; ибо законъ сей былъ уже принятъ ими при Ханѣ Узбекѣ, въ началѣ XIV вѣка, какъ объяснено въ предыдущемъ примечаніи.

28.) *Сиди-Ахметъ-Ханъ* или Сейдъ-Ахметъ (по свидѣтельству Карамзина Ханъ Синей или Ногайской орды, а по извѣстію Лыжова, Рычкова и Автора Монгольской Исторіи, Царь Золотой орды) жилъ гораздо позже той эпохи, о которой упоминаетъ Барбаро. Въ Царствennomъ лѣтописцѣ названъ онъ Сиди-Ахметомъ, въ Степенной книгѣ Махметомъ, а въ Двинскомъ лѣтописцѣ, по опискѣ, какъ замѣчаетъ Сриттеръ, Ахметомъ, Ханомъ Синей орды (Татарове отъ Синіе орды Ахметовой). Эта описка послужила вероюто основаніемъ то-

му, что Карамзинъ называетъ его Ханомъ Ногайской орды. Во время царствования Сиди-Ахмета, Татары дѣлали двукратныя набеги на Россію (въ 1451 и 1455), а въ 1460 г., по свидѣтельству Степенной Книги, Сиди-Ахметъ «поиде на Русскую землю со всюю ордою, и бывше ему на Дону и ту прииде на него Царь Ази-Гирей (Ханъ Крымскій) и побѣди его и орду его и за и начаша воеватися между собою.» (Скриковский, а за ними и Сострѣпчанцы утверждаютъ, что Сиди-Ахметъ воевалъ не Россію, а Подолию). Кочевня Сиди-Ахмета была самая плачевная. Преследуемый Ханомъ Крымскимъ, онъ убѣжалъ въ Литву, но тамъ былъ схваченъ, заключенъ въ темницу и умеръ въ заточеніи. Изъ всего вышеописаннаго намъ о Сиди-Ахметѣ очевидно, что онъ царствовалъ во второй половинѣ XV столѣтія; следовательно Барбарѣ вовсе напрасно приписываетъ ему введеніе Магометанскаго закона между Татарами. (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 341 и 354; Царств. Летоц. стр. 297, 300 и 360; Степен. Книга Ч. II. стр. 180; Скрик. И. Г. Р. стр. 273, 287 и 296; Ист. Монг. стр. 42; Язык. Сино. Ист. Т. I. стр. 53 и 54; Рычк. Оп. Раз. Ист. стр. 59 и Siestr. Hist. de la Sib. Tur. p. 351.)

28.) *Улу-Махметъ*, по свидѣтельству Карамзина, былъ изгнанъ изъ улусовъ братомъ его Кичимомъ и искалъ убѣжища въ Россіи въ 1437 году. Въ Степенной Книгѣ, при описаніи Бѣлевской битвы, сказано: «Тогда же слышавъ Великій Князь, что Царь Махметъ бѣжалъ отъ врага Царя, бѣже къ граду къ Бѣлеву», а въ Царствennomъ летоисчисленіи значится, что, осенью (1438), прииде Царь Улу-Махметъ большія орды къ граду Бѣлеву и сѣде въ Бѣлеви, бѣжалъ отъ брата своего Кичи Ахмета, Царя большія орды. (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 271: Степ. Кн. Ч. II. стр. 8 и Царств. летоц. стр. 200).

29.) Слово *орда* (по Татарски урду, или уртъ) первоначально значило шатеръ (кибитку), потомъ преимущественно Ханскую кибитку, а наконецъ и весь дворъ (см. Язык. Пут. къ Тат. стр. 273. пр. 35).

30.) *Цитраханъ* (въ над. 1543 года Githersan), или Ази-

тороканъ—нынѣшная Астрахань. Сострастивъшій помянуть, что она находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была древняя столица Хазарскаго Царства: Агель. Зимой 1596 года Астрахань была въ концѣ разорена Тамерлановъ, не смотря на то, что сверхъ каменной стѣны, она, какъ говорить Кирамизъ, была укрѣплена еще лѣдяною стѣною (И. Г. Р. Т. V. стр. 152). Отъ того Контарини, въ провѣдѣ своей черезъ Астрахань, нашелъ тамъ одни только мѣшани, хотя кое гдѣ, по слову его, видны еще были остатки древнихъ зданій, разрушенныхъ въ недавнее время. По уверенію Г. Форстера, Калмыки называютъ Астрахань: Хаджи Айдыр Ханъ, Балхасунъ отъ чего и произошло настоящее наименованіе Астрахани. Городъ сей въ XIII и XIV вѣкахъ, т. е. до разрушенія ея Тамерланомъ, былъ важнымъ торговымъ мѣстомъ; ибо чрезъ него шли всѣ товары, отправляемые изъ Индіи въ Таму. Нынѣшная Астрахань лежитъ гораздо южнѣе прежней. (См. Paul Jovii de Lagat. Baal; Kont. Gl. VII и Forster. Gesch. der Rndt. u. Seef.).

31.) *Тюменскія равнины* (нынѣшная Калмыцкая степь) получили это названіе отъ города Тюмени, о коемъ въ древней Россійской Идрографії (стр. 55) сказано: «а изъ Тюменки рѣки вытекла рѣка Заплавная, и текла осмьдесятъ верстъ, и пала Заплавная опять въ Тюменку. А на устьи рѣки Тюменки городъ Тюменской. А ниже Тюменки протока Терекъ, пала рѣка отъ Тюмени въ море тридцать верстъ; (на стр. 56) отъ Тюменскаго града къ Астрахани до верха Терезуни, морскаго пролива, двѣсти пятьдесятъ верстъ; (и на стр. 52) а отъ Тюменскаго града до Астрахани чотыреста верстъ.» Въ книгѣ большаго чертежа (стр. 242) упоминается также о Тюмени, съ присовокупленіемъ, что городъ сей находится въ 180 верстахъ отъ Дербента. — Не надобно впрочемъ смѣшивать Тюмени, о которой здѣсь говорится, съ другимъ городомъ того же имени, находящимся въ Тобольской Губерніи.

32) *Черкессія*, страна Черкесовъ, народа, известнаго у Плинія и Страбона подъ именемъ Циховъ или Сиховъ, и ко-

торый самъ себя называетъ Адехе. Названіе же Черкесовъ дано ему было Татарами, на языкъ коихъ слово Черкесъ значитъ разбойникъ. Нынешняя страна Черкесовъ, въ общепринятомъ значеніи, заключаетъ въ себя всѣхъ горскихъ народовъ, хотя подъ этимъ названіемъ должно разумѣть однихъ только Кабардинцевъ, Абазинцевъ и соборанно Закубанскихъ Черкесовъ, состоящихъ изъ слѣдующихъ племенъ: Натухайцы, Шедакъ, Шапсуга, Жане, Гатукан, Бзедуха, Абедзехи, Темиргойцы, Бисленейцы и Мохрши. Желаящіе почерпнуть болѣе свѣдѣній о семъ предметѣ могутъ найти оныя у Клапрота (Reise in den Kaukas. 1. B. p. 435—84. и 557—93), у Броневского, въ сочиненіи его, подъ заглавіемъ: Новѣйшія Геогр. и Статист. извѣст. о Кавказѣ и у Зубова (Карт. Кавк. края Т. III, стр. 7—152). Для объясненія же состоянія, въ коемъ находились эти племена около того времени, въ которое Барбаро писалъ путешествіе свое, приводимъ небольшое о нихъ сочиненіе Генуэзца Георгія Интеріано, писанное въ 1509 году и помѣщенное во 2-мъ томѣ Рамузіева сборника, подъ названіемъ: Giorgio Interiano Genovese a M. Aldo Manutio Romano della vita de Zychi, chiamati Circassi.

»Zychi in lingua vulgare, greca et latina così chiamati, et Tartari et Turchi dimandati Circassi, in loro proprio linguaggio appellati Adiga, habitano dal fiume della Tana detto Don su l'Asia tutta quelora maritima, verso el Bosphoro Cimerio. hoggidi chiamato Vospero, et bocca di San Giovanni. e bocca del mar Ciabachi, et del mare di Tana. antiquitus palude meotide. Indi poi fora la bocca per costa maritima, fin appresso al cavo di Bussi, per Siroceo verso al fiume Phasi. et quivi confinano con Avogasia, cioè parte di Colchide. E tutta loro costiera maritima fra dentro la palude predetta, et fora, può essere da miglia 500. Penetra fra terra per levante giornate 8. o circa in el piu largo. Habitano tutto questo paese Vicatim senz' alcuna terra, o loco murato. Et loro maggiore e migliore loco, è una valle mediterranea piccola chiamata Cromuc, meglio situata, et habitata che'l resto. Confinano fra terra con Scythi, cioè Tartari. La lingua è *penitus* separata da quella di convicini, e molto fra gola. Fanno professione di chigistiani. et hanno sacerdoti alla greca. Non si

battezzano, se non adulti d'otto anni in su, e più numero insieme con semplice asperges d'acqua benedetta a lor modo, et breve benedittione di detti Sacerdoti. Li nobili non intrano in Chiesa se non hanno 60 anni, che vivendo di rapto come fanno tutti, li pare non essere licito, e crederiano profanare la Chiesa. Passato detto tempo o circa, lasciano il robare, et allhora intrano a quelli officii divini, i quali etiam in gioventute ascoltano fora su la porta de la Chiesa, ma a cavallo, et non altrimenti. Le loro donne partoriscono su la paglia, la quale vogliono sia il primo letto de la creatura. Poi portata al fiume quivi la lavano. nonostante gelo, o freddo alcuno, molto peculiare a quelli regioni. Impongono alla ditta creatura il nome de la prima persona aliena, quale entri dopo lo parto in casa, et se è greco, o latino, o chiamato alla forestiera l'aggiungono sempre a quel nome v. g. a Pietro Petruc, a Paulo Pauluc etc. Essi non hanno, ne usano lettere alcune, ne proprie, ne straniere. Loro Sacerdoti officiano a suo modo con parole, et charattere greche senza intenderle. quando li accade far scriver ad alcuno, che raro lo costumano, fanno far l'officio a Judei per la maggior parte, con lettere hebreë. ma lo forse mandano l'uno all'altro Ambasciatori a bocca. Fra loro sono nobili e vasalli, e servi, o schiavi. Li nobili tra li altri sono molto reveriti, et la maggior parte del tempo stanno a cavallo. Non patiscono che li sudetti tengono cavalli, e se a caso un vasallo allieva alcun polledro, cresciuto ch'è di subito gli è tolto dal gentilhuomo, et datogli bovi per contra dicendogli: questo t'aspetta et non cavallo. Fra loro sono di detti nobili assai Signori di vasalli, et vivono tutti senza subiettionc alcuna l'uno a l'altro, ne vogliono superiore alcuno, se non Dio, ne tengono veruno amministratore di justitia, ne alcuna legge scritta. la forza o la sagacità o interposite persone sono mezi di loro litigii. D'una gran parte di detti nobili l'un parente ammazza l'altro, et il piu delli fratelli. et si presto che l'un fratello ha morto l'altro, la prossima notte dorme con la moglie del defunto sua cognata, perche se fanno licito havere etiam diverse moglie, quale tengono poi tutte per legitime. Subito che'l figlio del nobile ha doi o tre anni lo danno in governo ad uno delli servituri, il qual lo mena ogni di cavalcando con un archetto piccolo

ia niano, et come vede una gallina, o uccello, o porco, o altro animale, l'insegna a saettare: poi diventando piu grande, esso medesimo va a caccia dentro da li loro proprii casali a detti animali. ne il suddito ardiria farli alcun ostaculo. E fatti che sono huomini, la loro vita è continuo a la preda di fiere salvatiche et piu di domestiche, et etiam di creature humane. Loro paese per maggior parte è palustre molto occupato di cannuccie et calami, de la radice di quali s'accoglie el calamo aromatico. le quali palude procedano dai gran fiumi del Tamaï similiter hoggi così chiamato, et Rhombite detto Copa., et piu altre grösse et piccole fiumare, quale fanno molte bocche et quasi infinite paludi, come s'è detto, fra le quali sono fatti assai meati, et trampeti, et così furtivamente per simili passi segreti insultano i poveri villani, et gli animali deli quali con li proprii figliuoli ne portano la pena. però che straportati d'un paese in un' altro li barattano et vendono. Et impero che in quel paese non s'usa, ne corre alcuna moneta massime nelli mediterranei, li loro contratti se fanno a boccasini ch'è una pezza di tela da fare una camisa, et così ragionano ogni lor vendita, et apprezzano tutta la mercantia a boccasini. La maggior parte di detti popoli venduti, sono condotti al Chairò in Egitto. et così la fortuna li trasmuta dai piu sudditi villani del mondo a de li maggiori stati et signorie del nostro secolo, come Soldano, Armiragli etc. Loro vestimenti di sopra, sono de feltro a guisa de piviali da chiesa portandole aperte d'una delle bande per cacciare lo destro braccio fora. In testa una beretta etiam de feltro in forma d'uno pane di zucchero. Sotto detto manto portano terzilioci così chiamati da seta e tela affaldati et rugati dalla cintura in giu, quasi simili alle falde de l'antica armatura Romana. Portano stivali et stivaletti l'uno sopra l'altro assettati et molto galanti et calzebrache di tela larga. Portano mestacchii di barba longhissimi. Portano etiam continuo al lato quest'altre artiglierie, cioè fucino da foco in uno polito borsoto di corio fatto et recamato da loro donne. Portano rasoio et cota da pietra da affilarlo, con il quale si radeno l'un l'altro la testa lasciando sul vertice un lingo de capelli longo et intrecciato, ch'alcuni voglion dir sia per lasciar appiglio alla testa, se a loro fussi tagliata, accio non sia imbrattuta la faccia

con le mani sanguinenti, et brutte de l'homicida. Si radono etiam lo pettenale sempre che siano per combattere, dicendo che saria vergogna et peccato esser visto morto con peli in tal loco. Gettano foco a case de nimici, qual tutte sono di paglia, attaccati solfarisi accesi a freme. Tengono in case coppe d'oro grande da 300 fin a 500 ducati, dico li potenti, et ancora d'argento, con le quali bevano con grandissima cerimonia in uso piu al bere, che a molt' altri loro apparati, bevendo continuo et a nome di Dio, et a nomi di santi, et di parenti, et d'amici morti, commemorando qualche gesti egregii et notabile conditione con grandi honori et riverentie quasi come sacrificio, et con lo capo sempre scoperto per maggiore humilità. Dormono con la lorica cosi da loro chiamata, eh'è camisa di maglia sotto la testa per guancial, et con l'arme appresso, et levandosi a l'improvvisa di subito si vesteno detta panciera, et si drizzano armati. Marito et moglie jaceeno al letto capo a piedi et loro letti sono di corio pieni di fiori di calami o janchi. Tengono questa opinione fra loro, che non si debbi reputare alcun di generatione nobile, dalla quale si habbia notitia per alcun tempo essere stata ignobile, se bene avesse poi procreati piu Re: Vogliono che'l gentilhuomo non sappia fare ne conti, ne negotii mercantili, salve per vendere loro prede, dicendo non spettare al nobile sè non reggere popoli, et difensarli et agitarli a caccie, et a exercitii militari. Et assai laudano la liberalità et donano facilissimamente ogni loro utensile: da cavallo et arme in fora. Ma de loro vestimenti sopra tutto ne sono non solum liberali, ma prodighi, et per questo accade ut plurimum siano di vesti peggio in ordine, che sudditi. Et tante fiate l'anno che si fanno veste nove o camise de seta cremesina da loro usitate; de subito li sono richieste in dono da vassalli, et se recusassino di darle o ne dimostrassino mala-voglia gli ne seguiria grandissima vergogna, et per ciò incontinentemente gli è dimandata et in quel instante proferendola se la spogliano, et per contra pigliano la povera camisa del' infimo dimandatore per la maggior parte trista et sporca. et cosi quasi sempre li nobili sono peggio vestiti degli altri, stivali, arme et cavallo in fora, che mai non donano, nelle quali cose sopra tutto consista la loro pompa. et piu fiate donano quanto mobili hanno per haver

un cavallo, che gli aggrada, ne tengono cosa più pretiosa d'un ottimo cavallo. Se gli accade aquistare alla preda o in qualch' altro modo oro o argento, subito lo dispensano in poculi predetti, o in guarnimenti di selle, o per uso d'adornamenti militari. quanto per spendere fra loro non lo costumano, et potissime li mediterranei, che quelli delle marine sono più avvezzi a negotii. Combatteno quotidianamente con Tartari dai quali, d'ogni banda quasi sono cinti. Passano etiam lo Bosphoro su la Taurica Chersoneso, provincia dov'è situata Cafà Colônia costituita ab antico da Genovesi. et passano volentieri detto fredo all' invernato che'l mare è gelato a preda d'habitanti Scythi. Et poco numero di loro caccia gran gente di quella, perche sono molto più agili et meglio in ordine d'arme et di cavalli et dimostrano più animosità. Le loro armature da testa sono proprie a ponto come se vede sopra l'antigaglia con le retenute per le guancie attaccate sotto la gola al modo antico. Tartari sono più patienti ad ogni necessità tanto ch'è cosa mirabile: et così più fiate vincono, perciocche quando se poteno condurre in qualche estreme paludi, o neve, o giacci, o luoghi penuriosi d'ogni bene, dove per costantia et ostentione il più delle volte vincono. Detti Zychi per la maggior parte sono formosi et belli et al Chairo fra quelli Mamaluchi et Armiragli, che il più di loro sono di tal stirpe (come s'è detto) si vede gente di grande aspetto. et di loro donne el simile, quali sono nel proprio paese etiam con forestieri domesticissime. Usano l'officio de l'hospitalità generalmente ad ognuno con grande carezze, et l'albergato, et l'albergante chiamano conacco come l'hospite in latino. et alla partenza l'hospite accompagna el conacco forestiero per fin ad un' altro hospitio et lo defende, et mettegli bisognando la vita fidelissimamente. E benché (come s'è detto) tanto si costuma il depredare in quelle parte, che viene a parere guadagno quasi di justo affanno, tamen a loro conacchi usano molto fedeltà et in casa loro et fora con grandissime carezze. Lasciano maneggiare le loro fanciulle vergine dal capo alli piedi precipue in presentia de parenti, salvo sempre l'atto venereo. et riposandosi il forestiero conacco a dormire, o risvegliato che'l sia, dette fanciulle con molti vezzi li cercano le immonditie come cose peculiarissime et nature a quelli paesi. In-

trano ditte poncelle nude nei fiumi ad occhi veggenti d'ogn'unio, dove si vede numero infinito di formatissime creature et molto bianche. El vitto loro è una gran parte di quelli pesci Anticci così hoggidi da loro chiamati et etiam antiquitus secondo Strabone, che in effetto sono sturioni piu grossi et piu piccoli. et bevono di quell' acqua di detti fiumare molto spectale alla digestione. Usano ancora ogn'altra carne domestica et salvatica. frumenti et vini d'uva non hanno. Miglio assai et simili altre semenze delle quali fanno pane et vivande diverse, et bevande chiamate Boza. usano etiam vino di mele d'ape. Le loro stantie tutte sono di paglia, di canne, di legnami. et gran vergogna saria ad uno Signore o gentilhuomo fabricare o fortessa o stantia de muro forte, dicendo che l'huomo si dimostreria vile et pauroso et non bastante ne a guardarsi, ne a defendersi, et così tutti habitano in quelle case predette, et a casale, a casale, ne una minima fortessa s'usa o habita in tutto quel paese, et perche si trovano alcune torre, et muraglie antiche, li villani a qualche loro proposito l'adoperano, che i nobili se ne vergognariano. Loro medemo lavorano ogni dì le proprie saette etiam a cavallo, delle quale ne fanno perfettissime, et poche saette si trovano di maggiore passata delle loro con spiculi; o ferri d'ottima fattione temperatissimi et di terribil passata. Le loro donne nobili non s'adoperano in altri lavori che in fechami etiam sopra corami, et recamano Borsorti di pelle per focini da foco (come di sopra s'è detto) et centure di corio politissime. Le loro esequie sono molto strane. Poi la morte di gentilhuomini li fanno talami di legnami alti alla campagna, sopra li quali pongono a sedere el corpo morto cavati prima l'intestini et quivi per otto giorni sono visitati da parenti, amici, et sudditi dal quali sono appresentati variamente come tasse d'argento, archi, frecce, et altro merce: Da li due lati del talamo stanno li due parenti stretti d'età, in piedi appoggiati ad un bastone per uno, et sul talamo da man manca sta una poncella con la freccia in mano, sopra la qual ha uno fazzoletto di seta spiegato, col quale li caccia le mosche avenga che sia il tempo gelato com'è la piu parte dell' anno in quelli paesi. Et in faccia del morto in terra piana sta la prima delle moglie. asettata sopra una cathedra mirando continuo il

marito morto costantemente et senza piangere, che lachrymando seria vergogna, et questo fanno per un gran pezzo del dì fin all'ottava et poi lo sepoliscono in questo modo. prendono un grossissimo arboro et de la parte piu massiccia o grossa tagliano a sufficientia per la longhezza, et lo sfendono in due parte, et poi lo votano o cavano tanto che li stia il corpo a bastanza con parte delli donarii appresentati ut supra. poi posto il cadavere nel cavato de detti legni, lo pongono al luogo statuito della sepoltura dov'è gran multitudine di gente, li fanno la tombe cosi chiamata, cioè il monte di terra sopra, et quanto è stato maggior maestro et havuto piu sudditi et amici, tanto fanno il monte piu eccelso et maggiore, havendo il piu stretto parente raccolte tutte l'offerte. et fatto continuo le spese a visitanti secondo è stato piu amoro et hondrevoles, tanto piu et manco sepoliscono di dette offerte col corpo. Costumano etiam in dette essequie a li gran maestri un' altro sacrificio barbaro, opera meritoria di spettacolo, prendendo una poncella di 12 in 14 anni. et posta a sedere sopra una pelle d'un Bove, allora amazzato, et distesa col pelo su'l suolo della terra in presentia di tutti circostati huomini, et donne, et il piu gagliardo et ardito giovane di quelli sotto il manto di feltro si prova a sponcellare detta fanciulla. et rare fiate che quella renitente non ne straccia tre o quattro et tal fiate piu, inansi ch'ella sia vinta. tandem poi lassa et stanca con mille promissione d'essere tenuta per moglie o altre persuasione el valent' huomo rompe la porta, et intra in casa. Et poi come vincitore mestra subito a circostanti le spoglie fedate di sangue, et cosi le donne presenti forse con finta vergogna voltando la faccia fingendo non volere mirare, non potendo però continere il riso etc. Poi la sepoltura, per piu di, allhora del mangiare fanno mettere in ordine el cavallo del defunto, qual mandano a mano con uno di servitori alla sepoltura, onde sino a tre fiate per nome chiamato el morto lo convitano da parte delli parenti, et amici se vuole venire a mangiare. Et visto il servitore non havere alcuna risposta, ritorna col cavallo a riferire che non risponde. Et così scusi, parendo haver fatto loro debito, mangiano et bevono a suo honore.»

Из сего описанія читатели могут усмотреть, что въ то

ченіе 3-хъ видовъ въ правахъ Черкесовъ произошло весьма мало переменъ, и что въ образъ жизни они почти нисколько не различаются отъ своихъ предковъ. Сочиненіе Интеріано (въ Намецкомъ переводѣ) помѣщено въ главѣ 27-й путешествія Г. Клапрота на Кавказъ и въ Грузію.

33.) Такъ и доселѣ еще подносятся у Монголовъ дары людямъ значительнымъ; но я отнюдь не полагаю, чтобы названіе *новень* произошло отъ слова *нове*: *десять*, какъ очевидно слыится доказать Барбаро. Новенью называется вытѣ въ нашихъ Волжскихъ губерніяхъ холстина.

34.) Контарини также говоритъ, что Татары употребляли *напитокъ, сдѣланный изъ меда*, и даже напивался имъ до пьяна. (Контар. Г. VII). Плано Карпини равномерно осуждаетъ ихъ въ пьянствѣ; но упоминаетъ притомъ, что вина, пива и меда у нихъ нѣтъ, кромѣ присылаемаго или привозимаго въ даръ другими народами (Язык. Пут. къ Тат. стр. 115).

35.) *Бузо* извѣстна и у Русскихъ. Еще недавно продавали ее на улицахъ въ Москвѣ. У выгнанныхъ Черкесовъ бузою называется весьма пріятный и крапкій напитокъ, приготовляемый изъ сарачинскаго шпеша. О семъ напитокѣ упоминаетъ еще Георгій Интеріано (см. пр. 32). Переводчикъ Абулгазіа называетъ бузу брагою.

36.) Въ подлинникѣ сказано: *Un giovane Greco bastoniero del Console*, т. е. *тростеносецъ*. Консулы, посылавшіеся въ прежнія времена Генуэзцами и Венеціанами въ разные торговые города, нѣмѣли у себя, подобно древнимъ Римскимъ Консуламъ, особенныхъ Линкторовъ.

37.) У насъ также есть родъ охоты, похожій на ту, которую описываетъ Барбаро и называющійся облавою. Она преимущественно употребляется противу волковъ, медвѣдей и другихъ крупныхъ звѣрей и кажется заимствована отъ Татаръ, какъ видно будетъ изъ примѣчанія 43-го.

Ч. I. I. Барбаро.

38.) По свидетельству Сестренцевича, 444 аспра составляли червонецъ (Siestr. Hist. de la Chers. Taur. p. 42).

39.) Повозки этого рода и до сихъ поръ употребляются Татарами и известны подъ именемъ аробы или арбы. Кому удавалось проѣзжать чрезъ мѣста, заселенныя Татарами, тотъ конечно помнить непріятный скрипъ аробъ, у которыхъ колеса никогда не мажутся. По свидетельству Марко Поло двуколесныя повозки служили только для перевоза женъ и дѣтей; тѣ же, на которыхъ ставились шатры, были обыкновенно о четырехъ колесахъ (Trav. of Marco Polo, by Marsden p. 204).

40.) Вотъ какъ Плано Карпини описываетъ этого рода дома, известные подъ именемъ кибитокъ: «Ставки у Татаръ — круглыя, на подобіе шатровъ, и сдѣланы искусно изъ прутьевъ и палокъ. Вверху посрединѣ продѣлано окно, сквозь которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ, потому что огонь у нихъ всегда разжогенъ посреди ставки. Стѣны и кровля покрываются обыкновенно войлокомъ, изъ котораго сдѣланы и двери. Иныя ставки — большія; другія не велики, смотря по знатности или скудости человѣка. Иныя скоро разбираются и опять складываются и навьючиваются на скотину; другихъ же разбирать нельзя, а ставить ихъ цѣлыя на повозкахъ. Подъ небольшія впрягаютъ въ повозку одного быка, а подъ большія трехъ, четырехъ и болѣе, смотря по величинѣ. — Куда бы Татары ни ходили: на войну, или съ мѣста на мѣсто, всегда берутъ ихъ съ собою (Язык. Пут. къ Тат. стр. 81). Марко Поло присовокупляетъ, что при постановкѣ этихъ ставокъ или кибитокъ на землю, строго наблюдаютъ, дабы входъ былъ обращенъ на югъ (Tr. of M. P. by Marsden p. 204). То же самое говорятъ и Рубриквисъ (Purchass Pilgr. V. III. p. 3).

41.) Плано Карпини, бывшій въ 1246 году при дворѣ Худестэи-Хана, описываетъ слѣдующимъ образомъ Ханскую *удіенцію*: «Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Императоръ возведенъ былъ на престолъ, позвалъ насъ къ нему. Чингай, первый Секретарь его, записавъ наши имена, а также тѣхъ, отъ кого мы

присланы, равно Герцоговъ Соланжского и другихъ, громко-гласно прочитаѣ ихъ предъ Императоромъ и всѣми военачальниками. После этого каждый изъ насъ четырежды преклонилъ лѣвое колено, и намъ напомнили, чтобы мы не наступали на порогъ. Обыскавъ тщательно, нѣтъ ли при насъ ножей, и не найдя ничего, ввели насъ восточными дверьми; ибо западными никто не смѣетъ входить, кромѣ Императора (Язык. Пут. къ Тат. стр. 49).

42.) Плано Карини хвалитъ вообще *миролюбивый характеръ* Татаръ. По свидѣтельству его, они бранятся между собою рѣдко или никогда, а дракъ совсѣмъ у нихъ не бываетъ, также какъ вражды, ссоръ, побоевъ и убійства. Въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что тяжёбныхъ дѣлъ между ними почти совсѣмъ нѣтъ (Язык. Пут. къ Тат. ст. 101 и 103).

43.) Въ дополнение приводимъ здѣсь ту главу изъ путешествія Марко Поло, въ которой онъ описываетъ соколиную *охоту* Кублай Хана: «Пробывъ около двухъ мѣсяцевъ въ столицѣ своей (Камбалу или Пекинъ), Его Величество въ Мартѣ отправляется на Сѣверовостокъ къ морю (отстоящему въ двухъ днѣхъ пути отъ города), чтобы поохотиться по берегу рѣки (Узури). Ему сопутствуютъ до 10,000 охотниковъ съ ястребами, соколами и кречетами. Они идутъ не одною толпою; но раздѣлены на нѣсколько небольшихъ отрядовъ, отъ ста до двухъ сотъ человекъ и болѣе, дабы удобнѣе охотиться въ разныхъ мѣстахъ, и большую часть добытой ими дичи приносятъ Его Величеству. Сверхъ того при немъ находится еще около 10,000 такъ называемыхъ *таскаовъ* или стражей, которые разставлены небольшими кучками, въ два и три человека, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, такъ что вмѣстѣ составляютъ огромный кругъ. Каждый изъ нихъ носитъ у себя по свистку, для отозванія птицъ въ случаѣ нужды. По мановенію Его Величества, всѣ охотники разомъ спускаютъ соколовъ своихъ; но не слѣдуютъ за ними въ ту сторону, куда онъ направляетъ свой полетъ; ибо стража обязана внимательно наблюдать за этими и, въ случаѣ нужды или опасности, немедленно отзывать птицъ

назадъ. Сокола Его Величества и знатѣйшихъ вельможъ нѣсутъ на ногѣхъ небольшую серебряную дощечку, на которой вырѣзано имя хозяина и охотника, такъ что, немедленно по поимкѣ птицы, можно узнать, кому она принадлежитъ и возвратить хозяину. Если же случится, что не смотря на вырѣзаное имя, поймавшій птицу, не зная лично хозяина, не можетъ тотъ же часъ доставить ему такую, то въ такомъ случаѣ приносить ее къ особенному чиновнику, называемому *Булактази*, т. е. хранитель неизвѣстной собственности. Всякій, нашедшій лошадь, мечъ, птицу или другую какую либо вещь, и не знающій, кому она принадлежитъ, долженъ непременно представить ее означенному чиновнику, который въ свою очередь обязанъ принять доставленную ему такимъ образомъ вещь и тщательно хранить ее. Тотъ же, кто не исполнитъ этого постановленія и не представитъ находки своей, почитается воромъ. Потерявшій вещь съ своей стороны можетъ прямо отправиться къ Булактази и получить отъ него безъ всякаго затрудненія обратно свою собственность. Чиновникъ этотъ живетъ обыкновенно на самомъ возвышенномъ мѣстѣ въ станѣ, и шатеръ его отличается особеннымъ алагомъ, дабы имѣющие до него нужду могли удобнѣе отыскать его. Польза этого учрежденія очевидна, потому что ни одна вещь не можетъ пропасть безъ вѣсти.»

«Подвигаясь такимъ образомъ все ближе и ближе къ морю, Его Величество забавляется различнаго рода охотою, — и смѣло можно сказать, что нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не встрѣтишь подобнаго увеселенія. Въ случаѣ тѣсныхъ проходовъ, нападающихъ кое гдѣ на пути, во время охоты, Его Величество ѣдетъ на двухъ, а иногда и на одномъ слонѣ, смотря по удобству мѣста; обыкновенно же онъ ѣздитъ на четырехъ слонахъ, на коняхъ воздвигнуть деревянный шатеръ превосходной работы, обитый внутри парчею, а снаружи покрытый львиными (вѣроятно тигровыми или барсовыми) кожами. Въ этомъ шатрѣ Его Величество проводитъ неподвижно все время охоты; ибо одержимъ припадками подагры. При немъ находятся всегда 10 или 12 соколовъ и столько же приближенныхъ сановниковъ, для развлечения и увеселенія его. Прочіе же вельможи ѣдутъ возлѣ верховъ, и обязаны уведомлять Государя всякій

разъ, когда завидят журавлей или другихъ какихъ либо птицъ. Онъ немедленно откидываетъ нолы шатра своего и, при приближеніи дичи даетъ знакъ, по которому охотники спускаютъ соколовъ. Птицы нападаютъ стремительно на журавлей и, послѣ продолжительнаго боя, одолеваятъ ихъ. Распростершись на своемъ ложѣ, Его Величество, равно какъ сановники и всадники, его окружающіе, чрезвычайно забавляются этою потахою. Поохотившись такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, Ханъ отправляется къ мѣсту, именуемому Какзаръ-Модниъ, гдѣ уже разбиты шатры его и стаки его сыновей, вельможъ, тѣлохранителей и охотниковъ. Ставки эти простираются до 10,000 и вмѣстѣ представляютъ отменно красивый видъ. Шатеръ Его Величества, въ которомъ онъ обыкновенно даетъ аудіенцію, такъ обширенъ, что можетъ вмѣстить въ себя до 10,000 человекъ, не включая въ то число вельможъ и другихъ знатныхъ особъ. Входъ въ этотъ шатеръ обращенъ на югъ; съ восточной же стороны примыкаетъ къ нему другой шатеръ, заключающій въ себя большой залъ, гдѣ обыкновенно пребываетъ Государь съ приближенными своими и гдѣ онъ принимаетъ только тѣхъ, съ которыми хочетъ говорить лично. За этимъ заломъ находится другой, также прекрасный и просторный покой, назначенный для спальни Его Величества. Сверхъ того возлѣ главнаго шатра разбито еще множество другихъ меньшихъ шатровъ и покоевъ для служителей Ханскихъ, но они не въ одной связи съ главнымъ ставкою. Всѣ эти залы и покои устроены слѣдующимъ образомъ. Каждый изъ нихъ поддерживается тремя позолоченными столбами превосходной отделки. Снаружи шатры покрыты львиными кожами, раскрашенными бѣлыми, черными и красными полосами и такъ плотно сшитыми, что ни дождь, ни вѣтеръ не можетъ проникнуть сквозь нихъ. Внутри же они обиты горностаями и соборами, драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ мѣховъ; ибо лучшая соболья шуба стоитъ до 2000 золотыхъ монетъ (бизонтовъ), а обыкновенная не менѣе 1000 монетъ. Отъ того то Татары называютъ соболій мѣхъ царемъ всѣхъ мѣховъ, а самага животнаго, которое величiously въ прота — *рондекъ*. Этими то двумя мѣхами шатры Его Величества отделаны внутри

съ необыкновеннымъ искусствомъ и вкусомъ; веревки же, которыми они притянуты къ землѣ, сплетены всѣ изъ шелка. Неподалеку отъ шатра Его Величества разбиты ставки его жень, также великолѣпно и красиво убранныя. Жены Ханскія имѣютъ при себѣ своихъ соколовъ, ястребовъ и другихъ птицъ, съ коними принимаютъ участіе въ общемъ увеселеніи. Число народа, стекающагося въ станъ, со всѣхъ концовъ Государства, такъ велико, что можно подумать, будто находишься посреди самаго многолюднаго города. При Его Величествѣ неотлучно пребываютъ всѣ его служители, какъ то: врачи, астрономы, ловчіе и другіе сановники.»

«Тутъ остается онъ до первыхъ Вигилій нашей Пасхи и, въ продолженіе всего этого времени, безпрестанно охотится по берегамъ озеръ и рѣкъ за журавлями, лебедями, аистами и другими птицами. Охотники, разсыянные по разнымъ направленіямъ, доставляютъ ему множество всякаго рода дичи. Такимъ образомъ, во время всей этой потахи, онъ наслаждается непрерывно различными забавами и удовольствіями, понятными только для тѣхъ, кто были свидѣтелями всѣхъ этихъ забавъ; ибо великолѣпіе и огромность ихъ превосходить всякое описаніе. Ни одинъ купецъ, ремесленникъ и поселянинъ не вправе держать у себя соколовъ или другихъ птицъ, годныхъ къ охотѣ, а также охотничей собаки. Вельможамъ же и дворянамъ воспрещено охотиться въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится Государь (т. е. въ разстояніи 5 миль въ одну сторону, 10 въ другую и 15 въ третью), если имена ихъ не вписаны въ списокъ главнаго Сокольникаго, или если они не имѣютъ на то особеннаго позволенія. Въ другихъ же мѣстахъ охота имъ не возбраняется. Еще существуетъ другой законъ, воспрещающій Князьямъ и вельможамъ, равно какъ и простымъ поселянамъ травить зайцевъ, дикихъ козъ, оленей и другихъ подобныхъ животныхъ отъ Марта до Октября, въ томъ предположеніи, что они въ это время растутъ и плодятся. Преступившій таковой законъ подвергается строгому наказанію, и отъ того дичь расплодится у нихъ въ неимовѣрномъ количествѣ. По прошествіи положеннаго времени, Его Величество тамъ же порядкомъ возвращается въ столицу, не

переставая охотиться во все продолженіе своего путешествія (Tr. of Marco Polo by Marsden. B. II. Ch. 16. p. 342—45).»

Русской Переводчикъ Абулгазія описываетъ слѣдующимъ образомъ Татарскую охоту: «Татары отъ всѣхъ временъ полагали главное свое упражненіе въ охотѣ. Еще и нынѣ большая часть сего народа питается токмо своимъ скотомъ и охотою. Татары идолопоклонники не употребляютъ никакихъ собакъ, ходя за охотою; но отправляютъ оную охоту множествомъ людей слѣдующимъ образомъ. Ханъ, или Принцъ, который хочетъ ѣхать на охоту, собираетъ столько своихъ подданныхъ, сколько время и случай позволяютъ, что иногда доходитъ отъ 10 до 12 тысячъ человекъ, смотря потому, коль онъ сидѣтъ. Сии люди по прибытіи на мѣсто, раздѣляются по разнымъ мѣстамъ кругомъ того мѣста, гдѣ будетъ охота. Когда же все сіе будетъ учреждено къ удовольствію Принца, то начинаютъ съ каждаго мѣста распространяться съ правой руки на лѣвую, пока сойдутся съ людьми ближнихъ мѣстъ, наблюдая притомъ сіе, чтобы человекъ отъ человека стоялъ на 10 или на 20 шаговъ; а сіе дѣлаетъ совершенный кругъ около того мѣста, которое назначено въ центрѣ охоты. Когда сіе такъ будетъ расположено, то по данному знаку, всѣ пойдутъ къ центру круга, и что больше кругъ будетъ приходить въ узкость, то больше люди приближаются другъ къ другу, пока всѣ не станутъ весьма тѣсниться. Тогда всѣ слѣзутъ съ лошадей и идучи всѣ равнымъ шагомъ къ центру, сдѣлаютъ кругъ столь великъ, коль надобенъ будетъ, сдвигая и стройвая шеренги, ежели много людей. Звѣри, которые увидѣвши людей, бѣгутъ сперва къ центру; но видя, что и тамъ мѣсто весьма узко, стараются гдѣ нибудь пробѣжать. Но въ которую бы сторону они ни кинулись, то отсюду слышатъ крикъ, стукъ въ бубны, и звукъ въ роги и въ другіе инструменты, каковы употребляются на войнѣ у того народа. Напоследокъ сіе такъ оглушить звѣрей, что они уже сами отдаются людямъ, не дѣлая ни малаго сопротивленія. Такимъ способомъ ловятъ они всѣхъ звѣрей будто бы съѣми, сколько бы ихъ не могло быть въ окружности оной, которая иногда бываетъ на 4 и на 5 миль въ діаметръ съ самаго начала, гдѣ они часто ловятъ многія тысячи

всѣхъ звѣрей (см. Абулг. Истор. Родосл. Татаръ Т. II, стр. 330).» Марко Поло также упоминаетъ объ охотѣ этого рода (Tr. of. Mar. Polo by Mariden B. II. Ch. 13. p. 337).

44.) Этотъ способъ ловить въ *табуны* лошадей употреблялся и до сихъ еще поръ Казаками, Калмыками и горскими народами. Когда на дикую лошадь накладываютъ арканъ, она сначала хрипитъ и бьется; но искусный всадникъ скоро усмирять ее и дѣлаетъ ручною.

45.) *Бараний жиръ* и по сіе время употребляется на востокъ, какъ необходимая приправа ко всѣмъ кушаньямъ. Мнѣ самому случалось есть у Шамхала Тарковского прожное, сдѣланное изъ миндала съ шафраномъ и бараньимъ жиромъ. Для Европейца оно покажется весьма некуснымъ.

46.) Въ подлинникѣ сказано: *e mi portò a donar otto teste di nation Rossiana*. Я не могъ перевести слово *testa* иначе какъ *мѣлководы*; ибо ни одинъ изъ современныхъ писателей не упоминаетъ, чтобы Татары сохраняли головы убитыхъ ими неприятелей и приносили ихъ кому либо въ даръ.

47.) Въ подлинникѣ названъ отъ: *Commarchiere dell'Imperatore*. У Контарини слово *Commerchier* встрѣчается также и означаетъ Ханскихъ досмотрщиковъ. (Конт. Г. XII).

48.) *Колхида*, прославленная въ древности походомъ Аргонавтовъ, заключала въ себѣ всю нынѣшнюю Имеретію, Мингрелію и Гурію, и отдѣлялась отъ Иберіи (Грузіи) отраслію Кавказскаго хребта, известнаго подъ именемъ Москійскихъ горъ; — въ послѣдствіи прозвана она *Lazia Mengrelia* отъ населявшихъ ее Лазовъ или Лазіевъ, которые, по мнѣнію Прокопія и Агапіаса, суть не что иное какъ древніе Колхидяне, — и которые по сію пору существуютъ подъ именемъ Лазовъ на берегу Чернаго моря, между Трапезунтомъ и рѣкою Чорохою. Колхида была попеременно то подъ властію Персовъ, то подъ скиптромъ преемниковъ Александра Великаго, то подъ владыче-

ством Римлянъ, то подъ управленіемъ собственныхъ Государей; а въ 1460 году была завоевана Турками. Колхидцы приняли Христіанскую вѣру при Царѣ ихъ Заусѣ, современникѣ и союзникѣ Императора Юстина. Баснъ о золотомъ рунѣ вѣроятно происходитъ отъ золотого песка, попадавшагося въ рѣкахъ, омывавшихъ древнюю Колхиду.

49.) Ни у Бекмана ни у Форстера не сдѣлано объясненіи этому названію. По сходству произношенія можно бы было полагать, что *Кремулъ* есть нынѣшній Темрюкъ, если бы Игитеріано, писатель, современникъ Барбаро, не говорилъ положительно, что страна эта находится внутри земель, извѣстныхъ подъ именемъ Сихии или Черкессин: *Et loro maggiore et migliore loco è una valle mediterranea, piccola, chiamata Cromus.* (См. пр. 32). Въ другихъ же путешественникахъ названіе Кремула нигдѣ не встрѣчается, а потому объясненіе этой загадки предоставляю людямъ, болѣе меня сведущимъ въ географіи среднихъ вѣковъ.

50.) *Кафю* (*isola di Carphà*) назывался въ средніе вѣка нынѣшній Крымскій полуостровъ (въ древности Херсонисъ Таврическій, у Турокъ Керимъ-Атази, а на Картахъ Пидгитани Хазарія). Судьба сего полуострова весьма замѣчательна. Сначала заселенъ онъ былъ Таврами, отъ которыхъ и получилъ названіе Тавриды; потомъ попалъ во власть Кимбровъ; отъ нихъ перешелъ къ Скивамъ и Сарматамъ, послѣ того составлялъ достояніе Царей Босфорскихъ и наконецъ содѣлался провинціею Римскою. При общемъ переселеніи народовъ, разрушившихъ Всемирную Монархію, Таврида сначала подверглась нападенію Алаевъ, потомъ послѣдовательно переходила въ руки Готовъ, Гунновъ, Хазаръ, Печенеговъ и Половцевъ; нѣкоторое время находилась во власти Генуэзцовъ; отъ нихъ перешла къ Татарамъ и Туркамъ, и напослѣдокъ въ 1783 году попала подъ скипетръ Россіи. Названіе Каемъ дано ей было Италіянцами отъ города Каемъ, нынѣ Θεοδοσίη. Желаящіе узнать подробнѣе исторію Крымскаго полуострова могутъ прочесть о немъ сочиненіе Сестренцевича, подъ названіемъ: *Histoire de la Chersonise Taurique.*

51.) Всѣ эти народы повидимому племена Черкесскія, ко-

торахъ имени или ошибочно выставлены въ путешествіи Барбаро, или, что впрочемъ вѣроятно, совершенно изгладилась изъ памяти нынѣшнихъ Черкесовъ. Хотя каждое племя этого народа имѣетъ особенныя частныя подраздѣленія; но названія: *Кипики*, *Татакозія* и *Собаи* не встрѣчается ни въ одномъ изъ писателей, познакомившихъ насъ съ ними. Г. Клапротъ, въ главахъ 22-й и 26-й путешествія своего на Кавказъ, подробно изчисляетъ всѣхъ горскихъ народовъ и даже приводитъ тѣ имена, подъ которыми они извѣстны у сосѣдей своихъ; но между ними не встрѣчается ни одного изъ тѣхъ названій, о которыхъ упоминаетъ Барбаро. По сходству произношенія, а также и' по Географическому положенію этихъ народовъ въ описаніи Венеціанскаго путешественника, можно, (впрочемъ гадательно) вывести слѣдующее заключеніе. 1) *Кипики*, (въ изданіи 1543 года *Eliphe*) вѣроятно ближайшіе къ Черному морю, съ котораго Барбаро начинаетъ свое описаніе, должны быть нынѣшніе *Шапсуги*, (у Клапрота *Шапники* или *Шапски*). Въ этомъ предположеніи еще болѣе удостовѣряетъ меня названіе одной рѣки, протекающей въ землѣ *Шапсуговъ*, по имени *Шибикъ* (у Клапрота *Чибикъ*). 2) *Татакозія* есть вѣроятно нынѣшнее племя *Темиргойцевъ* и *Бисленейцевъ*, ибо въ странѣ послѣднихъ, на рѣкѣ *Урупъ*, находятся по сію пору два селенія, напоминающія нѣсколько названіе *Татакозія*, а именно: *Татархана* и *Тазлахтула*. Форстеръ полагаетъ, что *Татакозія* есть не что иное, какъ *Татаргупа*; но съ этимъ согласиться невозможно; ибо *Татаргупа* лежитъ гораздо далѣе, на Терекѣ, и не составляетъ особенной области или племени. Къ тому же Барбаро конечно бы упомянулъ о ней послѣ *Кабарды*, еслибы подъ именемъ *Татакозія* разумѣлъ *Татаргупу*. 3) *Собаи* (вѣроятно тѣ самыя, которые у *Плано Карпини*, въ числѣ народовъ, покоренныхъ Татарами, названы *Собоаль*) можетъ быть нынѣшніе *Абазы*. 4) *Ксертеи* (въ изданіи 1543 года *Chenerthei*) безъ сомнѣнія *Кабарда*. Такъ полагаетъ Форстеръ и такъ утвердительно пишетъ Клапротъ и 5) *Асы* или *Алапы*, — нынѣшніе *Осетяны*, какъ мы уже замѣтили въ прим. 16: (см. Forst. Gesch. der Seef. und Entdeck. im Nord r. 266; Klap. Reise in d. Kauk. B. I. p. 435 — 84 и 557—93 и Язык. Пут. къ Татар. стр. 191).

52) Въ Мюллеровомъ собраніи для Русской исторіи (G. T. Müllers Samml. Russ. Gesch. T. VI. p. 7) сказано о *Кайтакахъ*, что они живутъ на берегу Каспійскаго моря, отъ Утемиша до Ширванской области, отъ коей отдалются рѣкою Дербаконъ; къ западу же граничатъ съ землею Каракайтаковъ. Страна ихъ обширна, плодородна и услана многочисленными селеніями, изъ коихъ главнѣйшія суть: Башло и Меджлисъ. Гмелинъ полагаетъ Кайтаковъ племенемъ Туркменскихъ Татаръ, а Карамзинъ упоминаетъ о нихъ при повествованіи о путешествіи въ Индію Аѳонасіа Тверитянина (См. Gmel. Reise T. VI. p. 95—100; Reinegs Kauk. T. I. p. 107, и Карам. II. Г. Р. Т. VI пр. 629.)

53.) *Фазисъ*, — нынѣ Ріонъ, вытекаетъ съ восточной стороны Эльбруса и у крѣпости Поти впадаетъ въ Черное море. Кларковъ во 2-й части путешествія своего (стр. 53) подробно описываетъ теченіе этой рѣки.

54) *Севастополь*, по мнѣнію Форстера и другихъ, древній *Диоскурій* (нынѣшній *Искурія*, по Турецки *Иогауръ*), а по увѣренію Клапрота другой какой либо городъ, и не въ Мингреліи, а въ Гуріи (Reis. in den Kauk. B. II S. 47). Клапротъ вѣроятно не видалъ карты Пинцигани; въ противномъ случаѣ онъ бы изъ оной удостовѣрился, что Севастополь лежитъ въ Мингреліи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшняя *Искурія*, или, какъ полагаетъ Гамба (Voy. dans la Russ. T. I. p. 75), *Сукумъ Кале*. *Вати* (у Шильдбергера *Ватанъ*, у Контарини *Ліати* и *Варти*) нынѣшній *Батумъ*, а не *Бедіасъ*, какъ полагаютъ многіе. — Самое описаніе Барбаро показываетъ, что г. Вати находился на Черномъ морѣ. Къ тому же Контарини опредѣляетъ подробно разстояніе этого города отъ Фазиса и упоминаетъ сверхъ того, что оный, вмѣстѣ съ другимъ городомъ, *Кальтихеею* (вѣроятно нынѣшняя *Кантрихе* или *Кантрише*), принадлежалъ особейному владѣтелю, по имени *Горболъ* (*Гуріелю*). Впрочемъ одинъ взглядъ на карту Пинцигани, драгоценный памятникъ XIV столѣтія, ясно убѣдитъ всякаго въ томъ, что Вати есть нынѣшній *Батумъ*. Подъ именемъ *Бей-*

діана (который также встречается и у Компарини) Барбаро безъ сомнѣнія полагаетъ Дадіана, общій титулъ прежнихъ Государей Мингирли. — Тоже самое думаетъ и Форстеръ.

55.) *Джукла*, Перекопскій перешеекъ, известный у древнихъ подъ именемъ Таероса, а у Турокъ подъ названіемъ Орбобаши. По увѣренію Геродота еще древніе Скиены перекопали этотъ перешеекъ большимъ, глубокимъ ровомъ, накопившимся водою и отдаленнымъ Крымскій полуостровъ отъ материка. Ровъ сей въ послѣдствіи, какъ повѣствуетъ Константинъ Порфирогенетъ, засыпанъ землею и даже поросъ густымъ лѣсомъ. Въ 948 году по Р. Х., по свидѣтельству Страбона, Босфорскій Царь Ассандръ построилъ на этомъ перешейкѣ каменную стѣну, укрѣпивъ ее, въ разстояніи каждой стадіи, башнями. Нынешняяже крѣпость выстроена Ханомъ Сагитъ-Гиреємъ въ 1540 году. Перекопскій перешеекъ имѣетъ въ ширину семь верстъ. (См. Const. Porph. de Administ. Imper. Стр. 113; Siestr. Hist. de la Chers. Taur. Introd.; Байеръ Крат. опис. гор. Азова. стр. 28 и 29; и Штекел. Слов. Геогр. Росс. Гос. Т. VI. стр. 1042 и 1045).

56.) Не есть ли это Газандарскій аршинъ, употребляемый, по свидѣтельству некоторыхъ путешественниковъ, въ нашихъ Закавказскихъ Губерніяхъ и составляющій полтора аршина на нашу мѣру.

57.) *Ази-Гирей*, или Хаджи Девлетъ Гирей, родоначальникъ Хановъ Крымскихъ, былъ возведенъ въ Ханское достоинство послѣ сыновей Едигея, погибшихъ въ междоусобной брани. По увѣренію некоторыхъ писателей, онъ былъ потомокъ Ченгисъ-Хана и воспитывался у какого-то поселенца, по имени Гирей, спасшаго его отъ смерти. Въ знакъ благодарности къ своему воспитателю, онъ принялъ прозваніе его и передалъ оное Царственному дому Хановъ Крымскихъ. Другіе историки повѣствуютъ, будто Ази-Гирей, сынъ, или внукъ Токтамыша, родился въ Литовскомъ городѣ Трокахъ и что господство въ Тавридѣ доставилъ ему Литовскій Князь Витовтъ; у Абулгази же

названъ онъ сыномъ Джасудина (Гельсъ-уд-дина) сына Тимурта-
на, сына Махмета-Ханова. Ази-Гирей былъ истиннымъ осно-
вателемъ независимаго Государства Крымскихъ Татаръ. Онъ цар-
ствовалъ мудро, умѣлъ возбудить въ сосѣдяхъ своихъ высокое
къ себѣ уваженіе, обложилъ данію Генуэзцовъ, властвовавшихъ
еще въ приморскихъ городахъ Тавриды, сносился съ Папою и
навѣсть сокрушительный ударъ Золотой ордѣ, падшей потомъ отъ
меча сына его Менглигирея. Ази-Гирей умеръ въ 1467 году,
оставивъ, по свидѣтельству Абулгази, 8 сыновъ, изъ которыхъ
Нордоулатъ наследовалъ престолъ его. Не этого ли Нордоулата
Барбаро называетъ Улубеємъ? (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр.
364 и Т. VI. стр. 85; Siestr. Hist. de la Chers. Taug. стр. 348—55;
Абулг. Изв. родос. о Татар. стр. 100.)

58.) *Солгати* или *Кирилъ* (въ изд. 1543 г. Sorgathi ovvero
Iscemini) Эски Крымъ, Хырымъ (у Абульѣ. Солгетъ или Киримъ)
— старый Крымъ, нынѣ заштатный городъ Таврической Губер-
ніи. (См. Forst. Gesch. der Entdeck. und Seef. im Nord. p. 207.
Siestr. Hist. de la Chers. Taug. pag. 35, и Кешенъ Указатель къ
картѣ южнаго Крыма.)

59.) *Керкиарде*, Киркоръ, Киркиель, у Абульѣды Керкри,
у Амаросіа Контарини Керкеръ, крѣпость, находившаяся на вы-
сокой горѣ, неподалеку отъ Бакчисарая. По увѣренію Г. Кеш-
пена это нынѣшній Чуеутъ Кале, предмѣстіе Бакчисарая, ина-
че называемое Жидовскимъ городкомъ.

60.) а) *Кертъ*, у Абульѣды Оль Карсъ, прежняя Пантика-
пея, столица Босфорскаго Царства, а нынѣ городъ Таврической
Губерніи, нынѣшній особеннаго Градоначальника. б) *Кафа* (у
Татаръ Кеа), прежняя Феодосія, колонія Греческая, потомъ
важнѣйшій Генуэзскій портъ на Черномъ морѣ, а нынѣ
важнѣйшій городъ Таврической Губерніи; в) *Салдадилъ* (въ изд.
1543 г. Салдайя) прежняя Лагиря, — нынѣ городъ Судакъ;
д) *Грузунъ* (въ изд. 1543 г. Гразунъ), у Прокопія Горзубитоваго
управленіе, а по мнѣнію Г. Кешпена нынѣшній Гурзувъ или Ур-
зувъ, селеніе въ Таврической Губерніи; е) *Сарсона*, прежде
бывшая Херсонъ Трахическая, основанная Иракійскими Гре-

нами за 600 лѣтъ до Р. Х. Въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ она известна подъ именемъ Корсуни, а у Восточныхъ писателей подъ именемъ Сарыкермана; ф) *Чилибало*, Символъ Лименъ древнихъ, нынѣшняя Балаклава, мѣстечко въ Таврической Губерніи, и г) *Каламитъ*, древній городъ, давшій имя свое Каламитскому заливу. Развалины его и доселѣ еще видны между Симеерополемъ или Бакчисараемъ, на берегу рѣки Альмы. (См. Förster Gesch. der Entd. und Seef. im Nord. p. 208; Кенпешъ Указ. къ картѣ юж. Крыма и Sicst. Hist. de la Chers. Taur. Introduction).

61.) Эминпахъ или Иминпахъ былъ не Государь Крымскій, а только намѣстникъ Хана. Каѳа же была предана въ руки Турокъ тѣмъ самымъ Апцоллиномъ Скварчіаѣнко, о коемъ Барбаро упоминаетъ въ Главѣ X своего путешествія при повѣствованіи о правахъ Мингреловъ. (См. Hist. de la Chers. Taur. par Sicstr. p. 534).

62.) *Менглигирей*, знаменитый Ханъ Крымскій и вѣрный союзникъ Іоанна Васильевича III, былъ сынъ Азя-Гирей, о коемъ мы уже упоминали въ пр. 57-мъ. Въ молодости былъ онъ взятъ въ плѣнъ Генуэзцами и содержался у нихъ до кончины родителя его, которому наследовалъ старшій братъ Менглигирей, Нордоулатъ, сверженный потомъ другимъ его братомъ Гайдаромъ. Съ помощію Генуэзцевъ Менглигирей успѣлъ въ свою очередь изгнать Гайдара (1469) а содѣлаться Ханомъ Крымскимъ; но излишняя снисходительность и пристрастіе его къ своимъ благодѣтелямъ едва не были причиною его гибели. Татары, недовольные предпочтеніемъ, которое онъ оказывалъ Генуэзцамъ, возмущались, призвали къ себѣ на помощь изгнаннаго Гайдара и принудили Менглигирея бѣжать въ Каѳу, подъ защиту своихъ покровителей; сами же обратились къ Турецкому Султану, прося его помощи и предлагая ему владѣніе Крымомъ. Магометъ II, понимавшій весьма хорошо, что это владѣніе можетъ доставить ему значительныя выгоды, немедленно отправилъ флотъ свой къ берегамъ Тавриды. Визирь Ахметъ-Паша, принявшій начальство надъ онымъ, искусно удержалъ въ 6 дней овла-

дать Кафою и принудить Генуэзцев бѣжать въ Манкуну, какъ въ самое неприступное мѣсто владѣній ихъ въ Крыму: Но это было невѣрнымъ для нихъ убѣжденіемъ противу побѣдоноснаго оружія Мусульмунъ. «Пишутъ, говоритъ Карамзинъ, что начальникъ ихъ, выѣхавъ на охоту, былъ взятъ въ плѣны Турками и что осажденные, потерявъ бодрость, рѣшились искать спасенія въ бѣгствѣ, гонимые, утѣсняемые непріятелями. Истребивъ до основанія державу Генуэзцовъ въ Тавриду, болѣе 2-хъ вѣковъ существовавшую и покоривъ весь Крымъ Султану, Ахмату - Паша возвратился въ Константинополь съ великимъ богатствомъ и съ плѣнниками, въ числѣ коихъ находился и Менглигирей съ братьями. По отплытіи Турецкаго флота, междоусобная брань снова возгорѣлась въ Тавриду. Искатели Ханскаго престола, полагая его упраздненнымъ чрезъ удаленіе Менглигея, стали мечемъ оспаривать другъ у друга владѣніе Крымомъ, — и Магометъ, склоненный просьбами Татаръ и самаго Менглигея, рѣшился возвратитъ сего послѣдняго въ Тавриду и сдѣлать его Ханомъ, въ качествѣ своего присяжника. Такимъ образомъ Ханъ сей, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Константинополѣ, снова возведенъ былъ на престолъ Крымскій; но не успѣвъ еще возстановитъ порядка въ своемъ Государствѣ, какъ былъ вторично сверженъ Ханомъ золотой орды Ахматомъ (1478), который на мѣсто его возвелъ Царевича Зенибека. Сей послѣдній не долго однако владычествовалъ въ Крыму; ибо Менглигирей, съ помощію подданныхъ своихъ и Турецкаго войска, выпалъ его, и на сей разъ утвердилъ уже власть свою на прочномъ основаніи. Зенибекъ удалился въ Россію, куда еще прежде бѣжали братья Менглигиревы: Нордоулатъ и Гайдаръ. Іоаннъ III, предвидѣвшій, что союзъ съ Менглигиреемъ можетъ быть для него крайне полезенъ въ борьбѣ съ Польшею и съ Золотою ордою, охотно принялъ Крымскихъ Царевичей и обещалъ Менглигирею держать ихъ у себя, если только онъ будетъ помогать ему противу Короля Польскаго и Хана Ахмата. Менглигирей, ненавидѣвшій Ахмата, съ радостію принялъ предложеніе Великаго Кнзя и, вѣрный своему слову, во все продолженіе царствованія Іоанна, постоянно тревожилъ владѣнія Короля Польскаго и грозилъ Золотую орду. Смерть

Ахмата, убитого въ 1480 году Княземъ Шибанскихъ или Тюменскихъ улусовъ Иакомъ, не прекратила взаимной ненависти Хана Крымскаго и Царей Кипчакскихъ. Сынъ Ахмата, по имени Муртаза Ханъ, при наступленіи жестокой зимы 1485 года, искалъ убажища отъ голода въ окрестностяхъ Тавриды. Менглигирей напалъ на него, взялъ въ плѣнъ, отослалъ въ Кафу, и не довольствуясь этимъ, разбилъ еще улусъ Князя Золотой орды Темира; но сей Князь на другое лѣто соединился съ другимъ Ахметовымъ сыномъ Махмудомъ, напалъ на Тавриду въ то время, когда жители и воины ея занимались хлебопашествомъ; едва не схватилъ самаго Менглигирея; освободилъ Муртазу и съ добычею удалился въ степи. Иоаннъ, сдѣлавъ о семъ, немедленно отправилъ войско на улусы Ахметовыхъ сыновей, и прислалъ къ Менглигирею многихъ Крымскихъ пѣшанниковъ, вырученныхъ Россіянами. Между тѣмъ Ханъ Тавриды, какъ мы выше объяснили, вѣрный союзу съ Великимъ Княземъ, не смотря на войны свои съ Золотою ордою, дѣлалъ безпрестанные набѣги на владѣнія Польскія. Въ 1500 году пятнадцать тысячъ Крымцевъ, подъ начальствомъ сыновей Хана, выжили Хитыльники, Браславъ, Кремеицеъ, Владимиръ, Брестъ и Луцкъ и вывели оттуда множество пѣшанниковъ. Александръ, Король Польскій, утраченный столь грознымъ нападеніемъ, прибѣгнулъ къ союзу Хана Золотой орды Шигъ-Ахмета, который, собравъ двадцатитысячное войско, выступилъ противъ Менглигирея, въ полной надеждѣ уничтожить враждебнаго Хана; ибо ожидалъ, что Поляки съ своей стороны будутъ также ревностно дѣйствовать противу Крымцевъ. Походъ этотъ былъ послѣднимъ успѣхомъ и гибелью Кипчакскихъ Татаръ. Помощь, обѣщанная Польскою, не подходила, и Шигъ-Ахметъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, и оставленный мало по малу Князьми и Уланамъ своими, сдѣлался жертвою своей самонадеянности и вѣроломства Поляковъ. Весною 1502 года Менглигирей внезапнымъ нападеніемъ на Золотую орду сокрушилъ ее, разсыпалъ толпы, скитавшіяся съ Шигъ-Ахметомъ, а его самаго прогналъ въ степи Ногайскія и принудилъ потомъ искать убажища въ Лѣвѣ, гдѣ онъ былъ вѣроломно задержанъ, посаженъ въ тюрьму и кончилъ жизнь въ заточеніи въ Ковнѣ. Та-

князь образован Мешагирей одними ударами развела царство Батмезо, въ продолженіи трехъ лѣтъ тѣготавшее надъ отечествомъ папичей. Иоаннъ очень хорошо чувствовалъ услугу, оказанную Россіи союзникомъ ея и постоянно старался поддерживать связь свою съ Мешагиреями. Связь эта была прочна, пока Иоаннъ былъ живъ и пока лѣта не ослабили бодрости и мужества Мешагирей; но съ кончиною Великаго Князя обстоятельства измѣнились. Ханъ, уже ослабшій тѣломъ и душою, и находившійся подъ вліяніемъ легкомысленныхъ сыновъ своихъ, мало по малу забылъ прежнюю дружбу. Тѣсно Василій, преемникъ Иоанна, старался поддержать и возобновить ее. Престарѣлый Ханъ уже однимъ только именемъ царствовалъ въ Тавридѣ и наконецъ, отягченный лѣтами, умеръ въ 1515 году. «Россія, говоритъ Карамзинъ, могла бы по справедливости оплакивать его кончину, если бы онъ былъ для Василія тоже, что и для Иоанна. Сей достопамятный въ Исторіи Ханъ, перажилъ самаго себя, былъ въ послѣдніе годы только тѣнью Царя, и Великій Князь могъ ждать болѣе успѣховъ въ дѣлахъ съ его наслѣдникомъ. Къ несчастію новый Ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами; вопреки Алкорану любилъ пить до чреватѣрности; раболовствовалъ жеманъ; не зналъ добродѣтелей Государственныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истиннымъ атаманомъ разбойниковъ. (См. Кар. И. Г. Р. Т. VI и VII и Siestr. Hist. de la Crim. Тац. р. 355—67.)

63.) Прежде нежели я приступлю къ объясненію проножденія Готею и долговременнаго странствованія ихъ въ Европѣ, должно поставлю изложить здѣсь причины, по которымъ у меня переводъ этого отрывка не сходенъ съ переводами Форстера и Гаммера. И тотъ, и другой передали слѣдующимъ образомъ мѣсто, въ коемъ Авторъ нашъ объясняетъ положеніе Готея, «За Какою, посреди острова, омываемаго Чернымъ моремъ, находится Готея, а далѣе, въ острова, ближе къ Монастро, Алавія.» Мнѣ кажется, что переводъ этотъ совершенно противурѣчить смыслу подлинника, въ которомъ именно сказано, что Готея лежитъ не въ Тавридѣ. Вотъ какъ Барба-
Ч. І. Барбаро.

по начинать свое описание: *Dritte (dietra) dell'isola di Capra d'intorno, sul mar maggiore, e a. позади остро-ва Кааы, вокруг черного моря.* Тутъ ясно видно, что Авторъ говорить не о Крымскомъ берегу, который онъ уже опи-салъ въ подробности, но о противоположномъ берегу Чернаго моря. Слѣдующее за сѣмъ выраженіе: *si truova la Gothia, poi l'Alania, laqual va per l'isla fino a Moncastro*; еще болѣе уде-стоверляетъ, что Барбаро разумѣетъ тутъ не Тавриду; ибо ста-вить Готію подлѣ Аланіи, положеніе коей въ первой главѣ назначено нѣ на материкѣ. Ошибка Гаммера очевидно про-изошла отъ опечатки въ приведенномъ нѣмъ текстѣ; ибо нѣбыво слова *intorno* поставлено у него *interno*. Что же побудило Форстера дать превратный смыслъ описанію Барбаро, для че-й совершенно непостижимо. Бекманъ не переводитъ этого мѣста, а только говорить, что Готы жили, по преданію Барбаро, на Черномъ морѣ. Къ сему, основываясь на по-казаніи Проэссора Гакета, онъ присовокупляетъ, что на-родъ, о коемъ упоминаетъ нѣмъ путешественникъ, не Готы, а Евреи, живущіе близъ Чернаго моря и что Готы, ко-торыхъ слышалъ Бусбекъ, говорившіе Германскими языкомъ въ Константинополѣ, были не что иное какъ изгнанные Полю-скіе или Венгерскіе жиды. (См. *Forster. Ges. der Seefahr. und Entdeck. im Nord.* p. 208, *Wiener Jahrb. der Lit.* B. 65 и *Beck- man. Lit. der ält. Reisebeschr.* p. 179). Объяснивъ такимъ обра-зомъ причины несодства моего перевода съ переводами Фор-стера и Гаммера, двухъ мужей, известныхъ своею ученостію, и конкъ творенія были для меня важными пособіемъ въ на-стоящемъ трудѣ моемъ, я перехожу къ краткому извѣстію о Готеахъ. Народъ сей, названный у Плинія Гуттонами, у Та-цита Готонами, а у Птолемея Гитонами и весьма часто сѣи-наемый съ Гетами, — происхожденія Германскаго. Въ 3-мъ вѣкѣ по Р. Х. Готы, вмѣстѣ съ другими Германскими наро-дами, покинувъ жилища свои на берегу Балтійскаго моря, ме-жду Одеромъ и Вислою, двинулись на югъ Европы и овладѣ-ли Дакією. Вытѣснивъ Адавъ изъ мѣстъ, ими заселенныхъ, они заняли весь сѣверный берегъ Чернаго моря, до моря Азо-вскаго включая въ это пространство и Тавриду, (гдѣ, по сан-

дѣтельству некоторыхъ Историковъ, даже существовало отдѣльное Государство, подѣ именовъ Готѣи Трапезитской, косто столица была городъ Манкупъ) переплыли въ Азію, гдѣ обратили въ пепелъ многіе города въ Визиніи, Галатіи и Канадокии и губительнымъ мечемъ опустошили Грецію до самой Морей. Раздѣлившись по причинѣ внутреннихъ междоусобій на два государства: Восточное и Западное, Готы въ продолженіе полулѣтѣ были грозой для всѣхъ соседственныхъ съ ними народовъ, пока въ 4-мъ столѣтіи въ свою очередь не были вытѣснены Гуннами и принуждены искать себѣ другихъ жилищъ, или покориться власти новыхъ пришельцевъ. Западныя Готы съ Царемъ съ своимъ Атанарихомъ обратились въ земли Римской Имперіи, приняли Христіанскую вѣру и получили жилища въ Мизіи и Фракіи; но будучи угнѣтаемы Римлянами, поднимали оружіе, разбили Императора Валента и съ трудомъ были усмирены Θεодосіемъ. Въ правленіе сыновей сего Государя они вторгнулись въ Италію, а оттуда перешли въ Испанію, гдѣ и основали Западное Готское Царство. Восточныя же Готы, по смерти Атиллы, свергнувъ съ себя иго Гунновъ, частью удалились въ Панонію, частью же нахлынули на Македонію и Фессалію. Перешедъ потомъ въ Италію, они основали тамъ Остроготское Царство, разрушенное уже при Императорѣ Юстиніанѣ. Слѣды Готскаго владычества* и доселѣ еще сохранились въ Европѣ. Готическій вкусъ, готическая Архитектура и даже самое названіе Готландіи (одной изъ Шведскихъ провинцій) и острова Готланда свидѣтельствуютъ и по нынѣ о существованіи этого, некогда могущественнаго народа. (см. Кар. И. Г. Р. Т. I. Гл. 1 и пр. 25 — 28; Брутъ Землеоп. Ар. Свѣта. Т. II. стр. 488 — 9. Siestr. His. de la Chers. Тауг. р. 69. Orig. des Sarm. etc. р. 58, 79, 296, 316, et 546; Штрит. Изв. Виз. Пис. Ч. II. стр. 1 — 31 и Converg. Lexic. T. IV. стр. 782).

64.) *Форми*, городъ въ Романіи, въ Италиі. Форетеръ замѣчаетъ, что о сходствѣ языка Готскаго съ Нѣмецкимъ упоминають еще Рубрикисъ и Бусбекъ, и что О. Мондорфъ видѣлъ многихъ невольниковъ на Константинопольскихъ гале-

разъ, которые происходили отъ Готевъ и говорили языкомъ, весьма близко подходившимъ къ Нѣмецкому. Бекманъ, какъ мы уже объяснили въ предыдущемъ примѣчаніи, утверждаетъ, что это были не Готы, а Польскіе или Венгерскіе Жиды (См. Fort. Ges. der East. und Seefhart. p. 209 и Beckm. Lit. der ält. Reis. p. 179).

65). Извѣстно, что нарѣчіе *Флорентійцевъ* считается самымъ чистымъ въ цѣлой Италіи, хотя въ произношеніи они уступаютъ Римлянамъ. Отъ того то и произошла поговорка: *lingua Toscana in bocca Romana*.

66.) О существованіи Христіанской вѣры между Черкесами упоминаетъ еще Рубриквисъ. Георгій Интеріано въ своемъ описаніи Сихинъ утвердительно говоритъ, что Черкессы слѣдуютъ Христіанскому ученію и имѣютъ у себя священниковъ Греческаго исповѣданія. То же подтверждаютъ многіе памятники, находящіеся въ землѣ, обитаемой Черкесами и нѣкоторые обычаи, между самими племенами сохранившіеся. Г. Зубовъ въ 3-й томъ своей картины Закавказскаго края, на стр. 36 говоритъ, что принаки прежде существовавшихъ исповѣданій, Христіанскаго и языческаго, весьма замѣтны между народами Адехе (Черкесами); особенно первая проявляется довольно рѣзкими чертами, не смотря на мракъ Магометанскаго фанатизма, невѣжество и предрасудки: «Достойно замѣчанія, продолжаетъ онъ, что народъ Адехе, по умственному оображенію, празднуетъ въ одно время съ нами многіе Христіанскіе праздники въ честь Спасителя и Богоматери; въ началѣ весны ежегодно постится, почти въ одно время съ нашимъ Великимъ постомъ и почти столь же продолжительно. По окончаніи этого поста, въ началѣ Апрѣля, имѣетъ онъ особенный праздникъ, называемый *днемъ леленія Бога*, во время котораго женщинамъ дозволено молиться вмѣстѣ съ мужчинами. Въ сей день жители собираются послѣ молитвы вмѣстѣ, дарятъ другъ другу крашенныя лица и страждутъ въ цѣль, которою всегда бываетъ крашеное лицо. Попавшій въ оное получаетъ подарокъ отъ хозяина, которому принадлежитъ дѣ-

же, служившее цѣлю. Таковыя обряды ясно показываютъ, что Адахе сохраняли память о постѣ и Свѣтломъ Воскресеньи. Среди и пятницу называютъ они большимъ и малымъ постомъ; а Воскресенье—Божьимъ днемъ, въ продолженіе котораго чуждаются всякихъ работъ. Уваженіе Адахе къ изображенію креста также очень замѣтно. Всякая вещь, которую необходимость заставила хозяина оставить въ полѣ безъ присмотра, если надъ нею онъ поставитъ крестъ, остается священной и неприкосновенною; и не смотря на склонность къ воровству, столь общую сему народу, никто не дерзнетъ воспользоваться вещью, оставленною подъ покровительствомъ Божіимъ, чрезъ изображеніе крестнаго знаменія. Въ тѣхъ домахъ, которые не совершенно еще приняли Магометанство, прибавляется къ стѣнѣ небольшая палка, на коей лежитъ кусокъ воску и полотенецъ. Въ праздникъ изъ сего воска дѣлаютъ свѣчу, зажигаютъ одну, становясь предъ ней на колѣна, молятся, скидая шапки, а на мѣсто употребленнаго воска кладутъ другой кусокъ. Вся сіи замѣчанія относятся въ особенности къ племенамъ, живущимъ по берегу Чернаго моря и на равнинахъ, окружающихъ Кубань. Клапротъ въ путешествіи своемъ (Ч. I. стр. 368) говоритъ, что за 65 лѣтъ предъ симъ Черкессы жили почти безъ всякой религіи, хотя и называли себя Мусульманами, не употребляли образанія и не имѣли у себя священниковъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ Муллъ, призванныхъ къ нимъ изъ Аксаи и Эндери. Далѣе, въ противность показаніямъ всѣхъ прочихъ путешественниковъ, онъ утверждаетъ, что слѣдовъ Христіанской вѣры между ними почти вовсе незамѣтно, кромѣ нѣкоторыхъ развалинъ древнихъ церквей и надгробныхъ намятниковъ съ крестами, какъ будто бы одного этого не было уже достаточно для доказательства, что они нѣкогда исповѣдовали Христіанскую вѣру.

67.) Торговый путь въ Восточную Индію чрезъ Египетъ и Сирію былъ открытъ Венеціанами уже послѣ разрушенія Астрахани Тамерланомъ въ 1395 году.

68.) *Бакинское или Каспійское море*, у древнихъ море Гирканское, у Мавровъ Бохаръ Корсунъ, у Татаръ Акдигишъ, у

Переи́ять Ку́льсумъ, у Русскихъ море Хвалынское, а у некоторыхъ восточныхъ писателей, Бакннское, Гиланское и Мизандеранское море, отъ прилежащихъ къ нему областей, имѣть до 146 нѣм. миль въ длину и отъ 24 до 60 въ ширину. Пространство, нѣмъ занимаемое, заключаетъ въ себя 6862 кв. миль. Эратостенъ, Помпоній Мела, Страбонъ и Плиній полагали сго заливомъ Индйскаго Океана, хотя Геродотъ гораздо уже прежде объявлялъ, что Каспій есть море отдѣльное и даже съ удивительною точностію опредѣлялъ его пространство. — Курцій думаетъ, что оно посредствомъ Азовскаго моря сообщается съ Эвксинскимъ Понтомъ, а некоторые полагали даже, что рѣка Араксъ соединяетъ его съ Сѣвернымъ океаномъ. О существованіи Аральскаго моря древніе не имѣли никакого понятія. Одинъ только Геродотъ, повѣствуетъ и то весьма темно, что рѣка Яксартъ, нынѣ Сыръ-Дерья, изливается въ болота. Западныя писатели среднихъ вѣковъ также не знали настоящаго положенія Каспія и соединяли его съ моремъ Аральскимъ. Отъ того то на картѣ Фра Мауро и даже у Олеарія рѣки Сыръ-Дерья и Амуръ - Дерья представлены впадающими въ Каспійское, а не въ Аральское море. (См. Энцикл. Слов. Азіа, Амуръ-Дерья и Аральское море. Географ. Словарь Шенкотова. Т. III, стр. 373 и Олеар. Нѣмец. издан. 1696 г. стр. 212.)

69.) Тутъ вѣроятно въ подлинникѣ должна быть опечатка; ибо трудно подумать, чтобы Барбаро, столь точный въ своихъ описаніяхъ, назначилъ тремя днями пути разстояніе отъ Астрахани до Москвы, составляющее сухимъ путемъ 1218 верстъ.

70.) *Василій Юанновичъ, Князь Рязанскій* остался по смерти родителя своего осьми лѣтъ и былъ порученъ попеченіямъ Великаго Князя Василья Васильевича. Когда юному Князю минуло 16 лѣтъ (въ 1464 году), Іоаннъ III выдалъ за него младшую сестру свою Ашшу и отправилъ его господствовать въ Рязань. (См. Жар. И. Г. Р. Т. VI, стр. 7.)

71.) *Гордъ Коломна* укрепилъ каменною стѣною въ царствованіе Василія Іоанновича въ 1530 году.

72.) Рѣка Москва близъ города Коломны впадаетъ въ Ону. Отъ Коломны до города Москвы состоитъ всего 94 версты, и почти на самой коломенѣ этого дукъ надлежитъ переправлять чрезъ рѣку Москву, на мостѣ, извѣстномъ Бородинскій переправъ.

73.) Вотъ что говорятъ о Русскихъ яблокахъ Олсарей, бывшій въ Россіи въ царствованіе Царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича: «Въ некоторыхъ областяхъ, особенно въ Московскій, растутъ въ садахъ прекрасныя яблоки, груши, вишни, сливы и смородина. Это доказываетъ, сколь несправедливы показанія Герберштейна и Гвадино, утверждающихъ, будто въ Россіи, по причинѣ большой скуки, вовсе нѣтъ хорошихъ плодовъ и яблокъ. Въ особенности неправды нѣтъ въ Россіи одинъ сортъ яблокъ, сколь бѣлые, и сладкіе, что при рассмотрѣніи ихъ на солнцѣ видны были даже самыя семечка. Видно, и неусоветъ они превосходны, но за то, по причинѣ необыкновенной сырости, не могутъ такъ долго сохраняться какъ лави Немецкія яблоки.

Россія изобилуетъ также великаго рода овощами. Спаржа бѣлаетъ почти въ руку талиснова. Мнѣ самому случилось видѣть такую спаржу въ Москвѣ у одного Подлинскаго купца, моего пріятеля. Огурцы, тыква и лукъ растутъ во множествѣ. Лукъ и другіе сорта салада не сходятъ, а тамъ еще менѣе употребляютъ въ пищу. Сначала Русскіе охотились надъ Немецки, у которыхъ въ столу подавали салада, говоря что они едятъ траву; теперь же сами начинаютъ его приготавливать. Дыни сходятъ въ большомъ количествѣ; ибо разведеніемъ сего плодомъ многіе доставаютъ себя пропитаніе. Они очень крупны, вкусны и такъ сладки, что можно ихъ есть безъ сахара. Въ разведеніи плода сего Русскіе весьма искусны; о семъ свидѣтельству Герберштейнъ на 43 страницѣ его сочиненія. Свѣкла раздѣляютъ въ прѣсномъ молокѣ или въ дождевой водѣ, смѣшанной съ старыми овечьими помоями. Потомъ вытравляютъ землю на 3 аршина глубины; вкладываютъ туда слой конского навоза отъ срамной, сараиваютъ короной землей и делаютъ ямки въ поларшина глубины. Въ сія то ямки опуска-

ють семени, которыя, будучи согрѣты снизу теплотою каюка, а сверху лучами солнца, никакъ пропастъ не могутъ. На почвѣ, для предохраненія отъ росы и мороза, покрываютъ ихъ рамами изъ олюды. Рамы сии иногда и днемъ лежатъ на градахъ. По всхождъ растенія, образываютъ у него усы, а не рѣдко даже и концы плетей. Изъ сего явствуется, что величина дынь зависитъ отъ трудовъ и ходьбы за ними.»

«Настъ узрѣли, что за Самарой, между Волгою и Дономъ, растутъ особеннаго рода дыни, или лучше сказать тыквы. Величиною онѣ отъ обыкновенную дыню видомъ же совершенно похожи на ягнать; ибо имѣютъ явные признаки члена сего животнаго. По сей причинѣ Русскіе называютъ ихъ боранцами. По мѣрѣ динны стебля, идущаго какъ бы отъ пупа, плоды сии, при созрѣніи, перекатываются съ мѣста на мѣсто и сунуть подъ собою траву. Русскіе говорятъ, что они пожираютъ ее. Когда плодъ созрѣваетъ, стебеля сохнутъ и кожа становится курчавою какъ у ягненка. Ее можно дубить и приготавливать для предохраненія отъ стужи. Въ Москвѣ показывали намъ нѣсколько кусковъ постельнаго одеяла, сдѣланнаго будто бы изъ тыквы боранца. Она мѣкла и курчава какъ кожа ягненка, вырѣзаннаго изъ чрева матки, или только что родиннагося. Скамгеръ также говоритъ, что плодъ сей до тѣхъ только поръ можетъ расти, пока вокругъ него есть зелень, какъ ягненокъ на пастбищѣ. Но когда травы не станетъ, то и онъ портится и опадаетъ. По словамъ Русскихъ это означаетъ его созрѣніе. Должно почитать истинною и то, что кромѣ волковъ, ни одинъ звѣрь, какъ узрѣаетъ Скамгеръ, не употребляетъ плода сего, и что посредствомъ онаго ловятъ волковъ.»

«Хорошія растенія и цвѣты водились прежде въ Москвѣ не въ большомъ количествѣ; но покойный Великій Князь, вскорѣ послѣ нашего посѣщенія, повелѣлъ устроить хорошенечко садъ свой и украсить его разными драгоценными кустарниками и цвѣтами. Мохровыхъ розъ также Русскіе вѣсь прежде не знали, а убрали сады свои дикими розанами и шиповникомъ. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ богатый купецъ Петръ Марцеліусъ привезъ въ Россію изъ сада Герцога Голштейна, Готторпскаго мохровыя розы, которыя принялись очень хоро-

шо. Греческіе орахи и виноградныя лозы совсѣмъ не растутъ въ Россіи; вина же въ большемъ количествѣ привозятся, частию въ Архангельскъ на Голландскихъ и другихъ корабляхъ, частию же изъ Астрахани, гдѣ нынѣ стали разводить винограды.

«Изъ всего вышесказаннаго можно усмотрѣть, что недостатокъ нѣкоторыхъ плодовъ и растеній въ Россіи должно приписать не климату, а небрежности и невѣжеству жителей.»

74.) Городъ *Казань* (въ древнихъ лѣтописяхъ Санновъ юртъ) находится въ 820 верстахъ отъ Москвы, на луговой сторонѣ Волги, въ 4-хъ верстахъ отъ оной, при рѣчкѣ Казанкѣ. Построеніе сего города многіе приписываютъ нѣкому Санну, сыну Батыеву, о которомъ впрочемъ ни Абулгази, ни Авторъ Исторіи Монголовъ не упоминаютъ, и котораго Лызловъ называетъ Сартакомъ. Вотъ что о началѣ Казани говоритъ Рычковъ на стр. 70 своего Опыта Казанской Исторіи: «Въ Россійскихъ лѣтописяхъ прежде Батыя, и при немъ о городѣ Казани хотя и ничего не находится, однако Казанскіе Болгары за долго прежде Батыя упоминаются. Въ двухъ изъ нихъ нахожу я слѣдующее: «Во время Греческаго Царя Мануила, въ Ростовѣ же и въ Суздаль бывшу Андрееви, и во всей Россіи Константину, случися Андрееви ити изъ Ростова на Болгары, иже наричутся Казанцы. «И ниже тутъ же объявляется: «и причастившись Святыхъ Тинъ, нападоша на безбожныхъ Агарянь Болгарскихъ, и взяша четыре града ихъ, и пятый Брахимовъ на рѣцѣ на Камѣ, и благодарственная Господу Богу и пречистой его Матери воздаша, грады ихъ запашиша, протчал же осадивъ и данъ на нихъ возможивъ. «Примѣчается здѣсь изъ лѣтописи, что то происходило около 1162 году; да и по Баронію Мануиль началъ царствовать въ лѣто 1143, государствовалъ 38 лѣтъ, а скончался въ 1180 году, и такъ прежде Батыева нашествія саникомъ за 80 лѣтъ. Изъ сего видно, что по рѣчкѣ Казанкѣ, за долго прежде вышеозначеннаго, Болгары, называемые Казанцы, жительствоваши и города свои по ней или близъ ея имѣли, отъ которой безъ всякаго сумнѣнія и знанія ихъ произошло; а ей придано оно можетъ быть отъ многихъ котловинъ или омутовъ, т. е. глубокихъ ямъ, какихъ рѣкъ въ здѣшнихъ

и стахъ весьма много; ибо того невозможно мнить, чтобы званіе рѣки Казанки отъ города Казани произошло; вѣроятнѣе же то, что городъ Казань отъ сей рѣки; а не отъ котла (какъ то некоторые мнятъ, званіе свое получивъ, а можетъ быть еще какая нибудь и усадьба тутъ была подъ именемъ Казани, но въ лѣтописи нашей объ ней, какъ о незнакомой, не упомянуто, и между бывшими тутъ четырьмя городами именовать только одинъ Бряхимовъ, какъ знатнѣйшій, бывшій на рѣкѣ Камѣ.»

«Въ лѣтописцахъ нашихъ имя города Казани не находится прежде, какъ со 140 лѣтъ спустя послѣ Батыева нашествія. Объявляется въ нихъ: 1) лѣто 6884 (1376) Великій Князь Дмитрій Ивановичъ послалъ рать на Казань, и добиши челомъ Казанцы; Воеводамъ и Великому Князю даша пять тысячъ кораблей (знатно людей или небольшихъ судовъ). Потомъ 2) въ лѣто 6903 (1395), Великій Князь Василій Дмитріевичъ слыша измѣну Татарскую, посла брата своего Князя Юрья со всѣми Князи, и быша тамо три мѣсяцы, и поплывиша землю Татарскую, взяша градъ Болгары, Жукотинъ, Казань и Кремничукъ, и низъ много градовъ, и нигдѣ не было имъ супротивленія.»

„Въ родословной Исторіи Абулгасій Баддуръ - Хановой есть обстоятельство, по которому можно еще имѣть догадку, не отъ имени какого нибудь Татарскаго Князя (а не отъ рѣки Казанки) сей городъ Казанью именовать; ибо между потомками Загатай Хана, втораго сына Чингизова, прежде нежели говорится о Батыхъ, упоминается оъ Казань - Султана такъ, что онъ былъ Государь весьма жестокий, имѣлъ сначала весьма счастливую войну противу Амиръ - Казагана, котораго разбитъ принудилъ спастись бѣгомъ; но потомъ, когда сей Казань - Султанъ Ханъ зимовалъ въ землѣ именуемой Карши въ прѣстольную зиму, потерялъ столько лошадей, что почти вся его конница оплыла; то Казаганъ, увидѣвъ о худомъ его состояніи, напалъ на него и отплатъ у него жизнь. Могло статься, что сей Ханъ или другой Татарскій Принцъ, называвшійся Казаномъ, городъ Казань построивъ, именовать его своимъ именемъ. Но къ сему напоминанію привело меня одно то, что помяну

тѣмъ Казань-Ханъ зимовалъ въ землѣ Карни, зная что въ Башкиріи на Казанской дорогѣ со стороны Казанской подѣ Уфѣю около Бѣлой рѣки, есть особливая волость, которая до нынѣ называется Карнивскою, гдѣ студеныя зимы и глубокіе снѣга случаются не рѣдко. Варолѣвъсѣжъ паче то, что городъ Казань построена отъ Батыя, который и Саинъ-Ханомъ именовался, и по Волгѣ въ разныхъ мѣстахъ города строилъ.»

Городъ Казань былъ взятъ и разоренъ въ первый разъ Русскими, какъ выше упомянуто, при Великомъ Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, въ 1395-мъ, или, какъ повѣствуетъ Карамзинъ, въ 1399 году; но потомъ, лѣтъ сорокъ спустя послѣ того, возобновилъ Улу-Махметомъ, тѣмъ самымъ, о которомъ упомянуто въ примѣчаніи 28-мъ. Вторично Казань была взята Русскими при Іоаннѣ Васильевичѣ III въ 1487 году; а окончательно покорена и присоединена къ Русскимъ владѣніямъ Іоанномъ Грознымъ въ 1552 году.

75.) *Джагатай*, страна, лежащая за Арабскими моремъ, между рѣками Сыръ-Дерью и Амуръ-Дерью, и состоящая изъ земель Кашгарской и Мауревской. Названіе Джагатай получила она отъ Джагатай или Загатай, сына Ченгисъ-Хана, которому сей послѣдній отдалъ ее въ удѣлъ. *Мокшане* составляютъ колено Мордвы, народа Финскаго происхожденія, и живутъ нынѣ въ западной части Пензенской Губерніи, по берегу рѣки Мокши. Что Мокші Барбаро не что иное какъ Мокшане полагаютъ также и Форстеръ.

76.) *Новгородъ* отстоитъ отъ Москвы въ 515 верстахъ и приобщенъ къ Россійской державѣ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ III въ 1478 году. Здѣсь перевелъ и выраженіе поше castelli девятью замками потому, что у Барбаро слово поше значитъ всегда девять; прилагательное же *новое* пишется отъ слова *многе*. Впрочемъ по всему изволѣнію Авторъ разлѣчалъ тутъ не девять замковъ, а хотѣлъ просто передать на Итальянскій языкъ значеніе Новгорода.

77.) *Варшавъ* находится не въ Литвѣ, а въ Мазовіи. —

Что подъ встрѣчающимися у Барбаро названіями: Varzonich, Lonin (Lonici) и Mesaga должно разумѣть Варшаву, Слонимъ и Мезерицъ, въ томъ согласенъ и Форстеръ. Послѣдній городъ названъ у Контарини Messariza, а Слонимъ Lonici.

78.) Въ то время, о которомъ повѣствуетъ Барбаро, Грузіею управлялъ Царь Константинъ; *Багратъ* же (у Барб. Pangrati, а у Конт. Pangrati) былъ Царемъ Имеретинскимъ (См. Klapp. Reise in den Kauk. p. 194 u. T. I.)

79.) *Тифлисъ* находится не на Тигрѣ, а на Курѣ. А. Контарини даетъ ту же ошибку, а Марко Поло принимаетъ за Тигръ рѣку Яксартъ или Сыръ - дерью. (См. Tr. of Ma. Po. by Marsden. p. 2.)

80.) *Гори*, на рѣкѣ Курѣ въ Картлининъ, находится весьма далеко отъ моря. Но разумѣть ли здѣсь Барбаро область Гурію, которая хотя и управлялась особеннымъ владителемъ, именовавшимся Гуріелемъ, но принадлежала къ владѣніямъ Царя Имеретинскаго?

II.

АМЕРОЦИН КОУТАРНИН.

ПУТЕШЕСТВІЕ
АМВРОСІЯ КОНТАРНИИ,

ПОСЛА

СВѢТЛѢЙШЕЙ ВЕНЕЦІАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КЪ ЗНАМЕНИТОМУ ИЕРСАДСКОМУ ГОСУДАРЮ

УЗУНЪ-ГАСАНУ,

СОВЕРШЕННОВЪ 1473 ГОДУ.

Переводъ съ Италіанскаго

В. С.

IL VIAGGIO

DEL MAGNIFICO AMBROSIO CONTARINI,

**AMBASCIADORE DELLA ILLUSTRISSIMA SIGNORIA DI VINETIA AL
GRAN SIGNORE USSUNCASSAN, RE DI PERSIA, NELL'ANNO
MCCCLXXIII.**

ПРЕДУВВЕДЕНИЕ

О Т Ъ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Фамилія Контарини есть одна изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ фамилій Венеціи (а). Членамъ ея, въ знакъ особеннаго отличія, вмѣстѣ съ членами нѣкоторыхъ другихъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, предоставлено было наслѣдственное рыцарство и право носить золотые ора-ри поверхъ одежды, присвоенной всему Венеціанскому Дворянству (б). Эта фамилія дала Республикѣ 8 Дожей (в), мно-

(а) Фамилія Контарини, по мнѣнію нѣкоторыхъ Историковъ, происходитъ отъ слова *Contadino*, поселянинъ.

(б) См. *Daru Hist. de la Rep. de Venise. Livres XXXIV et XXXIX.*

(в) Вотъ имена 8 Дожей изъ рода Контарини: *Долфини* Контарини (1043 — 71); *Джакомо К.* (1275 — 80), *Андрей*

жество полководцевъ, ученыхъ, Литераторовъ и Художниковъ и даже нѣсколько Дипломатовъ, изъ числа коихъ самый замѣчательнѣйшій есть безъ сомнѣнія Авторъ предлагаемаго здѣсь путешествія.

Завоеваніе Османскими Турками Константинополя и быстрые успѣхи оружія ихъ, наводившаго ужасъ на всю Европу, принудили Венеціанскую Республику, едва ли не болѣе другихъ Державъ пострадавшую отъ дикихъ побѣдителей Византии, искать себѣ союзниковъ въ странахъ отдаленныхъ. Въ это время царствовалъ въ Персіи Узунъ-Гассанъ (г), изъ рода Турко-

К. (1361 — 82); Франческо К. (1623 — 25); Николо К. (1630 — 32); Карло К. (1655 — 56); Доминикъ К. (1659 — 74) и Луиджи К. 1676 — 83). Изъ числа ученыхъ самый замѣчательнѣйшій есть Винченцо Контарини, родившійся въ 1577 и умершій въ 1617 году. Онъ занималъ долгое время кафедру Латинской и Греческой Словесности въ Падуанскомъ Университетѣ. Между Художниками болѣе другихъ извѣстенъ Джіованни Контарини, жившій въ концѣ XVI столѣтія. Онъ писалъ въ родѣ Тиціана, — и самое лучшее его произведеніе есть плафонъ церкви Св. Франческо ди Паоло въ Венеціи. Посрединѣ представлено Воскресеніе Спасителя, а по сторонамъ Рождество Христово, Благовѣщеніе, четыре Евангелиста и двѣ исторіи, касающіяся до дома Карафа, по заказу коего произведены эти работы.

(г) Иначе называемый Гассанъ-Бесми. Контарини и Джіо-

нанскихъ Князей,—Государь, славный своими завоеваніями и равно ненавидимый Турекъ и Монголовъ. Къ нему то обратилась Венеція съ дружественными предложеніями, убѣждая объявить войну Туркамъ и обѣщая съ своей стороны значительныя денежныя пособія. Съ сею цѣлію отправлено было въ Персію нарочное Посольство, порученное сначала Катарину Зено (д); потомъ Юсафату Барбаро, извѣстному уже читателямъ нашимъ изъ

ванъ-Марія Анджіолелло (издавшій историческое свидѣніе о семь Государь) называютъ его *Usupcasan*, а І. Барбаро—*Azambai*. *Узупъ-Гассанъ* есть герой извѣстнаго Галлерова романа: *Usong*.

(д) Катаринъ Зено, по свидѣтельству Венеціанскихъ Историковъ, находился въ родствѣ съ *Узупъ-Гассаномъ*, ибо былъ женатъ на дочери Николо Креспо, Герцога Архипелагскаго, имѣвшаго въ супружествѣ дочь Трапезонтскаго владѣтеля Валенцу, сестру супруги *Узупъ-Гассана*. Зено былъ принятъ при дворѣ Персидскаго Государя весьма хорошо (1471) и описалъ свое путешествіе, которое, къ сожалѣнію, не было издано, затерялось въ рукописи. Правнукъ его, по мѣрѣ возможности, замѣнилъ эту драгоценную потерю, составилъ изъ писемъ и бумагъ Катарина краткое описаніе его путешествія, подъ заглавіемъ: *Dei commentarii del Viaggio in Persia, di M. Catarino Zeno il K. et delle guerre fatte nell' Imperio Persiano dal tempo di Usupcasano in qua, libri due.* — Сочиненіе это вышло въ первый разъ въ 1558 году и потомъ перепечатано въ 2-мъ томѣ Рамузіаса сборника на стр. 220.

предъидущаго творенія (е), и наконецъ Автору предлагаемаго здѣсь сочиненія—Амвросію Контарини. Отправившись къ мѣсту назначенія своего чрезъ Германію, Польшу, Литву, Крымъ, Мингрелію и Грузію, Контарини прибылъ 30 Октября 1474 года въ Испанію, ко двору Узунъ-Гассана, гдѣ встрѣтилъ нѣкоего Марка Россо (ж), Италіанскаго или Греческаго уроженца, присланнаго Великимъ Княземъ Іоанномъ III въ Персію, для возбужденія Узунъ-Гассана противу ненавистнаго имъ обонимъ Ха-на большой орды Ахмата, и Болонскаго мо-

(е) І. Барбаро описалъ путешествіе свое въ Персію, но въ ономъ ничего не сказано о цѣли, для которой онъ былъ отправленъ къ Узунъ-Гассану. Контарини, по прибытіи своемъ въ Испанію, засталъ еще тамъ Барбаро и даже прежде его возвратился въ отечество.

(ж) Въ изданіи 1543 года напечатано вездѣ Marco Rosso. Геудеръ и Бержеронъ приняли слово rosso въ значеніи *рыжий*, тогда какъ скорѣе можно полагать, что Контарини подъ этимъ словомъ разумѣлъ собственно Русскую націю, къ которой вѣроятно принадлежалъ Маркъ. Карамзинъ также называетъ его Маркъ Русо и считаетъ Греческимъ или Италіанскимъ уроженцемъ. Это произошло отъ того, что почтенный Исторіографъ нашъ не имѣлъ въ рукахъ Италіанскаго подлинника путешествія Контарини, а слѣдовалъ Бержеронову переводу (см. И. Г. Р. Т. VI. пр. 137), который, равно какъ и Геудеровъ, весьма невѣренъ. См. ниже прим. (и).

наха Лудовика, называвшаго себя Патріархомъ Антиохійскимъ и Посломъ Герцога Бургундскаго. Провѣдавъ, что Кафа завоевана уже Турками, и полагая, что возвращеніе въ Италію прежнимъ путемъ будетъ весьма опасно, Контарини, послѣ многихъ бѣдствій, присоединился къ свитѣ Марка Россо и Персидскаго посла, отправлявшагося тогда въ Россію по волѣ Узунъ-Гассана, и прибылъ съ ними въ Москву, гдѣ былъ представленъ Великому Князю Іоанну III, который принялъ его весьма ласково и отпустилъ въ отечество съ богатыми дарами (з).

Путешествіе Амвросія Контарини было въ первый разъ издано въ Венеціи въ 1483 году (и), потомъ вмѣстѣ съ путешествіемъ Барбаро напечатано Альдусомъ въ 1543 году, и наконецъ уже перепечатано

(з) См. Карамз. Истор. Госуд. Рос. Т. VI. Глава 2.

(и) Къ сожалѣнію это изданіе (въ листъ) весьма рѣдко и не находится ни въ одной изъ здѣшнихъ Библіотекъ. Французскій переводъ Контарини помѣщенъ въ Бержероновомъ Сборникѣ (Pierre Bergeron, Voyages, faits principalement dans les XII, XIII, XIV et XV siècles), а Латинскій, сдѣланный I. Геудеромъ еонъ Герольцбергромъ, въ *Rerum Persicarum historia*. Francf. 1601.

изъ Рамузіевомъ Сборникѣ, изъ котораго мы его заимствовали. Свѣденія, сообщенныя Авторомъ о Россіи, гораздо полнѣе и занимательнѣе тѣхъ, которыя І. Барбаро помѣстилъ въ своемъ путешествіи, ибо Контарини пробылъ въ Москвѣ 4 мѣсяца, и следовательно могъ короче ознакомиться съ нравами народа и обычаями Двора нежели Барбаро, посѣтившій столицу Отечества нашего только заѣздомъ и неимѣвшій времени подробно разсмотрѣть то, что могло въ ней быть замѣчательнаго.

Можетъ быть многими изъ читателей нашихъ покажется страннымъ, какимъ образомъ Контарини, выѣхавъ изъ Венеціи 23 Февраля 1473 года и не останавливаясь нигдѣ въ пути, прибылъ въ Ниренбергъ 10 Марта 1474 года. Эта загадка разрѣшается тѣмъ, что Авторъ нашъ, какъ видно изъ самаго его путешествія, начинается годъ свой не съ 1-го Января, а съ 1-го Марта.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

О Т Ъ

СОЧИНИТЕЛЯ.

Бывъ назначенъ Свѣтлѣйшимъ Правительственнымъ Совѣтомъ Республики ¹⁾ въ званіе Посла къ знаменитому Персидскому Государю Узунъ-Гассану, я, Амвросій Контарини, сынъ Бенедетто Контарини ²⁾, принявъ во уваженіе желаніе Свѣтлѣйшей Республики и общее благо Христіанскаго міра, рѣшился, съ помощію Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятой Его матери, отправиться къ мѣсту назначенія моего, не смотря на всю трудность даннаго мнѣ порученія и опасность продолжительнаго пути.

Полагая, что описаніе долговременнаго моего странствія можетъ принести нѣкую пользу и удовольствіе потомству, я вознамѣрился рассказать (съ возможною впрочемъ краткостію) все случившееся со мною

въ пути, съ самаго дня отбытія изъ Венеціи (23 Февраля 1473 года) до возвращенія моего въ отечество (10 Апрѣля 1477). При семъ я не премину сообщить читателямъ моимъ то, что извѣстно мнѣ о странахъ, областяхъ и городахъ, чрезъ которыя я проѣзжалъ, а также о нравахъ и обычаяхъ жителей.

ПУТЕШЕСТВІЕ

**Алѣросія Контарини, Посла Свѣтлѣйшей
Венеціанской Республѣки къ знаменитому
Персидскому Государю Узунъ - Гассану,
совершенное въ 1473 году.**

Г Л В В А І.

Свѣтлѣйшій Посолъ отправляется изъ Венеціи, и
миссіею въ Германію, Польшу, Малороссію (Ros-
sia bassa) и великую степь Татаріи, прѣизмаетъ
въ Казу.

23-го Февраля 1473 года отправился я изъ Отъѣздъ изъ Венеціи.
Венеціи съ свитою своею, состоявшею изъ
Преподобнаго Отца Стефана Тесты, находив-
шагося при мнѣ въ званіи Духовника и Се-
кретаря, изъ переводчика Димитрія Сетинска-
го и двухъ служителей: Матвія Бергамскаго
и Венгерскаго уроженца Іоанна (Zuanne Unga-
retto). Всѣ мы пятеро были одѣты въ длинное
платье Нѣмецкаго покроя, а деньги, взятые

нами на дорогу, зашилъ я изъ предосторожности въ свой камзолъ и въ платье означеннаго отца Стефана, что было впрочемъ для обоихъ насъ нѣсколько безпокойно. Сѣвъ съ четырьмя товарищами моими въ лодку, поплылъ я сначала къ монастырю Св. Михаила Муранскаго, гдѣ, отслушавъ обѣдню и приложившись къ Животворящему Кресту, отправился съ благословеніемъ настоятеля прямо къ Местрѣ. Тутъ было приготовлено для насъ пять лошадей. Мы сѣли на нихъ и съ именемъ Божиимъ пустились по дорогѣ къ Треви-зѣ, до которой, не смотря на всѣ старанія мои, не могъ я ни за какія деньги достать проводника.

Конильяно. 24-го числа прибыли мы въ Конильяно, гдѣ я почелъ за нужное, предъ отправленіемъ въ дальнѣйшій, опасный путь, исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ и приобщиться Св. Тѣла, что и исполнилъ весьма усердно.

26-го числа поутру оставили мы Конильяно и, при самомъ выѣздѣ оттуда, встрѣтили Нѣмца, по имени Себастіана, который объявилъ намъ, что ѣдетъ по одной съ нами дорогѣ, знаетъ хорошо меня и цѣль моего путешествія и охотно бы желалъ сопутствовать намъ до Ниренберга. Принявъ его за посланника Божія, мы всѣ шестеро пустились въ путь и, нигдѣ не останавливаясь, въѣхали въ

Германию, гдѣ по дорогѣ встрѣчали множество красивыхъ городовъ и замковъ, принадлежащихъ разнымъ владѣтелямъ и Епископамъ и признающихъ надъ собою верховную власть Святѣйшаго Императора (Serenissimo Imperadore). Изъ всѣхъ этихъ городовъ наиболее понравился мнѣ Аугсбургъ (Auszpurch). Миновавъ Аугсбургъ. Берцемсюрхъ (Bergemsyurch⁵), укрѣпленный городъ, принадлежащій Императору, мы, въ пяти миляхъ отъ онаго, разстались съ товарищемъ нашимъ Себастьяномъ, долженствовавшимъ свернуть на Франкфуртъ, и при прощаніи крѣпко обняли другъ друга.

10-го Марта 1474 прибыли мы въ Нирен-Ниренбергъ (Noringbergo), отменно красивый городъ, съ укрѣпленнымъ замкомъ, посреди коего протекаетъ рѣка. Развѣдывая о проводникѣ для дальнѣйшаго пути, узналъ я случайно отъ хозяина моего, что въ Ниренбергъ проживаютъ два Посла Короля Польскаго, съ которыми онъ совѣтывалъ намъ ѣхать вмѣстѣ. Это извѣстіе такъ обрадовало меня, что я тотъ же часъ отправилъ отца Стефана объявить означеннымъ посламъ, кто я таковъ, и просить о дозволеніи переговорить съ ними. Получивъ въ отвѣтъ, что могу посѣтить ихъ, когда мнѣ заблагоразсудится, я немедленно отправился къ нимъ въ домъ, и по прибытіи туда, узналъ, что одинъ изъ сихъ Пословъ, принад-

лежавшихъ къ числу знатнѣйшихъ Сановниковъ Его Величества, былъ Архіепископъ, а другой — Дворянинъ (Cavalier), по имени Павелъ. Послѣ первыхъ привѣтствій объявилъ я имъ, что имѣю довѣрительныя грамоты къ нимъ Королю; и они, не смотря на мое одѣяніе, обошлись со мною весьма почтительно и охотно приняли въ свое сообщество. Во ожиданіи ихъ отъѣзда пребылъ я въ Ниренбергѣ до 14 числа.

14-го Марта отпавились мы далѣе, въ сопровожденіи означенныхъ пословъ, и еще Посланника Богемскаго Короля, младшаго сына Короля Польскаго⁴). Составляя вмѣстѣ отрядъ изъ шестидесяти всадниковъ, мы такимъ образомъ проѣхали чрезъ всю Германію, останавливаясь по временамъ въ прекрасныхъ селеніяхъ; большею же частію въ городахъ и замкахъ, которыхъ здѣсь весьма много и которые заслуживаютъ вниманіе по красотѣ и крепости своей. Но такъ какъ страна сія извѣстна уже почти каждому изъ читателей, или по собственнымъ наблюденіямъ, или по наслышкѣ, то я и не намѣренъ распространяться здѣсь болѣе о ея городахъ и замкахъ, а скажу только, что съ 14-го по 25-е число ѣхали мы постоянно чрезъ владѣнія Маркиза Бранденбургскаго, Герцога Саксонскаго, и прибыли наконецъ въ красивый и укрѣпленный городъ

Франкфуртъ, принадлежащій также означен- Франкфуртъ.
ному Маркизу, и находящійся на границѣ
Германіи и Польши. Тутъ пробыли мы до 29
числа, во ожиданіи прибытія воору-
женнаго отряда, отряженнаго Маркизомъ для сопро-
вожденія Польскихъ Пословъ до владѣній ихъ
Короля. Отрядъ этотъ, какъ слѣдуетъ, прибылъ
въ отличномъ порядкѣ.

31-го числа прибыли мы въ Мезерицъ Мезерицъ.
(Meseritz⁴), первый городъ Королевства Поль-
скаго. Онъ не великъ, но довольно красивъ и
имѣетъ небольшую крѣпостцу.

2-го Апрѣля 1474 достигли мы Познани Познань.
(Posna), не встрѣтивъ на пути своемъ ничего
особенно замѣчательнаго. Городъ сей заслу-
живаетъ вниманіе какъ по красотѣ улицъ и
домовъ своихъ, такъ равно и по множеству
живущихъ въ немъ купцовъ.

3-го числа пустились мы изъ Познани да-
лѣ къ тому мѣсту, гдѣ надѣялись найти Ко-
роля, и по дорогѣ не видали никакихъ осо-
бенно замѣчательныхъ городовъ или замковъ.
Самые даже здѣшніе постоялые дворы весьма
отличны отъ Германскихъ гостинницъ.

9-го числа, въ Страстную Субботу, при- Ленчица.
были мы въ городъ, именуемый Ленчицею
(Lanczia), гдѣ находился тогда Его Величество
Казимиръ, Король Польскій. Онъ выслалъ къ
намъ на встрѣчу двухъ своихъ дворянъ и при-

Ч. I. А. Контарини.

казалъ отвести для насъ приличную квартиру, которая по тамошнему мѣсту была довольно хороша. Такъ какъ слѣдующій день былъ первымъ днемъ Пасхи, то я и не посмѣлъ представиться Его Величеству.

11-го числа поутру Король прислалъ мнѣ черное камковое платье, въ которомъ я долженъ былъ явиться ко двору. Надѣвъ его, по принятому въ той странѣ обычаю, отправился я, въ сопровожденіи многихъ значительныхъ особъ къ Его Величеству и, послѣ обычныхъ привѣтствій и преклоненій, поднесъ ему грамоту Свѣтлѣйшей Республики, объяснивъ притомъ причину моего посольства. Королю угодно было оставить меня обѣдать вмѣстѣ съ собою и тутъ я удостовѣрился, что Польскій столъ почти ни въ чемъ не различается отъ нашего, изобилуя разными кушаньями, отменно хорошо приготовленными. По окончаніи обѣда, откланявшись Его Величеству, возвратился я въ свое жилище.

13-го числа Король вторично прислалъ за мною и на все то, что я передалъ ему накануне отъ имени Свѣтлѣйшей Республики, отвѣчалъ въ самыхъ ласковыхъ и благосклонныхъ выраженіяхъ. Это удостовѣрило меня въ справедливости общаго мнѣнія, что давно уже не было въ Польшѣ такого праведнаго Государя. За симъ приказалъ онъ

мнѣ дать двухъ проводниковъ: одного для Польши, а другаго для Малороссіи, вплоть до самаго Кіева (Chio) или Маграмана (Magman⁶), города, лежащаго внѣ владѣній Его Величества, въ Россіи. Отблагодаривъ надлежащимъ образомъ Короля отъ имени Свѣтлѣйшей Республики, я распростился съ нимъ.

14-го числа выѣхали мы изъ Ленчицы, въ сопровожденіи помянутыхъ проводниковъ, и продолжали путь свой по странѣ ровной и мѣстами покрытой лѣсомъ. Повсюду находили мы ночлеги, изъ коихъ нѣкоторые были довольно порядочны, а другіе же совсѣмъ хороши. Вообще Польша показалась мнѣ не слишкомъ богатою землею.

19-го числа прибыли мы въ городъ Лю-Любанъ. бливъ (Lumberli). Онъ довольно красивъ и имѣетъ крѣпостцу, въ которой находились тогда четыре сына Его Величества. Старшему изъ нихъ казалось не болѣе 15 лѣтъ, а остальные были всѣ погоды. Они жили тутъ подъ наблюденіемъ весьма почтеннаго наставника. Узнавъ, что ихъ Высочествамъ было угодно (вѣроятно по приказанію ихъ родителя) видѣть меня, я поспѣшилъ исполнить ихъ желаніе, — и одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ меня въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно доказывали уваженіе, питаемое ими къ своему наставни-

ку. Отвѣчая приличнымъ образомъ, я откланялся Ихъ Высочествамъ и простился съ ними.

20-го Марта выѣхалъ я изъ Польши и вступилъ въ Малороссію, подвластную также Польскому Королю. Вплоть до 23 числа ѣхали мы почти непрерывно лѣсомъ, останавливаясь для отдыха въ небольшихъ замкахъ, то въ селеніяхъ, — и наконецъ прибыли въ Луцкъ (Lutsch), городъ, имѣющій довольно хорошую, хотя и деревянную крѣпость, гдѣ и оставались до 24-го числа съ нѣкоторымъ опасеніемъ; ибо все жители, по случаю бывшей тамъ свадьбы, напились до пьяна и легко могли оскорбить насъ. Здѣсь вообще не пьютъ вина, но употребляютъ напитокъ, сдѣланный изъ меда и который гораздо хмѣльнѣе вина.

Житомиръ. 25-го числа выѣхали мы изъ Луцка и къ вечеру того же дня прибыли въ Житомиръ (Aiomir), укрѣпленный городъ, въ которомъ все вообще строеніе деревянное. Отправившись оттуда въ дальнѣйшій путь, ѣхали мы весь день 29 числа лѣсомъ, крайнѣ опаснымъ по причинѣ всякаго рода бродягъ, его наполняющихъ, а къ ночи, не найдя нигдѣ мѣста для ночлега, принуждены были остановиться въ лѣсу, безъ пищи, и содержать для предосторожности караулъ.

Бѣлгрозъ. 30-го числа прибыли мы въ Бѣлгрозъ (Belgrosh¹) бѣлый замокъ, съ Королевскимъ

Его Величество повелѣлъ ему чествовать и охранять меня отъ всякой опасности и сверхъ того доставить мнѣ способы для свободнаго проѣзда въ Кафу чрезъ Татарскую стѣну. Отблагодаривъ его за дружеское предложеніе, я спросилъ, какимъ же образомъ думаетъ онъ выполнить это приказаніе, и получилъ въ отвѣтъ, что въ Кіевѣ ожидаютъ прибытія Литовскаго Посла, отправляющагося съ дарами къ Татарскому Хану (Imperadore), который долженъ выслать 1200 всадниковъ для охраненія его въ пути. Этого то Посла Пана Мартинъ совѣтовалъ мнѣ дожидаться въ Кіевѣ, дабы вмѣстѣ съ нимъ безопасно проѣхать чрезъ всю стѣну. Я обещалъ послѣдовать его совѣту и послѣ того мы отправились къ столу, весьма изобильному и богато убранному для принятія меня. Съ нами вмѣстѣ обѣдали: Епископъ (братъ Пана Мартина) и нѣсколько дворянъ. За столомъ, въ продолженіе котораго пѣли пѣвчіе, просидѣли мы очень долго, къ крайнему моему неудовольствію, ибо отдыхъ былъ для меня всего нужнѣе. Немедленно послѣ обѣда простился я съ хозяиномъ моимъ и отправился изъ крѣпости (которая вообще вся деревянная и гдѣ находился домъ Пана Мартина) въ городъ, на свою квартиру. Кіевъ омывается рѣкою, которую жители называютъ Днѣпромъ (Danapre), а мы зовемъ Лерессою

(Lemisse) и которая впадаетъ въ Черное море. Пробывъ тутъ 10 дней, въ ожиданіи означеннаго Посла, мы, немедленно по прибытіи его, собрались въ путь и въ самый день отъезда нашего отслушали въ вѣсъ обѣдиню. По окончаніи оной, Павъ Мартинъ подвелъ меня къ Послу, который уже былъ предвѣренъ обо мнѣ, и соединивъ руки наши, примолвилъ съ жаромъ: «онъ для насъ то же самое, что особа нашего Короля, и посему ты обязанъ въ сохранности довести его до Кафы.» Посолъ отвѣчалъ на это, что воля Его Величества дороже для него собственной головы и потому все то, что случится со мною, не минуетъ и самого его. Послѣ сихъ словъ мы распростились съ Павномъ Мартиномъ, котораго я отблагодарилъ, сколько умѣлъ и могъ, за его попеченія. И действительно во время пребыванія нашего въ Кіевѣ, онъ весьма часто навѣщалъ меня и безпрестанно присылалъ разные припасы. При разставаніи я подарилъ ему Нѣмецкаго иноходца, находившагося въ числѣ тѣхъ лошадей, на которыхъ мы выѣхали изъ Местры; остальныхъ же, за негодностью, велѣлъ бросить и взять на ихъ мѣсто туземныхъ лошадей. Проводниковъ Его Королевскаго Величества, которые во все время пути были къ намъ очень внимательны, отблагодарилъ я также причиннымъ образомъ.

11-го числа отправились мы въ путь, вмѣстѣ съ означеннымъ поеломъ. Я ѣхалъ въ той самой повозкѣ, въ которой прибылъ изъ Лемчицы въ Кіевъ; ибо, по причинѣ боли въ ногѣ, никакъ не могъ сѣсть на лошадь. Достигнувъ селенія, именуемаго Черкасы (Сержас⁸) и принадлежащаго также Его Величеству Королю, мы пробыли тутъ до 15 числа, т. е. до появленія ожидаемаго нами отряда Татаръ, и потомъ, въ сопровожденіи ихъ, пустились далѣе по степи.

15-го числа достигли мы берега рѣки, выше сего мною упомянутой (Днѣпра), черезъ которую намъ надлежало переправиться. Она служить съ этой стороны границею между Польшею и Татаріею и, при значительной глубинѣ своей, имѣетъ болѣе миль въ ширину. По прибытіи къ ней, Татары немедленно принялись рубить деревья, которыя связавъ вмѣстѣ, прикрыли хворостомъ, и потомъ положили на нихъ всю нашу поклажу, а сами спрыгнули въ воду, таща за узды лошадей своихъ, къ хвостамъ коней плоты были привязаны веревками. Мы сѣли на эти суда и, погнавъ лошадей, съ помощію Бежіею переправились такимъ образомъ черезъ рѣку. Достигнувъ противоположнаго берега, выгрузили мы поклажу свою и расположились провести тутъ весь остатокъ дня. Многіе изъ Татарскихъ

Переправа
черезъ
Днѣпръ.

начальниковъ во время этого привала весьма пристально разглядывали меня и долго разсуждали между собою. Отдохнувъ надлежащимъ образомъ, отправились мы далѣе чрезъ пространную степь и во все время пути нашего терпѣли большую нужду. При переездѣ чрезъ одинъ лѣсокъ, Посоль сообщилъ мнѣ посредствомъ своего переводчика, что Татары положили между собою непремѣнно отвѣсти меня къ своему Хану, ибо, по словамъ ихъ, таковъ человекъ, какъ я (они уже прозвѣдали о моемъ званіи), не могъ пріѣхать въ Кафу, не бывъ предварительно представленъ Хану. Услышавъ о намѣреніи ихъ, я крайне огорчился и сталъ упрямивать переводчика, дабы онъ отклонилъ это рѣшеніе, припоминая ему все то, что Посоль обѣщалъ на счетъ мой Пану Мартину, а чрезъ его посредство и самому Королю, — и предлагая ему сабю въ награду за его ходатайство. Онъ обѣщалъ исполнить мое желаніе и старался всеми мѣрами успокоить меня; по возвращеніи же къ наслю, сообщилъ ему весь разговоръ нашъ, а самъ, подѣвъ къ Татарамъ и начавъ пить вмѣстѣ съ ними, уварилъ ихъ, что я Генуэзецъ и уладилъ это дѣло за 15 червонцевъ. Должно признаться, что все это время я находился въ крайнемъ безпокойствѣ. Съ 15 по 24-е число ѣхали мы безъ остановки по степи, пре-

Татарская
степь.

терпѣвая во всемъ большую нужду (однажды нѣцки сутки провели мы безъ воды) и наконецъ прибыли къ мѣсту, отъ котораго Посолъ долженъ былъ свернуть въ сторону, для прѣзда къ Хану, находившемуся тогда въ крѣпости Керкеръ (Chercher⁹). На прощаньи далъ онъ мнѣ въ проводники одного Татарина и такимъ образомъ мы разстались съ нимъ. Оставшись одинъ, я, не смотря на трудности, мнѣ предстоявшія, и даже на опасеніе, чтобы Татары не послали за нами погоню, былъ очень радъ, что разстался съ этими проклятыми собаками, отъ которыхъ такъ несло кобылатиной, что нельзя было даже подойти къ нимъ. По отъѣздѣ посла, мы, сошутствующие проводникомъ нашимъ, пустились далѣе, а къ вечеру остановились ночевать на степи, посреди нѣсколькихъ Татарскихъ повозокъ, которыя у нихъ покрываются войлокомъ. Немедленно по прибытіи нашемъ, множество Татаръ собралось вокругъ насъ съ разспросами, кто мы таковы? Услышавъ же отъ переводчика, что я Генуэзецъ, они тотчасъ стали угощать меня кнслымъ молокомъ.

Прибытіе
въ Кафу.

26-го числа, еще до разсвѣта, пустились мы далѣе и около вечерни прибыли въ городъ Кафу, благодаря Всемогущаго Бога, избавившаго насъ отъ столькихъ опасностей. Остановившись возлѣ одной церкви, я немедленно

отправил моего переводчика для отысканія Консула нашего, который тотъ же часъ прислалъ ко мнѣ брата своего съ просьбою, дабы я дождался до вечера и потомъ тайкомъ прокрался въ его жилище. Въ назначенный часъ явился я къ нему въ домъ и былъ принятъ откровенно и пріятливо. У него нашли мы посланника отъ Святѣйшей націи Респу-блики, Г. Павла Онѣибена, который тремя мѣсяцами прежде меня выѣхалъ изъ Венеціи.

ГЛАВА II.

Святѣйшій Посолъ отправляется изъ Каамъ, переплываетъ чрезъ Черное море, прѣзжаетъ въ Фазисъ (Фазо^{1°}), и потомъ чрезъ Мингрелію, Грузію и часть Арменіи descende владѣній Узунъ-Гаосана.

Я не могу сообщить здѣсь ничего особеннаго о городѣ Кааѣ, ибо, во все пребываніе мое въ ономъ, никуда почти не выходилъ изъ дома, страхась быть узнаннымъ, а потому и скажу о немъ только то, что мнѣ удалось видѣть самому или слышать отъ другихъ. Городъ сей стоитъ на берегу Чернаго моря (mare maggiore), производитъ значительную торговлю, населенъ жителями всѣхъ извѣстныхъ намъ странъ и славится богатствомъ своимъ. Намѣреваясь отправиться

Прѣбываніе
въ Кааѣ.

изъ Кафы прямо въ Фазисъ, я иѣхалъ для переѣзда своего корабль, принадлежавшій Антонию ди Вальдата и находившійся въ Азовскомъ морѣ; до котораго надлежало намъ ѣхать верхомъ. Лишь только успѣлъ я условиться съ хозяиномъ корабля, какъ явился ко мнѣ одинъ Армянинъ, по имени Морахъ, возвращавшійся изъ Рима, куда онъ ѣздилъ посломъ отъ Узунъ-Гассана, вмѣстѣ съ другими престарѣлыми Армяниномъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ отправиться не въ Фазисъ, а въ другое мѣсто, называемое Тиною¹⁾ (la Tina)) и отстоящее на сто миль отъ Трапезонта, города, подвластнаго Оттоманамъ, увѣряя, что оттуда черезъ четыре часа можно достигнуть замка нѣкоего Аріама, подданнаго Узунъ-Гассана, — и что въ самой Тинѣ, состоящей изъ одной только Греческой крѣпостцы, я буду совершенно безопасенъ.

Отъѣздъ изъ
Кафы.

3-го Іюня 1474 отправился я съ Консуломъ нашимъ изъ Кафы и на слѣдующій день прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ находился нашъ корабль, за который условился я сначала заплатить только 70 червонцевъ, но потомъ, по причинѣ перемѣны пути, долженъ былъ прибавить еще 30. Сверхъ сего извѣстившись, что въ томъ мѣстѣ, къ которому надлежало намъ пристать, невозможно найти лошадей, я взялъ съ собою еще девять заводныхъ,

какъ для проводниковъ своихъ, такъ равно и для перевоза припасовъ во время пути нашего чрезъ Мингрелію и Грузію.

15-го числа, по приводѣ лошадей на корабль, снялись мы съ якоря и вошли въ Черное море, поплыли при попутномъ вѣтрѣ прямо къ Тинѣ. Мы уже были отъ нее въ разстояніи 20 миль, хотя еще не могли ее видѣть, какъ вдругъ вѣтеръ повернулъ къ западу и изъ попутнаго сдѣлался противнымъ, что однако не препятствовало намъ держаться предполагаемаго пути. Между тѣмъ замѣтивъ, что матрозы толкуютъ о чемъ то между собою и любопытствуя знать предметъ ихъ разговора, я обратился къ нимъ съ вопросомъ, на который они отвѣчали мнѣ, что хотя готовы исполнить въ точности мои приказанія, но страшатся послѣдствій; ибо мѣсто, къ которому я назначилъ имъ идти, весьма опасно. Удостоверившись изъ разсказа ихъ, сколь велика была ко мнѣ благодѣтельность Господа Бога, не хотѣвшаго гибели моей, я рѣшился оставить прежній планъ свой и отправиться не къ Тинѣ, а чрезъ Вати (Liatî) прямо въ Фазисъ (Fazo). Чрезъ нѣсколько времени погода переѣнилась и мы, при попутномъ вѣтрѣ, поплыли къ мѣсту назначенія своего.

Переѣзжа
пути.

29-го числа прибыли мы въ Вати (Varti), В а т и, гдѣ, по причинѣ болѣзни лошадей моихъ, вы-

нужденъ я былъ высадить ихъ на берегъ и отправить сухимъ путемъ въ Фазисъ, до котораго оставалось не болѣе 60 миль. Въ Вати встрѣтились мы съ однимъ Бернардинскимъ монахомъ, братомъ Антонія ди Вальдата, который, пріѣхавъ къ намъ на корабль и услышавъ о прежнемъ намѣреніи моемъ ѣхать въ Тину, объявилъ намъ, что, по прибытіи туда, всѣ мы неминуемо попались бы въ плѣнъ, ибо въ Тинѣ находился Турецкій военачальникъ (Sobassi¹³) съ значительнымъ отрядомъ конницы, присланный по обычаю Оттомановъ для осмотра тамошней области. Вати, — небольшой городокъ съ крѣпостью, — принадлежитъ одному Мингрельскому владѣтелю, по имени Горболъ (Gorbola), который на берегу Чернаго моря владѣетъ еще другимъ, также незначительнымъ городкомъ — Кальтихеею (Caltichea¹⁴), производящимъ торгъ шелкомъ, грубымъ полотномъ и отчасти воскомъ. Жители Вати вообще очень бѣдны.

Р. Фазисъ. 1-го Іюля 1474 года прибыли мы къ устью Фазиса и были встрѣчены лодкою, наполненною Мингрелами съ самыми глупыми лицами и ужимками. Мы пересѣли на нее и вошли въ устье рѣки, гдѣ, при самомъ входѣ, представился нашимъ взорамъ островъ, на которомъ, по преданію, царствовалъ въ древности Оатесъ, отецъ ядосмѣстельницы Меден¹⁵).

Тутъ мы провели ночь, но не могли сомкнуть глазъ, по причинѣ большого количества мошекъ, сильно насъ беспокоившихъ.

2-го числа поутру, отправившись вверхъ Г. Фазиса, по рѣкѣ, прибыли мы въ городъ, именуемый Фазисъ (Азо¹⁶). Онъ окруженъ рощами и стоитъ на самомъ берегу рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ въ ширину около двухъ перелетовъ стрѣлы. Вышедъ на берегъ, отискалъ я нѣкоего Модонскаго уроженца, по имени Николо Капелло, поселившагося здѣсь и выдававшего себя за жителя Мекки¹⁷) и Черкешенку Марфу, находившуюся прежде въ невольницахъ у одного Генуэзца и вышедшую потомъ за мужъ также за Генуэзца. Я остановился въ домѣ этой женщины и совершенно былъ доволенъ ея приѣмомъ. Въ Фазисѣ пробыли мы до 4-го числа. Городъ сей принадлежитъ къ Мингрелін и находится подъ управленіемъ ея Государя, называемаго Бендіа-номъ, коего владѣнія не слишкомъ обширны, ибо имѣютъ въ ширину не болѣе трехъ дней пути; да и это пространство большею частію покрыто лѣсомъ и горами. Мингрелы — народъ самый грубый и невѣжественный. Они бръютъ головы, на подобіе нашихъ монаховъ (Frati minori). Страна ихъ не слишкомъ обильна хлѣбомъ (въ особенности тамъ сѣютъ мало пшеницы) и производитъ небольшое ко-

личество плохого вина. Главнѣйшая пища Мингреловъ состоитъ изъ скверной и густой похлебки, на подобіе нашей поленты (polenta¹⁸); женщины же у нихъ ѣдятъ еще хуже. Вообще жизнь этого народа была бы самая жалкая, если бы по временамъ не привозили въ Мингрелію соли изъ Кафы и вина и соленой рыбы изъ Трапезонта. Вся промышленность жителей Фазиса заключается въ выдѣлкѣ небольшого количества грубаго полотна и въ добываніи воска, но при большемъ трудолюбіи они легко бы могли улучшить бытъ свой ловлею рыбы, которой въ рѣкѣ водится весьма много. Мингрелы всѣ вообще Христіане, хотя и преданы расколамъ, и исповѣдуютъ вѣру Греческую.

4-го числа выѣхали мы изъ Фазиса, въ сопровожденіи означеннаго Н. Капеллы, котораго я взялъ себѣ въ проводники, и въ тотъ же день переправились на лодкѣ чрезъ небольшую рѣчку Мацо (Mazo).

Пробытіе къ
Бендіану.

5-го числа продолжали мы путь свой по горамъ и лѣсамъ и вечеромъ того же дня прибыли въ небольшую равнину, гдѣ Бендіанъ, Государь Мингреліи, находился тогда со всѣмъ дворомъ своимъ. Я послалъ немедленно означеннаго Николо объявить Его Свѣтлости, что желаю представиться ему и, получивъ на то позволеніе, отправился въ долину, гдѣ увидѣлъ

Бендіана, сидящаго подъ деревомъ, на ковръ, мѣстѣ съ оупругою своею и нѣсколькими дѣтьми. Онъ посадилъ меня на семяно. возле себя и на всѣ привѣтствія мои, которыя я подѣлилъ приличными дарами, отвѣчалъ только: Добро пожаловать! Испросилъ у него проводника, и откланялся и возвратился въ селѣ своей. Возвѣдъ за собой онъ принесъ мнѣ въ подарокъ свиную голову, нѣсколькихъ худо спаренной гондими и жемчуга гиндигаго мяса. Все это по необходимости должны мы были употребить въ пищу и, во ожиданіи проводника, пребыли тутъ нѣкій день. Разница эти устья деревьями, въ родѣ бука (но гораздо выше), которыя совершенно равны между собою и составляютъ рядъ аллей по обѣимъ сторонамъ дороги. Бендіану не болѣе 50 лѣтъ; онъ довольно видный мужчина, но обращеніе его и ужимки весьма странны.

2-го числа пустыней мы далѣе и, продолжая путь свой по доламъ и горамъ, прибыли на другой день въ рѣку, составляющую границу между Минграліею и Грузіею (Giorgiana). Тутъ мы остались дожидать на небольшомъ свѣжемъ лужкѣ и принуждены были голодать во всю ночь; ибо не имѣли при себѣ почти никакой пищи.

3-го числа достигли мы Кутанса (Cota-Кутансь).
Ч. I. А. Контарини.

снѣ?), небольшого городка съ каменною крѣпостію, построеннаго на горѣ, и въ которой находится церковь, повидимому очень древняя. Переправившись по мосту чрезъ довольно большую рѣку, остановились мы на лугу, гдѣ вѣстрѣенъ дворецъ Грузинскаго Царя Баграта (Баграти), коему принадлежитъ городъ Кутаиси и, по приглашенію Губернатора, остановились въ этомъ дворцѣ. Тутъ пробыли мы до 11 числа, отъѣзжаемые безпрерывно приходившими къ намъ Грузинами, которые столь же

Обѣдъ у
Губернатора.

гостили насъ. Мингрелы. Бывъ приглашенъ Губернаторомъ къ обѣду, я отправился къ нему съ некоторыми особами, свѣтлы моей. По прибытіи въ комнату, гдѣ находился хозяинъ съ гостями своими, мы усадились на полу, возлѣ него и передъ нами вѣсто скатерти разослали кожу, которая такъ была жирна, что сала, находившагося на ней, было бы достаточно для наполненія цѣлаго котла. Противъ меня положили кусокъ хлѣба, рѣпы, нѣсколько мяса, приготовленнаго на Грузинскій вкусъ, и другой подобной дряни. Между тѣмъ чаша съ виномъ безпрестанно ходила вокругъ стола и собесѣдники наши, безъ стыда напивавшіеся ею, старались всѣми силами напоить также и меня до пьяна. Отказъ мой возбудилъ въ нихъ большое негодование, и я съ трудомъ могъ уйти отъ Губернатора; выпросивъ у него од-

нако предъ растаніемъ нашимъ проводника до того мѣста, гдѣ находился Царь Багратъ.

12-го числа выѣхали мы изъ Кутаиса и, Скандеръ, продолжая путь свой, чрезъ лѣса и горы, уже поздно вечеромъ остановились, по приглашенію проводника, на небольшомъ лужкѣ возлѣ замка Скандера (Scander), расположеннаго на горѣ и служившаго тогда мѣстопробываніемъ Царю Баграту. Проводникъ нашъ вызвался извѣстить Государя своего о моемъ прибытіи, обѣщая возвратиться въ скоромъ времени и привести съ собою другаго проводника, который бы сопутствовалъ намъ чрезъ всю Грузію. По отбытіи его, мы остались одни среди лѣса, томимые голодомъ и жаждой и окруженные всѣми ужасами ночнаго мрака. Рано утромъ проводникъ нашъ возвратился, въ сопровожденіи двухъ Царскихъ писцовъ, которые объявили мнѣ, что Царь ихъ отправился въ Кутаисъ, а ихъ прислалъ для описи всего нашего имуществъ, дабы чрезъ то устроить затрудненія и препятствія, могущія встрѣтиться намъ во время дальнѣйшаго пути чрезъ его владѣнія. Въ слѣдствіе такого объясненія они потребовали, дабы я непременно показалъ имъ всѣ наши пожитки и даже вздумали описывать дѣлать, бывшее на мнѣ; по окончаніи же описи объявили, что мнѣ одному вѣдно вѣсть съ ними ѣхать къ Государю ихъ, и уви-

дѣль, что я не охотно повинуюсь этому приказанію, принялись бранить меня. Послѣ продолжительныхъ споровъ дозволено мнѣ было однако взять съ собою моего переводчика, и вы оба, съѣвъ на лошадей, отправились, совершенно на тощакъ, вмѣстѣ съ назначенными писцами, въ Рутансь, гдѣ находился тогда Царь Баграць. По прибытіи туда, я долженъ былъ дожидаться подѣ деревомъ дальнѣйшихъ приказаній и такимъ образомъ провелъ всю ночь, не имѣя для утоленія своего голода ничего, кромѣ небольшого количества присланнаго мнѣ хлѣба и рыбы. Свита же моя осталась подѣ стражею въ Скандерѣ и отведена была въ селеніе, гдѣ и помѣстили ее въ домѣ Священника. Легко представить себѣ, въ какомъ мучительномъ положеніи находимся мы въ продолженіи всего этого времени. На слѣдующее утро приказано мнѣ было явиться къ Царю. Я отправился во дворець и застаю его сидящимъ на полу, посреди своихъ вѣломовъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько странныхъ вопросовъ и между прочимъ спросилъ: знаешь ли ты, сколько всего Царей на свѣтѣ? Кажется двѣнадцать, отвѣчалъ я наобумъ. Точно такъ! возразилъ онъ, — и какъ я одинъ изъ числа этихъ двѣнадцати Царей, то и не отстаю, какъ ты могъ явиться въ мой владѣніе безъ писемъ отъ твоего Государи. Я отвѣчалъ ему, что единственною причиною та-

Самданіе съ
Царемъ Ба-
грагомъ.

новое упущеніе есть непредвидѣнное прибытіе мое въ Грузію, но что Папа, Гесударь мой, уважающій его на равнѣ со всеми прочими Владыками, охотно бы прислалъ къ нему грамоту, еслибъ только зналъ заранее, что мнѣ удастся познать его владыка. Онъ казался остался доволенъ моимъ отвѣтомъ и сдѣлавъ для моего еще нѣсколько страничекъ вопросовъ, изъ коихъ я заключилъ, что нѣтъ проводника нашъ увѣрилъ его, будто при мнѣ находится много драгоценныхъ вещей. Если бы эти вещи действительно нашлись у насъ, то безъ сомнѣнія Багратъ никогда бы не согласился выпустить меня изъ своихъ рукъ, тѣмъ болѣе, что писцы, дѣлавшіе опись небольшому моему имуществу, отобравъ тѣ предметы, которые мнѣ понравились, требовали настоятельно, дабы я подарилъ оныя имъ Государю. При прощаніи съ Царемъ, я просилъ его дать мнѣ проводника, который бы безопасно провелъ насъ чрезъ его владѣнія, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ не только готовъ дать намъ проводника, но даже, для большей безопасности, желаетъ снабдить меня охранительною грамотою. Откланявшись ему, я отправился обратно къ тому дереву, гдѣ провелъ ночь и, послѣ продолжительныхъ споровъ съ Царскимъ писцемъ, получилъ наконецъ обѣянаго проводника и грамоту.

14-го числа выехали мы из Кутанса и прибыли в то селеніе, гдѣ находились мои спутники, которые изъ разсказовъ Священника о злобныхъ свойствахъ Царя Баграта заключили, что я погибъ уже безвозвратно. — Тамъ сильнѣе былъ восторгъ ихъ при моемъ появленіи. Они встрѣтили меня какъ Мессію и сами не понимали, что говоримъ и дѣлали. Священникъ также принималъ участіе въ общей нашей радости и немедленно накормилъ меня. Ночь провели мы очень спокойно, а между тѣмъ хозяинъ приготовилъ намъ небольшой запасъ хлѣба и вина на дорогу.

15-го числа, въ третьемъ часу утра, пустились мы далѣе и, во все время странствованія нашего по этой проклятой странѣ, вынужденны были ѣхать непрерывно чрезъ лѣса и ужасныя горы, останавливаясь для ночлега въ полѣ, возлѣ какого либо ручейка, и разводя каждый разъ огонь по причинѣ сильной ночной стужи.

Г о р ы. 17-го числа прибыли мы въ Горы (Gorides), городъ, принадлежащій также Царю Баграту и выстроенный въ небольшой равнинѣ, у подошвы горы, надъ которою возвышается деревянная крѣпость. Городъ сей орошается большею рѣкою и вообще довольно хорошъ. Немедленно по прибытіи нашемъ я по-

слалъ проводника своего съ извѣщеніемъ о
моемъ приѣздѣ къ Губернатору, который тотъ
же часъ приказалъ отвести намъ квартиру. Я
ожидалъ отъ него хорошаго приѣма и потому
крайне удивился, получивъ вскорѣ послѣ того
повелѣніе выдать ему, въ слѣдствіе писема Ца-
ря Баграта, двадцать шесть червонцевъ, да про-
воднику нашему шесть. Напрасно доказывалъ
я, что почитаю такое требованіе неесте-
ственнымъ; ибо Государь его весьма ласково
обошелся со мною и уже получилъ отъ меня
въ даръ 70 червонцевъ. Всѣ мои доказы-
тельства ни къ чему не послужили и я долженъ
былъ отсчитать требуемую сумму. Предер-
жая насъ до 19 числа, онъ наконецъ позво-
лилъ намъ продолжать путь свой, къ крайнему
моему удовольствію; ибо я былъ въ концѣ
измученъ поступками этихъ тварей, которые,
казалось, никогда не видывали людей. Грузія
нѣсколько лучше Мингрелія; но жители ея
въ нравахъ, обычаяхъ и вѣроисповѣданіи не-
сколько не отличаются отъ Мингреловъ. Въ
бытность нашу въ Гори, рассказывали намъ
о храмѣ, находящемся неподалеку отсюда, на
большой горѣ, окруженной лѣсомъ, и въ ко-
торомъ, по словамъ жителей, весьма замѣча-
тельна древняя чудотворная Икона Богомате-
ри, порученная храненію сорока монаховъ
(caloiri). Я никакъ не могъ рѣшиться зайти

туда, ибо гора нестерпимымъ способомъ вы-
бравшая изъ этой проклятой страны, гдѣ вы-
терпѣвъ столько страха и несправедливостей, что
для описанія оныхъ потребовалось бы много
времени, — безъ всякой впрочемъ пользы для
читателей.

20-го числа оставили мы Горы и продол-
жали путь свой чрезъ горы и лѣса, встречая
изрѣдка небольшія хижинны, изъ которыхъ за-
пасались жизненными потребностями; ночи же
проводили въ открытомъ полѣ, избирая для
ночлеговъ такія мѣста, гдѣ была вода и кормъ
для лошадей. Свѣжая мурава служила намъ
ложкомъ, — и такимъ образомъ проѣхали мы
чрезъ всю Мингравію и Грузію.

Г Л А В А III.

Свѣтлѣйшій Персоль прѣзжаетъ въ Табризъ (Tabriz),
столицу Персіи, и не найдя тамъ Узунъ-
Гассана, ѣдетъ къ сыну его, а потомъ от-
правляется далѣе и, послѣ продолжительнаго
странствованія, достигаетъ Исфагана (Isfahan),
гдѣ и находитъ Узунъ-Гассана.

Д о р о г а. 22-го числа начали мы подыматься на
превысокую гору и къ вечеру достигли вер-
шинны ея, гдѣ и остановились для отдыха,
хотя и не имѣли при себѣ ни капли воды. На
другой день рано утромъ пустились мы далѣе

и, сѣзхавъ съ горы, очутились во владѣніяхъ Узунъ-Гассана, т. е. въ Арменіи, а вечеромъ прибыли въ крѣпость Лори (Loro¹), принадлежащую тому же Узунъ-Гассану и расположенную въ небольшой долинѣ, между горою и рѣкой, замѣчательной не столько по глубинѣ водъ своихъ, сколько по крутизнѣ и высотѣ береговъ²). У самой этой рѣки выстроена Армянская деревня, въ которой мы и расположились для ночлега; крѣпость же охраняется Турецкою стражею. Здѣсь рѣшился я пробывать до 25-го числа, какъ для отдохновенія своего, такъ равно и для отысканія проводника и былъ принятъ жителями весьма ласково. Между тѣмъ открылось, что Армянинъ, взятый мною изъ Кафы и выдававшій себя за посла Узунъ-Гассана, былъ просто бездѣльникъ, коего сѣтей, по словамъ находившихся тутъ Армянъ, избѣгли мы однимъ только чудомъ. Въ слѣдствіе этого открытія, я отобралъ отъ него лошадей, данную ему мною для дороги и отослалъ немедленно прочь; въ проводники же взялъ одного Армянскаго Священника, обзавшагося сопутствовать намъ до Тавриза и служившаго мнѣ во все продолженіе пути съ откровеннымъ усердіемъ и честностію.

26-го числа всѣ мы пятеро (включая въ то число и Священника) вышли изъ Лори и, перебравшись еще чрезъ одну гору, прибыли

изъ вѣчеру въ долину, окруженную также горами и посреди коей находится Турецкая деревня, гдѣ мы были приняты весьма хорошо и спокойно провели ночь на свѣжемъ воздухѣ.

27-го числа, еще до разсвѣта, пустились мы далѣе, дабы успѣть въ потьмахъ перелазить черезъ другую гору и миновать Турецкое селеніе, у подошвы оной находящееся, и черезъ которое было бы весьма опасно проѣзжать днемъ. Къ счастью намъ удалось перелазить его въ такое время, когда никто не могъ видѣть насъ, — и къ утру очутились мы уже въ прелестной долинѣ, черезъ которую продолжали путь свой съ большою противу прежняго скоростію, почти нигдѣ не отдыхая. — Ночь провели мы на чистомъ воздухѣ и такимъ образомъ, подвигаясь все далѣе и далѣе, Горы Ара-прибыли 28 числа къ Невеи горѣ²³⁾, покрытой въ теченіи всего года снѣгомъ, отъ вершины до самой подошвы. Намъ сказывали, что многіе пытались достигнуть вершины этой горы, но или совсѣмъ погибали, или возвращались съ полною увѣренностію, что исполненіе сего предпріятія рѣшительно невозможно. Продолжая такимъ образомъ путь свой по означенной долинѣ, на которой кое-гдѣ встрѣчаются небольшіе холмы, мы 30 числа достигли Хіагри. Или Хіагри (Chiagri), замка Франкскихъ Армянъ, гдѣ нашедъ довольно хлѣба, куръ и вина, рѣ-

чившись пробыть весь слѣдующій день, дабы нѣсколько отдохнуть отъ дороги.

Вечеромъ 1-го Августа 1474 года выѣхали мы изъ Хіагри²⁴), взявъ съ собою до Тавриза еще другаго проводника.

2-го числа прибыли мы въ довольно хорошее Армянское селеніе, выстроенное на скатѣ горы, и гдѣ надлежало намъ переправиться (въ особеннаго рода лодкѣ, въ тѣхъ краяхъ употребляемой) чрезъ ту самую рѣчку, на берегахъ коей (гораздо впрочемъ далѣе на востокъ) происходило, по рассказамъ жителей, сраженіе между Узунъ-Гассаномъ и Египетскимъ Султаномъ Бузехомъ (Soldano Buzesh). Въ то время, какъ войска Персидскія были расположены на одномъ берегу рѣки, а Султановы на другомъ, въ рядахъ сихъ послѣднихъ, по недостатку жизненныхъ припасовъ, распространилась повальная болѣзнь. Узунъ-Гассанъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, напалъ на нихъ, разбилъ и, взявъ въ плѣнъ Султана Бузека, повелѣлъ отсѣчь ему голову. На лѣвомъ берегу этой рѣки находятся, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, одиннадцать селеній Армянскихъ Католиковъ. Всѣ они признаютъ власть Папы и имѣютъ своего особеннаго Епископа. Вообще въ цѣлой Персїи нѣтъ страны лучше и плодотворнѣе этой области.

Марерикъ. 3-го числа достигли мы небольшого городка Марерикъ (Marerichi), гдѣ и рѣшились провести ночь.

4-го числа пустились мы далѣе, не смотря на солнечный зной, тревожащій насъ до такой степени, что даже было невозможно приложить руку къ тѣлу. Къ вѣщному же мученію мы не могли нигдѣ найти воды въ достаточномъ количествѣ.

Кочевые
Туркменцы.

Здѣсь нужнымъ считаю объяснить, что по отъѣздѣ нашемъ изъ Лори встрѣчали мы по пути множество кочевыхъ Туркменцевъ (Turcomani²⁵), которые съ семействами своими переходятъ безпрестанно съ одного мѣста на другое, избирая для становищъ земли, богатѣйшія пажитями и оставаясь на оныхъ дѣтъ только моръ, пока все пажити истребятся. Тѣ, которыхъ намъ удалось видѣть по дорогѣ, — вообще большіе воры и разбойники. Они всякій разъ ужасно пугали насъ и одно только объявленіе, что я еду къ Государю, избавляло меня, при помощи Божіей, отъ дальнѣйшихъ неспріятностей.

Тавризъ.

Того же числа, около вечера, прибыли мы въ городъ Тавризъ (Taigris²⁶), выстроенный на ровномъ мѣстѣ и обнесенный довольно плохимъ землянымъ валомъ. Неподалеку отъ него находятся нѣсколько красныхъ горъ, именуемыхъ Таврскими (monti du Taigris). По въѣздѣ

въ городѣ мы нашли жителей онаго въ ужас-
ной тревогѣ, такъ что съ трудомъ могли до-
браться до одного Каравансарая (суккенса), гдѣ
и расположились остановиться. Турки, встрѣ-
чавшіеся намъ по пути, говорили между со-
бою. «Эти собаки призвали посвятить распря-
мъ крѣзь Магомедовой! Надобно изрубить ихъ
въ куски!» По прибытіи въ Караванъ-Сарай
хозяинъ онаго, Авакъ (Ашмо²¹) (съ перскаго
вида помазанный однажды добрымъ чело-
вѣкомъ для насъ дѣлъ доброты и не могъ дол-
го вѣчно надѣяться, какия образцы яви-
гополучилъ достигая это жилище; ибо все у нихъ
было загорожено. На вопросъ мой о при-
чинѣ индѣйскаго нападѣнія объяснилъ онъ,
что храбрый эмиръ Узунъ-Гасанъ, не имѣя
Гурлу-Махмета (Gurhumet²²), возмани-
вою противъ родителей своего, захватилъ пла-
ныя города Перли Ширасомъ (Shir²³), на-
ходившіяся въ управленіи Султанъ-Хама (Sultan
Chali) и матиши Гурлу-Махмета. Узунъ-Гасанъ,
прондавъ о семъ, собралъ войско и немедленно
отправился противу матежника, а между тѣмъ
сообщивъ Гурлу-Махмету, нѣкій горный ма-
дьянецъ, по имени Загарли (Zagari), съ трех-
стами своими ополченіемъ грабиль все вокругъ
Тавриза и намѣревался даже учинить нападе-
ніе на сей городъ. Тавризскій военачальникъ
(Sabani) выступилъ было противъ него; но

Бунтъ Гур-
лу-Махмета
и послед-
ствія онаго.

былъ разбить на голову и съ трудомъ успѣлъ спастись въ стѣнахъ города. На вопросъ мой, почему всѣ жители не выйдутъ на встрѣчу неприятелю, хозяинъ нашъ отвѣчалъ, что они не принадлежать къ числу военныхъ людей, хотя и признаютъ надъ собою власть Намѣстника Тавризскаго. Я хотѣлъ было отправиться прямо къ этому Намѣстнику, но никто не согласился проводить меня; до военачальниковъ его такъ же было невозможно добраться, и потому я принужденъ былъ во все это время скрываться, по совѣту моего хозяина, въ Каравансарай и лишь изрѣдка выходить для закупки припасовъ. Иногда я посылалъ за оными моего переводчика, а иногда нѣкоего Астутина (Astutino), уроженца Павія, котораго я привезъ съ собою изъ Каама и которому нѣсколько былъ знакомъ Персидскій языкъ. За то всякій разъ, когда онъ появлялся на улицѣ, народъ встрѣчалъ его бранью, угрожалъ всѣхъ насъ изрубить въ куски. Наконецъ чрезъ нѣсколько дней по приѣздѣ нашемъ, прибылъ въ Тавризъ другой сынъ Узуль-Гассана, по имени Мазубей (Mazubei), съ отрядомъ изъ 1000 всадниковъ, для управленія городомъ и защищенія его отъ вышепомянутого Загары. Я немедленно отправился къ нему и съ большимъ трудомъ добился аудиенции. Поднесъ ему въ даръ кусокъ камлота, я объявилъ, что знаю его родите-

лю и просилъ дать намъ хорошій конвой. Она едва отвѣчала на всѣ мои привѣтствія и, по-видимому, не обратила ни малѣйшаго вниманія на нашу просьбу. Откланявшись, я возвратился въ свое жилище, а между тѣмъ дѣла чась отъ часу становились неблагопріятнѣе. Мавробей требовалъ отъ жителей денегъ для набора войска, а народъ не хотѣлъ удовлетворить этого требованія. — и въ слѣдствіе того поведено было запретить всѣ лавки. Это заставило меня переехать изъ Карагансарая въ одинъ Армянскій монастырь, гдѣ намъ отвели немного мѣста для насъ и лошадей нашихъ; людямъ же своимъ я строжайше запретила появляться на улицахъ. Легко представить себѣ, въ какомъ положеніи находились мы въ продолженіи всего этого времени. Ежеминутно ожидать я новыхъ, тяжкихъ бѣдствій; но Господь Богъ, сохранявшій насъ до тѣхъ поръ отъ различныхъ опасностей, — и на сей разъ былъ Спасителемъ нашимъ.

5-го Сентября 1474 года, въ бытность мою еще въ Тавризѣ, прибылъ куда Послан-
ный отъ Свѣтлѣйшей Ресублики къ Узунъ-Гассану, Бартоломео Лионнардо, съ которыми я встрѣтился въ Кафѣ. Съ ними вмѣстѣ пріѣхалъ его племянникъ, по имени Бранкамонте. Они отправились изъ Кафы чрезъ Трапезонту и потому прибыли въ Тавризъ мѣсяцемъ поз-

Пробытіе
Хаджи Лас-
кера.

лю нась. Я рѣшился послать означеннаго Августина¹⁰) съ доверенными къ Святѣйшей Русской Церкви, случившемся съ нами, и велѣлъ ему ѣхать чрезъ Алеппо. Онъ достигъ благополучно Венеціи, избѣгнувъ, съ помощію Божіею, всѣхъ опасностей, угрожавшихъ ему на пути. Въ Тавризъ пробылъ мы до 22 Сентября; но, не смотря на столь долгоевременное пребываніе, я не могу сообщить о немъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній; ибо во все это время не смѣлъ никуда выйти изъ дома. Скажу только, что онъ довольно обширенъ, хотя поединному на ономъ населенъ и изобилуетъ всякаго рода жизненными припасами, которые со всѣмъ тѣмъ очень дороги. Въ немъ находятся нѣсколько рынковъ, куда привозятъ весьма много шелку, отправляемого потомъ съ караванами въ Алеппо и гдѣ сверхъ того производятъ значительный торгъ Джездскими шелковыми тканями, янтаремъ и разными другими мелкими товарами. Драгоценныхъ же камней въ этомъ городѣ вовсе нѣтъ. Къ счастью нашему прибылъ въ Тавризъ одинъ изъ главнѣйшихъ Сановниковъ Узунъ-Гассана, по имени Хаджи Ласкеръ (Chadi Lascher), на обратномъ пути изъ Египта, куда онъ ѣздилъ Посломъ отъ Государя своего для заключенія мира съ Египетскимъ Султаномъ, въ чемъ однако не имѣлъ желаемого успѣха. Лишь толь-

ко узнавъ я о его прибытіи, то немедленно поспѣшилъ явиться къ нему, и объяснивъ, что ѣду съ важными порученіями къ его Государю, просилъ взять меня съ собою. Она приняла меня весьма ласково и въ самыхъ пріятельскихъ словахъ объявила, что охотно возьметъ насъ въ свои спутники и съ помощію Божіею благополучно доведетъ къ Узунъ-Гассану. Этотъ счастливый случай приняла я за явное доказательство особенной милости Господней и отъ искренняго сердца благодарилъ Святый Промыселъ Его, тѣмъ болѣе, что въ числѣ рабовъ Хаджи Ласкера были два Славянскіе ренегаты, которые, тѣсно сдружившись съ моими служителями, обѣщали дать мнѣ знать, какъ только Господинъ ихъ станетъ собираться въ путь, — и сдержали свое слово. Я отблагодарилъ ихъ подарками, послужившими намъ въ большую пользу.

22-го числа, какъ было выше сказано, Отъѣздъ изъ Тавриза.
выѣхали мы изъ Тавриза вмѣстѣ съ Хаджи Ласкеромъ и цѣлымъ караваномъ Азамовъ, которые, держа одинъ путь съ нами, изъ опасенія могущихъ встрѣтиться непріятностей, охотно пристали къ намъ. Страна, чрезъ которую надлежало намъ проѣзжать, представляеть видъ безплодной равнины. Изрѣдка кое-гдѣ являются небольшіе холмы; деревья же встрѣчаются только въ мѣстахъ прибрежныхъ.

Въ поддень мы останавливались для отдыха въ открытомъ полѣ; ночь также проводили на степи; а жизненными потребностями запасались отъ времени до времени въ селеніяхъ. Продолжая такимъ образомъ путь нашъ прибыли Султанія. мы 28-го числа въ Султанію (Soltania³¹), городъ, съ перваго взгляда красивый и снабженный довольно большою деревянною крѣпостію, которую я очень былъ любопытенъ видѣть. Въ этой крѣпости находится мечеть, повидимому весьма древняя и особенно замѣчательная по находящимся въ ней тремъ бронзовымъ вратамъ, которые выше воротъ церкви Св. Марка въ Венеціи и украшены на выпуклыхъ мѣстахъ серебряною насѣчкою. Врата эти весьма красивы и должны безъ сомнѣнія стоить очень дорого. Кромѣ ихъ не нашелъ я ничего заслуживающаго вниманія въ цѣломъ городѣ, выстроенномъ въ долину и окруженномъ холмами, не слишкомъ впрочемъ высокими. Утверждаютъ, будто въ зимнее время стужа въ немъ такъ нестерпима, что жители должны переселяться на другія мѣста. Въ Султаніи есть рынокъ для жизненныхъ припасовъ и разныхъ мелочныхъ товаровъ. Мы пробывъ тутъ до 30 числа и потомъ пустились далѣе по степи, усыпанной небольшими холмиками, — и на которой должны были проводить ночи въ открытомъ полѣ.

Султанія принадлежить уже къ самой Парсін, начинающейя отъ Тавриза.

4-го Октября 1474 прибыли мы въ городъ, С е н а.
именуемый Сеною (Sena). Онъ не обнесенъ стѣною, имѣетъ подобно всѣмъ прочимъ городамъ рынокъ и расположенъ въ долину, на берегу рѣки, между деревьями. Тутъ провели мы довольно спокойно ночь въ Каравансараѣ.

5-го числа пустились мы далѣе, а 6-го на степи обнаружилась у меня лихорадка съ такими сильными припадками, что я съ трудомъ могъ дотащиться до города Кома (Coma³²), К о м а. куда мы прибыли 8 числа. Остановившись для отдыха въ Каравансараѣ, почувствовалъ я, что моя болѣзнь, усиливаясь все болѣе и болѣе, начинаетъ совершенно одолевать меня. На слѣдующій же день занемогли и всѣ мои спутники, кромѣ отца Стефана, который одинъ ходилъ за нами. Болѣзнь наша повидимому была довольно серьезна, ибо сопровождалась бредомъ, заставлявшимъ насъ дѣлать разныя дурачества. Хаджи Ласкеръ прислалъ осведомиться о нашемъ положеніи и извиниться въ томъ, что не можетъ дожидаться насъ, ибо долженъ слѣзнуть возвращеніемъ къ своему Государю. Для успокоенія же нашего онъ обѣщалъ оставить одного изъ своихъ служителей, увѣрая, что мы находимся въ такой странѣ, гдѣ никто не рѣшится оскорбить насъ. Бо-

лѣзнь моя продержала меня до 23 числа въ Комѣ, который расположенъ на равнинѣ, довольно красивѣ, хотя и не обшндренъ, и обнесенъ глинянымъ валомъ. Рынокъ его изобилуетъ всякаго рода туземными произведеніями и мелкими товарами.

23-го числа пустились мы далѣе, хотя я, по причинѣ слабости, едва могъ держаться на лошади.

Капанъ.

25-го числа прибыли мы въ городъ Капанъ (Самап³³), также обнесенный глинянымъ валомъ. Въ немъ такой же рынокъ какъ и въ Комѣ; но за то самый городъ гораздо красивѣе.

26-го числа вышли мы изъ Капана и прибыли въ другой небольшой городокъ, по имени Нетасъ (Nethas). Онъ выстроенъ на ровномъ мѣстѣ и производитъ болѣе вина, чѣмъ всѣ другіе города Персіи. Тутъ, по причинѣ слабости моей и возобновившихся припадковъ лихорадки, рѣшился я пробыть цѣлый день, а 28-го числа сѣлъ опять съ трудомъ на лошадей и, продолжая путь свой по степи, прибылъ

Испаганъ.

30 числа въ городъ Испаганъ (Sraan), гдѣ находился тогда Узунъ-Гассанъ. Распросивъ о мѣстѣ жительства Свѣтлѣйшаго посла Г. Юсафата Барбаро, я въѣхалъ къ нему прямо на дворъ. Встрѣча наша была самая трогательная; мы долго обнимали другъ друга и не могли нарадоваться свиданію нашему. Нужда-

ясь болѣе всего въ успокоеніи, я вскорѣ отправился на отдыхъ и уже не прежде какъ на другой день приступилъ къ совѣщанію съ Г. Иосафатомъ Барбаро о томъ, что мнѣ надлежало предпринять. Между тѣмъ Узунъ-Гассанъ, извѣстившись о моемъ прибытіи, прислалъ мнѣ въ гостинецъ разныхъ жизненныхъ припасовъ.

4-го Ноября 1474 онъ чрезъ рабовъ своихъ велѣлъ позвать къ себѣ меня вмѣстѣ съ Г. Иосафатомъ Барбаро. Вступивъ въ комнату, гдѣ онъ находился, мы нашли его, окруженнаго осьмью сановниками, побѣдиному весьма значительными. Я поклонился ему по обычаю страны и, объяснивъ отъ имени Свѣтлѣйшей Республики цѣль моего посольства, представилъ даннымъ мнѣ довѣрительныя грамоты. Выслушавъ меня, онъ отвѣчалъ кратко и почти извиняясь въ томъ, что обстоятельства привели его въ эту страну, и потомъ приказалъ мнѣ сѣсть на ковръ возлѣ помянутыхъ сановниковъ. Вслѣдъ за симъ намъ подали множество разныхъ яствъ, приготовленныхъ по тамошнему обычаю и вообще весьма вкусныхъ. Отвѣдавъ ихъ, мы простились съ Его Высочествомъ (Sua Signoria) и возвратились въ свое жилище.

Свиданіе съ
Узунъ-Гас-
саномъ.

6-го Ноября онъ опять прислалъ за нами и повелѣлъ показать мнѣ большую часть

покоевъ своего дворца, выстроеннаго на прекрасномъ мѣстѣ, въ долину, возлѣ небольшой рѣчки. Одинъ изъ сихъ покоевъ сдѣланъ въ видѣ свода, на коемъ изображено отсѣченіе головы Султану Бузеху, влекому на веревкѣ Гурлу-Махметомъ, — строителемъ этого дворца. За симъ, по приказанію Его Высочества, были мы угощаемы разными сластями и потомъ отпущены въ жилище наше. Въ Испаниіи пробыли мы съ Узунъ-Гассаномъ до 25 числа. Городъ сей довольно красивъ, выстроенъ на ровномъ мѣстѣ, обилуетъ всякаго рода жизненными припасами и, подобно воимъ прочимъ городамъ Персін, обнесенъ землянымъ валомъ. Говорятъ, что онъ значительно потерпѣлъ во время послѣдней упорной защиты своей. Отъ Тавриза до Испаниіи считается двадцать четыре дня пути. Все это пространство принадлежитъ собственно къ Персін и представляетъ видъ безплодной равнины, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается соленая вода и гдѣ хлѣбъ и плоды, которыми впрочемъ край этотъ довольно изобилуетъ, не могутъ произрастать иначе, какъ съ помощію поливки. Плоды тамошніе весьма разнообразны и такъ вкусны, что мнѣ нигдѣ не случилось видѣть подобныхъ. Съ правой и съ лѣвой стороны тянутся горы, которыя, говорятъ, очень плодородны и снабжаютъ почти всю

Переію жизненными припасами. Припасы эти вообще весьма дороги. Квартъ (quart⁵⁴) вина стоитъ отъ 3 до 4-хъ червонцевъ на наши деньги; хлѣбъ также въ цѣнѣ; за верблюжью ношу дровъ платять червонецъ; мясо дороже чѣмъ у насъ; семь куръ обходятся не менѣе червонца, и всѣ прочіе товары относительно къ нашимъ цѣнамъ также не дешевы. Персіане вообще народъ вѣжливый и привѣтливый и повидимому любятъ Христіанъ. Нигдѣ, во все время пути нашего, не встрѣтили мы ни малѣйшей непріятности или оскорбленія. Женщины одѣваются довольно просто и какъ въ одеждѣ, такъ равно и въ верховой ѣздѣ, имѣютъ мужичья. Онѣ должны быть хороши собою; ибо мужчины очень красивы и статны. Персіане исповѣдуютъ вѣру Магометанскую.

Г Л А В А IV.

Свѣтлѣйшій Посолъ выезжаетъ изъ Испагани и вмѣстѣ съ Узунъ-Гассаномъ отправляется въ Тавризмъ, гдѣ находятъ Пословъ Герцога Бургундскаго и Великаго Князя Московскаго. Послѣ многократныхъ аудіенцій онъ оставляетъ Дворъ Узунъ-Гассана.

25-го Ноября, какъ выше было сказано, Узунъ-Гассанъ, со всеми своими приближенными и семействами ихъ, выѣхалъ изъ Испагани.

гани въ Комъ, гдѣ намѣревался провести зиму. Я долженъ былъ также слѣдовать за Его Высочествомъ и мы отправились чрезъ тѣ самыя мѣста, по которымъ, за нѣсколько времени до того, я ѣхалъ одинъ, — останавливаясь для ночлега въ открытомъ полѣ, подъ шатрами. На каждомъ привалѣ учреждались немедленно передвижные базары, ибо для слѣдованія за нами отряжены были особенные Депутаты, обязанные имѣть при себѣ хлѣбъ и другаго рода жизненные припасы.

К о м ѣ.

14-го Декабря 1474 прибыли мы вмѣстѣ съ Его Высочествомъ въ Комъ, гдѣ мнѣ съ большимъ трудомъ отыскали маленькій домикъ, и то не тотчасъ по приѣздѣ нашемъ, такъ что я нѣсколько дней обязанъ былъ жить въ шатрѣ. Тутъ пробыли мы при большой стужѣ до 21 Марта 1475, и въ продолженіе этого времени, по тамошнему обычаю, неоднократно были приглашаемы къ Узунъ-Гассану. Иногда мы обѣдали вмѣстѣ съ нимъ, — и тогда насъ впускали въ шатеръ его; иногда же должны были дожидаться у дверей и весьма часто уходили, не перемолвивъ съ нимъ ни слова. Когда же были вмѣстѣ, то онъ расширялъ насъ объ отечествѣ нашемъ и не рѣдко дѣлалъ весьма странные вопросы. Впрочемъ самый входъ въ шатеръ Узунъ-Гассана есть уже мѣсто почетное. Ежедневно около

него толпятся особы весьма значительныя и каждый день обѣдаютъ тутъ на голой землѣ до четырехъ сотъ человѣкъ и болѣе. Имъ выносятъ въ мѣдиныхъ чашахъ Сарацинское или другое какое либо пиво, смѣшанное съ небольшимъ количествомъ мяса; — и надобно посмотреть, съ какою жадностію пожираютъ они все это. Самому же Государю и тѣмъ лицамъ, которые обѣдаютъ за однимъ съ нимъ столомъ, подаютъ кушанья въ большемъ количествѣ и весьма хорошо приготовленныя. Узунъ-Гассанъ ѣстъ много, пьетъ вино безпрерывно и охотникъ подчивать своихъ собесѣдниковъ. При немъ всегда находится множество плясуновъ и пѣсенниковъ, которые поютъ и пляшутъ по его приказанію. Вообще онъ кажется нрава веселаго, высокъ ростомъ, худощавъ, краснолицъ и въ чертахъ своихъ имѣетъ что-то Татарское. Рука его дрожитъ, когда онъ пьетъ вино. На видъ ему должно быть около 70 лѣтъ. Онъ любитъ шутить, весьма обходителенъ, хотя ужасенъ въ порывахъ гнѣва, и вообще обращеніе его довольно пріятно. Такимъ образомъ мы пробыли въ Комѣ, какъ выше сказано, до 28-го Марта. О переговорахъ нашихъ съ Его Высочествомъ по предмету моего посольства я почитаю излишнимъ упоминать здѣсь, тѣмъ болѣе, что самыя послѣдствія достаточно объясняютъ оныя.

Свойства и образъ жизни Узунъ-Гассана.

Порядокъ
шествія У-
зунъ - Гасса-
на.

21-го Марта 1475 выступили мы всего ордою (lordò) изъ Кома въ Тавризъ. Каждый изъ свиты Его Высочества имѣлъ при себѣ все свое семейство и имущество, навьюченное на верблюдахъ и лошакахъ, которые вмѣстѣ составляли огромный обозъ. Въ сутки дѣлали мы отъ 10 до 12, а иногда и до 20 миль, когда ближе не было хорошихъ пажитей. Впрочемъ это случалось довольно рѣдко. Шествіе Узунъ - Гассана устроится обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Наканунъ прибытія своего на какое либо мѣсто онъ посылаетъ туда разбить свой шатеръ. Въ ночь вся орда подымается и направляетъ путь свой къ избранному становищу, назначаемому большею частію въ мѣстахъ, обильныхъ пажитями и водою. Тутъ остается онъ до тѣхъ поръ, пока истребить весь подножный кормъ и потомъ отправляется далѣе. Жены всегда прибываютъ на привалы ранѣе мужей, дабы разбить шатры и приготовить все къ ихъ пріѣзду. Онѣ весьма хорошо одѣты и превосходно ѣздить верхомъ на отличныхъ своихъ лошадяхъ. Персіяне вообще любятъ пышность и навьючиваютъ верблюдовъ своихъ такъ, что любу смотрѣть на нихъ. Между ними нѣтъ ни одного бѣдняка, который бы не имѣлъ по крайней мѣрѣ семи верблюдовъ. Отъ того то издали шествіе ихъ имѣетъ видъ несмѣтной

толпы; но при приближеніи онаго — весь обманъ исчезаетъ. При въездѣ Узунъ-Гассана въ Тавризъ, свита его состояла по малой мѣрѣ изъ 2000 ч. пѣхоты; конницы же, какъ замѣтилъ Г. Иосафать Барбаро и я, находимось при немъ не болѣе 500 человекъ; ибо остальные шли въ разбродъ, какъ попало. Шатеръ Его Высочества необыкновенно великолѣпенъ. Спальный покой отдѣланъ въ видѣ комнаты и обитъ краснымъ войлокомъ, съ дверьми, которыя годились бы для любого порядочнаго дома. Продолжая путь нашъ въ вышеизъясненномъ порядкѣ и слѣдуя съ своими шатрами за Узунъ-Гассаномъ, мы покупали всѣ нужные для насъ припасы на базарахъ, въ станѣ устрояемыхъ и платили за все очень дорого. Не рѣдко онъ приглашалъ насъ къ столу своему съ вышеобъясненными церемоніями; но всего чаще присылалъ намъ въ подарокъ разные жизненные припасы, что служило явнымъ доказательствомъ особеннаго его благоволенія. Вообще во все время нашего пути не сдѣлано намъ было ни малѣйшаго оскорбленія, ни отъ приближенныхъ Его Высочества, ни отъ другихъ слѣдовавшихъ за нимъ лицъ.

30-го Маія 1475, когда мы находились не болѣе какъ въ 15 миляхъ отъ Тавриза, прибыли въ станъ нашъ Болонскій монахъ, по имени Лудовикъ. Онъ имѣлъ при себѣ 6 лошадей и

Прибытіе
Лудови-
ка, Посла
Герцога
Бургунд-
скаго.

назывался Патріархомъ Антиохійскимъ и Посломъ Герцога Бургундскаго. Немедленно по его пріѣздѣ Узунъ-Гассанъ прислалъ спросить у насъ: знаемъ ли мы его, — и получилъ въ отвѣтъ самыя благопріятныя объ немъ отзывы.

Аудіенція
его.

31-го числа поутру Его Высочество пригласилъ означеннаго Лудовика къ себѣ, повелевъ и намъ находиться при этой аудіенціи. Патріархъ сначала поднесъ ему обычныя дары, заключавшіеся въ трехъ кафтанахъ изъ золотой парчи, въ трехъ другихъ изъ алаго бархата и еще въ трехъ изъ фіолетоваго сукна, и потомъ, по прибытіи нашемъ въ шатеръ, изложилъ, согласно повелѣнію Узунъ-Гассана, цѣль своего посольства, состоявшую въ разныхъ предложеніяхъ со стороны Герцога Бургундскаго, которыя объяснять здѣсь считаю неумѣстнымъ, — и на которыя Его Высочество казалось не обратилъ особеннаго вниманія. По окончаніи аудіенціи всѣ мы были приглашены къ столу, въ продолженіи коего Узунъ-Гассанъ дѣлалъ Лудовику разные вопросы, на которые сей послѣдній отвѣчалъ по возможности довольно удовлетворительно. Послѣ обѣда мы откланялись Его Высочеству и возвратились въ шатры свои.

Тавризъ.

11-го Іюня 1476 вѣхали мы въ Тавризъ, гдѣ намъ немедленно отвели квартиры, а 8-го, вмѣстѣ съ Патріархомъ, были вновь призваны

къ Узунъ-Гассану. Еще прежде сего, раза четыре Его Высочество наставлялъ мнѣ о желаніи своемъ, дабы я возвратился въ землю Франковъ (Franchia³⁵), а Свѣтлѣйшій Иосафатъ Барбаро остался при немъ; но какъ я всякій разъ отклонялъ это предложеніе, то и не полагалъ, чтобы онъ издумалъ опять возобновить его. По прибытіи нашемъ къ Узунъ-Гассану, Его Высочество сначала отнесся къ Патріарху. «Возвратись къ своему Государю, сказалъ онъ ему, и объяви, что я сдержу свое обещаніе касательно войны съ Отоманами, которую теперь же готовъ начать;» — потомъ присовокупилъ еще нѣсколько другихъ незначительныхъ словъ и, обратившись ко мнѣ, продолжалъ: «Ты возвратишься также съ этимъ человекомъ (con questo Saris) къ твоему Государю и объяснишь ему, что я готовъ идти войною на Отомановъ; пусть онъ съ своей стороны дѣлаетъ то же. Я не могъ избрать въ Послы никого лучше и достойнѣе тебя. Ты доѣзжалъ до Испагани, возвратился оттуда вмѣстѣ со мною, видѣлъ приготовленія наши и потому можешь все передать Государю своему и Государямъ Христіанскимъ.» Слова эти крайне смущали меня, — и я началъ было представлять Его Высочеству, что не могу исполнить приказаній его по весьма важнымъ причинамъ; но онъ прервалъ меня,

возразивъ съ гнѣвнымъ видомъ: «Я хочу и повелѣваю, дабы ты отправился въ путь, и объ этомъ повелѣніи сообщу твоему Государю!» Видя изъ сихъ словъ твердую рѣшимость Узунъ-Гаасана и принявъ во уваженіе совѣты Патріарха и Иосафата Барбаро, убѣждавшихъ меня повиноваться безпрекословно, я отвѣчалъ Его Высочеству, что сколь ни тягостно для меня такое приказаніе, но я въ точности исполню оное, ибо воля его надъ моею головою, — и повсюду буду превозносить его могущество и милость, побуждая Государей Христіанскихъ послѣдовать его примѣру. Онъ повидимому остался доволенъ моимъ отвѣтомъ, и выразивъ благоволеніе свое въ нѣсколькихъ ласковыхъ словахъ (въ духѣ тамошняго лзыка), повелѣлъ отвести насъ въ другой покой, гдѣ насъ облачили отъ имени его, также по принятому въ томъ краю обычаю, въ кафтаны, не слишкомъ впрочемъ дорогіе. Послѣ сего мы были снова приведены къ Его Высочеству и, отблагодаривъ его приличнымъ образомъ, возвратились въ свои жилища, куда онъ прислалъ намъ въ подарокъ нѣсколько денегъ, разныхъ незначущихъ бездѣлушекъ и по лошади для меня и Патріарха. Въ этотъ самый день онъ выѣхалъ изъ Тавриза; а мы остались тутъ еще до 10-го числа и потомъ отправились также въ станъ, находившійся

въ 25 миляхъ отъ города, въ мѣстѣ, довольно красивомъ и обилующимъ пажитями и водою.

10-го числа, какъ выше объяснено, отъ Отъѣздъ изъ Тавриза.
правились мы изъ Тавриза къ тому мѣсту, гдѣ находился Узунъ-Гассанъ и, разбивъ по обыкновенію шатры наши, пробыли тутъ до тѣхъ поръ, пока весь подножный кормъ былъ истребленъ, а потомъ, снявъ станъ свой, отошли еще 15 миль и снова остановились для отдыха. Тутъ прожили мы до самаго нашего отъѣзда въ обратный путь, т. е. до 27 числа, и въ продолженіи этого времени нѣсколько разъ призываемы были въ Его Высочеству, (только не для важныхъ дѣлъ), а иногда получали отъ него въ подарокъ разные яства.

26-го числа призваны мы были въ по- Отпущенная аудіенція.
слѣдній разъ къ Его Высочеству и до начатія аудіенціи осматривали разные вновь приготовленные по его приказанію шелковыя издѣлія, не слишкомъ впрочемъ отличныя, а также подарки, назначенные для Герцога Бургундскаго, для нашей Свѣтлѣйшей Республики и для нѣкоего Марка Россо, посла Великаго Князя Московскаго, Государя Бѣлой Россіи. Подарки эти состояли изъ Джездскихъ шелковыхъ тканей, двухъ шпагъ и разныхъ другихъ незначущихъ вещей. Послѣ сего насъ привели въ шатеръ Его Высочества, гдѣ находилось также два Турецкіе его Посла, изъ

конхъ одинъ отпралялся къ Герцогу Бургундскому, а другой къ Великому Князю Московскому. По выслушаніи обычныхъ нашихъ привѣтствій, Узунъ-Гассанъ, обратившись къ Патриарху и ко мнѣ, сказалъ намъ: «Позжайте къ Государямъ нашимъ и къ Государямъ Христіанскимъ и объявите имъ, что я готовъ былъ начать войну противу Отомановъ, но услышавъ объ удаленіи Султана ихъ въ Константинополь и о намѣреніи его не выходить отсюда въ теченіи нынѣшняго года, почелъ неприличнымъ идти самому противу его войска, и потому послалъ часть моей рати для усмиренія непокорнаго моего сына, а часть противъ означенныхъ Отомановъ; самъ же рѣшившись дожидаться здѣсь весны и тогда уже выступить на врага. Расскажите все это Государямъ нашимъ и Государямъ Христіанскимъ; ибо послы мои то же подтвердятъ имъ.» Слова эти, противурѣчавшія тому, что онъ прежде общалъ намъ, крайне смутили меня; но дѣлать было нечего! надлежало повиноваться! За сномъ онъ позволилъ намъ удалиться, приказавъ однако повременить до утра отъѣздомъ нашимъ, дабы въ теченіи ночи, какъ я узналъ послѣ, выслать всю свою пѣхоту къ подошвѣ одной близлежащей горы. На другой день насъ пригласили въ шатеръ, поставленный на высокомъ мѣстѣ и гдѣ мы нашли также одного

изъ Рункасоновъ (Runchason), т. е. Песольскихъ приставовъ. Во время разговора, сей послѣдній, какъ бы нечаянно обративъ глаза на поле, вскричалъ: «зотъ идетъ еще многочисленная рать Государева!» а рабы его примолвли: «тутъ только одна часть ея; остальная также не менѣе этой.» Войска нарочно проходили у самой подошвы горы, дабы легче было видѣть ихъ, и Персіяне, бывшіе съ нами, утверждали единогласно, что тутъ вѣрно было до 10 тысячъ человекъ. Мы не старались опровергать ихъ, а между тѣмъ нисколько не сомнѣвались, что отрядъ этотъ былъ тотъ самый, который сопровождалъ Узунъ-Гассана и что весь этотъ маневръ былъ произведенъ съ намѣреніемъ обмануть насъ. По окончаніи смотра, намъ вручили грамоты и мы возвратились въ наши шатры. Изъ рассказовъ Свѣтлѣйшаго Г. Юсафата Барбаро и другихъ особъ заключилъ я, что число конницы, при Его Высочествѣ находившейся, простиралось и до двадцати, а съ плохими лошадьми и до двадцати пяти тысячъ. Войскскихъ орудій никакихъ я въ станѣ не замѣтилъ, кромѣ нѣсколькихъ деревянныхъ щитовъ, въ одинъ футъ длиною, съ тонкими желѣзными ножками, которыя втыкаютъ въ землю; да еще видѣлъ я въ разные времена до 50 лошадей, покрытыхъ желѣзными полосами (hane), по верху коней разостланы были грубые шелко-

выя ткани. Оружіе воиновъ Узунъ-Гассана состоитъ изъ лука, меча и маленькаго шелкового или проволочнаго щита. Копій они не употребляютъ. Особы значительныя носятъ довольно порядочныя шлемы и панцири. Лошади ихъ вообще красивы и сносны.— Больше мнѣ ничего не остается повѣдать о семъ краѣ; ибо я уже достаточно описалъ качество почвы, нравы, обычаи и свойства народа; да къ тому же подробнѣйшимъ объясненіемъ всего, мною видѣннаго, я могу наскучить читателямъ моимъ.

Г Л В А V.

Святѣйшій Посолъ, оставивъ дворъ Узунъ-Гассана, отправляется чрезъ Грузію и Мингрелію въ обратный путь и, послѣ многихъ опасностей, пріѣзжаетъ въ Фазисъ.

Отъѣздъ
изъ стана. 28-го числа всѣ мы собрались въ шатеръ Святѣйшаго Г. Іосафата Барбаро, которому, равно какъ и мнѣ, минута разлуки была крайне тягостна. Отобѣдавъ на прощаньи вмѣстѣ, мы крѣпко обняли другъ друга и разстались, заливаясь горькими слезами. Я сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ Патріархомъ, съ Послами Узунъ-Гассана и съ Маркомъ Россо пустился, при помощи Божіей, въ обратный путь; но вѣрно

выѣхалъ не въ доброй часъ, ибо во все время странствія моего подвергался безпрестаннымъ неприятностямъ и опасностямъ. Слѣдуя по направленію къ Фазису, мы сначала поѣхали чрезъ владѣнія Узунъ-Гассана и вскорѣ достигли тѣхъ 9 Армянскихъ седеній³⁶), о конхъ выше было упомянуто. Тутъ остановились мы въ домѣ Епископа, который принялъ насъ очень хорошо, доставилъ намъ случай отслушать Католическую обѣдню и продержалъ у себя трое сутокъ, дабы дать время занастись всемъ нужнымъ для дороги. Разставшись съ нимъ, мы пустились далѣе чрезъ пространную равнину, на которой отъ времени до времени встрѣчали небольшія горы, — и наконецъ въѣхали во владѣнія Царя Грузинскаго.

12-го Іюля 1475 прибыли мы въ городъ Тифлисъ. Тифлисъ (Tiflis), принадлежащій означенному Царю. Онъ лежитъ на небольшемъ холмѣ и защищенъ довольно хорошею крѣпостію, выстроенною на другой горѣ, — гораздо выше первой. Переправившись чрезъ рѣку Тигрисъ (Tigris³⁷), отыскали мы одного Католическаго Армянина, въ домѣ коего и остановились. Городъ Тифлисъ славился прежде своею обширностію; но теперь очень раззоренъ. Впрочемъ тѣ части его, которыя уцѣли отъ разрушенія, довольно населены по своему про-

странству. Въ Тифлисѣ встрѣтили мы много Католиковъ.

15-го числа пустились мы далѣе и почти безпрестанно ѣхали съ горы на гору, встрѣчая отъ времени до времени небольшія селенія и замки, выстроенные на возвышенныхъ мѣстахъ.

Обѣдъ у Царя Баграта.

18-го числа, неподалеку отъ границъ Мингреліи, въ небольшомъ лѣсу, окруженномъ холмами, нашли мы Царя Баграта и немедленно отправились къ нему. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать и по тамешнему обычаю усадилъ на полу, вокругъ кожи, разостланной въ видѣ скатерти. Намъ подали жаренаго мяса, нѣсколько худо разваренной курицы и другой подобной дряни; за то вина было вдоволь; ибо въ Грузіи считается оно самымъ лучшимъ угощеніемъ. После обѣда Грузины принялись пить въ запуски изъ большихъ стакановъ, въ поллокта вышиною. Тотъ, кто болѣе можетъ выпить, пользуется у нихъ большимъ уваженіемъ. Такъ какъ сопутствовавшіе намъ Турки вовсе не употребляли вина, то мы и отговорились ихъ присутствіемъ, дабы не участвовать въ попойкѣ, что однако крайне не понравилось нашимъ хозяевамъ.— Царю Баграту на видѣ должно быть около сорока лѣтъ. Онъ высокъ ростомъ, смуглъ и имѣетъ окладъ лица Татарскій; но со всѣмъ тѣмъ красивый

мужчина. Пробывъ у него нѣсколько времени, мы распрощались съ нимъ.

20-го числа утромъ отправились мы далѣе и, продолжая путь свой почти безпрерывно по горамъ, прибыли 22 числа на границу Мингрели, гдѣ встрѣтили Грузинскаго Капитана, съ отрядомъ пѣхоты и конницы, присланнаго по поводу какихъ то безпорядковъ, возникшихъ по смерти Бендіана, Государя Мингрели. Этотъ Капитанъ съ ужасными угрозами остановилъ насъ; отнялъ два колчана съ стрѣлами и луками и не иначе согласился отпустить насъ, какъ по уплатѣ за выкупъ нѣкоторой суммы денегъ. Вырвавшись изъ рукъ его, мы поскакали во всю прыть и, свернувъ съ большой дороги, въѣхали въ лѣсъ, гдѣ и провели ночь въ ужасномъ страхѣ, опасаясь ежеминутно новаго нападенія.

23-го числа, неподалеку отъ Кутанса, Кутансъ. были мы опять атакованы нѣсколькими поселанями, которые отняли у насъ трехъ лошадей, принадлежавшихъ Посламъ Узунъ-Гассана и грозили намъ смертію, если мы тронемся съ мѣста. Послѣ долгихъ переговоровъ вынуждены мы были уступить имъ этихъ лошадей и заплатить сверхъ того 20 червонцевъ на ихъ деньги и нѣсколько луковъ. Разставшись съ ними, мы отправились поспѣшно въ

крѣпость Кутансъ , принадлежащую Царю Баграту , куда и прибыли въ тотъ же день.

24-го числа , при переправѣ чрезъ одну рѣку , были мы вновь задержаны и , къ крайнему нашему прискорбію , принуждены заплатить по два гросса (gros⁵⁸) съ лошади. Переѣхавъ чрезъ рѣку вступили мы въ предѣлы Мингреліи. Нужно замѣтить , что во все продолженіе пути проводили мы всякую почти ночь въ открытомъ полѣ.

Мареска ,
сестра Бен-
діана.

25-го числа , переправившись на лодкахъ чрезъ другую небольшую рѣку , прибыли мы въ селеніе , принадлежащее сестрѣ Бендіана , по имени Марескъ (Magesca). Она приняла насъ отменно хорошо , угостила хлѣбомъ и виномъ и отвела для ночлега большой садъ (prato.sergato).

26-го числа поутру , положили мы между собою сдѣлать ей подарокъ въ двадцать червонцевъ. Она сначала отказывалась отъ него , а потомъ стала дѣлать намъ разныя притѣсненія и потребовала по два червонца съ лошади. Напрасно отговаривались мы бѣдностію и разными другими подобными причинами ; убѣжденія наши ни къ чему не послужили. Надобно было не только отсчитать ей по два червонца съ лошади , но и выдать сверхъ того подарокъ , который прежде предлагали. Наконецъ , послѣ разныхъ прижимокъ , мы

кое какъ развязались съ нею и рады были тому, что она не совсѣмъ еще обобра насъ, чего, судя по ея приемамъ, мы легко ожидать могли.

27-го числа всѣ мы, кто въ лодкахъ, а кто верхомъ, отправились изъ дома Марески, крайне раздосадованные ея поступками, и прибыли въ Фазисъ, гдѣ остановились у той же самой Черкешенки Мареры, у которой стояли прежде. Тутъ, къ довершенію бѣдствій нашихъ, узнали мы, что Кафа — цѣль всѣхъ нашихъ желаній — завоевана Турками. Легко представить себѣ, какъ сильно огорчило насъ это извѣстіе. Не зная, что предпринять, мы долго стояли какъ вкопанные; наконецъ Лудовикъ Болонскій, Патріархъ Антиохійскій, объявилъ, что онъ рѣшается ѣхать чрезъ землю Черкесовъ и Татарію въ Россію, ибо путь этотъ ему нѣсколько извѣстенъ. Онъ нѣсколько разъ прежде сего проповѣдывалъ, что намъ отнюдь не должно оставлять другъ друга; а когда теперь я ему напомнилъ о наставленіяхъ его, то онъ безъ стыда отвѣчалъ мнѣ: «пора всякому заботиться о собственной головѣ!»... Этотъ отвѣтъ показался мнѣ крайне безсовѣстнымъ и жестокимъ; но не смотря на то, я снова сталъ умолять его взять насъ съ собою; однако просьбы мои ни къ чему не послужили и онъ рѣшительно объявилъ, что

поѣдетъ одинъ съ свитою своею и Посломъ Узунъ-Гассана. Услышавъ таковой отзывъ, я не сталъ болѣе настаивать и обратился къ Марку Россо, предлагая ему возвратиться какъ нибудь назадъ вмѣстѣ. Онъ сначала согласился на мою просьбу, и даже мы запечатлѣли уговоръ нашъ поцѣлуемъ; но потомъ, посоветовавшись съ посломъ Узунъ-Гассана, объявилъ, что поѣдетъ чрезъ владѣнія Горгоры, Государи Халцихана ³⁹⁾ и Вати, (Gorgora, Signore di Calcican et delle terre Vati) — городовъ, пограничныхъ съ Оттоманами и платящихъ имъ дань. Не рѣшаясь ѣхать этимъ путемъ, я предпочелъ остаться въ Фазисѣ и положиться на милосердіе Божіе.

Отъездъ
Людвика и
Марка Рос-
со и болѣзнь
Автора.

6-го Августа 1475 года, Патріархъ, со всею свитою своею, отправился въ назначенный имъ путь, захвативъ прежде извиниться передо мною, а на слѣдующій день и Маркъ Россо съ Посломъ Узунъ-Гассана вышли также изъ Фазиса въ Вати, откуда намѣревался чрезъ Шамаху (Samachi) перебраться въ Татарію. Такимъ образомъ я, со свитою моею, состоящею всего изъ 4-хъ человекъ, остался совершенно одинъ, покинутый всѣми, безъ денегъ, безъ надежды на спасеніе, не зная даже, что предпринять въ горестномъ моемъ положеніи. Предоставляю читателямъ своимъ судить, каковы были мученія наши, тѣмъ бо-

ше, что въ самый этотъ день отъ тревоги открылась у меня сильнѣйшая лихорадка. На бѣду въ цѣломъ городѣ нельзя было ничего достать, такъ что я во все время питался одною рѣчною водою, да небольшимъ количествомъ лапши, или другой какой либо похлебки. Изрядко, да и то съ большимъ трудомъ, добывали мнѣ пышенка. Болѣзнь моя была весьма серьезна, ибо сопровождалась бредомъ, заставлявшимъ меня говорить всякія пустяки. Нѣсколько дней спустя занемогли также и спутники мои, за исключеніемъ отца Стефана, который одинъ ходилъ за всѣми нами. Постель моя состояла изъ довольно плохаго тюфяка, коимъ снабдилъ меня проживавшій въ Фазиѣ Генуэзецъ, по имени Іоаннъ де Вальканъ, и на коемъ вовсе не было простыни. Люди же мои кое какъ перебивались бывшими у нихъ одеялами. Я пролежалъ въ этомъ положеніи до 10 Сентября и такъ изнемогъ отъ болѣзни, что спутники мои навѣрно полагали, что мнѣ должно умереть. Но къ счастью хозяйка наша Марса отыскала у себя ладонку, которую надела мнѣ на шею, и обложивъ меня травами съ деревяннымъ масломъ, тѣмъ облегчила нѣсколько мои страданія. Впрочемъ изцѣленіе свое не смѣю я приписать никому другому, какъ Всеблагому Творцу, недопустившему меня умереть

на чужбинѣ. Да будетъ въ вѣкъ прославлено Святое имя Его! Оставшись, какъ выше сказано, одинъ, мы долго разсуждали между собою о томъ, что надлежитъ намъ предпринять и наконецъ положили отправиться назадъ чрезъ Шамаху въ Татарію. Многіе совѣтовали мнѣ пуститься чрезъ Сирію; но я не послушался ихъ и предпочелъ дожидаться въ Фазисѣ совершеннаго моего выздоровленія.

10-го Сентября сѣли мы на коней; но отѣхавъ около двухъ миль, принуждены были остановиться; ибо слабость не дозволяла мнѣ продолжать пути. Меня сѣли съ лошади и, по краткомъ отдохновеніи, отвезли опять въ Фазисъ, въ домъ вышепомянутой Марѣи, гдѣ я и оставался до 17 числа. Тутъ, укрѣпившись нѣсколько въ силахъ, сѣли мы снова на коней и съ именемъ Божиимъ пустились въ предназначенный путь. Въ Фазисѣ отыскалъ я одного Грека, знавшаго Мингрельскій языкъ, и взялъ его въ проводники; но онъ дорогою надѣлалъ мнѣ столько непріятностей, что даже больно пересказывать ихъ.

Г Л А В А VI.

Сызгыйшій Посолъ отправляется изъ Фазиса и, миновавъ Мингрелію, Грузію и Мидію, переплываетъ чрезъ Бакинское или Каспійское море и призжаетъ въ Татарію.

17-го числа, какъ выше сказано, сѣли Кутаисъ. мы на коней и пустились опять назадъ по Мингреліи, опасаясь ежеминутно новыхъ нападений, а 21 прибыли въ Кутаисъ, гдѣ проводникъ нашъ завелъ со мною такую ссору, что я радъ былъ поскорѣе отпустить его отъ себя. Тутъ пробыли мы до 24 числа, какъ по причинѣ все еще продолжавшейся слабости моей, такъ равно и для того, чтобы выждать какихъ либо путешественниковъ, съ которыми бы могли ѣхать вмѣстѣ. По трехдневномъ ожиданіи, присоединилась къ намъ небольшая толпа людей, вовсе намъ неизвѣстныхъ и которыхъ мы даже не понимали; но я такъ былъ радъ ихъ сообществу, что ни мало не медля пустился въ путь. Продолжая странствіе свое по странѣ гористой и не совсѣмъ безопасной, мы 30 числа прибыли въ Тифлисъ, гдѣ я, по Тифлисъ и чума. чти полумертвый, пристаю въ домъ одного Армянскаго Католическаго Священника, ко-

торый принимал насъ весьма хорошо. У этого Священника былъ внукъ, заболѣвшій на нашу бѣду чумою, сильно свирѣпствовавшеею въ этомъ году въ Тифлисѣ. Отъ него заразился служитель мой Матвій Бергамскій, который постоянно ходилъ за мной и въ продолженіе двухъ дней изъ усердія скрывалъ болѣзнь свою; но наконецъ, обезсиливъ совершенно, принужденъ былъ лечь въ постель. Мнѣ посоветовали выѣхать немедленно изъ этого дома и я съ трудомъ отыскалъ для своего помѣщенія небольшой хлѣвъ, въ который на ночь ставили коровъ. Очистивъ его, какъ только можно было лучше, меня перенесли туда и положили на сѣно; ибо я находился въ крайнемъ изнеможеніи. Между тѣмъ Священникъ никакъ не хотѣлъ держать у себя долге Матвія, и, за неимѣніемъ другаго мѣста, я принужденъ былъ перевести его въ уголокъ того хлѣва, гдѣ лежалъ самъ, и поручить попеченію отца Стефана. Вскорѣ Господу Богу угодно было призвать страдальца къ себѣ, а я перебрался на житье въ другой такой же хлѣвъ, который отыскали мнѣ съ большими затрудненіями. Въ этомъ горестномъ положеніи всѣ рѣшительно отступились отъ насъ, кромѣ одного старика, знавшаго нѣсколько Франкскій языкъ и ни на минуту насъ не покидаващаго. Легко представить себѣ, въ ка-

комъ мучительномъ состояніи находился я все это время. Въ Тбилисѣ прежнимъ мнѣ 21 Октября и, за день до нашего отъезда, прибылъ туда тотъ самый посолъ Узунъ-Гассана, который отправленъ былъ вмѣстѣ съ Лудовикомъ, Патріархомъ Антиохійскимъ. Достигнувъ благополучно Абхазіи (Abgasia), они какъ-то натолкнулись на шайку разбойниковъ и были въ конецъ ограблены ими. Виною этого бѣдствія, по увѣренію посла, былъ не кто другой какъ самъ Лудовикъ, и потому онъ кампировался, по возвращеніи въ отечество, принести Государю своему сильную жалобу на Патріарха. Я старался утѣшить его, какъ умѣлъ, и предложилъ ему хотя нѣкоторое время продолжать вмѣстѣ путь нашъ, на что онъ охотно согласился. Такимъ образомъ 21 Октября, какъ выше сказано, выѣхали мы изъ Тифлиса, принадлежащаго Грузинскому Царю Баграту и, по двухдневномъ странствіи, вступили во владѣнія Узунъ-Гассана, чрезъ которыя лежитъ дорога въ Шамаху. На пути встрѣчали мы множество прекрасныхъ мѣстъ.

Отъѣздъ изъ
Тифлиса.

24-го Октября 1475, достигли мы до того пункта, гдѣ намъ должно было разстаться; ибо я намѣревался отправиться чрезъ владѣнія Сивансы (Sivansa⁴⁰) въ городъ Шамаху, а Посолъ Узунъ-Гассана пробирался въ своему Государю. Добывъ себя чрезъ его посредство

въ проводники одного Турка, общавшаго довести насъ до самой Шамахи, я распрощался съ спутникомъ моимъ и вступилъ въ землю означеннаго Сивансы, именуемую Мидіею (Media⁴¹). Страна эта представляетъ большею частию видъ самой прекрасной и плодоносной равнины и гораздо лучше и благодатнѣе нежели владѣнія Узунъ-Гассана. Проводникомъ нашимъ во все время пути я былъ отменно доволенъ.

Шамаха и
встрѣча съ
Маркомъ
Россо.

1-го Ноября 1475 прибыли мы въ городъ Шамаху⁴²), принадлежащій означенному Сивансъ, Государю Медін. Въ этомъ городѣ приготавливаютъ шелкъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Таламанскаго, и выдѣлываютъ сверхъ того разныя шелковыя ткани, — большею частию гладкія и не слишкомъ добротныя. Шамаха не такъ обширна какъ Тавризъ, но, по мнѣнію моему, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше его и обильнѣе всякаго рода жизненными припасами. Тутъ встрѣтили мы Марка Россо, того самаго, который сопутствовалъ намъ до Фазиса и потомъ, отдѣлившись отъ насъ, отправился чрезъ Горгору⁴³) въ Шамаху, до коей добрался съ большимъ трудомъ. Онъ изъ учтивости посѣтилъ меня въ Каравансарай, гдѣ мы находились, и я, дружески обнявъ его, предложилъ взять насъ съ собою, на что онъ охотно согласился.

6-го числа вышли мы изъ Шамакъ въ городъ Дербентъ (Derbent⁴⁴), лежащій на границѣ Татаріи и принадлежащій также означенному Сивансу, и продолжали спокойно путь свой то по горамъ, то по равнинамъ, останавливаясь отъ времени до времени въ Турецкихъ селеніяхъ, гдѣ насъ принимали очень хорошо. На половинѣ пути находится небольшой, довольно впрочемъ красивый городокъ⁴⁵), гдѣ родится столько прекрасныхъ плодовъ, и въ особенности яблокъ, что, глядя на нихъ, не вѣришь собственнымъ глазамъ.

12-го числа прибылъ я въ помянутый городъ Дербентъ, а какъ для достиженія Россійскихъ владѣній надлежало намъ перѣзжать чрезъ всю Татарскую степь, то мы и рѣшились, по совѣту людей опытныхъ, зимовать тутъ, дабы въ Апрѣль мѣсяцъ переплыть въ Цитраханъ (Citracan) чрезъ Бакинское море (mare di Bachau). Дербентъ лежитъ на самомъ берегу Бакинскаго или Каспійскаго моря, построенъ, какъ увѣряютъ, еще Александромъ Великимъ и называется желѣзными вратами; ибо изъ Татаріи нельзя проѣхать въ Мидію и Персію иначе какъ чрезъ этотъ городъ, по причинѣ глубокаго ущелія, простирающагося отъ него вплоть до самой Черкесіи. Онъ окруженъ крѣпкими, толстыми стѣнами, но такъ немногочисленъ, что едва ли шестая часть всего

пространства, находящагося подъ горою, по направлению къ цитадели, населена; со стороны же моря всѣ почти зданія разрушены. Въ Дербентѣ находится множество гробницъ (sepulture) и онѣ обилуютъ всякаго рода жизненными припасами, плодами и виномъ. Бакинское море весьма пространно и не имѣетъ вовсе заливовъ. Оно, говорятъ, не менѣе Чернаго моря; но гораздо глубже его. Жители ловятъ въ немъ множество осетровъ и балугъ; другой же рыбы ловить не умѣютъ. Между прочимъ водится тамъ одна рыба, совершенно похожая на собаку, съ головою, ногами и хвостомъ⁴⁶), и еще другая, въ полтора локтя длиною, толстая и гладкая, у которой вовсе не видно головы. Изъ нее добываютъ жиръ, употребляемый вмѣсто масла для освѣщенія и для натиранія верблюдовъ. Этотъ жиръ развозятъ въ большемъ количествѣ по всѣмъ окрестнымъ землямъ. Въ Дербентѣ пробывъ мы съ 12-го Ноября по день отплытія нашего, т. е. по 6 Апрѣля, — и должны отдать полную справедливость тамошнимъ жителямъ, которые показались мнѣ предобрыми людьми; ибо во все время нашего у нихъ пребыванія не причинили намъ ни малѣйшаго оскорбленія. На вопросъ, кто мы таковы? отвѣчали мы просто: Христиане, — и этого отвѣта было для нихъ достаточно. Одежда, которую я носилъ въ Дербентѣ,

ла изъ изорваннаго, подбитаго овчинами полу-
кастаналъ, изъ верхней шубы, также весьма
поношенной, и изъ бараньей шапки. Въ этомъ
одеяніи расхаживалъ я по городу и по рын-
ку и не рѣдко самъ носилъ домой купленную
мною провинцію. Иногда однако прохожіе, гля-
дя на меня, останавливались и говорили ме-
жду собою: «этотъ человѣкъ повидимому не
рожденъ для того, чтобы самому таскать при-
пасы.» Маркъ Россо передавалъ мнѣ слова эти,
убѣждая всякой разъ не дѣлать этого впередъ
и вспомнить, что мы не во Франкской зем-
лѣ; но я отвѣчалъ ему, что не могу посту-
пать иначе и даже удивляюсь, какимъ обра-
зомъ можно открыть званіе мое подъ такою
одеждою. Впрочемъ жители, какъ я уже вы-
ше сказалъ, обходились съ нами весьма хоро-
шо. Между тѣмъ желая узнать что либо но-
ваго объ Узунъ-Гассанѣ и Свѣтлѣйшемъ Іоса-
фатъ Барбаро, я рѣшился послать переводчи-
ка моего Дмитрія въ Тавризъ, отстоящій
отъ Дербента только на двадцать дней пути.
Черезъ сорокъ дней онъ возвратился и при-
везъ мнѣ письмо отъ Іосафата, въ которомъ
сей послѣдній уведомлялъ меня, что Узунъ-
Гассанъ все еще находится въ Тавризѣ, но
что о намѣреніяхъ его ничего новаго узнать
было невозможно. Тѣмъ временемъ Маркъ

Письмо отъ
І. Барбаро.

Дербентъ о переездъ нашемъ въ Цитрахамъ. Нужно замѣтить, что тамошнія суда на зиму вытаскиваются на берегъ; потому что въ это время года плаваніе по морю невозможно. Они имѣютъ совершенно форму рыбы, и носить даже это названіе, ибо узки въ кормѣ и въ носу, а на бокахъ очень выпуклы. Ихъ сколачиваютъ деревянными гвоздями и смолить весьма крѣпко; для управленія же имѣютъ они двѣ мачты и большой шестъ, служащій имъ вмѣсто руля. Каспійскіе мореходцы плаваютъ на авось, безъ компаса, наблюдая теченіе звѣздъ и вообще держатся береговъ, отъ которыхъ никогда не удаляются на большее разстояніе. Въ дурную погоду они прибѣгаютъ къ шарсамъ; иногда же употребляютъ и весла, которыми, равно какъ и рулемъ, управляютъ весьма дурно. Не смотря на сіе они твердо увѣрены, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ мореходцевъ лучше ихъ. Въ заключеніе неизлишнимъ почитаю объяснить, — что всѣ жители Дербента Магометане.

Отплытіе
изъ Дербента.

Наскучивъ въ продолженіе осьми дней ждать, со всею поклажею, на берегу, отъѣзда нашего, Маркъ Россо возвратился въ городъ, гдѣ и пробылъ до самаго нашего отплытія, а мы оставались у моря совершенно одни — и, признаюсь, потерпѣлись довольно страха. Къ счастью 6-го Апрѣля 1476 года Господу

Богу угодно было даровать намъ попутный вѣтеръ, такъ что мы, ни мало не медля, спустили лодку нашу на воду и благополучно вышли въ море. Насъ всего было тридцать пять человекъ, включая въ то число хозяина и шесть матросовъ; прочіе же пассажиры состояли почти всѣ изъ купцовъ, ѣхавшихъ въ Цитраханъ съ сарачинскимъ широмъ, шелковыми тканями и другими мелкими товарами, для промѣна оныхъ Русскимъ и Татарамъ на мѣха и иные предметы, требуемые въ Дербентъ. И такъ вышедъ, какъ я уже сказалъ прежде, при попутномъ вѣтрѣ, въ море, мы поплыли вдоль берега, выдававшегося въ видѣ цѣпи горъ, и постоянно держались онаго, въ разстояніи не болѣе 15 миль. На третій день миновали мы эти горы и взорами нашимъ открылся берегъ совершенно плоскій; но вдругъ вѣтеръ перемѣнился и такъ сильно сталъ напирать на насъ, что мы въ 4 часа по полудни вынуждены были бросить якорь. Въ ночи погода усилилась и хозяинъ, страшась гибели своего судна, рѣшился поднять якорь и предоставить лодку нашу на волю Божию, въ надеждѣ, что вѣтеръ прибьетъ ее къ землѣ. Лишь только успѣлъ онъ исполнить намѣреніе свое, какъ мы сдѣлались совершеннымъ игралищемъ бурныхъ валовъ, которые, при усилившемся вѣтрѣ, гнали насъ

Б у р я.

все болѣе и болѣе къ берегу. Къ счастью однако самые эти валы были спасеніемъ нашимъ; ибо пронесли насъ невредимо надъ подводными камнями, о которые судно непременно бы разбилось въ дребезги. Вскорѣ однако были мы прибиты къ самому берегу и въѣхали въ небольшую губу, одинакой величины съ лодкою, которая такимъ образомъ очутилась какъ бы въ гавани, не страшась болѣе валовъ, разбивавшихся о берегъ и уже безсильныхъ противу нее. Мы всѣ должны были спрыгнуть въ воду и перенести на берегъ пожитки наши, совсѣмъ вымоченные; ибо въ суднѣ открылась небольшая течъ отъ легкаго удара о подводные камни. Между тѣмъ холодъ сильно беспокоилъ насъ, потому что вѣтеръ не уменьшался; да къ тому же мы всѣ были вымочены съ головы до ногъ. Поутру хозяинъ, посоветовавшись съ матросами своими, положилъ отнюдь не разводить огня; ибо мы находились въ мѣстѣ, подверженномъ повидному частымъ нападеніямъ Татаръ. Это заключалъ онъ изъ замѣченныхъ имъ на пескѣ свѣжихъ лошадиныхъ слѣдовъ и обломковъ вновь разбитаго судна, доказывавшихъ, что ночью кто нибудь пріѣзжалъ къ берегу для спасенія людей, или для взятія мертвыхъ тѣлъ, на разбитой лодкѣ находившихся. Мы были сначала сильно уstraшены такимъ извѣсті-

емъ; но потомъ нѣсколько успокоились, принявъ, что берега были устья болотами и что, по причинѣ оныхъ, Татарамъ невозможно будетъ подъѣхать слишкомъ близко къ морю. Въ такомъ положеніи пробыли мы до 13 числа. Тутъ погода сдѣлалась нѣсколько благоприятнѣе и мы, оснастивъ немедленно судно наше и вытаскивъ его изъ среды камней, его окружавшихъ, погрузили пожитки свои и снова вышли въ море. Это было въ страстную субботу. Отъѣхавъ около 30 миль, опять подулъ противный вѣтеръ; но къ счастью въ виду у насъ было нѣсколько островковъ, покрытыхъ камышемъ, между коими мы послѣдними укрылись и бросили якорь въ мелкомъ мѣстѣ. Вѣтеръ однако усиливался все болѣе и болѣе, такъ, что волны начали даже заливать лодку. Это заставило хозяина нашего высадить всѣхъ насъ на одинъ изъ означенныхъ островковъ и, въ счастіе того, вынужденъ я былъ взвалить чемоданъ свой на плеча и, снявъ нижнее платье, идти по водѣ къ берегу, не смотря на сильный холодъ и на волны, безпрестанно меня обдававшія. Достигнувъ берега отыскалъ я небольшую камышевую наѣсъ, оставленную дѣротно Татарамъ, прѣзжающими сюда дѣлать для ловли рыбы, и кое какъ укрылся поднимъ съ своими товарищами. Между тѣмъ матросы съ большимъ трудомъ успѣли вывести

лодку изъ подъ вѣтра и поставить ее въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она не подвергалась никакой опасности.

Праздникъ
Пасхи.

14-е число (это былъ день Пасхи) пробывъ мы въ означенныхъ камышахъ, терпя ужасную стужу и не имѣя для разговѣнья нашего ничего кромѣ коровьяго масла. Къ счастью одинъ изъ служителей Марка Россо, бродя между камнями, нашелъ девять утиныхъ яицъ и принесть своему хозяину, который, приказавъ приготовить изъ нихъ личицу, далъ каждому изъ насъ по кувочку. Этимъ мы прекрасно разговѣлись, благодаря Создателя за Его къ намъ милости. Во время переезда спутники наши неоднократно спрашивали, кто я таковъ, и всякій разъ, по предварительному соглашенію съ Маркомъ, я отвѣчалъ имъ, что будучи медикомъ и сыномъ врача Деспины (Despina⁴⁷), (дочери Деспота Θоны, присланной изъ Рима въ супруги Великому Князю Московскому) я нынѣ отправляюсь къ ней и къ Великому Князю поискать себя счастья. Разъ какъ то у одного матроса образовался нарывъ подъ мышкою и онъ прибѣгнулъ къ помощи моей. Сдѣлавъ пластырь изъ муки съ печенымъ хлѣбомъ и деревяннымъ масломъ, я приложилъ его къ больному мѣсту и къ счастью моему чрезъ три дня нарывъ прорвался и больной выздоровѣлъ. Этотъ

случай доставилъ мнѣ между пассажирами славу отличнаго врача, и они даже стали уговаривать меня остаться съ ними, но Маркъ настоятельно отклонилъ это предложеніе, убѣдивъ ихъ въ совершенной невозможности моей принять оное; ибо при мнѣ не было ничего нужнаго для моей должности, — и увидѣвъ, что по прожитіи нѣкотораго времени въ Россіи, я непременно возвращусь къ нимъ.

Г Л А В А VII.

Святѣйшій Посолъ, переплывъ чрезъ Каспійское море, призываетъ въ Цитраханъ, гдѣ претерпѣваетъ разные притѣсненія отъ Татаръ, и потомъ отправляется съ караваномъ въ Московію.

15-го числа утромъ подулъ опять попут- Устье Вол-
ный вѣтеръ и мы поплыли далѣе; безпрерыв- ги.
но лавируя между помянутыми камышевыми островами, а 26 числа вошли въ устье Волги (Volga), величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ рѣкъ. Она беретъ начало свое въ Россіи, впадаетъ, какъ говорятъ, семидесятью рукавами¹⁸⁾ въ Бакинское море и во многихъ мѣстахъ очень глубока. Отъ устья Волги до

Прибытіе
въ Цитра-
ханы.

Цитраханы считается не болѣе 75 миль⁴⁹⁾; но теченіе здѣсь такъ быстро, что мы не прежде какъ 30 числа могли достигъ города, да и то съ пособіемъ бичевой, а кое гдѣ и съ помощію попутнаго вѣтра. Неподалеку отъ Цитраханы, на пути къ морю, находится солоное озеро, — столь обширное, что добычей изъ него соли достаточно бы было для предѣловъ бѣльшей части вселенной. Оно снабжаетъ превосходною солью почти всѣ Россійскія владѣнія. Татары (т. е. Государь, господствующій въ Цитраханы) сначала никакъ не позволяли намъ сойти въ тотъ же день на берегъ; но Маркъ, съ помощію нѣкоторыхъ пріятелей, бывшихъ у него въ городѣ, исходатайствовалъ для себя это позволеніе, а къ вечеру и меня съ свитою моею вынули также изъ лодки и отвели въ маленькій домикъ, гдѣ находились уже Маркъ. Помѣстившись кое какъ въ небольшой каморкѣ, мы провели тутъ спокойно ночь. На утро же пришли къ намъ трое Татаръ, съ лицами узкими и плоскими какъ доски и, потребовавъ меня къ себѣ, объявили, что Марку опасаться нечего; ибо онъ другъ ихъ Государю; но что я, какъ Франкъ и врагъ Хана, долженъ непременно сдѣлаться рабомъ его. Таковъ пріемъ крайне поразилъ насъ, но Маркъ взялся отвѣчать за меня, советуя мнѣ молчать и

предаться совершенно: дать покровительству,
что я и долженъ былъ исполнить.

1-го Мая 1486 года возвратился я назадъ
въ свою квартиру, почти помертвѣвший отъ
страха. Но не зная самъ, чѣмъ все это кон-
чится; а между тѣмъ опасность съ каждымъ
днемъ увеличивалась, тѣмъ болѣе, что Ханъ
свое досмотрѣніемъ (Commissariat) объявилъ, буд-
то у насъ находится множество драгоцѣнныхъ
вещей, тогда какъ я привезъ съ собою изъ
Дербента единъ только бездѣлушки, и то въ на-
мереніи прѣдложить ихъ потомъ на какую ли-
бо лошадинку, для продолженія моего пути.
Всѣ эти бездѣлушки были у насъ отняты; а
мнѣ объявилъ чрезъ посредство Марка, что я
буду проданъ на рынокъ. Не смотря однако на
такое рѣшеніе, я успѣлъ все какъ, съ помо-
щью Марка и московскихъ купцовъ, отпра-
виться въ Москву, уладить это дѣло за
2000 алермовъ (алерм⁵⁰); которые должны
были заплатить за выкупъ моей Хану; не счи-
тая въ то число разныхъ подарковъ другимъ
лицамъ; а какъ у меня не оставалось ни од-
ной копейки, то деньги эти я принужденъ
былъ занять у Русскихъ и у Татарскихъ ку-
пцовъ, отправившихся въ Москвитинъ, за боль-
шіе проценты и не иначе, какъ за поручитель-
ствомъ означеннаго Марка. Такимъ образомъ
удовлетворили мы Хана; но это дѣло еще

Притѣсненія со сто-
роны Та-
таръ.

не кончилось. Повзранный его вслѣдъ разъ, когда Маркъ выходилъ со двора, явился къ нашему жилищу и, стуча изо всей силы въ дверь, страшнымъ голосомъ грозилъ посадить меня на колъ, если я не выдамъ ему всѣхъ моихъ драгоценностей. Дѣлать было нечего. Чтобы развязаться съ нимъ, надлежало каждый разъ задобривать его какимъ либо подаркомъ. Часто также хитрые Татары, униженные напѣтомъ, приготовляемому у нихъ изъ меда, толпою подходили къ дому нашему и громко требовали Франковъ. Невозможно было безъ страха слышать этихъ ужасныхъ криковъ и мы, чтобы избавиться отъ оныхъ, вслѣдъ разъ должны были задаривать ихъ. Въ Цитрахани пробылъ я съ 1-го Маія по день Св. Лаврентія, т. е. по 10 Августа. Городъ этотъ принадлежитъ тремъ племенникамъ нынѣшняго Татарскаго Хана (Imperadore), которые со всѣмъ народомъ своимъ почуютъ на равнинахъ Черкессіи и около Тамы, приближаясь иногда во время жаровъ, для прохлады и свѣжихъ пажитей, къ предѣламъ Россіи; а въ Цитрахани живутъ только зимою, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Самый городъ, лежащій на берегу Волги, не очень обширенъ и окруженъ низкою стѣною; дома же въ немъ почти всѣ мазанные, хотя кое гдѣ видны еще сѣбіе остатки большихъ зданій, разрушен-

Городъ Цитрахани.

ныхъ: вѣроятно въ недавнемъ времени. Говорятъ, что прежде Цитраханъ была значительнымъ торговымъ мѣстомъ и что сюда привозились всѣ товары, отправляемые изъ Венеціи чрезъ Тану. Въ обменъ же за оныя, сколько могъ я понять и разсказать, брали разныя праности, которые отвозили потомъ въ Тану, отстоящую, какъ говорятъ, отъ Цитрахани не далѣе 8 дней пути.

10-го Августа 1476 года, въ день Св. Лаврентія, мы, какъ выше сказано, выехали изъ Цитрахани въ сѣдующемъ порядкѣ. Ежегодно Государь Цитраханскій, именуемый Ханомъ Казимомъ (Kasimî Han), отправляетъ Посла своего въ Россію, къ Великому Князю, не столько для дѣлъ, сколько для полученія какого либо подарка. Этому Послу обыкновенно сопутствуетъ цѣлый караванъ Татарскихъ мушцовъ съ Джездскими тканями, шелкомъ и другими товарами, которые они промѣниваютъ на мѣха, сѣдла, мечи и инныя необходимыя для нихъ вещи; а какъ дорога отъ Цитрахани до Москвы лежитъ почти непрерывно чрезъ степь, то всякій путешественникъ и долженъ запастись нужными жизненными припасами на все время пути своего. Впрочемъ сами Татары мало объ этомъ заботятся, ибо имѣютъ всегда при караванѣ множество лошадей, которыхъ убиваютъ для своего про-

Отъездъ
изъ Цитра-
хани.

кормились. Они вообще питаются однимъ лошадинымъ мясомъ и молокомъ и даже не ѣдятъ хлѣба, коего употребленіе извѣстно только купцамъ, бывшимъ въ Россіи. По этой причинѣ для насъ крайне было затруднительно предовольствоваться себѣ въ дорогѣ нищею. Весь запасъ нашъ состоялъ изъ небольшого количества сарачинскаго пшени, съмѣшаннаго съ кислымъ молокомъ и высушеннаго потомъ на солнцѣ. Это кушанье называется на Татарскомъ языкѣ туръ (tur). Оно твердо, нѣсколько кислотовато и, по увѣренію Татаръ, очень питательно. Сверхъ означеннаго пищи имѣли мы у себя небольшой запасъ чеснока, луку и хорошей пшеничной муки, а также нѣсколько сухарей, которые я добылъ съ большимъ трудомъ; да еще въ самый день нашего отъѣзда удалось мнѣ достать баранью ногу. Прямой путь нашъ лежалъ между двумя рѣками, но какъ Казимъ Ханъ,¹⁾ находившійся тогда въ войнѣ съ дядею своимъ, Ханомъ Татарскимъ; ибо объявилъ притязанія на владѣніе большою ордою, бывшею прежде подъ управленіемъ его отца, то и велено было каравану нашему переправиться на другую сторону Волги, дабы поскорѣе достигнуть узкаго прохода между Волгою и Танансомъ, отстоящаго на 5 дней пути отъ Цитрахани, и по минованіи коего намъ нечего уже было опа-

ситься. Въ слѣдствіе такого распоряженія весь караванъ погрузилъ пожитки свои и жизненные припасы на еуда, для переправы оныхъ на противоположный берегъ Волги, и такъ какъ Маркъ пожелалъ, дабы наши вещи и запасы были также отправлены вмѣстѣ съ прочими, то я и отрядилъ туда служителя своего Венгерца Іоанна и отца Стефана; самъ же остался въ городѣ дожидаться означеннаго посла, называвшагося Анхиоли (Anchioli) и обѣщавшаго въ полдень захватъ за мною и доставить благополучно къ мѣсту, куда отправлены были барки. Мѣсто это отстояло отъ города не далѣе 12 миль. Въ назначенный часъ сѣлъ я на лошадей и, вмѣстѣ съ посломъ и моимъ переводчикомъ, пустился въ путь. Мы ѣхали съ большою осторожностію и въ ужасномъ страхѣ и за часъ до сумерекъ прибыли къ перевозу, въ намѣреніи, когда стемнѣетъ, переправиться на противоположный берегъ рѣки, гдѣ находились спутники наши. Вдругъ Маркъ позвалъ меня къ себѣ такимъ страшнымъ голосомъ, что я подумалъ: не настала ли послѣдній часъ жизни моей, — и велѣлъ мнѣ сѣсть немедленно на коня и, вмѣстѣ съ переводчикомъ моимъ и какою то Русскою женщиною, отправиться въ путь, въ сопровожденіи одного Татарина, съ самою отвратительною рожею. Болѣе не объяснилъ онъ

Н о в ы я
о п а с н о с т и .

мнѣ ничего, а только примолвить: скачи! скачи скорѣе! Не смѣя противурѣчить, я молча повиновался и тотъ же часъ, поскакалъ вслѣдъ за означеннымъ Татаринѣмъ. Мы ѣхали безъ отдыха всю ночь и остановились не ранѣе какъ на другой день, около полудня. Нѣсколько разъ спрашивалъ я проводника нашего, куда онъ везетъ меня, но никакъ не могъ добиться отвѣта. Наконецъ онъ объяснилъ мнѣ, что Ханъ приказалъ осмотрѣть всѣ лодки, для каравана приготовленныя, — и еслибъ меня нашли тамъ, то я бы навѣрно былъ задержанъ. Вотъ причина, по которой Маркъ съ такою поспѣшностію отправилъ меня.

13-го Августа, въ полдень, какъ выше сказано, прискакали мы къ берегу Волги, — и Татаринъ немедленно бросился искать лодки для переезда насъ на небольшой островъ, посреди рѣки находящійся, и гдѣ послѣдъ стада означеннаго Анхіоли. Не найдя ее, онъ скрутилъ какъ могъ нѣсколько хворосту вмѣстѣ и, привязавъ этотъ плотъ веревкою къ хвосту коня своего, положилъ на оный сѣдла наши; а самъ сѣлъ на лошадь и, погнавъ ее въ воду, перѣехалъ такимъ образомъ на островъ, отстоящій отъ берега не далѣе двухъ перелетовъ стрѣлы. Послѣ сего онъ возвратился къ намъ и точно также переезъ,

Русскую женщину, а потомъ взялъ и меня. Видя всю опасность предстоявшей переправы, я свалъ съ себя платье и оставшіеся въ одной рубашкѣ, (что конечно было бы для меня ничтожнымъ пособіемъ въ случаѣ несчастія) взмолился благословясь на плоть и, съ помощію Божіею, благополучно переехалъ на островъ. Переводчикъ же мой предпочелъ пуститься вплавь, и также, не смотря на всѣ опасности, достигъ берега безъ всякихъ приключеній. Переправивъ такимъ образомъ всѣхъ насъ, Татаринъ опять возвратился на прежнее мѣсто и перегналъ нашихъ лошадей, на которыхъ мы немедленно поскакали къ его жилищу, состоявшему изъ шалаша, покрытаго войлокомъ. Такъ какъ я въ продолженіи двухъ дней совершенно ничего не ѣлъ, то, по прибытіи моемъ, хозяинъ нашъ тотъ же часъ принесъ мнѣ немного кислаго молока, которое показалось мнѣ отменно вкуснымъ, — и за которое я былъ ему крайне благодаренъ. Вскорѣ подошло къ намъ еще нѣсколько Татаръ, находившихся на островѣ съ стадами своими. Они крайне удивились, увидя меня, ибо еще никогда не встрѣчали въ этомъ мѣстѣ Христіанина. Я боялся вступить съ ними въ разговоръ и притворился больнымъ. Хозяинъ мой также молчалъ, страшась, какъ я полагаю, Посла, который считается у нихъ

Пробываніе на небольшомъ островѣ посреди Волги.

весьма важнымъ человекомъ, — и такимъ образомъ пришедшіе ничего обо мнѣ не узнали. 14 числа, наканунѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы, Татаринъ нашъ для моего угощенія велѣлъ убить тучнаго баранка и часть онаго сварить, а другую зажарить, не перемывъ его однако прежде, ибо, по мнѣнію ихъ, отъ чищенія мясо терять свой вкусъ. Они даже не даютъ ему вскипѣть надлежащимъ образомъ и пѣну снимаютъ въ небольшомъ количествѣ маленькимъ прутикомъ. Витѣть съ бараниной принесть онъ мнѣ кислаго молока и не смотря на то, что это было наканунѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы (у которой я умиленно просилъ прощенья въ грѣхъ моемъ; ибо не могъ терпѣть долѣе), мы всѣ съ жадностію принялись за поданное намъ кушанье. Послѣ того хозяинъ принесть еще кобыльаго молока, составляющаго любимую пищу Татаръ, и убѣждалъ меня отвѣдать онаго, говоря, что оно очень крѣпительно; но я никакъ не могъ рѣшиться нить его, по причинѣ проклятаго его запаха. Отказъ мой повидимому крайне не повравилъ-ся Татарину.

На островъ оставались мы до 16 числа, то есть до прибытія каравана. Маркъ, немедленно по пріѣздѣ своемъ, прислалъ за мною одного изъ Русскихъ своихъ служителей, въ

сопровожденіи Татарина, приказавъ имъ перевезти меня на лодкѣ къ тому мѣсту, гдѣ присталъ караванъ. Отецъ Стефанъ и Венгерецъ Іоаниъ, почитавшіе меня уже совсѣмъ погибшимъ, крайне обрадовались, когда меня увидѣли и съ умиленнымъ сердцемъ благодарили Господа за мое спасеніе. Не довольствуясь симъ, Маркъ снабдилъ еще насъ для дороги потребнымъ количествомъ лошадей.

Пробывъ въ этомъ мѣстѣ для отдохновенія весь день 16 числа, мы на слѣдующее утро пустились въ дальнѣйшій путь, по направленію къ Московіи. Посоль начальствовалъ всѣмъ караваномъ, состоявшимъ изъ 300 человекъ Русскихъ и Татаръ, имѣвшихъ при себѣ болѣе 200 заводныхъ лошадей, какъ для прокормленія своего въ пути, такъ равно и для продажи въ Россіи. Мы шли въ большемъ порядкѣ, держась все берега рѣки, и останавливались только на ночь, для отдыха, и въ полдень, для привала; черезъ 15 же дней миновали тотъ узкій проходъ, въ которомъ опасались нападенія Хана Большой орды. Не измѣнимъ почитаю объяснить здѣсь, Татарская орда. что орда эта имѣетъ своего Государя (имени его не припомню), который повелѣваетъ всѣмъ Татарами, въ сихъ странахъ находящимися. Татары эти, какъ я уже прежде сказалъ, кочуютъ по мѣстамъ, изобильнымъ тучнымъ

пажитями и водою, (никогда не оставаясь долго на одномъ мѣстѣ) и живутъ мясомъ и молокомъ. У нихъ такія коровы и быки, какими подобныхъ, я думаю, не найдешь въ цѣломъ свѣтѣ; бараны и овцы также отличной породы; а мясо необыкновенно вкусно, по причинѣ тучныхъ пажитей, на которыхъ пасется скоть. Впрочемъ Татары всему предпочитаютъ кобылье молоко. Я самъ не былъ въ ордѣ, а только старался узнать отъ другихъ о ея устройствѣ и могуществѣ,— и всѣ тѣ, кого я ни спрашивалъ, единогласно утверждаютъ, что хотя народа въ ней много; но большая часть онаго вовсе бесполезна; ибо состоятъ изъ женщинъ и дѣтей. Въ цѣлой ордѣ не наберется болѣе 2000 человекъ, вооруженныхъ мечами и луками; остальные совершенно безоружны. Татары считаются народомъ храбрымъ, ибо безпрестанно грабятъ Черкессовъ и Русскихъ; лошади же ихъ по видимому очень дики и пугливы, и не привычны къ ковкѣ. Вообще полагаютъ, что между Татариномъ и животнымъ весьма мало разницы. Это племя кочуетъ постоянно, какъ выше объяснено, между Волгою и Танаисомъ; но есть, говорятъ, еще другое племя, живущее за Волгою, далѣе къ сѣверо-востоку⁵²). Оно отличается длинными волосами, висящими до самаго пояса и носить названіе дикихъ

Татарь. Племя это, переходя, какъ и всѣ другія, съ мѣста на мѣсто, и отыскивая свѣжихъ пажитей и воды, иногда, во время большой стужи и морозовъ, доходить до самой Цитрахани; но не причиняетъ жителямъ ни малѣйшаго вреда; развѣ только кое гдѣ похищаетъ скоть.

Продолжая въ теченіе 15 дней путь свой около береговъ рѣки, мы наконецъ прибыли къ небольшому лѣску, въ коемъ Русскіе и Татары принялись съ отмѣнною скоростію рубить деревья и дѣлать изъ нихъ плоты, связывая каждыя 40 бревенъ вмѣстѣ веревками, которыя привезли съ собою. Пока они заняты были этою работою, мы отыскивали небольшую лодку, довольно вѣтхую, на коей Маркъ рѣшился переправить пожитки наши на противоположный берегъ. Исполнивъ это, лодка возвратилась назадъ, и онъ приказалъ мнѣ сѣсть въ нее, и забравъ съ собою сѣдла наши и то небольшое количество жизненныхъ припасовъ, которое у насъ находилось, переѣхать также на другой берегъ, для охраненія этихъ пожитковъ; переводчика же моего Дмитрія и Венгерца Іоанна оставилъ стеречь лошадей. Сѣвъ въ лодку съ отцемъ Стефаномъ и двумя Русскими гребцами, мы, съ помощію весьма плохихъ весель, пустились къ противоположному берегу; но долго не могли достигъ его, не столько по

Переправа
черезъ Волгу.

причинѣ разстоянія, составлявшаго добрую милю, сколько по причинѣ сидѣнаго теченія, относившаго насъ стремительно внизъ и небольшой течи, въ лодкѣ оказавшейся, отъ которой она постепенно погружалась, такъ что мы съ отцемъ Стефаномъ принуждены были во все время сидѣть по кодыма въ водѣ и безпрестанно выливать ее. По выходѣ нашемъ на берегъ, Русскіе гребцы хотѣли опять отправиться на ту сторону, гдѣ находился караванъ; но исполненіе сего было рѣшительно невозможно; ибо лодка совсѣмъ развалилась, и, въ слѣдствіе того, всѣ они, числомъ шестеро, остались съ нами. Караванъ располагалъ также переправиться на слѣдующее утро; но поднявшійся вдругъ сильный сѣверный вѣтръ содѣлалъ таковую переправу въ продолженіе двухъ дней невозможною. Бѣдные служители мои, оставшіеся стеречь лошадей, въ теченіе всего этого времени должны были пробывать безъ пищи и безъ одежды; ибо всѣ пожитки наши отправлены были со мною. Легко представить себѣ, каково было ихъ положеніе. Вздумавъ на свободѣ освидѣтельствовать припасы наши, я нашелъ, что они значительно уменьшились. Это открытіе сильно встревожило меня и заставило, хотя нѣсколько и поздно, взяться самому за распоряженіе столомъ и, умѣривъ ежедневное потребленіе наше, выда-

вать чашку сарачинскаго ишена на обѣдъ и столько же на ужинъ, прибавляя къ этой порціи то лукъ, то чеснокъ, то сухари, съ небольшимъ количествомъ кислаго молока. Мы всѣ обыкновенно садились въ кружокъ около чашки, и ѣли вмѣстѣ, причемъ мнѣ, на мою часть, доставалось отнюдь не болѣе какъ и другимъ. Въ тѣ же два дни, которые мы провели порознь съ караваномъ, набравъ нѣсколько дикихъ яблоковъ, я, для сбереженія нашего запаса, велѣлъ сварить ихъ и питался ими въ продолженіе всего этого времени. По истеченіи двухъ дней, какъ выше объяснено, караванъ нашъ, со всѣми пожитками своими, переправился на означенныхъ плотѣхъ на нашу сторону. Къ каждому плоту привязано было веревками за хвосты отъ 6 до 7 лошадей, управляемыхъ столькими же Татарами; причемъ надлежитъ замѣтить, что всѣ лошади были прежде согнаны въ воду, дабы однимъ разомъ двинуть плоты съ мѣста. Этотъ родъ переправы представляетъ конечно весьма красивый видъ; но очень опасенъ. Отдохнувъ нѣсколько времени, мы взяли пожитки свои и отправились въ дальнѣйшій путь, оставя въ сторонѣ рѣку, коей, по мнѣнію моему нѣтъ подобной въ цѣломъ свѣтѣ. Она имѣетъ около двухъ миль въ ширину, ограждена крутыми берегами и вообще очень глубока.

Г Л А В А VIII.

Святѣйшій Посолъ переѣзжаетъ чрезъ большую степь Азіатской Сарматіи и достигнувъ Москвы, столицы Бѣлой Россіи, представляется Великому Князю.

Шествіе по
стѣмъ.

Отправившись, какъ выше сказано, съ помощію Божіею, въ дальнѣйшій путь, мы сначала ѣхали все на сѣверъ, а потомъ стали понемногу сворачивать на западъ. Передъ нами разстилалась пространныя степь, на которой не было даже и малѣйшихъ слѣдовъ дороги. Татары увѣряли, что Тана находится прямо на югъ отъ насъ, не далѣе какъ въ разстояніи 15 дней пути, тогда какъ, по моему расчету, намъ уже давно надлежало миновать ее. Въ продолженіе всего нашего странствованія мы останавливались только въ полдень и предъ наступленіемъ ночи, и спали въ открытомъ полѣ, подъ покровомъ небеснымъ, ограждаясь на ночь повозками, въ видѣ крѣпости. Сверхъ того для предосторожности находились у насъ постоянно на стражѣ трое часовыхъ: одинъ на правой сторонѣ, другой на лѣвой, а третій позади стана. Не рѣдко

оставались мы цѣлые сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить нашихъ коней. Дикихъ звѣрей ни разу намъ не попадалось; только однажды встрѣтили мы на степи двухъ верблюдовъ и до четырехъ сотъ лошадей, оставшихся, какъ увѣряли Татары, еще отъ прошлогоднаго каравана. Два раза мы ожидали нападенія и уже приготовились къ оборонѣ; но въ первый разъ — страхъ нашъ былъ совершенно напрасенъ, а въ другой — поводомъ къ оному послужило появленіе двадцати повозокъ и нѣсколькихъ Татаръ, отъ которыхъ мы никакъ не могли добиться, куда они ѣдутъ. По причинѣ продолжительнаго пути и скудости запасовъ, вынужденъ я былъ уменьшить дневную порцію нашу.

12-го Сентября 1476 года вступили мы наконецъ, съ благословеніемъ Божиимъ, въ землю Русскую, и первый предметъ, представившійся нашимъ взорамъ при вѣздѣ въ оную, была небольшая деревушка, окруженная лѣсомъ. Жители этой деревушки услышавъ, что Маркъ находится въ караванѣ, вышли къ нему на встрѣчу въ большомъ страхѣ, опасаясь бывшихъ съ нами Татаръ, и принесли нѣсколько сотового меду, которымъ онъ подѣлился со мною. Это пособіе пришло весьма кстати; ибо всѣ мы до такой степени отошдали отъ продолжительнаго пути, что едва мо-

гли держаться на лошадяхъ. Отправившись
Рязань. далѣе, прибыли мы въ городъ Рязань (Razan),
принадлежащій одному Князю, имѣющему въ
супружествѣ сестру Московскаго Государя.
Всѣ строенія въ этомъ городѣ, не исключая
и самой крѣпости, — деревянныя; за то онъ
изобилуетъ хлѣбомъ, мясомъ и напиткомъ, ко-
торый Русскіе приготовляютъ изъ меду. Под-
крѣпивъ тутъ нѣсколько силы свои, пустились
мы далѣе, и подъ вечеръ остановились для
ночлега въ Русской деревнѣ, гдѣ спокойно
отдохнули, ибо, по милости Божіей, намъ уже
ничего было опасаться; а потомъ пріѣхали
Коломна. въ другой городъ, именуемый Коломною (Co-
lonna) и расположенный на берегу рѣки Москвы
(Mosco), впадающей въ Волгу (Volga). Чрезъ эту
рѣку въ самомъ городѣ построены мосты.
Изъ Коломны Маркъ отправилъ меня впередъ
въ Москву; ибо караванъ намѣренъ былъ по-
медлить нѣсколько своимъ вступленіемъ.

Москва. 26-го числа прибылъ я наконецъ въ го-
родъ Москву (Moscovia), слава и благодаря Все-
могущаго Бога, избавившаго меня отъ столь-
кихъ бѣдъ и напастей. Городъ этотъ принад-
лежитъ Великому Князю Іоанну, Государю
Великой и Бѣлой Россіи (Duca Zuanne, Signor
della gran Russia bianca). Здѣсь не излишнимъ
почитаю объяснить, что большую часть пу-
ти нашего (съ 10 Августа, т. е. съ отбытія

изъ Цитрахани до 25 Сентября, т. е. до вступленія въ Москву) мы, по неизмѣнно дровъ, готовили себѣ кушанье на лошадиномъ помѣтѣ. Немедленно по приѣздѣ моемъ, отвели намъ, по приказанію Марка, маленькую комнатку, съ небольшимъ помѣщеніемъ для моихъ людей и лошадей. Комната эта была и тѣсна, и довольно плоха; но намъ показалась она огромнымъ дворцемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы прежде испытали.

27-го числа Маркъ Россо также прибылъ въ городъ и въ тотъ же вечеръ навѣстилъ меня. Онъ принесъ намъ въ даръ нѣсколько жизненныхъ-припасовъ, коими Москва, какъ ниже будетъ объяснено, весьма изобильна, и именемъ Государя своего убѣждалъ меня быть спокойнымъ и почитать себя какъ бы въ собственномъ домѣ. Я отблагодарилъ его при семъ случаѣ, сколько могъ и умѣлъ, за всѣ его одолженія.

27-го числа отправился я къ Марку и, желая поскорѣ пуститься въ обратный путь, просилъ его о доставленіи мнѣ случая представиться Государю. Онъ охотно исполнилъ просьбу мою, и въ скоромъ времени послѣ того получилъ я приказаніе явиться во дворецъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, я отблагодарилъ Великаго Князя за вниманіе, оказанное мнѣ посломъ его Маркомъ, который по

Первая аудиенція у Великаго Князя.

истинѣ неоднократно спасалъ меня отъ великихъ опасностей, и объявилъ ему, что вниманіе это, въ лицѣ моемъ, Свѣтлѣйшая Республика конечно отнесетъ къ себѣ. Не давъ мнѣ докончить, онъ съ тревожнымъ лицомъ сталъ жаловаться на Ивана Батиста Тревизана⁵³), о которомъ я не стану подробно распространяться здѣсь, ибо почитаю это неумѣстнымъ. Послѣ долгаго разговора я рѣшился просить у Великаго Князя позволенія отправиться въ отечество и получилъ въ отвѣтъ, что онъ въ другой разъ дастъ мнѣ рѣшеніе; ибо теперь намѣревается ѣхать изъ Москвы. Онъ имѣетъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать разныя области своихъ владѣній и въ особенности посѣщать одного Татарина, котораго, говорятъ, содержатъ на жалованьи, съ 500 всадниками, на Татарской границѣ, для защиты Русской земли отъ нападений. Между тѣмъ гора нетерпѣніемъ, какъ выше сказано, отправиться скорѣе въ Венецію, началъ я всѣми мѣрами хлопотать объ ускореніи обѣщаннаго рѣшенія и, въ слѣдствіе моей просьбы, былъ вторично призванъ во дворецъ, предъ лице трехъ главнѣйшихъ Великокняжескихъ вельможъ, которые привѣтствовали меня отъ имени Государя своего и повторивъ все то, что онъ мнѣ говорилъ, жаловались также на Ивана Батиста Тревизана. Въ заключеніе они объявили мнѣ,

что ѡхать изъ Москвы, или оставаться въ ней совершенно въ моей волѣ. Съ сими словами я былъ отпущенъ изъ дворца, а Великій Князь, сѣвъ на коня, отправился въ предназначенный путь. Состоя должнымъ Марку Россо не только тѣ деньги съ процентами, которыя онъ заплатилъ за мой выкупъ; но еще сверхъ того небольшую сумму, взятую мною на разныя издержки, я предложилъ ему, дабы онъ дозволилъ мнѣ отправиться въ отечество, обѣщая, немедленно по пріѣздѣ туда, выслать весь долгъ мой; но онъ на отрѣзъ отказалъ въ моей просьбѣ, говоря, что Татарскіе и Русскіе купцы, коимъ онъ за меня поручился, требуютъ своихъ денегъ. Испытавъ такимъ образомъ всѣ средства для склоненія въ мою пользу Великаго Князя и Марка, я рѣшился наконецъ отправить отца Стефана въ Венецію, съ письмами къ Свѣтлѣйшей Республѣки, прося ее, дабы она, съ обычною своею щедростію и благоволеніемъ, выкупила меня изъ бѣды и не попустила умереть на чужбинѣ.

7-го Сентября 1476 отецъ Стефанъ отправился въ путь свой, въ сопровожденіи нѣко-
его Лембергца, по имени Николая (Nicolo da Leonoli), знавшаго хорошо эту дорогу, а я остался въ Москвѣ дожидаться его возвращенія. Во время пребыванія моего въ семь го-
Отъездъ О.
Стефана въ
Венецію.

родѣ, отыскалъ я одного золотыхъ дѣлъ масте-
ра, по имени Трифона, Катарскаго уроженца,
работавшаго прекрасные сосуды для Великаго
Князя, и зодчаго (ingegniero) Аристотеля Боло-
нскаго ⁵⁴), строившаго огромную церковь
на площади въ Москвѣ, да еще нѣсколько
Константинопольскихъ Грековъ, прибывшихъ
въ Россію вмѣстѣ съ Деспиною, и свелъ со
всеми ими тѣсное знакомство. Комната,
которую отвелъ мнѣ сначала Маркъ, была
очень мала, некрасива и неудобна, и пото-
му меня перевели, по его же ходатайству, въ
другой домъ, гдѣ жилъ означенный Аристо-
тель. Этотъ домъ былъ довольно хорошъ и
находился неподалеку отъ дворца; но я не
долго пробылъ въ немъ; ибо чрезъ нѣсколько
дней по моему переездѣ, приказано мнѣ бы-
ло именемъ Великаго Князя (не знаю, что
было поводомъ къ такому повеленію) очи-
стить занимаемые мною покои, и я съ тру-
домъ могъ отыскать себѣ небольшую кварти-
ру, внѣ крѣпости, въ которой и прожилъ до
самаго отъезда моего изъ Москвы. Квартиру
эту составляли двѣ комнаты, изъ коихъ въ од-
ной помѣстился я, а другую предоставилъ мо-
имъ служителямъ.

Г. Москва. Городъ Москва расположенъ на неболь-
шомъ холмѣ и всѣ строенія въ немъ, не ис-
ключая и самой крѣпости, — деревянныя.

Посреди протекает рѣка, называемая также Москвою и разделяющая его на двѣ половины, изъ коихъ въ одной находится крѣпость. Для перѣзда чрезъ эту рѣку въ городъ построено нѣсколько мостовъ. Москва есть столица Великаго Князя. Она окружена обширными лѣсами, покрывающими почти все пространство Россіи, — и изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ. Жизненные припасы въ ней такъ дешевы, что, во время моего пребыванія, 10 нашихъ старъ⁵⁵) пшеницы стоили червонецъ (въ этой пропорціи продавался и прочій хлѣбъ); 3 фунта мяса одинъ сольдъ⁵⁶), 100 куръ или 40 утокъ также червонецъ; а самый лучшій гусь не болѣе 3 сольдовъ. Зайцевъ тамъ очень много; но другой дичины почти совсѣмъ не видно, вѣроятно потому, что Москвитяне не умѣютъ ловить ее. Птицъ всякаго рода привозятъ также во множествѣ и продаютъ по самой дешевой цѣнѣ. Москвитяне не дѣлаютъ у себя винограднаго вина, и вообще у нихъ нѣтъ никакихъ плодовъ, кромѣ огурцовъ, орѣховъ и дикихъ яблокъ. Страна ихъ весьма холодна, такъ что жители, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, должны топить въ домахъ своихъ печи. Впрочемъ этимъ временемъ года пользуются они для заготовленія запасовъ своихъ на лѣто, ибо въ морозы, на Русскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, весь-

ма легко перевозить всякія тяжести, тогда какъ лѣтомъ, по причинѣ тающаго льда и большихъ льсовъ, дорога отъ грязи почти вовсе непроходима. Въ концѣ Октября, рѣка, протекающая посреди Москвы, покрывается крѣпкимъ льдомъ, на которомъ купцы ставятъ лавки свои съ разными товарами и, устроивъ такимъ образомъ цѣлой рынокъ, прекращаютъ почти совсѣмъ торговлю свою въ городѣ. Они полагаютъ, что это мѣсто, будучи съ обѣихъ сторонъ защищено строеніями, менѣе подвержено вліянію стужи и вѣтра. На таковой рынокъ ежедневно, въ продолженіе всей зимы, привозятъ хлѣбъ, мясо, свиней, дрова, сѣно и прочіе нужные припасы; въ концѣ же Ноября всѣ окрестные жители убиваютъ своихъ коровъ и свиней и вывозятъ ихъ въ городъ на продажу. Любо смотрѣть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной, и стоящей на льду на заднихъ ногахъ. Такимъ образомъ Русскіе употребляютъ въ пищу свою животныхъ, убитыхъ за три мѣсяца и болѣе. То же самое дѣлаютъ они съ рыбою, птицей и всякаго рода живностію. На рѣкѣ бывають также конскія ристанія и другія увеселенія; но не рѣдко участвующіе въ сихъ играхъ ломають себѣ шеи.

Свойства
жителей.

Московитяне, какъ мужчины такъ и жен-

щины, вообще красивы собою, но весьма грубы и невѣжественны. Они имѣютъ своего Папу (Ра-ра), поставляемаго по ихъобычаю Великимъ Княземъ; нашего же Первосвященника не ставятъ ни во что и всѣхъ насъ почитаютъ погибшими людьми. Главнѣйшій недостатокъ ихъ есть пьянство, которымъ они впрочемъ хвалятся и презираютъ тѣхъ, кои не слѣдуютъ ихъ примѣру. Вина у нихъ совсѣмъ нѣтъ; но вмѣсто его они употребляютъ напитокъ, сдѣланный изъ меду съ хмелемъ. Напитокъ этотъ очень не дуренъ, въ особенности когда онъ старъ. Впрочемъ Великій Князь не всѣмъ позволяетъ варить его; ибо въ противномъ случаѣ они бы каждый день напивались до пьяна и дрались безпрестанно между собою какъ животные. Образъ жизни ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: утро до полудня проводятъ они на рынкѣ, а потомъ отправляются въ харчевню ѣсть и пить, такъ что вечеромъ никакой уже услуги ожидать отъ нихъ нельзя. Въ Москву, во время зимы, съѣзжается множество купцевъ изъ Германіи и Польши, для покупки различныхъ мѣховъ, какъ то: соболей, полковъ, горностаевъ, бѣлокъ и отчасти рысей. Мѣха эти добываются не въ самой Москвѣ, а гораздо далѣе на сѣверъ и сѣверовостокъ; но привозятся обыкновенно въ Москву на продажу. Ими производить также значи-

тельный торгъ еще другой городъ, называемый Новгородомъ (Novogardia) и граничащій почти съ Франціею и верхнею Германіею⁵⁷⁾. Этотъ городъ лежитъ на западъ отъ Москвы, въ разстояніи 8 дней пути, и управляется общиною, хотя и признаетъ надъ собою власть Великаго Князя, которому платитъ ежегодную дань. Владѣнія Государя Московскаго, сколько мнѣ извѣстно, весьма обширны и онъ легко бы могъ имѣть значительное войско; но воины его большею частію нигуда негодны. Россія сопредѣльна съ той частію Нѣмецкой земли, которая принадлежитъ Королю Польскому⁵⁸⁾, а на сѣверовостокъ отъ нее живутъ, какъ увѣряли меня, разныя языческія племена, неимѣющія никакого Государя, но признающія иногда, когда имъ заблагоразсудится, власть Великаго Князя. Иныя изъ этихъ племенъ отдають Божескія почести первому встрѣтившемуся имъ предмету; а другіе приносятъ въ жертву животныхъ у подошвы дерева, которому поклоняются. Не стану впрочемъ повторять здѣсь всего, слышаннаго мною о сихъ народахъ, ибо я самъ не видалъ ихъ, а то, что мнѣ объ нихъ рассказывали, почти такую невѣроятнымъ. — Великому Князю на видъ около 35 лѣтъ. Онъ высокъ ростомъ и худощавъ; но со всѣмъ тѣмъ красивый мужчина. Семейство его состоитъ изъ двухъ братьевъ,

матери и сына отъ первой жены, которая оны не слишкомъ жалуется за дурныя ея наклонности. Съ Деспиною же оны имѣютъ двухъ дочерей, а третьимъ ребенкомъ она, какъ слышно, теперь беременна. Я бы могъ при семъ случаѣ рассказать еще многое кое чего объ этой странѣ; но боясь слишкомъ продлить повѣствованіе мое.

Въ Москвѣ пребылъ я съ 25 Сентября по 21 Января и не могу пожаловаться на гостепріимство ея жителей. Великій Князь, по обзорѣніи владѣній своихъ, возвратился въ концѣ Декабря въ столицу, и хоти я отправилъ отца Стефана въ Венецію за деньгами, въ присылкѣ коихъ ни малѣе не сомнѣвался, однако, горя нетерпѣннѣе скорѣе возвратиться въ отечество и чувствуя, что Московскій образъ жизни вредитъ моему здоровью, — рѣшивъ, чрезъ посредство нѣкоторыхъ расположенныхъ ко мнѣ вельможъ, еще разъ похлопотать о моемъ отъѣздѣ. Вельможи эти не обманули моего ожиданія; ибо чрезъ нѣсколько дней Великій Князь пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и приказалъ объявить мнѣ, что оны не только согласны на отъѣздъ мой, но даже намѣрены оказать услугу Святѣйшей нашей Русской Церкви, заплативъ за меня Русскимъ и Татарамъ весь мой долгъ. Я отираваюсь во дворецъ на зовъ Государя и, немедленно посѣлъ

стола, состоявшаго изъ множества отличныхъ блюдъ, — возвратился по Русскому обычаю въ свое жилище. Черезъ нѣсколько дней былъ я опять приглашенъ Великимъ Княземъ къ обѣду, по окончаніи коего, онъ приказалъ своему Казначею выдать мнѣ ту сумму, которую я обязанъ былъ заплатить Русскимъ и Татарамъ за мой выкупъ, и сверхъ того пожаловалъ мнѣ соболѣю шубу (т. е. одинъ мѣхъ) и тысячу бѣлокъ. При семъ онъ изъявилъ желаніе, дабы я представился Деспину, что и было мною исполнено съ приличными привѣтствіями и поклонами. Великая Княгиня общалась со мною весьма вѣжливо и ласково и убедительно просила поклониться отъ нее Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ. Послѣ сего я распростился съ нею и возвратился въ свое жилище.

Г Л А В А IX.

Свѣтлѣйшій Посолъ отправляется изъ Москвы и проѣхавъ чрезъ Литву, Польшу и Германію, пріѣзжаетъ въ Италію.

Отпускная
аудіенція.

На другой день Великій Князь опять пригласилъ меня къ столу. Прибывъ во дворецъ за нѣсколько времени до обѣда, я былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился Государь съ Маркомъ и другими своими Се-

кретаремъ. Онъ сдѣлать мнѣ весьма ласковый пріемъ и, въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ, поручилъ увѣрить Святѣйшую нашу Республику въ искреннемъ его дружествѣ, которое онъ и на будущее время сохранить желаетъ, и присовокушилъ къ тому, что охотно отпускаетъ меня въ отечество и готовъ сверхъ того сдѣлать въ пользу мою все то, что я почту для себя нужнымъ. Когда Великій Князь говорилъ со мною, я изъ учтивости отступалъ назадъ, но онъ всякій разъ самъ подходилъ ко мнѣ и съ особенною благосклонностію выслушивалъ отвѣты мои и изъясненія моей благодарности. Такимъ образомъ проговорилъ я съ нимъ болѣе часа и удостоился видѣть при семъ случаѣ нѣкоторые изъ его парчевыхъ кафтановъ, подбитыхъ отличнѣйшими соболами. По окончаніи аудіенціи мы пошелъ къ столу, который на этотъ разъ былъ длиннѣе и роскошнѣе обыкновеннаго, и напалъ тутъ многихъ Великокняжескихъ вельможъ. Послѣ обѣда мнѣ приказано было встать съ своего мѣста и снова подойти къ Государю. Онъ весьма ласково простился со мною и громкимъ голосомъ, слышимымъ для всѣхъ присутствовавшихъ, возобновилъ увѣренія въ благосклонности своей къ Святѣйшей нашей Республикѣ. За симъ подали мнѣ серебрянную чашу, наполненную Русскимъ напѣткомъ,

приготовленнымъ изъ меда, говоря, что Великій Кидзы дарить мнѣ ее и жемать, дабы я осушить ее до дна. Таковой даръ почитается при Московскомъ дворѣ знакомъ особенной милости, оказываемой однимъ только Посломъ и другимъ значительными особамъ. Я никакъ не могъ опередить всей чаше, потому что она была довольно велика, и выпилъ только четвертую долю находящагося въ ней напитка. Государь, приметивъ это и зная сверхъ того изъ прежнихъ опытовъ, что я небольшою охотнѣе пить, приказалъ взять у меня изъ рукъ чашу и, выливъ напитокъ, возратить мнѣ ее пустою, — что было немедленно исполнено. После сего я поцѣловалъ у него руку и, раскланявшись, вышелъ изъ комнаты. Многие Безымысли проводили меня до самаго крыльца, и мы на прощаніи съ нѣжностію обняли другъ друга. Возратившись домой, я написалъ, что все уже было готово къ моему отъѣзду; но Маркъ настоятельно требовалъ, дабы, предъ отправленіемъ въ путь, я отобѣдалъ у него.

Отъѣздъ изъ
Москвы.

12-го Января 1476, отобѣдавъ вмѣстѣ съ спутниками моими у означеннаго Марка, который угостилъ насъ весьма хорошо, мы распрощались съ нимъ и, сѣвъ въ свои сани, пустились съ именемъ Божиимъ въ путь. Санки называются у Русскихъ повозка, употреб-

лемая ими только въ зимнее время. Она съ виду похожа на домъ, можетъ помѣстить въ себя одного лишь человека и запрягается въ одну лошадь, которая везетъ ее съ необычайною скоростію. Сидя въ саняхъ, можно закутаться какъ угодно и сверхъ того положить съ собою нужное количество жизненныхъ и другихъ припасовъ. Здѣсь не излишнимъ считаю объяснить, что Лудовикъ, Патріархъ Антіохійскій, былъ сначала задержанъ Великимъ Княземъ въ Москвѣ; а потомъ отпущенъ по просьбѣ Марка, въ слѣдствіе сильнаго моего ходатайства. Я предложилъ ему отправиться вмѣстѣ; но видя, что онъ не охотно на то соглашается, уѣхалъ однимъ съ своею свитою, тѣмъ болѣе, что Государь далъ намъ проводника, съ повелѣніемъ мѣнять его отъ мѣста до мѣста. Къ вечеру остановились мы въ небольшой плохой деревушкѣ, и хотя я зналъ напередъ, что мнѣ придется вытерпѣть въ пути множество хлопотъ и безпокойствъ, какъ по причинѣ стужи и льдовъ, такъ равно и потому, что дорога наша шла почти безпрерывно лѣсомъ, однако я презрѣлъ всѣми этими неудобствами и рѣшился безъ малѣйшаго страха ѣхать день и ночь, столь велико было мое нетерпѣніе выбраться поскорѣе изъ этихъ странъ.

22-го числа оставили мы означенную дере- Влзъма.

вущку и продолжая, при сильной стужѣ, безостановочно путь свой по лѣсамъ, прибыли 27 числа въ небольшой городъ, именуемый Визьмою (Vissemo). Тутъ перемѣнили мы проводника и, отправившись съ нимъ далѣе, достигли другого **Смоленскъ.** города, называемаго Смоленскомъ (Smolenchko), гдѣ также взяли новаго проводника. Вскорѣ выѣхали мы совсѣмъ изъ владѣній Великаго Князя Московскаго и, вступивъ въ Литву, принадлежащую Королю Польскому Казимиру, прибыли 12-го Февраля въ городъ Троки (Trochi), гдѣ находился тогда самъ Король.

Т р о к и. Нужно замѣтить, что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 21 Января, по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 Февраля, мы постоянно ѣхали по ровному, лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыхъ мы заѣзжали для отдыха; чаще же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень останавливались мы для обѣда и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго вѣроятно путниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разныя другіе признаки недавняго ночлега. Подложивъ въ огонь нѣсколько дровъ, мы обыкновенно садились вокругъ костра и подкрѣпляли себя пищею; когда же одинъ бокъ начи-

наль сильно злбнуть отъ стужи, то перево-
рачивались на другой. Я почти всю дорогу
спалъ въ саняхъ, предпочитая ихъ дожу на
голой землѣ. Три дни сряду ѣхали мы рѣкою,
покрытою льдомъ, на которой ночевали два
раза, и совершили всего, какъ меня увѣрили,
около трехъ сотъ миль, что составляетъ не
малый путь.

Король, узнавъ о моемъ приѣздѣ, немедлен-
но прислалъ двухъ своихъ дворянъ поздравить
меня съ благополучнымъ возвращеніемъ и
пригласить на слѣдующій день къ себѣ обѣ-
дать. Утромъ этого дня (15 Февраля) привез-
ли мнѣ въ подарокъ отъ Его Величества каф-
танъ изъ алой парчи, подбитый соболями,
а, для переезда моего во дворецъ, присланы
были придворныя сани, запряженные шестью
прекрасными лошадьми. Въ нихъ то отправи-
лся я къ Королю, къ сопровожденіи четырехъ
знатныхъ вельможъ, стоявшихъ на отводахъ;
внѣ саней, и другой почетной свиты. Но прибы-
тіи моемъ во дворецъ, Его Величество ввелъ
меня во внутреннія свои покои, гдѣ сѣлъ на при-
готовленные для него великолѣпныя кресла, по-
среди двухъ юныхъ сыновей своихъ, одѣтыхъ
въ алое платье, и прекрасныхъ какъ Ангелы.
Въ комнатѣ находилось также множество вель-
можъ, дворянъ и другихъ значительныхъ особъ.
Для меня поставлена была скамья, напротивъ

Аудіенція у
Польскаго
Короля.

самаго Короля, который обошелся со мною
отмѣнно ласково, позволялъ мнѣ взять дѣтей
его за руки и былъ ко мнѣ такъ милостивъ и
привѣтливъ, какъ бы къ собственному своему
сыну. Я хотѣлъ начать рѣчь свою, стоя на
колѣнахъ, но Его Величество никакъ не поз-
волялъ этого и требовалъ настоятельно, дабы
я говорилъ сидя. Долго я не рѣшался испол-
нить таковаго приказанія; но наконецъ, по
многократному повтореніи онаго, принужденъ
былъ повиноваться. Начавъ рѣчь мою съ по-
дробнаго описанія моего путешествія и дѣй-
ствій моихъ при дворѣ Узумъ-Гассана, я по-
томъ распространился въ изображеніи могуще-
ства сего Государа и странъ, ему подвласт-
ныхъ (что повидимому было крайне занима-
тельно для Его Величества), а послѣ того пе-
решелъ къ описанію нравовъ и управленія
Татаръ и, при семъ случаѣ, коснулся нѣсколь-
ко опасностей, претерпѣнныхъ мною въ пу-
ти. Около получаса продолжалъ я повѣствова-
ніе свое, и Король слушалъ слова мои съ не-
обыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ
и ни разу не прерывалъ меня. Въ заключеніе
я отблагодарилъ Его Величество, именемъ Свѣт-
лѣйшей нашей Республики, за пожалованный
мнѣ подарокъ и за всѣ почести, оказанныя
мнѣ при дворѣ Польскомъ. Онъ отзывалъ чрезъ
своего переводчика, что весьма радуется бла-

геполучному моему возвращенію, тѣмъ болѣе, что, при отъѣздѣ моемъ въ Персію, никто не надѣялся видѣть меня въ живыхъ, и прѣсемукушилъ къ тому, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ разсказы мои объ Узуң-Гассанѣ и Татарахъ, ибо они утвердили его въ той мысли, что не всегда предметы бываютъ таковы, какими ихъ намъ описываютъ. Рѣчь свою заключилъ онъ разными привѣтствіями и увѣреніемъ, что никто еще не сообщалъ ему такихъ справедливыхъ свѣдѣній, какія онъ нынѣ почерпнулъ отъ меня. По окончаніи аудіенціи, меня повели, также съ большими почестями, въ другую комнату, гдѣ уже были накрыты столы. Вскорѣ пришелъ туда и самъ Король, сопровождаемый сыновьями своими и прѣдшествуемый трубаками, и всѣ мы заняли назначенныя намъ мѣста. По правую сторону Его Величества сидѣли сыновья его, а по лѣвую Епископъ, и рядомъ съ нимъ я, такъ что Государь находился почти возлѣ меня. Вельможи Польскіе размѣстились по другимъ столамъ, нѣсколько подалѣе. Кушанья разносили въ большомъ количествѣ, на огромныхъ блюдахъ, при звукѣ трубъ, — и у каждаго прибора, совершенно по нашему обычаю, были положены ножи. Обѣдъ продолжался около двухъ часовъ и, во время оного, Король неоднократно обращался

ко мнѣ съ разными вопросами касательно моего путешествія, на которые я всякій разъ отвѣчалъ удовлетворительно. Когда же обѣдъ кончился, я всталъ съ своего мѣста и, прощаясь съ Его Величествомъ, спросилъ: не угодно ли будетъ ему дать мнѣ еще какихъ либо приказаній? Въ отвѣтъ на сіе, поручилъ онъ мнѣ поклониться отъ него Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ, приказавъ и сыновьямъ своимъ дать мнѣ такое же порученіе. Послѣ сего я раскланялся съ Его Величествомъ и возвратился въ свое жилище тѣмъ же порядкомъ, какимъ былъ отвезенъ во дворецъ. Король приказалъ дать мнѣ проводника, долженствовавшего сопровождать намъ чрезъ всѣ Польскія владѣнія и заботиться о томъ, дабы мнѣ повсюду давали безпрепятственный и безопасный пропускъ.

Слонимъ. 16-го числа выѣхалъ я изъ Трокъ, а 25-го прибылъ въ мѣстечко, именуемое Слонимомъ (Іонісі⁵⁹). Отправившись оттуда далѣе, мы скоро вступили въ Польшу и, мѣняя отъ мѣста до мѣста проводниковъ, которыхъ намъ, по приказанію Его Величества, давали безъ замедленія, достигли такимъ образомъ города Варшавы (Warsavia), управляемаго двумя братьями⁶⁰. Они приняли меня весьма ласково и дали проводника, долженствовавшего сопровождать намъ чрезъ всю Польшу. Я не на-

Варшава.

нѣренъ распространяться здѣсь въ изображеніи этой страны, ибо прежде уже достаточно описалъ ее, а скажу только, что она богата красивыми мѣстоположеніями и, повидимому, обильна хлѣбомъ и мясомъ; за то плодовъ въ ней почти вовсе нѣтъ. По пути встрѣчали мы множество селеній и замковъ, но не примѣтили ни одного города, достойнаго особеннаго вниманія. Вездѣ находилъ я порядочные ночлеги, гдѣ насъ принимали хорошо. Вообще Польша показалась мнѣ страшною безопасною.

1-го Марта 1476 прибылъ я въ городъ Плоцкъ. Плоцкъ (Polonia⁶¹). Протѣхавъ столь обширное пространство въ саняхъ, мы всѣ такъ были утомлены, и отъ продолжительнаго пути, и отъ разнаго рода безпокойствъ, что рѣшились пробить тутъ до 5-го числа; тѣмъ болѣе, что городъ самъ по себѣ красивъ и богатъ и что мы имѣли въ немъ хорошее помѣщеніе. Въ Плоцкѣ запаслись мы всѣмъ нужнымъ въ дорогу и купили потребное количество лошадей, для продолженія нашего пути.

Оставивъ Плоцкъ 5-го Марта, мы отпра- Мезерицъ.
лись далѣе и вскорѣ прибыли въ другой городъ, называемый Мезерицемъ, и принадлежащій также Королю Казимиру. Городъ этотъ находится на границѣ Польши и Германіи и

потому я не безъ страха проѣзжалъ чрезъ оный, опасаясь какихъ либо неудовольствій.

Франкфуртъ. 9-го числа прибыли мы въ городъ Франкфуртъ, принадлежащій Маркизу Бранденбургскому, и остановились въ томъ самомъ домѣ, гдѣ стояли въ прежній нашъ проѣздъ. Хозяинъ, узнавъ меня, крайне удивился благополучному моему возвращенію, и осыпалъ насъ ласками и привѣтствіями.

10-го числа выѣхали мы изъ Франкфурта и, подвигаясь все далѣе и далѣе по Германіи, съ каждымъ днемъ встрѣчали болѣе красивыхъ селеній, замковъ и городовъ. 15-го числа, **И . н . а.** подѣзжая къ городу Іенъ (Ien⁶), встрѣтилъ я отца Стефана, возвращавшагося въ Москву отъ Свѣтлѣйшей нашей Республики, съ деньгами для моего выкупа. Предоставляю самимъ читателямъ судить, какъ усладительна была наша встрѣча. Мы крѣпко обняли другъ друга, поблагодарили Господа Бога за сей новый знакъ его милости и, рассказавъ вкратцѣ похождения наши, отправились вмѣстѣ въ Іену, гдѣ и остановились для отдыха.

Ниренбергъ. 17-го числа пустились мы далѣе, а 22-го прибыли въ прекрасный городъ Ниренбергъ, о которомъ я уже упомянулъ въ началѣ моего путешествія. Тутъ рѣшились мы пробыть нѣсколько дней, какъ по причинѣ крайней усталости нашей (это было главнымъ пово-

домъ къ такому распоряженію) такъ рано и по случаю приближающагося праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (*Inceptione del nostro Signor Jesu Christo*), который я намѣренъ былъ отпраздновать надлежащими образомъ.

26-го числа выѣхали мы изъ Ниренберга. Городъ этотъ управляется общиною, но признаетъ власть Императора. Каждую ночь проходили мы въ прекрасныхъ городахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны Аугсбургъ и нѣкоторые другіе.

Утромъ 4-го Апрѣля, въ самую страстную Пятницу, прибылъ я въ Трентъ, гдѣ удивлялся о чудесахъ Св. Симона. Почитая для себя обязанностію поклониться честнымъ мощамъ этого угодника и, желая сверхъ того исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ и пріобщиться Св. Тавны, я рѣшился провести тутъ праздникъ Пасхи. — 6-го числа, согласно желанію моему, удостоился я со мною моими спутниками принятія Св. Причащенія и пробылъ весь остатокъ этого дня въ Трентѣ.

7-го Апрѣля, горя нетерпѣніемъ (какъ всякій легко понять можетъ), увидѣть скорѣе святую землю нашу, въ удаленіи отъ коей всякій часъ казался мнѣ годомъ, я принялъ благословеніе отъ Преосвященнаго Епископа Трентскаго и, выѣхавъ изъ города, въ тотъ же день прибылъ въ Скалу, первое мѣсто Вене

ціанскихъ владѣній. Давъ обѣщаніе посѣтитъ обитель Св. Маріи Артонской (S. Maria di monte Arthon) отправился я туда и 9-го числа около полудня достигъ стѣнъ монастырскихъ. Помолвившись образу Пресвятыя Дѣвы и принеся ей, съ разрѣшенія Пріора Отца Симона, обѣщанные дары, пустился я по дорогѣ къ Па-
П а д у а. дуѣ, куда и прибылъ въ тотъ же день, слава и благодаря Всемогущаго Бога и Пресвятую Матерь Его, избавившихъ меня отъ столькихъ явныхъ опасностей и приведшихъ благополучно на родину, которую я не надѣялся видѣть болѣе. Хотя тѣломъ я находился уже въ Падуѣ; но душа моя все еще не могла постичь своего блаженства, такъ несбыточно казалось мнѣ возвращеніе мое въ отечество послѣ всѣхъ напастей, мною претерпѣнныхъ. Я еще прежде уведомилъ брата моего и мое семейство, что 10-го числа, т. е. въ четвергъ, около вечера, буду въ Венеціи; но сильное нетерпѣніе не допустило меня послѣдовать предначертанному плану, и рано утромъ, сѣвъ въ лодку, я уже въ два часа по полудни былъ въ Зафузинѣ (le Zaflussine). Желая, прежде возвращенія въ свой домъ, исполнить еще другое данное мною обѣщаніе, я отправился прямо къ Св. Маріи ди Граціи, и въ Джіудекскомъ каналѣ встрѣтилъ брата моего Августина и двухъ другихъ родственниковъ, которые, увидя меня,

Возвраще-
ніе въ Ве-
нецію.

не вѣрилъ собственными глазами своимъ: ибо навѣрное полагали меня умершимъ. Мы съ восторгомъ обняли другъ друга и вмѣстѣ пошли въ церковь. Такъ какъ это было въ четвергъ, т. е. въ день засѣданія Правительственнаго Совѣта, то прежде чѣмъ идти домой, я обязанностию почелъ представиться ему и отдать отчетъ въ возложенномъ на меня порученіи. По прибытіи въ залу Совѣта, мнѣ повѣщено было взойти на кафедру и повѣдать все, совершенное мною, что я и исполнилъ надлежащимъ образомъ. Тутъ узналъ я, что Святѣйшій нашъ Дожь⁶³), по причинѣ болѣзни, не могъ въ тотъ день присутствовать въ засѣданіи, а потому отправился немедленно къ нему и былъ встрѣченъ съ особенною радостію. Отдавъ вкратцѣ Его Высочайшю (Sua Sublimità) отчетъ въ дѣйствіяхъ моихъ, я поспѣшилъ въ свой домъ и, по прибытіи туда, снова принесть благодареніе Всемилосердому Богу, избавившему меня отъ столькихъ опасностей и допустившему обнять семейство мое, съ которымъ я уже отчаивался свидѣться въ этой жизни.

Симъ оканчиваю я описаніе моего путешествія, которое конечно могъ бы разсказать слогомъ болѣе изящнымъ, но предпочелъ лучше представить нагую истину, чѣмъ испестрить ее красивыми вымыслами. Да не

удивятся читатели мои, если встрѣтятся у меня мало свѣдѣній о Германіи. Я не почелъ нужнымъ подробнѣе распространяться о сей странѣ; ибо она близка къ намъ и по положенію своему и по своимъ обычаямъ.

Краткое свѣдѣніе о владѣніяхъ Узунъ-Гассана.

Страна, подвластная Узунъ-Гассану, весьма обширна и граничитъ съ Оттоманами и съ Караманією⁶⁴). Коренное владѣніе сего Государя есть Туркоманія⁶⁵), сопредѣльная съ землями Султана Египетскаго, т. е. съ Аленпомъ. Перею же завоевалъ онъ болѣе счастіемъ нежели силою у Абусаида (Іаула⁶⁶), котораго повелѣлъ умертвить. Тавризмъ есть столица и резиденція Узунъ-Гассана. Въ 24-хъ дняхъ пути отъ нее, на юговостокъ, у самой границы Персидскихъ владѣній находится Ширасъ. Далѣе страна, подвластная Узунъ-Гассану, граничитъ съ Джагатайскими Татарами, (управляемыми сыновьями Султана Бузека, съ которыми Узунъ-Гассанъ ведетъ частыя войны); съ Мидією, принадлежащею Сивансѣ, Государю Инамахи, который платитъ Персіи ежегодную дань; съ землями Грузинскаго Царя Баграта и наконецъ съ владѣніями Горгоры, отдѣленными отъ Персіи Арсиганскою до-

линою. Сверхъ того Узунъ-Гассанъ владѣтъ еще многими землями за Ефратомъ, близъ границы Оттоманскихъ. Все это пространство, вплоть до самой Испагани, гдѣ я былъ самъ, и которая находится только въ 6 дняхъ пути отъ Шираса, главнаго города Персїи, представляетъ видъ безплодной равнины, на которой нѣтъ ни деревьевъ, ни даже хорошей воды. Со всѣмъ тѣмъ Персидское Государство обильно всякаго рода жизненными припасами и плодами, произрастающими впрочемъ не иначе, какъ съ помощію искусственной поливки. Узунъ-Гассану на видъ 70 лѣтъ. Онъ худощавъ и довольно красивый мужчина; но кажется не долголѣтень. Старшій сынъ его Гурлу-Махметъ, прижитый съ Курдкою, пользуется большою славой и, какъ мы уже объяснили прежде, находится въ войнѣ съ своимъ родителемъ. Отъ другой жены Узунъ-Гассанъ имѣетъ трехъ сыновей: Султана Хали, 35 лѣтъ, которому какъ выше сказано, данъ былъ въ управленіе городъ Ширасъ; Лукубея, 16 лѣтъ, и еще третьяго 7 лѣтъ (имени его я не припомню). Сверхъ того отъ третьей жены у него есть также сынъ, по имени Мазубей. Въ бытность мою въ Персїи, онъ находился въ оковахъ, въ станѣ Узунъ-Гассана (гдѣ я самъ видѣлъ его нѣсколько разъ), за тайныя сношенія его съ Гурлу-Махметомъ,

возставшимъ противу своего отца. Въ послѣдствіи онъ былъ умерщвленъ. Я старался узнать отъ многихъ достовѣрныхъ особъ, сколь велика воинская сила Узунъ-Гассана, и удостовѣрился, что она простирается до 50,000 всадниковъ, изъ коихъ не всѣ однако годны для войны. На вопросъ же мой, какъ велика была рать его въ битвѣ съ Оттоманами, получилъ я въ отвѣтъ отъ людей, участвовавшихъ въ сѣмѣлѣ, что все войско Узунъ-Гассана состояло тогда изъ 40,000 человекъ. Впрочемъ войско это не было назначено первоначально противу Турокъ, а только послано для возведенія на престолъ Пирамета, Государя Караманіи, коего владѣнія были захвачены Оттоманами. Вотъ причина войны Узунъ-Гассана, и всякій тотъ, кто предполагаетъ другой поводъ къ враждѣ его съ Турціею, крайне ошибается. Дѣло это мнѣ хорошо извѣстно; ибо я самъ былъ на мѣстѣ и рассказываю только то, что видѣлъ и слышалъ отъ людей, заслуживающихъ вѣроятіе. Этимъ окончу я повѣствованіе свое; ибо подробнымъ объясненіемъ обстоятельствъ я только бы продлилъ мое описаніе, тогда какъ эти обстоятельства въ сущности своей не заключаютъ ничего особенно важнаго.

Конецъ.

IL VIAGGIO DEL MAGNIFICO

M. AMBROSIO CONTARINI

AMBASCIADORE DELLA ILLUSTRISSIMA SIGNORIA DI VENETIA AL GRAN SIGNORE USSUNCASSAN RE DI PERSIA NELL'ANNO

MCCCCCLXXIII.

PROEMIO DELL' AUTORE.

Essendo stato eletto per la nostra Illustrissima Signoria nel consiglio di Pregadi io Ambrosio Contarini fu di messer Benedetto, ambasciadore all' Illustrissimo Signor Usuncassan Re di Persia, benche tal legatione à me paresse ardua, et per il lungo cammino pericolosa: nondimeno considerando il gran desiderio della mia Illustrissima signoria, et il bene universale di tutta la christianità, col nome del nostro Signor messer Giesu Christo, et della gloriosa sua madre, postposto ogni pericolo, deliberai andar con bonissimo animo, et volentieri à servir quella, et la christianità. Et parendomi, che'l dar notitia di un tanto et sì lungo viaggio possa esser dilettevole, et utile a'nostri discendenti: però con quella maggior brevità, che mi sarà possibile, farò mentione et del mio partir da Venetia, che fu alli 23 di Febraro 1473, il primo di quaresima, insino al giorno della mia tornata, che fu alli 10 d'Aprile 1477, et racconterò tutte le terre, luoghi, et provincie, dove io sono stato, et anco i lor modi, et costumi.

CAPITOLO I.

Il Christiano Ambasciador si parte da Venetia, et passa per l'Alemagna, Polonia, Russia bassa, et il gran deserto della Tartaria d'Europa, et arriva alla città di Cafà.

Io partì da Venetia a di 23 Febraro 1473 et in mia compagnia hebbi il Venerabile pretè Stephano Testà in luogo di mio cappellano, et cancelliere, Dimitri da Settimio Tarciman, Mapheo da Bergamo, et Zuanne Ungaretto per miei servitori: tutti cinque vestiti di grossi panni alla tedesca. Li danari, li quali portai con me, erano cusciti nei giupponi del detto prete Stephano, et mio, ilche non era senza affanno. montai in barca con li sopradetti quattro, et andai à San Michiel da Murano, dove udita la messa, feci che'l Priore ne seguò tutti col legno della Croce, et con la sua beneditione andassirno à drittura à Mestre, dove erano qui vi apparecchiati cinque cavalli, sopra li quali montassimo, et col nome di Dio me ne andai à Treviso, havendo usata ogni diligenza di trovare una guida, la qual per danari non potei trovare.

A di 24 mi partì per Conegliano, nel qual luogo considerando esser mio debito in un sì lungo et pericoloso viaggio non andar senza confessarmi et comunicarmi, lo feci divotamente insieme con la detta mia famiglia.

A di 26 la mattina mi partì, et uscito di Coneglian, trovai un Sebastian Todesco, il qual diceva andare al cammin nostro, et mostrò conoscermi, et saper dove io andava, et offersesi farne compagnia fin appresso Norimbergo, che certo mi parve un messo mandato da Dio. et essendoci messi in viaggio tutti sei, camminando ogni giorno, entrammo in Alemagna, dove trovai di molti bei castelli, et terre di diversi signori et Vescovi pur all'ubbidienza del Serenissimo Imperadore: fra i quali viddi Auspurch terra bellissima. Et essendo stati in Bercemsuich, terra murata dell'Imperadore, usciti della detta circa miglia cinque, il detto Sebastian tolse il campino verso Frankfort, et abbracciandosi strettamente, tolse commiato da noi.

A DI X. MARZO 1474 con una guida giungessimo in Narimbergo terra bellissima, la quale ha il suo castello, et lì passai un fine per meze, et cercando io guida per voler seguire il mio viaggio, l'hoste mi disse, che quivi si trovavano due ambasciatori della Maestà del Re di Polonia, et confortommi ad accompagnarli con essi. la qual cosa intesa mi fu di grandissimo contento, et per preste Stephane feci saper alle Magnificenze loro, nbi lo era, et che volentieri parlaria con esso loro. Intesa che hebbero l'ambasciata, mi mandorno a dire, che l'andare era ad ogni mio piacere. Così me n'andai, et trovai esser due de primi di sua Maestà, uno Adalussore, l'altro messer Paolo cavaliere: et fatte le debite salutationi, li certifieai, come io andavo alla maestà del loro Re con lettera di credenza: i quali, non ostante il mio habito, certamente assai mi honorarono, accettandomi di buona voglia in lor compagnia, con larghissime offerte. nel qual luogo per aspettarli stetti fin alli 14 del detto, che di lì partimmo.

A di 14 come s'è detto, partimmo del detto luogo di Narimbergo in compagnia con li sopradetti Ambasciatori. Vi era anco un' Ambasciadore del Re di Boemia primogenito del Re di Polonia, et potevano essere con cavalli 60. cavalcando per l'Alemagna alloggiavamo alcune volte in bonissime ville, ma la più parte in terre, et castelli: che certo ve ne sono molti di belli, et forti, et dgni di memoria. Ma per esser paese, che à ciascuno quasi, o per veduta, o per udita è noto, non farò mentione delle sue terre, et castelli. Dal sopradetto giorno fine alli 25 come s'è detto, di continuo cavalcammo per l'Alemagna paese del Marchese di Brandimburg Duca di Sassonia. entrando ancora nel paese del detto Marchese di Brandimburg, giugnemmo in una terra chiamata Franckst, murata et bella del detto Marchese, ove stettimo infino alli 30 et questo per esser confin dell' Alemagna, et Polonia: dove il detto Marchese mandò molti huomini d'arme per accompagnar li detti Ambasciatori, fin che entrassero nel paese del lor Re: li quali certo erano bonissime in ordine.

A di 31 entrammo in Messaria prima terra del detto Re di Polonia picciola, et assai bella con una castelletta.

A DI IL APRILE 1474 giugnemmo in Posnana, non havendo trovato luogo niun da conto: la qual terra è certo degna d'esser

commemorata, si per le belle strade, come case: et è terra, dove capitano assai mercanti.

A di 5 ci partimmo di lì per andare a trovar la maestà del Re, cavalcando per la detta Polonia, non trovammo terre, ne castelli da farne gran mentione: et d'alloggiamenti, et d'ogni altra cosa è molto differente dall' Alemagna.

A di 9 entrammo in una terra, che si chiama Lancisia, et fu il sabbato santo, dove trovai la maestà del Re Casimir Re di Polonia: et per due cavalieri sua maestà mandò a ricevermi, havendomi dato alloggiamento assai convenevole, secondo il luogo: et per quel giorno, che era il dì di Pasqua, come era ragionevole, non andai da sua maestà.

A di 11 da mattina mandò a presentarmi una veste di damaschin negro, chiamandomi da sua maestà: et per esser così lor costume, con la detta veste indosso me n'andai accompagnato da molti huomini da conto: et fatte le debite riverenze et salutazioni, gli presentai il presente mandatogli dalla nostra Illustrissima Signoria, et dissi quanto m'accadeva. volse che io desinassi con sua maestà. Usano mangiar quasi a nostro modo, benissimo apparecchiando, et abbondantemente. Finito il desinare, tolsi commiato da sua maestà: et tornai al mio alloggiamento.

A di 15 mandò a chiamarmi un'altra fiata, et fecemi rispetta a quanto io havea detto, et esposto per nome della mia Illustrissima Signoria, con tante humane, et cortesi parole, che conforma quello, che per noi si dice: che già assaisimi anni, non si è trovato mai più giusto Re di lui. Comandò che mi fossero date due guide, una per la Polonia, l'altra per la Russia bassa, fino a un luogo, che si chiama Chio, over Magraman, che è oltre le terre di sua maestà nella Russia. Feci li debiti ringratiamenti a quanto accadeva per nome della mia Illustrissima Signoria, et da sua maestà tolsi commiato.

A di 14 parti da Lancisia con le dette guide, cavalcando per la Polonia, che è paese tutto piano, ma pur ha delli boschi: et ogni giorno et notte trovavamo alloggiamenti hora assai buoni, hora altrimenti, et mostra d'esser povero paese.

A di 19 arrivai in una terra, che si chiama Lumberli, terra assai buona co'l suo castello, ove il Re haveva 4 suoi figliuoli: il

maggiore poteva haver da anni 15, uno sotto l'altro, et stavano in castello con un valentissimo maestro che insegnava loro. Volsero (et credo fusse per comandamento del padre) che io gli andassi visitare, et così feci. Per un d'essi mi furono usate alcune parole tanto degne, quanto dir si possa, mostrando portar gran riverenza al suo maestro. feci la debita risposta, et ringraziando assai lor signorie, tolsi da essi commiato.

A di 30 uscimmo di Polonia, et entrammo nella Russia bassa, che pur è del detto Re, cavalcando fin'à di 25 quasi tuttavia per boschi: trovando alloggiamenti hera io qualche castelletto, hera in qualche casale: et venimmo di soprascritto in una terra chiamata Iusch, che ha assai buon castello, ma di legname: nel qual luogo stemmo fin a di 24 non senza pericolo, per rispetto di un par di mouze, perche quasi tutti erano ubriachi, et sono molto pericolosi: non hanno vino, ma fanno di mele certa bevanda, che imbriaça molto più che'l vino.

A di 25 partimmo di lì, et la sera venimmo a una villa chiamata Aitomir, tutta fabricata di legnami col suo castello, et partiti di lì, tutto il di 29 cavalcammo per boschi molto pericolosi per esservi d'ogni conditione d'huomini tristi, et non trovando la sera alloggiamento, dormimmo nei detti boschi senza cosa alcuna da mangiare: et mi convenne tutta la notte far la guardia.

A di 30 venimmo in Beligraoch, castello bianco, ove era la stanza della maestà del Re, et li alloggiammo con gran disagio.

A DI PRIMO MAGGIO 1474 fummo in una terra chiamata Chio, over Magraman, che è fuori della detta Russia, la quale era governata per uno chiamato Pammartin Pollacco catolico: egli intesa la mia venuta per le guide del Re, mi fece dare un'alloggiamento assai cattivo, secondo il paese, et mandommi della vituaglia assai convenientemente. La detta terra è a confini della Tartaria, dove capitano pur delli mercanti con pellatarie portate della Russia alta, et con caravane passano in Caphà, ma a modo di castroni spesso volte sono presi da Tartari. è terra abbondante di pane et di carne. La lor usanza è la mattina fino a terza far le lor facende, et poi ridersi nelle caverne, et star fino alla notte, et spesso fanno di molte brighe come gli ubriachi.

A di 2 il detto Pammartin mandò molti de suoi gentil' ho-

mini a convitarmi, et volse ch'io andassi a desinar con lui. Fatte le debite salutationi mi fece molto grandi offerte, facendomi sapere, che per la maestà del suo Re gli era stato comandato, che mi dovesse honorare, et guardarmi da ogni pericolo, et che mi dovesse dar il modo, ch'io passassi la campagna di Tartaria fino a Caphà. Io ringratiai assai sua signoria, pregandola così volesse fare: et dissemi, che aspettava un' Ambasciadore di Lituania, il qual doveva andare con presenti all' Imperador de Tartari, il quale Imperadore, gli manda ducento cavalli de Tartari per accompagnarlo sicuro, et confortandomi, volse che io aspettassi il detto Ambasciadore, col quale mi accompagneria, et fariami passar sicuro: et così deliberai di fare. ce n'andammo a disignare in vero honorvolmente apparecchiato, et abbondantemente di tutto facendomi honore assai. Era vi un suo fratello Vescovo, et molti altri gentil' huomini: et havevano alcuni captori, i quali mentre desinammo cantarono. Fecomi star molto longamente a tavola con mio grande affanno: percioche più tosto mi bisognava riposo, che altro. Desinato che havemmo, tolsi commiato da sua signoria, et andai al mio alloggiamento, che era nella terra, et esso rimase nel castello dove era la sua stanza: il quale è tutto di legname. Ha una fiumana, che si chiama Danambre in lor lingua, et nella nostra Leresse, la qual passa appresso la terra, che mette fino in mar maggiore. Stemma nel detto luogo fino à dieci dì. dove giunse il detto Ambasciadore, et la mattina che fummo per partire, volse che udiessimo la messa: et benché per avanti gli havevo parlato del mio essere lì, nondimeno udita la messa, et abbracciati insieme, l'antidetto Pammartin mi fece pigliar la mano del detto Ambasciadore, et dissegli, questi è come la persona del nostro Re, et però fa che tu lo conduca a salvamento in Caphà, et ciò fece con parole tanto calde, quanto dir si potesse. l'Ambasciadore rispose, che'l comandamento della maestà del Re era sopra la sua testa, et quel che sarebbe di lui, saria etiandio di me. Et con questo tolsi commiato da sua signoria ringraziandola, quanto seppi, et potei, et come egli meritava, di tanto honore, che mi fece. In quei giorni che stetti lì, spese volte mi visitava di vittuaglia. Io gli presentai un cavallo portante tedesco, il qual fu uno di quelli, con li quali mi partì da Mestra, et gli altri, perchè erano integri,

volerosi che gli lasciassi tutti li, et pigliassi cavalli del paese. Dalle guide della maestà del Re hebbi buona et ottima compagnia, alla quali usai cortesia.

A di 11 partimmo di li col detto Ambasciadore, essendo io sopra una caretta, con la quale era venuto dal partir mio dal Re fino in quel luogo, per haver male a una gamba, di maniera, ch'io non potevo cavalcare, et camminando fino a di 9 arrivammo a un casale chiamato Cercas, per del detto Re: ove stemmo fino a di 15 che seppe il detto Ambasciadore, che li Tartari erano venuti appresso Cercas: donde partimmo accompagnati con li detti Tartari, et entrammo in una campagna deserta.

A di 15 giugnemmo alla fiumana sopradetta, la qual ci convenne passare. Questa fiumana parte la Tartaria dalla Russia verso Caphà, et per esser larga piu di 1 miglio, et molto profonda, i Tartari si missero a tagliar legnami, legandogli insieme, et mettendovi sopra delle frasche: poi furono poste sopra tutte le nostre robbe, et li Tartari entrarono nella fiumana, tenendosi al collo delli lor cavalli, alla coda de quali noi legammo le corde, ch'erano appiccate a quei legnami, sopra i quali montati tutti noi, cacciavamo li cavalli per la fiumana, la quale passammo salvi con l'aiuto di Dio. il pericolo quanto fusse grande, lascierò considerare a chi leggerà, ma al parer mio non so come potesse esser maggiore. Passati dall'altra banda, et dismontati in terra, ciascuno ramettato le sue robbe, stemmo tutto quel giorno co' Tartari, et alcuni lor Capi molto mi guardavano, et fra loro fecero di molti pensieri. Et levati dalla detta fiumana ci mettemmo in cammino per la campagna deserta con grandissimi disagi d'ogni sorte. Et memici a passar una selva, l'ambasciador sopradetto mi mandò a dire per il suo Turcimano, che li detti Tartari havevano deliberato di menarmi al loro Imperadore, se altrimenti potevano fare: dicendo, che simile huomo, qual io era (che ben lo havevano inteso) non poteva passar Caphà, se prima non era presentato al loro Imperadore. Sentita tal cosa mi fu di grandissimo affanno: onde molto mi raccomandai al detto Turcimano, pregandolo si ricordasse della promessa, che fece a Pammartin, per la maestà del Re di Polonia, et gli promissi una spada: disse di volermi servire, et confortatomi, tornò al suo Ambasciadore, et referendoli

quanto io gli haveva detto, si misse a sedere, et bere con li detti Tartari, et con molte parole accertandoli, ch'io era Genovese, l'accunciò in ducati 15. ma prima ch'io sentissi tal nuova, stetti con grandissimi affanni. La mattina cavalcammo, et camminando fin a di 24 con molti disagi, stando un giorno et una notte senza acqua, ci trovammo ad un passo, dove il detto Ambasciadore con li Tartari convenne pigliar la via verso il loro Imperadore: il quale era ivi ad un castello chiamato Chercher: et dettemi un Tartaro in compagnia, che m'accompagnasse in Caphà, et tolto commiato dal detto Ambasciadore ci separammo. Et benché per esser rimasi soli, et in gran pericoli di continovo, dubitando che quei Tartari non ne mandassero dietro, hebbi piacere d'essermi separate da quelli maladetti cani, che puzzavano di carne di cavallo in modo, che non si poteva star appresso loro. Camminando con la detta guida, la sera alloggiammo in campagna, in mezzo d'alcuni carri de Tartari con le lor coperte di feltre: et subito ne furono molti attorno, cercando di voler intendere chi noi eravamo: et essendo detto loro per la nostra guida, ch'io era Genovese, mi presentarono latte agro.

A di 26 la mattina avanti giorno partimmo di li, et circa hora di vespero entrammo nel borgo di Capha, ringraziando il nostro Signore Dio, che ne haveva campati da tanti affanni. Et essendoci ridotti secretamente appresso una chiesa, mandai il mio Turcimanno per ritrovare il nostro Consolo, il quale subito mandò suo fratello, et mi disse ch'io indugiassi fino sul tardi, per entrar secretamente in una sua casa nel detto borgo, et così feci. All'ora debita entrammo in casa del detto Consolo, dove fummo honorvolmente accettati, et trovai li ser Polo Ogniben, il qual era stato mandato per la nostra illustrissima Signoria, et si era partito già tre mesi avanti di me.

CAPITOLO II.

Il Clarissimo Ambasciador si parte di Caphà, et navigando il mar maggiore, arriva al Fasso: et passando il paese di Mengrelia, et di Giorgania, et parte dell' Armenia, perviene al paese d'Ussuncassan.

Io non posso ben dire particolarmente le conditioni della detta terra di Caphà, percio che stetti quasi di continuo in casa per non esser visto, ma dirò bene quel poco che ne potei vedere, et intendere. La detta terra è posta sul mar maggiore, et è molto mercantile, et ben habitata di ogni generatione, et ha fama d'esser molto ricca. Mentre ch'io stetti nella detta terra, havendo in animo d'andare al Fasso, nolleggiai una nave, la qual' era nel mar delle Zabacche, patron Antonio di Valdata, et mi convenne andare a cavallo per trovar la detta nave per far tal solo. Ma fatto questo, mi fu porto un partito per uno Armeno chiamato Morach, il quale era state à Roma, et si faceva Ambasciadore di Ussuncassan, insieme con un'altro Armeno vecchio, che dove io voleva andare a dismontare al Fasso, mi facesse dismontare in un'altro luogo chiamato la Tina, circa miglia cento lontano da Trebisenda, che era dell' Ottomano, et che subito smontati in terra, monteremmo a cavallo, promettendomi, che in 4 hore mi metteria in un castello d'uno Ariam, sottoposto ad Ussuncassan: dandomi anche ad intendere, che in quel luogo della Tina, non v'era altro che un castello de Greci, et che senza dubio alcuno, mi metteria sicuro nel detto castello. A me per conto alcuno non piaceva tal partito, ma essortandomi molto il Consolo, et suo fratello, anchor che mal volentieri, ne fui contento.

A DI III. GIUGNO 1474 partimmo di Caphà, et venne in mia compagnia il detto Consolo: et il giorno seguente fummo ove era la nave, la quale havevo nolleggiata per ducati settante, ma per mutar viaggio me le convenne dare ducati cento. Et perche dove andavamo a smontare, io era informato, che non si trovavano cavalli, ne caricai nove sopra la detta nave, per ris-

petto delle guide, et anche per poterli condur dietro delle vetovaglie per li paesi della Mengrelia, et Giorgania.

A di 15 caricati li detti cavalli, facemmo vela, et entrammo nel mar maggiore, tenendo alla volta del detto luogo della Tina, et navigando con prospero vento. Et essendo circo venti miglia lontani, et non havendo anchor vista del detto luogo, il vento saltò à levante, nostro contrario, tenendo pur alla detta volta: ma sentendo io che li marinari parlavano tra loro, et volendo intendere quello dicevano, mi dissero, che erando per fare quanto io volevo, ma che mi accertavano, che il detto luogo era molto pericoloso. Udendo io tal cosa, et vedendo, che quasi pareva che nostro signore Iddio non voleva, eh'io capitassi male, deliberai andare alla volta di Liati, et Fasso: et fatta questa deliberatione di li a poco fece tempo prospero, et navigammo con venti piacevoli.

A di 29 giunsi al Varti, et per esser li cavalli mal conditionati, deliberai metterli in terra, et farli andar al Fasso, dove diceano esser miglia 60. nel detto luogo si trovava un Bernardino fratello del nostro patrone, il qual venne a nave: et intese come noi volevamo andare alla Tina, affermò, che se vi andavamo, tutti eravamo presi per schiavi, et che sapeva certo, che nel detto luogo si trovava un Sobasi con molti cavalli, per visitar quei luoghi secondo la loro usanza. ringraziai Iddio, et partimmi di li. Il detto Varti ha un castello con un poco di borgo d'un signore, che si chiama Gorbola, pur paese de Mengrelia: et ha un'altra, che si chiama Calichea. posta sul mar maggiore di poca conditione, pur vi capitano delle sete, et traggono con vacchie, et qualche cera, ma non da cento, per esser genti misere d'ogni conditione.

A DI PRIMO LUGLIO. 1474 sergammo alla bocca del Fasso, et venneci una barca de Mengrelia a lato con molti, et costumi da matti: dismontammo di nave, et con la barca entrammo nella bocca della fiumana, dove è una Isola, nella qual si dice, che l' Re Oetes padre di Madea vestefica regnò. La notte dormimmo li, ma con tanti moscioni, che credemmo non poter campar da loro.

A di 2 la mattina, andammo con le lor barbe su per la

fiumana, et trovammo una terra chiamata Asso, posta su la detta fiumana in mezzo de boschi. Et la detta fiumana è larga due tratti di balestra. Dismontati in terre, trovai un Nicolò Capello da Modone, ch'era capitato li, et havevasi fatto, da Mecho, et una donna Marta Circassa, che fu schiava di un Genovese, et un Genovese maritato li. Alloggiai con la detta donna Marta, la qual certo mi fece buona compagnia. Stetti in detto luogo per fino a di 4 che mi partì. Il detto Fasso è de Mengreli, et il lor signore si chiama Bendian, il quale ha poco paese: perciò che a traverso può esser tre giornate, et per il più sono boschi et montagne: sono huomini bestiali, portano le chieriche a modo di frati minori. Fanno qualche pier, pur poco frumento, et vi no, ma non da conto. Vivono di panizzo fatto duro a modo di polenta miserissimamente, et le lor femine anchora molto più: et se non fusse, che qualche volta da Trebinonda vien portato del vino, et pesci salati, et sale da Caphà, fariano del tutto male: cavansi delle canevaccie, et cere, ma di tutto poco. Se fussero huomini industriosi, pigliariano nel fiume quanto pesce volessero: sono christiani, ma hanno di molte heresie, et celebrano alla greca.

A di 4. partimmo dal Fasso, tolto per mia guida il sopra-detto Nicolò Capello, et passammo con un Zappolo una fiumana chiamata Maso.

A di 5 camminando per la detta Mengrelia per boschi et montagne, la sera fummo, ov'era la persona di Bendian signore di Mengrelia: il quale era con la sua corte in uno poco di pianura, et alloggiati sotto un'arbore, gli fece sapere per il detto Nicolò, che io volevo parlare a sua signoria, mi fece chiamare. sedeva in terra sopra un tapeto, con la moglie appresso, et con alcuni suoi figliuoli. mi fece sedere in terra avanti lei. dove usai le parole, che accadevano. Et havendolo presentato, non mi diase altro, salvo che io fossi il ben venuto. gli domandai una guida. me la promise, et con questo tornai al mio alloggiamento. Mandommi a presentare una testa di porco con un poco di carne di manzo mal cotta, et alcuni pochi pani et tristi, et per necessità mi fu forza mangiarli; et per aspettar la guida vi stetti tutto il dì. Erano nella detta pianura molti arbori di modo di bucci, ma

molto maggiori, li quali non haveano pure un ramo piu alto dell'altro con la strada in mezzo. Detto Bendian poteva haver da cinquanta anni assai bello huomo, ma modi, et costumi matreschi.

A di 7 partimmo camminando di continuo per boschi, et montagne: et a di otto passammo un fiume, che divide la Mengrelia dalla Giorgiania, dove dormimmo sopra un prato su l'erba fresca senza troppo vivande.

A di 9 venimmo in una terriçciuola chiamata Cotachis, che ha un castello fatto tutto di pietra, sopra un monticello, et ha una chiesa dentro, che mostra esser molto antiqua. passammo poi un ponte, per il quale si passa un fiume assai grande, et alloggiammo sopra un prato, dove erano le case del Re Pangrati di Giorgiania: percioche il detto castello è suo. Et quel governatore ne lasciò alloggiare nelle dette case: dove stemmo per tutto di 11 con gran fastidii di quelli Giorgiani, che sono matti, come li Mengrelli. Volse quel governatore, che io desinassi con lui, et ridotti in una sua casa si misse à sedere in terra, et io appresso di lui con alcuni delli suoi, et ancho dei miei. Ne fu disteso avanti un cuoio a modo di mantile. credo certo, ch'el grasso, che vi era suso, haverebbe condito un gran calderone di vena. mi misse davanti pan da bisogno, ravanelli, et un poeo di carne accencia a lor modo, et alcuni altri imbratti, che certamente io non saperia ridirli. La tazza andava attorno et facevamo tutto il possibile ch'io m'imbriagassi, percioche così fecero essi: et perch'io non lo feci, mi dispresavano molto, et con gran fatica mi partì da loro. il governatore mi dette una guida, che mi menasse dove era il suo Re.

A di 12 mi partì camminando per montagne et per boschi, et al tardi per la detta guida fui fatto dismontare sopra un poeo di prato appresso il castello, che era sopra un monte, chiamato Scander, dove era il Re Pangrati. Et per la detta guida mi fu detto, che voleva andare a farlo sapere al suo Re, et che tornaria subito, et mi meneria una guida, che m'accompagnaria per tutto il suo paese. si partì, et lassonne in mezzo dei boschi non senza nostra paura, aspettando tutta la notte con gran fame et sete. La mattina a bon'hora se ne venne, et con lui due

scrivani del Re, et dissero che'l Re era cavalcato a Cotachis, et haveva mandato loro per intender le robbe, che io havea, per farne una lettera, acciò ch'io potessi passar per tutto il suo paese senza pagar cosa alcuna. Volsero vedere il tutto, et notare ancho li drappi che io haveva in dono il che mi parve molto strano. dappoi scritto, mi dissero ch'lo montassi a cavallo solo, et volevano ch'io andassi al lor Re. Et facende io ogni prova che mi lasciassero, cominciarono ad ingiuriarmi, et con fatica mi lasciarono menare il mio Turcimano. montai a cavallo senza mangiare, et bere, et camminando con loro mi condussero al detto castello di Cotachis, dove era il Re, il qual mi fece ridur sotto un'arbore, dove stetti tutta la notte, et mandommi un poce di pane, et un poce di pesce, non però troppo. la mia famiglia rimase in guardia di alcuni altri, et furono menati ad un casale, et messi in casa d'un prete. come dovessero stare gli animali nostri, ciascuno facilmente lo può considerare. La mattina il Re mi mandò chiamare. egli era in una sua casa sedendo in terra con molti de suoi baroni: ove mi fece di molte domande, et fra l'altre se io sapeva quanti Re erano al mondo. Io dissi a ventura, credo che siano dodici. Mi rispose tu dici il vero: et io sono uno di quelli, et tu sei venuto nel mio paese senza portarmi lettere del tuo signore? Io gli risposi, che la cagione, che non gli haveva portato lettere, era, perche non credeva venire nel suo paese, ma che l'accertavo, che'l mio Signore il Papa l'apprezzava, et mettevalo in conto di tutti gli altri Re, et se egli avesse creduto ch'io fussi passato pe'l suo paese, che gli haveria scritto volentieri. Mostrò haver piacere. Mi fece dappoi di molte strane dimande: per le quali compresi, che quel ghiotton della guida, che mi haveva condotto, gli haveva dato ad intendere, ch'io haveva gran cose. Et in vero se così havemo trovato, non uscirà mai di quel luogo. Li detti scrivani di quelle mie poche cose che scrissero, tolsero quello che piacque loro: et per forza volsero ch'io le danassi al lor Re. Nel prender commiato, lo pregai, che mi dovesse dare una guida, che mi accompagnasse sicuro fuor del suo paese. Et così mi promise, dicendomi che mi faria far ancho una lettera, ch'io andaria sicuro per tutto il suo paese. Con questo mi partì, et venni sotto il detto arbore,

facendo instantia con quello scrivano di haver la lettera et la guida, la qual finalmente hebbi, ma con grandissima fatica.

A di 14 mi parti dal detto Re, et ritornai al casale, dove era la mia brigata, la qual teneva per certo, che io non doveasi piu ritornare per le male relationi, che pur il detto prete lo haveva dato del Re. Et quando mi viddero, parve loro di vedere il Messia, et d'allegrezza non sapevano quello che facessero. il povero prete mostrò haver piacere, et apparecchionami da mangiare. La notte dormimmo il meglio che si potè: et ne fece un poco di pane per portar con noi, et dettane un poco di vino.

A di 15 circa terza partimmo de lì con la guida, camminando per boschi, et per montagne terribili, paese maladetto, dormendo la notte in terra appresso qualche acqua et herba. Et per lì freddi facevamo fuoco.

A di 17 giungemmo io una terra del detto Re, chiamata Gories, posta in una pianura con un castello di legname sopra un colle, passale una gran fiumara d'appresso, et è luogo assai convenevole. Per la guida fu fatto saper à quel governatore il giunger mio, e subito mi fece intrar in una casa, dove aspettando di haver qualche buona accoglienza, di lì ad un poco mi mandò a dire, che'l Re gli scriveva che io gli doversi dare vinti sei ducati, et alla guida sei. Et io maravigliandomi dissi, questo non poter essere, perche il suo Re mi haveva fatto buona accoglienza, et che io lo haveva presentato di ducati settanta co molte altre parole, che nulla mi valsero. Et anchora che io non voleasi, mi convenne darglieli. mi tenne fino a di 19 che mi licentiò. io stavo con gran fastidii, percioche pareva che quelle bestie non havesser mai visti huomini. Questo paese della Giorgiana è per un poco migliore della Mengrelia, ma nei costumi et nel vivere tengono un medesimo modo: et così nel credere, et nel celebrare. ne fu detto quando fussimo giu di una gran montagna, che in un boscho vi era una gran chiesa, dove era una mostra donna antiqua, et vi stantiano piu di quaranta coloiri. Et dicavano ch'ella faceva molti miracoli. Non volsi andarvi per il desiderio grande, ch'io havevo d'uscir di quel maladetto paese, che certo lo passai con grande affanno, et pericolo: che à dir tutto sarìa longo, et al lettor fastidioso.

A di 20 partimmo dal detto luogo di Gerides per per montagne, et per boschi, trovando alle volte qualche casa, dove prendevamo qualche vettovaglia, et andavamo a riposare in qualche luogo, dove fusse acqua et herba per i cavalli. il nostro letto era su l'herba fresca, et così facemmo di continuo per li paesi della Mengrelia, et della Giorgia.

CAPITOLO III.

Il Clarissimo ambasciador arriva a Tauris città regia della Persia, et non havendo trovato Ussuncassan, si appresenta al figliuolo, et partitosi, et havendo camminato molte giornate per la Persia se ne va a trovarlo nella città di Spaan, dove in quel tempo si ritrovava.

A di 22 cominciammo a salir una montagna molto grande, et la sera ci trovammo quasi in cima, dove ci fu forza riposare, et fu senza acqua. la mattina a buon'hora cavalcammo, et quando havemmo discesa la detta montagna, fuimmo nel paese di Ussuncassan, cioè nel principio dell' Armenia, et la sera arrivammo ad un castello del detto signor Ussuncassan, chiamato Loreo, il qual è posto in un luogo, che mostra pianura, ma gli passa di sotto una fiumara molto profonda, non di acqua, ma di cava: et dall'altra banda vi è una montagna, et all'incontro della fiumara è uno casal d'Armeni, nel quale alloggiamento, et nel castello vi sono Turchi del detto signore, dove stessimo per fino a di 25, sì per riposare, come per trovar guida. Et certo fuimmo ben visti nel detto luogo. L'Armeno che menai con me da Cafà, che diceva esser huomo del signor Ussuncassan, fù scoperto per un gran ribaldo, et per li detti Armeni mi fù detto, ch'io havevo havuto gran ventura ad uscir delle sue mani. per la qual cosa li tolsi un cavallo, che gli havevo dato, et lo licentiai. Et tolsi per mia guida un prete Armeno per fino in Tauris, il qual trovai fidatissimo.

U. I. A. KONTAPAN.

A di 26 noi cinque col prete insieme partimmo dal detto luogo di Loreo, et passammo una montagna. la sera ci trovammo in una campagna in mezzo di montagne, et arrivammo ad un casale di Turchi, et lì dormimmo pur alla campagna: et fossimo assai ben veduti.

A di 27 cavalcammo avanti giorno per passare un'altra montagna, perche ne fu detto, che alla discesa v'era un casal di Turchi, che passando di giorno, lo passeremmo con gran pericolo. ma la ventura nostra volse, che passammo a hora, che credo non fussimo veduti. Et entrammo in una campagna molto bella, facendo ogni sforzo nel camminar piu dell'usato, con poco riposo fin alla notte, et dormimmo alla campagna, et cosi per la detta campagna fin a di 28 che ci trovammo per mezzo il monte di Noe, il quale è altissimo, et tutto pien di neve dalla cima fin al basso, et cosi sta tutto il tempo dell'anno. Dicesi che molti hanno cercato di andarvi in cima. et che alcuni non ritornano, che quelli che ritornano, dicono, che non par loro di poter mai trovar via alcuna. Camminando fino a di 30 di continuo per campagna, pur trovando qualche monticello, ma non d'importanza, arrivammo ad uno castello di Armeni franchi, che si chiamano Chiagri, dove stemmo fino a di 31, che ci riposammo alquanto, perche havemmo pane, galline, et vino.

A DI I. AGOSTO 1474 a vespero ci partimmo, et ne convenne torre un'altra guida per Tauris.

A di 2 arrivammo ad un casale pur di Armeni, assai buono, accosto ad una montagna, dove convien passare una fiumara con una barca d'una strana foggia, che essi usano, et dicono che la detta fiumara è quella, dove il Soldan Busech venne per esser alle mani con Ussuncassan, ma molto piu verso Levante, et che essendo Ussuncassan da una banda, il Tartaro dall'altra per disagio del vivere, entrò il morbo in detti Tartari con tanta furia, che fu cagione, che Ussuncassan li ruppe, et prese il detto Soldan Busech, et fecegli tagliar la testa. passammo la detta fiumara: et da banda sinistra vi sono 11 casali di Armeni, uno appresso l'altro, tutti catholici, et hanno il lor Vescovo, et sono sotto il Papa. Et per tanto paese la Persia non ha il piu bello, ne il piu abbondante d'ogni cosa.

A di 3. venimmo in una terriciuola chiamata Marerichi, appresso la quale riposammo quella notte.

A di 4. a buon'ora cavalcammo per campagne, et con tanto caldo, che non ci potevamo metter la mano adosso, non trovando acqua buona in alcun luogo.

Nota che dal partir di Loreo, camminando per li luochi, come è detto, trovammo molti Turcomani con le loro famiglie, che cambiavano alloggiamento, et andavano alle herbe fresche, perche così usano star con li suoi padiglioni in luogo abbondante di herba fin ch'ella è consumata, poi vanno a trovar dell'altra. Et trovavamo di quelli che stavano alloggiati, che sono huomini molto maladetti, et gran ladri, che certo ne facevano paura: ma facevo dir, ch'io andavo dal lor Signore, et con questo passammo, et con l'aiuto del nostro Signor Dio.

Nel detto giorno circa hora di vespero entrammo nella città di Tauris, la quale è posta in piano con muri di terra, et triati, et ivi appresso sono alcuni monti rossi. dicono che si chiamano li monti Tauri. Entrati nella detta terra la ritrovammo in gran combustione, et con gran fatica andai ad uno cavernera, dove alloggiar. Et camminando avanti che vi arrivassi fra quelli Turchi, sentiva dir, questi sono di quelli cani, che vengono a metter scisma nella fede macomettana. noi doveremmo tagliarli a pezzi. Dismontati nel detto cavernera, per uno Azamo, che lo governava, ne furono date due camere per nostro alloggiamento. et certo mostrò esser buona persona. et le prime parole che mi dicesse, si maravigliò come eravamo venuti a salvamento, mostrando non poter credere, et fecene a sapere come tutte le strade della terra erano abarrate, che così io le viddi. volsi intender la cagione. mi disse, come Gurlamameth il valente figliuol di Ussuncassan haveva rotto guerra a suo padre, et havevagli tolto una terra capo della Persia chiamata Siras, la quale haveva data a godere a Sultan chali, et alla madregna del detto Gurlumameth. Per la detta cagione Ussuncassan haveva fatto gente, et cavalcava alla volta di Siras per cacciar il detto Gurlumameth, et come un signorotto chiamato Zagarli huomo di montagna; haveva più di tremila cavalli, et per la intelligentia che esso haveva col detto Gurlumameth danneggiava, et correva fino appresso Tauris, et

per dubbio del detto havessimo sbarrate le strade, dissemi anchora come il suo Subassi era uscito fuori per esser all'incontro di detto Zagarli; il qual subito fu rotto, et toltogli il tutto, et hebbe di gratia di tornare in Tauris. Il domandai, perche tutti quelli della terra non uscivano fuori: mi rispose, che essi non erano huomini da guerra; ma che a quel signore che haveva la terra loro davano obediencia. Volsi far ogni esperienza di partirmi per andar dietro al signore. non trovai mai huomo, che mi volesse accompagnar, ne da quelli subbassi, potei haver alcun favore. onde mi fu forza star nel detto Caversera, et di continuo nascoso, perche essi mi ricordava il patrón di quello. pur qualche fiata mi era forza andare a comprarmi da vivere, over mandare il mio Turciman; et qualche volta anche uno Astutin da Pavia, il qual menai con me da Caffà, che pur sapeva alquanto la lingua; a quali venivano dette molte ingiurie, et che dovremmo esser tutti tagliati a pezzi. Dopo alcuni giorni venne un figliuol di Ussuncassan chiamato Masubei con cavalli mille per stato al governo di Tauris per dubbio di quel Zagarli, al quale andai, et con fatica hebbi da lui audientia. Convennemmi donargli una peca di ciambelletto, et dappoi salutandolo gli dissi, ch'io andava dal signore suo padre, et lo pregai che mi volesse dar qualche buona compagnia. appena mi rispose, et mostrò di non si curare. tornai al mio alloggiamento, et le cose cominciarono a peggiorare, porcieche il detto Masubei volse tor danari dal popolo per far gente, il qual non li volse dare, et serrarono tutte le botteghe. onde mi fu forza per la detta cagione partirmi dal Caversera, et ridurmi in una chiesa d'Armeni, dove mi fu dato un poco d'alloggiamento per noi, et per i cavalli, et non lasciare uscir fuori alcun dei miei. Con che animo dovevo stare con la mia famiglia, si può considerare, che in vero di continuo stavamo ad aspettare di esser mal menati, ma il nostro signor Dio, che per sua misericordia ne haveva campati da tanti pericoli fino li, ne volse anche salvare.

A DI V. SETTEMBRE 1474 stando pur in Tauris, giunse Bartholomeo Liomparado mandato dalla nostra Illustrissima Signoria al detto signor Ussuncassan, il qual mi trovò in Caffà, et era con lui uno Brancalion suo nipote. costui volse andare per via di Tre-

bisenda, et venne un mese dopo me. onde deliberai mandare il detto Agostino a Venetia con mie lettere alla nostra Illustrissima Signoria, et dar aviso del tutto, et lo mandai per via di Aleppo, il quale andò a salvamento, ma con gran pericolo. stetti in Tauris fino a di 22. di Settembre. Non posso dir bene della sua conditione, perche di continuo stetti ascosto, egli è grande, et ha molte carabe dentro, non credo habbia gran popolo. è abbondante di ogni sorte di vettovaglia, ma tutto è caro. ha di molti bazarri. vi capitano molte sete per transito per Aleppo con caravane. hanno di molti lavori di seta leggeri fatti in Jesdi. usano molti boccassini, et quasi d'ogni sorte mercantia. di gioie non udì far mentione per alcuno. Volse la fortuna mia, che'l Chadi Lascher, uno de primi appresso il signor Usuncassan, ch'era stato ambasciadore al Soldano per far pace, la qual non pote far, ritturnava al suo Signore, et subito ch'io lo seppi, tenni pur modo di parlargli, et fecigli un presente, pregandolo che mi volesse accettare in sua compagnia, dicendo ch'io andava dal suo signore per facende importanti: il qual mi accettò tanto benignamente, quanto dir si potesse con parole humane et cortesi, dicandomi che mi accettava di buona voglia, et sperava in Dio condurmi a salvamento dal suo signore. Parvemi una gratia da Dio, et molte lo ringratiai. costui haveva con lui duo suoi schiavi schiavoni rinégati, i quali fecero stretta amicitia con li miei servitori con molte offerte, et mi promisero, che quando il lor padron saria per partirsi, subito me lo fariano sapere, et così fecero. et io feci loro un presente, il qual mi valse.

A di. 22, come è detto, partimmo da Tauris col detto Cadi Lascher, et eravi anchora una caravana di molti Azami, che andavano al nostro cammino, et per paura si accompagnarono con noi, et camminando trovavamo il paese tutto piano con qualche poche colline, et molto arido, non si trovando un arbore d'alcuna conditione, salvo appresso qualche fiumana. Trovavamo pur qualche casale, ma non da cento. Avanti mezo giorno riposavamo alla campagna, et così la notte, et di casale in casale ci fornivamo di vettovaglia secondo li nostri bisogni, et camminando al detto modo, arrivammo a di 28 in una terra chiamata Seltania, che per quel che mostra, credo fosse bona terra, ha un castello di mure assai grande, il qual volsi vedere. eravi una mos-

chea, che mostrava esser molto antica. aveva tre porte di bronzo più alte di quelle di San Marco in Venetia, lavorate con pomoli tutti fatti alla damaschina intervenendovi argento, et certo è cosa bellissima. credo costassero assai danari. altro da conto non viddi. la detta terra è posta in pianura, ma appresso alcune montagne non troppo grandi. dicono che'l verno vi fa tanto freddo, che conviene andar ad habitare in altro luogo. ha uno bazzarro di vettovaglie, et di qualche boccassini, mà non da conto. stemmo nel detto luogo fin alli 30, et la mattina ci partimmo camminando pur per campagne con colline, come è detto, et à della Persia, la qual comincia da Tauris, et dormendo ogni notte alla campagna.

A DI IV. OTTOBRE, 1474, giungemmo in una terra chiamata Sena, non murata, con bazzarro all' usato, posta in campagna appresso una fiumana, la qual ha pur degli arbori intorno, dove dormimmo in un caversera assai incommodo.

A di 5 ne partimmo di lì, et alli 6, essendo alloggiati in campagna, fui assalito dalla febre con varii accidenti, che con gran fatica alli 8 la mattina cavalcammo, et à buon' hora arivammo ad una terra chiamata Como, et entrati in un caversera in un poco di alberghetto, la febre crescendo cominciò gravemente a molestarmi, et il giorno seguente tutti li miei si ammalarono, eccetto Pre Stephano, il qual era quello, che ci attendeva a tutti, et fu malattia di sorte, che per quanto mi fu detto, noi farneticavamo dicendo molto pazzie. Il detto Cadi Lascher mi mandò a visitare, et scusarsi che lui non poteva star più quivi, perche gli conveniva esser presto da suo signore. ma, che mi lasciera un servitore, confortandomi, che io era in paese, che niuno mi faria dispiacere. La detta malattia mi tenne nel detto loco fin alli 23. La detta terra di Como è posta in piano, et è picciola, ma assai bella, et circondata di mura fatte di fango, et è assai abbondante d'ogni cosa con buoni bazzarri di quei loro lavori, et boccassini.

Alli 23. come s'è detto, ci partimmo di lì, et in vero, che par la malattia io cavalcavo con grande affanno.

Alli 25. arrivammo in un'altra terra chiamata Cassan, murata come Como, et con bazzarri, come s'è detto, ma è più bella terriciuola di Como.

Alli 26. la mattina ci partimmo di lì, et entrammo in un'altra terra picciola chiamata Nethas, posta in piano, dove si fa piu vin, che in altro luogo, et per la debolezza, et perche mi era pur ritornato un poco di febre, stetti lì quel giorno, et alli 28. il meglio, che potci, montai à cavallo, et camminando pur per pianura giungemmo in una terra chiamata Spaan alli 30. dove trovammo il signore USSUNCASSAN, et inteso dove alloggiava il Mag. Messer Josaphà Barbaro ambasciadore, andai a dismontare al suo alloggiamento. et vistone l'un l'altro, pieni d'allegrezza n'abbracciammo strettamente. di quanta consolatione mi fusse si puo considerare: ma bisognandomi piu presto riposo, che altro, mi posi a riposare. Il giorno poi seguente conferi con sua Magnificentia quanto mi accadeva. Il signore inteso, c'hebbe della mia venuta, mandò suoi schiavi a ricevermi con presenti di vettovaglie.

A DI IV. NOVEMBRE. 1474. La mattina per suoi schiavi fossimo chiamati dal signore nella stanza, dove stava, et entrati in una camera col Magnifico Messer Josapha, dove era sua signoria con otto dei suoi baroni, li quali mostravano d'esser huomini di autorità, et fatta la debita riverenza secondo il lor costume, esposi l'ambasciata per nome della mia Illustrissima signoria, et gli appresentai la lettera di credenza. compiuto quanto io haveva da dire, mi rispose con brevità, quasi scusandosi, che la forza l'havea fatto andar in quelle parti. Dapoi mi fece sedere appresso quelli suoi baroni, dove fu portato da mangiare in vero abbondantemente delle vivande secondo la loro usanza, ma ben apparecchiato sedendo sui tapeti, come usano. Mangiato, che havemmo, salutammo sua signoria, et ritornammo alli nostri alloggiamenti.

Alli 6. fossimo chiamati, et fecemi mostrar gran parte de suoi alloggiamenti, dove stava, che erano in mezzo d'un campo, dove correva una fiumana, luogo molto dilettevole. Era una parte fatta in modo d'una cuba, dove era dipinto il modo, ch'egli mandò a tagliar la testa a Soltan Busech, mostrando che Gurlumameth lo menava con una corda, il qual fu quello, che fece far le dette stanze. ne fece poi far collatione di buoni confettioni. Tornammo alle nostre stanze senza dir altro. Stemmo in questo luo-

go di Spaan con sua signoria fino alli 25. del detto. et nell' detti giorni molte volte fuissmo chiamati da sua signoria, dove mangiavammo senza dirne altro. La detta terra di Spaan mostra d'essere assai convenevol terra, posta in piano, abondante d'ogni vettovaglia. dicono, che non volendosi ella rendere poi, che fu presa, fu molto distrutta. et è murata di mura di terra, come l'altre. Nota, che da Tauris fin a questo luogo di Spaan sono giornate 24. paese tutto della Persia, piano aridissimo, et molti luoghi hanno acque salse. le biade, et i frutti, che pur ve ne sono assai abondantemente son fatti quasi per forza d'acque. hanno frutti d'ogni sorte, li migliori, che io habbia visto, et gustato in luogo alcuno. à banda destra, et sinistra vi sono montagne, le quali dicono esser molto fertili, et che da quelle vien la maggior parte delle vettovaglie. Tutte le cose sono care. Il vino costa da tre in quattro ducati la quarta à nostro modo. di pane è conveniente mercato. le legne costano un ducato la soma da camelo. la carne è piu cara che da noi. le galline si vendono sette al ducato. le altre cose tutte per ragione. Li Persiani sono huomini molto costumati, et gentili, nelle cose loro mostrano d'amar li christiani. Nella detta Persia à noi non fu mai fatto oltraggio alcuno. Le lor donne vanno vestite assai onorevolmente, si nel vestire, come nel cavalcare molto meglio che gli huomini, mostrano d'esser belle donne, perche gli huomini sono belli, ben fatti. tengono la fede macomettana.

CAPITOLO IV.

Il Clarissimo Ambasciador si parte da Spaan, et insieme con Usuncassan torna à Tauris, dove trova l'ambasciador del Duca di Borgogna, et del Duca di Moscovia, et dopo molte udienze è licenziato da Usuncassan.

A dì 25. di Novembre, come s'è detto, sua signoria si partì del detto luogo di Spaan con la sua corte, et tutti con le lor

famiglie ritornando ad invernar in Como, et io con sua signoria, camminando quasi per li luoghi che eravamo andati alloggiando alla campagna sotto padiglioni, et in ogni luogo, dove alloggiavamo, si facevano bazarri d'ogni cosa, perche sono deputati alcuni che seguitano il campo, à portar vettovaglie, et biade d'ogni sorte.

A DI XIV. DECEMBRE, mille quattrocento settantaquattro entrammo nella detta terra di Como con sua signoria, dove con fatica ne fu data una casetta per nostro alloggiameto, ma ci convenne star due giorni sotto i padiglioni avanti che la potessimo avere. stemmo con gran freddi nel detto luogo di Como con sua signoria fino alli 21 di Marzo, 1475, et secondo l'usanza molte volte ne faceva chiamare. Quando mangiavamo con sua signoria, ci faceva entrar nella sua camera de' padiglioni, et anche alle volte stavamo di fuori, et senza dirne altro ci partivamo. et quando desinavamo con sua signoria ella aveva piacere di dimandar delli nostri luoghi, et facevane di strane domande. La sua porta certo è honorevole, et di continuo vi sono molti huomini da conto. et ogni giorno vi mangiano da 400 persone, et alle volte molto più, le quali seggono in terra. Vien portate loro in alcuni Tapsi di rame, hora risi, hora vivande di formento con un poco di carne dentro, che è un piacere a vederli mangiar con furia. Al signore, et a quei che mangiano con sua signoria vien portato honorevolmente et abondante et bene apparecchiato. di continuo beve vino a pasto. mostra d'esser bel mangiatore, et di quanto mangiava, aveva gran piacere di presentarci di quello che gli era davanti. erano di continuo alla sua presenza molti sonatori, et cantori, alli quali comandava quello che gli piaceva che cantassino o sonassino. Era signor, che mostrava esser di natura molto allegro, è grande di persona, scarso, ha il viso un poco Tartaresco, et la faccia di continuo colorita. gli tremava la mano, quando beveva. secondo che mostrava, era di età d'anni settanta, molte volte faceva tanfaruso et molto alla domestica. quando passava il segno, era pur pericoloso, ma computato il tutto, era assai piacevole signore. Stemmo in questo luogo di Como, come s'è detto, fino alli 22 di Marzo. Lascierò di dir le volte, che parlammo con sua signoria circa l'ambasciata nostra,

per non esser a propósito. ma solo per quanto fu l'effetto, tutte si potette comprendere.

A DI XXI. MARZO 1475. partimmo da Como per venir verso Tauris con tutto il lordò, cioè con ciascuno di quelli che seguivano il signore, quale haveva tutta la sua famiglia, et roba caricata sopra cameli, et mule, che erano in grandissima quantità. Facevamo da 10 in 12 miglia il giorno: et per andare a trovar buona herba, alle volte 20. ma ciò rare volte aveniva. Il costume del suo cammino è, che un giorno avanti mandi a mettere il suo padiglione dove egli vuole alloggiare. poi la notte il lordò si leva, et tutti vanno dove egli è posto, et dove è qualche buona herba, et acqua, vi stà fin che l'herba vien consumata, et poi si parte, così seguitando di continuo. Le loro femine sono sempre le prime agli alloggiamenti a drizzare li padiglioni, et apparecchiare per li mariti, le quali son ben vestite, et cavalcano benissimo sugli migliori cavalli che habbiano. sono gente molto pomposa. hanno quei lor cameli tanto ben guarniti, che gli è un piacere a vederli, che non è sì tristo, che non habbia almeno sette cameli, di modo che a vederli da lontano paiono gran numero di gente, ma con effetto non è così. al giunger suo in Tauris poteva avere in sua compagnia da duomila pedoni. Al Magnifico Messer Josapha, et a me non parve mai di veder piu di cavalli cinquecento appresso il signore, perche gli altri andavano come piaceva loro. Li padiglioni del signore veramente erano belli quanto dir si possa. Dove egli dorme, è a modo d'una camera coperta di feltro rosso con porte che basteriano ad ogni buona camera. Camminando, come s'è detto, di continuo si facevano basarri nel lordò, et trovavasi d'ogni cosa, ma tutto era caro. Noi con li nostri padiglioni, cioè uno per uno, seguitavamo sua signoria. et molte volte ne facea chiamar a mangiar secco, usando li sopradetti modi, ma spesse volte ci visitava di qualche presente, cioè delle loro vivande, mostrando certo grande amorevolezza: ne per niun, ne de suoi, ne d'altri ne fu fatto mai torto alcuno.

A DI XXX. MAGGIO 1475, essendo circa miglia 15 lontano da Tauris, giunse al signore un frate Lodovico da Bologna con sei cavalli, diceva chiamarsi Patriarca d'Antiochia, il quale disse,

che era stato mandato per ambasciador del Duca di Borgogna. subito il signor ci mandò à dire se noi lo conoscevamo, facemmo buona relatione di lui a sua signoria.

A dì 31 la mattina mandò a chiamarlo, et noi di compagnia per udirlo. haveva portato con lui un presente di tre veste di panno d'oro, tre di veluto cremesino, et tre di panno pavonasso. et andato da sua signoria, l'appresentò. ci fece entrar nel suo padiglione, et volse che'l detto Ambasciadore dicesse quanto haveva da dire. egli disse ch'era stato mandato per Ambasciadore dal Duca di Borgogna à sua signoria, et per nome d'esso Duca le fece grandissime offerte con molte parole, le quali non accade recitare in questo luogo. Il signor mostrò di non ne far conto: desinasimo poi con sua signoria, dove gli fece molte dimande, a tutte rispose al bisogno. dappoi ce ne ritornassimo alli nostri padiglioni.

A DI II. GIUGNO 1475. entrammo in Tauris, et fenne dato uno alloggiamento. et a dì 8. fu mandato a chiamare il detto Patriarca, et noi. Et benche per avanti quattro volte il signor m'havesse detto, che voleva che io tornassi in Franchia, et che'l Magnifico Messer Josapha rimanesse appresso di lui, io sempre recusai, ne credevo, che piu di tal cosa se ne dovesse parlare. Fummo chiamati davanti sua signoria, dove al detto Patriarcha disse, tu tornerai al tuo signore a fargli sapere come io voglio star sopra le promesse a far guerra ad Otthomano, et che gia io son in punto, con qualche altra parola leggiera in tal proposito: dappoi si voltò verso di me, et dissemi. Anchora tu anderai con questo Casis dal tuo signore, et dirai, come sono in punto à far guerra ad Otthoman, et che anchora essi vogliano fare il medesimo. Io non posso mandar migliore, ne piu sufficiente messo di te. Tu sei stato fin in Spaan, et ritornato con me, et hai visto il tutto, lo potrai riferire al tuo signore, et à tutti li signori Christiani. Udito che l'hebbi, sentì grandissimo dispiacere, et risposi, che tal cosa io non poteva far per le ragioni che accadevano. Mi disse con turbato volto, io voglio, et così ti comando, che tu vada, et di questo mio comandamento ne scriverò al tuo signore. Volsi il parer del detto Patriarca, et del Magnifico Messer Josapha, i quali mi dissero, che non si poteva far altrimenti, che far il suo comandamento. Vista la volontà del signore, et il lor parere, rispo-

si, Signore, anchor che questa cosa mi sia grave, poi che tua signoria comanda così, il tuo comandamento sarà sopra la mia testa, et farò quanto mi comandi, et in ogni luogo, dove mi troverò, dirò la possanza grande, et il buon voler di tua signoria, confortando tutti li signori Christiani che vogliano far il simile, dal conto loro. mostrò che la mia risposta gli fusse grata, et usommi qualche buona parola secondo il lor costume. Vesciti fuori fommo fatti ridurre in un'altro luogo, dove mandò a vestire il detto Patriarcha et me di due robe a lor modo assai leggieri, per esser così il lor costume. Di nuovo tornammo a sua signoria, et fattale riverenza venimmo alla nostra stanza, dove ci mandò a presentare alcuni pochi denari, et un cavallo per uno, cioè al Patriarcha, et a me con alcune frascherie di poco momento. In quel giorno egli uscì di Tauris, et noi rimanemmo fin a dì 10. del detto, nel qual giorno noi ci partimmo, et insieme andammo a trovar sua signoria, il qual poteva esser circa 25 miglia nostre lontano da Tauris con li suoi padiglioni, in un luogo d'acque et di herba assai bello.

A dì 10. come s'è detto, partimmo da Tauris, et andammo a trovar sua signoria, et messi li nostri padiglioni al luogo usato, stemmo molti giorni fin che l'herbe furono consumate. Levossi di quivi, et fece circa miglia 15 delle nostre, dove stemmo fin a dì 27. che se licentiò, et nei detti giorni pur qualche volta fusimo chiamati, ma non per cosa di momento, et qualche volta presentati dei loro cibi.

A dì 26. fusimo chiamati da sua signoria et avanti che entrassimo, ci fece mostrare alcuni lavori di seta assai leggieri, mostrando che movimento li faceva fare. Poi ci fece mostrar tre presenti, de quali mandava uno al Duca di Borgogna per il Patriarcha, l'altro alla nostra Signoria, il terzo per un Marco Rosso, che era venuto per Ambasciador del Duca di Moscovia Signor della Russia Bianca, che erano alcuni lavori di Cudi, due spade et turbanti, tutte cose assai leggieri. Fusimo poi chiamati da sua Signoria, dove erano due suoi Turchi, che mandava per Ambasciadori, uno al Duca di Borgogna, l'altro al Duca di Moscovia, et havendo noi fatte le debite salutationi, disse al Patriarcha et a me, voi andrete dalli vestri Signori, et dalli Signori Christiani,

et direte loro come io ero in punto per andar contra l'Otthoman, ma havendo poi inteso, che egli è in Constantinopoli, et che non è per uscir quest'anno fuori, però non mi par cosa conveniente che io vada in persona contra le sue genti, ma stando parte delle mie contra quel disubidente di mio figliuolo et parte alli danni dell' Otthoman, et io son venuto in questo luogo per esser in punto a tempo nuovo contra il detto Otthoman, et così haverete a dire alli vostri Signori, et alli Signori Christiani, et così comandò che dovesse dire il suo Ambasciadore. Cotal parlare con quel che a noi havea detto prima mi fu molto dispiacevole, ma dir altro si potè, salvo che far quanto egli comandava. Con questo ne licentiò, et essendo noi per partire, ci fece soprastare insino alla mattina per usare un'arte sì come fece la notte, per quel che noi sentimmo, fece che tutti li suoi pedoni andorno accosto d'una montagna, et la mattina fussimo fatti ridar sotto un padiglione in luogo alto, dove era uno del Ruischason, che era quello, che haveva la cura degli Ambasciadori, et mostrando di parlar con noi di varie cose, ne disse, ecco che vengono di molti pedoni, voi harete tanfaruzzo cioè piacere, a vedergli. li suoi schiavi dicevano, questi che vengono sono gran summa, ma quelli che resteranno, sono anchora assai, passavano per costa d'una montagna, acciò che li potessimo ben vedere. Passati, che furono, dicevano fra loro, che potevano esser da diecimila. volemmo intendere il tutto, et fussimo accertati esser quei medesimi pedoni che vennero con sua signoria, et fecelo solo a fin che così havessimo da riferire. Fatto questo ne diede le lettere, et tornammo ne' nostri padiglioni. Io parlando con diverse persone, et ancho insieme col Magnifico Messer Josapha Barbaro, per intendere quanti cavalli potevano esser con sua signoria cioè da fatti; intesi che erano da ventimila, ma fra buoni et cattivi da 25 mila. di altri apparecchi non viddi altro, salvo che haveano alcuni pezzi di tavola un passo lunghi con due pironi di ferro da ficcare in terra, assai deboli. In più volte potemmo veder da cavalli cinquanta coperti d'alcune lame di ferro sopra certi lavori di seta grossi. Le arme, che usano, sono archi et spade, et alcuni broccieri lavorati di seta, over di filato. non hanno lance. la maggior parte degli huomini da cento hanno celata assai bella, et qualche pantofoa. hanno buoni

et bei cavalli. di niuna altra lor cosa ho da dire, per haver detto della condition del paese, et dei loro costumi, et d'ogni altra cosa a sufficienza, benchè più diffusamente haveria potuto dire, che non ho detto, ma l'ho fatto per non esser tedioso.

CAPITOLO V.

Il Clarissimo Ambasciador si parte da Tauris, et cavalcando per la Giorgiania, et Mengrelia è assaltato in molti luoghi, et finalmente arriva al Fasso.

A di 28. ridotti sotto il padiglione del Magnifico Messer Josapha Barbaro desinassimo insieme, et a sua Magnificentia et a me pareva dura la partita, che certo fu con effetto, et abbracciandone insieme con molte lagrime pigliammo licentia l'uno dall'altro. Montai a cavallo insieme col detto Patriarcha, et gli Ambasciatori Turchi, et il sopradetto Marco Rosso, col nome di Dio ci partimmo, che credo fosse in strana hora per gli affanni che io hebbi et i pericoli grandissimi. Camminando per il paese d'Usuncassan per venire al Fasso arrivammo alli 9 casali d'Armeni catholici, come habbiamo detto per avanti, et alloggiammo in casa del Vescovo, dove fossimo ben visti, et udimmo messa catolica, dimorammo quivi tre giorni per fornirci: donde essendo partiti, et camminando per pianura, et anche per qualche monte entrammo nel paese del Re di Giorgiania.

A DI XII. LVGLIQ 1475. arrivammo in una terra del detto Re chiamata Tiphis, posta sopra un poco di monticello col suo castello sopra il monte piu alto, assai forte, dove anche trovammo un' Armeno catholico, et con esso lui alloggiammo, havendo passato un fiume ivi appresso, il qual si chiama Tigris. per fama la detta terra fu assai grande, ma è molto distrutta: et per quel poco che hora è, è assai ben habitata, et vi sono anche di molti huomini catholici.

A di 15. cavalcando per la detta Giorgiania, et la maggior

parte per montagne, trovavamo pur qualche casale, et anche sopra qualche montagna vedevamo qualche castello.

A di 18. circa li confini della Mengrelia in un bosco in mezzo di montagne trovammo il Re Pangrati, et fummo a visitarlo tutti noi, dove volse mangiassimo con lui, sedendo in terra, con li mantili di cuoio secondo la lor usanza per tovaglia. Il nostro mangiar fu carne arrostita, con qualche gallina, et tutto mal cotto, con qualche altra cosuccia: ma ben vi era del vino abbondantemente, perche tengono quello esser il piu bell'honore, che possano fare. Mangiato che s'iebbe, si missero a far sdraviza con alcuni bicchieri groppolosi mezzo braccio lunghi: et quelli che bevevano piu vino, erano piu stimati fra loro. I Turchi, che non beveano vino, furon cagione, che ci levammo da tal impresa: ma fummo molto disprezzati, perche non facevamo a modo loro. Il detto Re poteva esser d'anni 40. huomo grande, bruno, di viso Tartaresco, nondimeno bell'huomo: dal quale togliemmo finalmente commiato.

A di 20. la mattina partimmo di li, et cavalcando per la detta Giorgania sempre quasi per montagne venimmo a'confini della Mengrelia, dove trovammo (et fu a di 22) un Capitano d'alcune genti a piedi et cavallo del detto Re, per certa differenza, ch'era nel paese della Mengrelia, per la morte di Bendian suo signore: le quali ne fecero fermar con molte minaccie, et ci tolsero due Turcassi con gli archi, et con le frecce, et pagammo alcuni danari: lasciaronne poi andare, et noi piu presto che potemmo cavalcando, uscimmo fuori di strada, et ridotti in un bosco, stemmo quella notte con gran paura, dubitando non esser assaltati.

A di 23. la mattina, cavalcando verso Cotatis, nel passare un passo stretto, fummo assaltati da alcuni del casale, che ci tolsero il passo con minaccie di morte: et dopo le molte parole tolsero tre cavalli di quelli Ambasciatori Turchi, che portavano il presente: et con gran fatica pagando circa ducati venti di lor monete, et i cavalli, et alcuni archi fummo lasciati, et venimmo a Cotatis castello del detto Re.

A di 24. la mattina, convenendoci passare un ponte sopra una fiumana, fummo assaliti, et ci bisognò pagare un grosso per

cavallo. essendo menati: che certo se fu di grande affano. Passati che fummo, entrammo nella Mongrelia, dormendo sempre alla foresta.

A di 25. fummo menati a passare una fiumana con alcuni soppoli, et ridotti in un casale d'una donna chiamata Maresca, che fu sorella di Bendian, la qual mostrò farne buonissimo accetto: presentonne del pane, et del vino, et missene dentro un suo prato serrato.

A di 26. la mattina deliberammo farle un presente, che poteva valere da venti ducati: ne zingratiò, et non volse accettarlo: ma poi cominciò a farne molti stratii, dicendo voler due ducati per cavallo: et benché noi ci scusassimo per povertà, come per altro, non però ne valse, et ne convenne darle due ducati per cavallo, et anche volse il presente, che le havevamo mandato, con qualche altra mangiaria appresso, et con fatica ne licentiò: che certo alli modi, ch'ella tenne, credetti che ne dovesse spogliar del tutto: nondimeno fummo licentati.

A di 27. montammo parte di noi in alcuni suoi sopoli, et parte a cavallo venimmo al Fasso molto dissipati: et alloggiati in casa dell' antedetta donna Marta Circassa, per conforti degli affanni che havevamo havuti, sentimmo Caphà esser stata presa da Turchi, dov' era la speranza nostra di passare. di quanto affano tal nuova ci fusse, lascio considerar'a voi. Non sapevamo, che partito dovessimo prendere, et stavamo come persone perdute: ma frate Ludovico da Bologna Patriarca d'Antiochia sopradetto, deliberò di voler andare alla via di Circassia, per passar la Tartaria, et venir in Rossia, mostrando haver qualche notitia del detto cammino, piu volte havea detto di non s'abbandonare l'un l'altro, et così gli diasi, et lo pregai, che dovessimo di compagnia far' il detto cammino, et questo fu piu volte: ma mai rispose, ch'era tempo, che ciascuno salvasse la sua testa. Mi parve un' iniqua et strana risposta, et ancora lo pregai non volesse usar tanta crudeltà, ma niente mi valse. Volse ad ogni modo partire con la sua compagnia, et famiglia, et con l'ambasciador turco datogli per Ussuncassan. Visto così, cercai accordarmi con Marco Rosso, et con l'ambasciador turco, c'haveva con lui, et pigliar qualche partito di ritornare a dietro. Maestreno di volente fare,

et per segnal di fede ci baciammo la bocca, et io teneva tal promessa per certa: ma si consigliorno poi fra loro, et deliberorno andar per il paese di Gorgora Signore di Calicari, et delle terre Vati, che confinano con alcuni luoghi d'Ottomano; et davanti tributo. Intesa io tal cosa, non mi parve di pigliar tal cammino: ma piu tosto rimanere ivi al Fasso alla misericordia di Dio.

A DI VI. AGOSTO, 1475, il detto Patriarca montò à cavallo, com'è detto, con li suoi, facendo qualche sossa nico. et il giorno seguente si partì il detto Marco Rosso col Turco, et con alcuni Rossi, che erano con lui, parte in una delle lor barche, et parte a cavallo per il Vati, con pensiero d'andare alla volta di Samachi, et poi passar la Tartaria. Così rimasi io solo in quel loco con la mia famiglia, che in tutto eravamo cinque abbandonatida tutti, senza danari, et senza speranza d'alcuna salute, per non saper che via, ne che modo havessimo da tenere. qual cuore fusse il nostro, lascio considerar a chi ha intelletto. A me in quel giorno da fastidio saltò la febre terribile, et grande, ne mi potevo medicar con altro, che con l'acqua della fiumana, et con qualche panetto piu presto di semolelli, che d'altro: pur alle volte con fatica hebbi qualche polastrello. il male fu grande, et con alcune frenesie, che per quello che mi fu detto dopo, io diceva molto strane cose. Ivi ad alcuni di s'ammalarono tre della mia famiglia, et restò solo prete Stephano, il qual' attendeva a tutti. il mio letto era una coltre assai trista, la qual mi prestò un Zuan di Valcan Genovese, che stava in quel luogo, et questa era lenzuoli, et letto. la famiglia se ne stette con quelli pochi drappi c'haveva. la detta malattia mi tenne fino a dì 10. Settembre, che certo mi ridusse a tanta estremità, che li miei tenevano per certo, ch'io dovessi morire: ma la ventura mia volse, che la detta donna Marta haveva una borsetta, et un poco d'olio, et qualche herba, la qual mi fu posta, et parve ch'io meglioassi: ma questo conosco veramente che fu per misericordia del nostro Signor Dio, al qual piacque non mi lasciar morire in quei paesi, di che sempre sia ringratiato. Rimasti adunque tutti sinceri, ragionammo fra noi qual partito dovevamo pigliare, et deliberammo per opinion mia di ritornare adietro alla volta di Samachi per passar la Tartaria. Erarvi di quelli, che volevano ch'io andassi per la

Soria, ma non volsi in modo alcuno, et mi ristorai alquanto nel detto luogo del Fasso.

A DI X. SETTEMBRE. 1475. montammo a cavallo, et fatto circa due miglia de' nostri per la gran debolezza non era possibile cavalcare: onde fui posto in terra da cavallo et riposato alquanto, tornammo in casa della detta donna Marta, dove stemmo fin a di 17. et fortificati alquanto, col nome del nostro signor Dio montammo a cavallo per seguir il viaggio deliberato per noi. Nel detto luogo del Fasso si trovava un greco, che sapeva la lingua Mengrelia, il quale tolsi per mia guida, et mi fece mille assassinamenti, che a narrarli saria cosa pietosa.

CAPITOLO VI.

Il Clarissimo Ambasciador si parte dal Fasso, et tornando per la Mengrelia et Giorgiania vò nella Media, et passa il mar de Bachau, cioè Caspio, e perviene in Tartaria.

A di 17. montammo a cavallo, com'è detto, ritornando per la Mengrelia con qualche travaglio. A di 21. fummo in Cotatis, et la detta guida movendomi garbugli, mi fu forza dargli comiato col miglior modo ch'io potei. Stemmo nel detto loco fino a di 24. sì per non mi sentir bene, come per aspettar qualche compagnia: et finalmente ci accompagnammo con alcuni pochi, li quali non conoscevamo, ne intendevamo, per certe montagne, ma non senza paura, fino a' 30. che giungemmo in Tiflis, et dismontai più morto che vivo in una chiesa di un' Armeno catholico, dal qual certo con molti altri havemmo buona compagnia. Il detto prete aveva un figliuolo, al qual per nostra sorte, venne la peste, perchè quell' anno era stata grande nel detto luogo: et essendosi li miei mescolati con lui, l'appiccò a un Mapheo da Bergamo mio servitore, il qual mi attendeva: et per due giorni havendola, di continuo mi stette a torno: si buttò poi giuso, dov'

esso dormiva, et discoperto questo male, fui consigliato che mi levassi di lì. onde fatto netto il meglio si potè, un luogo, ove la notte stavan le vacche, mi fu acconcio con un poco di fieno, dove fui messo a riposare per la gran debolezza c'havevo. Il prete non volse piu che'l detto Mapheo stesse in casa sua, et per non haver altro luogo ci fu forza metterlo in un cantone, dove ero aneh'io, servendolo prete Stephano: et piacque al nostro signor Dio chiamarlo a se. Hebbi pur il modo con preghiere assai d'haver un' altro luogo da vacche simile a quello, ove mi ridussi al modo sopradetto. Eravamo abbandonati da tutti, salvo che da un vecchio, che sapeva un poco franco, che di continuo ci servi: ma come noi stessimo, si puo facilmente giudicare. Stammo nel detto luogo di Tiflis fino a' 21. Ottobre, et il giorno avanti per mia ventura capitò ivi quell' Ambasciador Turco che andava con frate Ludovico Patriarca d'Antiochia, il qual mi disse, ch'essendo andati fin nell' Avogasia, furon rubati, et spogliati del tutto: et diceva, che'l detto Patriarca n'era stato cagione, che gli fusse stato rubato, et che lo lasciò andare, et egli se ne ritornava nel suo paese, dicendo che di questo faria lamenti assai al suo signor Ussuncassan. Io il meglio che poteva, lo confortava, et ci accompagnammo insieme, et partimmo di lì, come è detto, a di 21. d'Ottobre. Il detto Tiflis è del Re Pangrati di Giorgia. et cavalcando per due giorni, entrammo nel paese d'Ussuncassan, perche era nostra via per andar in Samachi, et trovammo belli paesi.

A DI XXVI. D'OTTOBRE. 1475. fummo in un luogo, dove ne convenne separar l'uno dall' altro, perch'io volevo entrar nel paese di Sivansa per andar in Samachi sua terra, et l'ambasciador andar nel suo paese. Per mezzo suo hebbi per guida un turco, dei lor preti per fino in Samachi. Tolto coniato ci partimmo, et entrati nel detto paese, che si chiama la Media, il qual è bello. et fruttifero paese, et è per la maggior parte pianura, molto piu fruttifero et bello di quello d'Ussuncassan, noi con la detta guida havemmo buona compagnia.

A DI I. NOVEMBRE. 1475. arrivamo in Sammachi, terra del detto signor Sivansa, signore della Media, et è quel luogo, dove si fa la seta Talamana, et ancora molti altri lavori di seta, nondimeno sono leggieri, et per lo piu fanno rasi. La detta terra

non è grande come Tapris, ma secondo il mio giudicio molto migliore in ogni conditione, et abbondante d'ogni vettovaglia. Stando nel detto loco trovammo Marco. Rosae ambasciadier del Duca di Moscovia: quello col quale andammo fino al Fasso, che fece la via di Gorgora, et capitò ivi, dopo molti travagli. Venne per sua cortesia a trovarmi nel caversera, dove io era, et abbracciato strettamente, lo pregai mi volesse accettare in sua compagnia, et mi s'offerse con buone et cortesi parole.

A dì 6. partimmo di lì col detto Marco per andare in Derbent terra del detto Sivania, al confin della campagna de Tartari: et cavalcando hora per montagne, hora per pianure, alloggiando qualche volta in qualche casale de turchi, da' quali haviamo assai buona compagnia, trovammo a mezzo cammino una terriciuola assai convenevole, ove nascono tanti frutti, et massimamente pomi, ch'è cosa incredibile: et tutti bonissimi.

A dì 13. giungemmo al detto luogo di Derbent: et perche a voler andare in Russia, n'era forza passar la campagna de Tartari, fummo consigliati invernare in detto luogo, et all'Aprile passare per il mar di Bachau, et andar in Citracan. La detta terra di Derbent è posta sopra'l mare di Bachan, cioè mare Caspio: et dicesi che fu edificata per Alessandro magno, et chiamata Porta di ferro: perche a entrar della Tartaria in Media et Persia, non si può entrare salvo che per la detta terra, per haver una valle profonda, che tiene fino in Circassia. ha bellissime muraglie, molto larghe, et ben fatte: ma sotto il monte alla via del castello, non è habitata la sesta parte, et verso il mare tutta è disafatta. ha una grandissima quantità di sepolture. è convenevolmente abbondante d'ogni vettovaglia, et fa vini assai, et similmente frutti d'ogni sorte. Il detto mare è largo per non haver bocca alcuna: et dicesi che volge tanto, quanto il mar maggiore, et è molto profondo. vi si pigliano sturioni, et morone in grandissima quantità. altri pesci non sanno pigliare. V'è una grandissima copia di pescicani con la testa, piedi, et coda, propria, come cani. Pigliano ancora una sorte di pesci lunga circa un braccio et mezzo, grosso et quasi tondo, che non mostra ne testa ne altro: dei quali fanno certo liquore, che bruciano a far lume, et anche ungono li camelli, et portasene per tutto il paese.

Stemmo nella detta terra da 12 Novembre fino a' 6 Aprile, che montammo in barca, et certo havemmo buona compagnia. Mostravano essere bellissime genti, ne mai ci fu fatto ingiuria alcuna. Dimandavano chi eravamo, et dicendo che eravamo Christiani, non cercavano altro. Io portava in dosso una casacca tutta squarciata, foderata di pelli agnelline, et di sopra una pelliccia assai trista, con una berretta di pelli agnelline in capo, et andavo per la terra, et per il bazarro, et molte volte portavo la carne a casa: ma sentivo pur qualcuno, che diceva. costui non par huomo da portar carne, et il detto Marco me lo diceva, et riprendevami. dicende che io andavo con una presentia, che partiva ch'io fossi in Franchisa: ma io dicevo non poter far altro, maravigliandomi, ch'essendo così straccioso facessino tal giudicio di me: ma com'è detto, havemmo buona compagnia. Stando nel detto luogo per esser desideroso d'intender qualche nuova delle cose del signor Ussuncassan, et del Mág. M. Josapha Barbaro, deliberai mandar Dimitri mio turcimano fino in Tauris, che è cammino di venti giornate, et così andò, et ritornò in giorni cinquanta, et portommi lettere d'esso Josapha, il quale mi scrisse, che'l Signor' era lì, ma che non si poteva saper cosa alcuna di lui: et per lo detto Marco fu fatto accordo con un patrone delle lor barche, per condurci in Citracan: le quali lor barche stanno tutto'l verno in terra per non poter navigare: et sono fatte a modo di pesci (che così le chiamano) strette da poppa et da proda, con pancia in mezzo, fitte con pironi di legno, et calcate di pesce. Vanno alla quara, et hanno due zanche con uno spaolo lungo, che con bonaccia governa, et quando è qualcha mal tempo, con le zanche. Non hanno bussoli, ma navigano con la stella sempre per la vista di terra, et sono navili molto pericolosi. Vogano qualche remo, et governansi tutto alla bestiale, et dicono non esser altri marinari ch'essi. et per dire il tutto, queste genti sono tutte macomettane.

A DI VI. APRILE. 1476. l'esserne bisognato star circa otto giorni a marina in barca con le nostre robe per aspettar tempo, se che'l detto Marco di continuo stette nella terra, et noi per esser soli, non eravamo senza qualche paura: piacque al nostro Signor Dio far tempo per il nostro viaggio, onde ridotti

tutti alla marina, fu buttata la barca in acqua, poi tutti noi entrammo dentro: et facemmo vela: eravamo persone 35 computando il patrone con sei marinari, il resto erano alcuni mercanti, che portavano qualche poco di risi, et qualche lavoro di seta, et di boacassini per Citracan per vender a Rossi, et anco qualche Tartaro per pigliar altre cose: cioè pellettazie, che fanno per il detto luogo di Derbent. Come è detto facemmo vela il dì soprascritto, con vento prospero, sempre larghi da terra circa miglia 15. a costa di montagne. Il terzo giorno passate le dette montagne, trovammo spiaggia: et fece vento contrario, et ci fu forza a sorgere con un ferricciuolo il capo del resto, et poteva esser circa hore quattro avanti sera. la notte il vento rinfrescò con mare assai, et ci vedevamo del tutto perduti. deliberarono far levare il ferro, et lasciarci venir in terra alla ventura su la spiaggia. Levato che fu il ferro, c'intraversammo al mare, et per esser grosso con vento assai, ne buttava in terra: ma volse il nostro signor Dio, col detto mar grosso, che ne levava da scagni, che ci salvassimo, et buttonne appresso terra: ove la barca entrò in una fossa tanto lungo, quanto ella era, che ne parve esser entrati in porto, perche il mar rompeva tante volte avanti che venisse lì, che non ne poteva nuocere. A tutti ne fu forza saltar in acqua, et portar ciascuno le sue cosette in terra molto bagnate: et anco la barca faceva acqua per il toccar ch'ella fece su gli scagni. haviamo gran freddo sì per esser bagnati, come per il vento. La mattina fecero deliberatione fra loro, che alcuno non facesse fuoco, perche eravamo in luogo tanto pericoloso de Tartari, quanto dir si potesse. Su per la marina erano molte pedate di cavalli: et perche vi era un zopolo, che mostrava esser rotto da fresco, giudicavamo, che li detti cavalli fussero venuti per pigliar li lor huomini, ò vivi, ò morti, dal detto zopolo: di modo che stavamo con grandissima paura, et in aspettatione continova d'esser assaltati: ma ci rassicurammo, vedendo che dietro la spiaggia erano molte paludi, sì che di ragione li Tartari doveano esser lontani dalla marina. Stemmo nel detto luogo fino a dì 13. che bonacciò, et mostrò far tempo per il nostro viaggio, onde messe le cose delli marinari in barca, et menata la barca fuor delli scagnoni, furno caricate l'altre robbe, et fatto vela, et fu il sab-

bato santo. Facemmo circa miglia 30. et un' altra fiata n' assaltò il vento contrario: ma havendo alcune isolotte di canne sotto vento, ne fu forza d'entrare in esse, et venimmo a sorger in un luogo, dove era poca acqua. Il vento rinfrescò, et per il marisino la barca toccava alquanto: però il patron volse, che tutti dismontassimo sopra un poco di canneto, a modo d'uno isolotto, et così facemmo: et mi convenne pigliar le mie bisaccie in spalla, et discalzato andarmene il meglio che potei in terra con gran freddo, et gran pericolo per rispetto del marisino, che mi bagnò tutto. Giunto in terra, trovai un poco di coperto di canne, che per quanto dicevano, li Tartari a venivano a pescar l'estate in quei luoghi: messimi lì dentro per asciugarmi il meglio ch'io poteva insieme con la mia famiglia: et i marinari con gran fatica ridussero la barca à paravezo del vento, ove era senza pericolo.

A dì 14. la mattina, che fu il giorno di Pasqua, stando su'l detto canneto con qualche poco di canne, ma con gran freddo, non havevamo con che far Pasqua, salvo che con butiro: ma uno de famigli del detto Marco, camminando per lo scoglio trovò 9. uova di anetra, et appresentolle al suo padrone, che fece far una frittata con butiro, et appresentonne un pezzetto per uno: et con quello facemmo Pasqua, che fu molto bella, ringratiando sempre Iddio. Fra lor molte volte dimandavano, chi io era, et havevamo deliberato col detto Marco farmi da medico servidor della Despina, che fu figlia del Dispote Thoma, mandata da Roma per moglie del Duca di Moscovia: et come povero et servidor della detta, andavo a trovare il detto Duca, et la Despina per cercar la ventura: et essendo a uno de marinari venuto un brusco, over fumiolo sotto il scaio, mi dimandò consiglio: onde io ritrovato un poco d'olio, pane, et farina, ch'era in barca, feci uno impiastro et glie lo misi sopra il brusco, et volse la fortuna, che in tre giorni si ruppe, et fu guarito. Per la qual cosa dicevano, che io era un perfetto medico, confortandomi a voler rimaner con loro: ma Marco mi scusò per non haver io cosa alcuna, ne questo poter esser, ma che giunto in Rossia, stato che vi fussi qualche poco di tempo, ritorneria lì.

CAPITOLO VII.

*Il clarissimo Ambasciadore navigando il mar Caspio ar-
va a Citracan Città de Tartari: et da Tartari
gli vengon fatte molte paure, et finalmente si parte
con la caravana per andar in Moscovia.*

A di 15. la mattina fece vento: et facemmo vela, et di con-
tinovo velizando appresso terra: cioè di quelle isole di canneti,
qualche volta sorgendo, finò à di 26. ch'entrammo nella bocca
della Volga, fiumara grandissima, la qual viene dalle parti di Ros-
sia: et dicono che ha bocche 72. che buttano nel mar di Bacan,
et è in molti luoghi molto profonda. Dalla detta bocca fino in
Citracan sono miglia 75 et per la correnthia grande, hor col ti-
rar l'alzana, hor con qualche poco di vento arrivammo a di 30.
al luogo di Citracan, ma di qua da Citracan verso la marina è
una salina grandissima, che si dice far tanto sale, che saria ba-
stante a gran parte del mondo, et d'esso li serve la maggior parte
della Rossia, et è bellissimo. li Tartari, cioè quel signor di Citra-
can, non volse che per quel giorno dismontassimo in terra: ma
Marco dismontò, et hebbe pur il modo, perche havea li qualche
amicitia, et la prima sera fui menato in una casetta con la mia
brigata, dove stava il detto Marco, messo in un poco di busetto,
ove dormimmo. La mattina vennero tre Tartari con visacci, che
parevano tavolazzi, et fecermi andare alla lor presenza, et dissero
verso Marco, che fusse il ben venuto, perciocch'esso era amico del
lor Signore, ma che io era schiavo di quello, perche li franchi
erano lor nimici. Mi parve strana accoglienza: ma Marco rispose
per me, ne volse ch'io dicessi cosa alcuna, salvo ch'io mi ricoman-
dava a loro. Et questo fu.

IL PRIMO DI MAGGIO 1476, ritornai nella detta cameret-
ta con tanta paura, ch'io non sapeva dove mi era, et ogni
giorno li pericoli crescevano, si per li Comerchieri, li quali diceva-
no, che io al tutto havevo gioie, si perche haveamo qualche fra-
schetta delle cose di Derbent, per barattar à qualche cavallo per
nostro cavalcare, et tutto ne fu tolto. Poi per il detto Marco mi

fu detto, che ne voleano vendora in bazarro, ma per sue mese con alcuni mercanti, che doveano venir in Moscovia, dopo li molti affanni, et pericoli, che fummo assai giorni, fu ridutta la cosa in due mila alerpi, d'esser pagati al Signore: senza l'altre mangiarie date ad altri: et bench'io non havessi un soldo, furmo pur trovati li detti danari da Rossi, et da Tartari mercanti, che venivano in Moscovia, con grandissima usura, et con la siorità fattami dal detto Marco. La cosa del signore per l'accordo fatto pur era alquanto cessata: ma il Can Comerchier, quando Marco nostro non era in casa, veniva et buttava già la porta del luogo, dove stava, con voce maladetta. minacciando di farmi impalare, dicendomi ch'io havea gioio assai: onde mi fu forza strangolarlo il meglio si pote. Molte et molte volte venivano ancho alcuni Tartari la notte ubriachi d'una vivanda, che fanno di mele, gridando che voleano li franchi, che non è cuor d'huomo, che non si fusse spaventato, et con qualche cosa di nuovo ci conveniva farli tacere. Stammo nel detto luogo dal primo di Maggio fino a di 10 d'Agosto che fu il dì di S. Lorenzo. Il detto luogo di Citracan, è di tre fratelli, che sono figliuoli d'un fratello del presente Imperadore de Tartari, che sono quelli che stanno per le campagne della Circassia, et verso la Tana. la state vanso per li caldi alli confini della Rossia, cercando li freschi, et l'herba, et questi tre fratelli stanno in questo luogo di Citracan qualche mese del verno, ma la state fanno come gli altri. Il detto luogo è picciolo, et è sopra la fiumara della Volga, et le lor poche case sono di terra, et è murate d'un muro basso, ma mostra bene, che vi sia stato qualche edificio, et che non fusse gran tempo. E fama, che anticamente il detto Citracan fusse luogo di facende assai: et le specie che venivano à Venetia per via della Tana, venivano per il detto luogo di Citracan: perehe secondo quello che potei intendere, et comprendere, doveano capitare le specie lì et di lì alla Tana, essendo per quanto dicono, non piu di giornate otto di cammino.

A DI X. AGOSTO 1476. partimmo, come è detto, da Citracan, il dì di San Lorenzo, nel modo, che qui di sotto narrerò. Quel Signore di Citracan chiamato per nome Casimi can, ogni anno manda un suo Ambasciadore in Rossia al Signor Duca di Moscovia, piu presto per haver qualche presente, che per altro, et con

caso vanno molti mercanti Tartari, et fanno una caravana, et portano con loro alcuni lavori di seta fatti in Gesdi, et boccassini, per barattar in pelletterie, selle, spade, briglie, et altre cose à loro necessarie: et perche bisogna camminar dal detto luogo di Citracan fino alla Moscovia di continuo per deserti, è forza che ciascuno si porti qualche vettovaglia: ma li Tartari poco si curano, percioche menano con la detta caravana gran quantità di cavalli, et ogni giorno n'ammazzano per lor vivere, perche la lor vita è sempre di carne, et di latte, ne niun altro alimento hanno: ne sanno che cosa sia pane, salvo qualche mercante che sia stato in Russia: ma à noi fu forza fornirci la mensa il meglio che si potè. havemmo pur il modo d'haver un poco di risi, de quali fanno una mistura di latte seccato al sole, et la chiamano thur, che vien molto dura, et tiene un poco dell'agro, et dicono esser cosa di gran sostantia. havemmo anche cipolle, et aglio, et con fatica hebbi circa una quarta di biscottelli, di farina di frumento assai buona, et questa fu la nostra mensa: ma hebbi poi una coda di castrone salata, che fu all'ora della nostra partita. Il cammin nostro dritto fu tra due fiumare della Volga, ma perche il detto Imperadore havea guerra con Cassimi Can suo nepote, il qual Cassimi teneva dover esser egli vero Imperadore, percioche suo padre era Imperadore del Lordò, et teneva la signoria, et per questo haveano guerra grande insieme: però tutti deliberorno, che tutta la caravana passasse dall'altra banda della fiumara per camminar tanto, ch'ella venisse à passar in certo passo stretto del Tanais alla Volga, ch'è circa giornate cinque: percioche passato'l detto stretto, la caravana non dubitava più, et così tutti missero le lor robbe, et vettovaglie in alcuni lor zoppoli ch'usano, per passar di là dalla fiumara: Marco volse anch'egli mettermi le sue robbe, et ch'io vi mettessi quelle poche vettovaglie, c'havevo apparecchiate, et vi mandassi prete Stephano, et Zuanne Ungharetto mio famiglio, et ch'io rimanessi con lui, percioche haveva messo ordine con l'Ambasciadore chiamato per nome Anchioli, di trarmi di casa circa mezo giorno, et andare al passo, doverano andate le barche, che potevano esser da miglia 12 su per la fiumara: et quando fu hora, mi fece montar à cavallo col detto Ambasciadore, et col mio turcimano, et con gran paura camminando più bas-

samente potevo, arrivammo al passo, che potea esser un'hora avanti sera: et essendo per passar la fiumara, et andar dov'eran li mostri, circa l'imbrunir della notte, Marco mi chiamò con una tal furia, che certo io credetti fussi l'ultima mia hora. Fece mi montar à cavallo col mio turcimano, et una femina Rossa, in compagnia con un Tartaro d'un'aspetto tanto dispiacevole, quante dir si potesse: ne altro mi disse salvo che, cavalca, cavalca presto. Et io ubbidiente, perche non potevo far altro, seguiva il detto Tartaro, et tutta quella notte mi fece camminar infino a mezo giorno, che mai non volse, ch'è pur un poco dismontassi; piu volte gli feci dimandare al mio turcimano dove mi menasse, pur ultimamente mi rispose, che la cagione, che Marco m'havea fatto partire, si era perche il signore volea mandar à far cercare alle barche, et dubitava, che se m'havessero trovato lì, m'hariano ritenuto. Questo fu à di 13 d'Agosto, et circa mezo giorno. Ridutti su la fiumara, quel Tartaro cercava qualche zoppolo da passarne sopr'un polesene, ch'è a mezo la fiumara, dov'era il bestiame di quello Anchioli, Ambasciadore: et non trovando zoppolo, il detto Tartaro ragunò alcune frasche, et ligolle il meglio potè insieme, et prima messe le selle de cavalli suso, et ligò le dette frasche con una corda alla coda d'un cavallo, et esso governando il cavallo passò di là su'l detto polesene, che tengo era due grossi tratti d'arco. Ritornò poi, et misse suso la femina Rossa, et passolla nel detto modo. Il mio turcimano volse passar notando, et passò, ma con pericolo. Tornò anche per me, et perche vedevo il pericolo grande, mi spogliai in camicia, et discalzo, benche ad ogni modo poco mi saria valuto, et con l'aiuto di messer Domenico, ma con gran pericolo, fui passato di là. Tornò poi ancho il detto Tartaro, et fece passar li cavalli, et montati à cavallo andammo al suo albergo, ch'era un coperto di feltre, et missemi li sotto. Era il terzo giorno che non havevo mangiato cosa alcuna, et mi dette un poco di latte agro, et lo ricevetti in somma gratia, et mi parve molto buono. Di lì à un poco vennero molti Tartari, ch'erano su'l detto polesene per loro bestiame, et guardavanmi mostrando fra loro molto maravigliarsi à che modo io fusai capitato lì, non v'essendo mai stato christiano alcuno. Io non diceva cosa alcuna, ma mi facevo ammalato piu ch'io potevo.

Quel Tartaro mostrava molto favorirmi: et credea che niuno osava parlasse per rispetto dell' Ambasciadore, che era grande huomo. A di 14 che fu la vigilia di nostra Donna, per honorarmi fece ammazzare un buon agnelletto, et feccelo arrostitire, et lessare, non pigliando fatica alcuna di lavar la carne: pereioche dicono, che lavandola perde tutto il suo sapore: non fanno anche caso di spumarla, salvo che con qualche frasca: et cosi mi fece portare di detta carne, et latte agre avanti, et benchè fusse la vigilia di nostra Donna (la quale pregai che volesse perdonarmi, perche non potevo piu) ci mettemmo à mangiar tutti insieme. Fecero anche portar del latte di cavalla, del qual ne fanno grande stima, et volemo ch'io ne bevessi, perche dicono che genera gran forza all' huomo: ma perche egli haveva una maladetta puzza, non ne volsi bere, et l'ebbero quasi à male: et a questo modo stetti fino à di 16 à mezzo giorno: che essendo venuto Marco con la caravana per mezzo il detto polesene, over isolotto, mandò un Tartaro con un Rosso delli suoi à chiamarmi, et subito mi fece montare in un zoppolo, et passar dov'era la caravana. Prete Stephano, et Zuanne Ungaretto, che tenevano per certo di non mi veder mai piu, fecero gran festa, quando mi videro, sempre ringraziando il nostro signor Dio. Il detto Marco m'havea fornito di cavalli per quanto mi bisognava. Stenamo per tutte il dì 17. che con tutta la caravana ci mettemmo in cammino per passar il deserto, et andar in Moscovia. l'Ambasciadore era quello, che comandava à tutti, che potevamo esser circa persone trecento fra Rossi et Tartari, ma piu di cavalli ducento ménati per lor vivere, et anche per vendere in Russia. Certamente camminavamo con buon ordine sempre appresso la fismara, dove dormivamo la notte, et posavamo à mezzo il giorno: et questo fu per giorni 15 che parve loro d'esser sicuri dell'antedetto passo stretto, per paura che havevano dell'Imperador del Lordò. Et per dichiarare questo Lordò, dico, che essi hanno uno Imperadore, il nome del quale non mi ricordo, ma è quello che governa tutti li Tartari, che sono in quelle parti: li quali com'è detto, vanno camminando, cercando herbe fresche, et l'acque, ne mai stanno fermi, ne d'altro vivono, che di latte, come s'è detto, et di carne: hanno manzi et vacche le piu belle, credo, che siano nel mondo, et similmente castroni,

et pensare: et sono carni molto saporite per rispetto delli buoni pascoli c'hanno, ma fanno grande stima del latte di cavalla. hanno belissime et grandi campagne, ne si vede montagna alcuna. Io non sono stato nel detto Lordò, ma ho voluto haverne informatione, et della pensansa loro. Tutti concludono essere gran numero di gente, ma disutile: et così mostra per rispetto delle molte femine, et putti che hanno nel detto Lordò, et che non si troverà in tutto quel Lordò due mila huomini, con spade et arco, perche tutto'l resto sono discalzi, senz'arma alcuna: questi hanno fama di valenti, perche rubbano alla giornata Circassi, et Rossi, ma tengono che i lor cavalli siano come salvaticchi, perche mostrano essere molto paurosi, et non sono usi à esser ferrati. Così concludono che da loro à bestia non sia differenza alcuna. Questi Tartari com'è detto, di continuo stanno tra queste due fiumare, cioè il Tanai, et la Volga: ma dicono essere un'altra sorte di Tartari, che stanno di là della Volga camminando al greco, over greco et levanto, et dicasi esser gran numero, et portare li capelli lunghi fino alla cintura, et chiamansi li Tartari salvaticchi. Dicono che questi il verno, quando fanno gran freddi et ghiacci, vengono fino appresso Citracan, et camminano sempre cercando herbe, et acque, come fanno gli altri: ne al detto luogo di Citracan fanno danno alcuno, salvo che di qualche latrocinaio di carne. Camminato c'havemmo quindici giorni sempre appresso la fiumara, trovammo un boschetto dove li Tartari, et i Rossi cominciarono à tagliar legnami, che sono molto presti, et fecero alquante zattare, che tengo grano da quaranta legate con corde c'haveano portate per tale effetto: ma noi, mentre ch'essi le preparavano, trovammo lì un zoppolo assai tristo, col qual Marco deliberò mandar le sue robbe di là dalla fiumara, et mandate che l'ebbe, fece ritornar il zoppolo adietro, et comandommi che montassi in detto zoppolo con le nostre selle, et con quel poco di vettovaglia, che havevamo, et andassi di là della fiumara à guardar le sue robbe, et che Dimitri turchinasse, et l'Unghesetto restasse alla guardia de cavalli: così montai su'l detto zoppolo io, et prete Stephano, et due Rossi, che con certi legni governavano il zoppolo per passar dall'altra banda del fiume, ch'era, tengo certo, piu d'un grosso miglio d'una banda all'altra: ma fu molto

più per rispetto della gran cortentia dell'acqua, che di continuo menava giuso, et per il soppolo, che faceva acqua: ma nei due il meglio che potevamo, lo seccavamo, stando a sedere in acqua, con gran fatica, et estremo pericolo: et così con l'aiuto del nostro signor Dio passammo a salvamento dall'altra banda. Dedicato che fu il soppolo, li Rossi volevano ritornare, ma non fu possibile, perchè era tutto fracassato, onde fu forza che restassero, et erano in tutto sei. La mattina tutta la caravana dovea passare, ma levatosi il vento da tramontana, che durò due giorni, non fu possibile. Li miei, che guardavano li cavalli, non avevano punto da vivere, ne anche in dosso, perchè tutto avevo portato meco, onde si può considerare, che animo doveva essere il nostro. Stando così, volsi pur intendere come era stata governata la mensa, et trovai che l'era stato dato un gran fracasso, onde molto mi spaventai, però tolsi io a governarla, benché fossi tardo, con deliberation di metter al foco per ogni desinar solamente una scodella di risi, et così la sera: dando per rata, hora cipolle, hora aglio, con un poco di latte agro, secco, et per qualche giorno ne toccò qualch'un di quelli biscotelli per uno, stando a sedere a torno i risi, dove ciascuno mangiava la sua parte, et io in ciò mi mandavo eguale a loro: ma nei detti due giorni che stemmo lì, perchè trovammo de pomi salvaticchi, per risparmiare la mensa, ne lessavamo, et mangiavamo: passati poi li due giorni, tutta la caravana passò con le dette zattere, sopra le quali erano tutte le lor robbe, et in alcuna d'esse erano sei, in alcuna sette cavalli con altre tanti Tartari, che gli guidavano, havendo legate le corde alle code di detti cavalli: ma facemmo entrare tutti li cavalli nudi nella fiumara, accioche tutti, a un tratto passassimo, come fecero, che certo fu bella, et presta provvisione, ma pericolosa. Passati che furono tutti, et riposati alquanto, caricorno le robbe, et ci mettemmo a cammino, lasciando la fiumara: della qual secondo il mio giudicio, tengo non sia un'altra maggiore in molti luoghi, perchè mostra esser larga più di due miglia con le rive alte, et molto profonda.

CAPITOLO VIII.

Il clarissimo Ambasciadore passa il gran deserto dell' Asiatica Sarmatia, et arriva in Moscovia, città della Rossia bianca, et appresentasi al Duca.

Col nome di Dio, com'è detto, ci mettemmo à cammino: et si come da prima camminavamo per tramontana, così poi molte volte per ponente, non si mostrando segno di via alcuna, ma tutto era campagna deserta: li Tartari diceano, che noi eravamo per tramontana piu di quindici giorni sopra della Tana, la qual secondo me havevamo passata, camminando sempre all'usato, et riposando à mezo giorno, et nell'imbrunir della sera. il nostro riposo era sopra la terra, et per coperta havevamo l'acre col cielo, mettendoci la notte quasi sempre in fortessa, per dubbio c'haveamo di non esser assaltati et di continuo haveamo tre guardie, una à man destra, l'altra à sinistra, et la terza avanti: et alcune volte non trovavamo acque, ne per noi, ne per li cavalli il giorno, ne meno la sera, dove riposavamo. Nel detto viaggio non trovammo quasi salvaticina alcuna, ma trovammo ben due cameli, et quattrocento cavalli, che pascolavano, i quali dicevano essere stati della caravana dell'anno passato. Due volte tememmo non esser assaltati: l'una non fu cosa alcuna: l'altra trovammo circa 20 carri con alcuni pochi Tartari, da quali noi non potemmo intender dove andassero: et perche il cammino era lungo, et la mensa poca, mi convenne restringerla.

A DI XXII. SETTEMBRE 1476. quando piacque à Dio, entrammo nel paese della Rossia, dove erano alcuni pochi caseletti de Rossi in mezzo de boschi: et inteso c'hebbero, che Marco era nella detta caravana, vennero con gran paura per dubbio de Tartari, et gli portorno un poco di mele con la cera: del quale me ne dette un poco, che certo mi bisognava, perche tutti eravamo venuti almeno, et erano ridutti in termine, ch'a pena potevamo montare à cavallo. Partimmo di lì, et arrivammo in una terra chiamata Resan, la qual'è d'un signoretto, c'ha una sorella del Duca di Moscovia per mogliera. Le case tutte sono di legname,

et così il castelletto, dove trovammo pane et carne abbondantemente, et anche della lor bevanda di mele, onde molto ci ristorammo. partimmo di lì, camminando di continuo per boschi grandissimi, et la sera pur trovammo casali de Russi, dove alloggiammo tutti, et così pur alquanto riposavamo: perchè con l'aiuto di Dio ne pareva essere in luogo sicuro. Trovammo poi un'altra terra chiamata Colonna, la qual è appresso del fiume chiamato Mosco, et ha un gran ponte, dove si passa la detta fiumara, la qual butta nella Volga, partimmo di lì, et io fui mandato avanti per Marco, perchè la caravana non voleva venir così tosto.

A dì 26, lodando, et ringraziando Iddio, che n'havea campati di tanti estremi disagi et pericoli, entrammo nella terra di Moscovia, ch'è del Duca Zuanno signor della gran Russia bianca. Ma dovete sapere che quasi la maggior parte dell' giorni che stemmo nel passar il detto deserto, che fu da dì 10 d'Agosto, che partimmo da Citrean, fino al giugner nel detto luogo di Moscovia, che fu a dì 25 Settembre, per non haver legge, continavamo con stardo di bestiame. Giunti adunque a salvamento nel detto luogo, dal detto Marco mi fu dato una stusetta con un poco d'altra stanza per noi, et per li cavalli, la quale benchè fusse picciola, et trista, nondimeno mi parve esser in un grandissimo, et buon palazzo, rispetto alle cose passate.

A dì 27, il detto Marco entrò nella terra, et la sera venne a trovarmi, et presentarmi qualche vettovaglia per esser abbondantissima la terra, come qui appresso dirò, confortandomi a star di buona cuore, ch'io potevo riputar d'esser in casa mia: et così mi disse per nome del suo signore, di che lo ringratiai quanto seppi, et potei.

A dì 28, andai a trovar il detto Marco, et per esser volentoso di ripartire, gli richiesi che volesse esser contento di adoperarsi a farmi parlare al signor Duca, et mi servi: perchè di lì a poco il signore mi mandò a chiamare. dove giunto et fatte le debite riverenze, ringratiai sua signoria della buona compagnia, che mi havea fatto Marco suo Ambasciadore, che certo potea dire con verità esser per lui campato di assai più pericoli: et benchè tali serviti stano stati nella persona mia, sua signoria potera riputare di haverli fatti alla mia Illustrissima Signoria, della qua-

le io ero Ambasciadore: ma non mi lasciò compitamente parlare, che con volto quasi turbato si lamentò di Zuan Battista Trivisano. Non dirò altro circa ciò, per non esser à proposito: ma dopo le molte parole, si di sua signoria, come mie, alla richiesta ch'havevo fatto à sua signoria circa il voler partirmi di lì, mi disse, che mi faria un'altra volta risposta, et con questo mi licentiò sua signoria, la quale era per cavalcare: perloche haveva per costume, ogn'anno andare à visitar i luoghi del suo paese, et massimamente un Tartaro, che tiene al suo soldo con cavalli cinquecento, per quanto dicevano, alli confini de Tartari per guardia, accioche da essi non sia danneggiato il suo paese. Io come è detto, essendo volenteroso di partirmi di lì, cercavo d'haver risposta di quanto havevo detto à sua signoria, così fui chiamato al suo palazzo davanti tre suoi principali baroni, i quali mi risposero per nome del signor Duca, ch'io fussi lì ben venuta, et mi replicarono tutte le parole dette mi per esso signore, lamentandosi del detto Zuan Battista, et che in conclusione, l'andare, et lo stare era ad ogni mio piacere, et con questo mi licentiò, et il signore montò à cavallo, et cavalcò alla detta volta. Et perche io ero debitore al detto Marco di tutti li dinari del mio riscatto con la usura, et anche di qualche altra spesa fatta per me, lo pregai fusse contento di lasciarmi andare, che subito gionto à Venetia gli manderia tutto quello ch'io gli ero debitore, ma non volle acconsentirmi à tal cosa, dicendo che li Tartari, et i Rossi, che dovevano haver per la promessa fatta per mi, volevano esser pagati: onde havendo io fatta ogni sperienza, sì col signore, come con Marco, mi deliberai mandar prete Stephano à Vinetia dall' Illustrissima Signoria nostra, et di tutto darle aviso, accioche con la sua consueta clementia, et benignità mi provvedesse, accioche in quei paesi non fusse la mia fine.

A DI VII. OTTOBRE 1476. feci cavalcare il detto prete Stephano, et in sua compagnia, un Nicolo da Leopoli praticissimo di tal cammino: così partirono; et io rimasi lì nel detto luogo, nel qual si ritrovò un maestro Trifon orefice da Catharo, il qual haveva fatto, et faceva di molti belli vasi, et lavori al signor Duca. vi si ritrovava anche un maestro Aristotele da Bologna

ingegnere, che faceva una chiesa su la piazza, et anco molti greci da Constantinopoli: ch'erano andati li con la Despina. con li quali tutti feci molta amicitia. La stanza che mi havea dato il detto Marco, era piccola, et spiacevole, et mal vi si potea alloggiare, ma per mezzo d'esso Marco fui messo ad alloggiare in casa, dove stava il detto maestro Aristotele, che era quasi appresso il palazzo del signore, et era assai conveniente casa. Da li à pochi giorni (onde procedesse, non intesi) mi fu fatto comandamento per nome del signore, ch'io uscissi della detta casa, et con fatica me ne fu trovata una fuor del castello con due stufette, in una delle quali stavo io; et nell'altra la famiglia, dov'io stetti fino al mio partire. Questa terra di Moscovia è posta sopra un picciol colle, et è fatto tutto di legnami, così il castello, come il resto della detta terra. ha una fiumana, la quale si chiama Mosca, che le passa per mezzo, et da una parte è il castello con parte della terra, dall'altra parte è il resto della terra, et ha molti ponti, sopra i quali si passa la detta fiumana: et è la terra principale, cioè la sedia d'esso signor Duca. È circondata di molti boschi. per esser tale la maggior parte del paese, il qual è abbandantissimo d'ogni sorte biade, et al tempo ch'io era li, si haverao più di dieci stara delle nostre di frumento al ducato, et così per rata l'altre biade. Usano per il più carne di vacche et di porci, che credo se n'habbia più di tre libbre al soldo. Si danno poi cento galline al ducato, et similmente quaranta anatre, et poco più di tre soldi l'una le oche. Di lepori ne è grandissimo mercato, ma d'altre salvaticine ne hanno poche, et credo sia per non le saper pigliare. hanno uccelletti d'ogni sorte, et a grandissimo mercato. Non fanno vino in luogo veruno, ne hanno frutte d'alcuna conditione, salvo qualche poco di cocomeri, di nocelle, et di pomi salvatichi. E paese frigidissimo, in modo che dell'anne stanno nove mesi continovi nelle stufe, et conviene fornirsi il verno per la state, et questo, perche per li gran ghiacci fanno alcuni lor Sani, che un cavallo gli strascina facilmente, et con quelli conducono il tutto: ma la state è tanto fango per li ghiacci che si disfanno, et delli boschi grandi, che non lasciano mai far buone vie, talche con gran fatica si cammina: però è forza loro far così. Alla fin d'Ottobre la fiumana: che passa per mezzo

la terra, tutta si agghiaccia, sopra la qual fanno le lor botteghe d'ogni sorte cosa, et li fanno tutti li lor bazarri, et nella terra non si vende piu quasi cosa alcuna: et questo fanno, perche tengono, che quel luogo, per esser circondato dalla terra d'una banda all'altra, et riguardato da venti, sia manco freddo, ch'altro luogo et sopra la detta fiumara agghiacciata, ogni giorno si ritrova grandissima quantità di biade, vacche, porci, legni, fienà, et ogn'altra cosa necessaria, et tutto'l verno così non manca. Alla fin di Novembre tutti quelli c'hanno vacche et porci, gli ammassano per portarli alla terra à vendere, et così integri à tempo per tempo li portano al mercato alla terra à vendere, che è un piacere à veder tante vacche scorticate messe in piedi sopra la fiumara agghiacciate, in modo che si mangia carne morta di mesi tre et piu: et similmente fanno de pesci, et delle galline, et d'ogni altra sorte cosa da vivere. Sopra la detta fiumara agghiacciata corrono li cavalli, et fanno molt'altre cose di piacere: et qualche volta anche alcuni d'essi si scavezano il collo. Sono humani assai belli, et similmente le donne, ma è bestial gente. Hanno un Papa fatto per il lor signor al lor modo, et del nostro fanno poca stima, et dicono che noi siamo perduti del tutto. Sono grandissimi ubriachi, et di questo se ne danno grandissima laude, et dispregiano quelli che nol fanno. Non hanno vino di sorta alcuna, ma usano la bevanda del mele, la qual fanno con le foglie di bruscandole, che certo non è cattiva bevanda: et massimamente quando è vecchia. ma il signore non lassa, che ogn'uno sia in libertà di farne, perche se havessero tal libertà, ogni giorno sariano ubriachi, et si amazzariano come bestie. La lor vita è star la mattina nelli bazarri fino circa mezo giorno, poi ridursi nelle taverne à mangiare, et bere: et passata la detta hora, non si può haver da lor servizio alcuno. In detta terra capitano assai mercatanti tutto'l verno sì di Alemagna, come di Polonia, solo per comprar pelletarie, come zebellini, volpi, armellini, dorsi, et qualche lupo cerviero: et benche le dette pelletarie si piglino molte giornate lontano dal detto luogo di Moscovia, piu verso greco tramontana, et forse maestro, nondimeno tutte capitano in detto luogo, dove li mercanti le comprano. Ve ne capita anche gran quantità in una terra chiamata Novogardia, la qual

confina quasi con la Francia, et con l'Alemagna alta, et è giornalmente otto lontana da Moscovia, piu al Ponente: la qual terra si governa à communità, ma è sottoposta però al detto signor Duca, et dagli un tanto l'anno. Il detto signor, per quanto ho inteso, tien gran paese, et faria gente assai, ma sono per piu huomini disutili: confina con l'Alemagna, ch'è del Re di Polonia. Dalla banda di maestro tramontana, dicono esser una certa nation d'Idolatri senza signore alcuno, ma quando piace loro, danno ubbidienza al detto Duca. Dicono che vi sono di quelli ch'adorano la prima cosa che vedono, et alcuni, che fanno sacrificio di qualche animale a pie d'un' arbore, et quello adorano: et molt'altre cose dicono, le quali io tacchè per non l'haver viste, ne mi paiono credibili. Il detto signore può esser d'anni 35. grande, ma scarso, et è bell'huomo. ha due altri fratelli, et la madre viva, et ha un figliuolo d'un' altra donna, il qual non gli è troppe in gratia, per non usar buoni costumi: con la Despina ha due figliuole, et dicevasi ch'era grossa: potria dir pia avanti, ma saria troppo lungo. Io stetti nel detto luogo di Moscovia da 25 Settembre, che giunsi lì, fino a 21 di Gennaio, che mi parti. et certo hebbi da tutti buona compagnia. Il signor Duca fatto c'hebbe la visitation del suo paese, ritornò in Moscovia, circa la fin di Dicembre: et bench'io havessi mandato il detto prete Stephano per il mio riscatto, et ch'io fussi certo mi saria stato mandato, per essendo volenteroso di ripartir, et non si confacendo quelli costumi alla mia natura, havevo praticato con qualch'uno di quelli gentilhuomini, che mi dovessino esser favorevoli à farmi partir di lì, onde passati alcuni giorni sua signoria mi fece invitare à mangiar seco, et mi fu detto ch'era contenta ch'io mi partissi, contentando ancho di servir la nostra Illustrissima Signoria, et pagar li Tartari, et i Rossi del mio riscatto, per quanto io ero debitore. Andai al convito fattomi per sua signoria, et certo onorevolmente fatto, si di molte vivande, come d'ogn'altra casa. Desinato che si hebbe, per esser così lor usanza, subito mi parti ritornando alla mia stanza. Da lì à pochi giorni, volse ch'io mangiassi un'altra volta con sua signoria al modo usato: poi comandò al suo Tesoriero che mi desse li danari che mi bisognavano per pagar li Tartari, et i Rossi, et fecemi andare al suo palazzo, dove

mi fece vestir d'una vesta di zebellini (cioè la pelle sola) et havevami anche mandato mille dossi con la detta vosta: con la quale mi ritornai à casa. Volse medesimamente ch'io visitassi la Despina, et così feci, usando le debite riverenze et parole, che accadevano, con ragionamenti assai: dalla quale hebbi tanto buone, et cortesi parole, quanto dir si potesse, pregandomi strettamente, ch'io la dovessi raccomandare alla mia Illustrissima Signoria, et da sua signoria tolsi commiato.

CAPITOLO IX.

Il Clarissimo Ambasciadore si parte di Moscovia, et passa per la Lituania, Polonia, et Alemagna, et giugne in Italia.

Il giorno seguente fui chiamato à palazzo à desinare col Signore, ma prima ch'andassimo à tavola, entrati in una camera, dov'era sua signoria, et il detto Marco, et un'altro suo segretario, con bonissima ciera mi usò tanto cortesi parole, quanto dir si potesse, astringendomi ch'io dovessi significare alla mia Illustrissima Signoria lui esser suo buono amico, et che così lo volesse conservare, et che volentieri mi lasciava andare, offerendosi, se altro mi bisognava di fare il tutto. Quando il signore mi parlava, io mi lontanava, alquanto: ma sua signoria mi si accostava sempre, usando grandissima humanità, et così feci risposta à tutto quello che mi disse sua signoria, ringratiandola come si conveniva, talche stammo in ragionamento piu d'una grossa hora. Mi mostrò con gran domestichezza alcune sue veste di panno d'oro foderate di zebellini bellissime, poi uscimmo fuori di camera, et di lì à poco andammo à tavola, et fu un pasto lungo piu dell'usato et con pia vivande, et eranvi molti suoi baroni. Compito il desinare, fui fatto levar da tavola, et andar in piè avanti sua signoria, dove mi dette buona licentia con parole alte, che ogn'uno l'intendeva, et con dimostrazione di gran benivolenza verso la nostra Illustrissima Signoria, et io ringratisi sua signoria di quan bisognavo.

Mi fu poi presentata una tazza grande d'argento piena di quella lor bevanda di mele, dicendami, che'l signore comandava, ch'io la bevessi tutta, et mi donava la tazza. Questo usano quando vogliono far grandissimo honore, ò à Ambasciatori, ò ad altri: ma mi parve gran cosa à beber tanto, perche certo era assai, pur credo ch'io ne bevessi un quarto d'essa: et perche sua signoria si accorse, che io non poteva piu bere, et perche ancho per lo passato sapeva il mio costume, mi fece tor la tazza, et fu vota, et datami vota. Basciai la mano à sua signoria, et con buona licentia mi parti, et fui accompagnato da molti suoi baroni fino alla scala, dai quali fui abbracciato, in vero con gran dimostrazione di amorevolezza. Così me n'andai à casa, dove havea apparecchiato tutto per la mia partita, ma Marco volse ch'io desinassi prima con lui.

A DI XXI. GENNAIO. 1476. desinato ch'io hebbi col detto Marco, et con li miei, certo honorevolmente, tolsi commiato da lui, et entrati nelli nostri Sani, col nome di Dio ci partimmo. Li detti Sani sono quasi à modo di una casa, et con un cavallo davanti si strascinano, et sono solo per i tempi del ghiaccio, et à ciascuno conviene haver il suo. In questi Sani vi si siede dentro, con quanti panni si vuole, et si governa il cavallo, et fanno grandissimo cammino, et portansi anche dentro tutte le vettovaglie, et ogn'altra cosa necessaria. Circa il Patriarcha d'Antiochia, cioè frate Ludovico, il qual era stato ritenuto per il signore, per conto di esso Marco, io mi adoprai tanto, che fu lasciato, et dovevamo venir di compagnia: ma visto che non mostrava haverne voglia, mi parti solo con la mia compagnia, et mi fu dato un'huomo del signore, che mi accompagnasse, con comandamento, che me ne fusse così dato uno di luogo in luogo per tutt'il suo paese. La sera alloggiammo tutti à un casale molto strano: et anchor ch'io conoscessi che conveniva patir di molti altri discomodi et disagi, per græ freddi, et ghiacci ch'erano in quelli paesi, et per haver à camminar di continuo per boschi, mi pareva però ogni discomodo commodo, ne temevo di cosa alcuna, tanto era il gran desiderio, ch'io havevo d'uscire di quei paesi et costumi: onde io non pensavo ad altro, che camminar giorno et notte.

A di 22 partimmo dal detto casale, et camminando di con-

tinovo per boschi con grandissimi freddi, dal dì detto fino a dì 27. che arrivammo à una terricciola chiamata Viesemo, et di lì partimmo, pigliando di continovo guide di luogo in luogo. Poi trovammo un'altra terricciola chiamata Smolencho, et di lì partimmo con un'altra guida, et uscimmo fuora del paese del Duca di Moscovia, et entrammo nella Lituania, ch'è di Casimir Re di Polonia, poi andammo in una terricciola chiamata Trochi, dove trovammo la maestà del detto Re.

Ma nota che da dì 31 Gennaio, che partimmo da Moscovia, fino A DI XII. FEBR. che giugnemmo in detto luogo di Trochi, camminammo sempre per boschi, ma tutto pianura con qualche collina, pur qualche volta trovavamo qualche casale, dove riposavamo, ma il piu delle volte dormivamo nei boschi: et così à mezo giorno mangiavamo in alcuni luoghi, dove trovavamo i fuochi fatti per persone state poco avanti lì a mezo giorno, over la sera, trovavamo il ghiaccio rotto per abeverar li cavalli, et altri assai bisogni. Noi adunque giugnevamo legne al fuoco, et tutti li attorno mangiavamo di quel poco, che noi havevamo: et certamente patimmo sinistro assai nel nostro venire, et quando eravamo scaldati d'una banda, ci voltavamo dall'altra, et io dormiva nel mio Sano per non dormire in terra. Camminammo sopra una fiumara, ch'era agghiacciata, giornate tre, sopra la qual dormimmo due notti, et dissero c'havevamo fatto trecento miglia, che fu grandissimo cammino. La maestà del Re inteso che hebbe la mia venuta, mandò due suoi gentil'huomini cavalieri ad allegrarsi meco del mio esser gionto salvo, et convitarmi per il giorno seguente à desinar con sua maestà, et il detto giorno, che fu a dì 15 mi mandò à presentar una vesta di damaschin cremesin foderata di zebellini, et chiamommi da sua maestà, et volse ch'io entrassi in uno delli suoi Sani, menato da sei corsieri bellissimi con quattro suoi baroni, che stavano à piedi di fuori del Sano, et accompagnato da altri molto honorevolmente. Così andammo al palasso di sua maestà, dove entrato, mi menò nella sua camera, et sua maestà si pose à sedere in un luogo molto honorevolmente accomcio, con due suoi figliuoli à canto, vestiti di raso cremisino, giovani et belli, che parevano due angeli: nella qual camera erano poi molti suoi baroni, et cavalieri di conto, et altri signori, et

quivi fu posta una banca per me dirimpetto à sua maestà, la quale mi raccolse con tanto amore, quanto dir si potesse, et volse ch'io toccassi la mano alli figliuoli, di maniera che fu tale la cortesia, et humanità verso me, che se io le fossi stato figliuolo: non poteva usar la maggiore. Volsi cominciar à parlare stando in ginocchi, facendone ogni sforzo, ma non volse che mai principiassi, se prima non mi levassi su, et voleva ad ogni modo, ch'io sedessi, la qual cosa non volsi fare: ma pur qualche volta per molti suoi comandamenti mi conveniva sedere. Et così esposi avanti sua Maestà con ogni diligenza il mio viaggio, et dissegli del mio essere stato al signore Vassuncassan, et quanto havevo operato, et anche della sua possanza, et costumi, et paese: le quai cose mostrava molto desiderar d'intendere: gli dichiarai anche li modi, et la possanza de Tartari, et gli dissi qualche cosa anche delli pericoli ch'io haveva passati nel detto viaggio: et fui per meza hora ascoltato da sua maestà con tanta attentione, che d'alcuno mai fu aperta la bocca, tanto mostrava haver piacere di udirmi: poi ringratiai la sua maestà del presente, et honore, che mi havea fatto, per nome della mia Illustrissima Signoria: et sua maestà mi fece rispondere, per il suo interprete, che molto s'allegrava della mia venuta, perche giudicorno, quando andai al detto viaggio, non doversi ritornar piu: poi mi disse, che con gran suo piacere havea inteso delle cose di Vassuncassan, et de Tartari, et ch'era certificato di quello, che sempre haveva tenuto, perche mai non credette fussero tante cose, come si dicevano: et soggiunse, che anchora non haveva trovato alcuno, che gli havesse detto la verità, se non io: et disse molte altre parole. Ma la conclusione del tutto fu, che mi fece entrar in un'altra sala, dove erano apparecchiate le tavole, et sempre bene accompagnato, et di li à poco venne sua maestà con li figliuoli con trombe, et molto onorevolmente, et si misse à sedere à tavola: et dalla man destra erano li detti suoi figliuoli, et dalla sinistra era il primo Vescovo, che habbia, et io appresso di lui, non troppo distante da sua maestà: li bareni poich'erano molti, erano alle tavole, ma distanti alquanto, et tengo che fussero da quaranta persone. Le vivande erano portate in tavola sempre con le trombe avanti, con li piatti grandi, et molte abbondantemente, et erano serviti di sortelli avanti

à modo nostro, et così stemmo à tavola forse due hore: et di continovo mi dimandava sua maestà del mio viaggio molte cose, alle quali io al tutto satisfeci. Poi finito il convito, et levato le tavole, stando in piedi, et richiedendo commiato da sua maestà per volermi partire, et dimandandole se le piaceva comandare più cosa alcuna, mi disse, ch'io dovessi assai offerir sua maestà alla mia Illustrissima Signoria, con molte humanissime parole, et comandò alli figliuoli mi usassero simili parole: et così con le debite riverenze tolsi commiato da sua maestà, et dalli figliuoli che mi fece accompagnare honorevolmente alla mia stanza, dove io ero albergato, et comandò che mi fusse data una guida, la quale mi dovesse accompagnare, et comandare, che per tutto il suo paese io fossi guidato, et accompagnato, sì che sicuro andassi per tutto.

A di 16. mi parti dal detto luogo di Trochi, et camminando fino a di 25. arrivammo in un luogo chiamato Ionici, et di lì partimmo, et eravamo entrati nella Polonia: et di luogo in luogo ne erano date le guide per comandamento della maestà del Re, et fummo in una terra chiamata Varsonia, della quale sono signori due fratelli, dove mi fu fatto honore assai et datomi guida, che mi accompagnò fino in Polonia, della quale non farò altra mentione havendone parlato per adietro: ne mi estenderò dirne troppe particolarità, perche in vero il paese è bello, et mostra esser assai abbondante di vettovaglia, et di carne, ma poche frutte d'ogni conditione. trovavamo pur castelli, et casali, ma niuna terra da farne mentione, et ogni sera trovavamo alloggiamento, et eravamo per tutto ben visti, et è paese sicuro.

A DI PRIMO MARZO 1477. giugnemmo nella detta terra di Polonia, havendo camminato di continovo nelli antedetti Savi, et per esser io non poco affaticato, et similmente la mia famiglia, sì per i gran freddi, come per li molti disagi, che havevamo havuti, stetti infino a di 5. per esser ben alloggiati, et in una buona, et bella terra, et abbondante di tutto. Quivi assai bene ci ritrovammo del tutto ben forniti, et anche di cavalli per il nostro calcare, et di ogni altra cosa al bisogno nostro, et con tutta la famiglia.

A di 5. partimmo del detto luogo di Polonia, et venimmo in

un'altra terricciuola, chiamata Messariza pur del detto Re, et di lì partimmo: ma per esser il confine della Polonia all' Alemagna passammo non senza paura, et pericolo.

A di 9 giugnemmo à Francfort terra del Marchese di Brandimburg, et alloggiài in casa dell'hoste, dove alloggiài anche nel mio andare: il qual conosciuto che m'hebbe, molto si maravigliò, et disse mi, che in detti confini, eravamo venuti con grandissimi pericoli, et in vero egli mi fece honore, et carezze assai.

A di 10 partimmo di lì, et camminando per l'Alemagna trovavamo di continuo miglioramento sì di ville et castelli, come di terre, et buoni alloggiamenti: et essendo a di 15 appresso una terra chiamata Ian, scontrai prete Stephano, il qual era stato spedito per la nostra Illustrissima Signoria, col mio riscatto, et veniva per trovarmi in Moscovia. di quanta allegrezza fusse all'una parte et all'altra il ritrovarsi, ogn'uno lo può facilmente pensare, che certo fu gratia di Dio, come è stato in tutte le altre cose: abbracciatolo, et inteso in brevità il tutto, venimmo nella detta terra di Ian, dove riposammo.

A di 17 partimmo di lì, et à di 22 giugnemmo in Norimbergo, terra bellissima, come per adietro havemo detto, onde deliberai, sì per esser molto stracco, come ancho (et fu la principal cagione) per honorar la festa della santissima Incarnatione del nostro Signor Jesu Christo, stare nel detto luogo di Norimbergo, à far la santissima festa, dove riposammo commodamente, che certo ne bisognava.

A di 26 parti del detto luogo di Norimbergo, il qual si governa à comunità, ma dà obediensa all' Imperadore, et ogni sera alloggiammo in bonissime et degne terre, et fra le altre Auspurch, degna et bellissima terra: et così trovammo di molte altre belle terre.

A DI IV. APRILE 1477, da mattina, che fu il dì del venero Santo, gionai à Trento, dove intesi il miracolo del beato Simone, et parsemi mio debito voler honorar quel santissimo corpo, et il giorno di Pasqua, et far anche il debito di confessarmi, et comunicarmi. Et così à dì 6. che fu il dì della santa Pasqua, io con la famiglia ci comunicammo, et per honorar la santissima festastemmo quel giorno nel detto luogo di Trento.

A di 7 la mattina col desiderio, che ogn'un può pensare, ch'io haveva di giunger nella nostra terra santa, ch'ogni giorno mi pareva un'anno, essendo stato nel detto luogo di Trento, et da quel reverendo Vescovo honorato et ben visto, tolto commiato da sua signoria, mi parti et venni alla Scala, primo luogo della nostra Illustrissima Signoria: et perche così era'l mio voto, me n'andai à S. Maria di monte Arthon, dove gionsi à di 9 à mezzo giorno: et satisfatto il debito del voto, con la licentia di frate Simone ch'era Priore del detto luogo, fatta l'offerta promessa, mi parti, et venni à Padova al portello, ringratiando sempre il nostro Signor Dio, et la sua madre dolcissima, che mi haveva campato da tanti evidenti pericoli, et affanni, et condotto à salvamento, et dov'era il desiderio mio, perche mai non credetti tal cosa dovesse essere. et benchè corporalmente io fussi nel detto luogo, quasi l'animo mio dubitava, parendomi cosa impossibile, quand'io pensavo al tutto. Io havea scritto, et fatto sapere à mio fratello, et alli miei che saria di 10 che fu di giovedì circa hora di vespero a Vinetia: ma la volontà grande non mi lasciò seguire tal ordine, perche avanti giorno montai in barca, et fui alle Zaffusine circa due hore di giorno, et venni di lungo per andare à adimpir un' altro voto, avanti ch'io andassi à casa, che fu à S. Maria di gratia: ma andandovi trovai nel canal della Zudecca mio fratello messer Agustin, et due miei cognati, et abbracciati strettamente, parendo loro cosa miracolosa, perche tenevano per certo, ch'io fussi morto, ce n'andammo à S. Maria di gratia: et perche il detto giorno di giovedì era il consiglio di Pregadi, mi parve anche mio debito, avanti ch'io andassi à casa, andar' alla presentia dell'Illustrissima Signoria nostra à farle la riverenza debita, et anche referir quanto haveva eseguito per le commissioni mie: et così come mi ritrovavo, me n'andai nel consiglio di Pregadi, et fatte le debite salutationi, mi fu comandato, ch'io dovessi montare in reggia, et esoner quanto io haveva à dire, et così feci. Et perche la Serenità del Principe nostro era alquanto aggravata, et non era nel consiglio, spedito che fui, et tolto licentia dalla Signoria, me n'andai da sua Serenità, et fatte le debite riverenze, mi vidde con allegro animo, et con brevità le dissi in parte quanto haveva eseguito, et da sua Sublimità mi parti, et me n'andai

a casa, dove gionto ch'io fui ringratiai grandemente nostro signore Iddio, che mi havesse donata questa gratia, et campato da tanti pericoli, et ridotto à rivedere li miei, perche molte volte credetti certo non gli riveder mai. Così faccio fine del presente viaggio, il quale, anchor che si havesse potuto narrar con piu elegante maniera, nondimeno ho piu tosto voluto esporre la verità a questo modo, che ornar la bugia con belle et eleganti parole: et se fusse stato pretermesso qualche cosa dell' Alemagna, non se ne maravigli alcuno, perche non mi è parso necessario stendermi in tal narratione, per essere paese a noi propinquo et quasi famigliare.

*Breve narratione delle conditioni del paese di
Usuncassan.*

Il paese di Usuncassan è grande et confina con Ottomano, poi col paese che fu di Caramano, et è il suo primo paese di Turcomania, che confina col Soldano, cioè verso le parti di Aleppo. Il suo paese di Persia, il qual tolse da Jausa, et fecelo morir, fu piu presto per ventura, che per possanza, et Tauris è il suo primo luogo, dov'è la sua sedia: dal qual luogo caminando quasi per levante et scirocco fino in Siras, ch'è l'ultima terra della Persia, sono da giornate 24. et confina con Zagatai, che furon figliuoli di Sultan Busech di nation Tartaro, col qual molte volte hanno guerra, et non sta senza dubio di loro. Poi confina col signor Sivansi signor di Samachi, cioè della Media, il qual dà pur al signor Usuncassan un certo dono ogn'anno, et confina col Re Pancrati di Giorgania, et col Gorgora passando la campagna d'Arsgan: et per quello dicono tiene ancho qualche cosa di là dall' Euphrate verso il paese d'Ottomano. Tutto il detto paese della Persia fino in Spama, dov'io son stato, ch'è giornate sei lontano da Siras, capo della Persia, è paese aridissimo, ne quasi si trova un arbore, et per lo piu sono cattive acque, pur è convenientemente copioso d'ogni sorte di vettovaglia, et di frutte, ma fatte per ferra di acque. Il detto signore al giudicio mio era d'anni 70. lungo, magro, ma bell'huomo, ma non mostrava esser prospero: il suo primo figliuolo era chiamato Gurlumameth, et fu fig-

linolo della Curda, ch'è quello, con cui fece guerra, il qual era in grandissima fama. Con un'altra moglie havea tre altri figliuoli, il maggior si chiama Sultan Chali, et dicesi di anni 35 et è quello, a cui haveva donato Siras. Il secondo poteva esser di anni 15. per nome chiamato Lacubei. Il terso di circa anni 7. il nome del qual non mi ricordo. Con un'altra moglie n'ebbe un'altro, che si chiama Masubei, il qual egli menava in catena, et ogni giorno io lo vedeva. Et questo faceva per l'intelligenza c'haveva havuta con Gurlumameth, che faceva guerra al detto suo padre, et nel fine lo fece morire. Volsi intendere per molte vie, et da piu persone la possanza del detto signore, tutti quelli, che dicono il piu, dicono che faria cinquanta mila cavalli, non però tutti da conto. Volsi anco intendere, quando furono alle mani con quelli dell'Ottomano quanti furono, mi fu detto che potevano essere da quaranta mila, et questo intesi da persone, che la maggior parte erano state in detta battaglia: ma concludevano, che'l detto esercito non fu fatto per andar à combattere con l'Ottomano, ma solo per andar a mettere Pirameth, che fu signor di Caramano, in signoria, cioè a restituirgli il suo paese tenuto per l'Ottomano, ne ad altro fine si mosse esso signore Useaucassan, et chi tiene altra opinione, per detto di tutti, non l'ha buona. Io sono stato in fatto, et ho voluto intendere, et udire il tutto, et però ne dico quello ch'io ho inteso et visto. Lascierò di dire molte altre cose, che potria dire, per non esser io piu lungo, et per non esser quelle troppo importanti.

ВАРИАНТЫ.

Въ изданіи 1543 года, путешествіе Ампресія Контарени напечатано подъ заглавіемъ: *Viaggio del Clarissimo Ambascio Contareno nella Persia, mandato per Ambasciatore dalla Illustrissima Signoria di Vinetia allo illustre Signore Usmuncassan Re di Persia*. Оно еще менѣе путешествія Барбаро различается отъ изданія Рамузиса и, подобно ему послѣднему, раздѣлено также на 10 главъ. Только вслѣдъ, гдѣ у Рамузиса встрѣчается слово *Ambasciadore* (губера объ авторѣ), замѣнено оно у Адмуса словомъ *Orator*.

Въ нашихъ изданіи сказано:

Въ изданіи 1543 года:

<i>Стр. 132, см. 5:</i> Li danari, li quali portai con me, erano cusciti nei giupponi del detto prete Stephano, et mio, il che non era senza affanno.	et li danari portai con mi, cusciti in li giubbboni del detto prete Stephano: et io, che non era senza affanno etc.
<i>Стр. 132, см. 4 снизу:</i> Bercemsiurch	Barcemsiurch
<i>Стр. 133, см. 25:</i> alli 25	a di XXVI
<i>Стр. 133, см. 26:</i> paese del Marchese di Brandimburg Duca di Sassonia	paese del Marchese di Brandimurth Duca di Sansonia.
<i>Стр. 134, см. 8:</i> Casimir	Gasimir
<i>Стр. 135, см. 27:</i> Pammartin	Pammartim.
<i>Стр. 136, см. 28:</i> questi è come la persona del nostro Re	questa è la persona del nostro Re
<i>Стр. 137, см. 2:</i> alle quali usai cortesia.	li quali feci il dovere.
<i>Стр. 137, см. 8:</i> nel mar delle Zabacche,	nel mar delle abach
<i>Стр. 139, см. 10:</i> per uno Armeno	per uno Armin

<i>Cmp.</i> 139, <i>cm.</i> 17: Ariam,	Aridan,
<i>Cmp.</i> 140, <i>cm.</i> 2: per li paesi della Mengrelia et Giorgia	per li paesi di Mengrali et Gi- orgiania
<i>Cmp.</i> 140, <i>cm.</i> 22: un Sobassi	uno sobassa,
<i>Cmp.</i> 144, <i>cm.</i> 4: ch'era capi- tato lì,	che era capitano di lì,
<i>Cmp.</i> 141, <i>cm.</i> 28: mi fece chi- amare.	mi fece chiamare avanti à lui, et vi andai, et feceli riverenza.
<i>Cmp.</i> 142, <i>cm.</i> 13: Re Pangrati.	Re Pangian
<i>Cmp.</i> 144, <i>cm.</i> 5 <i>crusy</i> : qua- ranta caloiri	XL caloieri
<i>Cmp.</i> 145, <i>cm.</i> 14 <i>crusy</i> : Loreo	il Reo
<i>Cmp.</i> 147, <i>cm.</i> 6: Loreo,	Loredò
<i>Cmp.</i> 147, <i>cm.</i> 6 <i>crusy</i> : Gurlu- mameth.	Gurlumamech.
<i>Cmp.</i> 148, <i>cm.</i> 13: Astutin	Augustin
<i>Cmp.</i> 148, <i>cm.</i> 24: Masubei	Masubech
<i>Cmp.</i> 149, <i>cm.</i> 10: Jèdi	Zèdi
<i>Cmp.</i> 149, <i>cm.</i> 12: Chadi Lascher,	Cadilascari,
<i>Cmp.</i> 150, <i>cm.</i> 19: alli 8	a di VII
<i>Cmp.</i> 150, <i>cm.</i> 21: la febre cres- cendo cominciò gravemente à molestarmi,	la febre mi multiplicò
<i>Cmp.</i> 150, <i>cm.</i> 5 <i>crusy</i> : alli 23	a di XXIV
<i>Cmp.</i> 151, <i>cm.</i> 6: Spaan	Spaam
<i>Cmp.</i> 152, <i>cm.</i> 20: Nella dettā Persia à noi non fù mai fatto oltraggio alcuno.	In dettā Persia à noi non fù mai detto peggio del nostro no- me
<i>Cmp.</i> 153, <i>cm.</i> 22: che è un piacere a vederli mangiar con furia	che è un piacere à vederli ti- rare à terra
<i>Cmp.</i> 153, <i>cm.</i> 7 <i>crusy</i> : et la faccia di continovo colorita	a continovo con doi colori alla fazza
<i>Cmp.</i> 153, <i>cm.</i> 2 <i>crusy</i> : alli 22	a di XXI
<i>Cmp.</i> 155, <i>cm.</i> 6: pavonazzo.	pagonazzo
<i>Cmp.</i> 155, <i>cm.</i> 11: le quali non accade recitare in questo luo- go. Il signor mostrò di non ne far conto.	lequali parmi più honore tace- re, che dirle; et il Signore mo- strò quasi sbeffare.
<i>Cmp.</i> 162, <i>cm.</i> 11 <i>crusy</i> : a di 24	a di XXIII
<i>Cmp.</i> 162, <i>cm.</i> 8 <i>crusy</i> : Tiflis	Tiphis
<i>Cmp.</i> 163, <i>cm.</i> 16: nell' Avo- gasia	in Lavogasia
<i>Cmp.</i> 164, <i>cm.</i> 9: Derbent	Derbenth
<i>Cmp.</i> 164, <i>cm.</i> 19: mar di Ba- chau	mar di Bachan
<i>Cmp.</i> 164, <i>cm.</i> 29: Il detto ma- re è largo, per non haver bocca alcuna	il detto mare è lago per non haver bocca alcuna.

<i>Cmp.</i> 165, <i>cm.</i> 22: in Citracan	in Cureram
<i>Cmp.</i> 165, <i>cm.</i> 5 <i>cuusy</i> : A di 6	a di V Aprile
Aprile	
<i>Cmp.</i> 166, <i>cm.</i> 7: per Citracan	per Citnitam
<i>Cmp.</i> 167, <i>cm.</i> 18: trovò 9 uo- va di anetra	trovò IX ovi di arena.
<i>Cmp.</i> 169, <i>cm.</i> 3 <i>cuusy</i> : Casi- mi Can	Casimaca
<i>Cmp.</i> 175, <i>cm.</i> 4: I Tartari dice- ano, che noi eravamo per tramontana piu di quindici giorni sopra della Tana	Tartari diceano, eramo nella So- ria piu di giornate XV, per tra- montana
<i>Cmp.</i> 176, <i>cm.</i> 7: Colonna	Colona
<i>Cmp.</i> 175, <i>cm.</i> 8: Mosco	Mostro
<i>Cmp.</i> 178, <i>cm.</i> 23: più di tre libbre al soldo.	piu di tre libbre al marchetto
<i>Cmp.</i> 178, <i>cm.</i> 25: et poco più di tre soldi l'una le oche.	et poco più di tre marchetti l'uno le oche.
<i>Cmp.</i> 178, <i>cm.</i> 6 <i>cuusy</i> : fanno alcuni lor Sani.	fanno alcune suo sanili
<i>Cmp.</i> 179, <i>cm.</i> 7 <i>cuusy</i> : di Alemagna	dalla Magna
<i>Cmp.</i> 179, <i>cm.</i> 1 <i>cuusy</i> : Novo- gardia, la qual confina quasi con la Francia et con l'Ale- magna alta,	Novegrath, la qual confina qua- si con la Franza, et con la Mag- na alta;
<i>Cmp.</i> 180, <i>cm.</i> 15: et ha un figliuolo d'un' altra donna, il qual non gli è troppo in gratia, per non usar buoni costumi: con la Despina etc.	et ha un figliuolo di un' altra donna; il qual no li è troppo in gratia, per non usar buoni costumi con la Despina:
<i>Cmp.</i> 193, <i>cm.</i> 4: Smolencho	Smolenzecho
<i>Cmp.</i> 186, <i>cm.</i> 1: Messariza	Messariga
<i>Cmp.</i> 197, <i>cm.</i> 19: alle Zaffu- sine	a Lizafusina
<i>Cmp.</i> 188, <i>cm.</i> 15: Jausa.	Lansa
<i>Cmp.</i> 179, <i>cm.</i> 1: della Curda	della Gorde

ПРИМЕЧАНИЯ.

1.) *Правительственный Советъ* (Consiglio di pregadi) существовалъ въ Венеціи въ то время, когда власть Дожа была еще довольно обширна. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ, избранныхъ или приглашенныхъ Дожемъ, для раздѣленія съ нимъ тягости Государственнаго управленія, — и былъ верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ Республики. Въ послѣдствіи его замѣнили Сенатомъ, который значительно ограничивалъ власть Дожа. Желаящіе почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о составѣ Венеціанскаго Правительства могутъ найти оныя въ сочиненіи Дарю, подъ заглавіемъ: *Histoire de la République de Venise* (L. XXXIX).

2.) Въ подлинникѣ сказано: *fu di Messer Benedetto*. Некоторые полагаютъ, что Авторъ подъ этимъ выраженіемъ разумѣлъ Бенедиктинскаго монаха. Предположеніе это совершенно ошибочно. Слово *fu* есть не что иное, какъ сокращеніе слова *figlio*, и хотя иногда употребляется для означенія монашескаго званія; но въ настоящемъ случаѣ должно быть переведено словомъ *сынъ*, ибо въ подлинникѣ сказано: *fu di Messer Benedetto* а не *fu di San Benedetto*, что конечно бы написалъ Контарини, если бы говорилъ о Бенедиктинскомъ ордѣнѣ. Къ тому же ни самъ онъ, въ продолженіе всего своего сочиненія, ни Коментаторы его Бекманъ и Цурла ни разу не упоминаютъ, чтобы Авторъ нашъ принадлежалъ къ духовному сословію.

3.) Трудно отгадать, какой Германскій городъ Контарини разумѣетъ подъ именемъ *Барцелсиурха* (въ изданіи 1543 года Барцелсиурхъ). По Географическому положенію можно думать, что онъ говоритъ о Вейсенбургѣ.

4.) *Видиславъ*, сынъ Казимира, Короля Польскаго, былъ избранъ Королемъ Венгерскимъ въ 1471 году.

5.) Это тотъ самый пограничный городъ, который у Барбаро названъ *Мерсагою* (см. пр. 77 къ I. Барбаро.)

6.) Еще въ первый разъ встречаемъ мы названіе *Магра-мана*, и трудно отгадать этимологию этого слова. Сестренцевичъ въ своихъ изысканіяхъ о происхожденіи Сарматовъ (*Rech. sur l'orig. des Sarm. etc. T. III Сл. 34*) изчисляетъ подробно различныя наименованія Кіева; но у него не сказано ни слова о томъ, чтобы этотъ городъ когда либо назывался Маграманомъ. По мнѣнію его Кіевъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по свидѣтельству Птолемея, существовалъ древній Амвотъ. Литовцы владѣли имъ постоянно болѣе 500 лѣтъ, именно съ 1320 по 1554 годъ.

7.) *Билиграохъ*, безъ сомнѣнія нынѣшнее мѣстечко Вальгородъ, въ 23½ верстахъ отъ Кіева, по дорогѣ къ Житомиру.

8.) *Черкасы*, нынѣ уездный городъ Кіевской Губерніи, отстоящій отъ самаго Кіева въ 290 верстахъ.

9.) См. Прил. 59 къ I. Барбаро.

10.) Городъ *Фазисъ*, — нынѣ крѣпость Потн (по Турецки *Фашъ*). Крѣпость эта находится на лѣвомъ берегу рѣки Ріона, у самаго его устья, — и уступлена Россіи по Адрианопольскому трактату. Фазисъ въ другомъ мѣстѣ названъ у Контарини *Asso*; но это видимая опечатка.

11.) *Тина* — вѣроятно нынѣшняя Агеве или Ортуна, небольшой городокъ на южномъ берегу Чернаго моря, между Гумисію и Трапезундомъ.

12.) *Liatî* есть видимая опечатка; ибо ниже городъ сей названъ *Varti*. Безъ сомнѣнія Контарини подъ этимъ двумя

названием ризумъль Вати, вышедшій Ватумъ, о которомъ подробно сказано въ 54-мъ примѣчаніи къ I. Барбаро.

13.) Въ изданіи 1543 года напечатано не Sobassi, а Sobassa.

15.) *Медя*, знаменитая Греческая чародѣйка, была дочь Эгеса, Царя Колхиды. Во время похода Аргонавтовъ, для отысканія золотого руна, предводитель ихъ, Язонъ, пламенный красотою Медя, взялъ ее къ себѣ въ супруги и прижилъ съ нею двухъ дѣтей; но потомъ, прельщенный Креузою, дочерью Царя Креона, или устыдась, какъ повстають другіе, имѣть женою вожделѣницу, расторгнулъ узы, соединявшіе его съ Медею. Пылая ревностію и мщеніемъ, чародѣйка умѣла на время скрыть злобу свою, дабы въ послѣдствіи излѣить ее съ большею яростію. Пославъ въ даръ соперницѣ своей вѣнчальное платье, напоенное столь сильнымъ ядомъ, что несчастная Креуза, немедленно по облаченіи его, объята была пламенемъ, Медя не удовольствовалась этою жертвою. Умертвивъ собственными руками дѣтей, прижитыхъ ею съ Язономъ, она превратила въ пепель дворецъ Креона и, насытивъ такимъ образомъ месть свою, удалилась на колесницѣ, запряженной драконьими, къ Афинскому Царю Эгею, который женился на ней и прижилъ съ нею сына, по имени Медоса. Этому Медоса полагають нѣкоторые древніе писатели основателемъ Царства Мидійскаго.

16.) См. выше, прим. 10.

17.) Въ подлинникѣ сказано: Un Nicolo Capello da Modone, ch'era capitato lì, et havevasi fatto, da Mecho, а въ изданіи 1643 года вместо capitato напечатано capitano. Выраженіе это очень темно, и я не могъ придумать ему лучшаго объясненія какъ то, которое помѣстилъ въ своемъ переводѣ. Бергеронъ передалъ его слѣдующимъ образомъ: Nicolas Capelle Modenois, qui commandoit en cet endroit là.

18.) *Поленкою* называется у Итальянцевъ кисель или похлебка, приготовляемая изъ каштановой муки съ яблочною.

19.) *Кутанис*, главный город Иммеретій, построен по мнѣнію Дашама, еще за XII вѣкомъ до Р. Х. Пеларгани, и былъ, какъ полагаетъ сей Географъ, родиною Медин, о которой упомянуто въ примѣчаніи 15-мъ. Въ немъ доселѣ еще находятся остатки древнихъ зданій, встреблемые мало по малу временемъ и невѣжествомъ жителей. Старый городъ выстроенъ на правомъ берегу Ріона, а новый на лѣвомъ, вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по свидѣтельству Контарини, находился дворецъ Царя Баграта. Оба города соединены между собою мостомъ. Видъ изъ стараго Кутанса необыкновенно обширенъ и величественъ. Церковь, о коей упоминаетъ Контарини, существуетъ еще доселѣ. Построеніе ея относятъ ко времени Императора Юстиніана.

20.) *Гори*, второй городъ въ Грузіи послѣ Тифлиса, находится при впаденіи рѣки Ліахви въ рѣку Куръ. Многіе полагаютъ, что это Страбонова Горсонна.

21.) *Лори*, главный городъ области Самхети или Армянской Грузіи, лежитъ на рѣкѣ Джаларъ-Огли. Въ изданіи Рамузіо названъ онъ *Лорео*, а въ изданіи 1543 года il Reo. На картѣ Осерія *Лори* и *Рео* показаны двумя отдельными мѣстами. Последнее изъ нихъ есть вѣроятно селеніе *Резо* въ Грузинской области Тріалети.

22.) Въ подлинникѣ сказано: «gli rama sotto una fiumata molto profonda, non di acqua ma di cava.» Въ переводѣ я принужденъ былъ измѣнить цѣсколько оборотъ этого выраженія, для лучшаго уразумѣнія читателей. У Бергерона просто сказано: sur le bord d'un fleuve très profond.»

23.) Гора *Араратъ*, называемая у Армянъ Масисесусаръ, (горою Ковчага), а у Персіанъ Куги-нухъ (Ноевой горою) и безъ сомнѣнія известная всякому читателю изъ Библейскаго преданія, находится подъ 39° 30' Сѣвер. шир. и подъ 40° 15' вост. долг. Она состоитъ изъ двухъ холмовъ, подъ именемъ Большаго и Малаго Арарата. Первый возвышается надъ поверхностію моря на 17,244 футовъ, а надъ окрестною долиною на 10,930 футовъ. Многіе пытались достигнуть вершинъ этой

горы, недоступной, по мнѣнію Армянъ, для смертныхъ, но всѣ усилія нѣ были безуспѣшны. Мечъ этого подвига предсказана была судьбой знаменитому дашнаку Г. Парроту, который 28 Сентября 1829 года первый сталъ силою ногою на вѣнчике креста, гнчающіе вершину Арарата и въ память усиленнаго своего предпріятія водрузилъ тамъ два креста. После того египтянинъ въ Арменіи молодой чиновникъ, Г. Автономовъ, также взобрался, по слѣдамъ Паррота, на самый верхъ горы (1834) и нашелъ только одинъ изъ крестовъ, поставленныхъ знаменитымъ путешественникомъ, да половинна засыпанный снѣгомъ.

24.) *C. Xiazri* у Барбаро названо *Cagri*. Не слѣдуетъ сну его оно окреститъ въ двухъ дняхъ пути отъ горы Арарата. «Due giornate lontane è un castello nominato Cagri: et questo è habitato dagli Armeni d'ogn'intorno, i quali fanno alla Catholica, et monasterii: il principal dei quali si chiama *Alemgia*: ha da cinquanta monachi osservanti della regola di San Benedetto» (См. *Viaggio di J. Barbato nella Persia* въ 2-мъ томѣ Рамузіева Сборника стр. 110) Вѣроятно названіе *Xiazri* произошло отъ самой горы Арарата, которая у Турокъ именуется *Atri* или *Эгри-дагомъ*.

25.) Смотри ниже прим. 63.

26.) *Тавриъ* или *Тавризъ*, главный городъ Азербайджанской провинціи, былъ прежде весьма обширенъ и многолюденъ; но войны и землетрясенія уменьшили его значительность. Вислѣ 500,800 жителей, находившихся, по свидѣтельству Географа, въ прежнія времена въ Тавриъ, нынѣ считается ихъ не болѣе 100,000. Въ послѣднюю Персидскую войну онъ былъ взятъ Русскими безъ боя. Тавриъ производитъ значительную торговлю; ибо туда съѣзжаются купцы изъ всей Персіи, Россіи, Турціи и Индіи.

27.) *Азаль* или *Азлъ* не есть имя собственное, ибо также, при описаніи выхода своего изъ Тавриза, Контарини гово-

речь о царствѣ харахадъ Азамовъ. Это иноврѣнное слово *Азамъ*, которое древніе Араматы называли Персіанъ, и которое доселѣ еще сохранилось въ имени провинціи Иракъ Аджемъ, т. е. Иракъ Персидской. Названіе Аджемъ у Араматы придавалось не однимъ только Персіанамъ, но и всѣмъ народамъ иноплеменнымъ, какъ у Баресъ названіе *Азамъ* новъ, а у Гревовъ — *варваровъ*. (См. Энциклоп. Слов. Т. I. стр. 191.)

28.) *Гурай-Махметъ* (въ изданіи 1545 года Gurliumameth) названъ у Барбара Gurlumahumeth, у Зено Unghetmahumeth, а у Анджіолелло Ugurlimehemet. По свидѣтельству послѣдняго этотъ изысканный сынъ Узунъ-Гассана, услышавъ, что родитель его идетъ противъ него съ войскомъ, бѣжалъ въ Константинополь, гдѣ былъ принятъ Султаномъ съ орденами почестями. Узунъ-Гассанъ, проведавъ о его бѣгствѣ, повелѣлъ распустить ложный слухъ о кончинѣ своей и эта хитрость совершенно удалась ему. Гурай-Махметъ, обманутый доведеніемъ до него вѣстию, поспѣшилъ отправиться въ Табразъ, гдѣ былъ схваченъ и умерщвленъ по приказанію родителя своего (См. Ramusio T. II p. 70, 104 и 225).

29.) *Ширасъ*, главный городъ провинціи Фарсистанъ или собственной Персіи, былъ прежде цвѣтущимъ, богатымъ и многолюднымъ городомъ; но нынѣ значительно упалъ отъ продолжительныхъ междоусобій, колебавшихъ Персію. Онъ расположенъ въ плодотворной и плодородной долинѣ и находится въ семи часахъ пути отъ древняго Персеполиса, разрушеннаго, какъ извѣстно, Александромъ Великимъ. Въ Ширасѣ дѣлаютъ лучшее Персидское вино. Тамъ же находятся гробницы двухъ первыхъ поэтовъ Персіи: Саади и Гаенэдъ.

30.) Получивъ изданіе Альдуса въ то время, когда переводъ Коптарины былъ уже отпечатанъ, я прежде не зналъ, чѣмъ объяснить въ изданіи Рамузіевомъ то обстоятельство, что въ одномъ мѣстѣ напечатано *Астутамъ*, а въ другомъ *Авустамъ*. Но сравненіи обоихъ изданій оказалось, что у Рамузіо крадется

ошибка, и что въ обоихъ случаяхъ должно читать Амустинъ.
(См. выше Варианты на Конт.)

51.) О мечети и вратахъ въ Султаніи, описываемыхъ нашимъ путешественникомъ, упоминаетъ и Олеарій, съ присовокупленіемъ, что послѣднія сдѣланы не изъ бронзы, а изъ полированной стали и украшены насѣчкою, «По увѣренію Персіанъ, продолжаетъ онъ, самыя большія изъ этихъ вратъ, обращенныя къ Мейдану, никакою силою не могутъ быть отперты, если не произнесены будутъ слѣдующія слова: Беаскъ Аліа бухша, т. е. исполни сіе изъ любви къ Алію. По произнесеніи этихъ словъ, волшебство исчезаетъ, и каждый ребенокъ легко можетъ отворить ихъ.» (Олеар. Измѣщ. издав. 1696 года стр. 251).

52.) *Камъ* считался прежде однимъ изъ значительнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Персіи, но въ 1787 году много потерпѣлъ отъ землетрясенія. — Въ немъ замѣчательны гробницы Софійевъ, потомковъ Алія. Неподалеку отъ Кома находится і. Гамаданъ, построенный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была древняя Экбатана, столица Мидійскаго Государства.

53.) *Камачъ* считается и доселѣ однимъ изъ самыхъ торговыхъ городовъ Персіи.

54.) *Квартъ*, мѣра жидкости, составляла 16-ю часть амеоры и равнялась 2½ ведрамъ.

55.) *Амилію Фрамикосъ* или *Фрамистаномъ* называютъ на востоку вообще всю западную Европу.

56.) Авторъ повидимому ссылается на Главу III своего путешествія (стр. 45), гдѣ упоминаетъ онъ объ 41-ти, а не о 9-ти Армянскихъ селеніяхъ. Имя здѣсь, или тамъ находится опечатка. Это тѣмъ легче могло случиться, что въ изданіи 4843 года все число выставлено Римскими цифрами.

37.) *Тифлисъ* находится не на Тигрѣ, а на Курѣ. (См. пр. 79 къ I. Барбаро.

38.) *Гроссъ* составлялъ 20-ю часть черноморья (См. *Dag. Histoire de la Rep. de Venise. Tome VII. p. 169*).

39.) Повидимому Контарини сбился здѣсь въ именахъ и принялъ названіе страны за имя владѣтеля; ибо ниже въ главѣ 6-й говоритъ онъ, что Маркъ Россо ѣхалъ чрезъ *Горгору*, (*fesse la via di Gorgora*). Должно полагать, что подъ названіемъ Горгоры разумѣлъ онъ Гурію; Халциханъ же безъ сомнѣнія не иное что какъ Ахалцихъ, завоеванный Турками отъ Грузинскихъ Царей въ началѣ XVII Столѣтія. Доказательствомъ сему служить то, что Авторъ нашъ вмѣстѣ съ Халциханомъ представляетъ и Вати въ зависимости отъ Горгоры, а выше, во 2-й главѣ, говоритъ, что Вати принадлежитъ Горболѣ (Гуріелю). Въ послѣдней главѣ своего путешествія Контарини объясняетъ, что владѣнія Горгоры отдѣлялись отъ владѣній Узути-Гассана Арсипганскою долиною (Великою Арменіею), получившею названіе свое отъ Арсипгана (у Абуль-Феды Арджентана), некогда цвѣтущаго и многочисленнаго Армянскаго города на рѣкѣ Евратѣ. Барбаро также упоминаетъ о Горгорѣ въ путешествіи своемъ въ Персію, присовокупляя, что земли его сопредѣльны съ владѣніями Царя Грузинскаго. (См. *Ram. T. II. стр. 110 на оборотѣ*.)

40.) Названіе *Сивансы* есть безъ сомнѣнія искаженное имя Шираванской области, въ которой, какъ извѣстно, находятся Шамаха. У Барбаро названъ онъ Сиравансою: «*Sammacchi, città nella Media, nel paese di Themichia, il signor della quale si chiama Sirtansa.*» (См. *Ram. T. II. p. 109*.)

41.) *Мидію* называлось въ древности обширное Государство, заключавшее въ себя нынѣшнюю область Шираванскую, Иракъ-Аджемъ, Гиланъ, Азербиджанъ и Мазандаранъ, а нынѣшнее столицю свою городъ Эсбатану, что нынѣ Гамаданъ, по-

недалеку отъ города Жема. Мидія была завоевана Персами при Кире, за 560 лѣтъ до Р. Х.

42.) Здѣсь Контарини говорятъ о Старой Шамакѣ; ибо новая, отстояла отъ нее въ 25 верстахъ, построена уже въ 1754 году Шахомъ Надиромъ. Старая Шамаха, представляющая нынѣ почти одинъ развалины, была некогда цвѣтущимъ и значительнымъ торговымъ городомъ. Построеніе ея относится къ самой отдаленнѣйшей древности. Вольтеръ, въ Исторіи Истра Великаго, утверждаетъ, что она одно время была столицею Царства Мидійскаго, а Данвилъ считаетъ ее Птолемевою Манахисю. Таламапскій шелкъ, о коемъ упоминаетъ здѣсь Контарини, и по сію пору извѣстенъ у насъ подъ именемъ Шамаханскаго.

43.) Смотри выше пр. 39.

44.) Мы не станемъ распространяться здѣсь о времени построенія города *Дербента*, ибо обстоятельство это доселѣ еще составляетъ предметъ споровъ между учеными, а также умолчимъ о статистическомъ его положеніи, которое достаточно описано разными путешественниками. Скажемъ только, что не одинъ Контарини, но и другіе позднѣйшіе писатели упоминаютъ о множествахъ находящихся въ Дербентѣ надгробнымъ памятниковъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ о семъ знаменитый Олеарій: «Въ давнишнія времена, однако послѣ Магомета, жилъ Царь Мидійскій, по имени Кассанъ, изъ племени Окусъ, обитавшаго за Эльбурсомъ въ Табассаранѣ, гдѣ были множество иудеевъ. Царь этотъ имѣлъ при Дербентѣ битву съ Дагестанскими Татарами (именующимися Лезгианами), въ которой побѣдилъ означенныхъ Татаръ и нѣсколько тысячъ ихъ положилъ на мѣстѣ. Надъ ихъ то могилами поставлены эти памятники.» (См. Олеар. Нѣм. изд. 1696 года стр. 378.)

45.) Трудно отгадать, о какомъ городкѣ говоритъ здѣсь Контарини. Не есть ли это селеніе Бахель (Сурратъ), коего плодородіе хвалитъ Олеарій? (См. Нѣм. изд. 1696 г. стр. 376)

46.) Вероятно Авторъ разумеетъ туго зеленей. Казатель-
но же другой рыбы, описываемой имъ, Олгарій (Ита: изд.
1696 г. стр. 215) справедливо замѣчаетъ, что въ живъ ея жи-
тели Дербента не могли имѣть особенной надобности; ибо, не-
подалеку отъ сего города, въ окрестностяхъ Баку, находится
множество нефтяныхъ ключей; Барбаро въ путешествіи своемъ
въ Персію также говоритъ о большомъ количествѣ нефти, де-
лаваемой въ Бакинской области и употребляемой для освѣщенія
и для питанія верблюдовъ. (См. Ramazio T. II. стр. 109).

47.) *Деспина* по Гречески значитъ Госпожа, повѣлитель-
ница, Княжна. Такъ Контарини называетъ супругу Іоанна Ва-
сильевича III, Великую Княгиню Софію, дочь Морейскаго
Деспота Ѳомы Палеолога. О проздѣ ея изъ Рима, перегово-
рахъ по сему предмету и бракѣ Великаго Князя смотри Кар.
Ист. Г. Р. Т. VI. стр. 57 — 68.

48.) *Волга* действительно впадаетъ въ Каспійское море
72-ми рукавами.

49.) Нынѣшняя *Астрахань* находится въ 80 верстахъ отъ
устья Волги и въ 7 верстахъ отъ прежней Астрахани.

50.) О цѣнности *алерми* не могъ я отыскать никакихъ
свѣдѣній во всѣхъ известныхъ мнѣ писателяхъ, говорившихъ о
Венеціанской монетѣ. Выраженіе Контарини: *là ridotta la so-
sa in due mila alermi d'esser pagati al Signore* переведено у
Бержерона слѣдующимъ образомъ: *il fut marqué un endroit
pour délibérer de cette affaire; ce fut dans un bourg, nommé
Alermi, d'où le Seigneur n'étoit qu'à deux milles.*

51.) Его называли не *Казимомъ*, а *Касидого*. Въ послѣд-
ствіи онъ примирился съ дядею своимъ, Ханомъ Золотой орды
Ахматомъ, и уже въ 1480 году вмѣстѣ съ нимъ ходилъ войною
на Москву (см. Кар. И. Г. Р. Т. VI. стр. 114 и 145).

52.) Вероятно Авторъ разумеетъ туго Шибанскихъ или
Тюменскихъ Татаръ.

53.) *Иванъ Батистъ Тревизанъ*, посолъ Венеціанской Рес-
публики къ Хану Золотой орды, былъ въ 1472 году задержанъ

въ Москвѣ, гдѣ его посадили подъ стражу; въ домъ Филиппа Бенедиктиса, и выпустили уже не раньше какъ въ слѣдующемъ году. Вотъ что было поводомъ къ таковой строгой мѣрѣ въ отношеніи къ нему. Когда Русскій Посолъ Иванъ Фрязинъ, находившійся въ службѣ Іоанна въ качествѣ монетчика или денежника, былъ въ первый разъ отправленъ въ Римъ для переговоровъ о бракосочетаніи Великаго Князя съ Софією, то на возвратномъ пути въ Россію, посетилъ родину свою Венецію, гдѣ выдавалъ себя за Великаго Болрина Московскаго, и былъ обласканъ Дожемъ Николаемъ Тронио. «Сей послѣдній, говоритъ Карамзинъ, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ Россіи съ Моголами Золотой орды, вздумалъ отправить туда Посла чрезъ Москву, чтобы склонить Хана къ нападенію на Турцію. Сей Посолъ, именемъ Иванъ Батиста Тревизанъ, действительно прѣхалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ Дожа къ Великому Князю и съ просьбою, чтобы онъ велѣлъ провести его къ Хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновенныхъ даровъ; обещалъ и безъ того доставить ему все нужное для путешествія въ орду; и придвинъ съ ними къ Великому Князю, назвавъ сего Посла купцомъ Венеціанскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ открылась прибытіемъ Софіи. Легатъ Папскій (Антоній) и другіе изъ ея спутниковъ, зная лично Тревизана, зная также, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву — сказали о томъ Государю. Іоаннъ; изыскательный, строгій до суровости; въ гнѣвъ своею за дерзкій обманъ, велѣлъ Фрязина оковать цѣпями, сослать въ Коломну, домъ разорить, жему и дѣтей взять подъ стражу, а Тревизана казнить смертію. Едва Легатъ Папскій и Греки (прибывшіе съ Софією) могли спасти жизнь сего послѣдняго усердіемъ за него ходатайствомъ, умоливъ Государя, чтобы онъ прежде обослался съ Сенатомъ и Дожемъ Венеціанскимъ. Въ слѣдствіе сего Іоаннъ отправилъ въ Венецію Антона Фрязина (племянника Ивана) съ жалобою на Тревизана, велѣвъ сказать Дожу: кто шлетъ посла чрезъ мою землю тайно, обманомъ, не испросивъ дозволенія, тотъ нарушаетъ уставы чести. Дождъ и Сенатъ, услышавъ, что бѣдный Тревизанъ сидитъ подъ стражею, окованный цѣпями, при-

бынуи къ ласковымъ убавденіямъ, прося, чтобы Великій Князь освободилъ его для общаго блага Христіанъ, и отира- нилъ къ Хану, снабдивъ всѣмъ нужнымъ для сего путешествія изъ дружбы къ Республикѣ, которая съ благодарностію запла- тить сей долгъ. Іоаннъ умпостившися, освободилъ Тривизана, далъ ему семьдесятъ рублей, и вмѣстѣ съ нимъ послалъ въ орду Дьяна своего возбуждать Хана противъ Магомета II, уведо- мивъ о томъ Венеціанскаго Дожа.» (См. Кар. Ист. Г. Р. Т. VI. стр. 68 и 72).

54.) *Аристотель Болонскій*, извѣстный въ Италіи подъ именемъ Alberti Aristotile и Ridolfo Fioraventi, прибылъ въ Мос- кву въ 1473 году, по приглашенію Русскаго посла въ Венеціи Семёна Толбузина. Еще прежде того онъ извѣстенъ былъ какъ отличный Зодчій и Механикъ; ибо раздвинулъ посредствомъ особенной механической хитрости колокольню Св. Маріи дель Темпио въ Болоньи, выправилъ колокольню Св. Власія въ Чинто, не вынувъ изъ нее ни одного камня и построилъ не- обыкновенный мостъ въ Венгріи. Въ Москвѣ соорудилъ онъ знаменитый храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы въ Крем- лѣ (тотъ самый, о которомъ говоритъ здѣсь Контарини). Въ 1479 году храмъ этотъ былъ уже освященъ. Сверхъ того Ари- стотель дѣлъ у насъ колокола и пушки и чеканилъ монету, на которой ему дозволено было изображать свое имя. Монета сто, дошедшая до насъ, имѣетъ на одной сторонѣ всадника, подъ ногами коего выбитъ цвѣтокъ, а на другой имя Ари- стотеля.

55.) *Старо*, древняя Венеціанская мѣра для сыпучихъ тѣлъ, равнявшаяся нашимъ тремъ четвертямъ.

56.) *Сольдъ* составлялъ 124 часть червонца или 20-ю часть ливра.

57.) Въ подлинникѣ сказано: la qual confina quasi con la Francia et con l'Alemagna alta, а въ изданіи 1543 года: laqual confina quasi con la Franza et con la Magna alta. Что Понго-

редъ не граничилъ никогда ни съ Франціею, ни съ Германіею не требуетъ опроверженія.

58.) Незвѣстно о какой части Германіи, принадлежащей Королю Польскому, говорить здѣсь Контарини. Трудно думать, чтобы онъ разумѣлъ Ливонію, которая отошла подъ власть Польши уже въ 1569 году. Въ самой же Германіи Казимиръ не имѣлъ никакихъ владѣній.

59.) Іонісі Авторъ есть безъ сомнѣнія не что иное, какъ Lonin или Lonigi Барбаро, т. е. городъ *Слонимъ*.

60.) Здѣсь извѣстно Авторъ говорить о Воеводѣ Мазовецкомъ.

61.) Что подъ именемъ города Polonia Авторъ разумѣетъ Плоцкъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, ибо это самый значительный городъ на пути изъ Варшавы во Франкфуртъ. Барбаро въ путешествіи своемъ не упоминаетъ о немъ, хотя, сколько видно, онъ ѣхалъ изъ Москвы въ Германію тѣмъ же путемъ какъ и Контарини.

62.) Городъ Іап перевелъ я Іеною, какъ по сходству произношенія, такъ равно и потому, что это былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ на пути между Франкфуртомъ и Нирнбергомъ. Іенской Университетъ основанъ, какъ извѣстно, въ 1547 году Саксонскимъ Курфюрстомъ Іоанномъ Фридрихомъ Великодушнымъ.

63.) Въ 1477 году Дожемъ Венеціи былъ Андрей Вендрамино, избранный по смерти Петра Монченго 5-го Марта 1476 года.

64.) Караманія есть юговосточная часть Малой Азіи, заключающая въ себя древнюю Памфалию и некоторую часть Киликіи, Писидіи и Кападокіи. Она долго управлялась собственными Государями и покорена Турками уже въ концѣ XV столѣтія. Не надобно смѣшивать ее съ Карманиею, Персидскою провинціею, извѣстную нынѣ подъ именемъ Кермана. Вотъ

какъ опредѣляетъ Караманъо неизвѣстныхъ Автора одного разсужденія о Туркахъ, напечатаннаго Альдусомъ въмѣстѣ съ путешествіями Барбаро и Контарини въ 1543 года: *Sagamania, che è la Cifcia per mezo Cypro et la Pamphilia* (стр. 145).

65.) Подъ именемъ Туркоманіи или Турецкой Арменіи существуетъ еще доселѣ Турецкая область, состоящая изъ Пашалыковъ: Эрзумскаго, Карскаго и Ванскаго. Названіе Туркоманіи получила она отъ населяющихъ ее Туркменцевъ или Туркомановъ, народа Монгольскаго происхожденія, прибывшаго въ XI вѣкѣ изъ Средней Азіи (Туркестана) и завладѣвшаго страной около Евфрата. Народъ этотъ долге былъ страшенъ для сосѣдей своихъ, въ продолженіи цѣлаго вѣка владѣлъ Персією, и съ трудомъ былъ усмирень Шахомъ Измаиломъ Соен. Туркмены и доселѣ еще ведутъ жизнь кочевую, подобно скотоводникамъ своимъ, живущимъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря въ независимой Татаріи и отъ имени коихъ часть сей последней названа землею Туркменцевъ или Тухменцевъ.

66.) Абу-Сандъ, правнукъ знаменитаго Тамерлана, царствовалъ въ Персіи съ 1456 по 1468 годъ. По планіи его Узунъ-Гассамомъ, онъ былъ умерщвленъ, въ слѣдствіе приговора восставшаго совета, какъ утверждаютъ Восточные писатели.

III.

АЛБЕРТЪ КАММЕНЗЕ.

ПИСЬМО

АЛБЕРТА КАМПЕНСЕ

КЪ

ПАПЪ КЛИМЕНТУ VII

О ДѢЛАХЪ МОСКОВИИ

Переводъ съ Итальянскаго

В. С.

LETTERA D'ALBERTE CAMPENSE

INTORNO LE COSE DI MOSCOVIA.

**AL BEATISSIMO PADRE CLEMENTE VII, PONTEFICE
MASSIMO.**

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

О Т Ъ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемое здѣсь въ переводѣ писмо Алберта Кампензе къ Павлу Клименту VII о дѣлахъ Московіи заимствованное нами, вывѣсть съ сочиненіями Барбаро и Контарини, изъ знаменитаго собранія Рагузио. Повидимому оно писано было Авторомъ въ 1523 или 1524 году, т. е. немедленно по вступленіи Климента на Папскій престолъ и до поѣздки Генуэзца Павла въ качествѣ Римскаго посла въ Москву; ибо въ продолженіи всего сочиненія ни разу не упомянуто ни о Павлѣ, ни о Русскомъ послѣ Дмитріѣ Герасимовѣ, прибывшемъ въ 1525 году въ Римъ (*) и не рассказанъ всего знаменитый Историкъ того времени Н. Ювій написавъ известное свое твореніе о Московіи.

(*) Смори Карамз. Истор. Госуд. Росс. Томъ VII. Глава 3 и Пам. Голд. о Посол. Москвит. и пр.

Албертъ Кампензе не былъ самъ въ Россіи, но составилъ свое повѣствованіе объ ней изъ свидѣній, сообщенныхъ ему отцемъ его и братомъ, которые проживали долгое время въ Москвѣ и, по увѣренію Автора, хорошо ознакомились съ нравами, обычаями, языкомъ и письменами Московитянъ. Повѣствованіе это, какъ и всѣ почти сочиненія того времени объ отечествѣ нашемъ, неполно, сбивчиво и часто совершенно невѣрно; а имена областей, городовъ и народовъ такъ искажены, что весьма трудно, или даже иногда совершенно невозможно догадаться, о чемъ говоритъ Авторъ. Такъ на пр: *Исторіи* названы *Исруссалами*, *Возулицы* *Вагулсерами*, *Княжество Тесроко* *Тусердскими*, *Юрьское Малскій Шусерчанскій* и т. д. Рамузіе старался по возможности объяснять на поляхъ тѣ изъ названій, которыя казались ему особенно невѣрными; но эти объясненія, нарядко болѣе затрудняютъ, нежели облегчаютъ читателя въ его розысканіяхъ.

Помойный Н. М. Карамзинъ въ 284 примѣчаніи къ VII тому *Исторіи Государства Россійскаго*, упоминая о Кампензѣ, говоритъ, что всѣ Географическія свидѣнія, въ твореніи его заключающіяся, заимствованы изъ *Матрѣи Мѣхорската*. Не слѣдуетъ основывать мнѣнія почтеннаго Исторіографа, а

не менше того твердо убѣжденъ, что сеченіе Кампанзе заслуживаетъ вполнѣ вниманіе любителей Отечественнѣй Исторіи, какъ по отличному отъ другихъ взгляду Автора на нравы и обычаи предковъ нашихъ, такъ равно и потому, что оно, выйдя съ твореніемъ П. Іовія, служить явнымъ доказательствомъ постояннаго и сильнаго желанія тогдашняго Римскаго Двора сблизиться съ Царемъ Русскимъ и присоединить къ частѣ своей Державу его, уже въ то время мощную и самостоятельную. Желаніе это весьма естественно объясняется быстрымъ распространеніемъ въ началѣ XVI столѣтія ученія Лютерова и необходимостію, въ которую былъ поставленъ Римскій престолъ, искать на востокъ Европы опоры колебавшемуся своему могуществу. Распространяя повсюду слухъ, будто Царь Московскій самъ домогается соединенія церкви и титула Королевскаго, Папская политика надѣялась симъ средствомъ удержать въ повиновеніи тѣхъ, которые оставались еще вѣрными ученію западной церкви и внушить врагамъ своимъ страхъ и уваженіе къ власти Римскаго Первосвященника. Не смотря однако на всѣ причины, побудившія сего Первосвященника искать союза съ Царемъ Московскимъ, старанія его о присоединеніи Россіи къ духовной

напутъ своей остались тщотными. Ни многогласныя посольства, ни вельрѣчивыя графоты, ни лестныя обѣщанія, ни даже посредничество Императора, Королей Датскаго и Польскаго и Магистра Прусскаго не могли склонить мудраго Василія къ оставленію вѣры предковъ. Онъ отвѣчалъ, «что съ Панаго хощеть въ дружбѣ и въ согласіи быти о дѣлахъ о которыхъ; а намъ напередъ того съ Божіею волею отъ прародителей своихъ Законъ Греческій держалъ крѣпко, такъ и нынѣ съ Божіею волею Законъ свой держати крѣпко хощеть (*).»

Читатели наши безъ сомнѣнія замѣтятъ, что Кампензо, вопреки другимъ современнымъ и позднѣйшимъ писателямъ о Россіи, вездѣ съ особенною похвалою отзывается о народѣ Русскомъ и выставляетъ въ самомъ блестящемъ видѣ могущество и богатство Царя Московскаго. Этихъ похвалъ онъ вѣроятно хотѣлъ еще болѣе склонить Климента къ союзу съ Василіемъ, союзу, котораго, какъ мы выше сего объяснили, требовала въ то время политика Римскаго престола, сильно потрясеннаго быстрыми успѣхами новаго ученія.

(*) См. Карам. Истор. Госуд. Рос. Т. VII. Замѣч. 191.

П И С Ь М О

АЛБЕРТА КАММЕНЗЕ къ Его Святейшества
Папѣ КЛИМЕНТУ VII¹) о дѣлахъ
Московин.

В С Т У П Л Е Н І Е.

Если Евангельскій Пастырь, или, лучше сказать, Великій Первосвященникъ, коего вы служите намѣстникомъ на землѣ, съ такимъ тщаніемъ искалъ одну изъ ста заблудшихъ овецъ своихъ и, нашедъ ее, съ такимъ восторгомъ и торжествомъ для всего неба принесъ на собственныхъ раменахъ обратно къ стаду, то какъ велики должны быть заботы и попеченія Пастыря церкви, когда не одна, а цѣлыя сотни заблудшихъ овецъ жаждутъ присоединиться къ стаду Христову. Основываясь на семь мѣсяцевъ, я не могу довольно надвинуться равнодушію, съ которымъ

предшественники Вашего Святѣйшества остав-
ляли доселѣ безъ всякаго вниманія Московію,
страну многолюдную, различествующую съ
нами въ самыхъ маловажныхъ догматахъ и
безусловно преданную проклятію за отложе-
ніе отъ церкви, и нисколько не заботились о
приведеніи ее обратно въ лоно истинной въ-
ры, тѣмъ болѣе, что исполненіе сего тре-
бовало самыхъ назначущихъ усилій.

Благочестивѣйшій отецъ Адріанъ VI¹),
предмѣстникъ Вашего Святѣйшества имѣлъ въ
виду эту благую мысль, въ которой я всѣ-
ми силами старался утвердить его, поставая
непрестанно на видѣ все то, что могъ толь-
ко придумать въ ея пользу; но преждевремен-
ная кончина его предоставила Вашему Святѣй-
шеству, вмѣстѣ съ многими другими предна-
чертаніями, и этотъ благочестивый, великій
и святой подвигъ. Посреди многообразныхъ
и важныхъ дѣлъ, до сего времени васъ обре-
менявшихъ, вы должны смотрѣть на пред-
стоящій трудъ, какъ на внушеніе Божествен-
ной доли, вѣспосылающей вамъ въ трудъ
своемъ отдохновеніе отъ заботъ и средство съ
малыми усиліями совершить дѣло великое,
которое покроетъ васъ безсмертнымъ славомъ.

И дѣйствительно чѣмъ можетъ болѣе обез-
смертиться имя Ваше въ позднемъ потомствѣ,
какъ не воспоминаніемъ о томъ, что въ упра-

заслуженіе Ваше; по Вашей деятельности и Патриархскому повеленію, всѣ Москвитяне возвратились въ одно истинной церкви и народы отдаленной. Смиреніи прибѣгли подъ покровительство Римскаго Первоверховенника. Отъ одной мысли о семъ Лютеране, эти нестойкіе безумцы, дерзнувшіе возстать противъ чести и могущества престола Вашего, горестно застонутъ и покроются вѣчнымъ стыдомъ.

Исходя съ другой стороны пользу, которую произойти отъ приведенія въ дѣйство предпріятіи столь высокаго, мы увидимъ, что эта польза еще самаго солнца представляетъ изъ себя. Она гораздо важнѣе и гораздо достойнѣе жизни Христіанскаго, нежели всѣ выгоды, которыми доставило бы намъ покореніе оружіемъ Азіи и Африки; ибо всякая побѣда покупается немаловажною цѣною — потоками крови Христіанской, гибелью и смертію множества людей. — и, даже въ случаѣ самаго блестящаго успѣха, менѣе приобретаешь нежели губишь душъ для вѣры Христовой. Турки, пораженные и покоренные оружіемъ нашимъ, будутъ по прежнему косятъ въ невѣрнѣйшихъ, — и изъ многихъ сотенъ тысячъ душъ, едва ли одна, или двѣ обратятся на путь истинный; тогда какъ Москвитинъ можно, не обливая меча, безъ пролитія крови и безъ

малѣйшихъ усилій, приобрести всѣхъ до одного къ спасительному стаду Христову: (Не говорю уже здѣсь о томъ, что посobie ихъ будетъ для насъ весьма важно прѣтнву ярости Мусульманъ, ибо въ послѣдствіи я намеренъ подробнѣе объяснить это).

Въ слѣдствіе всего вышесказаннаго я почелъ дѣломъ полезнымъ для Вашего Святѣйшества представить, вмѣстѣ съ описаніемъ пространства, предѣловъ, нравовъ и обычаевъ Московіи (вообще неизвѣстной Исторіографамъ и Космографамъ нашимъ), нѣсколько замѣчательныхъ свѣдѣній, которыя, по любознанию своему, собралъ я отъ некоторыхъ нашихъ купцовъ, а также отъ отца и брата моего, проживавшихъ долгое время въ Московіи и коротко ознакомившихся съ языкомъ, писменами и обычаями Московитянъ. Расположивъ всѣ эти свѣдѣнія по нравственнымъ Космограммъ, я присовокупилъ къ нимъ то, что по мнѣнію моему должно убѣдить всякаго въ возможности, безъ большихъ усилій, привести въ исполненіе важное предпріятіе, мною выше обозначенное, а также и нѣкоторыя средства, съ помощью коихъ удобнѣе будетъ достигнуть этой цѣли.

Смѣю надѣяться, что Ваше Святѣйшество примите трудъ мой столь же благосклонно, какъ Тотъ, чью власть Вы представляете на землѣ, принявъ, по свѣдѣтельству Еван-

гельскому, двѣ лепты, вдовицею принесенныя. Вамъ предстоитъ великій подвигъ присоединенія новыхъ племенъ къ стаду Христову, и потому не желая вступленія своего содѣлать продолжительнѣе самаго разсказа, теперь же приступаю къ обѣщанному мною описанію.

Г Л А В А I.

О положеніи Московіи и ея пространствъ; о Татарскомъ Императорѣ Тамерланѣ и о народахъ, сопредѣльныхъ Московитанамъ.

Положеніе
и простран-
ство Моско-
ви. Московія, лежащая въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, по направленію къ востоку, занимаетъ въ длину и ширину огромное пространство. Протяженіе ея отъ запада на востокъ составляетъ болѣе шестисотъ миль Нѣмецкихъ, или трехъ тысячъ миль Италіанскихъ³⁾, а именно: отъ Новгорода (Novogardia) до Москвы пятьсотъ Италіанскихъ, или сто Нѣмецкихъ миль (слѣдовательно Лапландія, лежащая гораздо выше Новгорода, отстоитъ отъ Москвы еще далѣе); отъ Москвы до Вологды (Volochna) сто Италіанскихъ миль; отъ Вологды до Устюга (Ustuga) столько же; отъ Устюга до Вятки (Viathka) столько же; отъ Вятки до Печоры (Pechorani⁴⁾) тридцать Нѣмецкихъ миль и столько же отсюда до Вогуличей (Vahulicani⁵⁾). Сему послѣднему народу сопредѣльны многія Скифскія племена, живущія далѣе къ Сѣверовостоку въ Азіатской Сарматіи и также подвластныя Московитанамъ.

Въ ширину, т. е. съ юга на сѣверъ Московія простирается отъ земли Руссовъ ⁴⁾ и Литвы вплоть до Океановъ Скивскаго ¹⁾ и Сѣвернаго. Съ запада она граничитъ съ Ливоніею, Балтійскимъ моремъ и съ Лашландіею, а съ востока не замыкается общими предѣлами Европы; но простирается далеко за Танаисъ, составляющій границу Европы и Азіи и даже за Ра ²⁾, величайшую изъ рѣкъ Азіатской Сарматіи ³⁾, вплоть до Гиперборейской Скивіи ¹⁰⁾, лежащей на сѣверовосточномъ краю Азіи.

На семъ пространствѣ обитаютъ многіе народы, а именно: Югры (Ingri), Карелы ^{Народы, обитающіе въ Московіи.} (Corelli), Печоране (Pegurani), Вогуличи (Vahulzani), Башкиры (Bashchirdi) и Черемисы (Czeremisi ¹¹⁾). Въ недавнемъ времени всѣ они покорены Московіи Великимъ Княземъ Іоанномъ (Ivan), предшественникомъ нынѣ царствующаго Великаго Князя Василія. Нѣсколько пониже ихъ къ сѣверовостоку, также по ту сторону Ра, сопредѣльно съ Княжествомъ Суздальскимъ, живутъ Ногаи (Nogai) или западные Татары ¹²⁾, составляющіе самое сѣверное племя изъ всего Татарскаго народа. Еще пониже ихъ, по направленію къ рѣкѣ Ра, въ царствѣ Казанскомъ (Ducato di Cazan), отстоящемъ отъ Москвы на двадцать семь дней пути, находится другое Татарское племя, под-

известное Москвитянамъ и называемое по мѣсту жительства своего Казанскою ордою. На концѣ ниже сей орды, на пространствѣ между рѣками Танаисомъ и Ра, и какъ бы къ юговостоку, Татары занимаютъ обширѣйшія равнины, простирающіяся вплоть до морей Чернаго и Каспійскаго. Равнины сіи уже болѣе трехъ столѣтъ не были посѣщаемы нашими путешественниками; ибо около 1210 года, Татары, прибывъ отъ подошвы Самероидійскаго хребта, заняли всѣ земли, выше Меотійскихъ болотъ ¹³⁾ и Танаиса лежащія, вытѣснивъ изъ нихъ и почти совершенно истребивъ прежнихъ обитателей: Гетовъ или Готоувъ. Никѣ раздѣлены они на 5 ордъ или племенъ (*multitudini*) (въ родѣ пяти отдѣльных Государствъ), изъ коихъ главнѣйшая, породившая такъ сказать всѣ прочія и высланная ихъ въ видѣ колоній, есть Джагатайская или Заволжская (*Savolenai* ¹⁴⁾). Государь сей орды, называвшійся Темиръ-Кутлу ¹⁵⁾ и известный Тамерланъ въ Исторіи подъ именемъ Тамерлана, еще на нашей памяти, подобно молніи (съ 1,200,000 воиновъ, какъ повѣствуютъ историки наши), опустошая и разоряя все встрѣчавшееся ему на пути, проникъ чрезъ Азію въ Египетъ и побѣдилъ Турецкаго Султана Баязета ¹⁶⁾, который самъ въ то время, захвативъ Македонію, Фессалію, Фокиду, Беотию и Аттику,

и ослабивъ частыми набѣгами Илирію и Булгарію, съ жестокостію, въ продолженіи долгаго времени держалъ въ осадѣ Константинополь, главу Христіанской Имперіи. Императоръ Константинопольскій принужденъ былъ, оставивъ столицу свою, бѣжать во Францію и въ Италію, дабы просить помощи противу Баязета. Между тѣмъ Тамерланъ принудилъ сего послѣдняго снять осаду Константинополя и, выступивъ противу него съ огромною ратію, разбилъ его, побѣдилъ, взялъ въ плѣнъ живаго; заковалъ въ золотыя цѣпи и долгое время всюду возилъ за собою¹⁷⁾. Отецъ этого Тамерлана извѣстенъ у насъ въ Исторіи подъ именемъ Батыя¹⁸⁾; на Татарскомъ же языкѣ Б а т ы я называется Занка (Zanka). Во время Инокентія IV вошелъ онъ сѣвернымъ берегомъ Меотійскихъ болотъ съ огромнымъ войскомъ въ Европу и, завоевавъ сперва Россію, (гдѣ разрушилъ богатѣйшій городъ Кіевъ (Chiovía), разбилъ Поляковъ, Силезцовъ (Sclavi) и Моравовъ и наконецъ устремился на Венгрію, которую раззорилъ въ конецъ и привелъ чрезъ то въ ужасъ и трепетъ весь Христіанскій міръ. До него всѣ Татары были идолопоклонники¹⁹⁾. Онъ первый, по убѣжденію Сарациновъ, принялъ Магометанскую вѣру, — и потомки его доселѣ пребываютъ упорными послѣдователями сего ученія. Можетъ быть, они были бы

Христіанами, если бы Христосъ имѣлъ такихъ ревностныхъ Священниковъ и Епископовъ, какихъ имѣть въроломный Магометъ.

Отъ Татарскаго племени, весьма широкимъ благороднаго, получила начало свое Турецкая Имперія, коей основателемъ былъ нѣкто Оттоманъ ¹⁰⁾, назначувшій Татарскій воинъ, отдѣлившійся отъ своихъ соотечественниковъ. Преемники его расширили и въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ такъ возвеличили Имперію, имъ основанную, что нынѣ вся вселенная съ ужасомъ взираетъ на нее. Но довольно о Татарахъ, на счетъ которыхъ понудило меня распространиться сосѣдство ихъ съ Москвитянами, съ коими они граничатъ съ востока, юговостока и отчасти съ запада.

Народы, со-
предѣльные
Московитя-
намъ.

На западъ отъ нихъ, по направленію къ Прусскому морю ¹¹⁾ живутъ, также сопредѣльно съ Москвитянами, Россы, Литовцы и Самогеты ¹²⁾. Пространство между старою, занимаемою Татарами и Прускимъ моремъ, составляетъ около тысячи Италіанскихъ миль, а именно, отъ Кіева, бывшей столицы Русской до Вильны, столицы Литовской, пять сотъ миль, а отъ Вильны до Прусскаго моря около трехъ сотъ пятинадцати миль; остальное же пространство, недостающее до означенныхъ нами 1000 миль, лежитъ за Кіевомъ, по направленію къ востоку. Со времени Ягеллона,

перваго Великаго Князя Литовскаго¹³⁾, Самогеты и Литовцы находятся подъ властію Польши. Государь сей, принявъ Христіанскую вѣру и содѣлавшись Королемъ Польскимъ, подданенемъ Владислава, обратилъ въ Христіанство своихъ Литовцевъ и Самогетовъ. Это случилось еще на памяти отцевъ нашихъ, не болѣе какъ за сто тридцать семь лѣтъ прелѣсныхъ. Великій Князь Московскій Іоаннъ (Івановою Гіюанн), о которомъ выше сего было упомянуто, а также и преемникъ его, нынѣ царствующій Князь Василій, неоднократно, какъ при теперешнемъ Польскомъ Королѣ Сигизмундѣ, такъ равно и при его предшественникахъ Александрѣ и Казимирѣ, домогались владѣнія большей части Литвы, т. е. странъ, лежащихъ между Борисленомъ, Мео-тійскими болотами и Танаисомъ, и составлявшихъ прежде Царство Россовъ. Кіевъ, столица сего Царства, при ракъ Борисленѣ, есть одинъ изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ, не смотря на то, что былъ разграбленъ и разоренъ въ конецъ жестокостію и неистовствомъ Татаръ, которые и теперь еще, по сосѣдству своему съ Литвою, дѣлають частые набѣги на земли Россовъ, отъ чего земли сіи въ настоящее время весьма мало населены.

Притязанія свои Князь Московскій осно-

вызываютъ изъ той, что Россія, находящаяся
нынѣ во владѣти Кнзя Польскаго, равно какъ
Лембергъ (сѣлѣ Королю) и вся часть Польши,
простирающаяся на сѣверъ и сѣверо-востокъ
отъ горъ Сарматскихъ, оудуетъ съ некоеба-
жостію Греческому закону и признаютъ надъ
собою власть Константинопольскаго Патрир-
ха⁴⁴⁾. По сей самой причинѣ всѣхъ много
до снѣхъ цорь еще считаютъ за одно Моско-
витинъ и Россей или Ругеновъ, онираясь на
то, что они говорятъ однимъ языкомъ и не-
содружаютъ одну царю.

Но дойдя до племенъ, вобредѣвшихъ
Христіанство. Обратимся теперь къ тѣмъ,
которыя находятся подъ властію Московскаго
Государя.

ГЛАВА II.

О Князствахъ и обществахъ, подчиненныхъ Мо-
сковскому Государю.

Государство Московское, объемлющее зна-
чительное пространство въ длину и ширину,
заключаетъ въ себѣ множество обширныхъ
областей и Княжествъ, изъ коихъ главнѣйшія
будутъ ниже сего исчислены мною. Для со-
блюденія же принятаго порядка, начну я съ
тѣхъ, которыя болѣе намъ извѣстны, а имен-
но съ ближайшихъ къ Польшѣ и Литвѣ.

На сѣверъ отъ Литвы, прежде всего встрѣчается Княжество Псковское (Ducato di Plescovia), имѣющее до трехъ сотъ тридцати Итальянскихъ миль въ длину и цѣлою, третью болѣе въ ширину. Столица сего Княжества есть Псковъ (Plescov overo Plescovia), обширный и укрѣпленный городъ на рѣкѣ Двинѣ (Zuiva¹⁵). За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Василій, нынѣшній Государь Московскій, завоевавъ это Княжество со всѣми принадлежащими къ нему землями, при чемъ взялъ болѣе тридцати крѣпостей, хорошо снабженныхъ и украшенныхъ, которыми Псковъ владѣлъ въ Литвѣ и въ остальной части Московіи. Коренныхъ жителей перевелъ онъ въ свои владѣнія, а Псковъ населилъ Москвитянами¹⁶). Княжество это, лежащее выше Ливоніи, принадлежало прежде Польшѣ и Литвѣ. На востокъ отъ оного находится Княжество Смоленское (Ducato Smolenscho), которое по пространству своему гораздо обширнѣе нежели Псковское. Главный городъ его есть Смоленскъ (Smolenscho) при рѣкѣ Борисенѣ. Василій недавно отнялъ это Княжество у Короля Польскаго и у Литовцевъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ¹⁷). Съ сѣвера и сѣверовостока Смоленское Княжество граничитъ съ Княжествомъ Можайскимъ (Ducato di Mosaisco), имѣющимъ триста пятьдесятъ Итальянскихъ миль въ длину и

Кн. Псковское.

Кн. Смоленское.

Кн. Можайское.

столько же въ ширину. Предшественникъ Василія, Іоаннъ, отнялъ его силою оружія у Александра, предѣстника нынѣ царствующаго Короля Польскаго Сигизмунда²⁸). Къ сѣверозападу отъ Можайскаго Княжества лежитъ Княжество Новгородское (Ducato di Novogardia), въ которомъ находится знаменитѣйшій и богатѣйшій изъ всѣхъ сѣверныхъ городовъ — Новгородъ (Novogrod overo Novagardia), отстоящій отъ Балтійскаго моря на двѣсти двѣ мили. Онъ обширностію своею болѣе Рима; за то строенія въ немъ почти всѣ деревянные. Въ Новгородѣ встрѣчается столько богатыхъ и великодушныхъ монастырей и столько храмовъ; изящно и пышно разукрашенныхъ, что для описанія одной церкви Св. Николая, весьма уважаемаго Москвитянами, потребуетъ не менѣе цѣлаго года²⁹). Этотъ знаменитый городъ, находившійся прежде подъ властію Литвы³⁰) былъ взятъ со всеми принадлежащими къ нему землями у Казимира, одного изъ предшественниковъ Сигизмунда, Великимъ Княземъ Іоанномъ, въ лѣто спасенія нашего 1479³¹) и присоединенъ къ Московскимъ владѣніямъ. Сокровища Новгорода по свидѣтельству очевидцевъ вывезены въ Москву на 307 повозкахъ³²), наполненныхъ золотомъ, серебромъ и разными драгоценностями.

Вотъ четыре обширныхъ Княжества, которыми въ послѣднія сорокъ лѣтъ значительно увеличилось Государство Московское.

Г Л А В А III.

Владѣнія, составляющія собственно Государство Московское.

Собственно такъ называемая Московія, снабжающая Великаго Князя, по требованію его, нужнымъ количествомъ воиновъ, и гдѣ, сверхъ того, добровольно вписываются въ воинскую службу многіе благородные всадники, именуемые Боярами и всегда готовые на брань, по первому призыву Государя своего, имѣеть, какъ я уже выше сказалъ, до шести сотъ Нѣмецкихъ миль въ длину и раздѣлена также на множество обширныхъ Княжествъ и областей. Первое изъ сихъ Княжествъ есть Московское, лежащее на сѣверо-Кн. Московское. востокъ отъ Новгорода ⁵³). Москва, столица Княжества и всего Государства, замѣчательна по своей обширности; но строенія въ ней всѣ деревянныя, кромѣ одной крѣпости, которая находится посрединѣ, въ видѣ отдѣльнаго, довольно большаго городка и окружена твердыми стѣнами и башнями. Въ Московскомъ Княжествѣ считается до тридцати ты-

сячъ Бояръ или дворянъ, вписанныхъ всадниками въ воинскую службу и всегда готовыхъ къ бою, по волѣ Великаго Князя. Сверхъ того Государь можетъ всякой разъ, когда только пожелаетъ, собрать шестьдесятъ или семьдесятъ тысячъ пѣхоты изъ молодыхъ людей мужественныхъ и уже совсѣмъ вооруженныхъ. Къ востоку отъ Княжества Московскаго ле-

Кн. Рязан-
ское.

жить Княжество Рязанское (Ducato di Rezan), въ которомъ находятся источники знаменитаго Танаиса, отдѣляющаго Европу отъ Азии¹⁴). Въ этомъ Княжествѣ считается до пятнадцати тысячъ всадниковъ, также изъ рода Бояръ, а изъ простолюдиновъ можно безъ труда набрать во всякое время вдвое или втрое болѣе сего числа. Къ сѣверу и сѣверовостоку съ Кня-

Кн. Твер-
ское.

жествомъ Московскимъ сопредѣльно Тверское Княжество (Principato di Tverda), превосходящее первое своею обширностію. Главный городъ Тверь (Tverd), при знаменитой рѣкѣ Волгѣ (Volga) или Ра, весьма обширенъ и гораздо пространнѣе и великолѣпнѣе самой Москвы¹⁵). Въ Тверскомъ Княжествѣ считается сорокъ тысячъ всадниковъ изъ Бояръ, а изъ простолюдиновъ можно въ случаѣ нужды набрать вдвое или втрое болѣе.

Кн. Яро-
славское и
проч.

Сверхъ сего въ Москвѣ есть еще много другихъ владѣній и Княжествъ, какъ то: Княжество Ярославское (Iaroslavia), Шухерцонское

(Schubertschia), Шахверское (Schachetens), Рубенское (Rubens), Холмское (Chelmschi), Цубенувожское (Zubenulowschi) и Климское (Klimischi⁵⁶). Каждая из сих областей занимает въ пространствѣ отъ ста до ста пятидесяти миль и выставляетъ Государю своему, по его назначенію, опредѣленное число воиновъ — изъ дворянъ, и пѣшихъ воиновъ — изъ простаго народа. Нужно однако же замѣтить, что Княжества, въ началѣ сей главы нами описанные, населены болѣе другихъ и потому считаются главнѣйшими. Далѣе къ востоку, по ту сторону рѣки Ра, лежитъ Княжество Суздальское (Duché de Suzdali) и многія другія области, жители коихъ единоплеменины съ Москвитянами, и признають надъ собою ихъ власть. Впрочемъ доъ оныхъ почти въ конецъ раззорены отъ постоленныхъ набѣговъ Ногайцевъ (Nogaivi) и другихъ Татаръ, обитающихъ далѣе прочихъ ордъ къ сѣверу и прилегающихъ къ Суздалью съ восточной его стороны⁵⁷).

Государству Московскому подвластна также одна Татарская орда, находящаяся при Казани (городъ, принадлежащемъ Москвитянамъ и лежащемъ близъ рѣки Ра, въ двадцати семи дняхъ пути отъ Москвы, по направленію къ востоку⁵⁸). Орда сія, называемая Казанскою, кочуетъ по степямъ и можетъ выставить Князю Московскому, по первому его требованію,

Казанская орда.

до тридцати тысяч всадниковъ. Впрочемъ она
соблюждаетъ всѣ обычаи древнихъ Татаръ и
исповѣдуетъ Магометанскую вѣру.

Скиескія
племени,
подвласт-
ныя Моско-
віи.

Къ сѣверовостоку отъ Московіи, за Вят-
кою и Устюгомъ, въ разстояніи пяти сотъ
Нѣмецкихъ миль, живутъ Печоране и Вогули-
чи, народы племени Скиескаго. Не за долго
предъ симъ Великій Князь Іоаннъ, предше-
ственникъ нынѣ царствующаго Кнзя Васи-
лія, покоривъ ихъ своему владычеству, при-
нудилъ креститься и исповѣдывать Христа,
и далъ имъ въ духовные наставники Грече-
скаго Епископа или Владыку (Vladico). Гово-
рятъ, что по отбытіи Великаго Кнзя, варва-
ры схватили этого Епископа, содрали съ не-
го кожу и потомъ умертвили въ жесточай-
шихъ мученіяхъ. Князь, узнавъ о семъ, по-
спѣшно возвратился назадъ, казнилъ зачин-
щиковъ бунта, и давъ имъ другаго Епископа,
снова обратилъ ихъ къ вѣрѣ Христіанской³³⁾.
За Печоранами и Вогуличами, по берегу Сѣ-
вернаго Океана, живутъ другія Скиескія пле-
мена, какъ то: Югры, Карелы, Башкиры и
Черемисы. Всѣ они находятся подъ властію
Московитянъ, но доселѣ еще коснѣются въ
идолопоклонствѣ.

Г Л А В А IV.

О рѣкахъ Московіи и качествахъ ея почвы.

Московія представляетъ видъ совершенной равнины, устланной множествомъ лѣсовъ и пересѣкаемой по всемъ направленіямъ пространныя рѣками, наполненными рыбою. Главнѣйшія изъ сихъ рѣкъ суть слѣдующія: Борисеенъ, называемый у Московитянъ Днѣпромъ (Dniereg), ^{Днѣпръ.} беретъ начало свое въ Княжествѣ Смоленскомъ близъ знаменитой крѣпости Вазымы (Vezniga⁴⁰), завоеванной нынѣшнимъ Великимъ Княземъ Василиемъ у Сягизмунда, Короля Польскаго и течетъ прямо на югъ, сначала мимо Смоленска, а потомъ мимо Кіева, бывшей столицы Россіи. Пробѣжавъ около трехъ сотъ Нѣмецкихъ миль, онъ впадаетъ, не далѣе какъ въ десяти миляхъ отъ полуострова Таврическаго, въ Черное море. — Наподалеку отъ источниковъ Борисеена беретъ начало свое другая рѣка, называемая Двиною (Duvina). Она стремится прямо на западъ, протекаетъ чрезъ Княжество Псковское, касается стѣнъ самаго Пскова и при Ригѣ, городѣ Ливонскомъ, изливается въ Балтійское море⁴¹). Источникъ Танаиса находится въ Московіи, въ Княже-

ство Рязанскомъ, въ семи дняхъ пути отъ города Москвы. Рѣка сія течетъ сначала къ сѣверу, повыше источниковъ Борисоена, потомъ бѣжитъ попеременно то къ югу, то къ востоку, далѣе поворачиваетъ нѣсколько на западъ и орошаетъ плодородныя равнины Татаръ, и наконецъ, пробѣжавъ около семисотъ Итальянскихъ миль, впадаетъ тремя рукавами въ Меотійское озеро и какъ бы наполняетъ его водами своими⁴³). Москвитане называютъ Танаисъ Дономъ (Don), т. е. свѣтыиъ, потому что рѣка сія изобилуетъ рыбою и обтекаетъ земли самыя тучныя и плодородныя. Величайшая же изъ рѣкъ Московіи есть такъ Волга, называемая Волга, протекающая въ Азіатской Сарматіи и превосходящая величиною своею третью часть всехъ Европейскихъ рѣкъ⁴⁴). Источники ея находятся на сѣверозападѣ отъ источниковъ Танаиса. Она беретъ начало свое въ обширномъ озерѣ, называемомъ Вѣлымъ⁴⁵) и пробѣжавъ довольно большое пространство, по направленію къ сѣверовостоку, орошаетъ стѣны Твери, главнаго города Княжества Тверскаго, принадлежащаго Московіи; потомъ изгибаясь на юговостокъ, протекаетъ мимо Московскаго города Казани, и оттуда, разлившись безчисленными рукавами по обширнымъ Татарскимъ степямъ, впадаетъ въ Каспійское море⁴⁶), въ разстояніи двадцати дней пути

отъ Казани. Всѣ эти рѣки берутъ начало свое въ мѣстахъ низменныхъ, болотистыхъ и лѣсистыхъ, а не въ тѣхъ баснословныхъ Риейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ, которыя произвело воображеніе Грековъ, и которыхъ никто еще не видалъ въ природѣ; ибо во всей Московіи не встрѣтишь ни одного пригорка, развѣ только на берегахъ Сѣвернаго и Сѣвскаго Океановъ, гдѣ обитаютъ Югры, Карелы, Вепсы и Черемисы⁴⁶). При семъ случаѣ не могу довольно надвинуться дерзостью назвать Георгіевъ, которые безъ стыда и совѣсти рассказываютъ невѣроятныя вещи о Риейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ, въ которыхъ, по уверенію ихъ, берутъ начало свои озыченныя рѣки. Все это отомкаже справедливо; какъ и то, что повѣствуютъ они объ обитаніи Сарматъ и вообще о странахъ сѣверныхъ. Стоитъ только подобно имъ слѣдить показанія ихъ съ рассказами новѣйшихъ путешественниковъ, чтобы вполнѣ удостовѣриться въ ихъ безстыдствѣ.

ГЛАВА V.

О Герцинскомъ лѣсѣ и деревьяхъ, растущихъ въ ономъ; о большомъ количествѣ меду, собираемаго въ Московіи и о свойствахъ ея жителей.

Герцинскій
лѣсъ.

Герцинскій лѣсъ, разсѣянный частыми и густыми рощами⁽¹⁾ на всемъ пространствѣ Московіи, снабжаетъ жителей всякаго рода деревьями, нужными для ихъ употребленія. Вообще у нихъ гораздо болѣе лѣсу нежели у насъ. Союзы — величины нечеловѣческой, такъ что одного дерева достаточно на мачту самаго большаго корабля, а дубъ и кленъ (oak) гораздо лучше, чѣмъ въ нашихъ краяхъ. Эти два дерева, будучи распилены, представляютъ въ разрѣзѣ, своемъ, удивительную и прелестную сѣть цѣтвовъ, на подобіе волнистаго камлота. Кулцы нани. вывозятъ ихъ въ большомъ количествѣ въ числѣ прочихъ товаровъ изъ Московіи и продаютъ по весьма дорогой цѣнѣ, не смотря на то, что у насъ самихъ нѣтъ недостатка въ лѣсѣ. Московіи очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякаго присмотра. Не рѣдко въ лѣсахъ попадаются цѣлые рои сихъ полез-

Большое
обилие пчелъ
и меду.

ныхъ насекомыхъ, сражающихся между собою и преслѣдующихъ другъ друга на большомъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ близъ своихъ жилищъ и передаютъ въ видѣ наслѣдства изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчелъ⁴⁸). Сообразивъ это обиліе меду и лѣсовъ, не удивительно, что все то количество воска и жидкой и твердой смолы, которое потребляется въ Европѣ, равно какъ и драгоцѣнные мѣха привозятся къ намъ чрезъ Ливонію изъ Московскихъ владѣній. На берегахъ Дона и Волги (Ра) растетъ сверхъ того во множествѣ реверъ (Reupontcio) и аиръ (salamo aromatico).

Московія, не смотря на обширность свою, Народона-
селеніе. весьма хорошо населена и такъ тщательно защищена на границахъ, что не только никто изъ служителей или рабовъ, но даже поселяне и вольные люди не могутъ выйти за предѣлы Государства, или войти въ оныя, безъ особенной Великокняжеской грамоты. Сему весьма много способствуютъ обширные лѣса и болота, которые, заграждая повсюду сообщенія, вынуждаютъ каждого держаться большихъ дорогъ, весьма бдительно охраняемыхъ Княжескою стражею. Если жъ кто нибудь вздумаетъ уклониться отъ сего общаго пути и избрать окольную дорогу, то неминуемо по-

Богатство, гибнетъ въ непроходимыхъ бѣлахъ. Московскіи весьма богаты монетою (добываемою болѣе чрезъ помѣстительность Государей, нежели чрезъ посредство рудниковъ, въ которыхъ впрочемъ нѣтъ недостатка⁴⁹); ибо ежедневно привозится туда изъ всѣхъ концовъ Европы множество денегъ за товары, продающіяся для Московитянъ почти никакой цѣнности, но стоящія весьма дорого въ нашихъ краяхъ. Къ тому же вывозъ золота и серебра за пределы Государства строжайше запрещенъ, исключая тѣхъ только случаевъ, когда самъ Великій Князь посылаетъ оныя на продовольствіе войска; ибо онъ ведетъ безпрерывныя войны съ сосѣдями своими, какъ для внушенія имъ должнаго страха, такъ равно и для распространенія своихъ владѣній. Впрочемъ онъ никогда не употребляетъ воиновъ чужеземныхъ, а набираетъ рать свою изъ собственныхъ подданныхъ, которыми повелеваетъ съ неограниченною властію, имея полное право располагать жизнью ихъ и имуществомъ. Никто изъ Московитинъ не смѣетъ въ чемъ либо противорѣчить волѣ Государя, и сей послѣдній властенъ даже переводить ихъ съ мѣста на мѣсто и назначать имъ жительство по своему усмотрѣнію. Мужчины вообще рослы, сильны и привычны ко всѣмъ трудамъ и переѣзнымъ воздушнымъ; но очень склон-

Свойства
Московитянъ.

ны къ пьянству. Эта народная слабость принудила Государя ихъ запретить навсегда, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія, употребленіе вина, пива и другаго рода хмельныхъ напитковъ, исключая однихъ только праздничныхъ дней. Повеленіе сіе, не смотря на всю тягость онаго, исполняется Москвитянами, какъ и всѣ прочія, съ необычайною покорностію.

ГЛАВА VI.

О религіи и нравахъ Москвитанъ.

Всѣ многочисленныя племена, подвластные Москвитянамъ (за исключеніемъ Казанскихъ Татаръ, исповѣдующихъ, наравнѣ съ прочими Татарами, Магометанскую вѣру и нѣкоторыхъ Сибирскихъ народовъ, поклоняющихся идоламъ) вѣрують въ единаго Бога, признають Христа Спасителя и отличаются отъ насъ только тѣмъ, что отвергають единство церкви. Существенная же разница между ихъ вѣроисповѣданіемъ и нашимъ состоитъ въ немногихъ догматахъ, которые впрочемъ сами по себѣ не слишкомъ важны для душевнаго спасенія и могутъ, по собственнымъ словамъ Апостола, скорѣе быть терпимы, чѣмъ вскореняемы жестокостію или поставляемы

Религія
Москвитанъ.

въ грѣхъ людямъ, не совсѣмъ еще утвердившимся въ вѣрѣ. Во всемъ прочемъ они, кажется, лучше насъ слѣдуютъ ученію Евангельскому. Обмануть другъ друга почитается у нихъ ужаснымъ, гнуснымъ преступленіемъ; прелюбодѣяніе, насиліе и публичное распутство также весьма рѣдки; противуестественные пороки совершенно неизвѣстны, а о клятвенпреступленіи и богохульствѣ вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитаютъ Бога и Святыхъ Его, и вездѣ, гдѣ только встрѣтятъ образъ Распятаго, немедленно падаютъ ницъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ ⁵⁰).

Богослуженіе.

Московитяне причащаются весьма часто (почти всякій разъ, когда собираются въ церковь) и употребляютъ для сего хлѣбъ кислый, принимая святые дары подъ двумя видами. Службъ у нихъ немного и не по нѣскольку в другъ; но одинъ священникъ, отправляющій служеніе, пріобщившись самъ Тѣлѣ Христовыхъ, выносить къ народу, въ церкви находящемуся, сосудъ, наполненный по ихъ обыквенію хлѣбомъ и виномъ; каждый беретъ изъ сосуда часть освященнаго хлѣба, напоеннаго виномъ и причащается изъ своихъ рукъ ⁵¹). Въ церквахъ не замѣтно ничего неблагопристойнаго или безчиннаго; напротивъ того всѣ, преклонивъ колѣна или простершись ницъ, молятся съ искреннимъ усердіемъ. Отецъ мой

и многія другія почтенныя особы, проживавшія нѣкоторое время въ Москвѣ, увѣрили меня, что Москвитяне были бы гораздо праведнѣе насъ, если бы не препятствовали тому постыдный расколъ ихъ, уничтоженіе коего было весьма легко для предшественниковъ Вашихъ и еще удобнѣе для Вашего Святѣйшества, какъ Вы изволите усмотрѣть изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА VII.

О легчайшемъ способѣ привести Москвитинъ къ единству Римской церкви.

Если бы о семъ предметѣ надлежало состязаться съ цѣлымъ народомъ, то мы безъ сомнѣнія встрѣтили бы множество препятствій и затрудненій (ибо не легко склонить кого либо къ оставленію или измѣненію вѣры предковъ), хотя впрочемъ эти затрудненія нисколько не должны ослаблять усердія ревностнаго пастыря церкви въ великомъ подвигѣ присоединенія къ стаду Христову миллионъ душъ, совратившихся хотя нѣсколько съ пути истиннаго. Но здѣсь встрѣчается совсѣмъ противное. Вся власть сосредоточена въ лицѣ одного Великаго Князя, неоднократно желавшаго единства въ дѣлахъ вѣры, и потому непростительно и даже преступно рав-

Митинъ Великаго Князя въ дѣлахъ вѣры.

подушіе, съ которымъ пастыри наши, оставляя доселѣ безъ вниманія выгоды церкви, не только сами не искали, но даже отвергали Государя, спѣшившаго на встрѣчу имъ со всѣмъ своимъ народомъ и умолявшаго о присоединеніи его къ вѣрной паствѣ Христовой⁵²). Мнѣ стыдно и даже больно напоминать здѣсь объ этомъ равнодушіи; но къ несчастію дѣло сіе уже слишкомъ извѣстно. Враги наши знаютъ о немъ и, къ стыду нашему, ежедневно, съ новою гордостію, выступаютъ противу насъ и противу защитниковъ Апостольскаго престола.

Соборъ
Флорентій-
скій

Еще за 50, или 55 лѣтъ предъ симъ, когда отецъ мой проживалъ въ Московѣ, я часто и съ душевнымъ сокрушеніемъ слышалъ отъ него, что одинъ изъ Великихъ Князей (можетъ быть тотъ самый Іоаннъ, о которомъ было упомянуто выше сего, или его предмѣстникъ) прислалъ Пословъ своихъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ свѣта⁵³) къ Римскому Первосвященнику, съ просьбою о соединеніи церквей; но тотъ, въ чьей власти находился тогда престолъ Св. Петра, помышляя болѣе о своихъ выгодахъ, нежели о пользахъ Іисуса Христа, потребовалъ отъ Московитянъ ежегодной значительной дани, въ знакъ ихъ покорности, и сверхъ того обложилъ ихъ десятиною и еще другими какими то поборами.

Послы, возвратившись въ отечество, къ немалому соблазну сосѣдственныхъ народовъ, убѣдили Князя своего остаться въ прежней ереси⁵⁴), утверждая, что законъ ихъ гораздо лучше нашего. Не знаю навѣрно, были ли съ тѣхъ поръ другія какія либо подобныя предложенія со стороны Московитянъ; но враги наши увѣряютъ, что въ недавнемъ времени Великій Князь опять возобновилъ ихъ. Изъ сего очевидно, съ какимъ малымъ трудомъ Московитамъ могутъ быть возвращены въ лоно истинной вѣры (честь этого подвига очевидно предоставлена Вашему Святѣйшеству), тѣмъ болѣе, что нынѣшній Великій Князь Василій не только не отвергаетъ соединенія церквей, но всѣми мѣрами ищетъ онаго. Явнымъ сему доказательствомъ служить то, что во время возвышенія блаженной памяти Папою Юліемъ II буллы о сеймѣ Латеранскомъ⁵⁵), Василій, чрезъ посредство Датскаго Короля Іоанна, съ которымъ находился въ самыхъ тѣсныхъ и дружественныхъ связяхъ, просилъ одозволеніи, въ лицѣ своихъ пословъ, явиться при означенномъ сеймѣ. Истину сего событія засвидѣтельствовали предмѣстнику Вашего Святѣйшества, Папѣ Адріану VI, имѣя самому и многимъ другимъ лицамъ, нынѣ въ Римѣ находящимся, Нидерозіе-мскій Архіепископъ Энай⁵⁶), мужъ добле-

Сеймъ Латеранской и сношенія Великаго Князя съ Королемъ Датскимъ.

стный, бывший въ то время канцлеромъ при Датскомъ Королѣ и умершій прошедшею зимою въ Апостольскомъ дворцѣ. Къ несчастію смерть Юлія II, случившаяся въ одно почти время съ кончиною Датскаго Короля Іоанна, воспрепятствовала исполненію желаній Великаго Князя. Спустя нѣкоторое время послѣ того, при блаженной памяти Верховномъ Пер-

Слошенія
Великаго
Князя съ
Максимили-
аномъ.

восвященникъ Львъ X⁵⁷), Василій настоя-
тельно домогался у Императора Максимилиана
титла Королевскаго⁵⁸) и конечно бы согла-
сился присоединиться къ Римской церкви,
если бы тайныя козни и хитрость Польскаго
Короля не разрушили сего дѣла. Объ этомъ
происшествіи подробно разсказывать предмѣ-
стнику Вашего Святѣйшества, мнѣ и мно-
гимъ другимъ Преосвященнымъ Іеронимъ Баль-
бо, Епископъ Гургскій, привѣзавшій недавно
Посломъ къ Папскому Двору отъ Фердинанда,
Эрцгерцога Австрійскаго, и бывший свидѣте-
лемъ переговоровъ между Императоромъ и
Василіемъ. Но къ чему искать намъ случаевъ
отдаленныхъ? Не самый ли этотъ Василій, еще
въ нынѣшнемъ году, ясно доказалъ предан-
ность свою и желаніе соединиться съ нами,
во-первыхъ тѣмъ, что заключилъ на 5 лѣтъ

Переміріе
Василія съ
Сигиз-
мундомъ.

переміріе съ стариннымъ врагомъ своимъ Ко-
ролемъ Польскимъ (въ то именно время, ко-
гда по взаимной враждѣ Государей, весь Хри-

стіанскій міръ едва не подпавъ подъ власть Турокъ и когда онъ легко могъ воспользоваться этими обстоятельствами для совершеннаго раззоренія нашего⁵⁹); а во-вторыхъ тѣмъ, что прислалъ Пословъ къ тому же самому Польскому Королю, съ 600 всадниковъ и 200 повозокъ, прося его, какъ ближайшаго и болѣе другихъ извѣстнаго ему сосѣда, склонить прочихъ Государей, дабы они забывъ, подобно ему, взаимныя свои распри и обиды, занялись наконецъ благомъ Христіанскаго міра и соединили помыслы свои и оружіе противъ общаго врага имени Христова. Вмѣстѣ съ симъ онъ предлагалъ самаго себя и весь народъ свой въ поборники этому священному дѣлу. О семъ писалъ предмѣстнику Вашего Святѣйшества, Папѣ Адріану VI, Преосвященный Ома Негро, Епископъ Скардонскій, находившійся тогда Нунціемъ Апостольскаго престола при дворѣ Короля Польскаго и бывшій свидѣтелемъ переговоровъ, по сему предмету происходившихъ. Нынѣ этотъ Епископъ проживаетъ въ Римѣ и можетъ во всякое время подтвердить истину того, что я объяснилъ здѣсь Вашему Святѣйшеству.

Нужно ли послѣ сего искать новыхъ доказательствъ Христіанскаго и братскаго къ намъ расположенія Государя, почитаемого нами еретикомъ и почти лзычникомъ и про-

тивъ коѣго мы не разъ подымали духовное оружіе наше. Въ дѣлѣ нашего спасенія и для блага Христіанскаго міра онъ являетъ себя болѣе истиннымъ Христіаниномъ, чѣмъ многіе изъ нашихъ Государей, именующихся Каѳолическими, Христіаннѣйшими и ревностными защитниками вѣры, и которыхъ со всѣмъ тѣмъ благочестивый Адріанъ VI, предмѣстникъ Вашего Святѣйшества, ни просьбами, ни мольбами, ни пастырскими наставленіями не могъ склонить къ тому, чтобы они въ эту годину общественнаго бѣдствія прекратили войны свои, болѣе нежели междоусобныя. Въ этихъ войнахъ не обращаютъ они ни малѣйшаго вниманія на кровь Христіанскую, какъ воду ими проливаемую, на бѣдствія подданныхъ, предаваемыхъ конечному разграбленію даже на самый гнѣвъ Господень, какъ будто для нихъ не существуетъ Бога, которому они нѣкогда отдадутъ отчетъ въ своемъ необузданномъ желаніи властвовать, въ своихъ частныхъ союзахъ и распрахъ и въ губительныхъ войнахъ, безпрерывно между ими возникающихъ. Кто бы повѣрилъ, что въ то самое время, когда ни Апостольская власть, ни строгость церкви не могутъ убѣдить западныхъ Государей принести въ жертву Христу Спасителю взаимныя обиды свои, или отложить на время свое мщеніе, или по крайней мѣрѣ заклю-

чить между собою перемиріе на три года, для пользы Христіанскаго міра, придвинутаго враждою нхъ на край пропасти, — Государь еретическій, для блага того же самаго Христіанскаго міра (который вѣрно бы погибъ безъ помощи его), заключилъ съ Королемъ Польскимъ перемиріе не на 3 года, а на 5 лѣтъ, и въ ту именно эпоху, когда ему представлялся удобнѣйшій случай одолѣть и въ конецъ истребить стариннаго врага своего?— Кто бы повѣрилъ, что въ то самое время, когда наши Государи Православнѣйшіе и Христіаннѣйшіе, наши ревностные защитники вѣры истребляютъ другъ друга и проливаютъ потоки крови Христіанской, не заботясь ни о ваятѣ Редоса⁶⁰), который легко бы защитить могли, ни о покореніи Бѣлграда⁶¹), ни даже о томъ, что Турки стоятъ, такъ сказать, надъ ихъ головами,—одинъ только еретьякъ радѣетъ о спасеніи нашемъ, умоляя всѣхъ пробудиться отъ глубокаго усмиленія, взвѣсить собственныя пользы и обратитъ хотя нѣкоторое вниманіе на горестное положеніе наше, готовящее намъ явную гибель? Кто бы повѣрилъ, что тотъ, кого мы бы должны были страшиться какъ врага лютейшаго, предлагаетъ въ защитѣ нашу себя и весь народъ свой тогда, какъ Государи православные не хотятъ и помыслить о помощи Христіанско-

му міру, который сами, если не совсѣмъ уже предали въ руки враговъ, то по крайней мѣрѣ раззорили въ конецъ; ибо положеніе владѣній ихъ таково, что врядъ ли можно содѣлать его болѣе бѣдственнымъ? Изъ всего этого явствуется, что Московскій Государь (если только судить о людяхъ по дѣламъ ихъ, а не по тщетнымъ и пустымъ титуламъ) вполнѣ заслуживаетъ имя Монарха Христіанскаго; наши же Государь, со всѣми ихъ пышными титулами, недостойны даже названія еретиковъ и язычниковъ.

Сношенія
Василия съ
Карломъ V.

Теперь остается намъ упомянуть еще о посольствѣ Князя Василия къ Императору Карлу V, посольствѣ, прибывшемъ въ Апрѣль мѣсяцъ сего года въ Испанію, послѣ осьмимѣсячнаго пути и какъ бы совершенно изъ другой части свѣта. Князь чрезъ пословъ своихъ искалъ дружбы Императорской, предлагая въ замѣнъ ей все то, что можетъ только предложить могущественнѣйшій Государь своему союзнику и убѣждалъ Карла (какъ то извѣстно изъ многихъ писемъ, нами отъ Мадридскаго двора полученныхъ) возстать войною противъ Турокъ, обѣщая ему съ своей стороны значительную помощь деньгами и войскомъ⁶²). Все это ясно доказываетъ, сколь легко и удобно склонить Московскаго Князя, а съ нимъ вмѣстѣ и весь народъ его къ един-

ству Римской церкви, а потому преступно бы было не заняться этимъ дѣломъ и не отправить въ Москву искусныхъ пословъ даже и тогда, если бы единственною цѣлю нашего было только спасеніе множества заблудшихъ душъ. — Но нынѣ, когда гибельное положеніе Христіанскаго міра требуетъ помощи Государя могущественнаго (которую онъ предлагать самъ, не взиралъ на то, что намъ слѣдовало бы нести ее), нынѣ, говорю я, не только преступно, но даже безумно косить долѣ въ обычной безмечности, отвергать союзъ для насъ спасительный и, посягаясь надъ великодушіемъ Московскаго Князя, содѣлать его врагомъ своимъ. Последнее безъ сомнѣнія случится, если мы не примемъ вызова его и, возблагодаривъ за оный, не предложимъ въ свою очередь всего, что можетъ быть ему полезно и что мы только предложимъ въ силахъ. Не должно отнюдь вѣрить тѣмъ, которые утверждаютъ, будто намъ нужны одни деньги Московитянъ, славящихся своимъ богатствомъ, а помощь ихъ, по причинѣ отдаленія Московіи отъ Турокъ, вовсе бесполезна. Изъ Смоленскаго Княжества, прилежащаго къ владѣніямъ Васкиа, дорога идетъ черезъ землю Руссовъ (народа сопредѣльнаго и друженнаго съ Московитянами, съ которыми онъ слѣдуетъ однимъ обычаемъ) прямо въ

Путь изъ
Московіи
въ Турцію.

Валахію и Булгарію, а оттуда чрезъ Оракію въ Константинополь. Этотъ путь весьма удобенъ для слѣдованія войскъ, какъ бы многочисленны они ни были, а также и для атаки; ибо изъ всѣхъ границъ Турціи, самая слабая, какъ мнѣ извѣстно, есть та, которая находится со стороны Московіи. Къ тому же Валахія и Булгарія населены исключительно племенами Христіанскими, которыя, находясь подъ властію Турокъ, для нихъ давно уже тягостною, охотно отложатся отъ нихъ и соединятся съ нашими войсками, если только явятся къ нимъ защитники ихъ свободы. Изъ Валахія же и Булгарія дорога вплоть до самаго Константинополя совершенно открыта. Въ противоположность съ симъ путемъ, границы Турціи, какъ морскія такъ и сухопутныя, обращенныя къ нашей сторонѣ, весьма крѣпки, хорошо защищены и не могутъ представить намъ такой удобности для нападенія, какую Валахія и Булгарія представляютъ Московскому Князю. Мысль, будто Государь сей сочтетъ предпріятіе это слишкомъ для себя отдаленнымъ, совершенно несправедлива; ибо еще недавно онъ съ войнствомъ своимъ проникнулъ чрезъ мѣста, гораздо болѣе дикія, къ самымъ дальнѣйшимъ предѣламъ востока и покорилъ многія Сквотскія племена, а нѣкоторые изъ нихъ принудилъ даже къ принятію вѣры Христіанской.

Г Л А В А VIII.

О причинахъ, по которымъ Верховный Первосвященникъ обязанъ принять Московитянъ въ число паствы своей.

И такъ, Милостивый и Святый Отецъ! Хотя въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ Вы со всѣхъ сторонъ обременены тяжкими заботами, возложенными на Васъ благомъ Христіанскаго міра и даже самимъ Христомъ Спасителемъ, не менѣ того Вашему Святѣйшеству, по мнѣнію моему, слѣдуетъ обратить исключительное и дѣятельное вниманіе на союзъ съ Московитянами, какъ на дѣло особенной важности и не требующее долгаго размышленія; ибо оно не сопряжено ни съ издержками, ни съ заботами, ни съ опасностями и въ исполненіи своемъ не представляетъ никакихъ почти затрудненій. Конечно мнѣ извѣстно, что враги наши извнѣ угрожаютъ Храминѣ Давидовой, порученной Иисусомъ управленію и покровительству вашему; извѣстно также и то, что цѣлыя племена бѣдствующихъ Христіанъ съ давнихъ уже поръ томатся подъ тягостнымъ и унизи-

Затрудни-
тельное по-
лож еніе
Христіан-
скаго міра.

тельнымъ ярмомъ лютаго врага имени Христа и къ Вамъ, какъ къ истинному пастырю церкви, обращаютъ взоры свои, прося и умоляя о защитѣ; знаю, что прежде, нежели Вы приступите къ какому либо подвигу, полезному внутри Христіанскихъ предѣловъ и славному внѣ оныхъ, Вамъ предстоитъ еще важная обязанность примирить православныхъ Государей, раздѣленныхъ между собою гибельными раздорами; знаю и то, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разливается въ нѣдрахъ нашихъ тотъ адскій и тлетворный дѣлъ, который мы зовемъ чумою Лютеранскою ⁶³⁾ и который безпрерывно губитъ тысячи душъ, зараженныхъ ересьюю расколомъ. Всѣ эти обстоятельства конечно важны по существу своему и требуютъ дѣятельности, благоразумія, заботъ и даже издержекъ; но врядъ ли устройство ихъ можетъ когда либо доставить значительныя выгоды, тогда какъ дѣло Московитянъ, о коемъ я нынѣ ходатайствую у Вашего Святѣйшества, не представляя и малѣйшей части этихъ затрудненій, по всей справедливости не менѣе прочихъ достойно Вашего вниманія; ибо заключаетъ въ себѣ спасеніе нѣсколькихъ милліоновъ душъ, въ которыхъ Вы нѣкогда отдадите отчетъ Господу Богу, если онѣ погибнутъ по нерадѣнію Вашему. Къ тому же союзъ съ такимъ мо-

гущественнымъ, Великимъ и богатымъ Государемъ, каковъ Государь Московскій, самъ по себѣ уже необходимъ для насъ въ дѣлѣ противу Турокъ; ибо Василію, по снѣжности владѣній, удобнѣе и легче, чѣмъ кому либо, напасть на земли невѣрныхъ. Если же напротивъ того онъ вздумаетъ соединить силы свои съ ихъ силами, то гибель наша неизбѣжна. Далѣе, въ дѣлѣ примиренія Христіанскихъ Государей, я не знаю ничего спасительнѣе этого союза; ибо примѣръ Московскаго Князя заставитъ ихъ устыдиться тѣхъ пышныхъ титуловъ, которые они безъ пользы и стыда себѣ присваиваютъ и краснѣть отъ одной мысли; что еретикъ не только напоминаетъ имъ о священныхъ обязанностяхъ Христіанскихъ, но даже вразумляетъ, какъ должно поступать въ духѣ этихъ обязанностей. Наконецъ, въ дѣлѣ ученія Лютеранскаго, какого блистательнѣйшаго торжества можно желать и ожидать намъ, какъ не торжественнаго сознанія враговъ нашихъ въ томъ, что престолъ Апостольскій, который они всѣми мѣрами стараются унижить въ глазахъ вселенной, сохраняетъ власть и достоинство свое не только между своими приверженцами, но даже между племенами новыми, притекшими какъ бы изъ другой части свѣта, съ просьбою о принятіи ихъ въ лоно Римской церкви. Этихъ счастливыхъ результа-

Необходимость Посольства въ Московію.

товъ можно достигъ безъ всякой опасности, съ малыми усиліями и съ самыми незначительными издержками. Стоитъ только Вашему Святѣйшеству отправить въ Московію мужа, способнаго къ сношеніямъ этого рода и поспѣшить окончаніемъ дѣла сего; ибо ускоренія его требуютъ обстоятельства важныя. Трудность и опасность пути чрезъ всю Германію, Пруссію и Ливонію (ниже сего подробно будутъ объяснены причины, по которымъ надлежитъ миновать Польшу); частыя задержки; мѣры предосторожности отъ разбойниковъ, бродящихъ цѣлыми шайками въ этихъ странахъ; — все это замедлитъ путешествіе посланника Вашего такъ, что онъ не можетъ ранѣе пяти мѣсяцевъ прибыть ко Двору Московскому. Явнымъ доказательствомъ трудности и продолжительности этого пути служить то, что послы, отправленные Василиемъ къ Карлу V, только въ восемь мѣсяцевъ могли достигнуть столицы Испаніи. Въ случаѣ же замедленія съ Вашей стороны, враги наши не будутъ дремать въ бездѣйствіи; да и самыя мысли Московскаго Князя легко могутъ измѣниться, если великодушное предложеніе его будетъ презрѣно и оставлено безъ вниманія и если мы на посольство его къ Императору Карлу V, къ Королю Польскому Сигизмунду, а чрезъ посредство его и ко всемъ Христіан-

скимъ Государямъ не отвѣтимъ такимъ же посольствомъ. Императоръ еще молодъ и, будучи занятъ исключительно войною противу соперника своего Короля Французскаго, не имѣетъ времени позаботиться объ общемъ благѣ Христіанскаго міра; отъ Короля Польскаго, не смотря на благоразуміе его и набожность, нельзя ожидать ничего хорошаго по многимъ причинамъ, которыя ниже сего будутъ объяснены подробно; следовательно весь успѣхъ дѣла зависитъ единственно отъ Вашего Святѣйшества. Если Вы не обратите вниманія на этотъ важный предметъ, то Государи наши отвергнутъ рѣшительно союзъ съ Княземъ Московскимъ; но за то наши враги не отвергнутъ его. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Турки постараются привлечь на свою сторону этого могущественнаго Монарха въ томъ предположеніи, что онъ не можетъ быть намъ искреннимъ другомъ; ибо неоднократно былъ преслѣдуемъ нами, какъ язычникъ и еретикъ. Потому-то и необходимо съ нашей стороны прибѣгнуть немедленно къ мѣрамъ благоразумія и стараться о сохраненіи союзника, внезапно и сверхъ всякаго чаянія намъ представляющагося. Для сего нужно только, какъ я выше сего объяснилъ Вашему Святѣйшеству, послать къ нему людей опытныхъ и искусныхъ. Издержки, съ этимъ посольствомъ

Ч. I. А. Кампензе.

4

сопряженных, инокълько не должны устраниать Васъ; ибо мы нрѣдко кладамъ деньги на пустыя и вовсе ненужныя ширшества; да и то, что въ другихъ посольствахъ увеличиваетъ издержки (а именно трудность пути, и опасности), здѣсь совсѣмъ напротивъ уменьшитъ онаа.

Кого надле-
житъ назна-
чить По-
словъ въ
Москвою.

Не слѣдуетъ отнюдь назначить для сего дѣла какого нибудь старца изъ почетной свитою, но людей молодыхъ, способныхъ къ перенесенію тяжести пути и суровости Московскаго климата и овѣдущихъ въ законѣ Божіемъ, дабы они могли каждому объяснить веру, надежду и любовь Христіанскую и показать, что противно нашему закону и что съ онымъ согласно; а также умѣли постычь, въ чемъ именно надлежитъ, по словамъ Апостольскимъ, снисходить людямъ, не утвердившимся еще въ законѣ, и не принуждали ихъ къ вѣрованію умеренными преніямъ, ибо таковыми мѣрами весьма легко содратить съ пути истиннаго тѣхъ, которые еще не совсѣмъ или очень мало отделились отъ онаго. Однимъ словомъ нужно избрать для сего такихъ людей, которые, забывая собственныя выгоды, имѣли бы въ виду одну славу Іисуса Христа, и не только не презирали обычаевъ народа, съ которыми придется имъ жить, но по возможности старались примиряться съ онымъ. При семъ

избраніи надлежитъ обратитьъ особенное вниманіе на важность посольства, равно какъ и на достоинство Апостольскаго престола и позаботиться болѣе объ условіяхъ опредѣленныхъ, чѣмъ о пустомъ, торжественномъ обрядѣ, для коего обыкновенно отправляются послы. Если бы даже, по какому либо случаю, посольство это и было лишено той пышности, каковой требуетъ достоинство Римскаго двора, богатство Князя Московскаго и самая важность переговоровъ, то сему достаточнымъ извиненіемъ могутъ послужить трудность и опасность продолжительнаго пути.

Отнюдь также не слѣдуетъ давать этого порученія Готеу, Ливонцу или Поляку; ибо Московитяне, по закоренной неязвисти своей къ этимъ народамъ, съ которыми ведутъ безпрерывныя войны, легко могутъ подумать, что тутъ кроются какія либо личныя виды. Лучшее всего, по мнѣнію моему, послать для сего не болѣе 4-хъ или 5-ти человекъ. Путешествуя въ сообществѣ купцевъ, они скорѣе, легче и съ меньшими издержками могутъ прибыть въ Ливонию и, что всего важнѣе при настоящихъ обстоятельствахъ, совершить путь свой; не будучи нигдѣ узнаваемы; ибо если слухъ объ этомъ посольствѣ распространится въ свѣтъ, враги наши потщатся всами средствами предупредить насъ. Вотъ причина, по

которой все это дѣло должно производиться втайнѣ и чрезъ посредство весьма немногихъ лицъ.

ГЛАВА IX.

О томъ, по какой причинѣ не должно прибѣгать къ посредничеству Короля Польскаго для приведенія Московитянъ къ единству Римской церкви.

Независть
Польска-
го Короля
противъ Мо-
сковскаго
Государя.

Мнѣ кажется, что, не смотря на Христіанскія чувствованія Короля Польскаго, въ этомъ именно дѣлѣ отнюдь не должно полагаться ни на него, ни на его подданныхъ; ибо привыкши видѣть въ Московскомъ Князѣ опаснаго для себя сосѣда и помня, что Василій и предмѣстникъ его Іоаннъ отняли отъ Польши четыре значительныя области, онъ весьма естественно долженъ страшиться, дабы врагъ его, умноживъ силы свои чрезъ союзъ съ нами, тѣмъ самымъ не лишилъ его большихъ выгодъ въ войнахъ, которыя эти Государя безпрерывно ведутъ между собою за границы своихъ владѣній. Вотъ причины, по которымъ Поляки всегда старались

различными хитростями разстроить этот союз. Ратуя противъ народа еретическаго, они увѣрены были въ помощи другихъ Государей и въ нашемъ пособіи, которое мы не разъ оказывали имъ обнаруженіемъ разныхъ индальгенцій и денежными ссудами изъ общей казны Христіанской, — и потому нынѣ заключаютъ, что если Московскій Государь сотреть съ себя пятно ереси, Польша лишится всѣхъ этихъ пособій, между тѣмъ какъ врагъ ея, и безъ того уже сильный, приобрететъ еще болѣе вѣса и могущества. Перемиріе на пять лѣтъ, заключенное Василиемъ съ Королемъ Польскимъ и возвращеніе перваго изъ сихъ Государей въ лоно церкви Христовой нисколько не могутъ успокоить Поляковъ на будущее время; ибо нѣтъ такихъ Христіанскихъ Государей, которые, по какимъ бы то ни было причинамъ, не вели частыхъ войнъ съ своими сосѣдями.

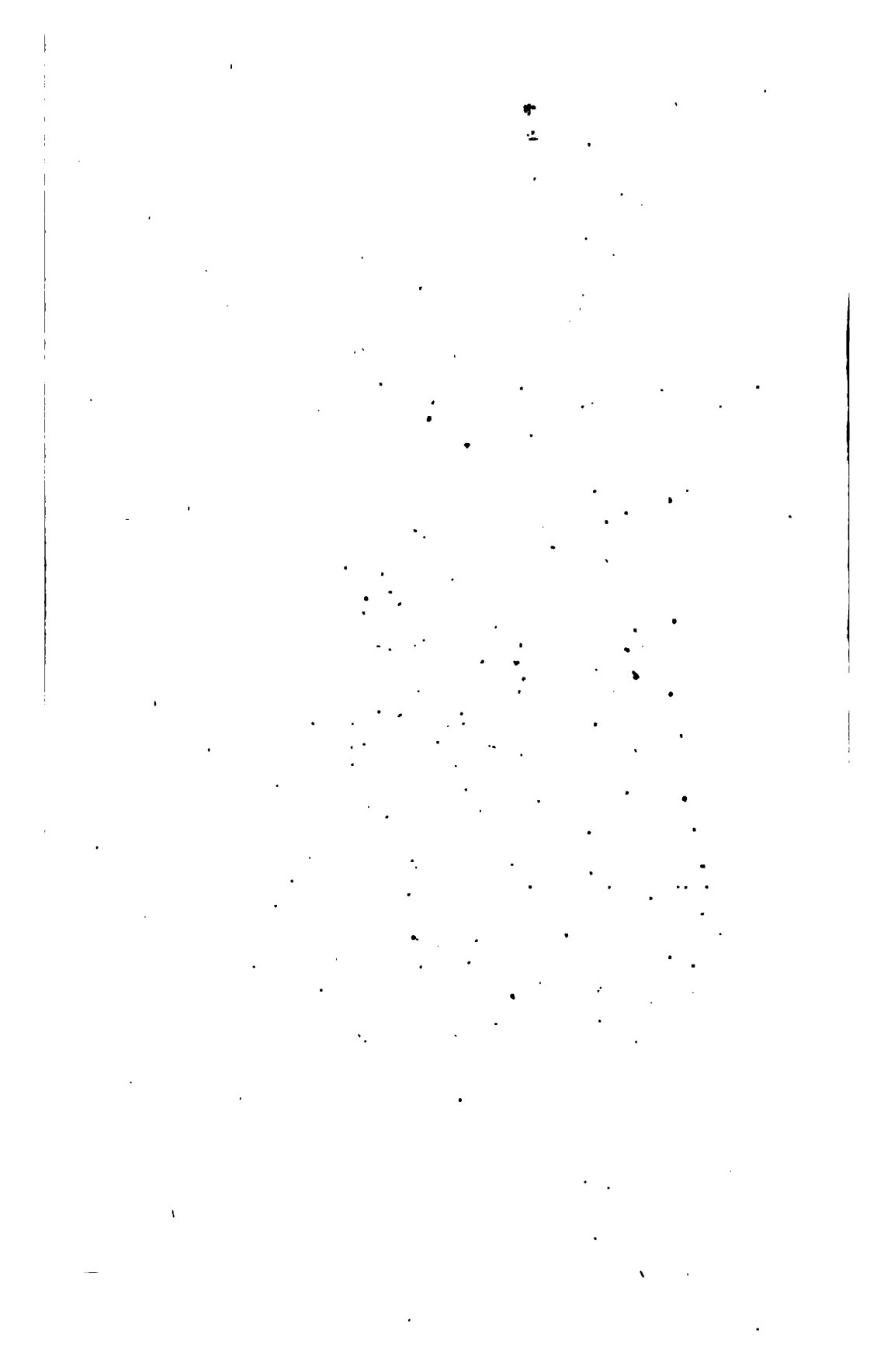
Впрочемъ отвращеніе Короля Польскаго отъ принятія нами Московскаго Князя въ число Христіанскихъ Государей ясно уже доказывается тѣмъ, что объ изъясненномъ выше сего, святомъ и полезномъ для насъ, предложеніи Василія онъ ни разу не упомянулъ въ письмахъ своихъ къ предмѣстнику Вашего Святѣйшества Папѣ Адріану VI, между тѣмъ

Отвращеніе
Польскаго
Короля отъ
соединенія
церквей.

какъ ничѣмъ не могъ такъ увѣзжать и обрадовать пастыря благочестивѣйшаго, какъ пріятнымъ извѣстіемъ объ истинно Христіанскомъ расположеніи къ намъ людей, которыхъ мы почитали еретиками и врагами опаснѣйшими и о желаніи ихъ защищать насъ и помогать намъ въ дѣлахъ нашихъ. Этимъ обстоятельствомъ достаточно объясняются всѣ прежнія дѣйствія Польши, постоянно препятствовавшей соединенію церквей. Она не разъ уже удерживала Пословъ, отправившихся на сей конецъ въ Московію отъ Апостольскаго престола, устрашая ихъ мнимыми опасностями и затрудненіями въ исполненіи данныхъ имъ порученій и тѣмъ самымъ убѣждая возвратиться назадъ безъ всякаго успѣха. По сей то причинѣ Преосвященный Іеронимъ Бамбю, Епископъ Гургскій (онъ былъ прежде Слѣбникомъ Императора Максимиліана, а нынѣ находится при Римскомъ дворѣ въ званіи посланника Фердинанда, Эрцгерцога Австрійскаго) бывшій свидѣтелемъ того, какъ Василій домогался у Максимиліана титула Королевскаго и свидѣвшій многое о хитростяхъ Поляковъ, неоднократно убѣждалъ Папу Адріана VI, предѣстника Вапнго Святѣйшества, дабы онъ въ дѣлѣ соединенія церквей избѣгалъ участія Короля Польскаго или лицъ, ему преданныхъ.

Я бы могъ привести еще много другихъ обстоятельствъ, подающихъ надежду на успешное окончаніе этого важнаго предпріятія; но не желая продлить письма моего, предоставляю себѣ честь объяснить ихъ тѣмъ, кому Ваше Святѣйшество поручите это дѣло.

LETTERA D'ALBERTO CAMPENSE

INTERNO LE COSE DI MOSCOVIA.

AL BEATISSIMO PADRE CLEMENTE VII.
PONTEFICE MASSIMO.

ESSORDIO.

Se quel Pastor evangelico, o Pontefice veramente massimo, del quale voi sete Vicario in terra cercò la smarrita pecorella delle cento con tanta diligenza, et trovatala con tanta allegrezza, anzi con grandissima festa di tutto'l cielo riportò alla sua greggia sopra le proprie spalle, chi non sa quanta cura et sollecitudine debbo avere il sommo pastor della Chiesa, quando non una delle cento, ma molte centinaia d'anime, ch'erano smarrite, desiderano di ridursi alla greggia di Cristo? Onde non posso à bastanza meravigliarmi di quel che si pensarono i predecessori della Santità vostra, i quali quella popolosissima nazione de Moscoviti in pochissime cose da noi differente, et che tutta è dannata per esser ella separata dall' unione della Chiesa, hanno insino al dì d'hoggi spregiata più tosto, che per via alcuna cercato di ridurla alla unità della Chiesa: massimamente potendosi, come apresso si dimostrerà con poca fatica ridurne. Fu mosso da questo pensiero il religiosissimo padre Adriano VI. antecessore della Santità vostra: il quale quasi con gli sproni à fianchi in tutt'i modi a me possibili io sollecitai, mettendogli innanzi tutte le cose, le quali mi parevano, che dessero non picciola speranza di potersi tal cosa mandare ad effetto: ma per la subita sua morte, come molte altre cose, le quali egli apparecchiava di fare, cpsi questa impresa tanto pia, tanto necessaria, et così gloriosa lasciò alla vostra Beat.

II. I. A. Kamnense.

A *

titudine: la quale tra le molte, et difficilissime cose, che hora d'ogni canto la premono, debbe riputar che la sia per divina volontà data. offerta, et per questo meritamente pigliarla come, un certo refrigerio, nel quale ella possa respirare, et anche come occasione di eseguir con poca fatica una bellissima et illustrissima impresa, et di acquistarsi un gloriosissimo nome. Percioche qual memoria potrà mai essere piu gloriosa: qual piu durabile: qual piu grata a tutt'i secoli futuri, che l'essere al tempo di Clemente VII. Pontefice massimo, anzi per la sua vigilanza et pastoral sollecitudine tutt'i Moscoviti ritornati all'unione Ecclesiastica: gli ultimi popoli della Scithia quasi da un' altro mondo venuti all'ubbidienza della Chiesa Romana: intanto i Lutherani scoppino di dolore, et confondansi come pazzi infuriati correndo contra l'honore, et autorità della detta Chiesa. ma se noi guardiamo all'utilità, quanta per questa cosa ce ne sia messa innanzi, chi non la vede piu chiara che'l Sole? et se dritamente vorremo considerare, noi vi troveremo utilità piu certa, et gloria piu vera, et piu christiana, che se noi con l'armi vincesimo tutt'i Turchi, tutta l'Asia, et tutta l'Africa: percioche tal vittoria bisognarebbe che fusse con gran prezzo comprata, cioè col sangue di molti christiani, et acquistata necessariamente con grave danno et morte di molti. et benchè felicissimamente ci succedessero tutte le cose, et anchora che noi vincessimo, piu anime forse si perderebbono, che non se n'acquistariano alla fede di Christo, imperò che i Turchi, benchè fussero vinti et soggiogati, con tutto ciò rimarrebbono nella lor infedeltà. et di molte centinaia di migliaia appena ci saria speranza, che uno, o due si convertissero a Christo. ma per questa unione de Moscoviti molte centinaia di migliaia d'anime senza ferro, et senza sangue con poca spesa, et senza molta fatica alla greggia di Christo si ridurrebbono, lascio molte cose, che sono di grandissima importanza in darci aiuto contra la rabbia Turchesca, delle quali piu opportunamente parleremo di sotto. Mi pareva adunque di dover far cosa utile et grata alla Santità vostra, se ragionando prima del dominio de Moscoviti, quasi da tutti i Cosmographi, et Historiographi nostri non conosciuto della grandezza dell' Imperio loro, et verso che termini del mondo sia posto, et dei costumi di quella gente, io brevemente scrivessi alcune cose,

le quai già per curiosità di haver cognitione del mondo, intesi d'alcuni mercatanti de nostri, anzi da mio padre et fratelli, i quali appresso i Moscoviti gran tempo hanno vivuto, et son pratici della lor lingua, della loro scrittura, dei lor costumi, et paesi: et esaminandole con la regola della cosmographia le riducessi insieme: et oltra di ciò io toccassi brevemente quelle ragioni, per le quali apparisse speranza non vana di poter far questa oasi gran cosa facilissimamente, aggiugnendo alcune cosette, le quali non mi son parse inutili circa il modo di mandarle ad esecuzione. La qual mia operetta la Santità vostra stimerà con quell'animo, col quale colui, di cui ella esercita in terra il potente Vicariato, stimò quei due danari della povera donna, che si legge nell'evangelio. et molto spero, che col mezzo della Santità vostra Christo ridurrà molti popoli al suo gregge: ma accioche il proemio non sia piu longo della historia, hora cominceremo la cosa.

CAPITOLO I.

Del sito della Moscovia, della grandezza del suo Imperio, di Tamerlano Imperator de Tartari, et delle nationi che sono intorno alla Moscovia.

Il paese de Moscoviti fra greco, levante, et tramontana per grande spatio scostandosi da noi, è molto lungo et largo: si stende da ponente a levante piu di seicento miglia Tedesche: overo tremila Italiane: percioche camminando da Novogardia verso levante alla città di Moscovia si fanno cinquecento miglia Italiane, overo cento Tedesche, di maniera, che da Laponi, che sono sopra Novogardia infino alla medesima Moscovia è molto maggior distanza, della qual Moscovia insino a Volochda si numerano altre cento miglia Italiane. da Volochda a Uscuga similmente sono cento miglia Italiane. da Uscuga a Viathcha altrettanto. da Viathcha a*) Perurani son trenta miglia Tedesche. da costoro ai **)

*) Penorani.

**) Ussarani.

Vahulzrani è altrettanto. Sono vicini a costoro molte nationi de li Scithi verso greco levante nella Sarmatia Asiatica, le quali rendono ubbidienza ai Moscoviti. Da ostro, andando verso tramontana, non è men largo: perciocche cominciando dai Rossi, et dai Lituani si stende per lungo spatio insino all' Oceano Scithico et Settentrionale. E serrato verso ponente dalla Livonia, dal mar Baltico, et da Laponi: verso levante non è dentro dei termini della nostra Europa, ma per grande spatio di là dal Tanai, il quale è termino comune dell' Asia, et dell' Europa, anzi di là dal Rha grandissimo fiume della Sarmatia Asiatica insino a gli Scithi hyperborei nel fin dell' Asia, che è fra greco, et greco levante, et tra questi popoli gli Iubri, li Corelli, li *) Perusrani, li **) Vahulzrani, li Baschirdi, et i Czeremissi. Non sono molti anni, che da Ivan Duca de Moscoviti predecessore del presente nominato Basilio furono sottoposti all' Imperio de Moscoviti. Partendosi dalli sopradetti, et venendo a basso verso'l levante equinottiale, et molto di là dal fiume Rha nell' Asiatica Sarmatia appresso a Susdali popoli Moscovitici ha per confinanti gli Nogai, ovvero li Tartari ***) Occidentali, che sono piu Settentrionali di tutti gli altri Tartari. Scendendo poi piu basso a scirocco levante, verso il medesimo fiume Rha, comanda a una Horda de Tartari nel Ducato di Casan lontano dalla città di Moscovia ventisette giornate; la quale al presente dal luogo si chiama la Horda Casanea. Dopo questi così dal mezzo di fra il fiume Rha, et li Tanai, come verso scirocco levante tutti gli altri Tartari habitano campagne grandissime, che arrivano insino al mar maggiore, et al mar Caspio, et già trecento anni non erano conosciuti dai nostri passati, imperocche circa il mille ducento et dieci vennero di sotto i monti dell' India Settentrionale, et occuparon il paese, che è di sopra della †) palude Meotide, et del Tanai, havendo scacciati li primi habitatori dei Gethi, ovvero Gothi, et quasi annullatigli. i quali benché al presente siano divisi in cinque Horde, ovvero in cinque mol-

*) Pezorani.

**) Ussarani.

***) Orgasii.

†) Il mar delle Zabacche.

titudini, a guisa di cinque imperii, nondimeno la principale, et quella che ha prodotte tutte l'altre, et mandate fuori come colonie, è la Horda dei Zagathai, overo Savolensi: l'Imperador del quali nominato Themircuthlu, nelle nostre historie è chiamato Tamerlano; di ricordo anchora de nostri tempi, a guisa d'un felgo-re con dodici centinaia di migliaia d'huomini (come dicono le nostre historie) saccheggiando, et rovinando trascorse tutta l'Asia; et passò in Egitto, et isforzò Bajazete quarto Imperadore de Turchi, il quale havea già presa la Macedonia, la Thessaglia, la Phocide, la Beotia, et l'Attica, et d'un canto gl'Illirici, et dall'altro i Bulgari con continove correrie havea debilitati, et con sì grave, et lungo assedio travagliato Constantinopoli capo dell' Imperio de Christiani, che l'Imperador di Constantinopoli fu costretto, lasciando la sua città, a fuggire in Francia, et in Italia a dimandare aiuto. questo Tamerlano dico al suo venire sforzò Bajazete a lasciar l'assedio di Constantinopoli: et essendogliasi esso fatto in contra con un'esercito grandissimo, lo ruppe, lo vinse, lo pigliò vivo, et legò con catene d'oro, et per alquanto tempo lo menò legato dovunque andava. Il padre di questo Tamerlano fu colui, che li nostri historici chiamano Bathi, essi nella lor lingua lo chiamano Zanca: il quale al tempo d'Innocentio quarto entrando nella nostra Europa sopra la palude Meotide con un' esercito innumere-bile, primamente prese la Russia, et in quella distresse una città ricchissima nominata Chiovia, dappoi li Poloni, gli Sletii, et i Moravi, et appresso ruppe li Ungheri, gli vinse, et con una grandissima strage gli rovinò, et messe una grandissima paura a tutta la Christianità. Insino al dì d'hoggi tutti li Tartari son' idolatri, et costui fu'l primo, che persuaso da Saracini diventò Macomettano, et nella legge Macomettana insino al presente tutti li Tartari durano pertinacissimamente, i quai tutti hoggidi forse gli haressimo Christiani, se Christo avesse così fedeli sacerdoti, et Vescovi, come ha il perfido Macometto. Dalla stirpe anche non ignobile di questi Tartari vien lo Imperio de Turchi, il quale da Ottomano soldato non molto nobile tra i Tattari, partendosi da suoi, essendo con gran felicità fondato, et poi accresciuto da successori, è pervenuto in ducento anni a tal grandezza, che a tutto il mondo mette spavento. Ma de Tartari habbiamo detto qui pur assai

coe, et a dirle mi ha tirato la vicinà de Moscoviti: a quali sono vicini i Tartari parte verso levante, et scirocco levante, et parte verso Ostro. Partendoci da Tartari, et andando verso ponente al mar Prutenico primamente i Rossi, dapoi i Lituani, et i Samogeti serrano il dominio de Moscoviti, et il restante dal lato di mezzo di i Tartari, et insino al detto mar Prutenico contiene circa mille miglia Italiane. percioche da Chiovia, che già fu città principale de Rossi, infino a Vilna città principale de Lituani si fanno cinquecento miglia Italiane, da Vilna infino a liti vicini del mar Prutenico circa trecento cinquanta, quel che manca a questo computo, et alle mille miglia, avanza abbondantemente sopra Chiovia verso levante. Così li Rossi, come i Lituani, et i Samogeti rendono ubbidienza al Re di Polonia insino dal tempo di Jagellone, che fu primo gran Duca di Lituani: il quale essendosi battezzato, et fatto Re di Polonia, et mutatosi il nome, nominandosi Vladislao, convertì alla fede di Christo i suoi Lituani, et i Samogeti, di ricordo ancho della età de' nostri passati, cioè avanti quasi cento trentasette anni. Benche et quel Ivvan, overo Giovanni principe de Moscoviti, del quale habbiamo fatto mentione di sopra, et Basilio, che regna al presente, tanto sotto questo Re di Polonia detto Gismondo, quanto sotto gli altri suoi predecessori, Alessandro, et Casimiro, la miglior parte del dominio Lituano, cioè quella ch'è fra il fiume *) Boristhene, la palude Meotide, et il Tanai, che già propriamente s'apparteneva allo stato de Rossi, nella quale è Chiovia principal città già ricchissima et magnificentissima, posta appresso'l fiume Boristhene, et dapoi anche la rabbia et crudeltà de Tartari, l'habbiano guasta et distrutta del tutto. et avenga che i Re di Polonia anchora la posseggano, nondimeno per la vicinà de sopradetti, et per le continue correrie è desolata, et quasi del tutto abbandonata, percioche quella Russia, ch'hora è sotto'l dominio del Re di Polonia, è la metropoli, et la città Leopolina, et tutta la parte di Polonia verso levante, che cominciando sotto i monti della Sarmatia li stende tra greco levante, et tramontana, con grandissima pertinacia seguitano nelle coe sacre il costume Greco, et lo schisma de Patriarchi Costan-

*) Dnioper over Neper.

timopolitani, et a loro rendono onore, et ubbidienza. Per la qual cosa errano molto coloro, che stimano, et chiamano i Moscoviti Russi, ovvero Rutheni, benché osservino i medesimi riti, et usino quasi la medesima lingua: ma sia detto a bastanza delle nazioni, che confinano d'ogni lato con la Moscovia: hora andiamene avvicinando a quelle, che sono sotto'l dominio de Moscoviti.

CAPITOLO II.

De Principati, et Ducati che sono sotto la Moscovia.

L'imperio de Moscoviti molto lungamente et largamente si stende, et contiene in se assaiissimi et grandissimi Principati, et Ducati, de quali i piu nobili son questi: ma per proceder con qualche ordine, bisogna cominciar da quei, che son piu conosciuti da noi, cioè dai piu vicini ai Poloni, et ai Litvani. Dopo la Lituania andando verso tramontana il primo è il Ducato di Plescovia, che in lunghezza si stende circa trecento trenta miglia Italiane, et è quasi la terza parte piu lungo che largo: la cui metropoli è Plescou, ovvero Plescovia, città grande et potente posta sopra'l fiume Zriva: la quale Basilio, che al presente è signore, pochi anni a dietro prese con tutto il dominio, che le è d'intorno, con piu di trenta castella delle piu fornite et piu forti, ch'egli habbia nella Lituania, et quasi in tutto'l resto della Moscovia, et la ridusse sotto'l suo dominio, et condusse li Plescoviti antichissimi habitatori di quella terra in Moscovia, et vi mandò nuovi habitatori de suoi Moscoviti. ella era già del dominio della Lituania, et della Polonia, et è posta sopra la Livonia, ch'è verso levante: et verso levante appresso la Plescovia è posto il Ducato Smolenchina, alquanto maggior di quel di Plescovia. la principal città del quale detta Smolenscho posta sopra'l fiume Boristene, il sopradetto Basilio a questi anni la tolse al Re di Polonia, et a Litvani, et l'aggiunse all'imperio della Moscovia. Al Ducato di Smolenscho verso tramontana, et greco levante è vicino il Ducato di Mosaisco, il quale è di lunghezza intorno a trecento cinquanta miglia Italiane, et altrettanto è di larghezza: il qual

Ducato Giovanni antecessor di questo Basilio tolse per forza d'arme ad Alessandro predecessor di questo Gismondo Re di Polonia. Al Ducato di Mosaisco verso Ponente maestro, è il Ducato di Novogardia: nel quale è quella nobilissima et richissima città quasi sopra tutte quante ne sono nelle parti Settentrionali, nominata Novogrod, ovvero Novogardia, lontana dal mar Baltico circa duecento et due miglia, di grandezza maggior di Roma: ma gli edifici per la maggior parte sono di legname. vi sono tanti monasterii di religiosi magnificamente fabricati et dotati, tante chiese di Santi con bellissimo et magnifico ornamento edificate, che di San Nicolò aplo, il quale appresso quelle gente è in somma venerazione, si dice esservi tante chiese, quanti giorni ha l'anno. Questa nobilissima città con tutto il suo dominio, oh'era sotto i Lituani fu presa per forza dal sopradetto Duca Giovanni al tempo di Casimiro, innanzi questo Gismondo terzo Principe di Lituani, et l'aggiunse al suo Imperio l'anno della nostra salute*) 1479 et portasse via grandissimi thesori, di sorte che coloro i quali a quel tempo erano in quei paesi dicono per cosa vera essere stati portati di Novogardia a Moscovia piu di**) 307 carri carichi d'oro et d'argento, et d'altre cose pretiosissime. Con questi quattro grandissimi principati quaranta anni fa, è stato accresciuto l'Imperio de Moscoviti.

CAPITOLO III.

Li Principati proprii di Moscovia.

Ma lo stato, ch'è proprio della Moscovia, nel quale il Duca fa scelta di quanti soldati gli piace, et dove anchora senza scelta son molti cavalieri scritti al mestier della guerra, sempre apparecchiati al comandamento del Principe, i quali son nobili secondo il costume di quella gente, et da loro sono chiamati Boiari, è anche partito in assaiissimi et grandissimi Principati, essendo di

*) 1477. Sigismond. Lib.

**) 300. Sigismond. Lib.

lunghezza, come ho detto a dietro, più di seicento miglia Tedesche. Il primo fra questi è Moscovia Ducato posto verso greco levante, et è del dominio di Novogrod: del cui Ducato, et anche di tutto l'imperio de Moscoviti è Metropoli Moscovia città grande, ma gli edifici sono fatti di legname, eccetto il castello, il quale è nel mezo di quella a guisa di una terra non picciola, fornito di fortissime mura et di torri. In questo Ducato sono trenta mila Bojari, ovvero nobili, che esercitano il mestier della guerra a cavallo, apparecchiati in ogni occasione al comandamento del Principe: il quale ogni volta che vuol far la scelta de soldati, senza difficoltà alcuna cava sessanta, o settanta mila fanti a piè armati et valorosi. Al Ducato di Moscovia verso levante è vicino il Ducato di Rezan, nel qual sono i nobilissimi fonti del fiume Tanai, che in quella parte divide l'Asia dall' Europa. Questo Ducato ha quindici mila Bojari, ma facendosi la scelta de soldati, senza alcuna difficoltà fa più di due, o tre volte tanto numero di valorosi fanti a piè. Oltre di questo verso tramontana, et greco levante è posto presso al Ducato di Moscovia il Principato di Tuverda per grandezza di stato molto maggiore: la cui metropoli è Tuverda, posta appresso alla Volga, over Rha fiume grandissimo, è grandissima città, et molto maggior della Moscovia, et et più magnifica. Questo principato ha quaranta mila cavalieri Bojari et facendosi scelta della plebe, ha quanto numero di soldati vuole, et senza difficoltà alcuna due, o tre volte tanto. Sono molti altri Ducati et principati nel dominio della Moscovia, come il Ducato di Jaroslavia, il Ducato di *) Suzherzonja, di Szachovenia, di **) Rubenia, di Chelmaschi, di ***) Zuboruvoschi, di Climischi: ciascuno de quali è grande almeno cento miglia Italiane, o cento cinquanta, et ha un numero determinato de Cavalieri nobili, et degli altri, facendosi la scelta secondo il comandamento del Principe, un numero sufficiente per la fanteria: ma li sopradetti sono più popolosi, et li principali. Oltre li sopradetti molto di là dal fiume Rha verso levante è il Ducato di Susdali, et

*) Juriovia.

**) Strub.

***) Subaschi.

Ч. I. А. Кампензе.

alcuni altri pur di nazione, et giurisdizione Mescovitica: ma questi sono quasi distrutti per le continue correrie de') Nahavei, et d'altri Tartari, i quali essendo piu degli altri Tartari verso tramontana, habitano vicini ai Susdak verso levante. Ubidiace anche all'Imperio de Moscoviti una Horda de Tartari: la quale sotto un castel detto Cazan del dominio di Moscovia, appresso'l fiume Rha, circa ventisette giornate lontano da Moscovia verso greco levante fa la sua vita nelle campagne, et la chiamano horda Casanea: questa ha trentamila cavalli apparecchiati al comandamento del Duca di Moscovia: nondimeno ella vive secondo il costume degli altri Tartari, cioè nella perfida legge Macomettana: Da Moscovia verso greco levante passando per Uscuga et Viathca camminando circa cinquecento miglia tedesche, vi stanno li **) Pesorani, et li ***) Ussarani popoli della Scithia: li quali quel Giovanni di Moscovia predecessore di questo Basilio, ch'al presente regna, pochi anni adietro sottopose al suo dominio; et costrinseglì a battessarsi et a confessar Christo, havendo dato loro un certo Vescovo Greco, overo Vladico, che gli ammaestra: il quale dicono che quei Barbari dopo la partita del Principe scorticarono vivo, et con vari tormenti crudelissimamente uccisero. onde il Principe essendovi poi tornato castigò li capi della seditione, et dette loro un Vescovo, sotto'l governo del quale hora vivono nuovamente venuti alla fede. Dopo questi, li Iuhri, i Coreli, i Baschirdi, et li Caeremissi popoli della Scithia, c'habitano i liti dell' oceano settentrionale, vivendo sotto l'Imperio de Moscoviti, sono insin' hora idolatri.

C A P I T O L O IV.

De fiumi del paese, et della natura di quella.

Tutto'l paese della Moscovia è molto piano, et pien di boschi, irrigato in ogni parte da molti et grandissimi fiumi pieni di pes-

*) Nogai.

**) Pesorani.

***) Ussarani.

ci, et fra molti altri vi nascono tre nobili, et celebratissimi fiumi: cioè il fiume Boristhene, il quale essi nella lor lingua chiamano Dnieper. nasce egli sopra'l Ducato Smolencho sotto un nobil castello detto *) Versura: il quale il presente Duca di Moscovia nominato Basilio l'ha tolto nuovamente a Gismondo Re di Polonia. Da quel castello scorre il detto fiume verso mezo giorno, passando prima appresso la città di Smolenco, dapoi a Chiovia già principal città de Rossi: all' ultimo, poi che ha trascorso, cominciando dal suo fonte, circa trecento miglia Tedesche, poco lontano dalla penisola **) Taurica, appressò il cui stretto egli passa, non piu che dieci miglia Tedesche entra nel mar maggiore. Nasce non molto longi dal suo fonte un'altro grande et nominato fiume, il quale essi chiamano Duvina, che corre a dritto verso ponente, sì come quello va verso mezo dì; passa per mezo il ducato di Plescdvia passando sotto le mura della metropoli del detto Ducato, et finalmente sotto la città di Riga della Livonia entra nel mar Baltico. Il Tanai ha il suo fonte nel ducato di Bezan del dominio di Moscovia città principale, dalla quale è discosto sette giornate. et ascendendo di sopra dal principio del fiume Boristhene verso tramontana, circa settecento miglia Italiane, corre un pezzo verso mezo giorno, et poi verso scirocco: poscia tornando alquanto verso ponente per le fertilissime campagne de Tartari, finalmente con tre bocche entra nelle paludi Meotidi, le quali par ch'egli faccia con le sue acque: et nella lor lingua lo chiamano Dpn, che tanto è, come dir Santo: perciocchè si com' esso è abbondantissimo et pieno di pesci, così fa tutta la terra ch'egli bagna, abbondantissima et fertilissima. Ma quel gran fiume dell' Asiatica Sarmatia, il quale essi lo chiamano Vuolga, è maggior piu del terzo dei fiumi della nostra Europa, ha li fonti suoi piu verso tramontana, et verso ponente, che li fonti del Tanai. Egli nasce d'un grandissimo lago, il quale essi chiamano il lago bianco, che d'indi corre per un grande spatio verso greco levante, et passa a Tuverda città grande et principale del ducato Tuverdenio della giurisdizione di Moscovia. indi da mezo giorno piegandosi a

*) Viesma.

**) Tartaria precopense ovvero penisola di Caphà.

sciocco levante con lungo corso arriva a Casan castello del dominio di Moscovia, dal quale quasi con simil corso spargendosi per i larghissimi campi de Tartari, et dividendosi in molti rami, in spatio di venti giornate entra nel mar Caspio. Tutti questi fiumi nascono in luoghi piani, paludosi, et pieni di boschi, et non da quei favolosi monti Riphei, et hyperborei, i quali la Grecia bugiarda ne gli ha parteriti, non la natura, che non gli ha visti mai in luogo alcuno: perciocche nel dominio di Moscovia non si truova pure un monticello, se non nei liti dell' oceano settentrionale, et Scythico, nella qual parte habitano li Iuhri, li Coreli, li Baschirdi, et li Czeremissi. Per la qual cosa non posso a bastanza maravigliarmi de nostri Geographi, che sono tanto sfacciati, che sens' alcuna vergogna narrano cose incredibili dei monti Riphei et hyperborei, dai quali vogliono che naschino i sopradetti fiumi, ne anche troveremo esser piu vero quasi tutto quello, che i piu riputati di loro hanno detto dell' una et dell' altra Sarmatia, et di tutta quella region settentrionale, se le loro descriptioni fussero poste in comparatione co viaggi, che hanno fatto gli huomini de nostri tempi, la qual cosa io mi sono sforzato di fare.

CAPITOLO V.

Della selva Hercinia, degli arbori ch'ella produce, della gran copia del mele, et della natura di quegli huomini.

La selva Hercinia sparsa per tutti quei paesi in assaissimi luoghi fa boschi spessissimi, et per tutto dà del legname abundantissimamente per uso dell' huomo, et gran commodità a gli habitatori, appresso di loro molto piu grande, et piu selvaggia, ch'apresso di noi. ella è abbondante di pini d'incredibile altezza: de'quali uno saria a bastanza per far l'arboro a una delle grandissime nostre navi da carico. produce querce, et roveri molto piu belli di tutti li nostri, et piu atti a far ogni lavoro di legname: i quali segati et pianati rappresentano una certa vaga gratia

et varietà di colore a guisa del nostro ciambellotto. di questi fra l'altre mercantie li nostri mercanti ne portano gran copia: i quali appresso di noi si comprano cari, anchora c'habbiamo grande abbondanza dei nostri legnami. Ivi si raccoglie gran copia di mele, facendone l'api per tutto negli arbori senz'alcuno studio humano. Ivi si veggono grandissimi sciami d'api volar per li boschi, et combattere insieme, et scacciarsi l'un l'altro dai lor luoghi, di modo che i villani, i quali appresso le lor ville serbano l'api proprie, et come hereditarie, difficilmente le difendono dalle forestiere. Onde quasi tutto quello che di cera, et dell' una et dell' altra pece, cioè dura et liquida, et di ragia di pino si consuma in tutta la nostra Europa, et anche tutte le pelli pretiose sono di lì per la via della Livonia portate dalli nostri mercanti. Appresso le rive del Don, et della Volga cioè del Rha, et del Tanai nasce il Respontico, et il calamo aromatico in grandissima quantità. Tutto questo paese, benché sia grande, et oltra modo pieno d'habitatori, nondimeno è dalle guardie di maniera serrato d'ogni banda, che non solamente niuno de servitori, o de schiavi, ma ne anche alcuno de paesani, et che sia libero, può uscire, o entrare senza lettera del Principe, dandogli questa commodità la moltitudine de boschi, et delle selve, et le molte paludi, le quali fanno, che non vi si può entrare, se non per certe strade comuni, ma l'entrate d'esse sono diligentissimamente custodite dalle guardie del Principe: per le quali coloro, che si schifano di passare, o vanno per qualche altra strada, s'incontrano spesse volte in paludi inestricabili. E paese molto ricco di danari, et questo più per l'industria de Principi, che per le proprie miniere, benché anchor di quelle non ne manchino. conclosia che per le mercantie, le quali a loro niente costano, et appresso gli altri son tenute in gran pregio, assaiissimi danari son portati loro alla giornata quasi da tutta la nostra Europa: nondimeno non è lecto ad alcuno cavar fuori del paese moneta d'oro, ne d'argento, ma ne anche il Principe ne manda punto fuori per occasione delle guerre ch'egli fa di continuo, come quello che mette spavento a tutti li vicini d'intorno intorno, movendo guerra per allargare i confini del suo imperio: et quel ch'è maggior cosa, mai non si serve de soldati forestieri, ma de propri et sudditi solamente: a

quali tutti como a servi comanda, et ha libera podestà della vita, et della morte, et della robba loro: et niuno ha ardimento in alcuna cosa d'aprir la bocca contra il comandamento del Principe: et anche gli va mutando, secondo che gli pare, d'un luogo in un' altro, conducendovi poi nuovi habitatori, overo metandoli l'un l'altri come a lui piace. Gli huomini sono grandi, et gagliardi nelle fatiche, et avessi a sopportare ogni molestia et gravessa dell' aria: et a quelli che sono piu inchinati all' inbriacarsi, il Principe sotto gravissima pene vieta la cervosa, et l'acqua melata, et ogn' altra bevanda, che possa imbriacare, e non in certe principal solennità dell' anno: et in questa cosa, benchè a loro sia molto difficile, et in ogni altra ubidiscono patientemente.

CAPITOLO VI.

De costumi et religione de Moscoviti.

Tutti questi popoli quasi innumerabili soggetti all' imperio Moscovitico, fuor che li Tartari di Casan, i quali con gli altri Tartari seguitano il lor Macometto, et alcuni popoli della Scithia, che son idolatri, credono un Dio, adorano un sol Christo, et par che non manchi loro cosa alcuna, se non che vivono fuori della unione ecclesiastica: imperoche fuor che in poche cose, nelle quali discordano da noi, et quelle di poca importanza alla salute, et tali, che secondo il comandamento dell' apostolo, a coloro che non sono anchora ben fermi nella fede, sarebbono d'esser compertate, non sono d'essera astretti con dispute, ma permettere, ch'abondino nel lor senso, nell' altre cose par che vivino meglio di noi secondo l'evangelio di Christo. Et veramente appresso di loro è grande et abominevole sceleratezza l'ingannarsi l'un l'altro, il commetter gli adulterii, et gli stupri, et le pubbliche meretricie di raro si veggono fra loro: li vitii contra natura sono a essi del tutto incogniti: gli spergiuri, et le bestemmie non si odono appresso di loro: ma portano a Iddio, et ai Santi si grande be-

more et riverenza, che dovunque trovano la immagine del Crocifisso riverentemente si distendono in terra. si comunicano spesso et quasi ogni volta, che si ragunano in chiesa, lo fanno secondo l'usanza loro, cioè col pane levato, et sotto l'una et l'altra specie. Appresso loro non è moltitudine di messe, o spesso uso di quelle, ma un sacerdote, che ha il carico di celebrare, dopo l'haver egli presa la comunione, porta intorno a tutto'l popolo, che è nella chiesa, un vaso secondo il lor costume, pieno di pane, et di vino consacrato. del quale ciascuno piglia una fetta di pane bagnato nel vino, et si comunica con le proprie mani. Nelle lor chiese non si vede alcuna dishonestà, ne indegna: ma tutti distesi con la faccia verso la terra, ovvero inginocchiati adorano divotamente, di maniera che spesse volte ho udito mio padre, et molti altri huomini da bene, i quali hanno habitato con loro alquanti giorni, che stimano loro assai piu giusti di noi, se fusse tolto lo scandolo dello scisma, il quale con poca fatica si saria potuto levar via dai vostri predecessori, et che molto piu facilmente possa far dalla Santità vostra, hora comincio a dimostrarlo.

CAPITOLO VII.

Il modo, col quale facilmente si possano ridurre i Moscoviti all' union della Chiesa Romana.

Se questa cosa fusse da esser trattata con la moltitudine de popoli, senza dubbio ella saria per haver maggior fatica, et difficoltà, percioche non saria così facil cosa il persuader loro, che lasciassero, o mutassero le religiose usanze dei lor antichi padri: nondimeno ancora che così fusse, non saria da esser sprezzata da un vigilante pastore, anzi con maggiore studio et diligenza bisognaria affaticarsi, che tante milioni d'anime, che si poco son lontane dalla via della salute, si riducessero al gregge di Christo: ma essendo hora tutta la cosa posta nel Principe solo, et tale, che di sua volontà spessissime volte ha mostrato desiderar quest'unione, quale senza haveranno i nostri pastori, se disprezzando la salute

di tanti non solamente non sollecitano, o ricerchino quel principe ma venendo esso a noi spontaneamente con infinito numero di popoli, di libera sua volontà chiedendo d'esser ricevuto insieme con noi nella unione del gregge ecclesiastico, non lo ricevano, anzi lo rifiutano et lo scaccino per colpa et avaritia loro: Mi vergogno et mi rincresce dire, et non lo dico senza dolore, quel che avvenne altre volte: ma la cosa si è nota, che non si può celare, et si grave, che non può essere scusata, ne dissimulata. gli avversarii nostri la sanno, et ogni giorno con nostra vergogna con parole superbe gridano contra noi, et contra i difensori di questa sedia. Già circa 50 o 55 anni, quando mio padre era in quei paesi, il che spesso, et con dolore gli udi raccontare, colui che allhora era Principe de Moscoviti, non so se fusse il sopradetto Giovanni, ovvero il suo predecessore, havèva mandato li suoi ambasciadori da quell' ultima parte del mondo a questa sedia apostolica per ottenere quest'unione, ma colui, che allhora sedeva sopra la cathedra di San Pietro, cercando piu tosto le cose proprie, che quelle di Giesu Christo, domandava loro un grandissimo tributo ogni anno per segno, et ricognitione, come diceva, d'ubbidienza, et non so che per le decime et annate. Gli ambasciadori essendosene ritornati a dietro, con non poco scandalo de vicini popoli christiani, persuasero al lor.principe, che insieme co suoi dovesse perseverare nello scisma, mostrando la lor fede esser migliore di questa nostra Romana, tra questo mezo tempo io non so se sia avvenuto alcuna cosa simile, avenga che li nostri avversarii gridino esser accaduto il medesimo non molti anni sotto. Hor con quanto poea facilità anco a questo tempo possano esser richiamati al gregge di Christo (il che s'appartiene assai più alla Santità Vostra) et quanto anco a questo tempo facilmente possono esser ridotti, da questo si vede esser chiaramente manifesto, che il presente principe di Moscovia Basilio non pur non abborrisce quest' unione, ma si è veduto, che spontaneamente esso l'ha con ogni diligenza ricercata. perche quando per il mondo si sparse la fama del concilio Laterano fatto publicar per tutto della felice memoria di Papa Julio II. costui col mezo di Giovanni Re di Dacia, col quale haveva strettissima amicitia, domandava, che s'ottenesse da Papa Julio, che mediante gli ambasciadori, ch'essohaveria mandati, gli fusse lecito esser co-

me presento al detto Concilio. La qual cosa *) Enea Arcivescovo Modrosiense huomo di somma bontà, allhora cancelliere di quel Re, et che'l verno passato morì nel palazzo apostolico, confermò a Adriano VI. predecessore di V. Santità, et anche a me, et a molti altri, che hora si ritrovano in Roma. ma la morte di Julio, che seguì poco dopo, et anco la morte di Giovanni Re di Dacia, le quali avvennero quasi in un medesimo tempo, impedirono, che le dette cose non fussero mandate ad effetto. Similmente al tempo della felice memoria di Leone X. pontefice massimo, questo istesso Basilio con grandissima instantia ricercava havere il titolo di Re da Massimiliano Imperadore, per la quale occasione anche allhora saria venuto a unirsi con la chiesa Romana, se per astutia et opera del Re di Polonia la cosa non fusse stata disturbata. Il che al predecessore di V. Santità, et a me, et a molti altri fu confermato dal Rever. Mons. Girolamo Balbo Vescovo Gurgense, che novamente in nome dell' Ill. Ferdinando Archiduca d'Austria, è venuto a questa Sedia apostolica ambasciadore, il quale a queste cose si ritrovò presente. Ma che bisogna più lontano andar cercando ragioni di questa cosa? perciocche quest'anno istesso il medesimo Basilio quanto sia affettionato alle cose nostre, et quanto desideri di unirsi con esso noi, evidentemente l'ha dimostrato primamente facendo tregua per 5 anni col Re di Polonia antico suo nimico, mentre per la discordia de nostri principi le cose Christiane pareva che andassero a pericolo di cadere in man de Turchi: che in vero se egli havesse voluto usar tal occasione contra di noi, ci poteva mettere in gran rovina, et dappoi mandando al medesimo un'ambascieria con 600 cavalli, et 200 carrette: per la qual non dimandava altro, se non mediante esso come principe vicino, et da lui conosciuto, persuadere a tutti gli altri Principi Christiani, che nel suo istesso esempio acquietati fra loro gli odii particolari, et le discordie, finalmente pensassero alla publica salute della Rep. Christiana, et uniti gli animi et l'armi facessero l'impresa contra il comun nimico del nome di Christo, offerendo a noi se stesso con tutti li suoi per compagno in total guerra: sì come il R. M. Thomas Negro Vescovo di Scardona

*) Eneio Vescovo Modrosiense huomo di età giovane.

all'ora apprese l' Re di Polonia nuntio apostolico, il quale fu
presente alla detta ambascieria, ne scrisse a Papa Adriano sotto
predecessore di V. Santità, et hora essendo qui in Roma, potrà
esser buon testimonio di cotal cosa. Possiamo adunque noi ricer-
care alcun'altro maggiore argomento dell'animo veramente Cri-
stiano et fraterno d'un tanto principe verso noi? il quale avenga
che da noi sia tenuto scismatico, et come pagano, et molte volte
sia stato combattuto dalle nostre armi, nondimeno per la salute
nostra, et della Chiesa christiana si è portato più da principe
Christiano, che i nostri, i quali si gloriano dei titoli di Christia-
ni, di Catholici, et di difensori della fede: perciocchè il pietoso pa-
dre Adriano predecessore di V. Santità non potè mai impetrare
da sopradetti principi infinite volte pregandogli, supplicandogli,
scongiurandogli, et ammonendogli paternamente, che in questa pu-
blica miseria cessassero da queste guerre più che civili, nelle quali
non havendo rispetto alcuno al sangue Christiano, che lo spargono
come acqua, ne alcuno ai miseri sudditi, i quali mandano del
tutto in rovina, et senza mettersi inanzi alcun timor d'Iddio, an-
zi quasi non havessero Iddio alcuno, al quale siano per render con-
to, per i loro odii particolari, et affetti, per lo sfrenato desiderio
di signoreggiare, tra loro crudelmente combattono: ne con auto-
rità apostolica, ne con severità potè mai da loro ottenere, che do-
nassero a Christo redentor nostro le ingiurie l'un dell'altro, ove-
ramente almeno le differissero in altro tempo, ovvero concedessero
la tregua almeno per tre anni al bisogno dello stato Christiano,
il quale quasi con le lor discordie havevano mandato in rovina:
et questo Principe scismatico non solamente la tregua di tre an-
ni, ma di 5, anzi una vittoria quasi certa de suoi nimici ha spon-
taneamente concesso alla Rep. christiana, la quale altrimenti di
certo pericolava, facendo egli hora la tregua con quel nimico, il
quale a niun tempo mai più commodo haveria potuto distruggere.
Quei nostri Christianissimi, Catholici, et difensori della fede sono
di maniera occupati a distruggersi l'un l'altro, et a spargere il
sangue christiano, che nulla gli muove la presa di Rodi, alla
quale con poca fatica haveriano potuto dar soccorso: nulla gli
muove, che Belgrado sia stato espugnato: nulla gli muove, che'l
Turco già ne stia sopra la testa: et questo scismatico ha tanta cura

della salute nostra, chi mandò che ci destasse come oppressi da sonnifero Letargo, et ci confortasse che noi volessimo qualche volta ricordarci della propria salute, et finalmente provvedere alle cose nostre, che manifestamente vanno in rovina. Oltra di ciò un tanto Principe s'offerisce con tutti i suoi a nostra difesa, il quale dovevamo temer come nimico mortalissimo: et i nostri Principi Christiani di maniera nulla pensano a dar sostegno alcuno alla Repub. Christiana, la quale essi medesimi non pur hanno tradita, ma distrutta, perioche li lor proprii statì manifestamente rovinano, che anchora non restano di tutta via piu dittruggerla. Sicche se noi considereremo piu tosto la cosa, che i vani titoli, egli parrà che sia principe veramente Christiano, et i nostri, coloro gloriosissimi titoli saranno conosciuti esser piu che pagani, et scismatici. Oltra di ciò, che accade raccontare un'altra ambascieria del medesimo Basilio? la qual quest'anno, del mese d'Aprile prossimamente passato, quasi da un'altro mondo dopo otto mesi finalmente arrivò in Hispagna all' Imperadore Carlo Quinto, per mezzo della quale lo ricercava d'amicitia, offerendogli all'incontro tutte quelle cose che si fossero potute desiderare da un'amicissimo et potentissimo Principe? Anzi (il che all'hora da molti ci fu scritto dalla Corte dell' Imperadore) lo confortava a far l'impresa contra' Turco, per quella offerendo gran quantità di danari, et di soldati. Per queste cose mi par che si veda assai apertamente, che non sia leggiera speranza poter indurre, et con poca fatica, questo Basilio principe de Moscoviti, et mediante lui tutti quei popoli all' union catholica insieme con noi: et mi parebbe cosa empia a non tentar di farlo, mandandogli ambasciadori atti a simil negotio, ancora che non aspettassimo altro, che la salute di tante anime: ma hora non solamente mi parebbe cosa empia, ma una pazzia quasi estrema in questo gran bisogno della christianità, l'aiuto d'un tanto Principe, il quale, se non fussimo pigri et negligenti, in tutti li modi era da esser ricercato da noi, hora di sua volontà offertoci disprezzarlo, farcene beffe, anzi volgerlo contra noi. Il che faremo senza dubio, se niuno ritorna a lui in nome del sommo Pontifice, de principi christiani, et di tutta la christianità ringratiandolo, et facendogli testimonianza, che la sua tanto liberale offerta ci è stata gratissima, accettandola, et ricercandola, et

oltre di ciò in nome nostro gli offerisca tutte quelle cose, che gli siano grate, et che da noi si possano offerire. Nè sono da esser' ascoltati coloro, che si pensano l'aiuto de Moscoviti esser poco utile, et opportuno alla impresa contra'l Turco, per esser dal Turco essi troppo lontani, ma il danaro solo, del quale egli è abbondantissimo, potersi aiutar la parte nostra: Perchè il Ducato di Smolenco, il quale è del stato di Moscovia, per la via dei Rossi popoli a quello vicini et quasi amici, et che vivono secondo le medesime usanze, soprastà alla Vallachia, alla Bulgaria dipoi alla Thracia, et per tanto a Constantinopoli istesso: et è assai commodò quel paese per condur esercito, volendolo menar quanto grande potesse, egli solo daria molto da fare al Turco anzi ho per certo che lo stato del Turco in niuna altra parte sia più debole, ne da altro luogo più commodò, et più opportuno possa essere assalito, che da quella parte della Vallachia, et della Bulgaria: dove i popoli sono ancora tutti christiani, ma vivono sotto l'imperio et tributo del Turco, il quale essendo già molto tempo venuto loro a noia, senza dubio lo lascieriano da parte, et si congiongieriano co nostri soldati, se in alcun luogo apparisse qualche vendicatore della lor libertà, dai quali popoli insino a Constantinopoli a tutti è aperta l'entrata libera: ma i luoghi del stato del Turco, che si estendono insino alle nostre parti così in mare, come in terra, sono molto ben forti. onde si come da niuna parte più commodamente il Turco può esser assalito da noi, che dalla parte della Valachia, et della Bulgaria, dal Duca di Moscovia, così non è da pensare, che questa impresa gli sia troppo lontana, havendo egli quasi nell' ultimo oriente per luoghi molto più aspri condotti i suoi eserciti vincitori, et domati molti popoli della Scithia, et alcuni anco costretti a confessar Christo.

CAPITOLO VIII.

Le ragioni, per le quali il sommo Pontefice si debbe muovere a ricever li Moscoviti.

Adunque, clementissimo padre santo, benchè siano più cose

et di grandissima importanza, le quali in questi gravissimi disturbi il mondo, anzi Christo stesso, ricerca da V. Santità, nondimeno parmi, che si debba haver cura di questo negotio della Moscovia piu che di tutte l'altre cose, come quello che è di grande importanza, anzi si doveria far con tanto maggior diligenza, quanto è di maggior momento per tutte le sopradette cose, et prometter piu certa speranza di poter esser condotto a fine con poca spesa et fatica, et con niun pericolo, ma con certissimo compenso, et da non esser dispregiato. Io so che di fuori è combattuta quella torre di David, al governo et guardia della quale Christo vi ha messo. io veggio li già quan tempo stanchi et miseri Christiani, alla testa de quali sopresta il crudel nimico del nome di Christo, overche già con grave et vituperosa servitù tiene oppressi, guardare in voi, che siete lor pastore, et da voi aspettare et chiedere aiuto. Io conosco quanto acerbamente li principi christiani siano tra loro discordi: i quali bisogna richiamare alla concordia christiana, prima che noi possiamo fare cosa alcuna utile di dentro, ne gloriosa di fuori. Sento poi quanto s'incrudelisca nelle nostre interiora quello spaventoso, et piu che infernal veleno, dico la peste, et la perfidia luterana, per la cui contagione periscono tante migliaia d'anime heretiche et scismatiche, et veramente qual si voglia di queste cose apporta grandissimo travaglio, et non solamente ricercano fatica, industria, et provvedimento, ma anco gravissime spese: nondimeno benche noi per ciò facessimo ogni cosa, appena appare alcuna speranza certa, che siamo per far profitto alcuno: ma nella cosa de Moscoviti, la qual hora cerchiamo di persuadere, se vorremo per se stessa giudicarla, non conosco perche la salute di tante migliaia d'anime non debba muovere grandemente la Santità V. accioche se elle periscano per vostra negligenza, non possono esser da Iddio ragionevolmente dalle voan vostre raddimandate. Di quanta importanza anco a tutte le sudette cose sia l'unirsi con esso noi un sì gran Principe, sì ricco, sì possente, et per la vicinità sì atto ad assalir la Turchia, che non lo vede? specialmente se considera quanto certo potrebbe esser la nostra ruina, et confusione delle nostre cose, quando egli opportunissimamente volesse adoperar le sue forze contra di noi. A pacificare insieme li principi Christia-

ni non conosco che si possa trovar cosa piu potente, che rinfacciar loro l'esempio di questo principe scismatico: et non dubito che si vergogneranno dei titoli, i quali vergognosissimamente s'attribuiscono, quando intenderanno, che sono amoniti da un principe scismatico à ricordarsi d'esser christiani, 'et ch'anche il medesimo con gli effetti insegna loro, quali doveriano essere. De Luterani finalmente qual piu gloriosa, qual piu facil vittoria potremmo noi havere, che far ch'essi veggino quest'apostolica sedia, la qual per tutto'l mondo si sforzano d'infamare, ritenere ancora la sua dignità non solamente appresso li suoi, ma anche nuovi popoli unitamente esser venuti quasi da un' altro mondo supplichevoli alla sua ubbidienza. Tutte queste cose v'è speranza et non punto vana, che noi le possiamo conseguire senza pericolo alcuno, con picciola fatica, et con poca spesa: percioche altro non fa bisogno, se non che la Santità V. voglia, et comandi, che vada in Moscovia qualcuno, che sia atto a simil negotio, et ciò facciasi piu tosto che si può, conciosia che molte cose occorran, che desiderano prestezza: La via pericolesca, et lunghissima, specialmente havendosi per le ragioni che diremo, da schifare il passar per la Polonia, havendosi da camminar da un capo all'altro dell'Alemagna, da passar per la Prusia, et per la Livonia, d'aspettare spesse volte nel viaggio la compagnia, et menarla anco spesso per il pericolo degli assassini, dei quali sono quei paesi grandemente molestati: di maniera che chiunque vi fusse mandato ancora che andasse con ogni diligenza, appena in 5 mesi potria giunger alla corte di quel Principe: imperoche li suoi ambasciadori mandati da lui a Carlo V. Imperadore, per quel medesimo viaggio, appena dopo 8 mesi finalmente arrivarono in Hispania. In questo mezzo li nostri nimici non dormiranno, et molte cose potrebbero occorrere, che mutarian l'animo di quel Principe, massime parendogli insieme con la sua tanto liberale offerta essere spremuto et ischernito da Principi christiani: la qual cosa come può esser che non gli paia, se doppo l'haver esso mandati due ambasciadori, uno a Carlo Imperadore, l'altro a Gismondo Re di Polonia, et col suo mezzo a tutti li Principi Christiani, niun da noi ne sia a lui rimandato? L'Imperadore è ancor giovane, et al presente è tanto occupato in abbattere et rovinare il Re di Francia, che non

può attendere a pensare a quelle cose, che s'appartengono al ben comune della christianità. Dal Re di Polonia, benché altrimenti egli sia prudente et Christiano principe, nondimeno in questo negotio di Moscoviti non si ha da sperarne cosa alcuna buona, il che poco di sotto faremo piu manifesto. Si che se la Santità V. non farà provvedimento, il principe, di Moscovia sarà da tutti il nostri principi dispregiato, ma non sarà spregiato da nostri nimici: perciocchè non è dubbio alcuno, che'l Turcho tenterà ogni cosa per tirar dalla sua parte, o in compagnia della guerra contra di noi un sì gran principe, massime comprendendo, ch'egli sia di poco buon' animo verso di noi, per esser stato da noi tante volte come pagano, o come scismatico pubblicamente oppugnato. Siche ne anco dal lato nostro, se saremo savii, non è da indugiare: anzi è da far ogni cosa diligentemente per conservarci con la nostra diligenza un tanto aiuto offertoci spontaneamente fuor di speranza, et senza nostra fatica: benché, si come ho detto, a ciò non fa bisogno d'altra diligenza, se non che la Santità V. comandi, et là vadano alcune persone atte et sufficienti. Nè a far questo la dee ritardar la spesa a ciò necessaria, conciosia ch'ella non sia per esser tanta quanta spese volte noi gittiam via in alcune non necessarie pompe: perciocchè quelle cose, che nell' altre ambasciarie accrescono la spesa, come è la lunghezza, et i pericoli del vaggio, in questo la seemeranno, dovendosi mandar nella Moscovia non alcuni vecchi di gravità con compagnia honorata, ma piu tosto alcuni huomini spediti, che possino sostenere tante et tali fatiche, et le difficoltà delle strade, et sopportar la gravanza dell' aria di quel paese, et siano anco dotti nella S. legge d'Iddio, et che possino a chiunque gli domanda render ragione della fede, et speranza, et charità, che è in loro, et giudicar secondo la regola della fede quel che a lei repugna, quel che si concorda, et quel che le è differente: acciochè possino ben discernere, qual' siano quelle cose, nelle quali l'Apostolo comanda, che doviamo comportar li deboli nella fede, et non astringerli con dispute, a fin che coloro, che al presente sono poco lontani dalla via della salute, non facciamo sì con la nostra indiscretione che molto piu si dicostino da noi. Et per dir brevemente, si hanno da eleggere a ciò huomini tali, che non attendino all' utilità

propria, ma in ogn' cosa cerchino l'honor di Giesu Christo: et non molto anco habbiano a schifo li costumi di quella gente, accio più facilmente si possino con esso loro conformare. Et vorrei che in elegger quei tali, che si havessero da mandare a questa impresa, tanto maggior pensiero vi si mettesse, quanto più importa alla reputatione di questa sedia, et vadano a questi novi popoli più tosto con conditioni determinate, che con quali si sogliono mandar per pompa solenne solamente; perciocche se qualche cosa per aventura mancherà alla pompa dell'ambascieria, secondo richiede la dignità di questa sedia, la magnificenza di quel Principe, et la importanza di tal negotio, scuarrà il tutto la lunghezza, la difficoltà, et i pericoli del viaggio. Non è da mandare uno che sia della Gotthia, ne della Livonia, ne della Polonia, per l'antico odio de Moscoviti contra queste nationi, conceputo per le continue guerre, che sogliono far contra d'esse per la vicinanza, et per il quale potria parer, ch'elle in un certo modo facessero il proprio negotio. Sopra ogn'altra cosa mi par, che sia molto più expediente con pochissima compagnia, cioè non più che con quattro, o cinque in tutto, andarsene di qui in Livonia: perciocche così più facilmente passeranno, et più speditamente, et con minore spesa, et quel che specialmente a questi tempi è da considerare, mettendosi in compagnia di mercanti n'anderanno sconosciuti, et senza sospetto alcuno di coloro, per il paese de quali haveranno da passare, conciosia che se la fama di questa cosa si spargesse, gli avversarii nostri fariano ogni sforzo per andar prima di noi, et impedirci, onde mi pare, che questa facenda si debba maneggiar secretissimamente, et col mezzo di pochissime persone.

CAPITOLO IX.

Per qual cagione non si debba mandar ambasciadore di Polonia al Duca di Moscovia per ridurlo all'unione ecclesiastica.

Che in questo negotio, avenga che'l Re di Polonia, sia in ogn'altra cosa christianissimo principe, io l'abbia del tutto per sospetto, et conseguentemente anche la Polonia, aviens, perche havendo esso provato il Duca di Moscovia troppo acerbo vicino: concionia che Basilio, che al presente signoreggia, et Giovanni suo antecessore gli habbiano tolto 4 nobilissimi Principati: et vedendo che per questa unione al medesimo s'aggiungeranno anche maggior forze, et a lui, nel far guerra contra di quello per i confini de suo regno mancherà un gran favore; ha sempre con ogni via, et astutia disturbato questa unione. percioche col nome di far guerra contra scismatici, et come nimici della nostra religione, ha havuto dagli altri Principi christiani grandissimo favor, et grande aiuto dai nostri, di maniera che molte volte, pubblicandosi a questo effetto indulgentie per tutto, e state aiutato con publica spesa della christianità, di che s'avede restar privo, quando sia levato via la scusa dello scisma, et al suo nimico, che da se stesso è forte, doversi aggiugner nelle cose della guerra maggior forze per la nostra compagnia et benche tra loro sia hora la tregua di 5 anni, et anchora che'l Duca di Moscovia diventi christiano, nondimeno il Re di Polonia ragionevolmente sta in pausa del stato suo per l'avenire. percioche non si trovano principi così christiani, tra i quali, essendo vicini, spesse volte non si faccia guerra per molte occasioni. Che al Re di Polonia dispiaccia, che'l Duca di Moscovia diventi, o sia da noi tenuto veramente christiano, chi è, che chiaramente da questo non lo comprenda? che dopo quella ambascieria mandatagli dal detto Duca così santa, et così utile alle cose nostre, della quale di sopra facemmo mentione, egli nelle sue lettere scritte a Papa Adriano VI. predecessore di V. Santità non n'ha pur detto una parola: et nondimeno di niuna cosa ragionevolmente ne piu grata, ne piu opportuna alle

U. I. A. Kanneuse.

cose nostre haveria potuto dar notizia a un Papa religiosissimo, che farlo certo dell'animo veramente christiano verso di noi di quei scismatici, et del desiderio loro tanto inclinato ad aiutare, et difendere le cose nostre: i quai scismatici come nimici meritamente acerbissimi dovevamo temere. Chi non vede da questo medesimo consiglio esser proceduto, che spesse volte per lo passato a posta ha impedito questa unione? et sempre tutti quelli, che da questa sedia apostolica sono stati mandati per questo effetto al Duca di Moscovia, egli spaventandogli con vane paure, et con la difficoltà del mandar la cosa ad esecuzione, gli ha fatti tornar a dietro. al presente niuna cosa tanto gli saria molesta, quanto se li Romani Pontefici intendessero, che il Duca di Moscovia sia d'animo tanto christiano, et che con sì poca fatica si possa indurre all'unione ecclesiastica. Onde il R. Mons. Hieronimo Balbo Vesovo Gurgense, il quale all'ora essendo consigliere dell' Imperador Massimiliano, et hornvambasciadore appresso la sedia apostolica per l'Illustria. Ferdinando Archiduca d'Austria si trovò presente quando questo Basilio Duca di Moscovia ricercava con grande instantia il titolo di Re, havendo egli inteso gl'inganni del Re di Polonia in cotai maneggio, consigliò ad ogni modo Papa Adriano VI. perdecemose di V. Santità, che se desiderava questa unione, per niuna via non ne comunicasse cosa alcuna ne col Re di Polonia, ne con alcuno, che gli fusse favorevole. Sono anche altre cose, che mi paiono utilissime a compir questa impresa felicemente: ma per non esser piu lungo, et essendo piu expediente il communicar queste cose con coloro, a quali la Santità V. commetterà questa impresa, io farò fine.

ПРИМѢЧАНИЯ.

1.) *Климентъ VII*, изъ знаменитаго рода Медичи, былъ возведенъ на Папскій престолъ въ 1523 году. Почти все одиннадцатилѣтнее управленіе его протекло въ борьбѣ съ Лютеранами и въ войнѣ съ могущественнымъ Карломъ V, ненавидѣвшимъ Климента за дружбу его къ Франциску I. Въ 1527 году Императоръ завладелъ Римомъ, лишилъ Климента, заточилъ его въ замокъ Св. Ангела и принудилъ уступить Имперіи всѣ крѣпости, въ Папскихъ владѣніяхъ находившіяся, и сверхъ того заплатить 40,000 дукатовъ выкупа. Хотя въ послѣдствіи Папа и примирился съ врагомъ своимъ, но до конца жизни питалъ къ нему тайную злобу и умеръ 25 Сентября 1534 года, замышляя противу него новые планы. Исторія сохранила намъ не слишкомъ выгодныя понятія о характерѣ Климента. Онъ былъ робокъ, нерешителенъ, неблагоразуменъ, коваренъ, несчастливъ въ своихъ предпріятіяхъ и вообще болѣе заботился о возвышеніи своего рода нежели о пользахъ церкви. Не надобно смѣшивать сего Первосвященника съ Антипапою Климентомъ VII (изъ рода Графовъ Женевскихъ), избраннаго Французскими Кардиналами въ 1378 году и умершій въ Авиньонѣ въ 1394 году.

2.) *Адріанъ VI*, предшественникъ Климента VII, занималъ Папскій престолъ съ 9 Января 1522 по 14 Сентября 1523 года. Онъ родился въ Утрехтѣ отъ весьма незначительнаго ремесленнаго семейства и обучался въ Лувенскомъ Университетѣ, гдѣ былъ послѣ Профессоромъ, а потомъ и Вице-Канцлеромъ. Императоръ Максимилианъ, прозѣдавъ о строгой нравственности и обширныхъ свѣдѣніяхъ Адріана избралъ его въ наставника внуку своему, занимавшему въ послѣдствіи пре-

сталъ Имперіи подъ именемъ Карла V; и это обстоятельство было главнымъ причиною его возвышенія. Возведенный поточемъ въ санъ Епископа Тортосскаго, онъ былъ посланъ въ Испанію для управленія сими государствомъ, съ титуломъ Намѣстника, а въ 1517 году сдѣланъ Кардиналомъ. Адріанъ VI умеръ на 65 году отъ роду. По свидѣтельству современныхъ историковъ онъ былъ строгъ, остороженъ и даже медлителенъ въ своихъ поступкахъ; ненавидѣлъ пышность и старался всеми средствами искоренить развратъ, усилившійся въ Римѣ въ правленіе его предшественника, знаменитаго Льва X. Надгробная надпись его свидѣтельствуєтъ еще доселѣ, что самымъ большимъ для себя несчастіемъ почиталъ онъ власть свою: *Adrianus VI hic situs est, qui nihil sibi infelicius in vita, quam quod imperaret, dedit.* Адріанъ VI извѣстенъ сверхъ того какъ писателя. Онъ оставилъ нѣсколько сочиненій Богословскаго содержанія, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія суть: *Questiones quodlibeticae, Disputationes in Lib IV Magistri Sententiarum, Epistolae* и пр.

3.) Авторъ считаетъ ошибочно *Новгородъ* самымъ Западнымъ пунктомъ владѣній Россійскихъ при Великомъ Князѣ Василѣ Ивановичѣ. Псковъ лежитъ гораздо болѣе на западѣ. Расстояніе отъ Новгорода до Верхотурья, около котораго живутъ Вогуличи, составляетъ ближайшимъ трактомъ чрезъ Ярославль, Вятку и Пермь болѣе 2500 верстъ, а до Тобольска 2770 верстъ, что въ первомъ случаѣ равняется 360, а во второмъ 400 Намѣстнымъ милямъ.

4.) См. нѣже пр. 11.

5.) См. нѣже пр. 11.

6.) Подъ *малюю Русію* Авторъ разумѣетъ Украину, находившуюся тогда во владѣніи Полькова.

7.) *Скиѣскимъ Океаномъ* называлось въ древности Ладожское море.

8.) Въ древности границею *Лавона* на востокъ называли линію, проходящую отъ Енисейскаго моря чрезъ три погранич-

шла съ Азіаго моря, до устья рѣки Танаиса или Дона, а потомъ, по теченію сей рѣки, до 46° Сѣв. широты. Далѣе же не находится никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о предѣлахъ Европы съ Азіею (см. Брут. Землеоп. Древн. Свѣтл Т. II стр. 2).

9.) Подъ именемъ *Азіатской Сарматіи* древніе разумѣли всю северозападную часть Великой Азіи, лежащую по ту сторону Дона и Азовскаго моря. Южную границу Азіатской Сарматіи составлялъ хребтъ Кавказскій (см. Бр. Земл. Древ. Свѣтл Т. I стр. 145).

10.) *Гиперборейскаго Скивіаго* назывались нынѣшнія области Россіи, прилежащія къ Ледовитому морю.

11.) *Югрія*, по мнѣнію Лерберга, простиралась между 56° и 61° сѣвер. широты, отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ чрезъ Нижнюю Обь до рѣки Надыма, впадающей въ Обскую губу и до рѣки Агана, которая выше Сургута называется въ Обь. Къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Таадъ, Туръ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ Татарскими владѣніями, а съ Сѣверной съ землею прежде бывшихъ Самоедовъ; — следовательно занимала немалую часть Северозападной Азіи и состояла преимущественно изъ мѣстъ, принадлежавшихъ нынѣ къ губерніямъ Тобольской и Пермской. Югрія вѣроятно еще съ половины XIII вѣка платила дань Новгородцамъ; въ составъ же Россійскихъ владѣній вошла она окончательно въ 1499 году. Покореніемъ ея Іоаннъ обязанъ былъ воеводѣмъ Князю Симеону Курбскому, Петру Ушатову и Заболоцкому-Бражнику. Коренными обитателями Югрии, по всему вѣроятію, были Обскіе Остяки и совѣшанные имъ Вогулчи, о которыхъ будетъ сказано ниже. Карелы, народъ Финскаго происхожденія, населяли все пространство земли, составляющее нынѣ Выборгскую и Олонекскую губерніи, даже до границъ Лапландіи и до Бѣлаго моря. Карелы надрѣзъ принадлежали Новгородцамъ; потомъ отнята была у Россіи Швеціею во времена Ливоніи и наконецъ по Нейштадтскому договору снова уступлена Россіи. *Печеране*,

народъ также Финскаго происхожденія, имѣли жителство около береговъ рѣки Печоры и, вмѣстѣ съ Пермью, приобщены къ Россійскимъ владѣніямъ въ 1472 году. Въ Печорской землѣ открыты были первые серебряные рудники въ 1491 году, при Великомъ Князѣ Иванѣ III. *Вогулчи*, называемые иногда въ старопечатныхъ книгахъ Гогулчи, по свидѣтельству Лерберга, занимали не только часть Сѣвернаго Уральскаго хребта, лежащую между Чусовою на Югѣ и Усою на Сѣверѣ; но и съ восточной стороны горъ большую полосу земли, а съ Обскими Остяками вмѣстѣ имѣли тѣ страны, кои въ древности извѣстны были подъ именемъ Югрімъ. Явнымъ доказательствомъ сего служитъ объясненіе, которое ученый Рамузіо даетъ тексту А. Кампензе; ибо испорченное названіе *Vahulagani*, встречающееся въ подлинникѣ, объясняетъ онъ названіемъ *Umagani*, что напоминаетъ имя Юсеріи, которое иногда давали Югорской землѣ. Вогулчи или Вогулы, — происхожденія Финскаго и суть ближайшіе родственники Обскихъ Остяковъ. Они считаютъ себя однимъ съ ними народомъ, а посему какъ самихъ себя такъ и сихъ Остяковъ называютъ *Манси*. Названіе же Вогуловъ получили они отъ Русскихъ чрезъ Зырянъ, которые называютъ ихъ *Воголь*, вероятно по нѣкоторымъ племенамъ сего народа, обитавшимъ частию на Вогулѣ, впадающей въ Сыгву; частию же на Вогулѣ, впадающей въ Обь. Въ Березовѣ, гдѣ имя Вогуличей вовсе неизвѣстно, всѣ племена; населяющія пространство, составлявшее въ древности Югрію, называются Остяками. *Башкиры*, именующіе сами себя *Вашкурты* и извѣстные у Киргизовъ подъ названіемъ *Нестан*, обитаютъ по рѣкѣ Бѣлой, между Камою, Волгою и Ураломъ, т. е. въ нынѣшней Оренбургской Губерніи. Они считаютъ себя потомками Ногайскихъ Татаръ; нѣкоторые же ученые полагаютъ ихъ остатками древнихъ Волгаръ, что отчасти правдоподобно, какъ потому, что страны, населенныя ими, составляли некогда часть Болгаріи, такъ равно и по чертамъ лицъ ихъ, нѣсколько отличнымъ отъ физиономіи Татаръ. *Черемисы*, народъ также Финскаго происхожденія, называютъ сами себя *Мари*, а соплеменныхъ имъ *Чуваши* Куркмарі, т. е. нагорняки. Это названіе сохранилось намъ отъ того, что въ

древности они раздѣлялись на горныхъ и луговыхъ. Такъ по крайней мѣрѣ дѣлитъ ихъ Олелрій, причисляющій Черемисовъ безъ всякаго основанія къ народамъ Татарскаго происхожденія. Черемисы вмѣстѣ съ Вотьями покорены въ 9489 году, въ Княженіе Іоанна III. Нынѣ обитаютъ они по лѣвому берегу Волги, въ Нижегородской и Казанской Губерніяхъ, вплоть до Губерніи Пермской. — Павелъ Іовій (стр. 30) также упоминаетъ о Юграхъ, Вогулчлахъ и Печорѣ, какъ о народахъ, платившихъ дань Государямъ Московскимъ, и присоединяетъ къ нимъ еще Пермиковъ, т. е. обитателей Перми или древней Біарміи, и Песлянтъ, получившихъ названіе свое отъ рѣки Песляги, впадающей противу города Холмогоръ въ Северную Двину. (См. Лерб. Изслѣд. Рус. Ист. стр. 4, 7 и 18; Georgi, Russland etc. стр. 28, 65 и 167; Карамз. И. Г. Р. Т. VI стр. 50, 192, 226 и 285 и Олелрія Нам. Изд. 1696 года, стр. 179).

12.) Въ ту эпоху, которую описываетъ Кампензе, *Ногайскіе Татары* раздѣлены уже были на малую и большую орды. Первая кочевала въ нынѣшней Кавказской области, къ сѣверу отъ Кубани и Кумы, а послѣдняя, по свидѣтельству Гваньино, тянулась на востокъ отъ Казанскаго Царства, по берегамъ Каспійскаго моря и рѣки Яика и Урала. (См. Rasmusio delle Navig. et Viag. T. II. p. 70). Она известна также подъ именемъ Синой орды. Ближе къ Суздалью находились не Ногайскіе а Казанскіе Татары.

13.) См. прим. 19 къ I. Барбаро.

14.) Авторъ ошибочно смешиваетъ здѣсь Татаръ *Джагатайскихъ* съ Татарами Золотой или Заволжской орды, разрушенной Мемли-Гиреемъ въ 1502 году. О Джагатаяхъ см. пр. 75 къ I. Барбаро.

15.) *Тимурланъ* известенъ въ Русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Темірѣ-Аксака, у Абулгази подъ именемъ Амирѣ-Тимура, а у восточныхъ писателей подъ именемъ Сахибъ-Карана, т. е. обладателя великаго соединенія планетъ. Настоящее же названіе его есть Тимуръ-Ленгъ (отъ словъ: тимуръ—железо

и лопт—хромой), изъ котораго Евразійцы сдѣлали: Тамерлана, А. Камешко, П. Юмѣй, Барлоронъ и многіе другіе, а у насъ Лазлоъ и Рычлоъ, ошибочно считаваютъ сего знаменитаго завоевателя съ внукомъ его Темір-Кулауомъ или Кул-лукомъ, царствовавшимъ въ золотой ордѣ въ 1399 году (см. прим. 26 къ I. Барбаро). Тамерланъ родился въ 1356 году. Самъ онъ называлъ себя потомкомъ Чингисъ-Хана: по свидѣтельству же Абулгази былъ сынъ незначительнаго Клыма отъ поколѣнія Бурассовъ. По паденіи династїи Хановъ Джатайскихъ, Тамерланъ овладѣлъ столицей акъ Самаркандомъ, объявляя себя Ханомъ и вскоре блестящими побѣдами оправдалъ хвасты снос. Покоривъ Персію и почти всю Среднюю Азію, онъ въ 1395 году устроился на неблагодарнаго сну Хана Золотой орды Токтамыша, принудилъ сего послѣдняго искать спасенія въ бѣгствѣ и опустошилъ потомъ Россію, вѣломъ до самой Москвы, возвратился съ богатою добычею въ свои владѣнія, раззоривъ на пути Азовъ и Астрахань. Въ 1398 году завоевалъ онъ Индію до самаго устья Ганга, а въ 1402 году вторгнулся въ предѣлы Оттоманскіе и, разбивъ на голову Султана Балзета, захватилъ самаго его въ плѣнъ. Въ 1405 году замыслилъ онъ походъ противу Китая; но умеръ на пути, въ городѣ Отрарѣ, послѣ 36лѣтняго царствованія. Тамерланъ есть безъ сомнѣнія одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нравственныхъ испоменовъ въ Исторіи человѣчества. Съ необыкновеннымъ мужествомъ и кровожадностію соединялъ онъ любовь къ наукамъ, что весьма остроумно доказалъ Лангле изъ самыхъ постановленій сего завоевателя, (см. Абулг. Ист. Род. о Тат. Ч. V. Г. 3 и 4. Ист. Монг. пер. съ Перс. стр. 38 и прим. 63; П. Юмѣй стр. 26. Berger. Traité des Tart. Ch. XIV. Лазл. Саво. Ист. стр. 46 и Рыч. Ок. Каз. Истор. стр. 46).

16.) Сраженіе между Тамерланомъ и Балзетомъ, рѣшившее судьбу сего послѣдняго, происходило 20 Іюля 1402 года на поляхъ Анцверскихъ, въ нынѣшней Натоліи.

17.) Сказка о томъ, что Балзетъ былъ посаженъ Тамерланомъ въ золотую клетку, не имѣетъ историческаго осно-

памяти, хотя и повторился истинно западный современный пре-
скавалли. Абулгази упоминает только о пленении Бадзета и
уничтожении его. Другие писатели утверждают, что несчастный
князь сам разбил себе голову; наконец есть и такие, по
свидетельству которых он был весьма великодушно содержан
победителем своим и умер в старости, в Кларинии, в
1406 году.

18.) Батый (у Абулгази Бату-Сагит-Хан), известный
по летописям как великий завоеватель, основатель сво-
ей империи в России в тюркское рабство, основатель не был
царем Тамара, ибо жил ранее за сто лет прежде его. Он
был сыном Чучи или Джуджи-Хана, сына Чингис-Хана. В
1226 году, выступив из предельных Монголии, Батый в два
хода завоевал Волжскую Булгарию, Россию, часть Польши,
Венгрию, Кроацию, Сербию, Дунайскую Булгарию, Молдавию
и Валахию, навел ужас на всю Европу и положил основа-
ние Золотой или Кипчацкой орды. По свидетельству Персид-
ского Автора Историк Монголов, переведенной Г. Григорье-
вым, Батый отличался чрезвычайною щедростью, не исповы-
дывал никакой Религии, не признавал ни к какой секте
и поклонялся только единому Богу. Варяжно название Замка,
которое Кампенз предает ему, есть не что иное как испор-
ченное слово Сагит, составлявшее, по свидетельству Татти-
ца, род титула у знатных Татар. Память об ужасном
опустошении Батыем и доселе еще сохранилась в России.
В Тамбовской, Тульской и других Губерниях простой на-
род называет Батыею дорогою млечной путь, полагая, что
это созвездие служило Татарам дорогою в Россию. (См. Абул-
газ. Ч. VII. Гл. 1; Ист. Монг. пер. съ Персид стр. 40 и
Энцикл. Лекс. Т. V. стр. 93).

19.) О распространении Магометанской веры между Та-
тарами см. прим. 24 к I. Барбаро.

20.) Основатель Османской Империи был Энур Ос-
ман, из рода Огузских Туркменцев. Оладзас считал,

съ помощью небольшой орды своей, Ошканийскими джелеми, онъ проникнулъ впередъ въ равнины Висоини, гдѣ и основалъ свое жилище подъ покровительствомъ Иконійскаго Султана, нѣкогда Сельдиукова. Умелыми силами своимъ пашаиками и разнорода бродягами, онъ вскоре покумался на предпріятія болѣе важныя; овладѣлъ нѣкоторыми областями, принадлежавшими Восточной Имперіи въ Малой Азіи и, по смерти покровителя своего, объявлялъ себя независимымъ и принялъ названіе Султана. Онъ умеръ въ 1326 году. Сыномъ и преемникомъ его Орханъ, наследовавшій вѣнчанъ отъ тѣла своего родителя и вѣнчанскія его доблести, расширилъ владѣнія свои, наименовавъ себя Падинахомъ. Такимъ образомъ горсть бродягъ, предводительствуемая сильнымъ варваромъ, основала государство могущественное, не потерявшее даже и донынѣ политической важности своей и бывшее въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій уделомъ всей Европы.

21.) *Прусскій ли морецъ* называлась въ средніе вѣка та часть Балтійскаго моря, которая омываетъ берега Пруссіи.

22.) *Салометта* — вышедшая Жмудъ — обитали въ Северной части Виленской губерніи, близъ границъ Курляндіи.

23.) *Ясълонъ* или Ягайо наследовалъ Княжество Литовское въ 1377 году, послѣ родителя своего Ольгерда, а въ 1386 году, съ согласія вельможъ Польскихъ, женился на Ядвигѣ, единственной дочери и наследницѣ умершаго Короля Лудовика, и принялъ Латинскую вѣру, вмѣстѣ съ вѣнчанымъ Королемъ Польскихъ, крестилъ въ оную и всѣхъ своихъ подданныхъ. (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 52 и 97).

24.) Кампанзе вѣроятно не зналъ, что Украина издрегле принадлежала Россіи и что Кіевъ былъ столицею Великихъ Князей Русскихъ и колыбелью Христіанской вѣры въ отечествѣ нашемъ.

25.) *Псковъ* лежить не на Двинѣ а на рѣкѣ Великой.

26.) Окончательный ударъ *Псковской воляности* былъ нанесенъ 13 Января 1510 года. Великій Князь Василій Иоанно-

мнѣ пріаслать триста значительнѣйшихъ семействъ Псковскихъ гражданъ переселити въ Москву, а на мѣсто ихъ поселити въ Псковѣ столько же мущескихъ семей изъ низменныхъ городовъ (см. Кар. Н. Г. Р. Т. VII. стр. 42 и 43).

27.) *Смоленскъ* былъ взятъ у Поляковъ Московскою ратью, подъ личнымъ предводительствомъ Василія, 29 Іюля 1514 года (см. Кар. Н. Г. Р. Т. VII. стр. 63).

28.) *Княжество Московское* никогда не зависѣло отъ Литвы. Прежде оно составляло часть Княжества Черниговскаго, потомъ принадлежало къ Княжеству Смоленскому; въ 1456 году, за казною Князя Ивана Андреевича, присоединено Василіемъ Темнымъ къ Княжеству Московскому; въ 1462 году, по духовному завѣщанію, отдано имъ было сыну его Юрію Васильевичу, а наконецъ по смерти сего Князя въ 1472 году приобщено Іоанномъ III къ его владѣніямъ. (См. Кар. Н. Г. Р. Т. V. стр. 344 и 354 и Т. VI. стр. 56).

29.) Не о хрѣстѣ ли Св. Соеѣн говорить здѣсь Авторъ?

30.) *Новгородъ* никогда не признавалъ надъ собою власти Литовцевъ и хотя назывался вотчиною Великихъ Князей Московскихъ, но въ теченіе болѣе чѣмъ шести вѣковъ былъ вольною землею. Временное же подданство его Казимиру въ 1471 году было вынужденное и неединодушное.

31.) Новгородское вѣче было уничтожено не въ 1479, а въ 1477 году.

32.) По свидѣтельству Герберштейна и Длугоша, *богатства Новгородскія* отправлены были въ Москву на 300 возахъ. Другіе цѣнлятъ сокровища, захваченныя Іоанномъ въ Новгородъ, въ 14000,000 алориневъ; но это безъ сомнѣнія преувеличено.

33.) Нѣзрѣность въ показаніи Географическаго положенія Княжества Московскаго слишкомъ очевидна и не требуетъ опроверженія.

34.) См. выше прим. 8.

35.) Городъ *Тярь* иногда не былъ обширенъ и красивъ Москвѣ, какъ издревле славился красотами своими. Доводителемъ сему служатъ старинная пословица, боясь сомнѣнія настоящая каждому изъ читателей пишуща: Тярь-чуродокъ — Москвѣ уголокъ.

36.) Рамузіо въ примѣчаніи своемъ объясняетъ, что Княжество *Шухерцонское* есть Юрьевъ Польскій, а Княжество *Рубенское* — Стародубъ (Strub); но что такое Княжество *Шаконское*, *Цубецуванское* (Рамузіо въ примѣчаніи называетъ его *Schalschi*) и *Лимское*, — отгадать весьма трудно; ибо Авторъ не означаетъ Географическаго положенія этихъ Княжествъ, по которому можно бы было догадаться: о какихъ именно областяхъ Московскаго Государства говорить онъ.

37.) Къ Суздалью, какъ мы выше объяснили, пристала также Казанская ижели Ногайская орда. Княжество Суздальское, вмѣстѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ, присоединено къ владѣніямъ Великаго Кнзя Московскаго при Василіѣ Дмитріевичѣ, отцѣ Василія Темнаго, въ 1392 году (см. Кар. Н. Г. Р. Т. V. стр. 151).

38.) *Казанская орда* не была еще подвластна Россіи въ Княженіе Василія Іоанновича. Честь покоренія сего Царства предоставлена была сыну его Іоанну Грѣшному. (см. пр. 74 къ I. Барбаро).

39.) Здѣсь очевидно Авторъ говорить о *крещеніи Перми*, событіи важномъ въ нашей церковной Исторіи и случившемся въ Княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго, въ 1389 году. Юный монахъ, по имени Стефанъ, сынъ Устюжскаго Церковника, пылая благороднымъ желаніемъ присоединить новыя племена къ паствѣ Христовой, обратилъ взоръ свой на дикихъ жителей отдаленной Перми. Съ этою цѣлью изучаетъ онъ языкъ Пермскому; изобрѣтъ для него новыя, особенныя писмена; перевелъ главныя наши церковныя книги в пермо-

свѣтъ благословеніе Герасима, Епископа Калужскаго, отправился въ Пермскія съ тѣмъ же зорю и съ немалымъ надеждою снорить этихъ дикихъ сыновъ сѣвера свѣтомъ истиннаго ученія. Сосланный и почти покинутый устюжъ уваччалъ счастій поднѣтъ Стевана. Онь вскорѣ снискала любовь и уваженіе Пермскою, сокрушила языческіе кумиры, составлявшіе предметы богопочитанія для этихъ народовъ, построила Христіанскія церкви, учила, благотворствовала новую плоть свою, ходатайствовалъ за нее у Правительства и, возвратившись въ Москву, представился въ 1596 году съ митрополитъ Святѣго и бѣжалъ погребенъ въ Церкви Преображенія. Преминиками его въ Пермскомъ Епископатѣ были Исакій и Питиримъ. Последний изъ нихъ содѣлался жертвою ревности своей къ царю Господней. Дикіе народы, соседственные съ Пермскими, ненавидѣли новыя Христіанъ, тревожили ихъ частыми набегами, а въ 1455 году Амуръ, Князь Вогулчской, напавъ на берега Вичегды, вмѣстѣ съ другими племенными захватилъ Питирима и злодѣйски умертвилъ его. Пермь была окончательно покорена Россіи въ Княженіе Іоанна Васильевича III, въ 1472 году (см. Идрета. Лѣтоп. стр. 550 и Кар. М. Г. Р. Т. V стр. 145 и 358 и Т. VI стр. 50).

40.) Объясненіемъ названія Vetsuga обязаны мы Рамузіо. Источники *Динири* находятся Смоленской губерніи, Вальскаго уѣзда, въ дачахъ села Городки, неподалеку отъ истоковъ Дниномъ и Волги.

41.) *Динири*, какъ мы уже выше объяснили, не касается стѣны Пскова и впадаетъ въ Балтійское море въ 15 верстахъ отъ Риги, при Динамидѣ.

42.) Некоторые изъ древнихъ писателей полагали, что Таганъ или *Донъ* изливается въ Черное море и почитали море Азоровое только нижними частями сей рѣки (см. Брунъ. Земл. Дрѣв. Сѣва. Т. II. стр. 508). О значеніи слова *Донъ* смотри прим. 24 къ I. Барбаро.

43.) Въ продолженіи сказано: *è maggior più del terzo dei fiumi della nostra Europa.*

44.) Источники *Волги*, равно какъ и источники *Доны*, вытекаютъ въ Тверской Губерніи.

45.) Волга, какъ уже было объяснено въ прим. 43 къ А. Ковалеву, впадаетъ въ Каспійское море 70 русскими.

46.) П. Іовій также утверждаетъ, что во всей Россіи нѣтъ горъ и кончается Русскій (Уральскій) хребтъ существовавшими только въ воображеніи древнихъ космографовъ.

47.) Герцинскій лѣсъ (отъ Нѣмецкаго слова *Nagel* или *Nagelwald*) простирался въ древности, по свидѣтельству Юлія Цезаря, отъ границы земли Гельветовъ, Неметовъ и Раварковъ, по теченію Дуная, до предѣловъ Дакіи, откуда поворачивалъ вглубь въ страны, отдаленныя отъ сей рѣки, и по своей обширности касался предѣловъ разныхъ народовъ. Плиній, Страбонъ, Помпоній Мела, Тацитъ и другіе Римскіе Писатели также упоминаютъ объ немъ.

48.) См. П. Іовія стр. 39.

49.) Первые серебряныя рудники открыты были въ землѣ Печорской въ Княженіе Іоанна III, въ 1491 году, и съ той поры предки наши начали уже чеканить монету изъ своего серебра. (См. Кар. И. Г. Р. Т. VI. стр. 226.)

50.) Мы уже замѣтили въ предувѣдомленіи нашемъ, что повѣствованіе А. Кампене о правахъ Московитянъ весьма различается отъ показаній современныхъ ему и даже позднѣйшихъ западныхъ писателей. — Изображеніемъ богобоязливости и добродѣтелей предковъ нашихъ Авторъ видимо желалъ еще болѣе преклонить Кlementa VII къ союзу политическому и религіозному съ Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ.

Россійскою Церковію, дабы тамъ лучше снисобствовать важ-
нымъ намереніямъ Рима, о коихъ теперь говорить будемъ.»

«Супругъ Княжны Московской, Анна, Іоаннъ Палеологъ,
царствовавшій въ Константинополѣ, испрепаченно угрожаемою
силою Турецкою; лишенный едва не всѣхъ областей славяней
Державъ своихъ предковъ — стасенный въ столицѣ, и на бе-
регахъ самаго Востора андіа знамена Амуратова — сей Госу-
дарь искалъ покровителя въ Римскомъ Первосвященникѣ, ко-
его воля хотѣ уже не была закономъ для Государей Европы,
однакомъ могла еще дѣйствовать на нихъ Совѣты. Старецъ
умный и честолюбивый, Евгений IV, сидѣлъ тогда на Апо-
стольскомъ престолѣ: онъ именемъ Св. Петра обещалъ Импе-
ратору Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турковъ, если Гре-
ки мирно, безпристрастно разсмотрѣвъ Догматы обихъ Церк-
вей, согласятся во мнѣніяхъ съ Латинскою, чтобы навѣки
успокоить совѣсть Христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ
началомъ единого Пастыря. Евгений требовалъ не безмолвной
покорности, но торжественнаго прѣнія: истина, объясненная
противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ Хри-
стіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древ-
нія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза
съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрлялъ окомя
Царьградъ какъ свою добычу: предубѣжденія умоляли. Поло-
жили, да будетъ осамый Соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ,
кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обихъ Церквей, над-
лежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духъ любви
Христіанской; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ
братскій союзъ единоуврія, долженствовалъ убидительно пред-
ставить имъ опасности своей Державы и Церкви православной,
грея въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Велика-
го; успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Евгений ручался
за оный, и сдѣлалъ еще болѣе: взявъ изъ себя всѣ расходы,
коихъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Гре-
ческаго въ Италію: ибо Византія, некогда гордая и богатая,
уже не стыдилась тогда жить милостынскою инопоселенниковъ.
Вооруженныя суда Евгениевы явились въ пристани Царьграда:
Императоръ съ братомъ своимъ, Димитріемъ Деспотомъ, съ

Константинопольскимъ Патріархомъ Іосифомъ и съ семью старшими иерархическими сановниками Греческой Церкви, славныхъ ученою или разумомъ, сѣли на оныя (24 Ноября, 1437 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громко-гласно желали имъ, чтобы они возвратились съ миромъ церковнымъ и съ воинствомъ Крестоносцевъ для отраженія невѣрныхъ.»

«Между тѣмъ Іоанн возвратился въ свою Рязанскую Епархію, хотя безполезно сѣздивъ въ Грецію, но облаканный Царемъ и Патріархомъ, которые, отпуская его съ честью, сказали ему: «жалѣемъ, что мы ускорили поставити Исидора, «и торжественно обещаемъ тебѣ Россійскую Митрополию, когда она снова упразднится.» За нимъ прибылъ въ Москву и новый Митрополитъ, не только именемъ, но и дѣломъ Іерархъ всей Россіи: ибо Герасимъ Смоленскаго уже не было. Заблужденный ласковыми письмами Царя и Патріарха, Василій встрѣтилъ Исидора со всеми знаками любви, дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; но изумился, сѣдая, что Митрополитъ намѣренъ ѣхать въ Италію. Сладкоречивый Исидоръ доказывалъ важность будущаго осьмаго Собора и необходимость для Россіи участвовать въ ономъ. Пылкими выраженіями ослѣпленъ Василій. Напрасно ученый Грекъ опровергалъ ему величіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, устами своихъ Царей и Первосвященниковъ, изрекутъ неизмѣнимыя правила Вѣры. Василій отвѣтствовалъ: «Отцы и дѣды наши не хотѣли слышать «о соединеніи Законовъ Греческаго и Римскаго; а самъ не желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебѣ. Помань только чистоту Вѣры нашей и принеси оную съ собою!» Исидоръ клялся не измѣнить Православію, и въ 1437 году, Сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ Епископомъ Суздальскимъ Аврааміемъ, со многими духовными и свѣтскими особами, концы число простиралось до ста. Сіе море путешествія Россіянъ въ Италію описано однимъ изъ нихъ съ великою подробностію (см. Древ. Россій. Вѣдѣн. Т. VI. стр. 97): сообщимъ здѣсь нѣкоторые обстоятельства оного.»

«Новгородскій Арменіискомъ Евфимій, бывъ тогда въ Москвѣ, проводилъ Исидора до своей Епархіи; а Князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ нимъ въ Италію Великому Оуму. Митро-

волить отъ Вышняго Волочка плыть рѣкою Мстою до Новгорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Духовенство и гражданство изъливно усердную къ нему любовь дарями и пршествами. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ вѣхъ обрядовъ Православія; но выхавъ изъ Россіи, немаленько обнаружилъ соблазнительную наклонность къ Латинству. Встрѣченный въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нашими Свѣщенниками (ибо въ семь городѣ находилась дѣя Русскія церкви), Исидоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ: спутники его ужаснулись, и съ того времени не имѣли къ нему доверенности. Архіепископъ, чиновники Рижскіе также осматривали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ писмо отъ Великаго Магистра Немецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго путешествія чрезъ Орденскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Мая 1436 года) присталъ къ берегу въ Любекъ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, всѣхъ выходя гостеприимство, дружелюбіе, почести, и всѣхъ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. — Августа 18 прибылъ онъ въ Феррару.»

«Въ семь городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ; тамъ находились Послы Трапезундскіе, Ниверскае, Ариенскіе, Волонскіе; но, къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Немецкаго, ни другихъ Высшесосцевъ Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣніе раздора; уже семь лѣтъ славный въ Исторіи Соборъ Базельскій, дѣйствуя независимо и въ противность Евгенію, считался надъ его Буллами, давалъ Законы въ дѣлахъ Вѣры, обличалъ искоренить злоупотребленія духовной власти, и преклонилъ къ се-

бы почти всѣхъ Государей Европѣскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіанскомъ Соборѣ. Однакожъ засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгений желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вѣры, Іоаннъ же хотѣлъ самъ председательствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейскаго. Рѣшили такъ, чтобы въ срединѣ церкви, противъ олтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое, возвышенное мѣсто между Католическими, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Немецкаго; чтобы Іоаннъ сидѣлъ на левой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ олтаря. Надлежало согласиться въ четырехъ мѣстѣхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о пласныхъ просфорахъ, 4) о перемѣстѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Гуліана, Епископа Родосскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велегрѣшнаго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но изыщно уклоннаго въ разсужденіи Догматовъ Вѣры. Пятнадцать разъ сходились для рѣшенія о Св. Духѣ; наши единогласно утверждали, что Онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли и Сына, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали все хитрости богословской Діалектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе *Filioque* оставалось камнемъ преткновенія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ Лазинской ереси, и вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгений также, не видя успѣха, считалъ безполезными издержки, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переехать во Флоренцію, будто бы опасаясь азы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ.

« Не была безъ умолку читать въ Исторіи о послѣднихъ

тайных бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ конѣ сей несчастный Государь изливалъ всю душу свою предъ Святителями Греческими и Вельможами, изображалъ съ одной стороны любовь къ Правовѣрію, а съ другой бѣдствіи Имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія Церквей. «Думаю только о благѣ отечества и Христіанства», говорилъ онъ: «всю долгую временную отсутствіи возвратимся ли безъ успѣха, съ едиными отыдохъ и горестію? Не мыслию о своихъ личныхъ выгодахъ: жизнь кратковременна, а дѣтей не имѣю; но безопасность Государства и миръ Церкви для меня любезны.» Митрополитъ Россійскій осуждалъ упрямство Марка Бессекаго и другихъ Святителей, говоря: «лучше соединиться съ Римлянами душою и сердцемъ, нежели безъ всякой пользы ухажать отсюда: и куда поведемъ?» Виссаріанъ еще убедительнѣе представлялъ жалостное состояніе Имперіи. Наконецъ, по многихъ пріимяхъ, Греки уступили, и согласились 1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опростомъ и квасный хлѣбъ могутъ быть равно употребляемы въ священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣми и другими очищаются, или падаютъ въ огонь, или угнетены густымъ мракомъ, или волнуетъ буря, или терзаемы вѣтвями способомъ; что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судищимъ Христовымъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что Папа есть Намѣстникъ Іисуса Христа и Глава Церкви; что Патріархъ Константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. 6 Іюля (1439 года) было послѣднее засѣданіе Собора въ Катедральномъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ Церкви совокупили торжественность и величавость своихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на сердца людей. Въ присутствіи безчисленнаго народа, между двумя рядами Палатныхъ телохранителей, вооруженныхъ палицами, одѣтыхъ въ латы серебряныя и держащихъ въ одной рукѣ пылающія свѣчи, Евгеній служилъ Общину; греками музыка Императорская; пѣли славу Вседержителя на языкахъ Греческомъ и Латинскомъ. Папа, воздвигъ руки на небо, проливалъ слезы радости, и величественно благославляя Царя, Князей, Епи-

своими, чиновниками Республики Флорентийской, и папъ Кардиналу Гуліану и Архіепископу Виссаріону читать съ своимъ *хартію соединенія*, написанную слѣдующимъ образомъ: «Да веселится небеса и земля! Разрушилась средѣ достаніе между Восточного и Западнаго Церковію; миръ возвратился на красугольный камень Христа; два народа со-
«ставляють уже единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ вожделѣннаго согласія сіяетъ нѣки. Да
«ликуеть мать имѣна, Церкви, вѣда чада своихъ, после дол-
«говременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовію;
«да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія
«объ нихъ слезы. А вы, изреченныя сыны міра Христіанскаго, бла-
«годарите матъ вашу, Церковь Католическую, за то, что От-
«цы Востока и Запада не устрашилися опасностей пути даль-
«няго, и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на
«семъ святомъ Соборѣ и воскресить любовь, коея уже не бы-
«ло между Христіанами.» Слѣдуютъ упомянутыя статьи примиренія и согласія въ Догматахъ Вары, подписанными Егегіемъ, осмью Кардиналами, двумя Патріархами Латинскими (Іерусалимскимъ и Градскимъ), осмью Архіепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а отъ имени Грековъ Императоромъ, тремя Мѣстоблюстителеми престола Патріаршихъ (ибо Іосифъ, Патріархъ Константинопольскій, скончался за нѣсколько до того во Флоренціи), сепнадцатью Митрополитами, Архіепископами и всеми бывшими тамъ Святителями, кромѣ одного Марка Евесскаго, неумолимаго старца, презрѣвша угрозы и корысти. Слыдавъ, что сей твердый мужъ не подписывалъ хартіи, Папа гнѣвно воскликнулъ: «и ты ли ничего не сдѣлал!» и требовалъ, чтобы Императоръ или принудилъ его къ согласію, или наказалъ какъ ослушника; но Марко тайнымъ отъѣздомъ спасся отъ гоненія.»

«Выгоды, приобретенныя уступчивостію Грековъ, состояли для нихъ въ томъ, что Егегій далъ имъ нѣсколько тысячъ солдатовъ, обѣзая прислать въ Константинополь 300 воиновъ съ двумя галерами для охраненія сей столицы, и въ случаѣ нужды обѣщалъ Іоанну именемъ Государей Европейскихъ гораздо сильнѣйшее вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы

Россійскою Церковію, дабы такъ лучше оспособствоваться важнѣйшимъ намереніямъ Рима, о коихъ теперь говорить будетъ. »

«Судругъ Князны Московскоі, Анны, Іоаннъ Палеологъ, царствовалъ въ Константинополѣ, непрестанно угрожаемый силою Турецкою; лишенный едва не всѣхъ областей славной Державы своихъ предковъ — стѣсненный въ столицѣ, и на берегахъ санаго Востора видя знамена Амуратовъ — сей Государь искалъ покровителя въ Римскомъ Первосвященникѣ, ко-его воля хотѣ уже не была закономъ для Государей Европы, однакожъ могла еще дѣйствовать на ихъ Совѣты. Старецъ умный и честолюбивый, Евгений IV, сидѣлъ тогда на Апостольскомъ престолѣ: онъ именемъ Св. Петра обличалъ Императору Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турковъ, если Греки мирно, безпристрастно разсмотрѣвъ Догматы обличъ Церквей, согласятся во мнѣніяхъ съ Латинскою, чтобы навѣки успокоить совѣсть Христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ началомъ едиаго Пастыря. Евгений требовалъ не безмолвной покорности, но торжественнаго прѣвія: истина, объясненная противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ Христіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отарашали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрлялъ окомя Царыградъ какъ свою добычу: предубѣжденія умоляли. Положили, да будетъ осамый Соборъ Вселемскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обличъ Церквей, надлежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духѣ любви Христіанскоі; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ братскій союзъ единовѣрія, долженствовалъ убавительно представить имъ опасности своей Державы и Церкви православной, грея въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго; успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Евгений ругался за оный, и сдѣлалъ еще болѣе: ваялъ на себя всѣ расходы, коихъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Греческаго въ Италію: ибо Византія, некогда гордая и богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынною нищелюбивою. Вооруженныя суда Евгениемъ являлись въ пристани Царяграда: Императоръ съ братомъ своимъ, Димитріемъ Деспотомъ, съ

ицы ибавлять триста значительнѣйшихъ семействъ Псковскихъ гражданъ перевести въ Москву, а на мѣсто ихъ поселить въ Псковѣ столько же купеческихъ семей изъ низовыхъ городовъ (см. Кар. И. Г. Р. Т. VII. стр. 42 и 45).

27.) *Смоленскъ* былъ взятъ у Поляковъ Московскою ратію, подъ личнымъ предводительствомъ Василія, 29 Іюля 1514 года (см. Кар. И. Г. Р. Т. VII. стр. 63).

28.) *Княжество Московское* никогда не зависѣло отъ Литвы. Прежде оно составляло часть Княжества Черниговскаго, потомъ принадлежало къ Княжеству Смоленскому; въ 1456 году, за измѣну Князя Ивана Андреевича, приведеного Василиемъ Темнымъ къ Князю Московскому; въ 1462 году, по духовному завѣщанію, отдано имъ было сыну его Юрію Васильевичу, а наконецъ по смерти сего Князя въ 1472 году приобщено Іоанномъ III къ его владѣніямъ. (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 344 и 354 и Т. VI. стр. 56).

29.) Не о хрѣмѣ ли Св. Соеін говорить здѣсь Авторъ?

30.) *Новгородъ* никогда не признавалъ надъ собою власти Литовцевъ и хотя назывался вотчиною Великихъ Князей Московскихъ, но въ теченіе болѣе чѣмъ шести вѣковъ былъ вольною землею. Временное же подданство его Казимиру въ 1471 году было вынужденное и неединодушное.

31.) Новгородское вѣче было уничтожено не въ 1479, а въ 1477 году.

32.) По свидѣтельству Герберштейна и Длугоша, *богатыи Новгородскіи* отправлены были въ Москву на 300 возахъ. Другіе цѣнятъ сокровища, захваченныя Іоанномъ въ Новгородъ, въ 14000,000 елориневъ; но это безъ сомнѣнія преувеличено.

33.) Незнѣность въ показаніи Географическаго положенія Княжества Московскаго слишкомъ очевидна и не требуетъ опроверженія.

34.) См. выше прим. 8.

поплыть отъ Вышняго Волочка плыль ракою Мстою до Новогорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Духовенство и гражданство изъявило усердную къ нему любовь дарами и пиришествами. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ вѣхъ обрядовъ Православія; но выѣхавъ изъ Россіи, немедленно обнаружилъ соблазнительную наклонность къ Латинству. Встрѣченный въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нѣкими Свѣщенниками (ибо въ семь городѣ находились двѣ Русскія церкви), Исидоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ: сопутники его ужаснулись, и съ того времени не имѣли къ нему довѣренности. Архіепископъ, чиновники Рижскіе также осматривали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ Великаго Магистра Нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго путешествія чрезъ Ордовскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Мая 1438 года) присталъ къ берегу въ Любекъ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести, и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. — Августа 18 прибылъ онъ въ Феррару.»

«Въ семь городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Еженіева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ; тамъ находились Послы Трансильванскіе, Нверскіе, Арменскіе, Волонскіе; но, къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Нѣмецкаго, ни другихъ Вѣнцесосцевъ Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣлище раздора; уже семь лѣтъ славный въ Исторіи Соборъ Базельскій, дѣйствуя независимо и въ противность Еженію, смѣллся надъ его Вуллами, давалъ Законы въ дѣлахъ Вѣры, обличалъ искоренить злоупотребленія духовной власти, и преклонилъ къ се-

62. почти всѣхъ Государей Европейскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіанскомъ Соборѣ. Одинокое засѣданіе началось съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгений желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вѣры, Іоаннъ же хотѣлъ самъ председательствовать, подобно Царю Константинову во время Собора Никейскаго. Рѣшили тѣмъ, чтобы въ предѣлѣ церкви, противъ олтара, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое, возвышенное мѣсто между Католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Немецкаго; чтобы Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ олтара. Надлежало согласиться въ четырехъ мѣніяхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о инокскихъ прософорахъ, 4) о первенствѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Іуліана, Епископа Родосскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Евесскаго (мужа ревностнаго, вѣсноречиваго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но излишно уклоннаго въ разсужденіи Догматомъ Вѣры. Пятнадцать разъ сходились для ррвенія о Св. Духѣ; наши единовѣрцы утверждали, что Онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли и Сына, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали все хитрости богословской Дилектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе *Filioque* оставалось камнемъ преткнанія. Уже Марко Евесскій гремѣлъ противъ Латинской ереси, и вместо духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгений также, не видя успѣха, скучалъ безполезными надершками, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переселиться во Флоренцію, будто бы опасаясь лавы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ.

« Не лая безъ умолка чинить въ Исторіи о послѣднихъ

43.) Въ подлинникѣ сказано: *è maggior pin del terzo dei fiumi della nostra Europa.*

44.) Источники *Волги*, равно какъ и источники *Днипы*, изпадаютъ въ Тверской Губерніи.

45.) Волга, какъ уже было объяснено въ прим. 43 къ *А. Комарини*, изпадаетъ въ Каспійское море 70 рукавами.

46.) П. Іовій также утверждаетъ, что во всей Россіи нѣтъ горъ и гористости Русской (Уральской) хребтъ существовавшихъ только въ воображеніи древнихъ космографовъ.

47.) Герцинскій лѣсъ (отъ Нѣмецкаго слова *Natz* или *Nattwald*) простирался въ древности, по свидѣтельству Юлія Цезаря, отъ границъ земли Гельветовъ, Неметовъ и Раварковъ, по теченію Дуная, до предѣловъ Дакии, откуда поворачивалъ влево въ страны, отдаленныя отъ сей рѣки, и по своей обширности касался предѣловъ разныхъ народовъ. Пліній, Страбонъ, Помпоній Мела, Тацитъ и другіе Римскіе Писатели также упоминаютъ объ немъ.

48.) См. П. Іовія стр. 39.

49.) Первые серебряныя рудники открыты были въ землѣ Печорской въ Княженіе Іоанна III, въ 1491 году, и съ той поры предки наши начали уже чеканить монету изъ своего серебра. (См. Кар. И. Г. Р. Т. VI. стр. 226.)

50.) Мы уже замѣтили въ предувѣдомленіи нашемъ, что повѣствованіе А. Кампензе о нравахъ Московитанъ весьма различествуетъ отъ показаній современныхъ ему и даже позднѣйшихъ западныхъ писателей. — Изображеніемъ богобоязливости и добродѣтелей предковъ нашихъ Авторъ видимо желалъ еще болѣе склонить Кlementa VII къ союзу политическому и религіозному съ Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ.

51.) Причащеніе изъ соборныхъ руць дозволяется у насъ только священнослужителямъ. Вароліо та путешественникъ, со словъ которыхъ Кампензе написалъ свое сочиненіе, призналъ раздѣленіе освященныхъ прощоры и тѣлцы послѣ причастія за самое таинство причащенія.

52.) Великій Князь Василій Іоанновичъ, какъ мы уже замѣтили въ предуведомленіи, не только не искалъ присоединенія къ Латинской церкви, но даже постоянно отклонялъ всѣ предложенія, дѣлаемыя ему по сему предмету Римскими Дворомъ. Доказательствомъ сего служитъ самый отвѣтъ его, приведенный нами въ концѣ означеннаго предуведомленія.

53.) Авторъ очевидно говоритъ здѣсь о соборѣ Флорентійскомъ, событіи, важномъ въ Исторіи церковной и тщательно сохранинномъ лѣтописцами нашими. Карамзинъ въ своей Исторіи Государства Россійскаго (Т. V. стр. 275 — 98) превосходно изобразилъ причины, слѣдствія и самый ходъ этого событія, — и потому мы почли за лучшее привести здѣсь самое описаніе почтеннаго Исторіографа.

« Митрополитъ Фотій, говоритъ онъ, преставился въ 1431 году. Шесть лѣтъ послѣ смерти сего Церковь наша сиротствовала безъ главы отъ внутреннихъ смутеній Государства Московскаго. Сими обстоятельствами думалъ воспользоваться Митрополитъ Литовскій, Герасимъ, и старался подчинить себя Епископовъ Россіи, по безъ успѣха; онъ посылалъ въ Смоленскъ только Новгородскаго Архіепископа, Евѣмїя; другіе не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла. Наконецъ Василій (Темный) созвалъ Святителей и велѣлъ имъ назначить Митрополита: всѣ единодушно выбрали знаменитаго Іону, Архіерея Рязанскаго. Но выборъ этотъ не имѣлъ желанныхъ слѣдствій; ибо Константинопольскій Патріархъ, еще до прибытія Іоны въ Царьградъ, посвятилъ намъ въ Митрополиты Грека Исидора, родомъ изъ Фессалоники, славнѣйшаго Божьего слова, равно искуснаго въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ, хитраго, гибкаго, краснорѣчиваго. Исидоръ не за долго до сего времени былъ въ Италіи и снискалъ любовь Ппмы: вѣроятно даже, что онъ по согласію съ нимъ домогался власти надъ

Россійскою Церковію, дабы тамъ лучше снискобствовать важнѣйшимъ Римъ, о немъ теперь говорить будетъ.»

«Супругъ Княжны Московской, Анны, Іоаннъ Палеологъ, царствовалъ въ Константинополѣ, испреставно угрожаемый сиюю Турецкою; лишенный едва не всѣхъ областей славы Державы своихъ предковъ — стѣсненный въ столицѣ, и на берегахъ самаго Востора адля знамени Амуратомы — сей Государь искалъ покровителя въ Римскомъ Первопрестольникѣ, ко- его воля хотѣ уже не была закономъ для Государей Европы, однакожь могла еще дѣйствовать на ихъ Совѣты. Старейшій и честолюбивый, Еггеній IV, сидѣлъ тогда на Апостольскомъ престолѣ: онъ имевъ Св. Петра общаго Императору Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турковъ, если Греки мирно, безпристрастно рассмотрѣвъ Догматы обихъ Церквей, согласятся во мнѣніяхъ съ Латинскою, чтобы какия успокоить союзъ Христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ началомъ единого Пастыря. Еггеній требовалъ не безмолвной покорности, но торжественнаго пранія: истина, объяснившая противорѣчія, долженствовала быть общимъ уставомъ Христіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отрицали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже взиралъ окомя Царыградъ какъ свою добычу: предубѣжденія умоляли. Положили, да будетъ осмысли Соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обихъ Церквей, надлежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духъ любви Христіанской; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ братскій союзъ единоувѣрія, долженствовалъ убедительно представлять имъ опасности своей Державы и Церкви православной, грея въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго; успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Еггеній ручался за оный, и сдѣлалъ еще болѣе: взявъ изъ себя всѣ расходы, коимъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Греческаго въ Италію: ибо Византія, въкогда гордая и богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынною нищелюбленіемъ. Вооруженныя суда Еггеніемъ явились въ пристани Царяграда: Императоръ съ братомъ своимъ, Дмитріемъ Деспотомъ, съ

Константинопольскій Патріархъ Исидоръ и съ семьёю старшихъ иерархическихъ савоѣниковъ Греческой Церкви, славныхъ учениковъ или разумовъ, съѣхъ на оныя (24 Ноября 1437 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громко-гласно желали имъ, чтобы они возвратились съ миромъ церковнымъ, и съ воинствомъ Крестовосцевъ для отраженія невѣрныхъ.»

«Между тѣмъ Іона возвратился въ свою Рязанскую Епархію, хотя бесполезно съѣздивъ въ Грецію, но обласканный Царемъ и Патріархомъ, которые, отпуская его съ честью, сказали ему: «жалеемъ, что мы ускорили поставить Исидора, и торжественно обещаемъ тебѣ Россійскую Митрополию, когда она снова упразднится.» За нимъ прибылъ въ Москву и новый Митрополитъ, не только именемъ, но и дѣломъ Іерарху *сей Россіи*: ибо Герисима Смоленскаго уже не было. Задобренный ласковыми письмами Царя и Патріарха, Василій встрѣтилъ Исидора со всѣми знаками любви, дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; но изумился, сѣдая, что Митрополитъ каменитъ ѣхать въ Итацію. Сладкоречивый Исидоръ доказывалъ важность будущаго осьмага Собора и необходимость для Россіи участвовати въ ономъ. Пышныя выраженія не ослѣпили Василя. Напрасно ученый Грекъ описывалъ ему величіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, устами своихъ Царей и Первосвятителей, изрекутъ неизмѣнныя правила Вѣры. Василій отвѣтилъ: «Отцы и дѣды наши не хотѣли слышать «о соединеніи Законовъ Греческаго и Римскаго; я самъ не желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебѣ. Помни только чистоту Вѣры нашей и принеси оную съ собою!» Исидоръ клялся не измѣнять Православію, и въ 1437 году, Сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ Епископомъ Суздальскимъ Аврааміемъ, со многими духовными и свѣтскими особами, конкъ число простиралось до ста. Сіе первое путешествіе Россійца въ Итацію описано однимъ изъ нихъ съ великою подробностію (см. Древ. Россій. Визліе. Т. VI. стр. 37): сообщимъ здѣсь нѣкоторые обстоятельства оного.»

«Новгородскій Архіепископъ Кривкій, бывъ тогда въ Москвѣ, приводилъ Исидора до своей Епархіи; а Князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ нимъ въ Итацію Великому Оуму. Митро-

волить отъ Вышняго Волочка плыть рѣкою Мстою до Новагорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Духовенство и гражданство изълило усердную къ нему любовь дарами и пиришествами. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ асъхъ обрядовъ Православія; но выхавъ изъ Россіи, немедленно обнаружилъ соблазнительную наклонность къ Латинству. Встрѣченный въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нѣскими Салтениками (ибо въ семь городъ находились дѣя Русскія церкви), Исндоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ: спутники его ужаснулись, и съ того времени не шили къ нему довѣренности. Архіепископъ, чиновники Римскіе также осматривали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ Великаго Магистра Нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго путешествія чрезъ Орденскія владѣнія. Но Исндоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Мая 1438 года) присталъ къ берегу въ Любекъ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести, и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. — Августа 18 прибылъ онъ въ Феррару.»

«Въ семь городъ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Еягеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ; тамъ находились Послы Трансильванскіе, Нѣмецкіе, Арменскіе, Волоскіе; но, къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Нѣмецкаго, ни другихъ Властителей Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣніе раздора; уже семь лѣтъ славный въ Исторіи Соборъ Базельскій, дѣйствуя независимо и въ противность Еягенію, сѣдался надъ его Вуллами, давала Законы въ дѣлахъ Вѣры, общала искоренитъ злоупотребленія духовной власти, и преклонилъ къ се-

бы почти всѣхъ Государей Европѣскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіанскомъ Соборѣ. Однакожъ засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгенийъ желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вары, Іоаннъ же хотѣлъ самъ председательствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейскаго. Рѣшили такъ, чтобы въ срединѣ церкви, противъ алтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое, возвышенное мѣсто между Католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Намѣстнаго; чтобы Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ алтаря. Надлежало согласиться въ четырехъ мѣстѣхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о насѣхъ пресвѣрахъ, 4) о перснствѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Іуліана, Епископа Родосскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велегочиваго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но излишно уклоннаго въ разсужденіи Догматовъ Вары. Пятнадцать разъ сходились для прѣмія о Св. Духѣ; наши единогласно утверждали, что Онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли и Сына, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали всѣ хитрости богословской Дилектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе *Filioque* оставалось камнемъ преткновенія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ Латинской ереси, и вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгенийъ также, не видя успѣха, скучалъ безполезнымъ издержканіемъ, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переехать во Флоренцію, будто бы опасаясь лавы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ.

« Не малъ безъ умаго чинить въ Исторіи о послѣднихъ

тайных бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ конѣ сей несчастный Государь изливалъ всю душу свою предъ Святителями Греческими и Вельможами, изображалъ съ одной стороны любовь къ Правовѣрію, а съ другой бѣдствіи Имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія Церквей. «Думаю только о благѣ отечества и Христіанства,» говорилъ онъ: «носыя долговременнаго отсутствія возвратимся ли безъ успѣха, съ единымъ отыдохъ и горестію? Не мыслю о своихъ личныхъ выгодахъ: жизнь кратковременна, а дѣтей не имѣю; но безопасность Государства и миръ Церкви для меня любимы.» Митрополитъ Россійскій осуждалъ упрямство Марка Бессекаго и другихъ Святителей, говоря: «лучше соединиться съ Римлянами душою и сердцемъ, нежели безъ всякой пользы ухватъ отсюда: и куда подемъ?» Виссаріанъ еще убедительнѣе представлялъ жалостное состояніе Имперіи. Наконецъ, по многихъ пріямыхъ, Греки уступили, и согласились 1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опростомъ и красный хлѣбъ могутъ быть равно употреблены въ священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣми и другими очищаются, или падаютъ въ огонь, или угнетены густымъ мракомъ, или волнуетъ бурей, или терзаемы явнымъ способомъ; что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судищимъ Христовымъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что Папа есть Намѣстникъ Іисуса Христа и Глава Церкви; что Патріархъ Константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. 6 Іюля (1459 года) было послѣднее засѣданіе Собора въ Кафедральномъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ Церкви совокупили торжественность и величавіе своихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на сердца людей. Въ присутствіи безчисленнаго народа, между двумя рядами Палатныхъ тѣлохранителей, вооруженныхъ палицами, одѣтыхъ въ латы серебряныя и держащихъ въ одной рукѣ пылающія свѣчи, Евгеній служилъ Обдию; грѣшила музыка Императорская; пѣли славу Вседержителя на языкахъ Греческомъ и Латинскомъ. Папа, воздвигъ руки на небо, произвѣлъ слезы радости, и величественно благославилъ Царя, Князей, Епи-

свешовъ, чиновниковъ Республѣки Флорентинской, началъ Кардиналу Іуліану и Архіепископу Виссаріону читать съ алфона хартію соединенія, написанную слѣдующимъ образомъ: «Да веселится небеса и земля! Разрушилась средѣствіе между Восточною и Западною Церковію; миръ возвратился на краеугольный камень Христа; два народа соединяются уже единымъ; враждебное облако скорби и раздора исчезло; тахій свѣтъ возжеланнаго согласія сіяетъ пакы. Да аликуютъ мать наша, Церковь, вада чада своихъ, после довременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовью; да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія объихъ слезы. А вы, нарные сыны міра Христіанскаго, благодарите мать вашу, Церковь Католическую, за то, что Отцы Востока и Запада не усталились опасностей пути дальнаго, и великодушно спосили труды, дабы присутствовать на семъ святомъ Соборѣ и воскресить любовь, кола уже не было между Христіанами.» Слѣдуютъ упомянутыя статьи примиренія и согласія въ Догматахъ Вары, подписанными Евгениемъ, осмью Кардиналами, двумя Патріархами Латинскими (Іерусалимскимъ и Градскимъ), осмью Архіепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а отъ имени Грековъ Императоромъ, тремя Местоблюстителями престоловъ Патріаршихъ (ибо Іосифъ, Патріархъ Константинопольскій, скончался за нѣсколько до того во Флоренціи), сеинадцатью Митрополитами, Архіепископами и всеми бывшими тамъ Святителями, кромѣ одного Марка Евесскаго, неутомимаго старца, презрѣла угрозы и корысти. Сказавъ, что сей твердый нужъ не подвигалъ хартій, Папа гнѣвно воскликнулъ: «и тамъ нѣкъ ничего не сдавали!» и требовалъ, чтобы Императоръ или принудилъ его къ согласію, или наказалъ какъ ослушника; но Марко тайнымъ отъяздомъ спасся отъ гоненія.»

«Выгоды, пріобретенныя уступчивостію Грековъ, состояли для нихъ въ томъ, что Евгенийъ далъ имъ нѣсколько тысячъ солдатовъ, обѣщавъ прислать въ Константинополь 500 воиновъ съ двумя галерами для охраненія сей столицы, и въ случаѣ нужды обещалъ Іоанну именемъ Государей Европейскихъ гораздо сильнѣйшее вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы

таковы богемаландцы, сиегороды отправлялись из Епарии морить на Палестину, всегда представляли в Цариграде для выгоды тамошних жителей: Папа включал и сию статью в договоры; наконецъ съ великою честью отпустилъ Императора, который, бывъ два года въ отсутствіи, возвратился въ Грецію оплакать безвременную кончину своей юной супруги, и вѣдать общій маетъ Духовенства. Узнавъ происшедшее на Флорентійскомъ Соборѣ, оно раздѣлилось во мнѣніяхъ: некоторые хотѣли держаться его постановленій; другіе, и большая часть, возмани, что истинная Церковь гнѣбится, и что не Пастыри истинны, но измѣнники, ослабленные затоу Римскимъ, заключили столь незаконный, столь унижительный для Грековъ союзъ съ Папою; что одинъ Марко Евесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ и проч. Сіи послѣдніе одержали верхъ. Вопреки Императору и новому Патриарху Митрофану, ревностному защитнику Соединенія, народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ священнодѣйствовали ихъ единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, такъ, что не смотря на усилія Папы Евгенія и преемника его, не смотря на явную, неминуемую погибель своего отечества, Греки захотѣли лучше умереть, нежели согласиться на искожденіе Са Дула отъ Сына, на опрѣсоки и чистилище. Достопамятный примѣръ твердости въ богословскихъ мнѣніяхъ! Впрочемъ сомнительно, чтобы Папа могъ тогда спасти Имперію, если бы Всеночная Церковь и покорилась его духовной власти. Вѣки Крестовыхъ ополченій миновали; ревностный дух Христіанства брѣтства уступилъ мѣсто малодушной Политикѣ въ Европѣ: каждый изъ Византосцевъ имѣлъ свою особенную государственную систему, искалъ пользы во вредъ другихъ и недоумѣвалъ ни о. Нѣмецкая земля, бывъ остротомъ жестокой войны, произведенной расколотоу Іоанна Гусса, болѣе и болѣе слабѣла въ долговременное, ничтожное царствованіе Фридерика III. Англія и Франція съ величайшимъ усиліемъ боролись между собою. Испанія, еще раздѣленная, не простирала мыслей своихъ далѣе собственныхъ ея предѣловъ. Португалія занималась единственно мореплаваніемъ и новыми открытіями въ Африкѣ: Италія дерзновенно дѣлами, торговлею и внутренними расприами.

Данія и Швеція, бѣдныя людьми и деньгами, соединились на краткое время ко вреду обоюдному, и непереставно опасалось другъ друга, не мѣшались въ дѣла иныхъ Державъ Европейскихъ, Только Венгрія и Польша нѣсколько времени бодрствовали на берегахъ Дуная, изъясняя ревность противиться усилѣнью Амуратова оружія; но Вариска бѣтва, столь несчастная для Короля Владислава, на долго отвратила ихъ отъ войны съ мужественными Турками. Еще духовная власть сильно дѣйствовала надъ умами и въ Советахъ государственныхъ; но уже не была прежняго единства. Мнимая божественность Папъ исчезла; Соборы, Костницкій и Базельскій, судили и низвергали ихъ. Сія шумные соумы Церковной Аристократіи издали готовили паденіе духовной и совершенную независимость мірской власти. Іерархи разныхъ земель уже разсуждали и въ мысляхъ, во многихъ отношеніяхъ предпочитая особенныя выгоды своимъ Государствъ Панинымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Еуропа могъ ли Евгений ручаться за единодушіе Всеправославствъ, чтобы сокрушить Оттоманскую Державу, или погибнуть на берегахъ Востора для спасенія Византіи? Устрашенные побѣдами Амурата и Магомета II, Государя Западные тресетали въ бездѣйствіи. Тщетно Герой Албаши, знаменитый Скандербегъ, давалъ имъ примѣръ великодушія, одавъ съ горстью людей отражая многочисленное войско Султанское: ни чело не способные подражать ему, они не стыдились воззвать его въ ихъ собственныя междоусобія, къ удовольствію наварныхъ. — Однимъ словомъ, Іоаннъ Палологъ не только не успѣлъ, но, по воли вароцтностей, и не могъ успѣть въ своемъ выгнѣреніи, чтобы соединеніемъ двухъ Царей отвратить коначную гибель Имперіи Греческой.»

«Главныя орудія сего мнимаго соединенія, Архіепископъ Виссаріонъ и Митрополитъ Исидоръ, были награждены отъ Папы Кардинальскими шапками: первый остался въ Италіи; второй съ именемъ Летага Апостольскаго для всѣхъ земель северныхъ отправился изъ Флоренціи 6 Сентября; сѣлъ на корабль въ Венеціи, перешелъ Адриатическое море и чрезъ Далмацію и Кроатскую землю прибылъ въ столицу Венгріи, въ Будину, откуда написалъ грамоты во всѣ подданные ему Епар-

хін Литовскіх, Россійскіх, Ливонскую, изъяснялся такимъ образомъ: «Исидоръ, милостию Божіею преосвященный Митрополитъ «Кіевскій и вса Русь, *Лати отъ ребра* (à latere) *Алостом-скаго*, всѣмъ и всякому Христіанину вѣчно спасеніе, миръ и «благодать. Возвеселитесь нынѣ о Господѣ: Церковь Восточная «и Римская навѣки совокупилися въ древнее мирное едино-«чашіе. Вы, добрые Христіане Церкви Константинопольской, «Русь, Сербы, Волохи, и всѣ верующіе во Христа! примите «сіе святое соединеніе съ духовною радостію и честію. Буд-«те истинными братьями Христіанъ Римскихъ. Единъ Богъ, «едина Вѣра: любовь и миръ да обитають между вами! А мы, «племени Латинскіхъ, также не уклоняйтесь отъ Греческихъ, «признанныхъ въ Римѣ истинными Христіанами: молитесь въ «нихъ храмахъ, какъ они въ вашихъ будутъ молиться. Испов-«дуйте грѣхи свои тамъ и другимъ Священникамъ безъ различія; «отъ тѣхъ и другихъ принимайте тѣло Христова, равно святое «и въ прѣспомѣ и въ кисломъ хлѣбѣ. Такъ усталила обща «мать ваша, Церковь Каеолическая,» и проч.

«Исидоръ спавшій въ Кіевѣ, гдѣ Духовенство встрѣтило его какъ единственнаго Митрополита всѣхъ Россійскихъ Епископъ, и весною 1440 году прибылъ въ Москву, съ грамотою отъ Папы къ Великому Князю. Егосій извѣщалъ его «о благо-«словенномъ успѣхѣ Флорентійскаго Собора, славномъ въ о-«боимъ для Россіи: ибо Архипастырь ея болѣе другихъ сво-«собетовала оному.» Письмо отъ начала до конца было ласково и скромно. Папа молилъ Василія быть милостивымъ къ Исидору и давать ему тѣ церковныя оброки, коими издревле пользовались наши Митрополиты. Духовенство и народъ съ нетерпѣніемъ ожидали своего Первоверховнаго въ Кремлевскомъ храмѣ Богоматери. Исидора ликовалъ окруженный многими славянофилами: предъ нимъ несли крестъ Латинскій и три серебряныя лампады. Россіане удивлялись сей новости, и еще болѣе, когда Митрополитъ въ Литургіи помянулъ Егосія Папу, вышнего Вселенскихъ Патріарховъ. Когда же, по окончаніи службы, Діаконъ Исидоровъ, въ стихарѣ и съ опаріемъ стоя на амвонѣ, вслепленно прочиталъ грамоту Флорентійскаго Освященнаго Собора, стояла несогласная съ древнимъ ученіемъ вышняя

Церкви: тогда все духовные и мирские, въ изумлении смотрели другъ на друга, не зная, что мыслить о слышанномъ. Имъ Собора Вселенскаго, Царя Иоанна, и согласіе святѣйшихъ православныхъ Иерарховъ Греціи, искони нашихъ учителей, запраждали уже: безмолвствовали Епископы и Вельможи.»

«Въ семь общенъ глубокомъ молчаніи раздался только одинъ голосъ — Князя Великаго. Съ юныхъ лѣтъ зная твердо уставы Церкви и жившія Святыхъ Отцовъ о Символѣ Вѣры, Василій увидѣвъ отовоудненіе Грековъ отъ ея правилъ, воспылалъ ревностію обвинить беззаконіе, вступилъ въ прѣпіе съ Исидоромъ и торжественно напѣсывалъ его лжепастырствъ, губителемъ душъ, еретикомъ; призывалъ на совѣтъ Епископовъ, Боларъ, искушавшихъ въ книжномъ успѣхѣ, и велѣлъ имъ основательно рассмотреть Флорентійскую Соборную грамоту. Все прославили умъ Великаго Князя. Святители и Вельможи сказали ему: «Государь! мы дремали; ты одинъ за всѣхъ бодрствовалъ, открылъ истину, спасъ Вару: Митрополитъ отдалъ ее на алатъ Римскому Папѣ, и возвратился къ намъ съ ересью.» Исидоръ старался доказывать противное, но безъ успѣха: Василій посадилъ его за стражу въ Чудовъ монастырь, требуя, чтобы онъ раскался, отвергнувъ соединеніе съ Латинскою Церковію. Такими образами хитрости, радкій даръ слова и ѣдкій умъ сего честолюбиваго Грека, низвъ столь много дѣйствій на Флорентійскомъ Соборѣ, гдѣ учейшая Греція состязалась съ Римомъ, оказалась безсильными въ Москвѣ, были побуждены здравымъ смысломъ Великаго Князя, уверившаго, что перемѣны въ Замкѣ охлаждаютъ сердечное усердіе къ оному, и что неизмѣнимое Догматъ отцовъ лучше всѣхъ мудрованій. Узнавъ же, что Исидора чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тайно ушелъ изъ монастыря (сначала въ Тверь, а потомъ въ Литву) благоразумный Василій не велѣлъ гнаться за нинъ, ибо не хотѣлъ употребити никакихъ жестокихъ мѣръ противъ сего сверженнаго имъ Митрополита, который, гдѣхавъ въ Россію гордо, пышно и нелицево, бѣжалъ изъ нее какъ преступникъ, въ страхѣ, чтобы Москвитяне не сожгли его подъ именемъ еретика на кострѣ.»

«Исидоръ благополучно достигъ Рима съ печальнымъ вѣстіемъ о нашихъ упрямствѣхъ, и въ награду за свой ревностный

поднять занять одно из первых мѣстъ въ Думѣ Кардиналовъ, еще именовъ *Россійскимъ*; а Великій Князь, съ согласія яскихъ Епископовъ, вторично избравъ Іону въ Митрополиты, (въ 1445 году) отписавъ Воарина Полуекта въ Константинополь съ грамотою къ Царю и Патриарху, въ коей описавъ всю исторію нашего Христіанства со времени Владимира, и говорить далѣе: «По кончинѣ блаженнаго Фотія земля Русская нѣсколько лѣтъ оставалась безъ духовнаго Пастыря, волнующая вѣстными варваромъ и внутренними междоусобицами: наконецъ мы послали къ вамъ Епископа Рязанскаго, Іону, мужа отъ юныхъ лѣтъ благочестиваго и добродѣтельнаго, желая, да поставите его въ Митрополиты; но вы, или отъ замедленія нашего, или следуя единственно прихоти самовласти, дали намъ Исидора. Богу извѣстно, что я долго колебался и не смѣлъ отвергнуть его; но ласковая грамота Патриархова, и посланіе Посла вашего и сладкоречивое смиреніе Исидорова тронули мое сердце . . . Когда же онъ, вопреки своей клятвѣ, измѣнилъ Православію: тогда мы сзвали боголюбивыхъ Святителей нашей земли, да выберутъ новаго достойнѣшаго Митрополита, какъ и прежде въ чрезвычайныхъ случаяхъ у насъ бывало. Но хотимъ особности обрядъ древній: пребыть твоего Царскаго согласія и Патриархаго благословенія, утѣшая васъ, что никогда произвольно не олучимся отъ Церкви Греческой доколе стоитъ Держава Русская. И такъ ожидаемъ, что вы исполните мое прошеніе и не замедлите уведомить насъ о вашемъ здравіи, да возвеселимся духомъ вашимъ и крестою и во имя вѣрова. Аминь.» Сей Посолъ не дождался до Константинополя: ибо Василій вошелъ ему возвратиться, сдѣлавъ тогда, какъ говоритъ Лаврентіецъ, совершенное отсутствіе Императора Греческаго отъ истинной Вары. Съ того времени Іона переставалъ, кажется, въ дѣлахъ нашей Церкви, хотя еще и не былъ торжественно признанъ ея Главою; а Епископы южной Россіи снова избрали особаго Митрополита, посвященнаго въ Римъ, именемъ Григорія Болгарина, ученика Исидорова, иже съ нѣмъ успѣшнѣе изъ Мѣскава. Они держались Флорентійскаго Соединенія, которое въ Литву и въ Польшу доставило имъ всѣ выгоды и преимущественна Ду-

князства Латвиского, подтвержденные въ 1443 году указомъ Владислава III. Просиликъ Владиславъ, Казимиръ, даже уговаривалъ Великаго Князя признать Кіевскаго Іерарха Глаголю и Московскаго Епископа, представляя, какъ въротно, что духовное единочліе утвердитъ благоволенный союзъ между сѣверною и южною Россією; но Салистеліи наши предали Григорія алаоси. Московская Митрополія осталась независимая, а Кіевская подвластною Риму, будучи составлена изъ Епаркіи Бранской, Смоленской, Переяславской, Туровской, Луцкой, Владимірокой, Полоцкой, Хельмской и Галицкой.

«Такимъ оладствіемъ явилъ славный Соборъ Флорентійскій, Еще проходило лѣтъ ащитишши и.противники его писавъ, спорили, опровергали другъ друга; наконецъ бдѣтис, постигнутое Католическою, ироекко и споры и долгоарсенныи урліа алаосишлаго Рима для поднишилъ себя Визитійской Церквн. Духовство же Московское, отвергнувъ соблазны, такъ было управилось въ Догматахъ Православіа.»

54.) Елагій IV не требовалъ отъ Русскихъ никакой дани, а просилъ только оставить Духовенству ирехній оброкъ. — Несправедливо также и то, будто бы Великій Князь Василій Васильевичъ по чьему либо убѣжденію остался върыиъ Закону ироекъ своихъ. Изъ предидущаго аащитишши мы видѣли, что онъ действовалъ на сентъ дѣлъ по собственному чувству.

55.) Изъ собственныхъ писемъ Короля Датскаго Іоанна къ Императору и Королю Французскому аащитишши, что не Василій просилъ его о дозволѣніи въ лица своихъ Пословъ присутствовать при Сѣмліи Латеранской, но что самъ Іоаннъ предлагалъ такую жеу Великому Князю (см. Кар. И. Г. Р. Т. VII стр. 80 и пр. 152). Назаніе Латеранскаго Сѣйма ироекшало отъ Латеранскаго дворца, въ которомъ онъ собирался.

56.) Рамуіа не прииѣтишши своемъ аащитишши его Эраиона или Эраиона, Епископъ Модросіанскій (Erasio, Vasovo Modrosiana, hinc di età giovane).

57.) Пана Лом Х, сына знаменитаго Лаврентія Медни, родился во Флоранціи въ 1475 году. На 8-мъ году отъ роду поступилъ онъ въ монашеское зааніе, а на 14-мъ возведень уже былъ, по хаданіишши родителей своего, въ Кардинальское досто-

анство; но такъ какъ нерѣдкѣ условіемъ сего возведенія было обязательство продолжать еще въ теченіе трехъ лѣтъ въ Пизѣ курсъ богословскихъ наукъ, то Лаврентій поручилъ воспитаніе юнаго Кардинала двумъ учейшимъ мужамъ того времени: Греку Халкондиласу и знаменитому Анджело Полициано. Въ 1492 году Левъ X занялъ уже свое мѣсто въ Конклавѣ, но вскорѣ долженъ былъ покинуть Римъ, ибо не могъ долѣе оставаться при дворѣ Пизы Александра VI, коюго выбору онъ противился. Удалившись во Флоренцію, онъ жилъ тамъ въ великой чести до тѣхъ поръ, пока изгнаніе изъ Тосканскихъ владѣній фамиліи Медичи не принудило и его искать убѣжища въ Болоннѣ. Въ 1499 году предпринялъ онъ путешествіе по Италіи и Франціи и возвратившись въ Римъ съ самыми почтенными поощреніями, посвятилъ себя исключительно наукамъ и обществу Математиковъ и Художниковъ. Въ 1505 году начался политическая жизнь Льва X. Папа Юлій II назначилъ его Намѣстникомъ въ Перуджію, а въ 1511 году перевелъ съ титуломъ Легата въ Болоннѣ и поручилъ ему начальство надъ ратьею своею въ войнѣ Священнаго Союза противу Франціи. Это новое поприще было неудачно для Льва X. Въ битвѣ при Равеннѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ; но вскорѣ потомъ получилъ свободу. Возвратившись въ Болоннѣ, вступилъ онъ въ управленіе снѣмъ городомъ, въ качествѣ Папскаго Легата; потомъ переехалъ во Флоренцію, для ходатайства о возвращеніи фамиліи Медичи изъ изгнанія, и жилъ тамъ до самой кончины Папы Юлія X, случившейся въ 1513 году. Никакъ не ожидалъ, чтобы при выборѣ преемника умершему Первосвященнику, жребій палъ на него; онъ былъ крайне удивленъ, когда на 69 году отъ роду увидѣлъ на главѣ своей Папскую тиару. Первымъ поводомъ его, по вступленіи на престолъ Св. Петра, было уничтоженіе всѣхъ чужеземцевъ въ Италіи и прекращеніе распрѣй, въ Церкви Римской происходившихъ. Достигнувъ цѣли изгнанныхъ слонка, онъ посвятилъ себя преимущественно наукамъ и художествамъ, которыхъ былъ истиннымъ, всерховнымъ покровителемъ. Ему обязана Римъ построеніемъ Церкви Св. Петра. Ему обязана ученій снѣмъ изданіемъ Тацитовыхъ Аналовъ и мнѣшихъ Греческихъ классиковъ. Наконецъ ему обязана Италія тѣми бас-

своими успехами художества, которым постигали Римъ сведения всего художественнаго міра. Впрочемъ это постоянное преклоненіе, которое Лео Х оказывалъ Искусствамъ, создавъ для его славы въ Исторіи превращеніи, съ тѣхъ мѣстъ послужило для него источникомъ горькихъ политическихъ бѣдъ. Щедрость, съ какою онъ награждалъ заслуги учеными съ одной стороны, а съ другой безпрестанными надираниями, употребленныя для возвышенія амбіціи Медичи, до такой степени истощили казну сво, что для пополненія ея вынужденъ онъ былъ прибѣгнуть къ мѣрѣ ужасной: къ продажѣ Мадридскій, возбужденій справедливое негодованіе всего Христіанскаго міра и бывшій главнѣйшій поводъ къ Реформаци. Негодія сего политическаго и религіознаго переворота известна всему, и потому мы не станемъ распространяться здѣсь о немъ. Заключимъ только, что Лео Х не могъ отвратить бѣды, собиравшейся надъ Римскимъ престоломъ и умеръ въ 1521 году, завязавъ войною съ Франціею и готовя новое, но безуспѣшное оружіе противу послѣдствій ученія Лангерма. Желаніи почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о сѣмъ Первомъ папѣ, заключательномъ и по характеру своему и по эпохѣ, въ которой онъ жилъ, могутъ найтись оныя въ любопытномъ сочиненіи Ренко, подъ заглавіемъ: *Life and Pontificate of Leo the tenth*. London 1806.

58.) Павелъ Іоаннъ утверждаетъ то же самое, но Герберштейнъ показываетъ противное: «Нѣкоторые пишутъ, говорятъ онъ, будто Московскій Князь домогался у Папы и у Императора Максиміана достоинства и титула Королевскаго. Мы кажемся это неслыханнымъ; ибо нѣтъ чина, въ коемъ бы онъ нѣмалъ болѣе вражды, нежели въ Папу, которого называють не иначе, какъ учителемъ (Doctor). Императора Римскаго онъ также ни сколько не считалъ выше себя и даже въ грамотахъ вслѣдъ писати свое имя прежде Императорскаго. Доказательствомъ справедливости нашихъ Герберштейна служитъ то, что въ Намѣстномъ переводѣ договорной грамоты, заключенной въ 1514 году въ Москвѣ между Максиміаномъ и Василиемъ, вмѣсто слова Царь поставлено: *Kaiser*, который титулъ конечно выше Королевскаго. Этотъ переводъ, говоритъ

Карамзинъ, указавъ въ именитъ Архива, служилъ Петру Великому законнымъ свидѣтельствомъ, что самъ предъ его изъясненіемъ Императорамъ, и что Австрійскій дворъ призналъ ихъ въ селъ достоинства. (См. Кар. Н. Г. Р. Т. VII стр. 57).

59.) *Неремисъ* на пять лѣтъ между Василіемъ и Сигизмундомъ заключено было въ Москвѣ 25 Декабря 1522 года, а въ Краковѣ Послы Русскіе ждали только съ переправкою грамоты, безъ всякихъ предложеній со стороны Великаго Князя. Дале во время пребыванія своего въ Краковѣ, они вели себя весьма надменно и, и какъ пишетъ Карамзинъ, два раза выходили изъ дворца отъ Королевскаго обѣда, дабы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ Палатинами, Цесарскими и Венгерскими Посольскими въ дѣлахъ, почитая это необходимостью съ достоинствомъ Великокняжескаго Посольства. Въ послѣдствіи, чрезъ посредничество Папы и Императора, означенное переміе было продолжено до 1533 года (см. Кар. Н. Г. Р. Т. VII стр. 117 и 146).

60.) Съ 1369 года островъ Родосъ принадлежалъ во вѣки рыцарей ордена Св. Іоанна Иерусалимскаго; но въ 1522 году Греческій ево ордена Валахъ вынужденъ былъ уступить его знаменитому Солтану II и переимать со всѣми своими развалинами на островѣ Малту.

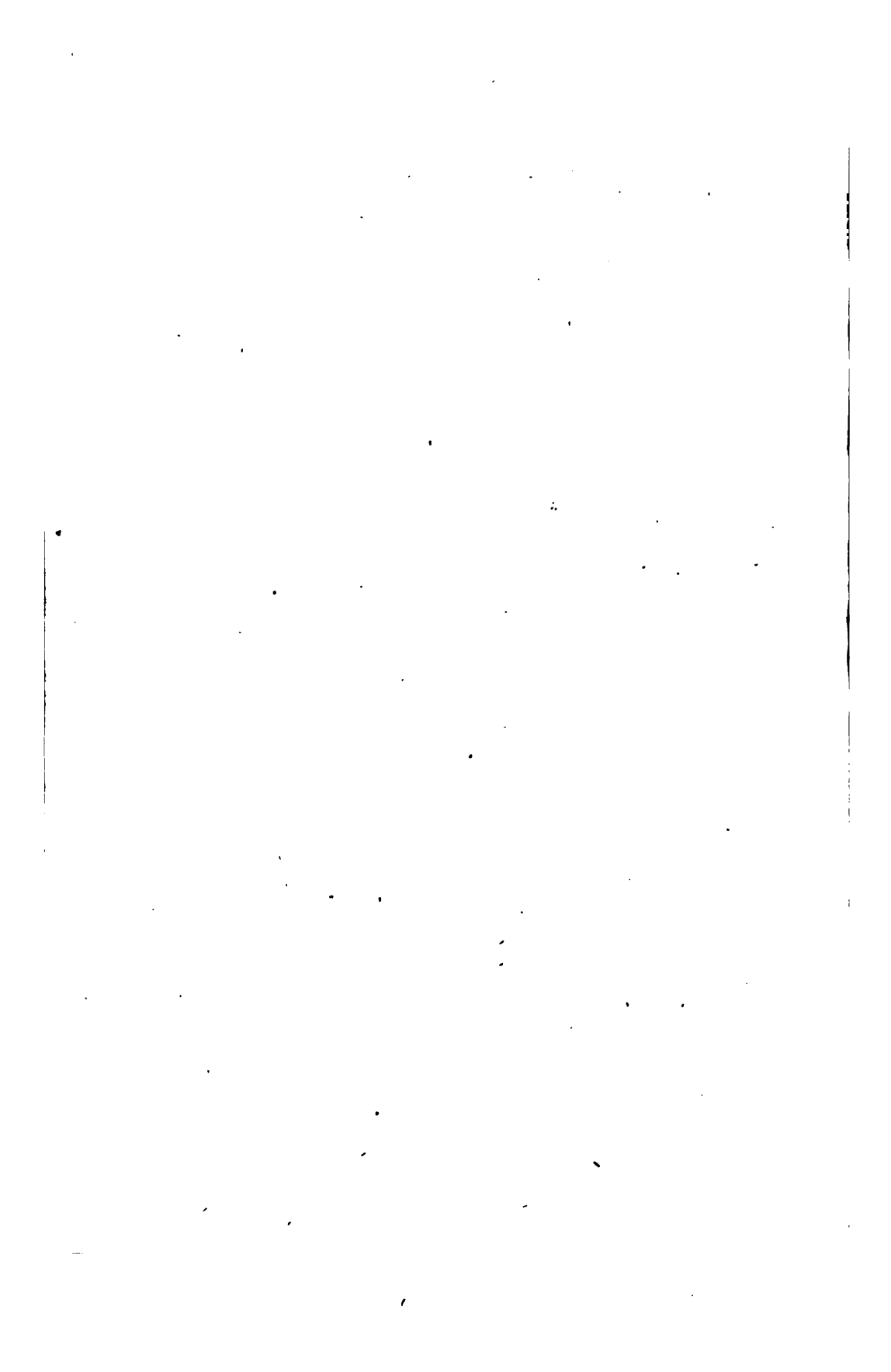
61.) *Былградъ* былъ завоеванъ Турками въ 1521 году.

62.) Первое Посольство Василія въ Императору Карлу V было отправлено въ 1522 году и вѣручено Подлячскому Якоу Полушану, а второе въ 1524 году. Съ сего послѣднѣе посланъ былъ Князь Иванъ Ярославскій-Засѣнникъ. Цѣлю обогнать Посольство было не только благо Христіанскаго міра, сколько желаніе Василія Іоанновича возбудить Императора противу Польскаго Короля Сигизмунда (см. Кар. Н. Г. Р. Т. VII стр. 142 и прим. 290).

63.) Это настоящій смыслъ выраженія поддѣлки, означеннаго ирочень равносмыслу Католику, писанному ниже въ ту эпоху, когда Реформація прогнала Палатку престолу аполитическимъ надѣніемъ.

IV.

НАВЕЯЪ ГОВІИ.

ПАВЛА ІОВІЯ

НОВОКОМСКАГО

Книга о Посольствѣ, отправленномъ Васиціемъ
Іоанновичемъ, Великимъ Княземъ Московскимъ,
къ Папѣ Клименту VII, въ которой съ досто-
вѣрностію описано положеніе страны, неиз-
вѣстной древнимъ, религія и обычаи народа,
равно какъ и цѣль посольства; между тѣмъ
показаны заблужденія Страбона, Птолемея и
другихъ Географовъ, упоминавшихъ о Рифей-
скихъ горахъ, существованіе коихъ въ наше
время отвергнуто ясными доводами.

Переводъ съ Латинскаго.

М. Михайловскаго.

PAULI JOVII

NOVOCOMENSIS,

de Legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Max. Liber: in quo situs regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores, et causae legationis fidelissime referuntur. Caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolomaei, aliorumque Geographiae scriptorum, ubi de Riphæis montibus meminere, quos hac aetate nusquam esse, plane cōspertum est.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ

О Т Ъ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Павелъ Іовій Новокомскій, Епископъ Ноцерскій, знаменитый Историкъ XVI вѣка, родился въ Ломбардіи, въ городѣ Колѣ. Въ молодости занимался онъ Медициною, а потомъ Богословскими науками, и, поступивъ въ духовное званіе, возведенъ въ санъ Епископа при Климентѣ VII. Онъ умеръ во Флоренціи въ 1552 году и погребенъ въ церкви Св. Лаврентія. П. Іовій написалъ много историческихъ сочиненій, изъ коихъ замѣтательнѣйшія суть: Современная Исторія, Похвалы знаменитымъ мужамъ, Разсужденіе о надписяхъ и проч. Предлагаемое здѣсь твореніе его о посольствѣ Василія Іоанновича къ Папѣ Клименту VII заслужило ему уваженіе современниковъ, и Герберштейнъ, бывшій

лично знакомъ съ сочинителемъ, имѣлъ оно въ виду при составленіи своей книги. Сношенія Папы Климента VII съ Василіемъ Іоанновичемъ, заключающія въ себѣ важную политическую цѣль, послужили поводомъ къ сему творенію и потому заслуживаютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Климентъ VII съ ужасомъ видѣлъ быстрые успѣхи послѣдователей Лютера. Только въ Испанію, Португалію и Ирландію не проникли еще въ то время сѣмена новаго ученія; все же прочее казалось навсегда потеряннымъ для Римскаго престола. Изыскивая всевозможныя средства къ поддержанію своего могущества и вліянія на Европу, и полагая, что соединеніе Восточной и Западной церкви могло имѣть (особенно въ эту эпоху) важныя послѣдствія, Климентъ обратилъ взоры свои на Россію.

Въ семъ предположеніи отправленъ былъ, какъ извѣстно, въ Москву, для переговоровъ, Капитанъ Павелъ, который однако возвратился въ Италію въ 1526 году безъ всякаго успѣха; равнымъ образомъ и по-

союзство нашего гонца Димитрія Гермен-
нова, вмѣстѣ съ Павломъ отпразднанаго
въ Римъ, не имѣло ожидаемыхъ Климентомъ
послѣдствій; ибо ему дано было отъ Василия
Іоанновича порученіе утвердить дружескія
связи нашего Двора съ Папскимъ; но не
болѣе; — о вѣрѣ не было ни слова (смотри
Карамзина Истор. Госуд. Россійск. Т. VII.
Глава III). И въ самомъ дѣлѣ что могло бы
заставить умнаго и сильнаго Русскаго Госу-
даря отважиться на такое предпріятіе, ко-
торое не согласовалось ни съ правилами
политики, ни съ собственнымъ его рели-
гіознымъ убѣжденіемъ, которое неминусею
нашло бы сопротивленіе въ твердомъ ду-
хѣ народа Русскаго, преданнаго вѣрѣ отцевъ,
и слѣдовательно было бы гибельно при са-
момъ начинаніи своемъ и невозможно въ
исполненіи? Нама обѣщать Василію титулъ
Короля; но Цари наши считали себя вышше
Королей. Герберштейнъ говорить, что въ
грамотахъ Василій ставилъ имя свое вышше
имени Императора.

Между тѣмъ Авторъ въ посвятителъ-

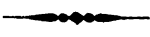
намъ писанъ. свесемъ къ Архієпископу Кон-
стантійскому прямо утверждать, что Россія
никогда намѣреніа подчинить себя. Папѣ, то
естъ, что она хотѣла добровольно нести те-
бреніа, которая силчилась тогда сбросить съ
себя большая часть другихъ Европейскихъ
Государствъ. Можно съ вѣроятностію на-
дѣяться, что желаніе Архієпископа Руфа, въ
угодность кесарю Іовій написать свое сочи-
неніе, была согласна съ желаніями Рим-
ской политики, или — лучше съ желаніями
самаго Папы, который хотя видѣлъ несбы-
точность своихъ намѣреній касательно Рос-
ціи, но тѣмъ не менѣе хотѣлъ поддѣйстви-
вать на своихъ враговъ ложнымъ слу-
хомъ о пражномъ релігіозномъ союзѣ съ
могущественною Сѣверною Державою. Къ
тому же Іовій любилъ писать по заказу и
угодить царемъ своимъ не одному Евро-
пейскому Двору. Не смотря однако на сіе,
сочиненіе его весьма важно для Исторіи;
ибо съ одной стороны является какъ сви-
дѣтельство критическаго положенія Римска-
го Двора, перестававшаго уже въ то время

быть въ общественномъ мѣнѣнѣи властителейъ судьбы царствъ и народовъ, а съ другой показывать, какое важное мѣсто занимала Россія въ составѣ Европейскихъ Государствъ въ эту эпоху преобразованій, великихъ открытій и рожденія новой Исторіи. Что же касается до самаго содержанія творенія Мамія Іовія, то въ немъ не встрѣчается ни лести, ни предубѣжденія, ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что въ разсказахъ остроумнаго Историка не рѣдко очень ясно просвѣчивается духъ Русскаго повѣствователя. Правда что объ нашемъ вѣроисповѣданіи, обрядахъ, и духовенствѣ Іовій говоритъ какъ ревностный защитникъ Папскихъ мѣнѣй; но это обстоятельство вовсе не мѣшаетъ намъ достойно оцѣнить его тамъ, гдѣ онъ бываетъ вѣренъ исторической истинѣ.

Говоря о географическомъ положеніи Россіи и народахъ, ее населяющихъ, онъ иногда не столько заботится объ удовлетвореніи любознательности читателей своихъ на счетъ Государства, еще мало извѣстнаго Европѣ, (за что вдвое поблагода-

рыли бы его современники и потомки) сильно увлекается жеманством, конечно свойственнымъ Историку (и особенно Историку того времени), похвръхъ понятіямъ древнихъ о народахъ, занимающихъ пространство, имъ описываемое. Отъ того то онъ заговаривается о Скиоахъ, Готѣахъ, Гиперборѣахъ, Сарматахъ и даже о баснословныхъ Пигмеахъ, вмишливаетъ, вовсе неслужную Исторію Баязета и наконецъ, въ слѣдствіе господствующей мысли своей, старается вездѣ, гдѣ только можно, удерживать древнія названія. —

М. М.

ЮАННУ РУФУ,

АРХІЕПИСКОПУ КОНСЕНТІЙСКОМУ.

Ваше Высокопреосвященство!

Вы изъявили желаніе имѣть на Латинскомъ языкѣ описаніе нравовъ Московитянъ, заимствованное мною изъ ежедневныхъ бесѣдъ съ Димитріемъ, прибывшимъ недавно къ Папѣ Клименту VII-му въ качествѣ Московскаго посла. По мнѣнію Вашему, основанному на благочестіи и добродѣтели, отличавшими Васъ съ юныхъ лѣтъ, могущество Римскаго Первосвященника должно еще болѣе возрасти въ глазахъ народовъ, если они узнаютъ, что не какой нибудь вымышленный или неизвѣстный Царь, но повелитель многочисленныхъ племенъ, обитающихъ на Сѣверовостокѣ, въ самое благопріятное для него время, обнаружилъ желаніе принять догматы нашей вѣры и вступить съ нами въ вѣчный союзъ, тогда какъ нѣкоторые Германскіе народы, превосходившіе, какъ казалось, благочестіемъ всѣ другія племена, увлекшись пагубнымъ заблужденіемъ, въ нечестіи и безуміи отпали не только отъ нашего вѣроисповѣданія, но даже и отъ самаго Бога. — Не смотря на множество и

важность других моих занятий; могущих служить мнѣ достаточнымъ извиненіемъ, я охотно и притомъ съ возможною скоростію успѣшилъ исполнить желаніе ваше, опасаясь, чтобы отъ продолжительнаго медленія и слишкомъ тщательной отработки самый предметъ мой не лишился новости и занимательности. Да послужить рвеніе мое знакомъ глубочайшаго моего къ Вамъ уваженія и всегдашней готовности исполнять волю Вашу. Я охотнѣе соглашусь понести безславіе, если таковой удѣлъ готовить мнѣ несовершенство труда моего, нежели обмануть лестное для меня ожиданіе Ваше.

Павелъ Іосифъ Новосадскій.

ПОСОЛЬСТВО

О Т Ъ.

**ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МОСКОВСКАГО, КЪ ПАПѢ
КЛИМЕНТУ VII-МУ.**

Прежде всего намырены мы описать вкрат- Планъ сего
цѣ положеніе страны, повидимому вѣсьма ма- сочиненіа.
ло известной Плинію, Страбону и Птоломею,
и представить оное на чертежѣ¹⁾, а потомъ
уже приступимъ къ краткому изображенію
нравовъ жителей, ихъ богатства, редиѣи и
военныхъ постановленій, подражая въ семъ
случаѣ Тациту, представившему нравы Гер-
манцевъ отдѣльно отъ общей Исторіи; при-
чемъ мы постараемся удержать ту же про-
стоту, съ каковою рассказывалъ намъ все здѣсь
предлагаемое въ свободное время самъ Дими-

трій, вынужденный къ тому нашими докучливыми и ласковыми распросами. Димитрій хорошо владѣть Латинскимъ языкомъ; ибо еще въ юныхъ лѣтахъ получилъ первое образованіе свое въ Ливоніи и отправлялъ нѣсколько разъ важную должность посланника во многихъ Христіанскихъ Государствахъ. Показавъ на опытѣ ревность свою къ пользамъ отечества и особенную дѣятельность при дворахъ Королей Шведскаго и Датскаго и у Великаго Магистра Прусскаго, онъ въ недавнемъ времени былъ отправленъ Посломъ ко двору Императора Максимилиана, гдѣ, окруженный людьми всякаго рода и обращаясь безпрестанно въ кругу общества образованнаго, удобно могъ очистить правильный и гибкій умъ свой отъ всего, что еще оставалось въ немъ грубаго.

Причина посольства.

Первоначальнымъ поводомъ къ сему посольству былъ Генуэзскій Капитанъ Павелъ, который прибывъ въ Москву, по торговымъ дѣламъ, съ Грамотою отъ Папы Льва X, вступилъ самъ собою съ приближенными Князя Василія въ переговоры о соединеніи обѣихъ церквей. Будучи отъ природы характера смѣлаго и предприимчиваго, Павелъ задумалъ искать какого то новаго и невѣроятнаго пути для провоза изъ Индіи благовонныхъ и пряныхъ товаровъ. Занимаясь торговыми дѣлами въ Сиріи, Египтѣ и Понтѣ, услышалъ онъ, что товары сія мо-

жно провозить на Восточно-Индійскаго полуострова сначала вверх по рѣкѣ Инду, а потомъ сухимъ путемъ чрезъ хребетъ Паропамизъ въ рѣку Оксъ, протекающую въ Бактріанѣ. Рѣка сія выходитъ изъ однихъ почти горъ съ Индомъ и, взявъ противоположное ему направленіе, принимаетъ на себя многія другія рѣки и впадаетъ въ Гирканское море²⁾ при портѣ Стравѣ³⁾. Отъ Стравы, по мнѣнію Павла, лежитъ безопасный и удобный путь моремъ къ торговому городу Цитрахъ⁴⁾ и къ устьямъ Волги; потомъ вверх по рѣкамъ Волгѣ, Окѣ и Москвѣ до города Москвы; далѣе отъ сего города сухимъ путемъ до Риги и наконецъ изъ Риги въ Сарматское Море, откуда можно свободно пройти во всѣ западныхъ Государства.

Павелъ негодовалъ на Португальцевъ за то, что они покоривъ оружіемъ большую часть Индіи и занявъ всѣ торговые рынки, одни скупали благовонія Востока и отправляли ихъ въ Испанію, гдѣ по непомѣрнымъ цѣнамъ продавали Европейцамъ; флотъ ихъ безпрестанно сторожилъ берега Индійскаго моря, отъ чего производившаяся доселѣ во всей Азіи и Европѣ съ большими выгодами торговля чрезъ Персидскій заливъ, Евфратъ, Аравійское море, Нилъ и наше море почти вовсе прекратилась. Кромѣ того товары, привозимые Португальцами, были гораздо хуже преж-

нихъ. Продолжительное плаваніе и сырость въ корабляхъ вредили благоволенію; такъ что они, оставаясь долгое время за недостаткомъ покупателей въ Лиссабонскихъ кладовыхъ, теряли свою силу, вкусъ и запахъ и почти совершенно выдыхались. Португальцы сверхъ того старались сбывать только старый товаръ, уже заплеснѣвшій, оставляя свѣжій въ своихъ кладовыхъ.

Хотя Павелъ, желая возбудить общую ненависть противъ Португальцевъ, въ ожесточеніи своемъ утверждалъ, что, по открытіи новаго пути, пошлины, съ товаровъ взимаемыя, значительно увеличатъ казну Царскую, и пряности, употребляемыя во множествѣ Москвитянами во всѣхъ ихъ яствахъ, сдѣлаются гораздо дешевле; однако предложеніе его не было принято. Василій почелъ неприличнымъ открыть челоѣку неизвѣстному, и притомъ иноземцу, области, служащія путемъ къ морю Каспійскому и въ Персію, и потому Павелъ, не достигнувъ цѣли намѣреній своихъ и изъ купца сдѣлавшись Посломъ, возвратился въ Италію уже по смерти Льва X и вручилъ прежнему его Папѣ Адріану грамоту Василія, въ которой сей послѣдній въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ изъяслялъ Римскому Первосвященнику искреннѣйшее свое расположеніе. Нужно объяснить, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ

во время войны Мусковской съ Польскими, Василий просил сейма Атеранскій⁴⁾, чрезъ Короля Датскаго Іоанна (просто званъ Христіеръ изъ недавняго времени лишенъ престола), доставить посламъ Московскимъ безопасный проездъ въ Вѣну; но такъ какъ Король Іоаннъ и Папа Юлій умерли едва ли не въ одинъ и тотъ же день, то Василий, лишившись въ первомъ изъ нихъ дѣйствительнаго посредника, отложилъ предначиненное имъ посольство. Такъ временно война между Василиемъ и Королемъ Польскимъ Сигизмундомъ все болѣе и болѣе разгоралась, и когда она окончилась побѣдою, одержанною поляками при Борисовѣ, то въ Вѣнѣ повелѣно было отправлять благодарственные посланствія, какъ будто бы побѣда надъ Москвитянами была побѣдою надъ врагами Христіанства. Пестумокъ этотъ весьма много отдалялъ Царя Василия и его народъ отъ Папы.

Между тѣмъ вскорѣ послѣ сего Папа ^{Вторичное} Адрианъ VI умеръ и на мѣсто его вступилъ ^{путешествіе} на престолъ Климентъ VII. Умавъ, что Па- ^{Папа въ} ^{Москву.} пель, все еще не престававшій искать безразсудной надежды на открытіе новаго пути на Востокъ, готовится ко второму путешествію въ Москву, Климентъ снабдилъ его грамотою къ Василию, въ коей убѣждалъ сего послѣдняго признать надъ собою владѣтельство Западной Церкви и, по обычаю единобожствъ, за-
Ч. I. П. Іовій.

ключить съ Римскими дворомъ важный союзъ, долженствовашій, по его мнѣнію, доставить счастье и славу Царю Московскому; сверхъ того Папа обещалъ святѣйшею властію своею даровать ему титулъ Короля, вмѣстѣ съ Королевскими регаліями, ежели онъ, отвергнувъ догматы Греческой вѣры, прибѣгнетъ къ покровительству Римской церкви. Известно, что Василій давно уже домогался у Папы такого титула⁶), зная, что Его Святѣйшество имѣетъ право даровать оный и что самые Императоры вѣстари получаютъ отъ Папы золотую корону и скипетръ—знаки ихъ достоинства. Слывають даже, будто онъ просилъ о семъ Императора Максимилиана и неоднократно отправлялъ къ нему для того пословъ.

Снабженный Папскою грамотою, Павелъ (съ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкшій странствовать по свѣту съ большимъ счастьемъ нежели выгодною), не смотря на то, что былъ уже дряхлъ и страдалъ застарѣлою каменною болѣзнію, скоро и благополучно прибылъ въ Москву, гдѣ очень благосклонно принятъ былъ Василенъ. Пробывъ при дворѣ его два мѣсяца и не находя силы своею достаточными для перенесенія трудностей предполагаемаго имъ пути, онъ бросилъ всѣ виды свои на Индійскую торговлю и мечтательные свои планы и возвратился, въ сопровожденіи Московскаго

посла Димитрія, въ Римъ, гдѣ всѣ полагали, что онъ не успѣлъ еще добраться до Москвы.

Папа приказалъ отвести Димитрію по-<sup>Пріемъ, сдѣ-
ланный Мо-
сковскому
Послу въ Ри-
мѣ.</sup>кои въ великолѣпнѣйшей части Ватиканскаго дворца, гдѣ раззолоченные потолки, изящной работы обои и постели, покрытыя шелковыми тканями, должныствовали удивить взоры Московскаго Посла, облеченнаго по приказанію Его Святѣйшества также въ шелковыя одежды. Францискъ Херегать, Епископъ Апрушинскій, нѣсколько уже разъ отправлявшій важную должность посланника въ отдаленныхъ странахъ и заочно извѣстный Димитрію по разсказамъ Павла, долженъ былъ, по повелѣнію Папы, вездѣ сопутствовать Московскому послу и показывать ему церковныя драгоценности и рѣдкости Рима. — Отдохнувъ нѣсколько дней и смывъ съ себя грязь, накопившуюся отъ продолжительнаго и труднаго пути, Димитрій въ великолѣпной національной одеждѣ представленъ былъ Папѣ и, преклонивъ предъ нимъ по обыкновенію колѣна⁷⁾, поднесъ отъ своего имени и отъ имени Царя дары, состоящія изъ собольихъ мѣховъ, и вручилъ Его Святѣйшеству отъ Василя слѣдующую грамоту, предварительно переведенную на Латинскій языкъ самымъ Димитріемъ, а потомъ толмачемъ Илирійцемъ Николаемъ Сикценскимъ.

Грамота Ве-
ликаго Кня-
зя Василія къ
Папѣ Рим-
скому.

«Папѣ Клименту, Пастырю и учителю Рим-
ской церкви, Великій Государь Василій, Божіею
Милостію Царь и обладатель всея Русіи, Ве-
ликій Князь Володимерскій, Московскій, Нов-
городскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій,
Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и
проч. Государь и Великій Князь Новгорода
Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, По-
лоцкій, Ржевскій, Бельскій, Ростовскій, Яро-
славскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій,
Кондійскій и проч. Прислали вы къ Намъ
Капитана Павла, Гражданина Генуэзскаго, съ
грамотою, въ которой убѣждаете насъ, къ
соединеніи съ вами и другими Государями
Христіанскими, дѣйствовать совѣтомъ и силою
противъ враговъ Христіанства; чинить обоюд-
но, какъ вашимъ такъ и Нашимъ посламъ, сво-
бодный и безпрепятственный пропускъ и по
взаимной пріязни извѣщать другъ друга о
здравіи Нашемъ и состояніи дѣлъ Государ-
ственныхъ. Мы же, при всеблагой помощи Бо-
жіей, доселѣ ратовавъ неустойно и постоян-
но противъ нечестивыхъ враговъ Христовой
вѣры, готовы и впредь воевать съ ними. Рав-
номѣрно готовы Мы жить въ добромъ согла-
сіи съ другими Государями Христіанскими и да-
вать свободный пропускъ ихъ подданнымъ въ
Нашемъ Царствѣ. Чего ради и посылаемъ къ
вамъ Дмитрія Герасимова, Нашего человѣка,

съ сего Нашею грамотою; Папа же Капитана отсылаетъ обратно. Но вы въ скоромъ времени отпустите Димитрія и повелите проводить его здравымъ и невредимымъ до нашихъ границъ. Мы же съ своей стороны общаемъ поступить такимъ же образомъ, если вы пришлете къ намъ съ Димитріемъ посла Вашего, желая словесно и письменно извѣстить насъ о дѣлахъ Государственныхъ, дабы, сообразивъ желанія всѣхъ Христіанъ, Мы могли дѣйствовать съ Нашей стороны приличнѣйшимъ образомъ. Дано въ царствованіе Наше, въ городѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра семь тысячъ тридцать третіе (7033 или 1525), Апрѣля третьяго дня.»

Полагали что Димитрій, какъ человекъ опытный въ дѣлахъ Государственныхъ и особенно свѣдущій въ Св. Писаніи, имѣетъ какія либо тайныя и важныя порученія, которыя объявить Папѣ на аудіенціи словесно. Онъ въ недавнемъ времени выздоровѣлъ отъ лихорадки, которою долго былъ одержимъ отъ переменъ климата и совершенно возстановилъ силы свои и прежній цвѣтъ лица, такъ, что не смотря на шестидесятилѣтнюю старость, съ охотою ходилъ слушать торжественное служеніе Папы, совершавшееся со всюю пышностію, при гармоническихъ звукахъ музыки, въ день Св. Космы и Даміана;

Пробываніе
Димитрія въ
Римѣ.

былъ въ Сенатъ въ то самое время, когда Папа и всѣ придворные чины принимали Кардинала Кампеджіо, только что возвратившагося изъ посольства въ Венгрію, осматривалъ святыя храмы и съ изумленіемъ любовался остатками древняго величія Рима и жалкими остовами прежнихъ зданій. Надлежитъ полагать, что, по обзорѣнн всего этого, онъ въ скоромъ времени объявить Папѣ желанія Государя своего и, принявъ отъ Его Святѣйшества достойные дары, возвратится въ Москву съ Папскимъ Легатомъ Епископомъ Скаренскимъ.

Имя Московитянъ и описаніе страны, ими занимаемой.

Имя Москвитянъ недавно только стало извѣстно, хотя впрочемъ Луканъ и упоминаетъ о Москахъ, какъ о народѣ сосѣдственномъ съ Сарматами, а Плиній говорить, что они жили при источникѣ Фазиса, повыше Чернаго моря, къ востоку.

Страна ихъ весьма обширна. Она простирается отъ жертвенниковъ Александра Великаго (около источниковъ Танаиса), до отдаленнѣйшаго края земли, къ Ледовитому Океану, подъ самый сѣверъ. Поверхность ея — большею частію плоская и изобилуетъ дугами, хотя дѣломъ во многихъ мѣстахъ болотиста. Это происходитъ отъ того, что вся Московія пересѣкается большими рѣками, которыя, поднимаясь отъ тающихъ весною снѣговъ и разрѣшающагося льда, во многихъ мѣстахъ поля

превращаютъ въ болота, а дороги покрываютъ столчею водою и глубокою грязью, непротыхающею до тѣхъ норъ, пока рѣки сіи, при наступленіи новой зимы, не покроются опять льдомъ и болота не окрѣпнутъ отъ сильныхъ морозовъ такъ, чтобы можно было безопасно ѣздить по онимъ. Большую часть Московіи занимаютъ Герцинскіе лѣса, которые будучи уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заселены и въ продолженіе времени расчищены трудолюбіемъ жителей, не представляютъ болѣе тѣхъ страшныхъ и непроходимыхъ дебрей, какъ прежде. Сказываютъ, что они наполнены множествомъ дикихъ звѣрей и тнаутся не перерываясь по всей Московіи въ направленіи къ Сѣверовостоку до самаго Скинскаго океана, такъ что при всѣхъ стараніяхъ никому еще доселѣ не удалось откромъть конца ихъ. Въ той части, которая принадлежитъ Пруссіи, подытса огромные и свирѣпые буйволы, видомъ похожіе на быковъ и называемые Визонтами⁸⁾, а также Альцесы (Alces), родъ звѣрей, сходный съ оленями и отличающійся мясистою мордою, высокими ногами и несгибающеюся щеткою. Москвитяне называютъ ихъ лосями, а Нѣмцы еленями. Животныя сіи извѣстны были еще К. Цезарю. Въ Герцинскихъ лѣсахъ водятся также необыкновенной величины медвѣди и страшные, большіе черные волки.

Сосѣдствен-
ные народы.
Татары.

На востокъ отъ Московитянъ живутъ Скиѣмъ, нынѣ называемые Татарами, народъ кочевой и съ давнихъ временъ славившійся своимъ воинственнымъ характеромъ. Телѣга, покрытая войлоками и кожами, служатъ имъ вмѣсто домовъ, — и этотъ образъ жизни еще въ древности приобрѣлъ имъ названіе Амаксовіевъ *) (Намаховіос). Вмѣсто городовъ имѣютъ они обширныя становища, необведенныя ни рвами, ни насыпями, но защищаемыя безчисленнымъ множествомъ всадниковъ, вооруженныхъ стрѣлами. Татары раздѣляются на орды¹⁾; это слово на ихъ языкѣ значитъ собраніе народа въ одно цѣлое, на подобіе Государства. Каждую орду управляетъ особенный вождь, избираемый по знатности рода или по воинскимъ доблестямъ. Побуждаемые честолюбіемъ они часто ведутъ жестокия войны съ своими сосѣдами. Татарскихъ ордъ, какъ извѣстно, находится безчисленное множество, ибо Татары владѣютъ обширными степями, простирающимися до самаго Китая (Cathayum), знаменитой страны на берегахъ Восточнаго океана. Тѣ изъ Татарскихъ племенъ, которые ближе къ Московитянамъ, извѣстны по торговымъ сношеніямъ своимъ и по частымъ набѣгамъ. Въ Европейской Татаріи при Ахилесовомъ поприщѣ²⁾ (Dromos Achilles), что въ Таврическомъ Херсонисѣ, живутъ Перекопскіе Татары. Дочь Хана ихъ находится нынѣ въ

замужествъ за Турецкимъ Императоромъ Селимомъ. Питая непримиримую вражду къ Полкамъ, Переконскіе Татары непрерывно опустошаютъ земли, лежащія между Борисеемъ и Танаисомъ. Какъ въ религіи, такъ и во всемъ другомъ, они весьма сходны съ Турками, которые въ Тавридѣ владѣютъ Лигурійскою колоніею, называвшеюся въ древности Феодосіею. Татары, обитающіе въ Азіи, на обширныхъ равнинахъ между Танаисомъ и Волгою, подвластны Московскому Царю Василію и отъ воли его перѣдко зависятъ даже самое избраніе ихъ Государей. Между ними въ особенности замѣчательны Крешскіе Татары¹⁾ (Семіи), народъ славившійся прежде богатствомъ и воинскими доблестями, но лишившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ внутреннихъ междоусобій всей своей силы и знаменитости. За Волгою обитаютъ Казанскіе Татары, которые весьма дорожатъ дружбою Московитянъ и признаютъ ихъ своими покровителями. Далѣе на Сѣверъ отъ Казани живутъ Шибанскіе Татары (Sciaban), сильные по своему многолюдству и обширнымъ стадамъ; а за ними Ногайскіе Татары, славящіеся въ настоящее время богатствомъ своимъ и воинскою доблестію. Сія обширнѣйшая орда не имѣетъ Государя, но управляется, подобно Венеціанской Республикѣ, благоразумными старцами и храбрыми мужами. Къ югу отъ Но-

гаевъ, близъ Гирканскаго моря, живеть племя Загатайское (Zagathai), знатнѣйшее изъ всѣхъ Татарскихъ племенъ. Загатаи имѣютъ города, построенные изъ камня. Самаркандъ, столица ихъ, замѣчательна по своей обширности и великолѣпію. Чрезъ нее протекаетъ величайшая въ Согдіанѣ¹³⁾ рѣка Яксартъ, впадающая сто миль далѣе въ Каспійское море¹⁴⁾. Въ наше время Персидскій Царь Измаиль Софи¹⁵⁾ воевалъ съ ними народами, но весьма неудачно. Вынужденный въ одно и тоже время бороться съ ними и съ Султаномъ Селимомъ, онъ былъ на голову разбитъ ими послѣднимъ въ одномъ сраженіи и долженъ былъ уступить ему Арменію и Таврисъ, столицу своего Государства. Въ Самаркандѣ родился Тамбурланъ или Темиркутлу (Themircuthlu)¹⁶⁾, какъ утверждаетъ Димитрій, который, побѣдивъ Селимова прадѣда Баязета Оттоманскаго въ битвѣ при городѣ Анциръ въ Галатіи¹⁷⁾, взялъ его въ плѣнъ и торжественно возилъ въ желѣзной клеткѣ по всей Азіи, завоеванной силою страшнаго его оружія.

Загатаи снабжаютъ Московитянъ множествомъ шелковыхъ тканей; Татары же, обитающіе внутри земель, не доставляютъ имъ ничего, кромѣ быстрыхъ лошадей и превосходныхъ бѣлыхъ матерій, не тканыхъ, а сваленныхъ изъ шерсти. Изъ нихъ дѣлаются

Фельтрійскія епанчи, столь красивыя и столь хорошо защищающія отъ дождя. У Московитянъ они берутъ въ обмѣнъ только шерстяное платье и серебрянную монету, пренебрегая прочимъ убранствомъ и излишнею домашнею рухлядью. Имъ достаточно однихъ плащей для защиты отъ суровой погоды и однихъ стрѣлъ для отраженія непріятеля. Впрочемъ, въ случаѣ набѣга на Европейскія страны, предводители ихъ покупаютъ у Персовъ желѣзные шлемы, брони и сабли.

Съ полуденной стороны сопредѣльно Московитянамъ другое племя Татаръ, живущее въ Азіи около Азовскаго моря (*Palus Meotides*), а въ Европѣ при рѣкахъ Борисеенъ и Танансъ, т. е. на равнинахъ, примыкающихъ къ Герциніи. Въ древнія времена пространство сіе занимали Роксоланы¹⁸⁾, Геты и Бастарны, откуда по моему мнѣнію произошло и самое названіе Россіи; ибо часть Литвы именуется и понынѣ Нижнею Россіею, а самая Московія Бѣлою Россіею. Къ Сѣверозападу отъ Московіи лежитъ Литва; съ Запада же Пруссія и Ливонія средними частями входятъ въ самые предѣлы Московіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сарматское море, проходя сквозь тѣсный проливъ Кимврійскаго Херсониса¹⁹⁾, склоняется лунообразнымъ заливомъ къ Сѣверу.

На самомъ отдаленномъ берегу Океана, гдѣ Лапландцы

обширѣйшія Государства Норвегія и Швеція какъ бы перешейкомъ соединяются съ материкомъ, живутъ Лапландцы, народъ чрезвычайно дикій, подозрительный и до такой степени бояливый, что одинъ слѣдъ иноземца или даже одинъ видъ корабля обращаетъ ихъ въ бѣгство. Лапландцы не знаютъ ни произрастеній, ни плодовъ и вообще никакихъ даровъ природы. Стрѣльба изъ лука доставляетъ имъ всю пищу ихъ, а звѣринныя кожи — всю ихъ одежду. Жилища ихъ составляютъ небольшія пещеры, наполненныя сухими листьями и древесные пни, выдушенные огнемъ или временемъ. Нѣкоторые живутъ на берегу моря, въ мѣстахъ, болѣе удобныхъ для ловли рыбы, которую добываютъ во множествѣ, не смотря на несовершенство своихъ орудій. Они копятъ ее и такимъ образомъ сберегаютъ въ прокъ. Лапландцы очень малы ростомъ, имѣютъ блѣдные и какъ бы разбитыя лица, но зато одарены величайшею быстротою ногъ. О свойствахъ сего народа даже ближайшіе его сосѣди, Московитяне, ничего не знаютъ; ибо, по словамъ ихъ, напасть на Лапландцевъ съ небольшимъ отрядомъ было бы безразсудно и гибельно; идти же съ большою ратію противу племени бѣднаго — и бесполезно и безславно. Лапландцы промѣниваютъ Московитянамъ на разные товары бѣлые мѣха, извѣстные у насъ

подъ именемъ горюстаевъ (*alvinae*); причѣмъ не только не ведутъ разговора съ кунцами, но даже избегаютъ ихъ взоровъ. По общему сличенію продаваемыхъ товаровъ, они оставляютъ на мѣстѣ мѣха свои, и такимъ образомъ заочно между неизвѣстными другъ другу людьми производится самая искренняя и справедливая мѣна.

Къ С. С. З. отъ Лапландцевъ, въ стра-Пигмен. нѣ вѣчнаго мрака, по свидѣтельству нѣкоторыхъ достовѣрныхъ лицъ, живутъ Пигмен²⁰), которые въ полномъ возрастѣ своемъ едва превышаютъ нашего десятилѣтняго ребенка; они боязливы, щебечутъ какъ птицы и по строенію тѣла, равно какъ и по свойствамъ своимъ, болѣе похожи на обезьянъ, нежели на обыкновенныхъ людей.

Къ Сѣверу отъ Московіи обитаютъ безчисленныя племена, подвластныя Московитинамъ и занимающія все пространство до Скиесскаго Океана, на разстояніи трехъ мѣсяцовъ пути.

Страна, ближайшая къ Московіи, — есть Холмогоры. Она изобилуетъ всякаго рода земными произрастеніями и орошается величайшею изъ всѣхъ Сѣверныхъ рѣкъ, Двиною, которая сообщила имя свое другой меньшей рѣкъ, впадающей въ Балтійское море. Двина постоянно въ извѣстныя времена года разливается подобно Нилу. Наводниа прилежащія поля, она

утучняютъ ихъ плодоноснымъ иломъ и тѣмъ самымъ умѣряетъ суровость климата и противоборствуетъ вліянію Сѣверныхъ вѣтровъ. Во время ея разлива, происходящаго обыкновенно отъ таянія снѣговъ и отъ сильныхъ дождей, устье ея, при впаденіи въ Океанъ, уподобляется пространному морю, такъ что на гребномъ суднѣ нельзя переѣхать его въ одинъ день; но лишь только вода начнетъ сбывать, на всемъ пространствѣ образуются обширные и плодороднѣйшіе острова. Посѣянный на нихъ хлѣбъ родится безъ воздѣлыванія и почти въ одно и тоже время всходить, вырастаетъ и колосится, съ удивительною скоростію, какъ бы опасаясь новаго разлитія. —

Пермь, Печера, Югры, Вогуличи и Пеняжанс. Въ 60 миляхъ отъ Москвы, тамъ, гдѣ рѣка Югъ впадаетъ въ Двину¹⁾, лежитъ торговый городъ Устюгъ. Туда пріѣзжаютъ Пермь (Permi), Печера (Peceti), Югры (Inugri), Вогуличи (Ugulici), Пеняжане (Pinnagi) и другіе отдаленнѣйшіе народы и привозятъ съ собою дорогіе мѣха (какъ то куницъ, соболей, волковъ, оленей, и черныхъ и бѣлыхъ лисицъ), которые промѣниваютъ на различные товары. Лучшіе собольи мѣха съ просьдью доставляются изъ Перми и Печеры и употребляются для Царской одежды и для украшенія нѣжныхъ плечъ знатныхъ боярынъ, которыя умѣютъ придать сему наряду видъ живыхъ со-

болей. Впрочемъ эти народы не сами добываютъ ихъ, а получаютъ отъ другихъ отдаленнѣйшихъ племенъ, живущихъ близъ Океана. Еще въ минувшемъ вѣкѣ Пермь и Печера были язычниками и приносили жертвы идоламъ; нынѣ же исповѣдуютъ Христіанскую вѣру. Въ страну Югровъ и Вуголичей лежитъ путь чрезъ непроходимыя горы, вѣроятно тѣ самыя, которыя въ древности именовались Гиперборейскими. На вершинахъ ихъ ловятъ превосходныхъ соколовъ, между коими особенно замѣчательнъ родъ бѣлыхъ соколовъ съ пестрыми перьями, извѣстный подъ названіемъ *Herodium*. Тамъ же водятся іерофалки, непріатели цаплей и разныя породы священныхъ перелетныхъ соколовъ, неизвѣстныхъ даже самымъ роскошнѣйшимъ Государямъ древности, занимавшимся птицеводствомъ.

Кромѣ народовъ, упомянутыхъ мною и платящихъ дань Московскимъ Царямъ, есть еще племена, по отдаленности своей неизвѣстныя даже самымъ Москвитянамъ, ибо никто еще не доходилъ до Океана. Объ нихъ знаютъ только по слуху и по разсказамъ купцовъ, большею частію баснословнымъ. Достоверно только то, что Двина, принимающая въ себя безчисленныя рѣки, съ большимъ стремленіемъ течетъ къ сѣверу, и что море, въ которое впадаетъ она, имѣетъ столь огромное протя-

утучняетъ ихъ плодоносн
самымъ умѣряетъ суров
тивоборствуетъ вліанію
Во время ея разлива, п
венно отъ таянія сн
дождей, устье ея, п
уподобляется прост
на гребномъ суднѣ
одинъ день; но п
сбывать, на всем
обширные и пло
янный на нихъ
ванія и почти
доть, вырастае
ною скоростію
литія. —

Пермь, Пе- Въ 60 ми.
чера, Югры, ка Югъ впадае
Вогуличи и
Пеняжанс. городъ Устюг
Печера (Ресеп
Пеняжане (Р
ды и привоз
куницъ, соб
бѣлыхъ лиси
личные тов.
сѣдью доста
потребляют
нія нѣжных
умѣютъ пр

бакай. Впрочем эти ~~люди~~ ^{люди} разумъ Мо-
ихъ, а получаютъ отъ ~~другихъ~~ ^{другихъ} ~~заимствовано~~ ^{заимствовано} отъ
иногда, живущихъ ~~близко~~ ^{близко} ~~общей~~ ^{общей} ~~презъ~~ ^{презъ} ~~столичный~~ ^{столичный}
нужнымъ какъ ~~Народъ~~ ^{Народъ} ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

ми и приносятъ ~~жизнь~~ ^{жизнь}

испольдуютъ ~~Христіанство~~ ^{Христіанство}

Югровъ и Вугановъ ~~и~~ ^и

ходными ~~горами~~ ^{горами}, ~~и~~ ^и

въ древности ~~и~~ ^и

На ~~вершинахъ~~ ^{вершинахъ} ~~и~~ ^и

кованъ, ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

родъ ~~близко~~ ^{близко} ~~и~~ ^и

извѣстный ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

различъ ~~и~~ ^и

своими ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

са ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и

своему положенію въ са- ^{Города Мо-}

по удобству водяныхъ со-

многочисленности и наконецъ

своихъ, есть лучший и знат-

цѣдомъ Государствѣ. Онъ вы-

у раки Москвы на протяже-

и дома въ немъ вообще дере-

и огромны, но и не слишкомъ

и довольно просторны; каждый

и новенно дѣлится на три комна-

и, спальную и кухню. Бревна

изъ Герцинскаго лѣса; ихъ отсы-

и муру, кладутъ одно на другое,

и на концахъ, — и такимъ образомъ

и оятся чрезвычайно крѣпко, дешево

При каждомъ почти домѣ есть свой

и лужайка для удовольствія хозяевъ и

и съ тѣмъ доставляющей имъ нужное

и ство овощей; отъ сего городъ кажет-

и обыкновенно обширнымъ. Въ каждомъ

и кварталѣ есть своя церковь; на самомъ

и возвышенномъ мѣстѣ стоитъ храмъ Бого-

и ери, славный по своей Архитектурѣ и ве-

и чинѣ; его построилъ шестьдесятъ лѣтъ то-

Ч. I. П. Юрій.

женіе, что придерживаясь праваго его берега, можно доплыть до самаго Китая, — ежели не встрѣтится на пути какой либо новой земли.

К и т а й. Китайцы населяютъ самыя отдаленнѣйшія страны Востока, почти параллельныя съ Оракіею. Португальцы видали ихъ въ Индіи, куда они прѣзжали для покупки благовонныхъ товаровъ. Въ путешествіяхъ своихъ они доходили даже до Золотаго Херсониса²²⁾ и привозили съ собою собольи мѣхъ. Это послѣднее обстоятельство явно показываетъ, что Китай лежитъ недалеко отъ Скифскихъ береговъ. —

Преданіе объ
участіи Мос-
ковитянъ въ
Готскомъ
походѣ.

Я спросилъ Димитрія, не осталось ли у нихъ какаго преданія или письменнаго намятника о Готеахъ, которые за тысячу лѣтъ предъ симъ разрушили Имперію Цезаря и опустошили городъ Римъ. Названіе Готскаго народа, отвѣчалъ онъ, равно какъ и имя Царя Тотимы²³⁾ у насъ весьма хорошо извѣстно; въ походѣ же противъ Римской Имперіи принимали участіе многіе народы, — и болѣе другихъ Москвитяне. Присоединившіеся къ нимъ Ливонцы и Приволжскіе Татары еще болѣе увеличили ихъ силы; названы же всѣ они вообще Готеами потому, что Готомы, населявшіе островъ Исландію или Скандинавію²⁴⁾, были главными виновниками сего похода.

Мы уже видѣли какіе народы окружаютъ Московское Государство. Думаю, что Итоло-

ней под своими Модоками²⁴) разума Москвитанъ, коихъ названіе замѣстовано отъ рѣки Москвы, протекающей чрезъ столичный городъ того же имени.

Городъ Москва по своему положенію въ са-
мой срединѣ страны, по удобству водяныхъ со-
общеній, по своему многолюдству и наконецъ
по крѣпости стѣнъ своихъ, есть лучший и знат-
нѣйшій городъ въ цѣломъ Государствѣ. Онъ вы-
строенъ по берегу рѣки Москвы на протяже-
ніи пяти миль, и дома въ немъ вообще дере-
вянные, не очень огромны, но и не слишкомъ
низки, и внутри довольно просторны; каждый
изъ нихъ обыкновенно дѣлится на три комна-
ты: гостинную, спальную и кухню. Бревна
привозятся изъ Герцинскаго лѣса; ихъ отесы-
ваютъ по димуру, кладутъ одно на другое,
скрѣпляютъ на концахъ, — и такимъ образомъ
стѣны строятся чрезвычайно крѣпко, дешево
и скоро. При каждомъ почти домѣ есть свой
садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и
вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное
количество овощей; отъ сего городъ кажет-
ся необыкновенно обширнымъ. Въ каждомъ
почти кварталѣ есть своя церковь; на самомъ
же возвышенномъ мѣстѣ²⁵ стоитъ храмъ Бого-
матери, славный по своей Архитектурѣ и ве-
личіи; его построилъ шестьдесятъ лѣтъ то-
Ч. I. II. Юлій.

Городъ Мо-
сква.

му назадъ Аристотель Болонскій, знаменитый Художникъ и Механикъ *). Въ самомъ городѣ впадаетъ въ р. Москву рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе множество мельницъ. При впаденіи своемъ она образуетъ полуостровъ, на концѣ коего стоитъ весьма красивый замокъ съ башнями и бойницами, построенный Итальянскими Архитекторами. Въ поляхъ, принадлежащихъ городу, водятся необычайное множество дикихъ козъ и зайцевъ, которыхъ однако никто не имѣетъ права ни ловить тенетами, ни травить собаками; только своими приближенными и послами иностранными Государь позволяетъ иногда имѣть это удовольствіе. Почти три части города омываются рѣками Москвою и Неглинною; осталая же часть окопана широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, проведенною изъ тѣхъ же самыхъ рѣкъ. Съ другой стороны городъ защищенъ рѣкою Яузою, также впадающею въ Москву нѣсколько ниже города. Самая же Москва, протекая на югъ, изливается подъ городомъ Коломнаю въ большую рѣку Оку, которая, въ пространномъ теченіи своемъ, принявъ въ себя еще нѣсколько другихъ рѣкъ, широкимъ устьемъ втекаетъ въ Волгу. При впаденіи ея стоитъ городъ Новгородъ Нижній, получившій названіе свое отъ Великаго Новгорода, почитающагося его Метрополіею.

Волга, въ древности Ра, вытекаетъ изъ ^{Источники} болшихъ и глубокихъ болотъ, именуемыхъ ^{Волги и дру-} Бѣлыми озерами. Они лежатъ на Сѣвероза- ^{гихъ рекъ.} надъ отъ Москвы и подобно Альпамъ, съ вер-
шинъ которыхъ стремятся Рейнъ, По, Рона и
другія менѣе значительныя рѣки, даютъ нача-
ло всѣмъ почти рѣкамъ, протекающимъ по
Московіи. Болота сіи заключаютъ въ себѣ неиз-
сякаемые источники и тѣмъ самымъ замѣняютъ
горы, которыхъ, по увѣренію путешественни-
ковъ, вовсе нѣтъ въ цѣлой странѣ; отъ сего
занимающіеся Космографіею почитаютъ сказ-
кою прославленныя древними Рифейскія и
Гиперборейскія горы. Изъ сихъ то болотъ
вытекаютъ Двина, Ока, Москва, Волга, Танаисъ
и Борисеенъ. Волгу Татары называютъ Эди-
лемъ, Танаисъ Дономъ, а Борисеенъ нынѣ и-
менуется Днѣпромъ. Онъ впадаетъ ниже Тав-
риды въ Эвксинскій Понтъ; Танаисъ изли-
вается при торговомъ городѣ Азовѣ въ Мео-
тійское море, а Волга, взявъ начало свое на
Сѣверъ отъ Москвы, стремится большими из-
лучинами сперва на Востокъ, потомъ на За-
падъ и наконецъ на Югъ, и втекаетъ обиль-
ными рукавами въ Гирканское море. Близъ Цитраханъ
устья ея стоитъ Татарскій городъ Цитраханъ,
куда съѣзжаются на славную ярмарку Мидій-
скіе, Армянскіе и Персидскіе купцы. На лѣ-
вомъ берегу Волги находится Казань, также

К а з а н ь. Татарскій городъ, отъ котораго получилъ названіе свое Казанская орда. Она отстоитъ отъ устья Волги и Каспійскаго моря на пять сотъ миль. Выше сего города на сто пятьдесятъ Итальянскихъ миль, при впаденіи въ Волгу рѣки Суры, нмѣшній Государь построилъ городъ Сурцикумъ²⁷⁾ съ тѣмъ, чтобы въ сей безлюдной странѣ доставить безопасныя жилища и ночлеги людямъ торговымъ и гонцамъ, отправляемымъ къ пограничнымъ воеводамъ, для извѣщенія ихъ о дѣлахъ Татаръ и движеніяхъ сего безпокойнаго народа.

Московскіе Государи, соображаясь съ обстоятельствами, или желая присудствіемъ своимъ возвысить новыя и мало извѣстныя страны, въ различныхъ времена имѣли столицу и дворъ свой въ разныхъ городахъ. Такимъ образомъ Новгородъ, лежащій на Сѣверозападъ отъ Москвы, ближе къ Ливонскому морю, былъ прежде столицею Государства и всегда славился безчисленнымъ множествомъ строеній своихъ, выгоднымъ своимъ положеніемъ при обширномъ и богатомъ рыбою озерѣ, и наконецъ древнѣйшимъ и весьма уважаемымъ Москвитянами храмомъ, сооруженнымъ за 400 лѣтъ предъ симъ, въ соревнованіе съ Византійскими Императорами, во имя Св. Софіи Іисуса Христа сына Божія²⁸⁾. Въ Новгородѣ царствуетъ вѣчная зима и мрачная продолжительная ночь, потому что Арктиче-

скій полюсъ возвышается тамъ надъ горизонтомъ на шестьдесятъ четыре градуса; Москва же, находясь шестью градусами ближе къ экватору, во время солнцестоянія, по причинѣ короткихъ ночей, подвержена чрезвычайному зною. Городъ Владиміръ, отстоящій отъ Москвы въ двухъ стахъ миляхъ на Востокъ, именуется также престольнымъ градомъ; ибо мужественные Государи Московскіе перенесли туда столицу свою въ то время, когда вели безпрестанныя войны съ соседственными народами, они вынуждены были находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій и быть всегда готовыми къ отраженію Сибирскихъ племенъ. Онъ лежитъ по сѣю сторону Волги, при рѣкѣ Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Волгу. Впрочемъ Москва, по выгодному положенію своему, преимущественно предъ всѣми другими городами, заслуживаетъ быть столицею; ибо мудрымъ основателемъ своимъ построена въ самой населенной странѣ, въ срединѣ Государства, ограждена рѣками, укрѣплена замкомъ и по мнѣнію многихъ никогда не теряетъ первенства своего. Она отстоитъ отъ Новгорода на пять сотъ тысячъ шаговъ. На срединѣ пути сего построенъ городъ Тверь, при рѣкѣ Волгѣ, которая въ семь мѣстъ, будучи близка къ своему источнику и не умноживъ еще водъ своихъ другими значительны-

Владимира.

ми рѣками, весьма не широка и течетъ спокойно; отъ Твери чрезъ лѣса и дикія пустыни лежитъ путь въ Новгородъ, а отъ туда до Риги, ближайшей гавани на берегу Сарматскаго моря, считается менѣе пяти сотъ Италіанскихъ миль. Это послѣднее разстояніе имѣетъ много преимуществъ предъ прочими потому, что заселено частыми деревнями, и на самомъ пути находится городъ Псковъ, орошаемый двумя рѣками. Отъ Риги, подвластной Магистру Нѣмецкаго ордена, до Любека, гавани въ заливѣ Кимврійскаго Херсониса, полагается моремъ менѣе тысячи Италіанскихъ миль, но переѣздъ сей сопряженъ съ большими опасностями. Отъ Рима до Москвы считается кратчайшимъ путемъ до двухъ тысячъ шести сотъ Италіанскихъ миль. Путь сей, лежащій чрезъ Равенну, Тревизу, Каринтскія Альпы, Виллакъ Норическій, Вѣну Панноническую и Ольмицъ Моравійскій, что за Дунаемъ, составляетъ до Кракова, столицы Польскаго Царства, не болѣе тысячи ста Италіанскихъ миль; отъ Кракова до Вильны, столицы Литовской, пять сотъ миль; столько же до города Смоленска на Днѣпрѣ; и наконецъ отъ Смоленска до Москвы около шести сотъ Италіанскихъ миль. Путь отъ Вильны чрезъ Смоленскъ до Москвы, въ зимнее время, по крѣпкому снѣгу, превращающемуся отъ

Разстояніе
отъ Рима до
Москвы.

морозовъ и частой ѣзды въ твердый ледъ, совершается съ немозѣрною скоростію; за то въ лѣтнее время не иначе можно проѣхать здѣсь какъ съ большимъ трудомъ и съ чрезвычайными усиліями, потому что тающій отъ солнца снѣгъ образуетъ болота и грязныя, непроходимыя топи, на которыя для проѣзда настилаютъ съ величайшимъ трудомъ деревянные гати.

Въ Московіи нѣтъ ни винограда, ни ма-
сливъ, ни даже вкусныхъ яблокъ, потому что
всѣ нѣжныя растенія, кромѣ дынь и вишенъ,
истребляются холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ²⁹⁾.
Не смотря на сіе, поля покрыты пшеницею,
просомъ и другими хлѣбными произрастеніями,
а также всякаго рода зеленью. Самое же
важное произведеніе Московской земли есть
воскъ и медъ. Вся страна изобилуетъ плодот-
витыми пчелами, которыя кладутъ отличный
медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ
ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дре-
мучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревъ часто
бываютъ устьяны роями пчелъ, которыхъ во-
все не нужно собирать звуками режжа. Въ
дуплахъ нерѣдко находятъ множество боль-
шихъ сотовъ стараго меду, оставленнаго пче-
лами, и такъ какъ поселяне не успѣваютъ
осмотрѣть каждое дерева, то весьма часто
встрѣчаются пни чрезвычайной толщины, на-

Произведе-
нія Моско-
вин.

полненные медомъ. Веселый и остроумный посолъ Дмитрій рассказывалъ намъ для смѣху, какъ одинъ крестьянинъ изъ соседственнаго съ нимъ селенія, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло. Тщетно ожидал помощи въ уединенномъ лѣсу, онъ въ продолженіи двухъ дней питался однимъ медомъ и наконецъ удивительнымъ образомъ выведенъ былъ изъ сего отчаяннаго положенія медвѣдемъ, который, подобно людямъ, будучи лакомъ до меду, спустился задними лапами въ то же дупло. Поселеникъ схватилъ его руками за лапы и закричалъ такъ громко, что испуганный медвѣдь испанью выскочилъ изъ дупла и вытащилъ его вмѣстѣ съ собою.

Товары, отпускаемые
Московитянами въ Европу.

Московитяне отпускаютъ въ Европу лучшіе ленъ, коноплю для канатовъ, воловью кожу и множество воску. У нихъ нѣтъ ни золотыхъ ни серебряныхъ рудниковъ, а также во всей странѣ не замѣчено драгоцѣнныхъ камней; но природа, лишивъ ихъ сихъ сокровищъ, щедро вознаградила за то богатыми и рѣдкими мѣхами, которые въ наше время, по значительному на нихъ требованію и по непомѣрной роскоши, до такой степени возвысились въ цѣнѣ, что мѣхъ для шубы стоитъ не менѣе тысячи золотыхъ монетъ. Прежде продавали ихъ гораздо дешевле, ибо жители отдаленнаго сѣвера,

незнакомые еще тогда съ нашею утонченною образованностію и безмѣрною роскошію, но простота своей не рѣдко мѣняли ихъ на самыя дешовыя и маловажныя вещи. Такъ, на примѣръ, жители Перми и Нечеры платили за желѣзный топоръ столько соболей, сколько Московскіе купцы, связавъ вмѣстѣ, могли продѣть въ отверстіе топора, куда влагается топорнице.

За пять сотъ лѣтъ предъ симъ Москвитяне Религія Мос-
ковитанъ поклонились языческимъ богамъ, какъ то: Юпитеру, Марсу, Сатурну и многимъ другимъ³⁰), которыхъ древніе въ безумномъ заблужденіи изъ могущественныхъ Царей или мудрецовъ возвели въ достоинство боговъ. Христіанскую вѣру приняли они въ то время, когда Греческое духовенство, не слишкомъ постоянное въ мнѣніяхъ своихъ, начало отдѣляться отъ Латинской церкви; отъ сего они съ непоколебимою твердостію сохраняютъ и понынѣ ученіе и обряды, принятые ими отъ Греческихъ наставниковъ. Они вѣрятъ, что Духъ, третье лице Св. Троицы, исходитъ только отъ Бога-Отца, между тѣмъ какъ по всей справедливости должно признавать происхожденіе Его отъ Отца и Сына³¹). На Флорентійскомъ соборѣ, созванномъ Евгеніемъ IV, послѣ жаркихъ споровъ, оказалось, что уперство Грековъ основывалось на исправленіи однихъ только словъ, а не мыслей, тѣмъ болѣе, что Греческіе Еписко-

пы, убежденные ясными доводами, тогдаже признали, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына. Таинство причащенія совершаютъ Московитяне не на опреснокахъ, какъ слѣдовало бы по всей справедливости³²), но на квасномъ хлѣбѣ и причащаются въ двухъ видахъ, какъ причащаются у насъ одни только священники; т. е. пресвитеры ихъ раздаютъ всему народу для причащенія тѣло и кровь Христову. Въ новѣйшее время (еще на памяти у отцевъ нашихъ) Богемцы, увлеченные симъ пагубнымъ заблужденіемъ, отстали отъ Латинской церкви. Далѣе, Московитяне, совершенно въ противность ученію Христіанской вѣры, полагаютъ, что ни ходатайство церкви, ни молитвы ближнихъ и друзей за души усопшихъ недействительны³³) и почитаютъ выдумкою мѣсто чистилища, въ коемъ души праведныхъ, очищаясь долговременнымъ мученіемъ въ огнѣ, многими номинovenіями и индульгенціями Святѣйшихъ Папъ, наследуютъ потомъ блаженство въ Царствѣ Небесномъ. Во всемъ прочемъ Московитяне соблюдаютъ тѣ же обряды, какимъ слѣдуютъ Греки, причемъ съ дерзостію и упорствомъ отвергаютъ первенство Римской церкви. Больше же всего ненавидятъ они Іудеевъ, такъ что содрагаются при одномъ ихъ имени, и не впускаютъ ихъ въ свои предѣлы, какъ людей презрѣнныхъ, вредныхъ,

и въ недавнемъ еще времени научившихъ Турокъ лить мѣдныя пушки. Во время священнодѣйствія читають у нихъ громогласно съ амвона жизнь Иисуса Христа и исторію всѣхъ его чудесъ, описанную четырьмя Евангелистами, а также посланія Св. Апостола Павла или поученія Отцевъ церкви. Въ семъ послѣднемъ чтеніи упражняются они даже и въ литургіи; но сіе относится преимущественно къ священникамъ, извѣстнымъ своимъ благочестіемъ. Московитяне не позволяютъ монахамъ своимъ говорить проповѣди въ церквахъ и собирать какъ у насъ народъ для тщеславныхъ состязаній и разсужденій о дѣлахъ божественныхъ. Мужи, утвердившіеся въ вѣрѣ думаютъ, что сердцамъ грубымъ и неопытнымъ приносить болѣе пользы ученіе простое, нежели глубокомысленное изъясненіе таинствъ Религіи. Московитяне имѣютъ въ переводѣ на ихъ Илларійскомъ языкѣ и сохраняютъ съ особеннымъ уваженіемъ Священное писаніе, Исторію ветхаго и новаго завета и творенія Святыхъ Отцевъ: Амвросія, Августина, Іеронима и Григорія.

Епископы и другія высшія духовныя лица живутъ въ назначенныхъ имъ городахъ и селеніяхъ, отправляютъ богослуженіе, разрѣшаютъ религіозныя споры и имѣютъ власть со всею строгостію наказывать распутство.

Глава Духовенства, называемый у нихъ Митрополитомъ, испрашивается отъ Константинопольскаго Патріарха; Архимандриты же и Епископы выбираются по жребію изъ достойнѣйшихъ кандидатовъ.

Люди, отказавшіеся добровольно отъ житейскихъ удовольствій и посвятившіе себя исключительно божественному созерцанію и богослуженію, раздѣляются въ Московіи на два класса; тѣ и другіе живутъ въ монастыряхъ; но одни могутъ по своимъ дѣламъ выходить изъ оныхъ и вообще ведутъ жизнь болѣе свободную, какъ у насъ братья Орденовъ Св. Франциска и Св. Доминика; другіе же составляютъ классъ монаховъ святѣйшей жизни и строго слѣдуютъ уставу, данному имъ Св. Василиемъ. Имъ не позволено переступить за порогъ жилищъ своихъ даже въ крайней опасности. Погребенные въ темныхъ кельяхъ, вдали отъ свѣта, они ведутъ самую суровую жизнь и считаются людьми, совершенно уже усмирившими плоть свою и утвердившимися въ благочестіи.

Посты. Весь народъ постится четыре раза въ годъ (и кромѣ того еще въ нѣкоторые дни недѣли) и въ это время воздерживается отъ мяса, яицъ и молока. Первый постъ бываетъ также какъ и у Латинянъ въ началѣ весны, послѣ нашего праздника Пасхи; другой лѣтомъ

въ честь Св. Апостоловъ Петра и Павла; третій предъ осенью, когда мы празднуемъ память Вознесенія Дѣвы Маріи на небо, и наконецъ послѣдній предъ праздникомъ Рождества Христова. По средамъ Москвитяне не ѣдятъ мяса, а по пятницамъ яицъ и молока³⁴); за то въ субботу столъ ихъ наполняется яствами всякаго рода и весь день проходитъ въ веселіи. Вигилій предъ праздниками они не наблюдаютъ³⁵).

Храмы у Москвитянъ въ величайшемъ Храмы. почтеніи, такъ что ни мужчины, ни женщины, укусивъ пріятности любви, не могутъ входить въ церковь, не омывшись прежде въ домашникъ баняхъ. Отъ сего часто случается, что множество лицъ обоего пола, во время Божественной службы, стоятъ за церковными дверями и, тѣмъ обнаруживая недавное свое воздержаніе, принуждены бываютъ подвергаться дерзкимъ и колкимъ насмѣшкамъ со стороны молодыхъ людей.

Въ день Рождества Іоанна Крестителя и Праздники. праздника трехъ Волхвовъ³⁶) Священники раздаютъ народу небольшіе благословенные хлѣбцы, которые по ихъ мнѣнію изцѣляютъ отъ анхораки; въ извѣстное же время года совершаютъ они богослуженіе на рѣкахъ, покрытыхъ льдомъ. Для сего на берегу ставятъ палатку, къ которой отправляется Духовенство,

въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ, поющихъ священныя пѣсни; прибывъ на мѣсто окропляютъ его святою водою и, обходя нѣсколько разъ кругомъ, совершаютъ торжественно водоосвященіе, для чего прорубаютъ во льду отверстіе. По окончаніи церемоніи недужные и больные бросаются въ рѣку, бывъ увѣрены, что освященная вода омоетъ нечистоту больныхъ.

Погребеніе
умершихъ.

Умершему обвиваютъ голову полотномъ и потомъ, въ сопровожденіи священниковъ, выносятъ безъ большой пышности и хоронятъ не въ церквахъ, какъ дѣлаемъ мы, слѣдуя такъ сказать нечестивому и постыдному обыкновенію, но на церковныхъ погостахъ или подъ папертію.

По усопшимъ, какъ и у насъ, совершаются въ продолженіи сорока дней поминки, что конечно весьма удивительно, ибо Москвитяне не вѣрятъ, что души умершихъ пребываютъ въ чистилищѣ и что наказаніе за грѣхи можетъ смягчиться молитвою и богоугодными дѣлами друзей. Во всѣхъ прочихъ догматахъ вѣры держатся они съ величайшею твердостію всего того, что признаемъ и мы по нашему исповѣданію.

Языкъ и произношеніе Москвитянъ.

Москвитяне говорятъ языкомъ Илірійскимъ и подобно Славянамъ, Далматамъ, Богемцамъ, Полякамъ и Литовцамъ употребляютъ

также Иллирійскія письма. Ни одинъ языкъ, какъ увѣряють, не имѣеть такого обширнаго и повсемѣстнаго употребленія, какъ Иллирійскій. Имъ говорятъ при дворѣ Оттоманскомъ и еще недавно былъ онъ въ большой чести въ Египтѣ, между Мамелюками, при дворѣ Мемфисскаго Султана. На сей языкъ переведены многія книги, преимущественно трудами Св. Иеронима и Кирилла. Книги сіи находятся почти у каждаго Московскаго боярина и кромѣ ихъ они имѣють еще у себя отечественныя летописи и Исторію Александра Македонскаго, Римскихъ Кесарей и Антонія и Клеопатры, писанныя также на отечественномъ ихъ языкѣ, Философіею, Астрономіею и другими науками, равно какъ и раціональною Медициною, Московитяне никогда не занимаются; должность врача исправляетъ у нихъ всякій, кто только имѣлъ случай испытать дѣйствіе какихъ нибудь неизвѣстныхъ травъ.

Лѣтосчисленіе свое вѣдуть Московитяне ^{Лѣтосчисленіе.} не отъ Рождества Христова, но отъ сотворенія міра и годъ свой начинаютъ не съ Января, а съ Сентября мѣсяца.

Вся Московія управляется самими про- ^{Законы и судопроизводство.}законными законами, основанными на правосудіи Государя и безпристрастіи его сановниковъ, и слѣдовательно весьма благотѣльными, ибо смыслъ оныхъ не можетъ быть искаженъ и

перетолкованъ хитростію и корыстолюбіемъ судей. Воры, убійцы и разбойники наказываются смертію. При изслѣдованіи преступленія обвиняемому льютъ на голову холодную воду; говорятъ, что этотъ родъ пытки нестерпимъ. Иногда, для вынужденія признанія, твердыми и заостренными гвоздями отдираютъ у него ногти отъ пальцевъ.

Тѣлесныя упражненія.

Юноши упражняются въ различныхъ играхъ и преимущественно въ тѣхъ, которыя имѣютъ ближайшее соотношеніе съ воинскимъ ремесломъ, какъ то: въ бѣганы въ запуски, въ борьбу, въ конскомъ ристаніи и пр. Для всѣхъ сихъ игръ, въ особенности же для стрѣльбы въ цѣль, назначены извѣстныя награды.

Московитяне вообще — роста средняго и тѣлосложенія здороваго и весьма крѣпкаго; имѣютъ голубые глаза, длинную бороду, короткія ноги и огромное туловище. Они ѣздятъ верхомъ съ поджатыми ногами и стрѣляютъ весьма искусно, такъ что будучи даже обращены въ бѣгство, мѣтко бросаютъ черезъ себя назадъ стрѣлы.

П и щ а.

Домашняя жизнь ихъ представляетъ болѣе изобилія нежели утонченности. Столы свои уставляютъ они всякаго рода яствами, какія только роскошь можетъ пожелать; со всѣмъ тѣмъ жизненные припасы у нихъ весьма де-

исеи; куропатку или утку можно купить за самую малую серебряную монету; дичинаго и мелкаго скота вездѣ немовѣрное множество, а мясо животныхъ, убитыхъ зимою, можетъ сохраняться на холодѣ почти въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Лучшимъ кушаньемъ почитается у нихъ какъ и у насъ, дичь, которую они ловятъ во множествѣ охотничьими собаками и сѣтями. Ихъ дичеба и соколы (изъ коихъ лучшіе получаютъ изъ страны Печерской) берутъ не только фазановъ и утокъ, но даже лебедей и журавлей. Дичеба суть низшіи родъ орловъ или ворнуновъ; благороднѣйшую же породу ихъ составляютъ соколы, которые были известны еще древнимъ. Въ Московіи ловятъ одну чернотую птицу, величиною съ гуся, съ алыми бровями, кою мясо вкуснѣе самаго фазана. На ихъ языкѣ она именуется тетеревомъ; Плиній же называетъ ее *Tetrao*. Нипца сія известна жителямъ Аляска, особенно Ретійцамъ, обитающимъ близъ источниковъ Ады. Въ рѣкѣ Вагѣ ловятъ множество рыбы огромной величины и отпущаго вкуса, въ особенности же сомовъ, извѣстныхъ древнимъ подъ названіемъ *Смауровъ*. Зимомъ рыбу сію обматываютъ льдомъ и такимъ образомъ сохраняютъ свѣжею въ продолженіи долгаго времени. Прочіе сорта рыбъ ловятся

въ большомъ количествѣ въ упомянутыхъ уже мною Бѣлыхъ озерахъ.

Не имѣя своего собственнаго винодѣлія Москвитяне пользуются виномъ привознымъ и употребляютъ его только на большихъ пршествахъ и въ богослуженіи. Въ особеннсти цѣнится у нихъ сладкое Критское вино (Мальвазія), которое пьютъ они только вмѣсто лекарства или подаютъ въ случаѣ, когда жаждутъ выказать особенную пышность. Весьма удивительно, что вино сіе, привозимое съ острова Крита чрезъ Кадикскій проливъ, не смотря на качку въ Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ Океанѣ, не теряетъ вкуса и запаха своего и доставляется внутри Сибирскихъ лѣсовъ совершенно неспорченнымъ. Москвитяне пьютъ еще напитокъ, приготовляемый изъ меда и хмѣля, и сохраняющійся въ продолженіе долгаго времени въ засмоленныхъ бочкахъ, отъ чего онъ дѣлается крѣпче и лучше. Напитокъ сей называется медомъ. Сверхъ сего употребляютъ они также, подобно Нѣмцамъ и Полякамъ, пиво и водку, которыя выгоняютъ изъ пшеницы, ржи и ячменя. Эти два напитка подаются непременно на каждомъ пиру. Послѣдній имѣетъ силу вина и приводитъ въ опьяненіе того, кто пьетъ его въ большомъ количествѣ. Чтобъ сообщить меду и пиву болѣе вкуса, прохлаждаютъ его,

опуская въ стаканъ кусокъ льду, коего цѣлыя глыбы въ продолженіи всего лѣта тщательно сохраняются у Боларъ въ подземныхъ погребкахъ. Нѣкоторые любятъ также сокъ, выжатый изъ спѣлыхъ вишенъ; онъ имѣетъ свѣтлобагровый цвѣтъ и очень пріятенъ вкусомъ.

Жены и вообще женскій полъ не пользуются у Московитянъ такимъ уваженіемъ, какъ у другихъ народовъ; съ ними обходятся не лучше какъ съ рабами. Люди высшаго круга весьма тщательно наблюдаютъ за поведеніемъ и скромностію своихъ женъ. Онѣ не могутъ являться на пиршествахъ, ни ходить въ отдаленную церковь, ни даже безъ важнаго дѣла отлучаться изъ дома. За то простонародныхъ женщинъ всякому иностранцу весьма удобно склонить къ тайному свиданію небольшими подарками; изъ сего должно заключить, что знатные люди мало дорожатъ ихъ любовію.

Великій Князь Василій еще прежде двадцатилѣтняго возраста⁵⁷⁾ лишился отца своего Іоанна, имѣвшаго въ супружествѣ Софію, дочь Θомы Палеолога (брата Константинопольскаго Императора), владѣвшаго многими землями въ Πελοποννησος. Софія, по изгнаніи отца ея Турками изъ Греціи, жила нѣкоторое время въ Римѣ. Іоаннъ имѣлъ отъ нее пять сыновъ: Великаго Князя Василія, Георгіа,

Несуаженіе
къ женскому
полу.

Семейство
Василія.

гія, Андрея, Димитрія и Єсимеона, изъ коихъ два послѣдніе похищены смертію. Василій имѣеть въ супружествѣ Соломовію, (дочь Георгія Сабурова, вѣрнаго и умнаго царскаго совѣтника), украшенную всѣми женскими добродѣтелями, но къ сожалѣнію неплодную.

Бракъ Царей.

Московскіе Государи, желая вступить въ бракъ, повелѣвають избрать изъ всего Царства дѣвицъ, отличающихся красотою и добродѣлію и представить ихъ ко двору. Здѣсь поручаютъ ихъ освидѣтельствовать надежнымъ сановникамъ и вѣрнымъ боярынямъ, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не остаются безъ подробнаго разсмотрѣнія. Наконецъ, послѣ долгаго и мучительнаго ожиданія родителей, та, которая понравится Царю, объявляется достойною брачнаго съ нимъ соединенія. Прочія же соперницы ея по красотѣ, стыдливости и скромности не рѣдко въ тотъ же самый день, по милости Царя, обручаются съ боярами и военными сановниками³⁸). Такимъ образомъ Московскіе Государи, презирая знаменитые Царскіе роды, подобно Оттоманскимъ Султанамъ возводятъ на брачное ложе дѣвицъ большею частію низкаго и незнатнаго происхожденія, но отличающихся тѣлесною красотою.

Характеръ Василія и его дѣяній.

Василій находится теперь въ сорокъ семь-мю году жизни своей и красотою тѣла, вели-

чіемъ души, воинскою славою, любовію и благосклонностію къ подданнымъ превосходить всѣхъ своихъ предшественниковъ. Въ шестилѣтней войнѣ своей съ Ливонцами³⁹), которые возбуждали противъ него семьдесятъ два города, онъ остался побѣдителемъ и скорѣе предписалъ нежели принялъ мирныя условія. При самомъ началѣ царствованія своего разбилъ онъ Поляковъ, и взявъ въ плѣнъ полководца ихъ Константина, родомъ Русса, привезъ его въ окопахъ въ Москву; но въ послѣдствіи при Бѣри-сеенѣ, близъ города Орши, самъ проигралъ важное сраженіе тому же самому Константину, освобожденному изъ плѣна. Не смотря однако на сіе пораженіе городъ Смоленскъ, древнее достояніе Московія, по прежнему остался во власти Василія. Противъ Татаръ и особенно противъ Перекопцевъ, живущихъ въ Европѣ, Московитяне нѣсколько разъ вели войну съ успѣхомъ, мстя за ихъ опустошительные набѣги.

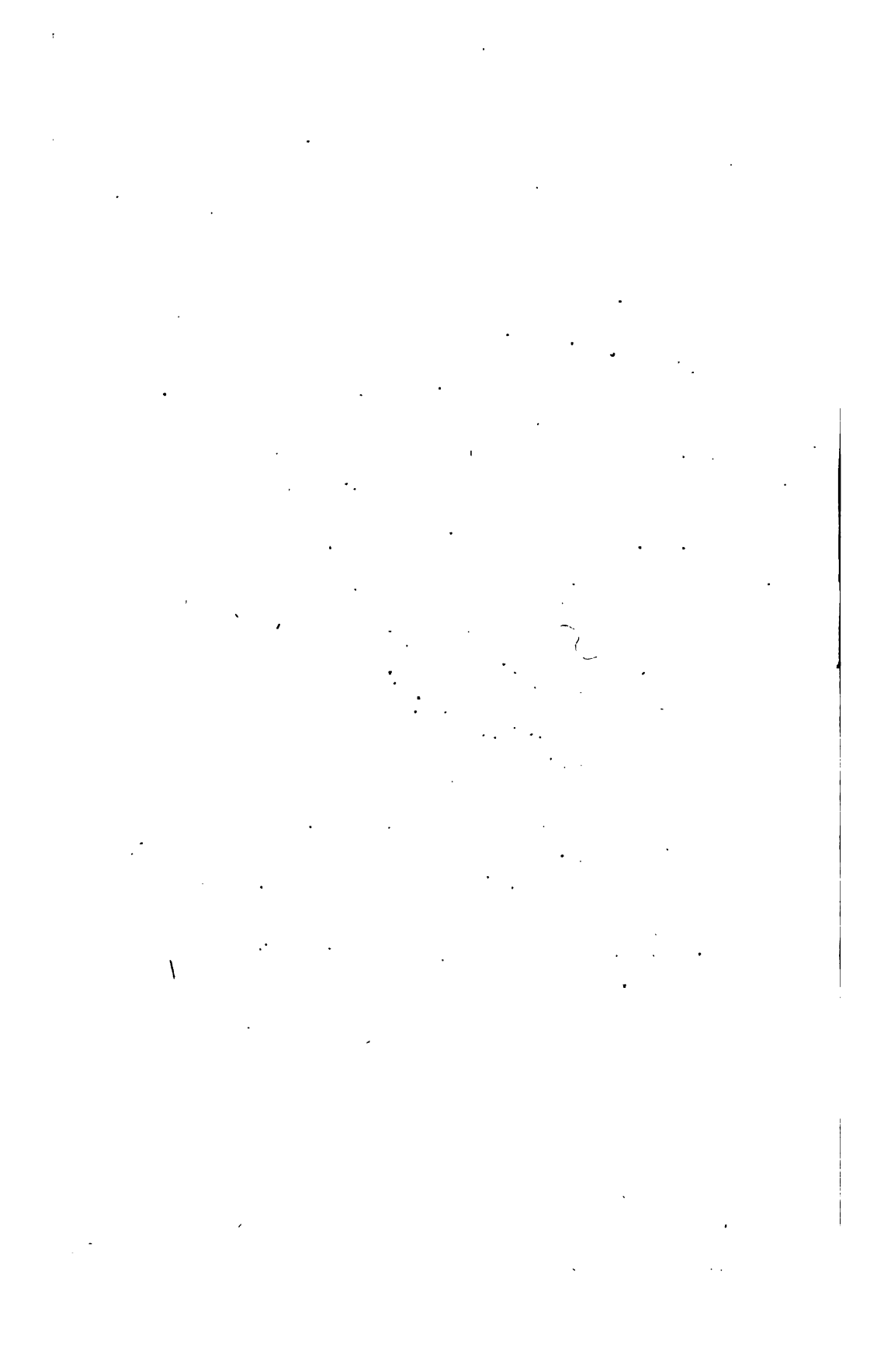
Василій можетъ выставить въ поле до Войско. 150,000 всадниковъ, которые раздѣляются на полки; каждый полкъ имѣетъ свое знамя и своего воеводу. На знамени Царскаго полка изображенъ Иисусъ Навинъ, испросившій у Бога, какъ повѣствуетъ Священное Писаніе, власть продлить день и остановить теченіе солнца. Пѣхота въ обширныхъ Татарскихъ пустыняхъ почти бесполезна, какъ по неудобности для-

ной, простирающейся до самыхъ пятъ одежды воиновъ, такъ и потому, что Татары болѣе выигрываютъ внезапнымъ нападеніемъ и быстрою своихъ коней, нежели фронтовою битвою или схваткою. Лошади Московскія ниже средняго роста, но крѣпки и весьма быстры. Всадники вооружены саблями, пиками, желѣзными булавами, стрѣлами, а нѣкоторые и мечами; оборонительное же оружіе ихъ состоитъ изъ щитовъ, частію большихъ, какъ у Азіатскихъ Турокъ, частію же малыхъ, угловатыхъ, съ выпуклою поверхностію, какъ у Грековъ; кромѣ того они защищаются панцирями и покрываютъ голову пирамидальными шлемами. Нынешній Государь устроилъ также у себя конную Артиллерію и въ Московской крѣпости лежитъ на колесахъ множество мѣдныхъ пушекъ, литыхъ Италіанскими мастерами.

Василій часто съ особенною пышностію и необыкновеннымъ радушіемъ, ни сколько впрочемъ не унижающимъ сана его, пируетъ посреди своихъ бояръ и иностранныхъ пословъ. Въ самой залѣ пиршества, на двухъ столахъ, разставлено множество серебряныхъ позолоченныхъ сосудовъ. Ни во дворцѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Государь не содержитъ на жаловань и воинской стражи, кромѣ однихъ только лицъ, составляющихъ дворъ его; сторожевые же посты охраняются вѣрною городскою дружиною.

Всѣ городскія улицы запираются веротами или рогатками, и ходить ночью позволено только по самой крайней необходимости, и то не иначе какъ съ фонаремъ.

Дворъ составляютъ Князья и главнѣйшіе Д в о р ы . военные Сановники, которые чрезъ определенное число мѣсяцевъ поочередно вызываются изъ областей для поддержанія придворнаго блеска, для составленія царской свиты и для отправленія разныхъ должностей. При наступленіи войны войско набирается изъ ветерановъ и рекрутъ, для чего въ каждомъ городѣ воевода обязанъ вести счетъ молодымъ людямъ и способнымъ къ оружію вносить въ списокъ. Во время мира изъ областной казны выдается имъ извѣстное, весьма впрочемъ незначительное жалованье. За то военные люди свободны отъ податей, имѣютъ всегда преимущество предъ крестьянами и во всѣхъ дѣлахъ своихъ пользуются Царскимъ покровительствомъ. Во время войны для истинной доблести открывается благородное поприще и вообще по всѣмъ частямъ Государственнаго управленія находятсѣ полезныя и прекрасныя учрежденія, такъ что всякой по заслугамъ своимъ получаетъ или вѣчную награду или вѣчный стыдъ.

PAULI JOVII

NOVOCOMENSIS,

de Legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII. Pontificem Max. Liber: in quo situs regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores, et causae legationis fidelissime referuntur. Caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolomaei, aliorumque Geographiae scriptorum, ubi de Riphacis montibus meminere: quos hac aetate nusquam esse, plane compertum est.

PAULUS JOVIUS Novocomensis Joanni Rufo Archiepiscopo Consentino S.

EFFRAGITASTI amplissime antistes Rufe, ut ea quae de Moscovitarum moribus a Demetrio ejus gentis legato, qui ad CLEMENTEM VII. Pontificem nuper venit, quotidianis prope sermonibus didicissem, Latinarum litterarum memoriae commendarem: quum pro vetere tua pietate atque virtute, ad amplificandam Romani Pontificis dignitatem, pertinere arbitrareris, si homines intelligerent, non fabulosi, aut omnino obscuri nominis Regem, sed qui numerosissimis extremi aquilonis populis imperet, in causa religionis, omnibus nobiscum sensibus conjungi, foedereque perpetuo colligari, opportunissimo tempore cupivisse: quando nuper aliquae Germaniae gentes, quae pietate caeteris omnibus praestare videri volebant, insana atque scelesti defectione non modo a nobis, sed ab ipsis etiam superis exitiali errore desciverint. Caeterum id munus impositum, quod certe gravioribus studiis occupatus jure optimo poteram recusare, egregia voluntate, celeritateque perfeci, ne nimia mora vel accuratiori castigatione

U. I. II. Ioniâ

gratiam novitatis exueret: qua vel una re, meae erga te veteris observantiae studium, praestandique officii voluntas manifeste declaratur: quum honoris iacturam facere, si quis ex hac ingenii tenuitate sperandus est, quam desiderium tuum longe honestissimum diutius frustrari maluerim. Vale.

Regionis primo situs, quem Plinio, Strabonique et Ptolemaeo parum notum fuisse perspicimus, pressa brevitate describetur, et in tabula typis excusa figurabitur: inde gentis mores, opes, religionem, militiaeque instituta, Tacitum imitati, qui a perpetuis historiis libellum de Germanorum moribus sciunxit, perstrictiore style narrabimus, eadem fere sermonis simplicitate utentes, qua nobis ab ipso Demetrio, curiosa ac leni investigatione lacesso, per ocium exposita fuere. Demetrius enim haud inepte Latina utitur lingua, utpote qui in Livonia a teneris annis in ludo prima litterarum rudimenta didicerit, et insigni variarum legationum munere functus, plures provincias Christianorum adierit. Nam quam antea obseptatam fidem ac industriam, apud Suetiae Daciaeque Reges, et magnum Prussiae magistrum, Oratorem egisset, novissime apud Maximilianum Caesarem, dum in ejus aula omnis generis hominum refertissima versaretur, si quid barbari quieto docilique ingenio inerat, elegantium morum observatione detemnit. Causam vero hujusmodi suscipiendae legationis praebuit Paulus Centurio Genuensis, qui cum acceptis a Leone X. Pontifice commendatitiis litteris, mercaturae causa in Moscoviam pervenisset, cum Basilii Principis familiaribus ultro de consociandis utriusque Ecclesiae ritibus agitavit. Quaerebat enim Paulus insano, vastoque animo, novum et incredibile iter petendis ab India aromatibus. Fama namque cognoverat, cum in Syria, Aegyptoque et Ponto negotiaretur, aromata ex ulteriore India adverso amne Indo subveli posse, atque inde modico terrestri itinere superatis Paropanisidis montium jugis, traduci in Oxum Bactrianarum amnem: qui ipsidem fere montibus, quibus Indus, oritur, adverso fonte in Hyrcanum mare, raptis secum multis annis, ad Stravam portum effunditur. Porro ab ipsa Strava tutam facilemque navigationem videri, usque

ad emporium Citracham, ostiumque Volgae amnis: inde vero adversis semper annibus, Volga scilicet et Oecha, et Moscho, in urbem Moscham: ab Moscha autem, terrestri itinere Rigam, et in ipsum mare Sarmaticum, omnesque occiduas regiones facile pervenire posse, contendeat. Vehementer enim et supra equum, Lusitanorum injuriis erat accensus, qui India magna ex parte armis domita, occupatisque omnibus emporiis, cuncta aromata coemerent, et in Hispaniam averterent, atque ea graviore quam antea pretio ac impotenti quaestu omnibus Europae populis venditare consuevissent: quin et diligenti adeo cura Indici maris littora perpetuis classibus custodirent, ut ea negotiationes penitus intermissas atque desertas viderentur, quibus per sinum Persicum, ac adversum Euphratem, et per Arabici maris angustias, secundoque demum Nilo per mare nostrum Asia omnis atque Europa abunde et viliori quidem pretio complebantur: deteriore etiam Lusitanorum mercimonio, quum remotissimae navigationis incommodo, sentinaeque vitiiis aromata corrumpi, eorumque vis et sapor, odoratusque ille spiritus, multa demum mora in Olysipponensibus conditoriis promercedibus evanescere atque exspirare videatur, cum asservatis semper recentioribus, vetera tantum, et multo quidem situ mucida vomundari quereretur. Cacterum Paulus quanquam de iis rebus acerbissime apud omnes disserendo, et Lusitanis ingentem conflando invidiam, multo auctiora fore vectigalia regia, si id iter aperiretur, et aromata ab ipsis Moschovitis, qui tantam eorum vim omnibus ferculis absumerent, vilius emi posse perdoceret: nihil tamen quod ad eam negotiationem pertineret, impetrare potuit. quoniam Basilis homini externo ac ignoto, eas regiones quas ad Caspium mare et Persarum regna aditum praebarent, minime aperiendas esse existimabat. Itaque Paulus omnibus exclusus votis, ex mercatore legatus factus, Basilii literas Leone jam vita fumato, ad Hadrianum Pontificem retulit, quibus ille cum multo verborum honore egregiam voluntatem erga Romanum Pontificem ostendebat. Paucis enim ante annis Basilis ardente cum Pelonis bello, quum Lateranensis conventus haberetur, per Joannem Daciae Regem, hujus Christiarni, qui nuper regno expulsus est, patrem postularat, ut iter tutum legatis Moschovitis ad urbem Romanam praeberetur. Verum quum eodem forte die

et Johannes Rex, et Julius Pontifex ab humanis excessissent, sublato ad id sequestro, consilium mittendae legationis omisit. Exarsit subinde bellum inter ipsam et Sigismundum Poloniae Regem: quod quum insigni ad Berysthemem parva victoria a Polono feliciter confectum esset, Romae supplicationes sunt decretas, veluti devictis caecisque Christiani nominis hostibus: quae res et Regem ipsum Basilium, et universam gentem ab Romano Pontifice haud modicoeriter alienavit. At cum haec Hadrianus Sextus fato extinctus, Papam jam secundo itineri accinctum destituisset, suffectus ei Clemens VII. illum etiam tum Orientis iter insano animo voluntantem, cum literis in Moschoviam transmittit, quibus Basilium propensissimis adhortationibus invitabat, ad agnoscendam Romanae Ecclesiae majestatem, forciendumque communibus in religione sensibus perpetuum foedus, quod illi maxime salutare atque honorificum fore testabatur: ita ut Pontifex polliceri videretur, se ex sacrosancta autoritate pontificia cum Regem collatis Regalibus ornamentis appellaturum, si rejectis Graecorum dogmatibus, ad auctoritatem Romanae Ecclesiae se conferret. Copiebat enim Basiliius regii nominis titulum concessione pontificia promereri, quum id dare sacrosancti juris esse et pontificiae majestatis judicant: quando et ipse quoque Caesar a Pontificibus maximis diadema aureum et sceptrum, Romani imperii insignia, accipere inveterata consuetudine cognovisset. quanquam et id pluribus a Caesare Maximiliano legationibus postulasse ferebatur. Igitur Paulus, qui feliciter aliquanto cursu, quam multe cum quaestu percurrere terrarum orbem ab incunte aetate didicerat, quanquam senex et antiqua stanguria tentatus, prospero colerique itinere Moscham pervenit, ubi a Basilio humaniter est susceptus. Fuit interea in ejus aula menses duos, diffususque viribus, et ejus immensi itineris difficultate deterritus, quum Indicae negotiationis spes omnes ac inexplicabiles cogitationes penitus abiocinset, cum Demetrio legato, priusquam cum in Moschoviam pervenisse putaremus, Romanam rediit. At Pontifex magnificentissima Vaticanarum aedium parte, ubi laquearia auro, lecti serici, aalaeque eximii operis visabantur, Demetrium suscipi, et togis sericis vestiri jussit: attribuitque ei comitem, ac rerum divinarum pariter et urbanarum monstratorem, Franciscum Choregatum, Episcopum Apretianum,

longinquis saepe ac dignissimis legationibus functum, qui ipsi Demetrio vel in Moschovia, Pauli sermonibus erat notissimus. Porro Demetrius ubi aliquot dierum quiete recreatus est, deternis elotisque sordibus, quas longo ac laborioso itinere contraxerat, assumptoque insigni patria habita, ad Pontificem deductus, cum de more supplex adoravit, munusque Zebellinarum pellium suae, regique nomine obtulit. tum vero Basilii literae datae, quas ipsi antea, et demum Illyricus interpres Nicolaus Siocensis in hanc sententiam Latinis verbis transtulerunt. Clementi Papae, pastori ac doctori Romanae Ecclesiae, Magnus Dominus Basilus Dei gratia Imperator ac dominator totius Russiae, nec non magnus Dux Velodimariae, Moschoviae, Novogrodiae, Pleschoviae, Smoloniae, Ifferiae, Jugoriae, Peremaniae, Vetchae, Bulgariae etc. Dominator et magnus Princeps Novogrodiae inferioris terrae, Cornigoviae, Razaniae, Velotshinae, Rensoviae, Belchiae, Rostoviae, Jaroslaviae, Bolesoviae, Udoruae, Obdoriuae, Condiniuaeque etc. Ministis ad nos Paulum centurionem civem Genuensem, cum literis, quibus nos adhortati esset, ut vobiscum, cacterisque Christianorum Principibus consilio ac viribus conjuncti esse vellemus, adversus Christiani nominis hostes, ac nostris vestraque legatis ultro citraque commendaendi tutum ac expeditum iter pateret, ut mutuae amicitiae officio, de amborum salute, et statu rerum cognosci posset. Nos autem, Deo hanc atque feliciter adjuvante, sicuti haecenus, adversus impios Christianae religionis hostes impigre constanterque steterimus, ita et in posterum stare decrevimus. Itaque cum ceteris Christianis Principibus consentire, et pacata itinera peractare, parati sumus. Quas ob res mittimus ad vos Demetrium Examium, nostrum hominem, cum hac nostra epistola, Paulumque centurionem remittimus. Demetrium autem colenter remittetis, eumque incolumem et inviolatum usque ad fines nostros esse jubebitis. Idem nos quoque praestabimus, si eum Demetrio legatum vestrum mittetis, ut sermone ac literis certiores de rebus administrandis reddamus, sic ut perspiciatis Christianorum omnium voluntatibus, nos etiam optima consilia capere valeamus. Datum in Domino nostro, in civitate nostra Moschovia, anno ab initio mundi septimo millesimo tricesimo, tertio Aprilis. Gaeterum Demetrius, uti est humanarum rerum et saecularum praecentis literarum

valde peritus, occultiora de magnis negotiis mandata habere videtur, quae mox eum privatis congressibus expositurum speramus: nam a febre, in quam ex coeli mutatione incidit, pristinas vires et nativum vultus ruborem recuperavit, ita ut pontificiis sacris, quae in honorem divorum Cosmae et Damiani, solenni apparatus, musicisque concentibus confecta sunt, sexagenarius senex, et cum voluptate quidem astiterit, et in senatum venerit, cum Campegius Cardinalis a Pannonica legatione tum primum rediens, a Pontifice omnibusque aulae ordinibus exciperetur, quin et sacrosancta urbis templa et Romanae magnitudinis ruinas, praeiorumque operum deploranda cadavera mirabundus invisit, ita ut credamus eum propediem explicatis mandatis, cum legato pontificio, Episcopo Scarense, dignisque acceptis a Pontifice muneribus in Moschoviam esse rediturum. Moschoviarum nomen recens est: quanquam de Moschis Sarmatarum affinis Lucanus meminerit et Plinius Moschos ad Phasidis fontes supra Euxinum ad orientem constituat. Eorum regio latissimos habet fines, et ab aris Alexandri Magni circa Tanais fontes ad extrema terrarum, Borealemque Oceanum, sub ipsis fere Septentrionibus extenditur: campestris magna ex parte, et pabuli quidem ferax, sed aestate pleribus in locis admodum palustris. nam ea omnis terra magnis frequentibusque annis irrigatur; qui ubi nivibus hybernis multo solis vapore colliquatis, et resoluta ubique glacie contumescunt, campi passim in paludes abeunt, cunctaque itinera continentibus aquis et coenosa illuvie defodantur, donec nevae hyemis beneficio restagnantia flumina, ipsaeque paludes iterum cogantur, et vias solidissime constrictas gelu, vel transituris curribus prasbeant. Hercynia sylvae quorundam Moschoviae partem occupat, ipsaeque passim positae ubique aedificiis incolitae. jamque longo labore hominum rarior facta, non eam, sicuti plerique existimant, horridam densissimorum nemorum impenetrabiliumque saltuum faciem ostendit. Caeterum ea immanibus feris plenissima, per Moschoviam perpetuo tractu inter ortum solis, et Boream, ad Seythicum Oceanum excurrere traditur: ita ut spes hominum ejus finem curiose scrutantium infinita magnitudine sua semper eluserit. ea in parte, quae vergit ad Prussiam, uri ingentes et ferocissimi taurorum species reperiuntur, quos Bisontes vocant: item

que Alcës cervina effigie, et cum carneâ proboscide, altisque cruribus, et nullo suffragium flexu: Lozi a Moschovitis, a Germanis vero Helenes appellati, quae animalia C. Caesari nota fuisse videmus. Praeterea ursi inusitatae magnitudinis, et praegrandes lapi, atro colore formidabiles. Ab ortu Moschovia finitimos habet Scythas, qui Tartari hodie nuncupantur, gentem vagam, et bello omnibus seculis illustrem. Tartaris pro domibus sunt carri, centonibus coriisque contexti: ab quo vitae genere Hamaxovios antiquitas eos appellavit. Pro urbibus vero, ac oppidis immensa castra, non fossis, aut materiae claustris, sed infinita sagittariorum equitum multitudine vallata. Dividuntur Tartari per Hordas: ea est eorum lingua, consentientis in unum populi congregatio; ad effigiem civitatis. Hordis singuli praesunt Imperatores, quos genus, aut bellica virtus dedit. Saepe enim cum finitimis bella gerunt, ac ambitiose admodum et atrociter de imperio decertant. Hordarum infinitum prope numerum esse constat: quippe Tartari ad Cathayum usque celeberrimam in extremo ad Orientem, Oceano civitatem, latissimas solitudines tenent. Porro qui proximi sunt Moschovitis, mercaturae commercio et frequentibus eorum irruptionibus sunt noti. In Europa ad Dromon Achillis Taurica, in Chersoneso sunt Praeopitae, quorum Principis filiam Selymus Tauricarum Imperator uxorem duxit. Ii Polonis maxime sunt infesti, lateque inter Borysthenem et Tanaim cuncta populantur: et cum Turcis sicuti religione, ita et caeteris in rebus mirifice consentiunt: qui in eadem Taurica Caffam Ligurum coloniam obtinent, Theodosiam antiquitus appellatam. Ii vero Tartari, qui inter Tanaim et Volgam amnem in Asia latos campos inhabitant, Basilio Moschovitarum Regi parent, et Imperatorem aliquando ejus judicio deligunt. Inter eos Cremii, intestinis seditionibus laborantes, cum antea opibus et belli gloria maxime valaissent, paucis ante annis vires simul ac omnem dignitatem amiserunt. Trans Volgam, Casanii Moschovitarum amicitiam religiose colunt, ac eorum se clientes esse profitentur. Ultra Casanios ad Boream sunt Scia-bani, multitudine armentorum ac hominum potentes. Post eos sunt Nogai, qui summam hodie opum et bellicae laudis obtinent auctoritatem. Eorum Horda quam amplissima nullum habent Imperatorem, sed Reip. Venetae more multa seniorum prudentia,

strenuorumque virtute gubernatur. Ultra Negais, haud magno ad meridiem deflectu, versus Hyrcanum mare, Zagathai Tartorum nobilissimi, oppida lapide constructa incolunt, regiamque habent Samarcandam urbem, eximiae magnitudinis et claritatis: quam Jaxartes, maximus Sogdianae amnis interfuit, atque inde ad eorum miliaria in mare Caspium effunditur. Cum is populi aetate nostra Hismael Sophus, Rex Persarum, dubie saepe eventu bella gessit: timoreque eorum adductus, dum vires omnes imminentiis opponuntur, Solymo una acie victori Armeniam, Taurisiamque regni caput praedae reliquit. Samarcanda urbe ortus est Tamburlanus, sive ut Demetrius dicendum monet, Themircutha, qui Bajactem Ottomanam, hujus Solimani tritavum, apud Ancyram Galatae urbem ingenti praelio superatum cepit, et per omnem Asiam ab se terribili, maximi exercitus impetu devictam, ferrea inclusam caeva, in triumpho pompa circumduxit. Ab hac regione ad Moschovitas plurima vestis serica adducitur. Ceterum mediterranei Tartari nihil praeter equorum perniciem greges, et nobiles nulla florum textura, sed coactis ex lanis, candidos centones praebent: e quibus Feltriae vestes penulae, ad perferendum omnem imbrium injuriam idoneae, atque pulcherrimae conficiuntur. a Moschovitis autem lanceas tunicas et argenteam monetae petunt, cum ab iis omnis corporis cultus, superfluaeque suppellectilis apparatus contemnatur: solo etenim centone ad irati coeli contumeliam fortiter sustinendam contenti sunt, et solis confusi sagittis hostem arcent: quanquam dum in Europam excurrendum esse decrevisent, Principes eorum ferreas galeas et loricas, gladiosque falcatos, a Persis nostra tempestate coemerint. A meridie Moschovitarum fines iisdem ab Tartaris clauduntur, qui supra Maeotum paludem in Asia, et circa fluvios Borysthenem et Tanaim in parte Europae, planiciem ad Hercyniam vergentem tenent. Roxolani, Getae, et Bastarnae, antiquitus eam plagam incolere, unde Russiae nomen effluxisse crediderim. nam Lithuaniae partem, Rusiam appellat inferiorem: cum ipsa Moschovia, Russia alba nuncupetur. Lithuania itaque ab Cori venti flatibus Moschoviam spectat: ab occasu vero, mediterranea Prussiae atque Livoniae ipsae Moschoviae finibus inseruntur, ubi mare Sarmaticum ab Cymbricae Chersonesi angustiis irrumpens, lunato sinu ad Aquilonem inflectitur. In ex-

tremo vero ejus Oceani littore, ubi Norbégia atque Suetia, amplissima regna, Isthmo veluti quodam continenti adhaerent, Lapones existunt, gens supraquam credibile sit, agrestis, suspiciosa, et ad omne externi hominis vestigium, navigiique conspectum, maxime fugax. Ea neque fruges, neque poma, neque ullam omnino vel terrae, vel coeli benignitatem novit: sola sagittandi peritia cibum parat, variisque ferarum tergoribus vestitur. Gentis cubilia, cavernulae siccatis repletæ foliis, cavique arborum stipites, quos vel intromissa flamma, vel ipsa vetustas, inducta carie fabricavit. Aliqui ad mare, ubi ingens est cāptura piscium, inepti, sed felicibus artificibus piscantur, duratosque fumo pisces tanquam suas fruges recondunt, Laponibus exigua corporum statura, luridi contusique vultus, pedes vero velocissimi. Ingentia eorum ne ipsi quidem proximi Moschovitæ noverunt, cum eos parva manu aggredi, exitialis insaniae esse dicant: magnis vero copiis in opem rerum omnium vitam ducentes lacesisse, neque utile, neque omnino gloriosum unquam existimarint. Hi candidissimas pelles, quas armelinas vocamus, cum varii generis mercimoniis permutant: sic tamen ut omne mercatorum colloquium conspectumque defugiant, adeo ut mutua rerum venalium collatione facta, et relictis medio in loco pellibus, cum absentibus et ignotis, sincerissima fide permutationes transigantur. Ultra Lapones in regione inter Corum et Aquilonem, perpetua oppressa caligine, Pygmeos reperiri, aliqui eximiae fidei testes retulerunt: qui postquam ad summum adoleverint, nostratis pueri denuum annum mensuram vix excedant: meticulosum genus hominum, et garritu sermonem exprimens, adeo ut tam simiae propinqui, quam statura ac sensibus ab justae proceritatis homine remoti videantur. Ab Aquilone vero innumerales populi Moschovitarum imperio patent, qui ad Oceanum Scythicum itinere trium fere mensium extenduntur. Proxima Moschoviae regio est Colmogora frugibus abundans, quam interluit Dividna, fluviorum totius Septentrionis longe amplissimus, qui alteri fluvio minori in mare Baltheum erumpenti, nomen dedit. Is stasis et Niloticis similibus incrementis, nec in certis anni temporibus circumjectos inundat campos, pinguique alluvie, argenti coeli injuriis, saevisque Aquilonis flatibus mirifice resistit: cum nivibus imbrisque auctus inflatur, adeo lato alveo in Oceanum per

U. I. II. Iosii.

incognitas gentes in speciem ingentis pelagi deferunt, ut expedito navigio unius diei remigatione transire nequeat: udi vero aquae mox resederunt, vastae passim insulae fertilitate nobiles relinquuntur. Frumentum namque terrae traditum, nullo aratri beneficio provenit, admirabilique celeritate naturae festinantis, ac novam superbi amnis fajarum timentis, oritur simul, et adolescit, atque in aristas educitur. In Dividnam influit Juga amnis: in ipsoque confluentium angulo celebre est emporium, nomine Ustjuga, a Moscha regia urbe sexcentis miliaribus distans. In Ustjugam a Permiis, Pecerris, Inugris, Ugulicis, Pinnagisque ulterioribus populi, pretiosae pelles martarum, zebellinorumque, luporum cervariorum, et nigrarum albarumque vulpium comportantur, et ab iis vario mercimonii generi permutantur. Zebellinos vero, levium pilorum tenui canicie probatissimos, quibus nunc Principum vestis fulcitur, et delicata matronarum colla, expressa vivae animantis effigia, conteguntur, Permi et Pecerri praebent: sed quos ipsi ab remotioribus etiam gentibus, quae ad Oceanum pertinent, per manus traditos accipiant. Permi et Pecerri paulo ante aetatem nostram more gentilium idolis sacrificabant: nunc vero Deum Christum colunt. Ad Inugros, Ugolicosque per asperos montes pervenitur, qui fortasse Hyperborei antiquitus fuerant. In eorum jugis nobilissimi falcones capiuntur, ex iis genus unum est candidum, guttatis pennis, quod Herodium dicunt. Sunt et Hierofalchi, ardearum hostes, et sacri, et peregrini, quos antiquorum Principum laevis in aucupis non agnovit. Ultra eos, quos modo nominavi, popelos, Moschovitis Regibus tributa pendentes, aliae sunt nationes extremae hominum, nulla certa Moschovitarum peregrinatione cognitae: quando nemo ad Oceanum pervenerit: sed fama tantum, ac ipsis plerumque fabulosis mercatorum narrationibus audita. Satis tamen constat, Dividnam innumerabiles trahentem amnes, ingenti cursu ad Aquilonem deferri, mareque ibi esse longe vastissimum, ita ut illinc ad Cathayum legendo oram dextri littoris, nisi terra intersit, navibus perveniri posse, certissima conjectura credendum sit. Pertinent enim Cathayni ad extremam Orientis plagam, ad Thraeciae ferme parallelum, Lusitanis in India cogniti, cum proximi ad coemenda aromata per regionem Sinarum, Melacham usque ad auream Chersonesum navigarint, vestesque ex zebellinis

pellibus attulerint: quo vel uno argumento, non longe ab Scythi-
cis littoribus Cathayum urbem abesse putamus. Casteram cum
a Demetrio quaereremus, an apud ipsos ulla de Gotthis populis
vel fama per manus a maioribus tradita, vel ex ipsis literarum
monumentis memoria superesset, qui ante mille annos et Caesa-
rum imperium, et urbem Romam omnibus injuriis deformatam
evertissent: respondebat, et Gotthicae gentis, et Totilae Regis no-
men clarum esse atque illustre, in eamque expeditionem coivisse
plures populos, et ante alios, Moschovitas: crevisseque eum exer-
citum ex colluvie Livoniorum et Circumvolganorum Tartarorum,
sed propterea omnes Gotthos fuisse appellatos, quoniam Gotthi,
qui insulam Islandiam sive Scandaviam incolerent, autores ejus
expeditionis extitissent. His maxime finibus Moschovitae ex omni
parte clauduntur, quos Modocas Ptolemaeo fuisse credimus: hodie
autem a Moscho amne haud dubie sic dicti, qui et regiae urbi,
quam interfinit, suum quoque nomen indiderit. Ea est omnium
Moschoviae urbium longe clarissima, tum sita ipso, qui regionis
medius esse existimatur, tum insigni fluminum opportunitate, do-
morumque frequentia, et munitissimae arcis celebritate. Oblongo
etenim aedificiorum tractu, secundum Mosci fluminis ripam ad
spacium 5 miliarium extenditur. domus in universum sunt lignae
distinctae in triclinia, coquinas, et cubilia, capacitate amplae, nec
structuris enormes, aut nimium depressae: trabes enim ingentis
magnitudinis ab Hercynia sylva supportantur, quibus ad rubricae
lineam delibatis, et contrario ordine inter se ad rectos angulos
conjunctis et confibulatis, exteriora domorum septa singulari fir-
mitate, nec multa impensa, et summa celeritate constituuntur.
Domus ferme omnes, et ad usum olerum, et ad voluptatem pri-
vatos habent hortos, unde rarae urbis circuitus longe maximus
apparet. Singulae regiones singula habent sacella: sed conspicuo
in loco templum est Deiparae Virgini dicatum, celebri structura
atque amplitudine, quod Aristoteles Boloniensis mirabilium rerum
artifex, et machinator insignis, ante 60 annos extruxit. ad ipsum
urbis caput, Neglina fluvio, qui frumentarias agit molas, Mos-
chum amnem ingreditur, peninsulamque efficit: in cujus extremi-
tate arx ipsa cum turvidus ac propugnaculis, admirabili pulchri-
tudine Italorum architectorum ingenio constructa est. In subjec-

dis urbi campis capreolorum et leporum incredibilis multitudo reperitur: quos nemini plagis et canibus sectari licet, nisi Princeps id ad voluptatem intimis familiaribus, vel peregrinis legatis indulserit. Tres ferme urbis partes duobus aluuntur fluminibus: reliqua vero, latissima fossa, atque ea multa aqua ex ipsis amnibus corrivata praecingitur. Urbs etiam ab adverso latere alio flumine quod Jausa dicitur, munita est: id pariter in Moschum paulo infra urbem evolvitur. Porro Moschus ad meridiem excurrens, in Ocham amnem multo majorem apud oppidum Columnnam sese effundit: nec magno inde itineris spacio Ocha ipse, et suis et alienis undis magnus et tumens, exoneratur in Volgam, ubi ad confluentes situm est oppidum Novogrodia minor, de nomine majoris urbis, ex qua deducta est ea colonia, nuncupatum. Oritur Volga qui antiquitus Rha fuit, e magnis vastisque paludibus, qui Candidi lacus appellantur. Sunt eae supra Moscham inter Aquilonem et Corum, emittuntque cunctos ferme amnes, qui diversas in regiones diffunduntur, uti de Alpibus videmus: e quorum jugis ac fontibus Rhenum, Padum ac Rhodanem, innumerabilesque minores fluvios manare compertum est. Siquidem eae paludes pro montibus perenni scaturigine, humorem affatim praebent, cum nulli omnino montes in ea regione, multa etiam hominum peregrinatione reperiantur: ita ut Ryphaeos montes et Hyperboraecos toties ab antiquis celebratos, plerique Cosmographiae veteris studiosi penitus fabulosos esse arbitrentur. Ex iis itaque paludibus Dividna, Ocha, Moschus, Volga, Tanais atque Borysthenes oriuntur. Volgam Tartari Edilum, Tanaim vero Don appellant: ipse Borysthenes Noper hodie nuncupatur, hic paulo infra Tauricam in pontum Euxinum decurrit. Tanais autem a Maeoti palude, ubi Azoum est, nobile emporium, excipitur. Volga vero ad meridiem Moscham urbem relinquens, vasto circuitu ingentibusque macandris primo ad Orientem, mox in Occasum, ac demum ad Austrum magna aquarum mole praecipitatus, in Hyrcanum mare devolvitur. Supra ejus ostium urbs est Tartarorum, nomine Cytracham, ubi a Medis, Armenisque et Persis mercatoribus nundinae celebrantur. In ulteriore Volgae ripa Tartarorum oppidum est Casanum, a quo Casaniorum Horda nomen ducit: distat a Volgae ostio, Caspioque mari quingentis millibus passuum. Supra Casa-

num autem centesimo et quinquagesimo miliari ad ingressum amnis Surae, Basilus, qui nunc regnat, Surcicum oppidum condidit, ut in ea solitudine mercatoribus ac viatoribus, qui de rebus Tartariis, ac ejus inquietae gentis motibus proximos finium praefectos certiores reddunt, certa et tuta mansio cum tabernis hospitibus statueretur. Moschovitarum Imperatores variis temporibus, uti ex usu praesentium rerum fuit, vel libido, nova ac obscura loca nobilitandi longius pertraxit, apud diversas urbes imperii atque aulae sedem habnere. Siquidem Novogardia, quae Caurum et solem fere occidentem spectat, versus Livoniam mare non multis ante annis totius Moschoviae caput fuit, summamque semper obtinuit dignitatem, propter incredibilem aedificiorum numerum, latissimique et piscosi lacus opportunitatem, et vetustissimi ac venerabilis templi famam: quod ante quadringentos annos Byzantium Caesarum aemulatione, sanctae Sophiae Dei filio Christo dicatum fuit. Novogardia perpetua quasi hyeme et tenebris longissimarum noctium premitur. Nam polum Arcticum ab Horizonte sexaginta quatuor gradus elevatum videt: sex fere gradibus ipsa Moscha ab aequatore remotior, qua coeli ratione solstitii tempore propter exiguas noctes continuatis fere solis ardoribus aestuare perhibetur. Urbs quoque Volodemaria regiae nomen adepta est, quae ad ortum solis ducentis amplius miliaribus a Moscha distat: eoque sedem Imperii ab strenuis Imperatoribus necessaria ratione translata ferunt, ut ex propinquo, quum tum bella continenter cum finitimis gererentur, paratiora praesidia adversus Scytharum irruptiones opponerent. Est enim citra Volgam in ripis Clemae amnis sita, qui in Volgam evolvitur. Caeterum Moscha, vel ob eas, quas diximus, dotes, regiae nomine dignissima judicatur: quoniam medio quodam totius frequentioris regionis ac Imperii loco sapientissime constituta, munitaque arce et fluminibus, consensu omnium, praeclentiae meritam laudem, honoremque nulla aetate defuturum sibi vindicasse caeterarum urbium collatione videatur. Distat Moscha ab urbe Novogrodia quingentis millibus passuum, medioque ferme itinere Ottoferia Volgae anni imposita occurrit. Is amnis, uti fonti proximus, nondum receptis tot annibus, exiguis lenisque permeat, inde per nemora et campestris solitudines Novogrodiam pervenitur. Porro a Novogrodia ad Rigam proxi-

mem Sarmatici Bttoris portam, paulo minus quingentorum miliarium iter est. Inque tractus superiore commodior putatur, quum frequentes habeat vicos, urbemque Pleschoviam viae impositam, quam duo amnes complectuntur. Ab Riga autem, quae magni magistri militiae Livoniorum ditionis est, ad Lubecam Germaniae portum in sinu Cymbriacae Chersonesi miliaria paulo plus mille periculosae navigationis numerantur. Ab urbe Roma vero Moscham duobus millibus et sexcentis miliaribus distare compertum est, brevissimo scilicet itinere euntibus per Rhavennam, Tarvisium, Carnicas alpes, Villacumque Noricum, et Viennam Pannonicam, atque inde superato Danubio, per Olmutium Moravorum usque ad Cracoviam Poloniae regiam, mille et centum miliaria existunt. Ab ipsa vero Cracovia ad Vilnam Lithwaniae caput, quingenta: et totidem ab ea urbe ad Smolenchum ultra Borysthenem situm et a Smolenchio ad Moscham sexcenta computantur, veram id iter, quod est a Vilna per Smolenchum ad Moscham, hyeme per nives longo concretas, gelu, lubricamque, sed multo attritu solidatam glaciem expeditis in curribus incredibili celeritate conficitur: aestate vero nisi difficili laboriosoque itinere campestria superare nequeunt. nam ubi nives perpetuis solibus dissolvi eliquarique coeperint, in paludes coenosasque voragine abeunt, viris pariter et equis inextricabiles, nisi ligneis pontibus infinito prope labore consternantur. Terra Moschovia in universum neque vitem, neque oleam, neque paulo suavioris pomi fragiferam arborem, praeter melopepones et cerasa producit: cum teneriora quaeque gelidissimis Boreae flatibus exurantur, campi tamen tritici, siliginis, milii, panicique et omnis generis leguminum segetes ferunt. sed certissima messis in cera et melle consistit. Regio enim tota foecundissimis apibus plena est, quae non in manufactis agrestium alvearibus: sed in ipsis arborum cavis probatissima mella conficiunt. hinc per sylvas, et opacissimos saltus, frequentia ac nobilia apum examina ramis arborum pendentia videre est, quae nullo aeris crepitu colligere sit necesse. Reperiuntur saepe favorum ingentes massae arboribus conditae, veteraque mella deserta ab apibus, quum singulas arbores, in vastis nemoribus vari agrestes minime perscrutantur: ita ut in admirandae crassitudinis arborum stipitibus permagnos mellis lacus aliquando reperiant.

Retulit et cum multo omnium risu Demetrius legatus, ut est ingenio comi et faceto, proximis annis viciniae suae agricolam, quaerendi mellis causa in praegrandem cavam arborem superne desilisse, eumque profundo mellis gurgite pectore tenuis fuisse haustum, ac biduo vitam solo melle sustinuisse, quum vox opem implorantis in ea sylvarum solitudine, ad viatorum aures penetrare nequisset: ad extremum vero desperata salute, mirabili casu, ingentis ursae beneficio inde extractum evasisse, quum forte ejus beluae ad edenda mella more humano se demittentis, aversos renes manibus comprehendisset, et eam subito timore exterritam ad exiliendum tum tractatu ipso, tum multo clamore concitasset. Nobile quoque linum, et cannabum in restes, multaue item boum tergora, et massas ceræ ingentes, Moschovitæ in omnem Europæ partem mittunt. Nulla auri, argentive, vel ignobilioris metalli, ferro excepto, apud eos vena, sectorave reperitur nullumque est tota regione, vel gemmarum vel pretiosi lapilli vestigium. ea omnia ab externis populis petunt. naturæ tamen injuria, quæ tot bona prorsus inviderit, uno pellium nobilissimarum mercimonio resarcitur, quarum pretium incredibili hominum cupiditate et luxu adeo crevit, ut in singulas vestes suffulturæ millenis aureis nummis veneant. Fuit autem tempus, quo hæc vilis emebantur: cum remotissimæ Septentrionis nationes politioris cultus, nostræque adeo anhelantis luxuriæ penitus ignaræ, summa simplicitate, eas vilibus ac ridiculis sæpe rebus permutarent: ita ut vulgo Permii, atque Pecerri, tantum pellium Zebelinarum pro ferrea securi rependerent, quantum earum simul connexarum ipso securis fossamine, quæ manubrium induitur, Moschovitæ mercatores extrahere poterant. Ante quingentos annos Moschovitæ gentillum dea coluere, Jovem scilicet, Martem et Saturnum, et plerosque alios, quos sibi insanè errore hominibus ex industriis, aut regibus antiquitas finxit. Tunc vero primum Christianis sacris initiati, cum Graeci antistites haud satis constantibus ingeniis a Latinorum Ecclesia dissentire coeperunt: factumque est, ut Moschovitæ eos religionis ritus, quos a Graeciæ doctoribus acceperant, iisdem sensibus, et sincerissima quidem fide sequerentur. Spiritum enim sanctum, tertiam in divina Trinitate personam, a patre Deo solum produci persuasum habent: cum rectis-

suma veritate a patre simul Christoque filio proficisci credendum sit, verum ea controversia apud conventum Florentinum, praesidente Eugenio IV. Pontifice, magna partium contentione agitata, eum exitum habuit, ut pertinacia Graecorum in sermone potius quam in sensu castiganda videretur: cum Graeci antistites evidentissimis convicti rationibus Spiritum S. a patre per filium produci faterentur. Sacramentum quoque non ex azymo, uti jure debemus, sed ex fermentato pane conficiunt: sub utraque specie, sicuti soli apud nos sacerdotes, panis scilicet, divinique sanguinis, ab eorum presbyteris universo populo communicatur: quo maximo errore imbuti Bohemi, paulo ante patrum nostrorum memoriam a Latinorum Ecclesia desciverunt. Caeterum quod valde alienum a Christiana religione esse videmus, nullis sacerdotum suffragiis, nullaque propinquorum, aut amicorum pietate juvari mortuorum manes arbitrantur: fabulosumque esse purgatorii locum putant, e quo tandem piorum animae, cum diuturna ignis poena, tum multis parentationibus, indulgentiaque summorum Pontificum expiatae, immortalium foelicitatem beata in coeli sede consequantur. Caeteris in rebus easdem fere ceremonias tenent: quae a Graecis usurpatae sunt, Romanamque ecclesiam caeterarum omnium principatum obtinere, superbe et pervicaciter negant. sed ante alia Judaeorum genus, vel memoria quidem horrent, nec eos intra fines admittunt, veluti pessimos atque maleficos homines: qui etiam novissime Turcas aenea tormenta conflare docuerint. Christi vitae miraculorumque omnium historia ab Evangelistis quatuor conscripta, itemque Pauli epistolae, dum sacra fiunt, e suggestu clariore voce recitantur, probataeque vitae sacerdotes homelias Ecclesiae doctorum publice legunt, etiam iis horis, quibus sacra minime conficiuntur. non enim Oratores cucullatos, qui advocato populo concionari, et ambitiose nimis atque subtiliter de divinis disserere soliti sunt, admittere fas putant: quoniam rudes imperitorum animos simplici potius doctrina, quam altissimis arcanorum interpretationibus ad sanctiorem morum frugem evadere, viri solidae religionis arbitrantur. Hos, quos modo diximus, sacros libros, itemque novi ac veteris instrumenti enarratores, praeterea Ambrosium, Augustinum, Hieronymum atque Gregorium, in linguam Illyricam traductos habent, religioseque custodiunt. Antistites, Principesque

minorum sacerdotum singulis urbibus, pagisque praefecti sacra curant, controversias dirimunt, et moribus depravatos summa quadam vindicandi potestate persequuntur. Regem sacrorum, quem ipsi Metropolitam vocant, a Constantinopolitano Patriarcha petunt: Archimandritae autem et Episcopi, coniectis in urnam meliorum nominibus, sorte ducuntur. Eorum vero hominum qui humanis cupiditatibus ultro renunciarunt, divinarumque rerum contemplationi et sacrorum ministerio sese dedicarunt, duplex est genus. utrumque coenobia incolit: sed alterum est vagum, et paulo solutioris vitae, sicuti apud nos divorum Francisci atque Dominici sectam profitentes: alterum constat ex sanctioribus monachis, quorum ordinem divus Basilius instituit. iis ne limine quidem vel in suprema vitae necessitate, pedem efferre fas est. Procul. n. ab oculis profanorum singulari duritie vitam in occultioribus adytis degunt, summamque subactae carnis et confirmati in religione animi opinionem praebent. Universus populus quater in anno, et pluribus semper diebus jejunare consuevit, abstineteque ab esu carniū, ovorum, et lactis. In vere primum, more Latino, post diem Cinerum: mox adulta aetate, in honorem divorum Petri et Pauli: et initio autumnī demum, cum assumptae in coelum Mariae virginis memoriam celebramus: postremo sub ipsam hyemem, cum adventus Domini pronuntiatur. Per hebdomadam vero, diem Mercurii sine carnibus, diem autem Veneris sine ovis lacteque traducunt. sed Saturni dies mensa omnibus obsoniis opipare referta, hilariter excolitur. Caeterum secus ac nos solemus, nullas festorum dierum vigiliis observant. Religiosissime templa venerantur, adeo ut ea neque viros neque foeminas venereis pollutos complexibus intrare fas sit, nisi prius privatis balneis abluantur. Saepeque accidit, ut complures utriusque sexus sacra audientes, extra limen consistent, et propterea a petulcis juvenibus recentis incontinentiae notati, facietis aliquando nutibus saluentur. In ipso natali die Joannis Baptistae, et in Paschate trium Magorum, presbyteri sacros panes parvos toti populo largiuntur, quorum esu febribus conflictatos allevari existimant. Alia quoque sacra, certo anni tempore apud flumina gelu concreta celebrantur. In ripa tabernaculum constituunt, et advocata nobilitate hymnos numeroso concentu pronunciant, sacraeque lymphae multa aspergine pro-

fluentem purificant, et solenni ceremonia stratum et consecratum circumcisa et revulsa glacie protinus aperiunt. His rebus rite confectis, si qui adsunt languentes vel morboei, in flumen deciliant, et sacris aquis abluntur, cum ob id elui morborum sordes persuasum habeant. Defuncti, uti apud nos, mediocri funeris pompa comitantibus presbyteris efferuntur, capite mappa velato: cacterum non in templis, uti apud nos impia prope, vel abominabili certe corruptela usurpatum est, sed in seplis ac exterioribus templorum vestibulis sepulturae traduntur, iisque more nostro quadragenis diebus parentant: quod certe mirum videtur, quum in purgatorio loco expiari animas, et criminum poenam ullis amioorum suppliciis, ulloque pietatis officio mitigari penitus negent. In cacteris, eadem quae a nobis de religione sentiuntur, constantissime credunt. Moschovitae Illyrica lingua, Illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Litvani. Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur. nam Constantiopoli Ottomanorum in aula familiaris est, et nuper in Aegypto apud Memphiticum Salthanum et equites Mamaluchos haud ingratius auribus audiebatur. In hanc linguam ingens multitudo sacrorum librorum, industria maxime divi Hieronymi et Cyrilli, translata est. Praetor quoque patrios annales, Alexandri etiam magni, Romanorumque Caesarum, itemque M. Antonii et Cleopatrae memoriam iisdem literis commendatam tenent. Philosophiam vero, et sideralem scientiam, caeterasque disciplinas et rationalem medicinam nunquam attigere. iique pro medicis se gerunt, qui alienius paulo ignotioris herbae vires, se pluries observasse profitentur. Anni apud eos non a natali Christi, sed ab ipso mundi initio numerantur, qui non a mense Januario, sed a Septembri incipiunt. Leges toto regno habent simplices, summa Principum et iustissimorum hominum aequitate conditas: et propterea populis valde salutares, quoniam eas ullis caudiciorum cavillationibus interpretari atque pervertere non licet. De furibus, sicariis et latronibus supplicium sumunt. Quum de maleficiis quaestionem habent, reos multa gelida aqua superne demissa perfundunt, quod intolerandum tormenti genus esse perhibent. Nonnunquam obduratis et contumacibus, ut confessio criminis exprimat, ligneis caneolis digitorum ungues convelluntur. Juventus omnis variis ludis, sed militiae proximis sese

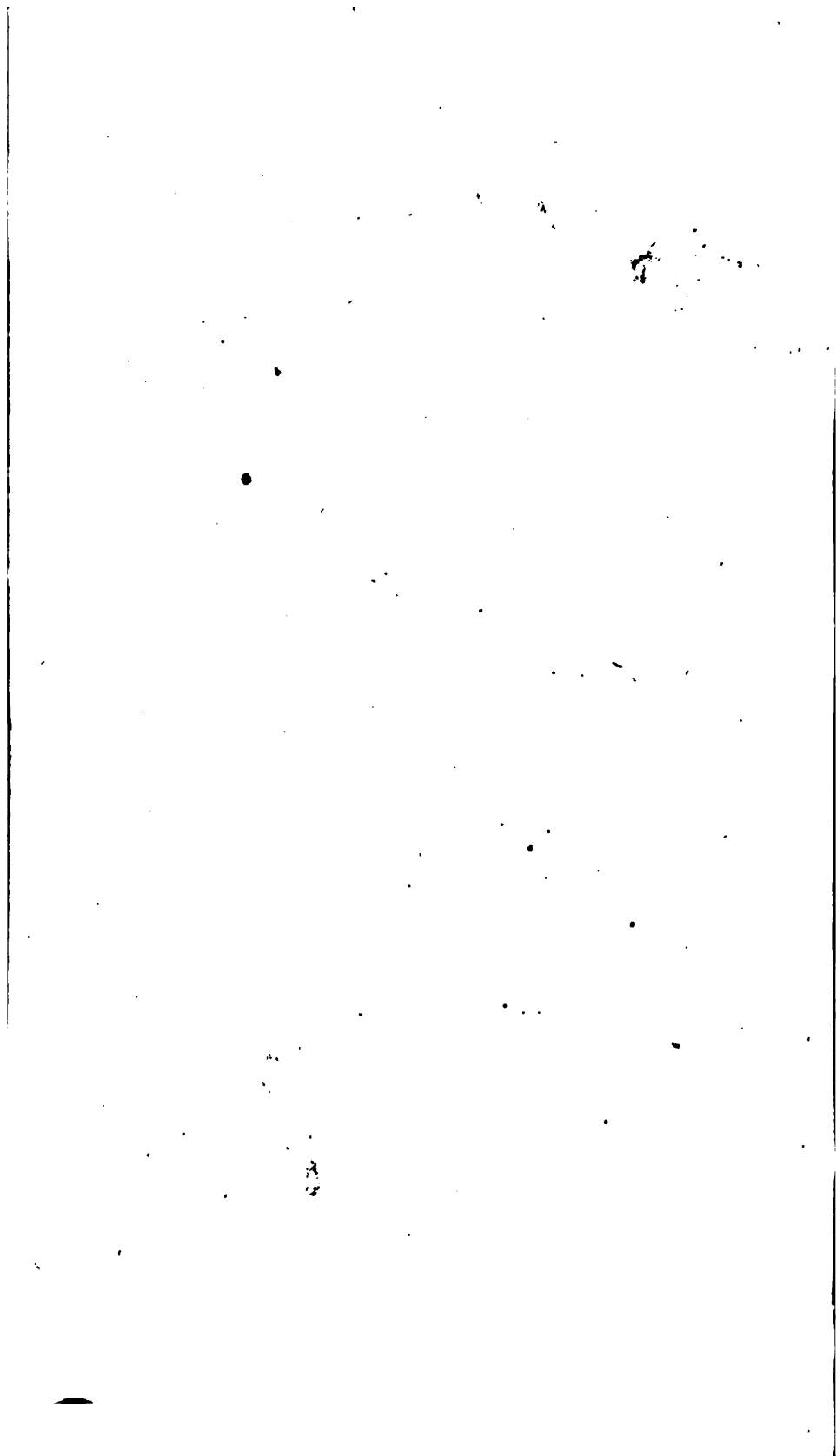
exercet: in stadio cursu contendit, in palaestra collatur, pennis citati equorum studet: omnibusque praemia, et praesertim sagittariorum peritissimorum proponuntur. In universum Moscovitae statura sunt mediocri, sed quadrata, et valde torosa: caeni omnibus oculi, proluxae barbae, crura brevia, et ventres extenti. equitant contractis admodum cruribus: et peritissime, vel avari et fatigantes, sagittas emittunt. Domi opipare potius quam laute vivunt, nanque omnium fere cibariorum quae vel a luxuriosissimis desiderari possunt, mensae eorum, et parvo quidem precio passim instrumentur. Gallinae siquidem, et anates, singulis saepe argenteolis tenuibus nummis veneunt. majoris minorisque pecoris incredibilis est copia: et occisae media hieme juvencae, concretis gela carnibus dierum fere mensium spacio non patrescunt. Venatione et aucupio, uti apud nos, nobiliora obsonia parantur. nam venaticis sanibus et plagis omnis generis feras capiunt: et asturibus, atque falconibus, quos mirificos regio Pecerra praebet, non modo phasianos, et anates, sed cygnos et grues consecantur. Astures ex genere infimo aquilarum, vel milvorum: falcones vero accipitrum mobile genus antiquis fuisse putamus. Capitur quoque avis subnigra, puniceis superciliis, magnitudine anseris, quae pulparum sapore phasianarum superat dignitatem. Moscovitica lingua Tethyter nuncupata, quae Plinio Erythratao vocatur. Alpina populus cognita, et maximo Rhetis, qui saltus ad Abduas amnis fontes incolunt. Ingentes etiam sapidissimosque pisces, et ante alios Sturiones, quos Siluros antiquitus fuisse putamus, Volga praebet: et ii quidem hyeme multa inclusi glacie, recentes pluribus diebus aservantur. Aliorum vero piscium multitudinem ferme incredibilem, ex candidis, quos diximus, lacibus expiscantur. Vini nativi quum penitus careant, advectionio uti solent: sed in festis convivii tantum, et sacrificiis. Ante alia Creticum subdulce maximo in honore habetur, sed in usum medicinae tantum, vel principalis luxuriae ostentationem: quum miraculi loco sit, eductum Creta per Gaditanas fauces, et tantis conclusi maris Oceanique fluctibus agitata, incorrupta suavitatis ac odoris dignitate, inter Scythicas nives, exhibisse. Populus vero medonem bibit, ex melle lupulique decoctum, quod picatis in cadis veterascit, et ex antiquitate mobilitatem adsequitur. In usu quoque sunt birra atque cervisia,

sicuti apud Germanos Polonosque videmus, quae ex tritico, zeaeque vel ordeo decoctis, omni convivio circumferuntur. Hanc quadam cognata cum vino potestate, largius compotantibus ebrietatem inducere adfirmant. Medonem ac birram per aestatem infrigidare, infusa poculis glacie, voluptatis gratia solent. nam ingentia glaci frusta nobilium in cellis subterraneis singulari studio recondunt. Sunt et, qui in deliciis habeant, succum ex subausteris cerasis expressum, qui perspicui et purpurissantis vini calorem et saporem jucundissimum refert. Uxores et foeminae, non in eo honore sunt apud eos, ut apud caeteras gentes. nam prope ancillarum loco habentur. Viri insignes earum vestigia mirum in modum observant, et pudicitiae diligentissime cavent. non. n. adhibentur convivis neque sacrorum causa remotiora templa petere, aut temere in publicum egredi permittuntur. Caeterum vel ad externis hominibus, et exiguo quidem precio; ad Venerem omne vulgus foeminarum facile pellicitur, adeo ut parum earum amosibus studere viri nobilis existimentur. Basilius ante viginti annos Joannem patrem amisit. Is Sophiam, Thomae Palaeologi, qui late in Peloponneso imperabat, Constantinopolitane Imperatoris erat frater, uxorem duxit. ea tum Romae erat, Thoma patre Turcarum armis Graecia pulso. ex hac quinque liberi felici foecunditate suscepti, ipse Basilius, Georgius, Demetrius, Simeon et Andreas. Demetrio et Simeone jam pridem morbo absumptis, Basilius Salomoniam Georgii Soborovii, eximiae fidei atque prudentiae consilarii, filiam, in matrimonium sibi collocavit: cujus foeminae singulares virtutes una sterilitas obscurat. Solent autem Maschovitae, cum de uxore ducenda deliberant, omnium toto regno puellarum virginum delectum habere, ac forma virtuteque animi praestantiores ad se perducere jubere: quas demum per idoneos hominis, fidelesque matronas inspiciunt, ita diligenter, ut secretiora quoque ab iis contractari explorarique fas sit. Ex iis vero magna atque sollicita parentum expectatione, quae ad Principis animum responderit, regis nuptiis digna pronuntiatur. caeterae vero, quae de formae, pudicitiaeque et morum dignitate contenderant, saepe eadem die in gratiam Principum, proceribus atque militibus nubunt: sic ut mediocri loco natae plerumque, dum Principes, regiae stirpis clara stemmata contemnunt, ad summum regalis thori fastigium,

uti et Turcae Ottomanos solitos esse videmus, pulchritudinis auspiciis evchantur. Basilius quardragesimum septimum aetatis annum non attingit, specie corporis eximia, animi virtute singulari, suorumque studio ac benevolentia, et rebus gestis, progenitoribus suis antefendus. Nam, cum per sex annos cum Livoniis, qui septuaginta duas urbes foederatas in eius belli causam trahabant, armis contendisset, paucis legibus datis potius quam acceptis victor discessit. Polonos quoque initio statim ipsius Imperii, acie profligavit: Constantinumque Ruthenum copiarum ducem, captum, et catenis vinctum, Moscham perduxit. Sed ipse aliquando post ad Borysthenem, supra Orsam urbem, ab eodem Constantino, quem dimiserat, magno praelio est superatus: ita tamen ut Smolenchum oppidum, quod antea Moschovitae occupant, post tantam etiam victoriam a Polonis partam, in ditione Basilii relinqueretur. Sed adversus Tartaros, et maxime Europeanos Praecipitas, saepius secundo praelio a Moschovitis est dimicatum, ulciscendis fortiter injuriis, quas illi repentinis incursionibus intulissent. Supra enim centum et quinquaginta milia equitum Basilius ad bellum ducere consuevit, distinctis per vexilla turmis, quae suos duces sequuntur. Regiae aleae vexillo inscripta est Josuae Hebraei imago, illius qui, ut sacrae referunt historiae, a Deo maximo longissimum diem, retardato solis cursu, piis precibus impetravit. Pedestres copiae nullo prope usui sunt in illis vastis solitudinibus, tum ex ipsa vesta quae fluxa talarisque est: tum ex hostium consuetudine, qui cursu potius et equitandi celeritate, quam vi statariae pugnae, vel ipso congressu militiam exercent. Equi eorum statura infra mediam existunt, sed robusti et velocissimi habentur. Equites praepilatis hastis, clavisque ferreis et sagittis rem gerunt. paucis falcati sunt gladii. Corpora vero clypeis rotundis, ut Asiatici Turcae: vel inflexis et angularibus parmis, more Graecorum, itemque lorica et galea pyramidalis proteguntur. Basilius etiam Scloppettariorum equitum munum instituit: multaque aenea tormenta Italorum fabrorum artificio conflata, suisque imposita curribus in arce Moschae visuntur. Ipse insigni apparatu et singulari comitate, pua tamen Regia majestas ulla ex parte corrumpitur, publice cum proceribus atque legatis epulari solet, magnumque inaurati argenti pondus duobus

abacis expositum, eodem triclinio conspicitur. Nullam praetoriani militis cohortem, praeter ipsam familiam, corporis custodiae causa, circum se habere, vel alibi alere consuevit. Ab urbana n. fideli multitudine stationes habentur. nam una quaeque urbis regio foribus, cancellisque sepitur: nec temere per noctem, aut sine lumine, in urbe vagari licet. Aula omnis constat ex regalis, et ex ipso militum delectu, qui per statos mensium circuitus, frequentandae, nobilitandaeque regiae causa per vices ad implenda somitatus officia e singulis regionibus accersuntur. Porro exercitus omnis, quum bellum ingruit, vel hostibus indicitur, ex evocatis veteranis, novisque provinciarum delectibus cogitur: nam cunctis in urbibus praefecti militiae juventutem inspiciunt, idoneosque in ordines militum transcribunt: quibus ex aerario provinciarum, certa, pacis tempore, sed ea quidem exigua, stipendia persolvuntur. Verum qui militant, immunitate vectigalium gaudent, et caeteris paganis praestant, regiaque gratia omnibus in rebus potentes existunt. Pacescit namque verae virtuti nobilis locus, quum bellum geritur: siquidem egregio et in omnium administratione salutari instituto, ad suum quisque spectata facinus, vel perpetui praemii, vel ignominiae sempiternae fortunam assequitur.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) Къ сожалѣнію этого *картуса* не находится ни въ одномъ изданіи сочиненій Павла Ювія.

2.) Изъ сего описанія видно, что Павелъ Ювій или не зналъ, что рѣка Оксъ (Гигонъ, Джейгонъ, или Амуръ-деръ) впадаетъ въ Аральское, а не въ Каспійское море, или полагалъ до сихъ еще поръ существующими то устье, которыми, по свидѣтельству древнихъ, рѣка сія некогда изливалась въ Каспійское море, пустивъ нѣсколько рукавовъ въ болота, составляющія лишь море Аральское. Устье это, какъ известно, давно уже засыпано. О *Гирканскомъ морѣ* см. пр. 68 къ I. Барбаро.

3.) См. прим. 25 къ I. Барбаро.

4.) См. прим. 30 къ I. Барбаро.

5.) Латеранскій Сеймъ, какъ мы уже объяснили въ примечаніи 55-мъ къ А. Л. Кампензе, получилъ названіе свое отъ Латеранскаго Дворца, въ которомъ онъ собирався и отъ находящейся при ономъ соборной церкви во имя Св. Іоанна Латеранскаго (Sacrosancta Ecclesia Lateranensis, omnium Ecclesiarum mater et caput). Дворецъ Латеранскій, по свидѣтельству Бароніи, принадлежалъ въ древности тому самому Латерану, который былъ умерщвленъ Нерономъ, и послужилъ во власть Римскихъ Первосвященниковъ въ началѣ IV столѣтія, при Папѣ Мелхіадѣ, получившемъ его въ даръ отъ Императора Константина. Въ Латеранскомъ дворцѣ было всего 9 главныхъ соборовъ. (въ 1123; въ 1159; въ 1179; въ 1215 и въ 1512 годахъ) и нѣсколько частныхъ. Последний изъ нѣтъ тѣхъ

ныхъ соборовъ есть тотъ самый, о которомъ упоминаетъ П. Ювій. Онъ созданъ былъ при Юліи II. и распущенъ въ 1517 году, при Львѣ X. Главнѣйшею цѣлію сего собора было желаніе Римскаго Двора подвинуть Христіанскихъ Государей къ союзу противу Турокъ.

6.) См. прим. 58 къ А. Кампексе.

7.) Въ Италіанскомъ переводѣ П. Ювія, напечатанномъ въ Рамузіевомъ сборникѣ, сказано, что Димитрій, преклонивъ колѣна, цѣловалъ по обычаю у Папы ноги (*humilmente inginocchiato, ascendendo l'altare, gli basciò li piedi*), а въ Латинскомъ подлинникѣ напечатано просто: *cum de throno surculus adoravit*.

8.) П. Ювій сличиваетъ Латинское слово *игис* — буйволъ — съ названіемъ *bison* — дикій быкъ. Герберштейнъ дѣлаетъ различіе между этими животными. «Дикіе быки (*bisontes*), говорятъ они, отличаются на своемъ языкѣ названіемъ Зубранъ, а Намидъ Доготъ или Угохъ, каковое названіе собственно принадлежитъ буйволу (*igus*), имѣющему совершенно видъ волковъ, между тѣмъ какъ дикіе быки (*bisontes*) зовутъ на нихъ не похожи. Они имѣютъ гриву, шею и плечи меховатыя; шерсть ихъ издаетъ запахъ мускуса и пр.»

9.) *Амазоніи*, въ Италіанскомъ переводѣ П. Ювія, напечатанномъ во 2-мъ томѣ Рамузіева сборника, названы Амазонами, т. е. живущими въ повозкахъ (*Amazonii, cioè viventi nell'aggi*). Народъ этотъ, по свидѣтельству Сестренцевича, принадлежалъ къ племени Сарматскому и обиталъ на правомъ берегу реки Дуная, тамъ, гдѣ нынѣ находится городъ Видинъ. (См. *Sist. de l'orig. des Sarmates etc.* T. I. p. 74).

10.) См. прим. 29 къ Г. Варбаро.

11.) *Амалессо* поварше, или Квибурская коса, есть узкая полоса земли, простирающаяся на Северозападъ отъ перешейка, соединяющаго Тамарическую полуостровъ съ материкомъ.

12.) Название *Кривичи Татары* не встречается ни у одного из писателей, говоривших о сибирских народах. Трудно думать, чтобы П. Юий разумел тутъ *Кривичи*, ибо онъ уже прежде упоминалъ объ нихъ, подъ названіемъ *Татаръ Паронскихъ*. Вероятно всего, что онъ говоритъ объ ордѣ *Кичинской*, которая, какъ известно, была раздѣлена *Менгес-Гиреемъ* въ 1502 году. *Шибанские* или *Тюменские Татары* получили название свое отъ *Шейбани-Хана*, брата *Батисы*, господствовавшего въ землѣ *Туранъ* или *Сибиря*. О *Татарѣ Диничей* см. стр. 78 къ I. Барбара, а о *Ночайскихъ Татарахъ* 19 къ А. Кампене.

13.) *Согдіана*, древняя Персидская область, находившаяся между рѣками *Оксомъ* и *Яксаргомъ* и состоявшая изъ нынешней *Большой Бухаріи* или земли *Узбековъ*, южнаго *Белора* и малаго *Тибета*. Имя *Согдіаны* получила она отъ исконнаго своего положенія.

14.) *Аксарты*, или *Сыръ-дереа*. О названіи см. въ *Арабскомъ*, а не въ *Каспійскомъ* море см. *Прим. 68* къ I. Барбара.

15.) *Имаион - Софи*, потомки *Шейха Софи*, изъ рода *Аліа*, и вступъ *Узун-Гасана* въ владѣніе, сдѣлавъ въ 1505 году съ помощію религіознаго фанатизма, Персидское монархію, находившуюся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій во владѣніи *Али-зей Туркменонихъ*. Завоевавъ *Дербендеръ*, *Грузію*, *Туркистанъ* и *Мауренорскую землю*, назвалъ онъ себя *Шейхомъ Персій*, ввелъ между подданными своимъ языкъ *Аліа* и былъ основателемъ династіи *Софи*, царствовавшей въ *Персіи* до 1722 года.

16.) См. прим. 15 къ А. Кампену.

17.) *Галатія*, сѣверо-восточная область *Фригіи*, въ *Малой Азіи*, получила это названіе отъ поселившихся въ ней *Галатовъ*, народа, составившагося изъ сѣмьени *Грековъ* и *Кельтовъ*.

18.) *Романи* и *Язы*, два галатійские народа *Сириакского племени*, названыя при *Митридатѣ Сиввѣ* изъ жемчуж-

изъ между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ, жили сами въ это пространство Угерингисъ или Дакія, которую составляли Молдавія, Валадія, Трансильванія, части Венгріи и Баната Темисварскій, или Ларина, данъ покорить Карантинъ, дорожники тразониты, Ридисія, адріатическій этой стороны и начали ту ужасную и дикую войну, дикого варварства съ страдательнымъ просвѣщеніемъ, которая закончилась наконецъ гибелью послѣднихъ. Потомъ, нареду Оравійской, побѣжденный Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но отправленный для Рима во время Царя Касія Доробиста, храбраго, обитали также въ сѣверахъ, составлявшихъ Дакію. Со времени Траяна, обратившаго землю сію въ область Римскую, имя Дакіанъ взяло первѣсь надъ именемъ Гетовъ, о коихъ послѣ сего уже нигдѣ не упоминается. Нѣкоторые писатели по ошибкѣ смѣшиваютъ Гетовъ съ Готеами, народомъ Германскаго происхожденія, подробно описанномъ нами въ примѣчаніи 63 къ I. Барбаро. Бастарны, народъ Германскій, обитали отъ истоковъ Вислы, вдоль Карпатскаго хребта, до устья Дуная. Часть этого хребта отъ имени ихъ получила названіе Бастарнскихъ Альповъ.

19.) *Каледонскіе Шеринны*, — имя Ютландскій полуостровъ; называемый у Плинія Картерисонъ.

20.) Объ этомъ баснословномъ народѣ упоминаетъ еще Гомеръ, который чѣмъ угрожалъ гибелью журавли. Но сандатиды Пелійа города и домгикъ мастросиды были изъ личной ссоры, а Филостратъ рассказываетъ, что они хлѣбъ свой съ полей рубили чужими. Огромная рать Пилгасъ, по уверенію того же писателя, начала на Геркулеса послѣ битвы его съ Антеемъ и стала осаждать спящаго Героя, какъ бы нѣкій украшенный городъ. Геркулесъ проснулся, разсѣлся надъ осадкою, мѣсяцъ своихъ враговъ своихъ и, завернувъ въ кожу свою, свою кожу, отогналъ къ Эриктору.

21.) *Селерия* Дакія происходитъ изъ соединенія рекъ Юра и Сухомы. Впрочемъ уже во время Герберштейна городъ Уступъ Великій находился на Сухомъ, въ рѣкѣ Сухомъ.

отъ устья Юга: Вотъ что о назомненіи его сказано въ Древней Россійской Hydrographia; на стр. 211: „ниже града Устюга Великаго рѣка Сухоны да рѣка Юга сошлись вмѣстѣ и тѣ оба рѣки текутъ съ тѣхъ мѣстъ и до моря потекла Двина рѣка“ и на стр. 220: „а ниже Устюга Великаго версты отъ три на-ла въ Сухоны рѣка Юга, и пр.“

22.) *Золотыми Иеронимомъ называли древніе названный Малакскій полуостровъ въ Восточной Индіи.*

23.) *Тотила, Царь Остроготскій, взошелъ на престолъ въ 544 году по Р. Х. Нѣкорпезъ въ короткое время мужествомъ, великодушіемъ и кротостію почти всю Италію, онъ въ 546 году овладѣлъ и самимъ Римомъ, находившимся тогда подъ защитою Византійскихъ наемниковъ, и конечно бы въ концѣ разорилъ его, еслибы знаменитый Велисарій не подошлъ къ нему на помощь. Склоненный просьбами и убажденіями Римскаго вождя, Тотила вышелъ изъ города, взявъ съ собою всѣхъ Сенаторовъ: но въ отсутствіе его Велисарій успѣлъ снова привести стѣны городскія въ оборонительное положеніе и сдѣлать нужныя приготовленія къ своей защитѣ. Тотила, узнавъ о семъ, пѣшпшелъ къ Риму въ надеждѣ опять взять его; но успія его остались тщетными. Отступивъ съ значительными уронѣмъ въ Апулію, онъ разбилъ тамъ отрядъ Римскаго войска и съ новыми силами лился подъ стѣнами Всемирной столицы. На сей разъ удался ему овладѣть городомъ чрезъ измѣну стражи, и вступивъ въ него побѣдителемъ, онъ сталъ требовать отъ Юстиніана уступки всей Италіи. Императоръ не принявъ пословъ Остроготскихъ, и раздраженный Тотила, снарядивъ огромный флотъ, овладѣлъ Рѣтумомъ и Таректомъ и, перекрывъ въ Сицилію, покорилъ ее своимъ оружіемъ, равно какъ Сардинію и Корсику. Торжество его не было однако продолжительно. Подославшіи на помощь въ Италіюскіе берега флотъ Римскій разбилъ Готскія суда и отнялъ у него Сицилію, а между тѣмъ съ суши пути приближались къ Риму многочисленная рать Юстиніанова; предводительствуемая храбрымъ Нарсесомъ, преемникомъ Велисарія (552 г.). Тотилѣ*

на достиженіи на восточну сторону, нападъ на нихъ въ мѣстѣ, называемомъ Вина. Gallogum; но былъ разбитъ на голову и принужденъ искать спасенія на бѣгъ. — Наступилъ въ пути возмущеніи Готтардъ, но имѣи Асбадоу, котораго не узнавъ его, онъ былъ пораженъ ударомъ копья и кончилъ жизнь съ мечомъ въ рукахъ. Съ нѣмъ вмѣстѣ палъ самъ Готескаго Царства, окончательно разрушеннаго при его предѣлѣ. Исторія сохранила намъ самыя выгодныя понятія о характерѣ Тотилы. Онъ былъ сильно на мужествомъ, на великодушіемъ и кротокъ.

24.) Скандинавія, нынѣшняя Швеція и Норвегія, въ древнѣе время не принадлежала къ материку, но составляла отдѣльный, плодородный островъ. Первый упоминаетъ объ ней Помпоній Мела въ 3-й книгѣ сочиненія своего de situ orbis, а Плиній говоритъ, что на сѣверозападѣ Скандинавіи продолжались Сваскія, нынѣ Кіаленскія горы, отдѣляющія землю Норгонъ (Норвегію) отъ остальной части Скандинавіи.

Объ участіи Славянскихъ племенъ въ походѣхъ Готтовъ и Гунновъ противу Римской Имперіи впервые упоминаетъ извѣстный Готескій историкъ Иорнадъ. Когда Готты, въ противѣнствіе по Р. Х. дѣлавше въ мѣднѣе время на Балтійскомъ морѣ къ берегамъ Дуная, Славяне должны были покориться побѣдоносному оружію Саверныхъ пришельцевъ и имѣть съ ними дѣлать опасности и славу ихъ воинскихъ подвиговъ. Въ послѣдствіи они, подобно инымъ прочимъ народамъ, подпали подъ иго Гунновъ и въ полчищахъ Аттилы явились на западъ Европы для опустошенія владѣній Римскихъ. Испытавъ, какъ говорилъ Карамзинъ, подъ начальствомъ ихъ вождей, храбрость свою и прилежность добычи въ богатыхъ областяхъ Имперіи, Славяне охотно послѣдовали за мужественными Теодорикомъ въ Италію и до самаго паденія Царства Остроготомъ не преславились сраженіемъ въ рядѣхъ смѣлыхъ храбрыхъ воякъ Восточной Имперіи. — Трудно повѣсть, откуда Димитрій черпалъ свидѣнія свои объ участіи нашихъ предковъ въ походѣхъ противу Рима, ибо ни одинъ изъ древнихъ Восточныхъ не упоминаетъ о сѣвѣ.

25.) Въ концѣ трудна согласиться съ Авторомъ. Имя Массонтиана было Русскимъ Западнымъ писателемъ уже въ то время, когда городъ Москва составляла столицу Московскаго Княжества. Правда же сего она была небольшою и не-редкою Княжества Владимірскаго.

26.) Объ Аристотелѣ Болонскомъ смотри пр. 54 къ А. Контарини.

27.) *Сурицути*—безъ сомнѣнія Васильгородъ или Васильскъ, о положеніи коего въ древней Россійской Идрографії, на стр. 150, сказано: „а ниже Новаграда Нижняго на Волгѣ, на вѣ-горной сторонѣ, сто тридцать верстъ *Васильграде*, а подѣ гра-домъ подѣ Васильскъ съ вѣщія стороны пала въ Волгу рѣка Сура.“ Въ Степенной же книгѣ (ч. II. стр. 202) о построеніи его сказано слѣдующее: „И убо слышавъ Великій Князь Васи-лій, яко Казанскій Царь Саятъ Гирѣй много крови Христіан-скія проливаетъ и посланника его Василія Юрьевича Поджестъ на убъ, и сжали сѣ о сихъ, самъ поиде съ братією своею въ Нижний Новградъ, оттуду же Царя Шигъ-Алея къ Казани, посла, съ нимъ же посла Восводъ своихъ по суку. Они же шедше на усть рѣки Суры, поставиша градъ Василь, и улусы Казанскія повоеваша, и со многими плѣномъ здравцъ приидоша къ Великому Князю.“

28.) *Софійскій соборъ* въ Новгородѣ построенъ въ Княже-ніе Ярославово. Вотъ что сказано о семъ въ 1-мъ томѣ Со-фійскаго временника, на стр. 155: „Въ лѣто СФНГ (1045) заложи Володимиръ Ярославичъ Церковь Святую Софію въ Новгородѣ,“ и ниже: „Въ лѣто СФНИ (1050) священена бысть святая Софія въ Новгородѣ, на Въздвигеніе честнаго креста, повелѣніемъ Великаго Князя Ярослава.“

29.) См. Прим. 73. къ I. Варбаро.

30.) Россіане, до крещенія ихъ въ 989 году Великимъ Княземъ Владиміромъ, дѣйствительно поклонились языческимъ богамъ, но не Юпитеру, Марсу и Сатурну, какъ утверждаетъ Авторъ. Они имѣли свою особенную Мифологию.

31.) Въ древней Апостолской Церкви, равно какъ и на Никейскомъ соборѣ, не было вопроса объ исхожденіи третьяго лица Св. Троицы. Вопросъ этотъ возникъ въ первый разъ въ 381 году, на Константинопольскомъ соборѣ, который призналъ правильнымъ Символъ вѣры, составленный на основаніи Евангельскаго ученія соборомъ Никейскимъ, присоединивъ къ нему и ученіе о Св. Духѣ, для опроверженія ложнаго мнѣнія Константинопольскаго Патріарха Македонія, не признававшаго божественности Св. Духа. Ученіе это, выраженное словами: «и въ Духа Святаго Господа животоворящаго, иже отъ Отца исходящаго» основано на слѣдующемъ изреченіи Евангельскомъ: «Егда же придетъ утѣшитель, его же азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истинны, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуе о мнѣ» (Іоаннъ XV. 26) Не смотря на ясность этого выраженія, Западное Духовенство, чрезъ 18 лѣтъ послѣ перваго Константинопольскаго собора, и именно въ 399 году, на соборѣ Толедскомъ, созданномъ противу Прискидіанъ и состоявшемъ изъ 19 Епископовъ, неизвестно почему къ ученію Символа объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца прибавило: и *Сына*. Объ этомъ нововведеніи Восточное Духовенство узнало не ранѣе, какъ въ правленіе Карла Великаго, который, по свидѣтельству дѣисписателей, самъ былъ ревностнымъ поборникомъ такого измѣненія и даже для утвержденія онаго созвалъ особенный соборъ въ Аквистранѣ (Ado. Arch. Vien. Chron. ad an. 809). Соборъ этотъ не могъ однако рѣшить предложеннаго ему вопроса и, послѣ продолжительныхъ преній, положилъ отправить Посольство къ Папѣ Льву III, для испрошенія согласія его на включеніе въ Символъ вѣры вышеозначеннаго прибавленія. Посольство это, состоявшее изъ двухъ Епископовъ: Бергарда и Лесса и духовнаго Сланика Авы Адельгарда, не имѣло однако желаннаго успѣха; ибо Левъ III не только не согласился на измѣненіе Символа, но даже, для предостереженія потомства, повелѣлъ выразить его въ первоначальномъ видѣ на двухъ серебряныхъ доскахъ и поставить въ храмъ Св. Петра, съ слѣдующею надписью: Haec Leo posuit amore et cautela orthodoxae Religionis, т. е. Я, Левъ, поставилъ сіе изъ любви къ Православной вѣрѣ и для ея охраненія. Впрочемъ не одинокъ онъ по-

назвать себя на это время на Западе противниками нововидения. Прерославию напало еще и друтиль, столбежъ реллигистахъ за-
прещенныхъ въ экименитомъ Алкунизъ, друга и советника Кар-
ла Великого и въ Ахилейскомъ Патриархъ Павла. Вотъ
наша первая изъ нихъ объясняетъ о измененіи Символа вѣры
на посланиіи своемъ къ Никонизъ братіямъ: «Любезнѣйшіе
братіа! Всѣмъ силами вашими блгодѣйтесь новаго ученія Но-
нисканскаго; въ вѣрованіи слѣдуйте по стопамъ Св. Отцевъ и
пробавляйте въ святѣйшемъ соединеніи съ Церковію; ибо напи-
сано: не преступай преданій Отцевъ и въ Символу Касоличес-
кой Церкви не прибавляй ничего новаго; но слѣдуй предані-
ямъ, доселе носимымъ, а шествуй по гладкой стезѣ ученія
Апостольскаго, дабы чрезъ изжибы какой либо новизны не со-
кратилася съ пути истиннаго» (Ср. А. А. Р. 1617: п. 69).
Этого прізнанія Историческаго извѣстія достаточно кажется для
доказательства, что Церковь Греческая неизменно содержитъ
тоже Символъ вѣры, который постановленъ былъ Святѣйшій От-
цами на Никейскомъ соборѣ и подтвержденъ на Константино-
польскомъ, и что Западная Церковь произвольнымъ измене-
ніемъ его отступила отъ догматовъ, предписанныхъ ей первыми
ея устроителями.

39.) Таинство Евхаристіи, какъ въ Греческой такъ и въ
Россійской Церкви, совершается въ томъ самомъ видѣ, какъ
совершалось оно было Спасителемъ на Тайной Вечери. Въ этомъ
удостоверить насъ свидѣтельство Евангелиста Матвея (Гл.
XXVI), Марка (Гл. XIV) и Луки (Гл. XXII) и Апостола Павла (1 Корин. XI), которые, говоря о Тайной Вече-
ри, выражаются просто: *Примите хлебъ и пр.*; безъ прибавле-
ній, что этотъ хлебъ былъ прѣсный, чтобы они конечно не
приняли обмануть; ибо во всѣхъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ
только говорится о хлебѣ опрѣсновенномъ, слѣдуетъ такое-
же извѣстіе. «Да возмемъ же только одного отъ говида, и она
для насъ рочна, и хлебъ прѣсный.» (Исх. XXIX, 1: 2). «И
протрѣ Ангелъ Господень камень мѣломъ, иже въ руцѣ его, и
присосеки мѣломъ и хлеба прѣснѣ.» (Кн. Суд. VI, 21).
«На вхождѣи: иорди высокихъ: аго оларю: Господню въ

Иерусалимъ, въ томъ, адыку опрѣснокъ поспѣе: бѣжитъ съ-
ед.» (А. Кн. Царств. XXIII. 9). На замѣчаніе тѣмъ, которые
стали бы утверждать, что въ Ветри Господней не было бли-
нчатъ хлѣба, кромѣ опрѣснчатого, ибо святымъ Моисеемъ
возбуждалось въ теченіе аспія сими днѣи Пасхи употребленіе
краснаго хлѣба (Да не ошѣи на нѣе крѣпко: ослѣдъ днѣи да
лси въ нѣо опрѣсноки, хлѣбъ ослѣбшѣи, ало тѣмъ нѣиъ извѣ-
сте изъ Египта, да поминаете днѣи исхода вѣсего отъ земли
Египетскѣи всѣ днѣи житія вѣсего. Да не лѣнѣи тебѣ вѣсего
во дѣлѣхъ предѣлахъ твоихъ, сѣдѣи днѣи и нр. Второз. XVI.
3, 4); додѣлочно возразитъ, что Пасха Новоавѣщная совер-
шенна была Спасителемъ, вѣдѣи сущиими ранѣи Пасхи Иудей-
скѣи и потому вѣсима лѣнѣи оидѣи. Онъ совершилъ се на хлѣбъ
квасной, Есики не лѣнѣи замѣтѣи, что днѣи, въ который со-
вершенна была Новоавѣщная Пасха, названъ у Евангелистовъ
Матѣи и Марка первыми днѣи опрѣснчатыхъ, то на тако-
вое замѣчаніе оидѣи на слѣдующими словеси Іоаннъ Зла-
труста: «Въ первый опрѣсноковъ, бѣиши кромѣ опрѣсно-
ковъ, днѣи, рече. Обыченъ бо онъ вѣсѣи аспѣи вѣсѣи днѣи,
и поминаетъ днѣи вѣи, оидѣи же. въ вечеръ Пасха вѣсѣи опрѣ-
тѣи. Въ пятый бо Субботы приступиши. И днѣи сѣи кромѣ
опрѣсноковъ, нарицаѣи Матѣи время, въ неже приступиши;
Лука же тако вѣдѣи: вѣида: не днѣи опрѣсноковъ, въ
оидѣи подобно бо время, вѣи Паску. Сими рѣченіемъ, вѣи-
де, сѣи признамену, бѣиши бо, при днѣи бѣи оидѣи, сѣиши, по-
мниши вѣиши. (Берѣде на Еванг. Матѣ. Мѣста. 1731. мѣста
537 на оборотѣ).» Впрочемъ и самыя послѣдователи вѣида
Церкви не вѣсѣи употреблѣи опрѣсноки при Свѣщеннодѣ-
ствіи; Богъ есики вѣиши, совершилъ сѣи Таинство Евхаристіи
на хлѣбъ квасной. Въ речеи, удостовѣрѣи, вѣи оидѣи
Кардинала Бонн, который въ I-й Кнѣи своей о Инду-
гії (Гд. XXIII) пишетъ слѣдующее: «Богъи совершилъ лѣи
къ Западной Церкви употреблѣи бѣи хлѣбъ, красной; въ
нѣи концѣ дѣишата вѣи вѣиши опрѣсноки. Тѣмъ лѣи въ не-
прѣдѣлѣи днѣи причащѣи сѣи Свѣщенникъ, и вѣиши въ
нѣишатахъ вѣишѣи днѣи на причащѣи хлѣбъ, или причащѣи
неспособный къ Свѣщеннодѣствію, то вѣишѣи хлѣбъ въ

предоставлено было Савинскому, в мнѣн. Посему не спрашивая, давая подобно, то и нечаянно употребилъ имя этого нашего клуба, что и имѣло было въ послѣдствіи явленіи Римскому Церковному. Писаніе въ синодальныхъ Папѣ (N. 100121 В. Римскихъ de vita Pontificum Romanorum, Bonis Agitur M. DCXII, p. 47) принимавша вѣдѣніе опрѣбной Папѣ Адександру I-му, пресинку Папы Евариста; не писаніе, сего не подтверждено никакими достовѣрными свидетельствами.

55.) Дѣлѣ опроверженіи мнѣніи П. Юмѣ стоятъ только раскрыть известную книгу: *Православной истинѣ о дѣлахъ*; составленную Кіевскимъ Митрополитомъ Петромъ Могилею, исправленную на соборѣ, бывшемъ въ Молдавіи и одобренную всѣми четырьмя Восточными Патриархами. Вотъ что сказано въ I-й части ея на 65-й вопросъ: что надобно думать о милостыняхъ и благотвориеніяхъ, которыя дѣлаются въ пользу умершихъ? «Умирающіе грѣшники напрямкию вѣржаются въ спасеніе, но сіе состоитъ во власти Божіей, такъ что Богъ можетъ и простить ихъ, т. е. за приношенія и подаянія, дѣлаемыя въ пользу умершихъ. Они не мало полезны и въ тяжкихъ грѣхахъ умершимъ. . . . Посему не престанемъ стараться милостынями и молитвами нашими умилостывлять Того, который имѣетъ власть ввергнуть, но не представляемо употребляетъ власть свою, а можетъ даровать и прощеніе.» Въ той же часѣ на вопросъ 66-й: что мы должны думать объ огнѣ чистилищномъ? сказано въ отвѣтъ: «Нигдѣ въ писаніи не упоминается о немъ, т. е., чтобы было временное какое наказаніе, очищающее души не смертныя. За нѣ особенно мнѣніи Церковныя и осудила Оригена на вѣроу. Константинопольскому собору. Упрямѣе оспариваетъ, что по смерти душа не можетъ принять ни одного Таинства Церковнаго. Если бы она могла что нибудь сдѣлать въ удовлетвореніе за грѣхи свои, то могла бы имѣть чистоту въ Таинствѣ покаянія. Но поелѣу сіе противно православному ученію, то Церковь правдиво извѣщаетъ, что приносить за умершихъ безвредную жертву и возмолвить въ Божу молитвы объ отлученіи грѣшниковъ. Сами же они не терпятъ никакаго наказанія, поспѣшныя, каковаго бы не оставились. Что на

сается до божества таких людей, которые говорят, что души, ожидающія отъ міра безъ раскаянія, выжигаются на раскалкахъ, въ болозѣхъ и озерѣхъ, — Црковѣ никогда не принимали оныхъ.» После этого свидѣтельна намъ остается только заявить, что и сама Западная Церковь до времени Тридентскаго Собора (1547—1563) не признавала ученія о чистилищѣ въ числѣ догматовъ своей вѣры.

34.) Тутъ должна быть ошибка; ибо по уставу Греческой Церкви, мясоденіе равно воспрещается какъ по Среднѣи такъ и по Пятицаткѣ.

35.) Выгнѣніи называются въ Западной Церкви кануны большихъ праздниковъ.

36.) Праздникъ Трехъ волковъ торжествуется Западною Церковію въ день Богоявленія Господня, т. е. 6-го Января.

37.) Великій Князь Василій Іоанновичъ родился 25-го Марта 1478 года, а вступилъ на престолъ 27-го Октября 1505 года, следовательно ему было тогда 27 лѣтъ, а не 19, какъ утверждаетъ Авторъ.

38.) Въ подлинникѣ сказано: «Coeterae vero, quae de formae pudicitiaeque et morum dignitate contenderant, saepe eodem die in gratiam Principum, proceribus atque militibus nubunt.

39.) Въ Княженіе Василія Россіи не было войны съ Литовскими орденомъ. Война эта началась и кончилась при отцѣ Василія, Іоаннѣ III. Вотъ что было поводомъ къ оной. Въ 1494 году въ Ревель сошлись всапродно одного Русскаго подданнаго, уличеннаго явнымъ въ гнусномъ преступленіи; при немъ некоторые локкомыленные Граждане объявили, что они охотно бы сошлись и Великаго Князя, если бы онъ сдѣлалъ у нихъ то же. Слова эти, доверенныя до свидѣнія Іоанна и частныя притѣсненія, чинимыя купцамъ Новгородскимъ отъ жителей Ревеля, до такой степени раздражили Великаго Кня-

за, что онъ немедленно потребовалъ, дабы Ливонское Правительство выдало ему Магистратъ Ревельскій. Получивъ отказъ, онъ повелѣлъ схватить всѣхъ Ганзейскихъ купцовъ, бывшихъ тогда въ Новогорода, отнять у нихъ товары и имущество и заключить ихъ самихъ въ оковы. Тщето Послы Великаго Магистра, семидесяти Ганзейскихъ городовъ и Короли Польскаго молили Иоанна объ освобожденіи несчастныхъ узниковъ. Больше года томился онъ въ темницѣ (гдѣ многіе изъ нихъ умерли) и хотя были наконецъ выпущены, но товаровъ имъ не возвратили. Этотъ поступокъ Иоанна, внушенный ему столько же мстною сколько и политикою, потому что онъ видѣлъ въ Ганзейскихъ купцахъ проповѣдниковъ духа матажа и неопомовенія, возбуждалъ противу Великаго Князя Ливонскій орденъ. Магистръ этого ордена, Вальтеръ фонъ Шлаттенбергъ, мужъ храбрый и благоразумный, воспользовался предложеніемъ Князя Литовскаго и, заключивъ съ нимъ въ 1501. году тѣсный союзъ, открылъ враждебныя дѣйствія противу Россіи тамъ, что захватилъ, ограбилъ и заточилъ въ темницу болѣе 200 нашихъ купцовъ, торговавшихъ въ Дерптѣ. Возгоралась жестокая война. Въ первой битвѣ на Сирницѣ Русскіе потеряли пораженіе; но потомъ близъ Гельмета разбили войнство Ливонское, ослабленное жестокою повальною болѣзнію. Этими однако не кончилась кровопролитіе. Оно продолжалось весь слѣдующій годъ съ равными ожесточеніемъ съ обеихъ сторонъ и уже не прежде, какъ въ 1503. году, заключено было между Магистромъ и Иоанномъ перемиріе на шесть лѣтъ. По прошествіи сего срока, въ 1509. году, Василій, преемникъ Иоанна, въ слѣдствіе особенной просьбы Императора Максимилиана, согласился заключить съ Ливонією мирный договоръ на 14 лѣтъ и освободить Ливонскихъ плѣнниковъ, а въ 1512. году этотъ договоръ былъ возобновленъ еще на 10 лѣтъ (см. Кар. И. Г. Р. Т. VI. стр. 262, 503 и 322 и Т. VII. стр. 25 и 419).

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

УКАЗАТЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ И ГЕОГРА-
ФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ, ВСТРѢЧАЮ-
ЩИХСЯ ВЪ I-мъ ТОМѢ БИБЛИОТЕКИ
ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О
РОССІИ.

	I. Бар- баро.	A. Ком- танийн.	A. Кам- пензе.	II. Го- нѣ.
Абусандъ		128		
Абхазія		77		
Августинъ		48		
Адріанъ VI.			10, 37, 39, 40	17
Азатъ, Азаны		45, 49		
Ази-Гирей	49			
Азіатская Сарматія			14	
Азовская земля	3			27
Азовское море				35
Азовъ				35
Аланія	6, 48, 55			
Аланы	6, 45, 55			
Александръ Великій		79		
Александръ, Кор. Мел.			19, 22	
Аленпо		48, 28		
Альцесы				23
Амаксовин				24
Андрей (Кандійскій)	1			

	I. Бар- баро.	A. Кон- тарини.	A. Кам- пезе.	II. Ио- анн.
Антіохи		93		
Анцира				26
Андолино Скарчіанко	46,47			
Араратъ (Ноева гора)		42		
Аристотель Болонскій		108		34
Аріанъ		28		
Арменія		41,44		26
Арсинганская долина		128		
Астутинъ		46		
Ась, народъ	6,35	15,		
Аусбургъ		125		
Ахиллесово поприще				24
Ахметъ	41			
В.				
Бакратъ	63	34,35, 68,128		
Бакинское (Каспійское) море	56	79	28	
Бактріана				15
Балтійское море			15	
Бальбо (Геронимъ) Епис.			38,54	
Барбаръ (Иосафатъ)		63,59, 66,81		
Барбаріго (Джозани)	7			
Бастарны				27
Батый			17	
Башкиры			15,26, 29	
Баззетъ			16,17	26
Бендіанъ	45	31-33, 60		
Берганскій (Матвій)		13		
Берцесіурхъ		15		
Бибери	44			

	I. Бар- баро.	A. Ком- тарици.	A. Кам- пензе.	И. Ио- ний.
Безагаць	14,21			
Большое море	6			
Бонъ (Монсей)	8			
Борисеенъ			27	27,35
Босфоръ Кимерійскій	49			
Бранденбургскій Марк.	63,	16		
Бранкалонъ		47		
Буза (напитокъ)	16,57			
Бузехъ		43,54		
		128		
Буранъ Каменьщикъ	16			
Бургундскій Герцогъ		60,63		
Бѣлая Россія				27
Бѣлградъ			41	
Бѣлграохъ		20		
Бѣлое озеро			28	
Бѣлыя озера				35
В.				
да Валье (Джіовани)	7,22			
да Валье (Франческо)	29			
да Вальдата (Антоній)		80		
де Вальканъ (Іоаннъ)		73		
Варшава	62	122		
Василій, Вел. Князь			15,19	17,51
			21,38	52
			42,54	
Вати	45	29,30		
		72		
Визонты				23
Виллакъ Норичскій				38
Вильна			18	38
Владиміръ				37
Владиславъ			19	
Волугчи			14,15	39
			26	
Волга. — Чит. Эрмль				

	I. Бар- баро.	A. Ком- тарии.	A. Кам- пензе.	П. Йо- ай.
Вологда			14	
Вязьма		118	27	
Вятка			14,26	
Г.				
Галатия				26
Гассанъ-Бей	41			
Гардское озеро	8			
Герасимовъ (Димитрий)				14,19, 21,40
Геродотъ	3			
Герциния				26
Герциньскій лѣсъ			80	23
Геты			16	27
Гибуть-Пересъ	27			
Гиперборейскія горы			29	31,35
Гипербор. Скиа	15		15	
Гирканское море				15,35
Горбога		30		
Горгора		72,78, 128		
Гори	55	38		
Готчаланы	55,56			
Готея	55			
Готем	55		16	32
Греческая сѣра	56	32		41-43
Грузія	45,53	33,34		
	65	40		
Грузун	49			
да Гуаскр (Антоніо)	50			
Гульбединны лѣм	12			
Гульбединъ	7			
Гурлу-Махметъ		45,54, 129		
Д.				
Двина Западная			21,27	35

	I. Бар- баро.	A. Ком- тарии.	A. Кам- пензе.	П. Ио- ний.
Двина Сѣверная				29
Дербентъ	8	79-82		
Деснина		86,113		
Джагатаи	60,61	128	16	
Джіудикскій (Александръ)	8			
Джіудекскій каналъ		126		
Днѣпръ (Борисѣенъ)		22,24	24,27	35
Донъ (Танаисъ)	9,14		24,27, 28	27,35 43
Драхмы	20			
Дунай	6			
Е.				
Евгеній IV.				41
Евсратъ		129		
Едигей	13			
Екатерина, Св.	8			
Ж.				
Жертвенники Алексан- дра Великаго				22
Житомиръ		20		
З.				
Забакское море	6,14			
Заволжская орда			16	
Загарин		45		
Загатаи				26
Занка			17	
Загузина		126		
И.				
Измаилъ Соеи				26
Иллирійскія писмена				47
Индіабу	11,12			
Индійскій Полуостровъ				15
Индъ				15
Инокентій IV.			17	

	Л. Бар- баро.	А. Кон- тарини	А. Кам- пензе.	П. Ио- анн.
Испаганъ		52,54		
И.				
Иена		124		
Св. Иеронимъ				47
Иоаннъ, <i>Вел. Князь</i>	57-59	104- 116	15,19, 22	51
Иоаннъ, <i>Кор. Датскій</i>			13	17
Иоаннъ Венгерецъ			37	
К.				
Казанская орда			16,25	36
Казанскіе Татары				25
Казанское царство			15	
Казань	60		28	35
Казимиръ, Кор.	63	17,18 118- 122	19	
		91,92		
Казимъ Ханъ				
Каиръ	7			
Кайтаки	45,63			
Каламита	50			
Кальтихел		30		
Кампеджіо (Кардиналъ)				22
Капелло		31,32		
Караманія		128		
Карелы			15,26, 29	
Каринтскія Альпы				38
Карлъ V			42	
Каза, <i>городъ</i>	49	26,27, 71		
Каза, <i>островъ</i>	48-51			
Кашанъ		52		
Кърино (Пьетро)	3			
Кевертейцы	45			
Керкеръ, <i>кр.</i>		26		

	Л. Бар- баро.	А. Кон- тарини.	А. Кам- пензе	П. Го- вд.
Керкиарде	49,53			
Кертибей	44			
Керчь	49			
Кечи-Махметъ	14,38,			
	39			
Кипчики	45			
Китай				47
Кіевъ		21,22	17,19	
Климентъ VII.			9	11,17
Климское княжество			25	
Клызма				37
Коломна	57,58	104		34
Колхида	44			
Комъ		51,52,		
		56		
Коннильно		14		
Константинь (военачаль- никъ Польскій)				58
Контарини (Амеросій)	3	11		
Контарини (Бенедетто)		11		
Контарини (Катеринъ)	7,8			
Контелло	7			
Конте (Николо)	3			
Корнаро (Франческо)	7			
Корнаро (Яковъ)	7			
Коцадагутъ	42,43			
Краковъ				38
Кремскіе Татары				25
Кремухъ	44			
Крынь	49			
Куманія	6,48			
Куманы	48			
Кутансь		33,34,		
		69,70,		
		75		

	І. Бар- баро.	А. Кон- тарини.	А. Кам- пенс.	П. Ю- вій.
Л.				
Ландо (Пьетро)	7			
Лапландія			14,15	
Лапландцы				28
Латеранскій сеймъ			37	17
Левъ X.			38	14
Ледовитый Океанъ				22
Лембергъ			20	
Ленчица		17		
Лересса		22		
Ливонія			15	27
Лигурійская колонія				25
Литовская землі	62	118- 122	19	27
Литовцы			18,19	
Люмбардо		47		
Лори, кр.		41		
Лудовикъ Болонскій, Па- триархъ Антиохійскій		59 - 117		
Лукубей		129		
Луцкъ		20		
Любекъ				38
Люблинъ		19		
М.				
Магометанская <i>спра</i>	13		17	
Маграманъ		21		
Мазубей		46, 129		
Максимилианъ			36	18
Малороссія		20		
Мареряки		44		
Мареска		70		
Св. Марія Аргонская (обитель)		126		

	К. Бар- баро.	А. Кон- тарини.	А. Кам- пензе.	П. Го- дий.
Св. Марія ди Граціа (цер.)		126		
Маркъ Поло	3			
Мархія	12			
Марса		31,71, 73		
Мацо		32		
Медел		30		
Медовое вино	16	90,111		50
Мезерицъ	63	17,123		
Менгли-Гирей	50-54			
Меотійская болота	6		16	
Меотійское море				35
Меотійское озеро			28	
Местра		14		
Мидія		78,128		
Мингрелія	44-47	31-40		
Св. Михаила Муранока- го монастырь		14		
Модоки				33
Можайское Княжество			21	
Моксы	60,61			
Монкастро	6,55			
Морахъ		28		
Москва городъ	57,58	104, 108, 111	14,23	83,37
Москва, рѣка	58	104, 109		33,24, 35
Московія			14,15, 28,27, 30-33	22,23, 27,39
Московское Государство			20-23; 27	
Московское Княжество			23	

	Г. Бар- баро.	А. Кон- тарини.	А. Кам- пензе.	П. Ло- мий.
Мосто (Алензий да) . . .	3			
Мосхи . . .				
Муртаза Ханъ . . .	53,54			
Н.				
Наурусь	13,16			
Неглинная				34
Негро (Фриа) Еписк. . . .			39	
Нетасъ		52		
Нижняя Россія				27
Св. Николай церковь въ Новгородѣ			22	
Николай (Nicolo da Leo- poli)		107		
Ниренбергъ		15,124		
		125		
Новгородское Княж.			22	
Новгородъ (великий) . . .	62	112	14,22	24,36
Новгородъ Нижний				34
Новела	16			
Ногаи			15,25	25
О.				
Оатесъ		30		
Ольмицъ Моравійскій . . .				38
Ока	57			34,35
Оксъ				15
Онъибенъ (Павель)		27		
Орша				53
Оттоманъ			18	
П.				
Павель, Капитанъ				14-19, 21
Павелъ, Дворянинъ		16		
Паганел	19			
Падуа		126		
Панафра	14			

	І. Бар- баро.	А. Кон- гарлин.	А. Кам- незас.	П. Го- мий.
Панъ Мартинъ		21-23		
Паноническая Вѣна	1			38
Пароцанизъ				15
Патріархъ Константиноп.			20	
Пеняжане				30
Пермь (народъ)				30,31
Персія		51-69, 129		
Печора (народъ)			14	30,31
Печоране			15,26	
Пигмен				29
Пираметъ		130		
Плоцкъ		123		
Плиній	3			13
Познанъ		17		
Польша	62,63	122, 123		
Помпоній Мела	3			
Пруссія				27
Прусское море			18	
Псковское Княжество			21	
Псковъ			21,27	38
Птоломей				13
Р.				
Ра (Волга)			15,24, 28	35
Равенна				38
Рига			27	38
Рифейскія горы			29	35
Родось			41	
Роксоланы				27
Россія		103, 112		
Россія Бѣлая		105		
Россо (Бартоломео)	7,8			

	І. Бар- баро.	А. Ко- таранн.	А. Ко- нскс.	ІІ. Го- нн.
Росоо (Марко)		63,66, 72,78		
Рубенское Княжество			25	
Румскисонъ		65		
Руссы, Россы			15,18, 20	
Рутены			20	
Руъ (Кардиналъ)				11
Ризанское Княжество			24	
Рязань	57,58	104		
С.				
Сабуровъ (Георгій)				52
Самаркандъ				26
Самотеты			18,19	
Сарматія			15,28	
Сарматское море				15,27, 38
Сарсона	49			
Себастьянъ		14		
Севастополь	45.			
Селингъ				25,26
Сена		51		
Сетинскій (Димитрій)		13		
Сиванса		77,78, 128		
Сигизмундъ			19,22, 38	17
Сиди-Хаметъ-Ханъ	13			
Сикценскій (Николай)				19.
Сирія	56	74		14
Скала		125.		
Скандеръ		85		
Скандинавія				32
Скаренскій (Епископъ)				22
Скварціанко (Анцоломъ)	46,47			

	I. Вар- баре.	A. Кон- тарини.	A. Кам- пече.	II. Го- лѣй.
Скиѣи Гиперборейская			15	
Скиѣскій Океанъ			15	23,29
Скиѣи				24
Слѣпинъ	62	122		
Смоленское Княжество			21	
Смоленскъ		118	21	38
Собайцы	45			
Сордіана				26
Солинъ	3			
Соломонъ, вел. Кн.				52
Сомъгати	42,53			
Сольдадіи	49			
Св. Соѣи Храмы въ Новгородѣ				36
Соѣи, вел. Кн.				51
Сграбонъ				13
Сграва	8			15
Суздальское Княж.			15,25	
Султанія		50		
Султанъ Хамъ		45,129		
Сура, рѣка				36
Сурцикумъ				36
T.				
Тавризмъ		44,48, 60,63, 129		26
Таврскія горы		44		
Талу-богатырь	28			
Тамбуланъ				26
Тамерланъ	56		16,17	
Тана	35,15	91,		
	14,32	102		
Тѣнансъ, или Донъ	9,14, 24		15,24, 27,28	27,35
Татакозы	45			

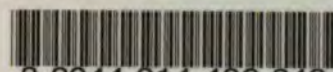
	І. Бар- баро.	А. Ком- тариин.	А. Кам- пензе.	П. Го- вн.
Татарія	6	79		
Татарская Большая орда		97-99		
Татары Западные и другіе			15-18	24-27
Тверское Княжество			24	
Тверь			24,28	37
Темиръ-Кутлу			16	26
Теринъ	20			
Тетари	47			
Теста (Степанъ)		13		
Тигрисъ, р.	65	67		
Тина		28		
Тялисъ	65	67,79		
Тотца				32
Трапезонтъ	28	32,48		
Тревиза				38
Тревизаны (И. Батистъ)		106		
Трентъ		125		
Трифонъ		108		
Троки	42	118		
Туркоманія		128, 129		
Туркменды		44		
Тюменскія равнины	14			
Тюмень	56			
У.				
Узунъ-Гассанъ		11,41, 43,53, 55-65, 128- 130		
Улубей	49			
Улу-Махметъ-Ханъ (ве- ликій Махметъ)	13,38			
Устюгъ			14,26	30

	І. Бар- баро.	А. Кон- тарини.	А. Кам- пейзе.	ІІ. Ю- лий.
Ф.				
Фазисъ, <i>городъ</i>		31,32, 71		
Фазисъ, <i>рѣка</i>	45	80		
Фердинандъ, Эрцгер. Австр.			38, 36	41
Флорентійскій соборъ	12			
Франкскія ямы	63	16,17, 124		
Франкфуртъ на Одерѣ				
Х.				
Хаджи Лаокеръ		48,51		
Хазарія	6,49			
Халциханъ		72		
Хебехци	43			
Хельиское Княж.			25	
Херегаъ (Францискъ)				19
Херсонскъ Золотой				32
Херсонскъ Киммерійскій				27,38
Херсонскъ Таврическій				24
Хиагри		42		
Холмогоры				20
Христіернъ				17
Ц.				
Цитратанъ	14,53, 56	90		15,85
Цубецуложское Княж.			25	
Цукала	48			
Ч.				
Черемисы			15,26, 29	
Черкасы, <i>селеніе</i>		24		
Черкесія	14,45			
Черкессы	86			
	29/30			

	І. Бар- баро.	А. Ком- тарини.	А. Кам- писке.	ІІ. То- бий.
ІІІ.				
Шамаха		72,78, 128		
Шаховенское Княж.			25	
Шибанские Татары				25
Ширасть		45,128		
Шухерцовское Княж.			24	
Э.				
Эвксинский Путь				35
Эдельмугъ	23,40, 41			
Элисъ, рѣка	6			
Эминнахъ - Бей	50,51, 53			
Эней, Архіепископъ			37	
Эрдиль, Эдиль, или Волга	6,14, 53-57	87,101	28	35
Эсминильскій перепутье	48			
Ю.				
Югры			15,26, 29	30
Ютъ, рѣка				30
Юлій П.			37	17
Юсузъ	43			
Я.				
Ягелонъ			18,19	
Ягартъ				26
Ярославское Княж.			24	
Яуза				34
Ѳ.				
Ѳеодосія				25
Ѳома Палеологъ		86		51

Въ 1-й томъ Библіотеки Иностранныхъ Писателей о Россіи вырвалось нѣсколько опечатокъ. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей преимущественно на слѣдующія:

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
I. Барбаро			
59	24	свой (74).	свой.
60	7	(70)	(74)
A. Контарини			
22	11	1200 всадниковъ	200 всадниковъ
II. Іовій			
30	17	Въ 60 мѣлахъ	Въ 600 мѣлахъ

3 2044 014 492 243

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE

NOV 14 1993

WIDENER
WIDENER
SEP 10 1994
BOOK DUE
BOOK DUE

WIDENER
SEP 10 1994
BOOK DUE

WIDENER

SEP 12 2002

CANCELLED

ED